Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов В. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Емельяников С. П.
Жирмунский В. М.
Ибрагимов М.
Кербабаев Б. М.
Конрад Н. И.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Самарин Р. М.
Семпер И. Х.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ТЕАТР ФРАНЦУЗСКОГО КЛАССИЦИЗМА

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

ЖАН РАСИН

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1970

Вступительная статья
Антуана Адана

II (Фр)
Т30

© Скан и обработка: glarus63

ТЕАТР КОРНЕЛЯ И РАСИНА

Знакомя советских читателей с избранными пьесами Корнеля и Расина, мы отнюдь не считаем эти произведения «литературными памятниками», чуждыми интересам наших дней.

Было время, когда произведения этих двух великих писателей истолковывались как выражение определенных вкусов, связанных с обществом старинной французской аристократии, превыше всего ставившей изящество и благородство — качества, которые, претворяясь в стиль, представляются нам крайне искусственными и не имеющими истинной ценности. Однако подлинные достоинства этих пьес заключались совсем в ином, и мы в этом сейчас твердо убеждены. Вот с этой новой точки зрения нам и надлежит рассмотреть театр Корнеля и Расина.

Начнем с того, что французская трагедия XVII века — это трагедия *героического действия*. Приемлем мы это или нет — но это так. Она строжайшим образом изгоняет всякую лирику и всякого рода философские рассуждения. Герои трагедии — это люди, которые, вольно или невольно, вовлечены в действие. Им предстоит решить проблему героического действия, они принимают решение и осуществляют его. Родриго должен сделать выбор между честью и любовью, Андромаха между верностью памяти Гектора и жизнью своего ребенка.

Это театр более человечный, в строгом смысле слова, и более земной, чем всякая другая форма драматического искусства. Быть может, именно по этой причине многие выдающиеся люди хотя и восхищаются им, но принимают с некоторыми оговорками. Им больше нравится наблюдать трагического героя в борьбе с неодолимыми силами,— будь то воля богов, как в греческой трагедии, или Рок, или порабощающая власть наследственно-

---

Статья «Театр Корнеля и Расина» написана видным французским литературоведом, профессором Сорбонны Антуаном Аданом специально для нашего издания.

сти, как в «Привидениях» Ибсена, или столкновение огромных человеческих масс, устремленных в будущее, с силами прошлого. Здесь иное: герои Корнеля и Расина борются со своими собственными страстями.

Этот тип трагедии, чисто земной и человечный, стал французской классической трагедией, и Корнель первый запечатлел его характерные черты. Его герои вызывают восхищение своим подлинным величием, своей энергией, неотделимой от простой человечности. Долгое время мы их плохо понимали. Мы видели в корнелевских героях воплощение холодной и твердой воли, всецело направленной на выполнение того, что они считали своим долгом. Такое понимание, несомненно, было ошибочным. Герои Корнеля — люди, наделенные страстями. Для Родриго в «Сиде» честь дорога не меньше, чем Химена; у молодого Горация любовь к родине — это не просто сознание долга, но высокая страсть.

В этом свете мы и должны рассматривать трагедии Корнеля. И тогда перед нами раскроется жизнь во всей ее чудесной и трагической напряженности. Величественные фигуры корнелевских персонажей не менее человечны, чем толпы иных героев. Они человечны даже в большей мере, ибо, жестоко страдая, преодолевают свои сомнения, колебания, муки с мужеством возвышенных натур.

Как можно разделять мнение о том, что герой Корнеля цельная, но холодная натура, когда мы читаем сцену, где Родриго и Химена встречаются первый раз после смерти графа? Этот мучительный крик сердца — страстный спор героического самоотречения и любви, внезапно прорывающаяся нежность, с трудом одержанная победа — все это свидетельства такой высокой человечности, что сцена потрясает душу. И то же в «Полиевкте». Паулина осмеливается признаться тому, кого она когда-то любила, что ее рассудок — иными словами, долг супружеской верности — не заглушил в ней прежней любви и что ее сердце по-прежнему волнуют те же чувства и она подавляет их ценой жестоких усилий.

Столь частая ошибка в понимании характера корнелевского героя объясняется, быть может, тем, что наиболее ярким воплощением этого героя считался образ молодого Горация. Однако достаточно без всякой предвзятой мысли прочесть сцену, где он объясняется с Куриацием (II, 3), и мы увидим, что этот образ нисколько не соответствует представлению Корнеля о героическом характере. Образ Горация построен на преувеличении. Корнель подавил в нем всякое человеческое чувство. Он более не человек, он—«варвар», и Куриаций произносит это слово. Куриаций же остается человеком. Он не менее мужествен, в нем не меньше решимости исполнить свой долг. Но он страдает и не стыдится своих страданий, думая о предстоящей борьбе с людьми, которые связаны с ним самыми дорогими узами.

Почему случилось так, что в трагедиях, исполненных самой высокой человечности, критики видят лишь отвлеченные построения ума? Почему говорят о «диалектике корнелевского героя»? Истина бесконечно более

проста и прекрасна. Чтобы судить о шедеврах искусства и литературы, мы всегда должны помнить о том, что они суть наивысшее выражение определенного исторического момента, момента жизни того общества, в недрах которого они создавались, и что произведения эти велики лишь в той мере, в какой они смогли выразить глубинные силы своего общества и своего времени. Греческая трагедия — это греческий полис с его кровавыми мифами и потребностью в искуплении. Шекспир — это елизаветинская Англия. И если «Война и мир» Толстого — шедевр непреходящей ценности, обращенный ко всему человечеству, это прежде всего потому, что великий писатель сумел гениально выразить душу России в трагический момент ее истории.

Причины того же порядка составляют ценность и трагедий Корнеля. Ибо достаточно изучить Францию времен Ришелье, чтобы понять, что герои Корнеля ни в коей мере не являются выражением свободного вымысла художника, но что они воплощают собой некий человеческий идеал, к которому стремились приблизиться лучшие его современники.

Чувство чести, воодушевляющее молодого Родриго,— это своего рода культ, исповедуемый в те времена французской аристократией, культ нелепый из-за своих крайностей, которые абсолютизм пытался пресечь. Но как раз в ту эпоху, когда Корнель создавал свои шедевры, культ чести получил особенно широкое распространение, и, какая бы кара ни грозила нарушителям указа о запрещении поединков, молодые аристократы предпочитали смерть или изгнание неотмщенному позору. Создавая «Горация», Корнель отнюдь не измышлял темы принесения в жертву самых естественных человеческих чувств — любви, дружбы, священных семейных уз — во имя грозных требований Государства. Существовала целая доктрина, навязанная неумолимым Ришелье, доктрина бесчеловечная, в угоду которой молодому Де Ту отрубили голову, хотя все его преступление состояло в том, что он не выдал своего друга. И было вполне естественно, что Корнель раскрыл в своей трагедии все стороны и последствия этой доктрины.

Одна из трагедий Корнеля, включенных в настоящий том, представляет для современного читателя трудность особого рода. «Полиевкт», так же как «Сид» и «Гораций»,— это трагедия героизма, но на этот раз героизма религиозного. Чтобы доказать свою беззаветную преданность христианской вере, Полиевкт решает низвергнуть языческих идолов, отлично зная, что за это он будет немедленно предан мучительным пыткам и казни. Нельзя не содрогнуться перед этой решимостью героя. Подчиняется он не закону своей церкви. Более того, он действует вопреки этому закону: церковные власти запрещали христианам совершать во имя веры столь безрассудные и бесполезные поступки, ибо их единственным результатом было усиление преследований. Однако Полиевкт такой поступок совершает.

Всякая трудность в понимании этой трагедии исчезает, как только мы поставим ее в связь с общим религиозным направлением эпохи. Поли-

евкт, образ которого нам представляется столь странным, в действительности — христианский герой, каким его понимали в католической Европе со времен борьбы с протестантством. Он не намерен повиноваться закону, обязательному для толпы верующих. Он занят лишь мыслями о личной славе, которую стремится завоевать героическими подвигами. Чтобы понять это, надо вспомнить картины, какие мы видим в церквах барокко во Франции и в Италии, изображающие святого, который в сопровождении ангелов с триумфом возносится на небеса, где его встречает Христос. Так что и эта трагедия Корнеля является отражением своего времени, его устремлений и нравственных идеалов.

Когда трагедию Корнеля так тесно связывают с современным ей обществом, может показаться, что ее лишают тем самым значения мирового шедевра и что ей уже нечего сказать нам сегодня. Но мы должны строго различать два рода литературных произведений: те, которые воспроизводят лишь внешние и случайные черты социальной жизни, и те, которые, напротив того, обращаются к самым глубоким проблемам своей эпохи. Ибо эти проблемы являются постоянными и общими для всех людей. И для эпохи Корнеля, и во все времена было и будет истинным, что человек в какие-то определенные, решающие моменты своей жизни должен сделать выбор не только между добром и злом, но и между вступающими в противоречие требованиями дружбы, любви, родины, человечности. Величие Корнеля в том, что он передал весь трагизм этого выбора и в то же время раскрыл гуманистическое значение проблем, с исключительной силой вставших тогда в сознании французов.

Творение глубоко гуманистическое, трагедия Корнеля является в то же время прекрасным произведением искусства; поэтому изучение ее художественных особенностей представляет для нас значительный интерес. Наши познания и суждения в этом вопросе за последние полстолетия сильно изменились. До этого времени полагали, что французский классицизм достиг своего расцвета только после 1660 года, в эпоху правления Людовика XIV, и что доктрина классицизма ждала Буало, чтобы быть четко сформулированной. Корнель считался еще предтечей классицизма, с неизбежными нарушениями правил и поисками путей. Мы знаем сейчас, что такое толкование корнелевской трагедии проистекало из ряда ошибок.

Классическая концепция трагедии возникла не во времена Буало, после 1660 года; она сформировалась между 1625 и 1630 годами и постепенно завоевала признание публики между 1630 и 1640. К этой последней дате она победила полностью и окончательно. Написанные именно в 1640—1642 годах великие трагедии Корнеля «Гораций», «Цинна» и «Полиевкт» — это трагедии строго классической формы, столь же совершенные, как и те, что Расин подарит театру двадцать пять — тридцать лет спустя.

В наши дни уже известно, что французская классическая трагедия родилась не из преклонения перед поэтикой Аристотеля. Она возникла как реакция против совсем недавней для того времени формы драматического искусства — трагикомедии. Последняя видела главный интерес пьесы в богатстве интриги, в нагромождении непредвиденных случайностей, в разнообразии и силе театральных эффектов. Она допускала на сцене дуэли, убийства, насилия, похищения. Она считала, что драматический интерес должен преобладать над всеми правилами, больше того, что он сам является единственным правилом. Она без всякого смущения растягивала время действия на долгие годы и переносила зрителя за сотни лье, в самые различные страны.

В пору дебютов молодого Корнеля доктрина трагикомедии способствовала созданию произведений интересных, забавных, живых. Но она слишком очевидно приводила к легковесности, ей недоставало взыскательности и строгости. Как протест против этих недостатков, а не во имя подчинения Аристотелю, и возникла доктрина классицизма.

Эта доктрина видела в трагедии творение величественное и благородное, проникнутое высокими нравственными идеями и, как тогда говорили, «интересами Государства»,— иными словами, самыми важными вопросами политической жизни. Сюжеты же «романические», взятые из литературы чистого вымысла, совершенно устранялись. Доктрина классицизма требовала, чтобы сюжеты заимствовались из истории, и предпочтительно из истории древнего мира. «Гораций», «Цинна», «Полиевкт» подчиняются этому главному закону. В основе трагедии «Гораций», представляющей собой эпизод из Римской истории, лежит главенствующий «интерес Государства»; требование патриотического долга вступает в столкновение с интересами семьи, дружбы и любви. «Государственный интерес» определяет также и сюжет «Цинны», ибо там встает вопрос о том, дозволено ли убийство тирана и, в отношении Августа, всегда ли суровость предпочтительнее, чем просвещенное милосердие. В «Полиевкте» вопрос «государственного интереса» не ставится. В основе трагедии лежит моральная проблема, проблема принесения в жертву всех земных интересов во имя некоей возвышенной идеи, которая в эпоху Корнеля именовалась Богом.

С другой стороны, классическая трагедия начиная с 1630 года провозгласила строгое единство. Она требовала единого действия, которое развивалось бы в чисто психологическом плане, действия цельного, без второстепенных эпизодов, без неожиданных событий, обусловленных случайностью. Но и это действие замыкалось в очень узкие рамки. Решение, которое герой должен был принять, не стояло перед ним месяцы или годы, дабы он мог, постепенно осуществляя свое намерение, предусмотреть все его последствия. Он должен был решиться мгновенно и в тот же день это решение выполнить. Требовалось даже, чтобы действие происходило не

только в одном и том же городе и одном и том же доме, но и в одной и той же зале. Рассмотрим с этой точки зрения композицию трагедий «Гораций» или «Полиевкт». Одно и то же место, одно и то же действие, которое начинается с утра и завершается полностью в течение дня. Единый сюжет, помимо которого ничего не существует: Гораций, внимающий призыву родины, Полиевкт перед лицом мученической смерти.

Вот в каком духе должны мы понимать правило *трех единств*, в котором долгое время видели сущность доктрины классицизма и в котором историки не сумели разглядеть ничего, кроме своего рода литературной ортодоксии. В то время, как трагикомедия искала напряженности действия в расщеплении сюжета, авторы трагедии с самого начала провозгласили принцип прямо противоположный: действие тем напряженнее, чем оно сосредоточеннее. Тит Ливий говорит о трех Горациях и трех Куриациях. Корнель не может не упомянуть об этом, но он выводит на сцену только одного Горация и одного Куриация. Действие должно было естественно перенестись из дома Горациев на поле боя, где лицом к лицу сходятся две армии. Корнель остерегается уступить этому искушению, ибо он знает, что в результате рассеялось бы наше внимание. В «Горации», так же как и в «Цинне» и в «Полиевкте», драма развертывается в течение нескольких часов, и именно за эти несколько часов должна решиться судьба героев. Драматическое напряжение доходит здесь до своей кульминации.

Наконец классическая трагедия, с первых же своих шагов, то есть с 1630 года, строго запрещала использовать на сцене какие бы то ни было «физические действия», которые могли бы вызвать волнение зрителя. Трагикомедия, напротив того, злоупотребляла этими средствами, и пьесы изобиловали трупами, ударами шпаги, пленниками, закованными в тяжелые цепи. Трагедия с самого начала презрела подобные эффекты. Она знала, что искусство — это не просто подражание внешней реальности, но прекрасное и волнующее выражение мыслей и чувств. Корнель очень строго придерживался этих принципов. Мы не видим молодого Горация на поле боя. Мы не видим Полиевкта, низвергающего языческих богов.

Когда мы смотрим «Сида» или внимательно читаем этот первый шедевр Корнеля, мы не можем не видеть, что он несет на себе следы иных забот. Сюжет взят не из древней истории, он заимствован из испанской литературы и, следовательно, «романичен». Тема любви двух юных существ и фамильной вражды, которая безжалостно разлучает их,— это тема, проходящая через всю «романическую литературу» нового времени, — романы, испанские драмы, французские трагикомедии.

Единства в этой пьесе со всей точностью не соблюдаются. Длительность действия не ограничена рамками одного дня. Оно длится день, ночь и следующее утро. События происходят не в одном зале, но в трех разных местах: это дворец короля, дом Химены и улица. Наконец пощечина, данная графом старому дону Дьего и вынуждающая последнего схватиться

за шпагу, запрещена правилом «благопристойности», потому что оба эти действия — суть внешние проявления чувств.

Вначале мы испытываем удивление. Но если бы мы обратили внимание на заголовок пьесы в первых изданиях, наше удивление рассеялось бы. «Сид» — не трагедия. Это — трагикомедия, что вполне естественно, так как пьеса была написана в 1636 году и ставилась в первой половине января 1637 года, когда трагедия еще не вытеснила со сцены трагикомедию.

Вышесказанное делает совершенно понятной концепцию «Сида». Трагикомедия искала сюжеты в литературе «романической» и современной. Вот почему Корнель заимствовал свой сюжет из незадолго до того появившейся испанской пьесы Гильена де Кастро. Трагикомедия не придерживалась строго правил «благопристойности». Жест графа, дающего на сцене пощечину дону Дьего, был бы невозможен в трагедии. Но в трагикомедии он был совершенно естествен.

Что же касается «трех единств», то в «Сиде» они имеют значение, о котором историки литературы долгое время не подозревали. Они говорили, что в «Сиде» правила трех единств соблюдаются непоследовательно и неточно. Истина заключается в другом. Когда трагикомедия желала подчиняться правилам, она истолковывала их так, как это было ей нужно и как это делали в итальянских пасторалях, в частности, в «Аминте» Торквато Тассо. Единство времени не ограничивало его длительность одним днем, между восходом и заходом солнца, оно расширяло пределы времени до двадцати четырех часов, которыми автор имел право свободно располагать. Точно так же и единство места не замыкалось одной только залой. Действие происходило в разных местах одного и того же города. Если иметь в виду такое толкование трагикомедией правил трех единств, мы поймем, что в «Сиде» Корнель отнюдь не грешил против этих правил, а применял их так, как это тогда разрешалось, потому что его пьеса была не трагедией, а трагикомедией.

Современному читателю эти соображения могут показаться лишенными интереса; в заботе о точном соблюдении правил он увидит чуждый нам формализм. На подобное мнение можно дать двоякий ответ.

Когда мы читаем произведения писателей прошлого, то для того, чтобы лучше понять их и оценить, нам нужно постигнуть образ мышления той эпохи, сродниться с ним и, так сказать, проникнуться той концепцией, из которой исходил автор. Ибо современники Корнеля были убеждены, что литературное произведение не может быть произвольным выражением фантазии художника, что художнику не пристало следовать собственным прихотям, что существуют определенные «жанры», иначе говоря — рамки и формы, которые имеют свои правила, и что писатель обязан неукоснительно следовать им, если не хочет, чтобы литература впала в хаос. И это не пустой формализм. Это дух точности и дисциплины.

С другой стороны, Корнель и его современники сознавали, что правила классической доктрины их стесняют. Но вместе с тем они были убеждены, что эти ограничения благотворны. Они знали, например, что единство места и закон «благопристойности» запрещают всякого рода сценические эффекты, которые имели бы у публики успех. Им приходилось заменять непстовые патетические сцены рассказом вестника, создавать роли наперсников и слуг, в которых они отлично видели характеры, лишенные драматизма. Мы знаем, что писателям это было известно, потому что они не раз сами об этом говорили. Но все они, и в первую очередь Корнель, чувствовали, что принудительные ограничения, вводимые поэтикой классицизма, благотворны для развития таланта и возвышают их над обыденностью. Ограничимся одним примером. Корнель, который не мог показать зрителю бой между Горациями и Куриациями, создал другую, гораздо более сильную драматическую сцену. Старый Гораций и женщины, оставшиеся дома, бурно переживают события поединка и заставляют нас их сопереживать. Мы проходим через те же чувства. Вместо грубого зрелища перед нами высоко патетическая сцена и, следовательно, произведение подлинно прекрасное.

Наряду с этими тремя наиболее прославленными трагедиями Корнеля в настоящий том включены две наиболее известные его комедии: «Иллюзия» и «Лжец».

У нас создалось бы поистине неполное представление о блистательном гении Корнеля, если бы мы познакомились только с его трагедиями. Одна из наиболее удивительных особенностей Корнеля — это, пронесенное через всю его жизнь, стремление творить во всех жанрах. Впервые Корнель дебютировал в театре комедией «Мелита» и через пятнадцать лет вновь подарил публике несколько комедий.

Его первыми пьесами были «комедии нравов», где он выводил на сцену современные типы молодых людей и девиц. Там можно было увидеть забавные ситуации, тонко очерченные характеры, мягкий комизм, который вызывал улыбку. «Иллюзия» не является в строгом смысле комедией этого рода; создается впечатление, что Корнель просто хотел доказать ею виртуозность и изобретательность своего таланта.

В первом действии отец обращается к волшебнику, желая узнать судьбу пропавшего сына. Тот развертывает перед ним картины жизни, прожитой его сыном, и эти сцены составляют содержание второго, третьего и четвертого действий; действие же пятое, благодаря новой транспонировке, содержит события не пережитые, а сыгранные героем на сцене, когда он стал актером.

В наше время пьесе «Иллюзия» придают значение гораздо большее, чем в прошлые годы. Ибо наши современники любят подобную игру отра-

жений, переходы из одного плана в другой, сочетания реального и воображаемого. Им нравится это потому, что они, даже сами, пожалуй, того не подозревая, возвращаются порой к эстетике барокко. «Иллюзия» и есть пьеса барокко. Именно в этом смысле она нас ныне и интересует.

Комедия «Лжец» отвечает другим намерениям автора. Корнель написал ее в 1642 году, когда комедии, подражающие испанским, снискали себе на парижской сцене шумный успех. «Лжец» — это переделка пьесы Аларкона «Verdad sospechosa»[1], впрочем, переделка весьма свободная. Действие пьесы развертывается в Париже, в Тюильри и на Королевской площади. Тысяча подробностей напоминает нам, что мы во Франции. Но интересно наблюдать, чем становится испанская комедия, перенесенная во Францию эпохи расцвета классицизма.

Больше всего поражает то обстоятельство, что Корнель сохранил, насколько это было в его силах, очарование испанского театра того времени. Он умножает неожиданности, счастливые встречи, веселые эпизоды. Его «Лжец» весь построен на недоразумениях. Мы присутствуем при свидании ночью под окном красавицы. Персонажи пьесы напоминают героев испанской комедии. Мы видим молодых кабальеро, остроумных девушек, снисходительного старика отца, пронырливого слугу. Мы еще очень далеки от мольеровской комедии.

Об этой стороне пьесы «Лжец» следует помнить, если мы хотим почувствовать ее оригинальность Но еще более важно обратить внимание на необычайное мастерство диалога. Именно это качество и делает «Лжеца» шедевром. Комедия очаровывает нас сверканием образов, непрерывно бьющим фонтаном остроумных и веселых фраз. Язык комедии исключительно богат. Более свободный, чем в своих трагедиях, Корнель показал себя в этой пьесе художником огромного дарования.

Когда, изучив главные трагедии Корнеля, мы приступаем к чтению лучших произведений Расина, мы прежде всего видим, что и те и другие подчиняются неким общим принципам. Их сюжеты заимствованы из истории. Они выводят на сцену королей и принцесс. Трагическое действие развертывается со строгой последовательностью в пределах одного места и одного дня. Тон неизменно благородный. Драматургическое построение весьма сходно.

Но очень скоро мы замечаем, что характеры Расина напоминают характеры Корнеля не вполне, что вызываемый ими интерес не один и тот же и что чувство трагического совершенно иное. Под видом внешнего подобия нам предлагаются две совершенно различные концепции трагедии.

---

[1] «Сомнительная правда» (*исп.*).

Между эпохой, когда Корнель ставил свои шедевры, и эпохой трагедий Расина общественные настроения во Франции изменились в такой мере, что сейчас это даже трудно себе представить. Франция Корнеля — это Франция Ришелье, энергичная, суровая, воодушевленная идеей величия Государства. Далее следует Регентство Анны Австрийской и вскоре — Фронда. Монархия восстанавливает свою власть. Но французы не забыли ужасающих бедствий той смутной поры. Заботу о судьбах государства они предоставляют теперь королевской власти. Это их больше не интересует. И уже не существует того, что называлось во Франции духом гражданственности.

Отсюда сразу же проистекает вывод, объясняющий трагедии Расина. В них уже не найти великих «интересов Государства», с каковыми мы встречались в трагедиях Корнеля. Теперь французов привлекает волнующая картина страстей, борьба любви и ревности, душевные переживания.

Их не только не интересуют уже события политической жизни, они не верят больше в героизм. Слишком много перевидали они так называемых героев Фронды; они убедились теперь, что героические позы обманчивы, что за ними скрываются мелкие интересы, эгоистический расчет. После Фронды герой Корнеля не соответствовал больше представлению о великом человеке.

Параллельно этой эволюции политических взглядов происходят глубокие перемены и в области нравственной философии. Эпоха Корнеля верила в абсолютное могущество свободной воли. Она верила, что человек всегда волен в выборе того, что ему представляется наиболее великодушным, наиболее бескорыстным, наиболее героическим, и что он принимает решение, руководствуясь глубоким и естественным побуждением души. Сама любовь подчиняется этому великому закону. Это не страсть, но свободный выбор и героический порыв. Если Родриго любит Химену, то потому, что он видит в ней воплощение не только всего самого прекрасного, но и всего самого благородного и великодушного в жизни.

Новая философия, вдохновляемая Декартом или Гассенди, больше не верит свободе. Она полагает, что человеком владеет великая сила, которая называется «само-любие», иными словами любовь к себе (amor proprius), и которую мы бы теперь назвали «жаждой жизни». Нам никуда от этого не уйти, и когда нам кажется, что мы совершаем бескорыстный поступок, на самом деле нами неизменно владеет та же «жажда жизни», будь то стремление к власти или желание славы. Даже любовь — не что иное, как стремление обладать.

Мы всецело во власти этой силы, мы преисполнены страстей. Мы не вольны любить или не любить, мы часто любим тех (и знаем это), кто нашей любви недостоин. Эти взгляды возмутили бы зрителей, аплодировавших «Сиду» и «Горацию». Но они казались бесспорными поколению Расина.

Одновременно и само понимание трагедии коренным образом изменилось. Никто не стремился более возбуждать у зрителя чувства восторга

и восхищения. Трагедия должна была волновать картиной страстей, поработивших и терзающих душу, видом несчастных, которые не в силах подавить в себе чувства, коих они стыдятся, или не могут сделать выбор между двумя противоборствующими страстями и уступают в конце концов силам, которых не могут победить. Не различие в построении сюжета составляет истинную разницу между Корнелем и Расином, но их представление о трагическом герое, о природе человека вообще.

Эта истина блистательно проявилась в первом же шедевре Расина, в «Андромахе» Рассмотрим поочередно персонажей этой трагедии — и обнаружим, что они являются прямой противоположностью героям Корнеля. Пирр, преследующий Андромаху своей любовью, находит естественным предложить ей своего рода сделку, он хочет принудить Андромаху к насильственному браку, грозя в противном случае выдать ее сына грекам. Чувство Гермионы так исступленно, что она спрашивает себя самое — любит ли она или ненавидит; слова эти показались бы пустой риторикой у Корнеля, но здесь они приобретают вполне определенный смысл, если вспомнить, что для Расина и всего его поколения любовь — это жажда обладания, и она готова перейти в ненависть, как только наталкивается на отказ. Сама Андромаха — пассивная жертва двух противоречивых сил, которые разрывают ей сердце. Она — безутешная вдова Гектора и мать Астианакса. Она должна сделать выбор, и она не в силах на этот выбор решиться. В этом трагизм ее роли.

С этой точки зрения следует рассматривать и «Британика». Создавая эту трагедию, Расин, несомненно, желал дать отпор своим врагам, которые после «Андромахи» обвиняли его в том, что он не способен, в отличие от Корнеля, разрабатывать высокие сюжеты. Вот потому-то он и сталкивает Нерона и Агриппину. Но приглядимся к ним ближе. Расина интересует в Нероне не император и владыка мира, а человек, и портрет его поражает неслыханной смелостью. Его страсть, мы не осмеливаемся сказать — любовь, к Юнии отмечена чертами, позволяющими говорить о садизме. Он охвачен внезапным яростным влечением потому, что видит, как глубокой ночью, при свете факелов, ее ведут солдаты — всю в слезах, с разметавшимися по плечам волосами. Этот владыка мира в действительности — молодой развратник; он борется против власти своей матери, он хочет от нее избавиться и избавляется наконец ценою преступлений. Чудовищная картина, которая предвосхищает самые смелые представления нашего времени о глубоких корнях порока!

Подобным же образом и Агриппина отличается от всех цариц, которых выводил в своих трагедиях Корнель. Несмотря на кажущееся величие, в ней нет уже сознания своего могущества. Это всего лишь старая женщина, она чувствует, что сын ускользает из-под ее власти, сын, в котором она видела свое второе «я», ради которого она совершала преступления, ибо он — ее плоть и кровь, и жизни их нерасторжимы.

Когда Расин писал «Андромаху» и «Британника», он верил в тиранию страстей и открыл их источник в нас самих. Когда он ставил «Федру», он имел в виду тиранию совсем другого рода, тиранию Судьбы, богов. Если Федра таит в своем сердце любовь, которая, как она знает, преступна, это — воля богов. Она принадлежит к про́клятому роду и не может сделать ничего, чтобы избежать своей судьбы.

В таком изображении человеческих страстей и заключался решительный шаг, приведший к обновлению французской трагедии.

Трагедия Корнеля явилась величественным утверждением воли и энергии человека, и сущность ее выражалась в свободном героическом действии. Расин же, создавая «Федру», воскресил античную идею Рока. Он изображал жизнь, раздавленную сверхъестественными силами, жертву одновременно пассивную и сознающую всю бесполезность борьбы против жестокой воли богов, всю невозможность предотвратить свою гибель.

Было бы неверно и несправедливо истолковывать этот возврат к греческой трагедии как искусственную попытку поэта-гуманиста подняться к истокам истории и воскресить мертвую литературу. Во французской литературе, в XIX веке особенно, существовали авторы, главным образом поэты, которые увлекались такого рода игрой. Но театр Расина вдохновляли более высокие стремления.

Греческий язык и литературу в ту пору знали исключительно хорошо. Греческих трагиков читали просто с листа. Греческие лирики были известны в той же мере, что и римские элегические поэты. Но восхищались не только красотой стиха. В произведениях древних находили образ человека, в котором узнавали самих себя. Это не был человек, руководимый доводами рассудка и свободно выбирающий предмет своей любви. Нет, там была порабощающая власть страсти, беспомощность сердца, то подлинно трагическое, что новейшие писатели так плохо понимали, а Расин нашел у древних, после того как обрел его в собственной душе. Греческая мифология помогла ему осмыслить концепцию жизни, которую он извлек из своего жизненного опыта и опыта своих современников.

Он понял ее тем лучше, что был воспитанником Пор Рояля. Доктрина янсенизма чудесным образом соответствовала идее трагического в понимании древних. Между богословским учением о Благодати и Предопределении и античной идеей Рока существовало глубокое сходство. Боги *желали* гибели Федры — мысль, которая вначале способна поразить нас. Но разве бог Ветхого завета не говорил людям: «Я — тот, кто губит и кто спасает»? Проклятие, которое тяготеет над родом Миноса и Пасифаи,— не то же ли самое, что отягчает род человеческий со времен первого грехопадения? Догма оскорбительная для разума, из которой современный католицизм пытался выхолостить ее сущность, тогда как янсенизм на ней настаивал и доводил до крайних пределов. Это — догма, исповедуемая человечеством с древнейших времен, догма древних иудеев, догма греков эпохи

Эсхила и Софокла. Янсенист Расин развивает тезис, в справедливость которого он глубоко верит, когда делает нас свидетелем жалоб, смятения души и гибели Федры, караемой за преступление, в котором она неповинна, и когда вынуждает ее совершить преступление, внушающее ей ужас.

Итак, Расин воскрешает в своих трагедиях, и в первую очередь в «Федре», чувство трагического. Но мы должны остерегаться превратного истолкования этого чувства. Случается так, что актеры, стремясь передать все неистовство страсти, смятение, отчаяние, тщетность всех усилий, позволяют себе неистовую жестикуляцию и дикие завывания. Федра, в исполнении некоторых трагических актрис, становится истеричкой, которая катается по земле перед Ипполитом и явно не владеет собой.

Невозможно грубее извратить смысл трагического у Расина. Заставляя судьбу вмешиваться в ход событий и показывая крушение человеческих жизней, раздавленных грозными таинственными силами, кои их окружают, Расин сообщает своему произведению то самое величие, которое восхищало нас в греческой трагедии. Федра не просто влюбленная женщина, это символ человеческого протеста против рабской зависимости от своей судьбы. Благородство патетики, отличающее греческую трагедию, присуще также трагедии Расина, и именно в этом свете мы и должны прочесть ее или дать ей сценическое воплощение.

Помимо указанных трагедий Расина, настоящий том содержит также его единственную комедию «Сутяги», произведение прелестное, которое остается забавным и по сей день. Только не нужно искать в нем серьезных намерений автора, ибо их там нет.

Говорилось, что Расин написал «Сутяг» как злую карикатуру на судейское сословие — прокуроров, адвокатов — словом, всех тех, кого звали тогда «судейскими крючками». Высказывались предположения, что писатель имел против них личную обиду, и это была своего рода месть.

Или же стремились найти в этой, такой веселой пьесе горечь, сухость души, холодную и молчаливую злобу, словно Расин был неспособен смеяться и смешить других.

Поведение французской публики на спектакле еще и сейчас доказывает, что зрители, напротив того, чрезвычайно чувствительны к комизму этой пьесы. «Сутяги» вызывают бурное веселье, и это вполне заслуженно.

Почему, впрочем, не поверить тому, что говорит о своей пьесе сам Расин? Создавая ее, он взял за образец комедию Аристофана «Осы». Ему захотелось посмотреть, как примут современные французы это подражание греческой комедии. Как и многие парижане, Расин часто посещал Дворец Правосудия, слушал защитительные речи адвокатов, наблюдал выступления судей. Он бывал там со своими друзьями. Они вместе смеялись над смешными нелепостями, свидетелями которых они являлись. Друзья и

уговорили Расина написать пьесу. Они сами принимали в ней деятельное участие, собирая материал, напоминая поэту забавные подробности и смешные словечки.

Расин превосходно понимал характер своей комедии. Он знал, что она не отвечает вкусам непримиримых доктринеров, которые хотели бы, чтобы всякая комедия строго следовала примеру Теренция, чтобы она создавала «характеры», иначе говоря, общечеловеческие типы и давала бы урок морали. Расин пренебрег этими требованиями — и прекрасно сделал. «Сутяги» — чудо веселости, остроумия, выдумки. Они лишены всякого рода педантизма. Вот почему пьеса жива и в наши дни.

Цель настоящего тома, содержащего лучшие и наиболее характерные произведения Корнеля и Расина, не только познакомить читателя с несколькими шедеврами прошлого. Если верно то, что классическая трагедия тесно связана с французским обществом XVII века, иными словами, с обществом, резко отличающимся от нашего,— верно также и то, что шедевры Корнеля и Расина входят в сокровищницу мировой культуры, являясь достоянием всего человечества, всех народов и всех веков. Мы, разумеется, не считаем, как это ошибочно делали некоторые критики, что классическая трагедия представляла собой окончательный, совершенный, раз и навсегда данный тип трагедии, образец для подражания последующих эпох. Мы не придаем большого значения теории трех единств. Еще меньше мы думаем о том, что на сцене обязательно должны действовать только цари и герои. Но ведь сущность трагедии была не в этом: она заключалась в истинности страстей, в правдивом изображении героической, терзаемой муками души, в создании образов, в которых мы можем найти переживания, свойственные всем людям, но данные в наивысшем их проявлении. В трагедиях классицизма мы восхищаемся также эстетикой, которая запрещает приемы, рассчитанные на легкий успех, отвергает излишние эффекты и требует от художника сосредоточенности и строгости. Она дает нам урок, который трудно переоценить, урок, который сохраняет свое значение и в наши дни, как это было и в прошлом для всех, кто верил, что художественное произведение значительно лишь в той мере, в какой оно выражает все лучшее, что носит в себе человек.

АНТУАН АДАН

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

К МАДЕМУАЗЕЛЬ М. Ф. Д. Р.

Мадемуазель!
Перед вами уродливое создание, которое я осмеливаюсь вам посвятить. Действие первое — только пролог, три последующих — несовершенная комедия, последнее — трагедия; и все это, вместе взятое, составляет комедию. Пусть сколько угодно называют подобное изобретение причудливым и экстравагантным,— оно, во всяком случае, ново, а прелесть новизны для нас, французов, обладает отнюдь не малой степенью достоинства. Успех комедии не заставил меня краснеть за театр, и смею сказать, что постановка этой прихотливой пиесы вас нисколько не разочаровала, поскольку вы повелели мне обратиться к вам с посвящением, когда пиеса будет напечатана. Я в отчаянье от того, что преподношу ее вам в таком ужасном виде: она стала почти неузнаваемой; количество ошибок, которые типограф прибавил к моим собственным, преобразило пиесу или, лучше сказать, полностью ее изменило. И все это из-за того, что я не был в Париже, когда печаталась пиеса: дела заставили меня уехать и полностью отдать корректуру на милость типографа. Умоляю вас не читать пиесу до тех пор, пока вы не возьмете на себя труд исправить то, что вы найдете отмеченным в конце этого послания. Я не привожу всех вкравшихся ошибок: их количество так велико, что это устрашило бы читателя, я выбрал только те из них, которые в значительной степени искажают смысл и о которых нелегко будет догадаться. Что до других ошибок, имеющих отношение только к рифме, к орфографии или к пунктуации, то я полагал, что рассудительный читатель их заметит без особого труда, и поэтому нет надобности обременять ими первую страницу. Все это научит меня в

будущем не рисковать и больше не печатать пиес во время своего отсутствия.

Будьте же так добры и не отнеситесь с презрением к этой пиесе, как бы она ни была искалечена. Тем самым вы еще более обяжете меня оставаться всю мою жизнь,

мадемуазель,

вашим самым верным и пылким слугою.

Корнель

РАЗБОР

Я скажу об этой пиесе немногое: это экстравагантная любовная история, в которой столько неправильностей, что не стоит труда ее разбирать, хотя новизна подобного каприза принесла ей успех, вполне достаточный для того, чтобы я не сожалел о потраченном на нее времени. Действие первое всего лишь пролог; три последующих составляют пиесу, которую я не знаю как назвать: исход ее трагичен. Адраст убит, а Клиндор подвергается смертельной опасности; но стиль и персонажи полностью принадлежат комедии. Есть среди них даже такой, который существует только в воображении и чей оригинал нельзя встретить среди людей: он специально придуман, чтобы вызывать смех. Это некий воякa, который вполне последовательно проявляет свой хвастливый характер, позволяя тем самым мне думать, что мало найдется подобных ему, столь удачно справившихся со своей ролью, на каком бы языке она ни была написана.

Действие здесь не завершено, поскольку в конце четвертого акта не известно, что станет с главными персонажами, и они скорее бегут от опасности, чем побеждают ее. Единство места выдержано в достаточной мере, но время не укладывается в один день. Действие пятое — трагедия, однако слишком короткая, чтобы обладать истинным величием, которого требует Аристотель. Это я и пытался объяснить. Клиндор и Изабелла, став актерами, о чем еще неизвестно, представляют на сцене историю, имеющую отношение к их собственной и как бы являющуюся ее продолжением. Кое-кто приписал подобное совпадение отсутствию изобретательности, но это только художественный прием — чтобы с помощью мнимой смерти лучше ввести в заблуждение отца Клиндора, который видит происходящее, и чтобы сделать переход от горя к радости более удивительным и приятным.

Все это, вместе взятое, составляет комедию, действие которой длится столько же, сколько и само представление; но вряд ли сама пиеса может служить образцом. Капризы подобного рода удаются только один раз; и если оригинал был прекрасным, то копия никогда ничего не стоит. Стиль, видимо, вполне соответствует предмету, кроме случая с Лизой, в шестом явлении действия третьего, когда она кажется несколько выше своего

положения служанки. Следующие два стиха из Горация послужат ей оправданием, так же как и отцу Лжеца, когда он гневается на своего сына в действии пятом:

Interdum tamen et vocem comoedia tollit,
Iratusque Chremes tumido delitigat ore [1].

Я не стану больше распространяться по поводу этой поэмы: как бы она ни была неправильна, в ней есть определенные достоинства, поскольку она преодолела разрушительное действие времени и появляется еще на сценах нашего театра, хотя прошло уже больше тридцати лет с тех пор, как она увидела свет; за столь длительный срок многое оказалось погребенным под слоем праха, несмотря на то, что имело, казалось бы, больше права, чем она, претендовать на такое долгое и удачное существование.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алькандр, волшебник.
Придаман, отец Клиндора.
Дораит, друг Придамана.
Матамор, офицер-гасконец, влюбленный в Изабеллу.
Клиндор, слуга Матамора и возлюбленный Изабеллы.
Адраст, дворянин, влюбленный в Изабеллу.
Жеронт, отец Изабеллы.
Изабелла, дочь Жеронта.
Лиза, служанка Изабеллы.
Тюремщик из Бордо.
Паж Матамора.
Клиндор, представляющий Теажена, английского аристократа.
Изабелла, представляющая Ипполиту, жену Теажена.
Лиза, представляющая Кларину, служанку Ипполиты.
Эраст, оруженосец Флорилама.
Слуги Адраста.
Слуги Флорилама.

Действие происходит в Турени, в местности неподалеку от грота волшебника.

---

[1] Порою комедия выше становится тоном,
И гневом Кремес наполняет рокочущий голос *(лат.)*.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Придаман, Дорант.

Дорант

Волшебник, чьим словам подвластен мир огромный,
Предпочитает жить в пещере этой темной.
Здесь ночь всегда царит. Лишь бледные лучи
Светил мерцающих, что кружатся в ночи,
В жилище это проникают на мгновенье,
Куда слетаются таинственные тени.
Но сила волшебства, храня чудесный грот,
Карает каждого, кто близко подойдет.
Стена незримая возносится в ущелье;
Она из воздуха, но если б захотели
Вы сквозь нее пройти, смерть вас настигла б вмиг.
Преграду потому волшебник здесь воздвиг,
Что дорожит своим покоем он и может
Жестоко покарать тех, кто его тревожит.
Вы нетерпением охвачены, но вам
Придется подождать, пока не выйдет сам
Он из пещеры на прогулку. Все приметы
Мне говорят о том, что близко время это.

Придаман

Хоть не надеюсь я, что он мою беду
Сумеет одолеть, я этой встречи жду.
Любимый сын мой дал мне повод для мученья:

Покинул он меня, дурного обращенья
Не выдержал, и вот я целых десять лет
Ищу его везде — и не напал на след.
Решив, что он забрал свободы слишком много,
Стал обращаться с ним я чересчур уж строго,
Наказывал его, корил и обижал,
Пока от строгости моей он не сбежал.
И как я был неправ, тогда я понял только,
Когда, его побег оплакивая горько,
Остался я один. Страдая день и ночь,
Я горю своему ничем не мог помочь.
Я сына стал искать и, странствуя по свету,
Увидел Рейн и Тибр, не раз менял карету
И был единственной заботой поглощен —
Найти убежище его; однако он
Исчез с лица земли. В отчаянье и горе,
И не надеясь от людей услышать вскоре
Совета мудрого, я, выбившись из сил,
У духа адского совета попросил.
Со знаменитыми встречаясь колдунами,
Что были, как Алькандр, превозносимый вами,
Могущества полны, я все-таки не смог
Ответа получить, никто мне не помог,
Никто мне не сказал, куда идти мне надо,
Чтоб сына отыскать... Молчали силы ада.

Доран т

Алькандра сравнивать вам с ними ни к чему:
Все тайны волшебства известны лишь ему.
Не стану говорить, что по его веленью
И будет гром греметь, и быть землетрясенью;
Что вихрей тысячи он может вдруг поднять
И на своих врагов их бросить, словно рать;
Что только силой слов, таинственно могучей,
Сдвигает горы он, рассеивает тучи,
Второе солнце зажигает в небесах,—
Вы не нуждаетесь в подобных чудесах.
Достаточно для вас, что мысли он читает,
Что знает прошлое и будущее знает,
Что во вселенной нет секретов для него:
Все судьбы видит он, не скрыто ничего.
Я так же, как и вы, не мог поверить в это,
Но встретились мы с ним — и что когда-то где-то
Я в жизни испытал, он все мне рассказал —

В кого я был влюблен, что думал, что скрывал.

Придаман

Узнал не мало я.

Дорант

А сказано не много.

Придаман

Но после ваших слов в душе моей тревога
Не уменьшается, и думать я готов,
Что все мои труды не принесут плодов.

Дорант

С тех пор как, навсегда уехав из Бретани,
Я поселился здесь, где сельские дворяне
Жизнь мирную ведут и где вступил я в брак,—
Так вот, с тех самых пор волшебник наш и маг
Не обманул ничьих надежд и ожиданий:
Кто б ни пришел к нему, согбенный от страданий,
Уходит от него с утешенной душой.
И было бы весьма ошибкою большой
Вам с ним не встретиться. Моих рекомендаций
Вполне достаточно: он будет рад стараться.

Придаман

Увы, не верю я в счастливый поворот.

Дорант

Надейтесь... Вот и он! Смотрите, к нам идет.
Какая важность на лице его застыла,
Как проницательны глаза, какая сила
В его движениях, хотя теченье лет
Оставило на нем свой беспощадный след.
Столетний старец он, почти лишенный плоти,
Но как легко идет! Вглядитесь — и поймете,
Что тайной мощью этот старец наделен.
Он чудеса творит, и сам стал чудом он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Алькандр, Придаман, Дорант.

Дорант

О дух познания, чья сила и уменье
Нам дали созерцать чудесные явленья,
Любой поступок наш и помысел любой

Ты знаешь: тайны все открыты пред тобой.
Но если власть твоя с ее волшебной силой
Ко мне благоволит, ее бы попросил я
Отцу несчастному страданья облегчить.
Я дружбой связан с ним и потому просить
Решился за него; мы жили по соседству,
Он пестовал меня, мое лелеял детство,
И сын его родной — ровесник мой, и с ним
Был неразлучен я, так мной он был любим.

Альканд р *(Доранту)*

Не надо продолжать, я знаю, в чем причина
Прихода вашего.

(Придаману.)

Старик, ты ищешь сына.
Не потому ли ты утратил свой покой,
Что твой любимый сын поссорился с тобой?
Что обращался с ним ты без причины строго,
Чем оттолкнул его от своего порога?
И что, раскаиваясь в строгости своей,
В напрасных поисках провел ты много дней?

Придаман

Оракул наших дней, перед тобой напрасно
Мне боль мою таить: ты знаешь все прекрасно
И видишь, как я был несправедливо строг.
Причину бед моих легко открыть ты мог.
Да, был мой грех велик, но велико мученье,
Которым я плачу за это прегрешенье;
Так положи предел беде моей! Верни
Опору старости, чьи быстротечны дни.
Какие стены от меня его укрыли?
Где он приют обрел? Мне придала бы крылья
Надежда, что его я встречу наконец.
Будь он за сто морей, найдет его отец.

Альканд р

Утешьтесь! Волшебства чудесное зерцало
Вам не откажет в том, в чем небо отказало;
Вы в нем увидите, что сын ваш полон сил
И полон мужества; Дорант за вас просил,
И, ради дружбы с ним, я покажу вам вскоре,
Что тот, кто дорог вам, живет, не зная горя.
В искусстве новички, чей вид весьма суров,
С их заклинаньями из непонятных слов,

С их фимиамами, что притупляют чувства,
Лишь могут принижать высокое искусство.
Вся их фальшивая таинственность в речах
Нужна им для того, чтобы внушить вам страх.
С волшебной палочкой мы так шутить не станем.

(Он взмахивает своей волшебной палочкой, и поднимается занавес, за которым развешаны самые красивые одежды актеров.)

Вы можете судить по этим одеяньям,
Чего ваш сын достиг: по-царски он одет.
Поднялся высоко, сомненья в этом нет.

Придаман

Утешили меня... Но он по положенью
Наряды пышные и эти украшенья
Носить не должен бы. Хоть за него я рад,
Все ж не по чину выбирает он наряд.

Альксандр

Как видите, судьба ему явила милость:
У сына вашего все в жизни изменилось;
И ныне вряд ли будет кто-нибудь роптать,
Когда в нарядах тех захочет он блистать.

Придаман

Вы возвращаете мне радость и надежду,
Но я заметил там и женскую одежду.
Быть может, он женат?

Альксандр

Вам о любви его
И приключениях расскажет волшебство;
И если смелы вы, то в иллюзорном виде
Я покажу вам то, что слышал он и видел,
Что в жизни испытал. И перед вами тут
Воскреснет прошлое и существа пройдут,
Не отличимые от созданных из плоти.

Придаман

Мне в сердце заглянув, вы без труда поймете,
Что эти образы меня не устрашат:
Того, кого ищу, я видеть буду рад.

Альксандр *(Доранту)*

Вам, к сожалению, придется удалиться:
То, что произойдет, пусть в тайне сохранится.

Придаман

Тайн от Доранта нет, мы старые друзья.

Доранта
С его решениями спорить нам нельзя.
Я жду вас у себя.
Альканд р
Поговорить свободно
Вы дома сможете, коль будет вам угодно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Альканд р, Придаман.

Альканд р
Не сразу сын ваш стал тем, кто теперь он есть,
Не все его дела вам оказали б честь.
Но было б тяжело вам видеть в ваши годы,
Какие перенес он беды и невзгоды.
Взяв деньги перед тем, как из дому уйти,
Он в первые же дни истратил их в пути,
И, чтоб добраться до Парижа, он в дороге
Молитвы продавал калекам и убогим,
Был предсказателем, и так с большим трудом
Парижа он достиг. Там жил, как все,— умом.
Публичным был писцом, потом поднялся выше,
Став у нотариуса клерком, но не вышел
Служака из него: он от бумаг устал;
И вот с ученой обезьяною он стал
Бродить по ярмаркам. Потом слагал куплеты
Для уличных певцов, которые за это
Ему платили мзду. И он, трудясь, как мул,
И выработав стиль, на большее рискнул —
Писать романы стал, не выходя из дома,
И песни для Готье, и байки для Гийома.
А после снадобьем от яда торговал.
И столько раз потом профессию менял,
Что никогда Бускон, Гусман и Ласарильо
С ним не сравняются, что б там ни говорили...
Зато Доранту есть о чем поговорить.
Придаман
Как за его уход мне вас благодарить!
Альканд р
Я вам не показал еще мое искусство,
И краток мой рассказ: щажу я ваши чувства.

Так вот, потом ваш сын, утратив прежний пыл,
Судьбой капризною в Бордо заброшен был
И находился там в неважном положенье,
Покуда не попал однажды в услуженье
К вояке местному, который был влюблен.
И так его дела повел удачно он,
Что деньги храбреца влюбленного попали
В карман его слуги; к тому же вскоре стали
Они соперниками: очень уж мила,
Как догадались вы, красавица была.
Все, что он пережил, вы знать должны по праву.
Потом я покажу вам блеск его и славу
И покажу, каким предался он трудам.

Придаман

За утешение я благодарен вам.

Алькандр

По свету странствуя, сообразил он скоро,
Что можно не всегда под именем Клиндора
Являться на́ люди, и начал называть
Себя он ля Монтань. Вам это надо знать.
А также помните: хоть медлю я с показом
Теней, которые имеют речь и разум,
Сомненье ни к чему, гоните прочь его:
Тут заурядное бессильно волшебство;
И в этот грот войдя, вы убедитесь лично,
Что волшебство мое от всех других отлично.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Алькандр, Придаман.

Алькандр

Любое зрелище вас не должно пугать.
А главное, мой грот нельзя вам покидать,
Иначе мертвым вас близ грота обнаружат.
Смотрите: вот ваш сын и тот, кому он служит.

Придаман

Летит к нему душа, забыв про волшебство.

Алькандр

Велите ей молчать и слушайте его.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Матамор, Клиндор.

Клиндор
О чем задумались вы, сударь? Разве можно,
Такие подвиги свершив, мечте тревожной
Дать овладеть собой? Не утомили вас
Победы, почести и славы трубный глас?
Матамор
Ты прав, задумчив я: все не могу решиться,
Кого еще должна сразить моя десница,—
Великий есть Могол, и есть персидский шах...
Клиндор
О сударь, пусть живут. Повергнув их во прах,
Чего достигли б вы? Нет вашей славы выше!
И армии у вас нет тоже, как я слышал.
Матамор
Нет армии? О трус! Зачем же мне она?
Иль недостаточно рука моя сильна?
Или при имени моем не рухнут стены?
Не побегут полки, как было неизменно?
Так знай же, негодяй: я храбростью своей,
Как только появлюсь, смирю любых царей;
Три Парки прилетят по моему приказу,
И царство целое они разрушат сразу;
Гром — артиллерия моя, а взмах руки
Сметает крепости, редуты и полки;
А стоит дунуть мне — взлетит все остальное.
И ты об армии смел толковать со мною?
Нет! Недостоин ты с героем рядом быть!
Да мог бы взглядом я одним тебя убить!
Но думаю сейчас я об одной девице,
И не убью тебя: я перестал сердиться.
Божок со стрелами, смирявший всех богов,
Смиряет и меня, он смерть изгнать готов
Из страшных глаз моих, что всё вокруг сжигают,
Разносят, режут, бьют, крушат, уничтожают.
Но прилетел божок, что сводит всех с ума,
И я сама любовь и красота сама.
Клиндор
Переменились вмиг! О да, вам все подвластно:
Ужасны были вы и стали вдруг прекрасны,

И бьюсь я об заклад — нет женщины такой,
Что устояла бы пред вашей красотой.

Матамор

Я говорил тебе и повторяю снова:
Все будет, как хочу, скажи я только слово;
Могу очаровать и устрашить могу,
Дать счастье женщине и страх внушить врагу.
В те дни, когда мой вид все время был прекрасен,
От женской пылкости я просто стал несчастен:
Едва мне стоило переступить порог,
Их сотни замертво валились тут же с ног.
Ко мне принцессы на свидание ходили,
И жены королей любви моей молили,
А эфиопская царица при луне
Стенала горестно, мечтая обо мне.
Одна султанша даже разум потеряла,
Потом другая из сераля убежала,
Султан турецкий был ужасно раздражен.

Клиндор

Не жалко мне его, имел он много жен.

Матамор

Вредило это все моим военным планам
И мир завоевать мешало постоянно,
К тому же под конец я от любви устал;
И я гонца судьбы к Юпитеру послал,
Велев ему сказать, чтоб страсти, слезы, драмы
Он от меня отвел: мне надоели дамы;
В противном случае поднимется мой гнев,
Захватит небеса и, громом завладев,
Сместит Юпитера и Марсу во владенье
Гром этот передаст. Великое смятенье
Объяло небеса, и я с минуты той,
Когда угодно мне, блистаю красотой.

Клиндор

Иначе сколько бы записок вам носил я!

Матамор

Их в руки не бери: избавился насилу!
Но если... Понял ты? Что говорит она?

Клиндор

Что вы храбрее всех и что поражена
Тем, как прекрасны вы и как во гневе грозны,
И если впрямь у вас намеренья серьезны,
То участь ждет ее богини.

Матамор

В те года,
О коих раньше говорил я, мне всегда
С богинями везло. Довольно странный случай
Припомнил я сейчас: весь мир был взбаламучен,
Сошла природа вдруг с извечного пути,
И всё лишь потому, что не смогло взойти
На небе солнце, лучезарное светило.
Оно не двигалось, оно не находило
Аврору... Что же с ней? В лесах Цефала — нет,
Искали во дворце Мемнона, но одет
Во мрак его дворец, и продолжалось это
До середины дня... Весь мир сидел без света.

Клиндор

И где ж она была, владычица зари?

Матамор

Где? В комнате моей! Но что ни говори,
Зря время провела и плакала напрасно:
Я был неумолим к речам и клятвам страстным.
Она любовь мне предлагала, но в ответ
Я отдал ей приказ вернуть природе свет.

Клиндор

Мне, сударь, помнится, что дело было летом.
Я в Мексике служил, когда узнал об этом.
И также слышал я, что Персия на вас
За божество свое сердилась.

Матамор

Я в тот раз
Не наказал ее за дерзость: вел сраженья
Я в Трансильвании, куда просить прощенья
Послы персидские пришли, мой зная нрав.
И что же? Я простил, дары у них приняв.

Клиндор

Как украшает снисходительность героя!

Матамор

Ты мне в лицо взгляни — оно прекрасней втрое
От добродетелей, что в нем отражены.
Да! Полчища врагов мной были сражены,
И земли их пусты, и в доме ветер бродит.
Но что виной тому? Что их в могилу сводит?
Их гордость! Кто со мной почтителен и мил,
Того не трону я, пускай живет, как жил.
В Европе короли воспитаны, как надо,

И я им говорю: пасите мирно стадо,
Не ждите от меня ущерба и беды.
Но в Африке цари тщеславны и горды,
И я их покарал за дерзость и гордыню,
Разрушил царства их, всё превратил в пустыню;
Раскинулись пески, конца и края нет,
Все вымерло: мой гнев там свой оставил след.

Клиндор

Смотрите, кто идет. Вперед, к иным победам!

Матамор

О черт! Соперник мой идет за нею следом.

Клиндор

Куда же вы?

Матамор

Уйду. Он к битвам не привык,
К тому ж изрядный фат и дерзок на язык,
И в ослеплении своем он, может статься,
Забудет, кто пред ним, и будет задираться.

Клиндор

Тем самым путь найдет он к гибели своей.

Матамор

Когда красивый я, то становлюсь слабей.

Клиндор

Оставьте красоту и будьте вновь ужасны.

Матамор

Не представляешь ты, как это все опасно:
Наполовину стать я страшным не могу,
Обоим смерть грозит — и даме и врагу.
Дождусь, когда они окажутся не вместе.

Клиндор

Благоразумны вы, скажу без всякой лести.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Адраст, Изабелла.

Адраст

Увы, с моей бедой не справлюсь я никак:
Вздыхаю, мучаюсь, а с места — ни на шаг;
И клятвы пылкие произношу напрасно —
Вы мне не верите, что я люблю вас страстно.

И з а б е л л а

Упрек несправедлив, хоть речь полна огня:
Я, сударь, верю вам, что любите меня.
Взгляд нежный, томный вздох — да разве это мало?
Но если б и тогда я вам не доверяла,
То положилась бы на вашу честь вполне
И верила б тому, что вы сказали мне.
Так отплатите мне доверьем за доверье,
Глазам не верите — словам, по крайней мере,
Поверьте: от души об этом вас молю.
Ну сколько повторять, что вас я не люблю!

А д р а с т

А справедливость где? За верность и усердье
Вот чем способно отплатить жестокосердье!
Но что плохого я сказал вам, чтобы вновь
Вы на презренье обрекли мою любовь?

И з а б е л л а

Мы с вами пользуемся разными словами:
Что розой звали вы, я назову шипами.
По вашему, любовь и верность, а по мне —
Навязчивость и казнь на медленном огне.
Вы полагаете, что знаками вниманья
Мне оказали честь, а я как наказанье
Воспринимаю их. От вас я не таю
Мое презрение и ненависть мою.

А д р а с т

Платить презрением за чувство столь святое!
Но пламя зажжено не вашей красотою,
А волею небес; и это их приказ,
Чтоб с первых дней моих я видел только вас:
Я с вашим образом на белый свет родился,
Еще не зная вас, к вам всей душой стремился,
И, встретив, наконец, покорно отдаю
То, что принадлежит одной вам,— жизнь мою.
Нет! Повеления небес я не нарушу.

И з а б е л л а

Не тот вам идеал они вложили в душу.
Но никому нельзя нарушить их приказ:
Вы любите меня — я ненавижу вас.
Да! Ненависти вам отмерено немало.
Или за тайный грех вас небо покарало?
Ведь хуже муки нет, чем страстно полюбить
Того, кто ненавистью будет вам платить.

Адраст

И о страданиях моих великих зная,
Вы не сочувствуете им?

Изабелла

Нет, я не злая,
И мне вас, право, жаль, хотя и не пойму,
Зачем страдать вам постоянно? Ни к чему
Не может привести такое постоянство.
Сомнительная честь тут проявлять упрямство.

Адраст

Отец ваш за меня, и он применит власть,
Чтоб защитить мою отвергнутую страсть.

Изабелла

Вступив на этот путь, вы убедитесь скоро,
Что не уйдете от презренья и позора.

Адраст

Надеюсь, день еще не подойдет к концу,
Как покоритесь вы безропотно отцу.

Изабелла

А я надеюсь, что сегодня, как и прежде,
Вы скажете опять «прощай» своей надежде.

Адраст

Для снисхождения наступит ли черед?

Изабелла

Чего вы медлите? Ведь вас отец мой ждет.

Адраст

В душе вы каетесь, что так со мной суровы,
Но отказаться добровольно не готовы
От этой холодности: ждете, чтобы вас
К тому принудили. Ну что же! Пробил час.
Я все испробую.

Изабелла

Негодны ваши средства.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Матамор, Изабелла, Клиндор.

Матамор

Как увидал меня, так обратился в бегство.
Моим присутствием он явно был смущен.

И з а б е л л а

От вас бежали короли, не только он.
Об этом слышать мне нередко приходилось,
И вашим подвигам я, как и все, дивилась.

М а т а м о р

Вы правду слышали, и, чтобы доказать,
Насколько я могуч, прошу вас указать
Любое царство мне, империю любую:
Я их для вас, мадам, немедля завоюю.

И з а б е л л а

Вы можете легко мне царство подарить,
Но я у вас в душе хотела бы царить,
Чтоб ваши помыслы, желания и страсти
Моими подданными стали.

М а т а м о р

Это, к счастью,
Уже произошло, и вы царите там.
А в доказательство секрет открою вам:
Я не пойду в поход, мне надоели войны,
И могут короли отныне спать спокойно.
Я только двум иль трем приказ мой передам,—
Служить мне и носить мои записки к вам.

И з а б е л л а

Но блеск подобных слуг привлек бы к нам вниманье
И зависть вызвал бы, разбив очарованье
Взаимных наших чувств, привыкших к тишине.
Поэтому Клиндор подходит нам вполне.

М а т а м о р

Характер ваш с моим во многом совпадает:
Вас так же, как меня, величье утомляет.
Со скипетром любым, захваченным в бою,
Я тут же расстаюсь: обратно отдаю.
А если бы к моим ногам принцессы пали,
То тверже камня я и холоднее стали.

И з а б е л л а

Вот в этом не могу не усумниться я:
Отвергнуть всех принцесс и предпочесть меня?
Как ни приятно мне, поверить я не смею.

М а т а м о р *(показывая на Клиндора)*

Пожалуй, ля Монтань все объяснит скорее.
Когда, прибыв в Китай, сошел я с корабля,
Ты помнишь, ля Монтань, две дочки короля

В меня влюбились и друг к другу ревновали?
Об этом при дворе немало толковали.

Клиндор

Но вы отвергли их, и умерли они.
Об этом я узнал в Египте, где в те дни
Стоял великий стон, и залит был слезами
Каир, что трепетал от страха перед вами.
Убили десять великанов вы тогда,
Сожгли пятьсот домов, врываясь в города,
Пятнадцать замков превратили вдруг в руины
И, на Дамаск напав, сумели в миг единый
Разбить там армию в сто тысяч человек.

Матамор

Ты помнишь все места и каждый мой набег.
А я их позабыл.

Клиндор

Я просто в изумленье:
Какие подвиги вы предали забвенью!

Матамор

Но стольких королей разбил я в пух и прах,
Что помнить не могу о всяких пустяках.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Матамор, Изабелла, Клиндор, паж.

Паж

К вам, сударь, прибыл...

Матамор

Кто?

Паж

Гонец со свитой целой.

Матамор

А кем он послан к нам?

Паж

Исландской королевой.

Матамор

Нигде покоя нет. О небо, видишь ты,
К чему меня привел избыток красоты?
Избавь от королев, и буду я спокоен.

Клиндор *(Изабелле)*

Все это из-за вас: влюблен великий воин.

Изабелла
Он убедил меня.
Клиндор
О, это перст судьбы!
Матамор
Напрасно будет расточать она мольбы:
Пусть не надеется и пусть себя не мучит,
Свой смертный приговор в письме она получит.
Пойду ей напишу. Вернусь к вам через час.
С моим наперсником я оставляют вас;
Поговорите с ним, и убедитесь сами,
Над кем одержана была победа вами.
Изабелла
Но чем скорее вы вернетесь, тем верней
Докажете любовь возлюбленной своей.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Клиндор, Изабелла.

Клиндор
Судите же теперь, каков наш храбрый воин:
Весь разговор с пажом нарочно был подстроен,
Паж должен объявлять чуть ли не каждый час,
Что прибыл к нам гонец, что ждет посланник нас.
Изабелла
Безумец наш в игре не соблюдает правил,
Но он ушел и нас наедине оставил.
Клиндор
Подобные слова внушают смелость мне:
О многом вам сказать хочу наедине.
Изабелла
И что вы скажете?
Клиндор
Скажу, что Изабелла
Моими мыслями и сердцем завладела,
Что жизнь мою отдать...
Изабелла
Все это знаю я
И верю вам. К чему вам повторяться зря?
Не я ли только что от царства отказалась,
Гоню поклонников и вам в любви призналась?

Когда любовь слаба и страсть не родилась,
То завереньями хотят упрочить связь;
У нас совсем не то, нам пылких клятв не надо,
И потому слова мы ценим меньше взгляда.

Клиндор

О, кто поверил бы, что мой несчастный рок,
Преследуя меня, любви моей помог!
Я изгнан из дому, с отцом суровым в ссоре,
Без денег, без друзей, один в нужде и горе,
Обязан потакать капризам чудака,
И, несмотря на то, что жизнь моя горька,
Ничто в моей судьбе, с которой нет мне сладу,
Не отвратило вас, не вызвало досаду;
И хоть соперник мой и знатен и богат,
С презреньем на него бросаете вы взгляд.

Изабелла

Так выбор нам велит. Когда любовь не ложна,
Того, кто ей не мил, любить нам невозможно,
Все домогательства тогда обречены.
А та, что смотрит на богатство и чины,
Не любит никого и называть не вправе
Высоким именем корысть или тщеславье.
Я знаю, думает иначе мой отец,
И будет он мешать союзу двух сердец.
Но велика любовь, что мною овладела,
И принуждению иметь с ней трудно дело.
Есть у отца права, есть чувства у меня,
Свой выбор сделал он, но сделала и я.

Клиндор

Как мало заслужил я слушать эти речи!

Изабелла

Сюда идет Адраст, я не хочу с ним встречи.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Адраст, Клиндор.

Адраст

Везет вам! А во мне от горя все дрожит:
Моя возлюбленная от меня бежит;
Как ни приятно ваше общество ей было,
Увидела меня и скрыться поспешила.

Клиндор

Не видела она, как приближались вы.
Покорный ваш слуга наскучил ей, увы!

Адраст

Вы ей наскучили? О, это очень мило!
При вашем-то уме чтоб скуку наводила
Беседа с вами? Чушь! О чем же рассказать
Вы ей изволили?

Клиндор

Не трудно угадать:
О том, как войны вел, выигрывал сраженья
И покорял сердца в своем воображенье
Хозяин мой.

Адраст

Смешно тут было б ревновать.
Но если прихоти безумца выполнять
Придется вам еще, то я прошу по чести:
О выходках его в другом толкуйте месте.

Клиндор

Чем может повредить такой соперник вам?
Убийством и войной пленить пытаясь дам,
Он душит, режет, бьет не дрогнувшей рукою.

Адраст

Не так уж вы просты, чтоб быть его слугою,
И не без умысла пошли служить к нему,
А почему пошли, никак я не пойму.
Но с той поры, как здесь вы стали появляться,
Меня день ото дня всё больше сторонятся
И видеть не хотят. Мне кажется подчас,
Что планы дерзкие таите вы от нас:
Какой-то ловкий ход задуман, видно, вами.
Но пусть ваш фанфарон другой расскажет даме
О подвигах своих. Или, еще верней,
Пусть посылает он слугу другого к ней.
Нет! С волею отца она должна считаться!
А он избрал меня, и тут уж колебаться
Мне не приходится — все средства хороши.
Вы не хотите погубить своей души?
Тогда должны скорей уехать вы отсюда.
Послушайтесь меня, иначе будет худо.

Клиндор

Вы думаете, я могу вам повредить?

Адраст

Все! Кончен разговор. О чем нам говорить?
Должны убраться вы!

Клиндор

Но в вашем положенье
Вас не роняет ли такое раздраженье?
Хотя не знатен я, но в этом сердце есть,
По милости небес, и мужество и честь:
Коль должен я кому, поверьте, рассчитаюсь...

Адраст

Вы угрожаете?

Клиндор

Нет-нет! Я удаляюсь.
Не много чести вам вступать со мною в спор.
Да и не место здесь вести нам разговор.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Адраст, Лиза.

Адраст

О, этот дерзкий хлыщ еще и недоволен.

Лиза

Вы просто вне себя, у вас рассудок болен.

Адраст

Что?

Лиза

Ревность — как болезнь, которой нет конца.
Чем виноват слуга, что служит у глупца?

Адраст

Кто я — известно мне, я знаю Изабеллу;
Слуга не повредит задуманному делу;
То прихоть и каприз — вести беседы с ним,
Но в данном случае каприз недопустим.

Лиза

Вот и признались в том, что отрицать хотели.

Адраст

Пусть подозрения мои и в самом деле
Нелепы и смешны, но, свой покой храня,
Его прогнал я прочь: так лучше для меня.
Кому он нужен здесь?

Л и з а

Когда бы я посмела,
То так сказала б вам: вздыхает Изабелла
О нем и день и ночь.

А д р а с т

О чем толкуешь ты?

Л и з а

О том, что лишь к нему летят ее мечты,
О том, что влюблены они друг в друга страстно.

А д р а с т

Но можно ли взирать на это безучастно?
Неблагодарная! Посмела предпочесть
Меня бездомному бродяге! Где же честь?

Л и з а

Бродяга говорит, что знатного он рода
И будто бы богат...

А д р а с т

Свою он душу продал.

Л и з а

Отцовской строгости не выдержав, свой дом
Покинул тайно он, скитался, а потом,
Однажды в трудном оказавшись положенье,
Пошел к безумному вояке в услуженье;
И, став поверенным его сердечных дел,
Он так приемами соблазна овладел,
Так очарована была им Изабелла,
Что, вашу страсть презрев, она к вам охладела.
К ее отцу пойти вам надо поскорей,
Чтоб, власть употребив, вернул он разум ей.

А д р а с т

Иду к нему сейчас. Я жду вознагражденья
За долгое мое и верное служенье,
Которому пора уже плоды нам дать.
Ты не могла бы мне услугу оказать?

Л и з а

Любую. Для меня нет, сударь, выше чести...

А д р а с т

Устрой тогда, чтоб я сумел застать их вместе.

Л и з а

Сегодня вечером удобно вам?

Адраст

Вполне.
Но только не забудь, что обещала мне.
(Дает ей бриллиант.)
А вот тебе аванс за верность и усердье.

Лиза

Когда с ним встретитесь, отбросьте милосердье.

Адраст

Спокойна можешь быть: получит он сполна
И ровно столько, сколько выдержит спина.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лиза.

Лиза

Гордец мной пренебрег и должен быть наказан.
Он думал, цель близка, но путь ему заказан.
Девицей знатною он хочет быть любим.
Я для него плоха, мне, дескать, рядом с ним
И делать нечего: я недостойна ласки.
Но только пусть другим рассказывает сказки.
Служанка я. А он? Слуга. Хорош собой?
Хорош. Но разве я обижена судьбой?
Богат и знатен он? Как тут не рассмеяться:
Здесь неизвестен он и может называться,
Кем только вздумает. Но интересно знать,
Как будет этот принц под палками плясать.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Алькандр, Придаман.

Алькандр

Разволновались вы.

Придаман

Она его погубит.

Алькандр

Нет, Лиза все-таки Клиндора очень любит.

Придаман

Но он отверг ее, и к мести повод есть.

Алькандр

Все сделает любовь, чтоб отступила месть.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жеронт, Изабелла.

Жеронт

Не надо слезы лить, кляня девичью долю:
И слезы и слова мою не сломят волю.
Хотя любой беде я сострадать готов,
Рассудка доводы сильнее ваших слов.
Я знаю лучше вас, как поступать вам надо.
Адраст мне нравится, не потому ль преграды
Вы ставите ему? Не потому ли в нем
Достоинств не нашли? Но в мнении моем
Стоит он высоко: умен, богат и знатен.
Иль внешний вид его вам чем-то неприятен?
Или характер плох?

Изабелла

Достоинств и не счесть.
Я знаю хорошо: он оказал мне честь.
Но если б вы могли мне оказать вниманье
И выслушать меня, то я бы в оправданье
Одно сказала б вам: все беды оттого,
Что я его ценю, но не люблю его.
Нередко небеса внушают нам такое,
Что все бунтует в нас, лишает нас покоя,
Не позволяя покориться и принять
Навязанное нам. Но можно ли пенять
На небеса за то, когда по их веленью
Две связаны души, когда ни на мгновенье
Они не в силах друг о друге позабыть?
Коль этой связи нет, любви не может быть.
Кто ополчится на законы Провиденья,
Напрасно будет ждать от неба снисхожденья:
Несчастья на него обрушатся, и он
От них уже ничем не будет защищен.

Жеронт

О дерзкая! Вы так решили оправдаться?
Я, значит, должен с философией считаться?
Ни ваши знания, ни к рассужденьям страсть
Не могут отменить родительскую власть.

Вам ненависть внушил мой выбор; но кому же
Вы сердце отдали? Хотите в роли мужа
Увидеть нашего вояку? В добрый час.
Весь мир он покорил, а заодно и вас.
Пусть этот фанфарон со мною породнится.

И з а б е л л а

Нельзя так с дочерью жестоко обходиться!

Ж е р о н т

Что заставляет вас не слушаться меня?

И з а б е л л а

За будущее страх и молодость моя.
А то, что вы могли назвать счастливым браком,
Мне адом кажется, погибелью и мраком.

Ж е р о н т

Насколько лучше вас Адраст: он будет рад
Все сделать, чтоб попасть в такой чудесный ад.
Меня вы поняли? Иль снова спорить станем?

И з а б е л л а

Моей покорности другое испытанье
Могли б устроить вы.

Ж е р о н т

Испытывать вас? Вздор!
Я вам приказываю. Кончен разговор.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жерон т.

Ж е р о н т

Вот молодежь пошла! С упрямым постоянством
Веленья разума зовет она тиранством;
И даже самые священные права
Бессильны перед ней: все это, мол, слова.
А дочки каковы? Отцам противореча,
Им не хотят ни в чем идти они навстречу
И, следуя в любви лишь прихотям своим,
Отвергнут всякого, кого укажут им.
Но ты, о дочь моя, не думай, что покорно
Я уступлю тебе, упрямой, глупой, вздорной.
Я усмирю твой бунт... Смотрите, снова он!
Однако надоел мне этот фанфарон.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жеронт, Матамор, Клиндор.

Матамор
Ну разве жалости я недостоин все же?
Великий визирь вновь нас просьбами тревожит,
Татарский государь на помощь нас зовет,
А Индия послов к нам ежедневно шлет.
Выходит, должен я на части разорваться?
Клиндор
Без вашей помощи придется им сражаться:
Едва окажете услугу одному,
Другие ревностью начнут пылать к нему.
Матамор
Ты прав, они меня интересуют мало.
А ревность возбуждать одной любви пристало...
Ах, сударь, я прошу прощения у вас
За то, что ваш приход заметил лишь сейчас.
Но на лице у вас лежат заботы тени.
Скажите, кто ваш враг,— убью в одно мгновенье.
Жеронт
По божьей милости нет у меня врагов.
Матамор
По милости моей их всех зарыли в ров.
Жеронт
Я до сих пор не знал про эту вашу милость.
Матамор
Едва симпатия моя к вам проявилась,
Как обуял их страх и померли они.
Жеронт
Я вот что вам скажу: приятно в наши дни
Увидеть эту длань столь мирной и спокойной.
А между тем вокруг не утихают войны.
Как? Чтобы звание героя заслужить,
Баклуши надо бить и беззаботно жить?
Здесь стали говорить, что будто не по праву
Себе военную вы приписали славу.
Матамор
Жить в мире, черт возьми? Я сам себя кляну.
Но как уехать мне, коль я теперь в плену?
Меня прекрасная пленила Изабелла,
Обезоружила и сердцем завладела.

Жеронт

Ну, если это так, плен не опасен ваш.
Спокойно можете садиться в экипаж:
Ее вам не видать... Так уезжайте смело.

Матамор

Ну что вы! Я хочу, чтобы она надела
Корону на себя...

Жеронт

Довольно! Только раз
Способен рассмешить нелепый ваш рассказ:
Невыносим он, многократно повторенный.
Другим раздаривайте царства и короны.
А здесь поя́витесь, то встрече быть иной...

Матамор

Да он сошел с ума! Так говорить со мной!
Несчастный! Сам султан с отрядами своими
Трепещет и бежит, мое услышав имя.
Да раздавить тебя могу я в миг один!

Жеронт

Есть слуги у меня, и я их господин.
Они ни воевать, ни хвастать не умеют,
Но верно служат мне и кулаки имеют.

Матамор *(Клиндору)*

Скажи ему, кто я! Что совершил, скажи!

Жеронт

Могли бы обойтись без хвастовства и лжи.
Прощайте. Мне пора. Хоть не враги мы с вами.
Нрав у меня горяч, а слуги с кулаками.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Матамор, Клиндор.

Матамор

О, уважение к возлюбленной моей!
Тобою скован я, и ты меня сильней.
Будь сто соперников, а не родитель девы,
Они бы не ушли от праведного гнева.
Пособник дьявола, сын ада, злобный дух,
Старик чудовищный, чья речь терзает слух!
Кого ты гнал сейчас? Кому грозил расправой?
Подумать страшно: мне, увенчанному славой.

К л и н д о р
Покуда нет его, легко проникнуть в дом.
М а т а м о р
Зачем?
К л и н д о р
Увидев дочь, отца мы проведем.
М а т а м о р
Какой-нибудь слуга там надерзить мне может.
К л и н д о р
Любого наглеца ваш грозный меч уложит.
М а т а м о р
Но искры сыплются, когда разит мой меч,
Они в один момент способны дом поджечь,
А пламя все пожрет: и балки, и распорки,
Пороги, плинтусы, полы, дверные створки,
Перегородки, перекладины, коньки,
Стропила, рейки, перемычки, потолки,
Засовы, плиты, подоконники, гардины,
Цемент, подсвечники, стекло, горшки, картины,
Подвалы, лестницы, прихожие, ковры,
Матрасы, комнаты, чуланы и дворы...
Сам посуди: разгром! И в доме Изабеллы!
Боюсь, чтобы она ко мне не охладела.
Поговори с ней ты: я, видишь, не могу.
А надерзит слуга — сам покарай слугу.
К л и н д о р
Но это риск...
М а т а м о р
Прощай. Дверь открывает кто-то.
Внушать лакеям страх теперь твоя забота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клиндор, Лиза.

К л и н д о р *(один)*
Чтоб испугать его, достаточно листка,
Мелькнувшей тени, дуновенья ветерка;
Всегда настороже, всегда готов дать тягу:
Страх перед взбучкою бросает в дрожь беднягу.
А... Лиза, вот и ты! Открыла дверь — и вдруг
Вселила в сердце благородное испуг:

Смотри, как убежал великий наш воитель,
Гроза всех королей, всех женщин покоритель.

Лиза

Должно быть, этот страх ему внушил мой вид;
Есть лица, что влекут, мое лицо — страшит.

Клиндор

Страшит одних глупцов, а умных привлекает.
Как мало лиц таких в людской толпе мелькает!
Как много есть причин, чтобы тебя любить!
С тобою никого я не могу сравнить.
Умна, насмешлива, покладистого нрава,
Прелестно сложена, и я не знаю, право,
Чьи губы так свежи, чей взгляд волнует так.
Кто тут не влюбится? Слепец или дурак!

Лиза

Так вы находите, что я похорошела?
Взгляните: Лиза я, отнюдь не Изабелла.

Клиндор

Что делать, если два предмета у любви:
Ее приданое и прелести твои?

Лиза

Придется выбирать — иначе не бывает.
Ее приданое вас больше привлекает.

Клиндор

Хотя преследую я эту цель, но ты
С не меньшей силою влечешь мои мечты.
У брака и любви различные стремленья:
Брак ищет выгоды, любовь — расположенья.
Так что же делать нам? Я беден, ты бедна.
Две бедности сложить? Две больше, чем одна.
И сколько б радости любовь ни обещала,
Она двум беднякам ее отмерит мало.
Вот и приходится богатство мне искать.
Но грустью тайною охвачен я опять,
С тобою встретившись, и снова вздох невольный
Не в силах подавить: обидно мне и больно,
Что страсть моя должна рассудку уступить.
О как бы я любил, когда бы мог любить
Того, кого хочу, кто мил мне в самом деле.

Лиза

Как были б вы умны, когда б молчать умели!
Благоразумие с любовью пополам

Могли б вы приберечь для благородных дам.
Вот счастье выпало! Поклонник мой боится,
Что будет худо мне, и потому стремится
В брак выгодный вступить, и говорит мне вслед:
«Зачем тебе нести груз наших общих бед?»
Вовек мне не забыть участливость такую.
Но вам пора идти, зря с вами я толкую.

Клиндор

Насколько же с тобой счастливей был бы я!

Лиза

Вас в комнате своей хозяйка ждет моя.

Клиндор

Меня ты гонишь?

Лиза

Нет! Но вас влечет дорога,
Где будет радости отмерено вам много.

Клиндор

Ты и отталкивая можешь покорять.

Лиза

Зачем вам время драгоценное терять?
Идите же!

Клиндор

Но знай, что если я с другою...

Лиза

То это потому, что вы моей судьбою
Обеспокоены. Я верно поняла?

Клиндор

Ты издеваешься, и все же так мила,
Что, говоря с тобой, влюбляюсь я сильнее.
Поэтому уйти мне надо поскорее.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лиза.

Лиза

Меня красивою теперь находит он
И притворяется, что по уши влюблен,
А сам играет мной, нужна ему другая;
И, чувством искренним моим пренебрегая,
Клянется мне в любви и тут же говорит:
Нельзя нам вместе быть, рассудок не велит.

Ну что же! Поступай со мной неблагородно,
И в жены выбирай себе кого угодно,
И дай рассудку победить свою любовь,—
Знай: ни одну из нас не проведешь ты вновь.
Подобный брак не заслужила Изабелла,
И я с таким, как ты, иметь не буду дела,
Но прежде над тобой поиздеваюсь всласть.
А чтобы удалось вернее в цель попасть,
Обиду утаю, ее не обнаружат;
Кто свой скрывает гнев, тот лучше мести служит;
Я буду ласковой: надежен и хорош
Такой прием, и ты... в ловушку попадешь.
Но можно ли считать тебя столь виноватым
За то, что хочешь ты стать, наконец, богатым
И что, любя меня, пошел на этот шаг?
О господи, в наш век все поступают так!
Не лучше ли забыть свое негодованье?
Зачем вредить тому, кто, вопреки желанью,
Решил со мной порвать? И так наказан он,
И все же дорог мне, и должен быть прощен...
Мутится разум мой. Как? Даровать пощаду
Тому, кто жизнь мою вдруг уподобил аду?
О справедливый гнев, ни на единый миг
Не потухай во мне, будь страшен и велик!
Пусть полюбил меня — он мной пренебрегает,
Пусть я его люблю — меня он оскорбляет;
Молчи, любовь, молчи! Пришла пора карать,
И ты мне не должна, не смеешь мне мешать:
Надеждой призрачной мои ты множишь муки.
О ненависть, приди и развяжи мне руки,
И в сердце поселись, и мщение готовь;
Любовь обманутая — больше не любовь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Матамор.

Матамор
Спасайся! Вот они! Нет ни души. В чем дело?
Смелей вперед! Постой, дрожь сотрясает тело.
Я слышу их. Беги! То ветер прошумел.
О сумрак, спрячь меня, и я останусь цел.

Мою владычицу здесь подожду я все же.
Лакеи чертовы, вот что меня тревожит.
Ну, как тут не дрожать? Риск очень уж велик:
Появятся они — и мертв я в тот же миг.
Нет, лучше умереть, чем слугам дать сраженье.
Марать о них свой меч? Какое униженье!
Во имя доблести не буду рисковать.
Но, в крайнем случае, меня им не догнать.
Дойдет до этого — самим же будет хуже:
Ведь мне не только меч — и ноги верно служат.
О боже, вот они! Что делать? Мне конец!
Я не могу бежать: в ногах моих свинец.
Пропал... Нет, не пропал... Как тут не удивиться?
Да это ж мой слуга и с ним моя царица!
Теперь послушаем, как он толкует с ней
О доблести моей и о любви моей.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Клиндор, Изабелла, Матамор *(спрятавшись, подслушивает их разговор).*

Изабелла

Отец неумолим. Как быть? Да видит небо,
Он никогда еще таким суровым не был:
Вам с вашим воином пощады он не даст.
А в довершение, стал ревновать Адраст.
Нетрудно в комнате моей застать нас было,
И потому сюда я выйти вас просила;
Здесь безопаснее: коль преградят вам путь,
В другую сторону вы сможете свернуть.

Клиндор

Не слишком много ли уделено вниманья
Тому, чтобы продлить мое существованье?

Изабелла

Не много! Если бы оно прервалось вдруг,
Все потеряло б смысл, была бы тьма вокруг,
Оно дороже мне всего, что есть на свете,
Благодаря ему мне в небе солнце светит.
И пусть родитель мой с Адрастом заодно,
Владеть моей душой вам одному дано.
Меня преследуют? Сулят мне муки ада?

Коль это из-за вас — и этому я рада,
Мои страдания благословляю я,
Так велика любовь и преданность моя.

Клиндор

Я счастлив и смущен, ликую и страдаю:
Ведь только жизнь мою взамен я предлагаю;
Нет больше ничего у вашего раба.
Но если все-таки позволит мне судьба
Увидеть край родной, увидеть дом мой отчий,
Тогда и сами вы увидите воочью,
Что не был выбор ваш таким уже плохим
И что сравнение с соперником моим
Не так уж мне вредит... Одно меня тревожит:
Он с помощью отца добиться цели может.

Изабелла

Не бойтесь ничего: что б ни предпринял он
И как бы ни был мой родитель убежден
В своем всесилии — я приняла решенье,
И нет в моей душе ни страха, ни сомненья.
Их планы призрачны, беспомощна игра...

Матамор

Как это вытерпеть? Вмешаться мне пора.

Изабелла

Подслушивают нас!

Клиндор

Но кто? Храбрейший в мире!
Не бойтесь, я сейчас его утихомирю.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Матамор, Клиндор.

Матамор

Предатель!

Клиндор

Тише вы! Лакеи...

Матамор

Что?

Клиндор

Как раз,
Ваш голос услыхав, набросятся на нас.

М а т а м о р *(тянет его в угол сцены)*
Иди сюда. Так вот, преступник и повеса,
Как ты отстаиваешь наши интересы?
К л и н д о р
Старался я как мог, чтобы счастливым стать.
М а т а м о р
Какую смерть тебе за это загадать?
Убить ли кулаком? (Страшнее нет удара.)
Или загнать живым вовнутрь земного шара?
Иль разрубить мечом на тысячу кусков?
Иль в облака швырнуть? Нет, выше облаков!
Итак, на выбор смерть. Что скажешь мне на это?
И не задерживай меня, я жду ответа.
К л и н д о р
Есть выбор и у вас.
М а т а м о р
А что мне выбирать?
К л и н д о р
Хотите битым быть или стремглав удрать?
М а т а м о р
Угрозы? Черт возьми! Какая дерзость все же!
Пал на колени он? Взмолился? Не похоже
А поднял шум какой! Я это не люблю.
Знай: утопить тебя я морю повелю.
К л и н д о р
Так много жидкости не надо человеку.
Нет, море далеко, и я вас брошу в реку.
М а т а м о р
Потише говори, услышат...
К л и н д о р
Шутки прочь.
Десятерых сразить пришлось мне в эту ночь.
Рассердите меня — число я увеличу.
М а т а м о р
О дьявол! Хочет плут принять мое обличье.
Да! Глядя на меня, героем можно стать.
Будь он почтителен, его б я мог признать.
Послушай: я не злой, и было бы обидно
Мир храбреца лишить. Но как тебе не стыдно?
Проси прощения! Лишь я достоин той,
Чей вид тебя смутил своею красотой.
Знай: доброты во мне не меньше, чем отваги.

К л и н д о р
Тогда не лучше ли скрестить немедля шпаги?
Посмотрим, кто из нас сильней в нее влюблен.
М а т а м о р
Твоим характером я просто восхищен.
Бери ее скорей, со мной хитрить не надо;
За службу верную вот лучшая награда.
Нет щедрости моей предела!
К л и н д о р
Этот дар
Мой ослепляет взор, как молнии удар.
О повелитель королей, о щедрый воин,
Великой милости я ныне удостоин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

И з а б е л л а, М а т а м о р, К л и н д о р.

И з а б е л л а
Без боя обошлось! Вам ссориться нельзя.
Приятно видеть мне, что вы теперь друзья.
М а т а м о р
Мадам, придется отказаться вам от чести
Моей женою стать: полученные вести
Мое решение переменили вдруг.
Но не расстраивайтесь: вы из этих рук
Получите того, кто воевал прекрасно.
И з а б е л л а
Раз вам угодно так, конечно, я согласна.
К л и н д о р
Об этом никому не надо говорить.
М а т а м о р
Я обещаю вам молчание хранить
И покровительство вам обещаю тоже,
Куда б вы ни пришли, оно везде поможет:
При имени моем дрожат в любом краю.
И з а б е л л а
Тому, кто дорог вам, я сердце отдаю.
К л и н д о р
И нечто большее пусть будет в результате...

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Жеронт, Адраст, Матамор, Клиндор, Изабелла, Лиза, слуги.

Адраст

За речи дерзкие умрешь ты! О, проклятье,
Пощады нет тебе!

Матамор

Захвачен я врасплох.
Скорее в эту дверь. Какой переполох!

(Вслед за Изабеллой и Лизой он скрывается в доме Изабеллы.)

Клиндор

А... с этой шайкою почувствовал ты силу!
Постой. Не скроешься. Готовь себе могилу.

Жеронт

О боже! Ранен он. Врача сюда скорей!
А вы преступника хватайте. О злодей!

Клиндор

Мне не хватает сил. Их много. Плохо дело.
Я в бездну падаю. Прощайте, Изабелла.

Жеронт

Адраста в дом теперь внесите, а ему
Свяжите руки понадежней — и в тюрьму.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Алькандр, Придаман.

Придаман

Увы! Погиб мой сын.

Алькандр

Как сильно вы дрожите!

Придаман

Волшебник, в помощи ему не откажите.

Алькандр

Терпение, мой друг, и до счастливых дней
Сумеет он дожить без помощи моей.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Изабелла.

Изабелла

Час приближается. Как время торопливо!
Свершится завтра приговор несправедливый,
Восторжествует тираническая власть,
И месть, презрев закон, свою разверзнет пасть.
Так, над возлюбленным моим чиня расправу,
Хотят неправедно страны возвысить славу,
Честь мертвому воздать, умерить гнев отца
И причинить мне боль, которой нет конца.
Увы! Кругом враги. Чудовищная сила,
Обрушившись на невиновного, сразила
Того, кто беден был, но полон был огня
И чья вина лишь в том, что он любил меня.
Клиндор, твоя любовь не ведала сомненья,
Ты совершенством был, а это преступленье;
Но тщетно думают смирить мой гордый нрав:
Расстанусь с жизнью я, Клиндора потеряв.
Я гибели твоей причина и готова
С тобою разделить твой приговор суровый.
Когда ж обоих нас земной поглотит прах,
Две любящих души сольются в небесах.
Тогда увидишь ты, жестокий мой родитель,
Что небеса для нас — счастливая обитель;
И если смерть моя внушит тебе печаль,
Мне, дочери твоей, тебя не будет жаль.
И над раскаяньем твоим и над слезами
Смеяться буду я... А если слезы сами
Не потекут из глаз, то будет призрак мой,
Являясь по ночам, твой нарушать покой.
Во мраке за тобой всегда следить он будет,
На муки совести твой скорбный дух осудит,
Рассудок погрузит в смятение и страх,
И будет смерть моя стоять в твоих глазах.
Так, дни свои влача в отчаянье и горе,
Начнешь покойнице завидовать ты вскоре.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Изабелла, Лиза.

Лиза
Что здесь вы делаете в этот поздний час?
Клянусь, что ваш отец тревожится за вас.
Изабелла
Когда надежды нет, то нечего бояться.
Здесь горю моему хочу я предаваться:
Клиндора видела я здесь в последний раз,
Во тьме мерещится мне блеск влюбленных глаз
И голос слышится, что был мне всех дороже;
Он говорит со мной, мои страданья множа.
Лиза
Зачем же горести свои усугублять?
Изабелла
А что по-твоему должна я предпринять?
Лиза
Из двух возлюбленных, что верно вам служили,
Один вот-вот умрет, другой уже в могиле.
Не тратьте время зря, оплакивая их,
Найдите третьего, что стоит их двоих.
Изабелла
Как смеешь, дерзкая, мне говорить такое!
Лиза
Что толку слезы лить, страдать, не знать покоя?
Так можно подурнеть. И этот скорбный вид
Смерть от возлюбленного разве отвратит?
Победой новою себя прославьте снова.
Есть некто, чья душа для рабства уж готова.
Прекрасный человек...
Изабелла
Исчезни с глаз моих.
Лиза
Поверьте, он один заменит вам двоих.
Изабелла
Для горя моего тебя недоставало!
Лиза
А разве хорошо, чтоб радость я скрывала?
Изабелла
Откуда же она в столь неурочный час?
Лиза
Есть повод у меня. Узнаете сейчас.

И з а б е л л а
Нет! Лучше помолчи.
Л и з а
А если это дело
И вас касается?
И з а б е л л а
Молчи, раз я велела.
Л и з а
Не много пользы здесь от ваших горьких слез,
А мой веселый нрав спасение принес
Клиндору вашему.
И з а б е л л а
Спасенье?
Л и з а
Не иначе.
Вот как я вас люблю, хоть с вами и не плачу.
И з а б е л л а
Он выйдет из тюрьмы? О, правды торжество!
Л и з а
Я дело начала, вам довершить его.
И з а б е л л а
Ах, Лиза!
Л и з а
С ним бежать вы были бы согласны?
И з а б е л л а
Бежать? С тем, без кого была бы жизнь ужасна?
Да если б от оков его ты не спасла,
Я в преисподнюю тогда б за ним пошла!
Не спрашивай меня, согласна ль я на бегство.
Л и з а
Чтоб выйти из тюрьмы, другого нету средства.
И кое-что смогла я сделать, но сейчас
Его спасение зависит лишь от вас.
В тюрьме привратник есть, и он имеет брата.
А брат в меня влюблен. Я разве виновата,
Что, на меня взглянув, теряют свой покой?
Короче говоря, бедняга сам не свой.
И з а б е л л а
И не сказала мне?
Л и з а
Стыдилась я немало
Знакомства этого и потому молчала.
Клиндор четыре дня, как заключен в тюрьму,

И я к поклоннику смешному моему
Уже не отношусь все эти дни, как прежде,
И повод расцвести даю его надежде.
Кто в первый раз влюблен и верит, что любим,
Готов на многое, все можно делать с ним.
Мой кавалер в таком сегодня положенье,
Что выполнит любой приказ без возраженья.
Однако я ему потачки не даю:
Коль хочешь быть со мной, работу брось свою.
Хоть он из-за меня на все пойти согласен,
Но тут колеблется, ведь этот шаг опасен:
Владеет с братом он единственным добром —
Ключами от тюрьмы. А как им жить потом?
Я говорю ему: решись, себя не мучай,
Теперь представился тебе счастливый случай;
Разбогатеешь ты, не будешь горя знать
И сможешь, наконец, меня своей назвать.
Бретонский дворянин в твоей тюрьме томится,
Под именем чужим он должен был таиться;
Спаси его — и мы в краю его родном,
Отправившись за ним, на славу заживем.
Мой кавалер смущен — но я не отступаю,
Он о любви твердит — я слушать не желаю,
Прощенья просит он, предчувствуя беду,—
Неумолима я и в гневе прочь иду.

Изабелла.

Что ж дальше?

Лиза

Я назад вернулась. Он в печали.
Я наседаю — он... колеблется вначале.
Тогда я говорю: «Нельзя нам больше ждать,
Твой брат в отсутствии, о чем тут толковать?»
Он отвечает мне: «Путь длинный до Бретани,
Без денег пропадем, а их у ля Монтаня
В помине даже нет».

Изабелла

И ты ему тотчас
Не предложила все, что только есть у нас?
Одежду, кольца, жемчуга...

Лиза

Не только это
Ему сказала я... Открыла по секрету,
Что любит вас Клиндор, что вами он любим

И что хотите вы последовать за ним.
Расцвел поклонник мой, и тут-то я узнала,
Что тайной ревностью душа его пылала;
И колебался потому он до сих пор,
Что думал, будто мой возлюбленный — Клиндор.
Но, уяснив теперь, в каком вы положенье,
Переменился он, отпали возраженья,
Все сделать обещал и вам велел шепнуть,
Чтоб в полночь были вы готовы.

И з а б е л л а

Значит, в путь?
Ты жизнь вернула мне и счастье.

Л и з а

И к тому же
Я нежеланного приобретаю мужа:
Себя я в жертву принесла.

И з а б е л л а

Я отплачу...

Л и з а

Нет, благодарности я вашей не хочу.
Идите складывать багаж и прихватите
С собою деньги старика. Вот посмотрите,
Что у меня в руке: ключи его! Я вмиг
Сумела их стащить, едва заснул старик.

И з а б е л л а

Пойдем, поможешь мне.

Л и з а

На этот раз придется
Все сделать вам самой.

И з а б е л л а

Что? В страхе сердце бьется?

Л и з а

Нет! Можем разбудить мы вашего отца.

И з а б е л л а

Постой: как разбудить?

Л и з а

Болтая без конца.

И з а б е л л а

Опять смеешься ты!

Л и з а

Чтоб нам достигнуть цели,

Должна я встретить здесь того, кто главный в деле.
Покуда не дождусь — отсюда ни на шаг:
Сейчас быть узнанным ему нельзя никак.
Тут не до смеха мне.

Изабелла

Тогда до скорой встречи,
И стань хозяйкою сама на этот вечер.

Лиза

Ну что ж...

Изабелла

Будь на чеку.

Лиза

Добычи вам большой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лиза.

Лиза

Клиндор, твоей судьбой, и жизнью, и душой
Распоряжаюсь я: мной ввергнут ты в оковы,
И будешь мной спасен от участи суровой.
Хотела помешать я счастью твоему,
Свободу отняла, но жизнь не отниму.
И вот, в твоей судьбе опять приняв участье,
Я жизнь тебе дарю, а вместе с ней и счастье.
Любовь потухшая вновь в сердце ожила,
Внушая мне, что месть чрезмерною была.
Обиды прежние я позабыть готова
И на признательность твою надеюсь снова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Матамор, Изабелла, Лиза.

Изабелла

Как! Сударь, это вы? В чем дело?

Матамор

В прошлый раз...

Изабелла

Что в доме делали вы в этот поздний час?

Л и з а
Вот наваждение! Откуда же он взялся?
И з а б е л л а
Я шла по лестнице, а он по ней спускался.
М а т а м о р
Хотя я в прошлый раз к вам чувства изменил,
Но покровительство свое не отменил.
И з а б е л л а
Что дальше?
М а т а м о р
И когда вдруг вспыхнула здесь ссора,
Вы в дом вошли, а я, с вас не спуская взора,
За вами поспешил, чтоб в случае чего...
И з а б е л л а
Как благородны побуждения его!
Но дальше было что?
М а т а м о р
Как часовой на страже,
Стоял я наверху.
И з а б е л л а
А мы не знали даже!
Все время были там?
М а т а м о р
Все время был.
Л и з а
Итак,
Теперь все ясно: страх загнал вас на чердак.
М а т а м о р
Страх?
Л и з а
Вы дрожите так, что мне неловко стало.
М а т а м о р
Дрожу не я, а он: резвее Буцефала
Был страх, и потому он стал моим конем;
Его бросает в дрожь, когда скачу на нем.
Л и з а
Ваш выбор скакуна мне показался странным.
М а т а м о р
Он к новым подвигам и непокорным странам
Домчит меня скорей.
И з а б е л л а
Но как четыре дня
Прожить на чердаке смогли вы?

Матамор

У меня
Есть выдержка.

Лиза

А чем питались вы?

Матамор

Нектаром
С амброзией.

Лиза

И как?

Матамор

Не нужно их и даром.

Изабелла

И потому сюда держать решили путь...

Матамор

Чтоб вам возлюбленного вашего вернуть,
Разбить его тюрьму, порвать его оковы
И дать возможность вам его увидеть снова.

Лиза

Согнал вас голод вниз. Осталось лишь признать,
Что вы хотите есть, а не тюрьму ломать.

Матамор

То и другое я хочу. О, силы ада,
Душа моя совсем амброзии не рада:
Я болен от нее. Хотя на вкус она
Весьма изысканна, однако лишена
Того, что придает нам сытость: только боги
Способны ею жить, а я чуть было ноги
Не протянул...

Лиза

А как спаслись вы?

Матамор

По ночам
Спускался с чердака, на кухню шел и там
Остатками еды питался, словно нищий:
Я их чередовал с божественною пищей.

Изабелла

Вы нас обкрадывали!

Матамор

Упрекать меня
За то, что я страдал, вас от невзгод храня?
Да в гневе я могу испепелить на месте...

И з а б е л л а
Ну, Лиза, слуг зови!
М а т а м о р
Уйдем-ка честь по чести.
Я не дурак их ждать.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

И з а б е л л а, Л и з а.

Л и з а
Смотрите: убежал!
И з а б е л л а
Страх — быстроног, седок сам это утверждал.
Л и з а
Однако сделать вы успели очень мало.
И з а б е л л а
Да, эта встреча с ним все планы поломала.
Л и з а
Так повернулись бы тотчас к нему спиной!
И з а б е л л а
Но он узнал меня, заговорил со мной.
Одна и в темноте, боялась я, что будет
Он приставать ко мне и в доме всех разбудит,
И чтобы от него отделаться верней,
Спустилась с ним сюда и с помощью твоей
Мне быстро удалось уладить это дело.
Как видишь, перед ним совсем я не робела.
Л и з а
Все верно, но пришлось нам время потерять.
И з а б е л л а
Ну, что же, я его сумею наверстать.
Л и з а
Смотрите, кто идет! Немного задержитесь:
И в ловкости его вы сами убедитесь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

И з а б е л л а, Л и з а, т ю р е м щ и к.

И з а б е л л а
Так, значит, пробил час поспорить нам с судьбой?
Ответь же: смерть иль жизнь принес ты мне с собой?
Мой друг, в твоих руках моей надежды нити!

Т ю р е м щ и к

Все хорошо идет, и страх свой прочь гоните.
Готовы лошади, и вы готовьтесь в путь.
Да! Скоро сможете свободно вы вздохнуть.

И з а б е л л а

Я, как на бога, на тебя смотреть готова.
Чем отплатить тебе? Скажи мне только слово...

Т ю р е м щ и к

Могу награду взять я лишь из этих рук.

И з а б е л л а

Ах, Лиза, сделай все, чтоб счастлив был наш друг!

Л и з а

Отвергнуть нелегко достоинства такие.
Но как откроем мы ворота городские?

Т ю р е м щ и к

Карета есть у нас, за городом она,
И знаю место я, где рухнула стена:
Нетрудно перелезть через руины эти.

И з а б е л л а

Как на иголках я. Скорее бы в карете
Отсюда укатить!

Т ю р е м щ и к

Идем, пока темно.

И з а б е л л а

Поднимемся наверх: там дело есть одно.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К л и н д о р *(в тюрьме)*.

К л и н д о р

О, как прекрасны вы, мои воспоминанья!
Пусть вскоре сменят вас предсмертные страданья,—
Покуда не пробьет последний страшный час,
Всем существом моим я буду слушать вас.
Так будьте мне верны, меня не покидайте
И в горестной судьбе мне утешенье дайте.
Когда же смерть свои знамена развернет
И взвалит на меня весь груз моих невзгод,
Напомните душе, смятением объятой,
Как незаслуженно я счастлив был когда-то
И что не должен я роптать на свой удел:
Был слишком дерзок я и многого хотел.

Но то, чего хотел, мне было недоступно,
И потому была мечта моя преступна.
Так, полюбив, я преступленье совершил
И справедливо смерть за это заслужил.
Но пусть моя душа покинет вскоре тело,
Я счастлив: из-за вас умру я, Изабелла.
Кто б ни нанес удар, прекрасна смерть моя:
Во имя ваших глаз погибнуть должен я.
Увы! Напрасно я пытаюсь без боязни
Вообразить позор неотвратимой казни.
Как горько сознавать, что не смогу я вновь
Смотреть в глаза, чей взор зажег во мне любовь!
Перед врагом моим лежу я распростертый,
Он побежден живой, но побеждает мертвый;
Что силою не смог, то званием достиг:
Он пал — и сто убийц ко мне явились вмиг;
Из крови пролитой его они восстали,
В их сердце страха нет, рука их тверже стали,
Их месть присвоила закона грозный вид
И безнаказанно убийство совершит.
Я завтра заплачу за храбрость головою,
Преступником в цепях предстану пред толпою;
Всем так не терпится честь края поддержать,
Что приговор нельзя сомненью подвергать,
И гибель верная грозит мне отовсюду.
Я смерти избежал — убит за это буду,
Жизнь защитил свою — и жизнью заплачу,
Из рук врага попал я в руки палачу.
И содрогаюсь я: страшны мне эти руки,
Отдохновенья час исполнен горькой муки,
Сон от меня бежит, и в тишине ночной
Орудье казни возникает предо мной.
Я вижу палача, я слышу, как читают
Ужасный приговор... Вот двери открывают...
Выводят из тюрьмы... Оковами звеня,
С трудом иду... Толпа глазеет на меня...
Иду туда, где смерть ждет жертвоприношенья...
Мутится разум мой, и нету мне спасенья.
На помощь кто придет? Никто!.. Всему конец...
Страх смерти так велик, что я уже мертвец.
Лишь, Изабелла, ты мне возвращаешь силы:
Когда передо мной встает твой образ милый,
Все эти ужасы, смятение и страх

Теряют остроту и тают на глазах.
Так помни обо мне! Судьба была сурова,
Но в памяти твоей жизнь обрету я снова.
Как? Открывают дверь? Так поздно в первый раз.
Друг, что ты делаешь здесь в неурочный час?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Клиндор, тюремщик.

Тюремщик *(в то время, как Изабелла и Лиза появляются в другой части сцены)*
Из состраданья к вам суд изменил решенье.
Он наконец-то проявил к вам снисхожденье.
Клиндор
О боже, правда ли?
Тюремщик
Умрете ночью вы.
Клиндор
Не все ль равно, когда лишусь я головы?
Тюремщик
Вы милости суда отвергли слишком скоро:
Публичной казни избежите вы позора.
Клиндор
Господ моей судьбы как мне благодарить?
Казнят — и доброту желают проявить.
Тюремщик
Пред милостью такой смирили б вы свой норов.
Клиндор
Друг, выполняй приказ без лишних разговоров.
Тюремщик
Вас у ворот тюрьмы ждет стражников отряд:
Посмóтрите на них — и прояснится взгляд.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Клиндор, Изабелла, Лиза, тюремщик.

Изабелла *(обращается к Лизе в то время, как тюремщик выводит Клиндора из тюрьмы)*
Сейчас мы встретимся.
Лиза
Глаза у вас сияют.

И з а б е л л а
Вернулась к жизни я, все страхи исчезают.
С Клиндором связана навек судьба моя.
И если б умер он, погибла бы и я.
Т ю р е м щ и к *(Клиндору)*
Удастся ли уйти вам от подобной стражи?
К л и н д о р
Так это вы, мадам? Не верится мне даже!

(Тюремщику.)

Обманщик добрый мой, слова твои не вздор:
Я в эту ночь умру... от счастья.
И з а б е л л а
О Клиндор!

Т ю р е м щ и к
Оставим нежности, нам надо торопиться.
С возлюбленными мы успеем объясниться.
К л и н д о р
Как? Значит, с Лизою любовь его свела?
И з а б е л л а
И знайте: их любовь свободу вам дала.
Т ю р е м щ и к
Как много времени теряем мы напрасно!
Нас могут захватить. Поверьте, здесь опасно.
И з а б е л л а
Тогда скорей бежим. Но оба вы должны
Нам с Лизой обещать, что будете скромны,
Покуда с нами в брак не вступите.
К л и н д о р
Ну что же!

Я в этом вам клянусь.
Т ю р е м щ и к
Могу поклясться тоже.

И з а б е л л а
Теперь и жизнью мне не страшно рисковать.
Т ю р е м щ и к
Должны немедленно отсюда мы бежать.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Алькандр, Придаман.

Алькандр

В погоню бросились за ними — не догнали.
Всё позади теперь: опасности, печали.

Придаман

Свободно я вздохнул.

Алькандр

И не прошло двух лет —
Добились почестей высоких... Нужды нет
Мне вам рассказывать о всяких испытаньях,
Что пережить им довелось, об их скитаньях.
О том, каким путем высоко вознеслись;
Вы главное смогли увидеть: как спаслись
Они от гибели, кто принял в них участье.
Теперь я покажу их на вершине счастья.
И так как о иных делах пойдет рассказ,
Я новым призракам явиться дам приказ:
Те, что прошли сейчас пред вашими глазами
И чью историю вы наблюдали сами,
Не предназначены для столь высоких дел;
Любить они могли — блистать не их удел.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Алькандр, Придаман.

Придаман

Как величава и прекрасна Изабелла!

Алькандр

И Лиза рядом с ней: она не захотела
Покинуть госпожу... Но заклинаю вас:
Отсюда ни на шаг, иначе вы тотчас
Погибнете. Итак, мое предупрежденье,
Надеюсь, ясно вам?

Придаман

Без всякого сомненья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Изабелла, представляющая Ипполиту; Лиза, представляющая Кларину.

Лиза

Когда же, наконец, домой вас уведу?
Или хотите ночь вы провести в саду?

Изабелла

Что привело сюда, утаивать не стану:
Мое молчание лишь бередит мне рану.
Знай: герцог Флорилам...

Лиза

Но ведь его здесь нет.

Изабелла

И в этом-то как раз причина наших бед.
Мы с ним соседствуем, он к нам любовь питает
И в свой огромный сад охотно нас пускает.
Но с герцогинею Розиной мой супруг
В его отсутствие, как я узнала вдруг,
Здесь стали назначать свидания друг другу.
Пришла пора сказать коварному супругу,
Что я не потерплю предательства его.

Лиза

Не лучше ль сделать вид, что ровно ничего
Вам не известно об измене? Разве можно
Исправить ревностью мужчину? Осторожно
Тут надо действовать: мужской изменчив нрав.
Раз мы зависимы, всегда мужчина прав.

Изабелла

Скрывать, что знают все? Таить, что негодую?
Мол, называй женой, а сам люби другую?
Но можно ль честным быть и верности обет
Бесчестно нарушать? Что скажешь ты в ответ?

Лиза

Так было в старину, теперь другое время;
Мужчин не тяготит супружеское бремя:
Особые права даны им в наши дни,
И где теряем мы, там с прибылью они.
Брак не в обузу им, а совесть не преграда.
Коль хочешь быть в чести, иметь любовниц надо.

И з а б е л л а

И слышать не хочу я про такую честь!
Так, значит, им почет, когда измен не счесть?
А если человек измену ненавидит?
О, пусть тогда вокруг он лишь презренье видит,
Пусть всеми осужден, мне дорог он и мил,
Когда такой ценой бесчестье заслужил.
Пусть за любовь к жене отвергнут он толпою,
Его отверженность считаю я святою.

Л и з а

Должно быть, это он, открылась тихо дверь.

И з а б е л л а

Уйдем.

Л и з а

Увидел нас. Нам не уйти теперь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К л и н д о р, представляющий Теажена; И з а б е л л а, представляющая Ипполиту; Л и з а, представляющая Кларину.

К л и н д о р

Вы убегаете? Постойте, герцогиня!
Или раздумала уже моя богиня
Позволить мне излить любовь мою в словах?
Приблизьтесь, час настал. И пусть исчезнет страх:
Уехал Флорилам, моя жена в постели.

И з а б е л л а

А если нет?

К л и н д о р

Судьба! Казалось, был у цели.

И з а б е л л а

Изменник, я не сплю, и даже мрак ночной
Не помешает мне позор увидеть твой.
Пришла уверенность на смену подозренью:
Все слышала сама, и места нет сомненью.
На речи нежные твой ум настроен был,
И вот, придя сюда, ты тайну мне открыл;
Так ловко действовал, как ни один влюбленный:
Во всем признался сам жене своей законной.
Но кто поклялся мне любить меня всегда?
И где твоя любовь? Так вспомни, что, когда

Я с благосклонностью словам твоим внимала,
Не равны были мы, нас пропасть разделяла,
Но я отвергла всех соперников твоих,
И ты, простой солдат, был выделен средь них.
Отец меня любил, и дом был полной чашей —
Я нищету твою назвать решила нашей,
И в дерзком замысле я помогла тебе,
Соединясь с тобой наперекор судьбе.
Но сколько всяких бед досталось мне в наследство!
Какие тяготы таило наше бегство!
Что выстрадала я, покуда не был ты
Судьбой исторгнут вдруг из мрака нищеты!
Но если счастье так тебя переменило,
Верни меня к отцу: здесь сердцу все немило.
Любя тебя, я шла тернистою тропой
Не из тщеславия, а чтобы ты был мой.

Клиндор

Меня не упрекай за то, что ты со мною
Бежала из дому: любовь тому виною,
Она заставила тебя за мной идти,
Искала счастья ты и только так найти
Могла его тогда... И пусть я значил мало,
Но бегство из дому тебя со мной сравняло.
Да, был богатства блеск! Но мне какой в нем прок?
Он за тобой никак последовать не мог.
Был только меч моим единственным владеньем,
Одна твоя любовь служила утешеньем,
Она возвысила меня в чужих краях,
Он риску подвергал в бесчисленных боях.
Теперь на дом отца взирай печальным взглядом,
Скорби, что герцоги стоят с тобою рядом;
Вернись в свой край родной — тебя богатство ждет,
Хотя не встретишь там такой, как здесь, почет.
На что ты жаловаться можешь, в самом деле?
В чем был тебе отказ? Когда-нибудь посмели
Глаза мои смотреть с презреньем на тебя?
Нет, право, женский ум постичь не в силах я.
Пусть муж боготворит, пусть из любви к супруге
Готов он оказать любые ей услуги,
Пусть окружит ее вниманьем, пусть всегда
На просьбу всякую он отвечает: «Да»,—
Но если в верности дал повод для сомненья,
Все позабыто вмиг, нет хуже преступленья:

Да это ж воровство, предательство, подлог!
Отца зарезал он и дом его поджег!
И казнью страшною, постигшей Энкелада,
Без промедления казнить злодея надо.

И з а б е л л а

Уже сказала я: не славою твоей
Ты смог меня прельстить. Что знала я о ней,
Когда отцовский дом с тобою покидала?
Но если для тебя теперь я значу мало,
То помни хоть о том, кому обязан всем;
Один лишь Флорилам, когда ты был ничем,
Помог тебе в нужде: солдат, бродяга-воин
Благодаря ему был чином удостоен.
Так счастье начало сопутствовать тебе;
И вскоре сам король решил в твоей судьбе
Принять участие по слову Флорилама,
Чья дружба на тебя работала упрямо.
Теперь могуществом ты бóльшим наделен,
Чем покровитель твой, хоть рангом выше он.
Как благодарностью тут не платить! И что же?
Ты вздумал осквернить супружеское ложе
Того, с чьей помощью сбылись твои мечты!
Свое предательство как оправдаешь ты?
Он одарил тебя — ты кражу совершаешь,
Тебя возвысил он — его ты унижаешь,
К высоким почестям тебе открыл он путь —
Его доверие ты смеешь обмануть.

К л и н д о р

Душа моя (так звать тебя всегда я буду,
Покуда не умру и все слова забуду),
Поверь, что и судьба, и перед смертью страх
Не так сильны, как ты с упреком на устах.
Зови меня лжецом, кори меня изменой,
Но не кляни любовь и пламень наш священный:
Они еще хранят присущую им власть,
И если бы могла моя слепая страсть
Исчезнуть навсегда при самом зарожденье,
Была бы их вина в ее исчезновенье.
Но тщетно долг велит сопротивляться ей:
Сама познала ты, что нет ее сильней,
Когда отцовский дом и край свой покидала,
Чтоб с бедностью моей в пути искать привала.
Сегодня тот же бог, бог страсти правит мной;

И, обделив тебя, я отдаю другой
Вздох тайный, нежный взгляд, я весь в огне...
И все же
Из сердца вытеснить тебя никто не сможет.
Любовь, с которою соседствует порок,
Сама разрушится, ее недолог срок;
А та любовь, что нас навек соединила,
Возвышенна, чиста, и никакая сила
Ее не победит: покуда мы живем,
Становится она лишь крепче с каждым днем.
Прости же мне мой грех, прости мне речи эти:
Бог страсти — злой тиран, и он за все в ответе.
Но не пройдет и дня — погаснет жар в крови,
Ничем не повредив супружеской любви.

И з а б е л л а

О, как желание любви непобедимо!
Дать обмануть себя, поверить, что любима,
Хочу я всей душой: ведь дорог мне и мил
Тот, кто неверен был и боль мне причинил.
Прости, о мой супруг, что сдержанности мало
В минуты первые в речах я проявляла:
Когда пришла беда, нельзя спокойной быть,
И сдержан только тот, кто перестал любить.
Прошли года, и я теперь не так красива,
Ко мне ты охладел, и это справедливо;
И все же верю я, что твой минутный пыл
Для наших брачных уз не столь опасен был.
Подумай о другом: великое несчастье
Тебе сулит предмет твоей минутной страсти.
Скрывай желания, таи мечты свои:
У сильных мира нет секретов в их любви,
За власть имущими, как тень, шагает свита,
У свиты сотни глаз, от них ничто не скрыто,
А люди таковы, что каждый только ждет,
Чтоб сплетней заслужить внимание господ.
И вот окольными путями или прямо
Слух о твоих делах дойдет до Флорилама.
Кто знает (эта мысль страшит всего сильней),
Как далеко зайдет он в ярости своей?
О, если жаждешь ты любовных похождений,
Ищи их, бог с тобой! Но ради наслаждений
Хоть жизнью не рискуй, чтоб холодно могла
Смотреть я на твои поступки и дела.

Клиндор

Я говорил тебе и снова повторяю:
Так страсть моя сильна, что жизнь я презираю,
А сердце ранено настолько глубоко,
Что страх в нем возбудить, поверь мне, нелегко.
Я страстью ослеплен и, чтоб достигнуть цели,
Готов на риск любой... Коль страсти одолели,
Дано им бушевать, пока не минет срок.
Но в скором времени иссякнет их поток.

Изабелла

Что ж! Если смерти миг таит очарованье,
Не дорожи собой, забудь мои страданья;
Но разве Флорилам свою насытит месть,
Карая лишь тебя за попранную честь?
И кто тогда служить защитою мне станет?
В могиле будешь ты, и мой черед настанет
Гнев герцога навлечь: он отомстит вдвойне,
Пришельца покарав и мстя его жене.
Но я не буду ждать коварного удара,
Когда, вслед за тобой, меня постигнет кара
Или когда решат, мольбы мои презрев,
Честь у меня отнять, чтоб свой насытить гнев.
На гибель и позор меня ты обрекаешь,
Я умереть хочу, коль жить ты не желаешь.
То тело, что сама тебе я отдала,
Не станет жертвою насилия и зла.
Нет! Муж любовницы не насладится местью,
Не будет радоваться моему бесчестью.
Прощай навек. Умру, пока ты не убит,
И смерть моя от клятв тебя освободит.

Клиндор

О нет, не умирай! Твоих достоинств сила
Чудесным образом меня преобразила.
Узнать, что сделал я,— и продолжать любить!
Желать загробной тьмы — но честь свою хранить!
Величье мужества, любви твоей величье
Предстали предо мной в их истинном обличье,
И пред тобой готов я на колени пасть.
Я снова чист душой, где низменная страсть
Не может властвовать: цепь разорвав на части,
Освобождается душа моя от страсти,
Был беззащитен я, когда пришла беда.
Не вспоминай о ней.

И з а б е л л а

Не вспомню никогда.

К л и н д о р

Пусть все красавицы, чей блеск поэты славят,
Составят заговор и мне войну объявят,—
Бессильны чары их и стрелы взоров их.
Ты — божество мое, ты — свет очей моих.

Л и з а

Мадам, сюда идут.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К л и н д о р, представляющий Теажена; И з а б е л л а, представляющая Ипполиту; Л и з а, представляющая Кларину; Э р а с т; с л у г и Флорилама.

Э р а с т *(нанося Клиндору удар кинжалом)*

Вот плата за измену!
Любовнице своей теперь ты знаешь цену.

П р и д а м а н *(Алькандру)*

Спасите же его, о мудрый человек!

Э р а с т

Пусть все предатели кончают так свой век!

И з а б е л л а

Что сделал ты, палач!

Э р а с т

То, что примером будет
В веках служить всем тем, кто, как и он, забудет
О благодарности, кто вздумает опять
На честь высокую коварно посягать.
Да! Герцог отомщен и герцогиня тоже.
Отомщены и вы. Однако не похоже,
Чтоб вас утешило деянье наших рук,
Хоть трижды виноват неверный ваш супруг.
Лишили жизни мы того, кто был бесчестен,
И потому, мадам, ваш ропот неуместен.
Прощайте.

И з а б е л л а

Вами он убит не до конца:
Нет, он во мне живет. Добейте ж мертвеца!
Меня прикончите и завершите дело.
О бедный мой супруг, я слушать не хотела

То, что предчувствие подсказывало мне:
Кинжал тебя пронзил, и по моей вине.
Я отстранить его могла, но так случилось,
Что зримым стало зло, когда оно свершилось.
А надо было... Нет! К чему теперь слова.
Дышать мне нечем... Мрак.., Кружится голова...
Убита горем я. Мой друг, до скорой встречи
На небесах...

Л и з а

Она лишилась дара речи.
Мадам... О господи, ее-то в чем вина?
Врача, скорей врача, ведь при смерти она!

Занавес опускается, и сад с трупами Клиндора и Изабеллы исчезает; в о л ш е б н и к и о т е ц К л и н д о р а выходят из грота.

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

А л ь к а н д р, П р и д а м а н.

А л ь к а н д р

Вот так со смертными судьба порой играет:
То вознесет их вверх, то в пропасть низвергает.
И так устроен мир, что в счастье иногда
Уже заключена великая беда.

П р и д а м а н

Слова подобные приносят утешенье,
Когда ничтожные нам выпали лишенья.
Но с ужасом узрев смерть сына моего,
Надежду потеряв, не зная, для чего
Теперь на свете жить,— я был бы проклят вами,
Когда б утешился подобными словами.
В скитаньях, в нищете погибнуть он не мог,—
Погублен счастьем был. О, беспощадный рок!
Какие горькие мне выпали мученья!
Но, жалуясь на боль, мы ищем облегченья,
А мне зачем оно? Хочу я умереть,
Чтоб сына моего на небесах узреть.

А л ь к а н д р

Вполне оправданно отчаянье такое.
Вас отговаривать — занятие пустое,
Коль вы задумали уйти за сыном вслед.

Но как? Убить себя? Позвольте дать совет —
Пусть горе вас убьет, что и случится вскоре:
Вид похорон его удвоит ваше горе.

Занавес поднимается, и все актеры вместе с привратником выходят на сцену. Отсчитав деньги за столом, каждый из них берет свою часть.

Придаман
Что вижу я? Расчет идет у мертвецов!

Альканд р
Причем никто из них не тратит лишних слов.

Придаман
Никак не ожидал подобного сюрприза!
Клиндор, его жена, его убийца, Лиза —
Все здесь присутствуют, и споров нет у них.
Но что свело их вновь — и мертвых и живых?

Альканд р
Свело их только то, что все они актеры.
Прочитан монолог — и кончились раздоры.
Убийцей был один и жертвою другой,
Но правит вымысел смертельной их враждой;
Стихи ведут на бой, слова кричат о боли,
Когда же сыграны разученные роли,
Враги перестают хитрить и убивать
И делят выручку, друзьями став опять.
Ваш сын и те, кто с ним участье принял в деле,
Погоню сбить с пути с большим трудом сумели;
Однако от нужды еще трудней уйти —
Театр им помог прибежище найти.

Придаман
Увы, мой сын — актер!

Альканд р
В искусстве трудном сцены
Четыре беглеца узрели клад бесценный.
Что после бегства их произошло потом?
Любовь к чужой жене, душевный перелом,
Смерть неожиданная — это всё играли
Они для публики в битком набитом зале.
Конец печален был... зато не первый год
В Париже восхищен игрою их народ.
Они не бедствуют, и роскошь одеянья
(На что вначале обратили вы вниманье),
Клиндору вашему сопутствует... Но он
На сцене только был в ту роскошь облечен.

Придаман
Хотя притворною смерть сына оказалась,
Для радости моей все ж места не осталось.
Так вот те почести и славы торжество,
Которыми судьба венчает путь его!
Альканд р
Вы не должны роптать. Театр в наше время
Достиг таких высот, что обожаем всеми.
С презреньем на него смотрели в ваши дни,
Теперь же слышатся лишь похвалы одни.
Париж им покорен, в глуши о нем мечтают,
Все образованные люди почитают,
Народу в радость он, утеха для господ,
Всем удовольствие и ото всех почет.
А те, чья мудрость глубока и постоянна
И кто заботится о благе всех так рьяно,
Находят в зрелище, достойном мудрецов,
Отдохновение от тягостных трудов.
И даже сам Король, великий наш властитель,
Гроза враждебных царств, сражений повелитель,
Порой одаривал вниманием своим
Театр французский — он и королями чтим.
Парнас там в наши дни сверкает чудесами,
И лучшие умы туда приносят сами
Трудов своих плоды, в которых отражен
Их созреванью помогавший Аполлон.
Но если деньгами удачу надо мерить —
Театр их дает; и можете поверить,
Что сын ваш не бедняк: имеет он сейчас
Гораздо больше благ, чем мог иметь у вас.
Пора вам общее отвергнуть заблужденье:
Клиндор находится в завидном положенье.
Придаман
Теперь понятно мне, не должен я роптать:
Его занятие с моим нельзя равнять.
Меня расстроило, что сын попал на сцену:
Театр я судил, ему не зная цену,
И осуждал его, не ведая о том,
Как много блеска в нем, какая польза в нем.
Однако ваша речь своей достигла цели,
Мое неведенье рассеять вы сумели.
Сын верный путь избрал.

Альк а н д р

Легко проверить вам.

Придаман

Поэтому себе я отдыха не дам
И завтра же — в Париж. Но как, скажите сами,
Мне вас благодарить? Не выразить словами
Мою признательность.

Альк а н д р

Я должен вам сказать,
Что радость для меня — услугу оказать.
Счастливым вижу вас, и в том моя награда.

Придаман

Вам, о великий маг, других наград не надо.
Но знайте, что всегда, во всякий день и час,
За вашу доброту я буду помнить вас.

ЕЕ СВЕТЛОСТИ ГЕРЦОГИНЕ Д'ЭГИЙОН[1]

Примите, ваша светлость, живое изображение героя, коего вы без труда распознаете по обилию лавров, его венчающих. Жизнь его — нескончаемая цепь побед. Сама смерть оказалась бессильной против его славы. Мертвое тело героя, несомое воинством, продолжало наводить страх и выигрывать сражения. И нынче, спустя шесть столетий, имя его с новым блеском засверкало во Франции. Испанский герой встретил здесь прием слишком радушный, дабы сожалеть о приезде на чужбину, равно как и о том, что ему пришлось заговорить на чужом языке. Успех превзошел все самые честолюбивые мои ожидания и поначалу даже смутил меня. Но вскоре смущение исчезло, едва я заметил благосклонное внимание ваше к моему герою. Тогда-то я и отважился возложить на него все те надежды, которые ныне сбылись, и я рассудил, что после похвал, коими вы почтили его, всеобщее одобрение стало неизбежностью. Да и как могло случиться иначе, ваша светлость? Как можно сомневаться в достоинствах чего-либо, что имело счастье вам понравиться? Суждение ваше — вернейшее определение истинной цены, и поскольку вы неизменно выказываете одобрение лишь подлинным красотам, то мнимые никогда не смогут ввести вас в заблужде-

[1] Это посвящение, а также «Предуведомление» и «Разбор» этой трагедии даются в переводе Н. Томашевского.

ние. Притом ваше великодушие не ограничивается бесплодными похвалами произведениям, кои пришлись вам по душе: оно с великой пользой распространяется на их создателей, употребляя для их пользы то большое влияние, которое доставлено вам вашим положением и вашими добродетелями. Я сам испытал столь благоприятные последствия такового великодушия, что не могу об этом умолчать и не принести вам глубочайшую благодарность от своего имени и от имени Сида. Эта благодарность особенно близка моему сердцу, ибо мне решительно невозможно обнародовать свою благодарность вам, не упомянув одновременно о вашем уважении к моему труду. Итак, ваша светлость, если я и желаю некоторого долголетия этому счастливому детищу моего пера, то отнюдь не для того, чтобы оставить свое имя потомству, но с единственной целью навечно запечатлеть свою благодарность вам и заставить тех, кто родится в будущие века, прочитать это мое публичное заявление.

Всепокорнейший, всеподданнейший и всеобязаннейший слуга вашей светлости.

Корнель

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Выдержка
из сочинения Марианы «Historia de España»,
кн. IV, гл. I:

«Avia pocos días antes hecho campo con D. Gómez, conde de Gormaz. Vencióle, y dióle la muerte. Lo que resultó de este caso, fue que casó con doña Ximena, hija y heredera del mismo conde. Ella misma requirió al rey que se le diesse por marido (ya estaba muy prendada de sus partes), ó le castigasse conforme a las leyes, por la muerte que dió a su padre. Hizóse el casamiento, que a todos estaba a cuento, con el qual por el gran dote de su esposa, que se allegó al estado que él tenia de su padre, se aumentó en poder y riquezas» [1].

---

[1] «За несколько дней до того он сразился с доном Гомесом, графом де Гормас. Одолел его и предал смерти. И воспоследовало из этого события то, что он женился на донье Химене, дочери и наследнице сказанного графа. Она сама испросила у короля решить это дело так: либо пусть Родриго женится на ней (уж очень она была влюблена в великие его достоинства), либо пусть его покарают, согласно законам, за убийство отца. Женитьба состоялась, и всем она пришлась по душе. Благодаря браку большое приданое невесты прибавилось к тому, что сам он унаследовал от отца, и таким образом могущество и богатство Родриго только упрочились».

Вот что история подсказала дону Гильену де Кастро, который еще до меня переложил знаменитое это событие для театра. Те, кто разумеет испанский язык, заметят два обстоятельства: первое — Химена не в силах не признать и не любить великие достоинства Родриго (estaba prendada de sus partes), хотя он и был убийцей ее отца. Она сама отправляется к королю с предложением благородного выбора: либо пусть дает его в мужья, либо пусть накажет, согласно законам. Второе — брак всем пришелся по душе (a todos estaba a cuento). Две хроники о Сиде добавляют, что бракосочетание совершил архиепископ Севильи в присутствии короля и всего двора. Но я ограничился текстом историка, ибо обе хроники припахивают романом, и достоверность их ничуть не больше достоверности тех стихотворных хроник, которые были сложены у нас вокруг Карла Великого и Роланда. Того, что я извлек из рассказа Марианы, с лихвой хватает для характеристики Химены и ее замужества во времена, в кои она жила в таком блеске, что короли Арагона и Наварры посчитали за честь жениться на ее дочерях. Кое-кто в наше время не пожелал оценить ее столь высоко; умалчивая о том, что говорилось о Химене театральной, сошлюсь на французского сочинителя истории Испании. В своей книге он не удержался от того, чтобы не отметить, будто она чересчур легко и быстро утешилась после смерти отца, и пожелал приписать легкомыслию то, что современники и свидетели приписывали душевному величию и редкому мужеству. Два испанских романса, которые я приведу в этом предуведомлении, говорят еще больше в ее пользу. Эти маленькие поэмки являются как бы оригинальными «вырезками» из старинных преданий. Я счел бы себя неблагодарным к памяти героини, если б, познакомив с ней французов и с ее помощью снискав некоторую известность, не попытался бы защитить ее от позорящих нападок, которые обрушились на нее потому только, что она прошла через мои руки. Итак, я привожу вам эти сочинения, оправдывающие ее репутацию, каковою она пользовалась у современников, и при этом отнюдь не преследую цели оправдать тот французский язык, коим я заставил ее говорить. За меня это сделало время. Переводы пиесы, сделанные на языки тех народов, которые интересуются сегодня театром, то есть на итальянский, фламандский и английский,— пожалуй, самая красноречивая защита против любой произносимой сегодня хулы. Прибавлю к этому всего какую-нибудь дюжину испанских стихотворных строк, созданных словно нарочно для того, чтобы защитить Химену. Они взяты из того самого автора, моего предшественника дона Гильена де Кастро, который в другой комедии, названной им «Engañarse engañando», вкладывает в уста принцессе Беарнской такие слова:

A mirar
Bien el mondo que el tener
Apetitos que vencer,
Y ocasiones que dexar.

Examinan el valor
En la muger, yo dixera
Lo que siento, porque fuera
Luzimiento de mi honor.
Pero malicias fundadas
En honras mal entendidas
De tentaciones vencidas
Ilamen culpas declaradas:
Y assi, la que el dessear
Con el resistir apunta,
Vence dos vezes, si junta
Con el resistir el callar [1].

Не так ли поступает Химена в присутствии короля и инфанты в моей пиесе? Я говорю: «в присутствии короля и инфанты» — ибо, оставаясь одна, или с наперсницей, или с возлюбленным, она ведет себя иначе. Ее повадки, «неравно одинаковые»—пользуясь словами нашего Аристотеля,— меняющиеся в зависимости от места, времени, собеседников и обстоятельств, сохраняют в то же время общий свой принцип.

Кроме того, я чувствую себя обязанным освободить публику от двух заблуждений, распространившихся в связи с этой трагедией и, как кажется, укоренившихся благодаря моему молчанию. Первое заблуждение состоит в том, что я будто бы согласен с судьями в части достоинств пиесы. Я бы и поныне хранил молчание, когда б этот ложный слух не достиг господина де Бальзака в его глуши, или, говоря его же словами, «пустыне», и когда бы в скором времени я не узрел этому следов в восхитительном послании,

---

[1] ...Надо знать,
Что стремление к победам
Признается, если следом
Безразличье проявлять.
Коль для женщин в этом есть
Их достоинств украшенье,
То могла б я, без сомненья,
И мою украсить честь.
Но злословье не поймет
И в своем усердье праздном
Все победы над соблазном
Пораженьем назовет.
Дважды надо победить,
Чтобы заслужить почтенье:
Победить свое влеченье
И молчание хранить.
(*Исп.*— Перевод М. Кудинова)

каковое он направил по поводу трагедии и каковое является жемчужиной, ничуть не менее ослепительной, чем две последние драгоценности, подаренные им читателю. Теперь, когда благодаря этому несравненному посланию моему имени суждено жить в веках,— ибо все, что выходит из-под пера господина де Бальзака, касается всего потомства,— мне было бы стыдно жить с подобным пятном, подвергаясь постоянным попрекам за мнимое согласие с судьями. Случай поистине беспримерный: из всех тех, кто, подобно мне, подвергался нападкам, никому, сколько знаю, не приходило в голову соглашаться с хулителями; а если они, как, впрочем, и я, не препятствовали желающим выносить любые суждения, то это отнюдь не означало молчаливого согласия. Не говорю уж о том, что в обстановке, сложившейся тогда вокруг «Сида», не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы разглядеть то, чему мы стали свидетелями нынче. Лишь только совершеннейшие глупцы не могли уразуметь того, что все вопросы подобного свойства, не затрагивающие государства и религии, могли решаться с помощью правил человеческой рассудительности и правил театральных и что можно было без особых угрызений повернуть смысл доброго Аристотеля в сторону политики. Я не знаю, судили ли «Сида» согласно собственному разумению или нет. Не хочу касаться и того, хорошо или плохо его судили. Хочу лишь сказать, что все вынесенные приговоры никогда не получали моего согласия и что, быть может, я даже без тяжких мучений оправдал бы эти суждения, когда б меня не заставляла молчать та самая причина, которая заставляла судей говорить. В своей «Поэтике» Аристотель выразился не столь уж определенно, чтобы мы не могли поступать подобно философам, тянувшим его всяк в свою сторону для подкрепления собственных мыслей; беда в том, что область эта совершенно незнакома для большинства, и потому даже самые ярые приверженцы «Сида» поверили его хулителям на слово в той части, где последние утверждали, будто-де не имеет значения, написан ли «Сид» по правилам Аристотеля или нет, ибо Аристотель сочинил их для своего времени и для Греции, а не для нашего и не для французов.

Это второе заблуждение, укоренившееся благодаря моему молчанию, столь же оскорбительно для Аристотеля, сколь и для меня. Этот великий человек толковал о поэтике с таким знанием и таким умом, что предписания, им составленные, равно годятся для всех времен и для всех народов. Будучи далеким от того, чтобы забавляться всякими условностями и другими украшающими мелочами, могущими быть многоразличными в зависимости от обстоятельств, он был неукоснительно точен в рассмотрении движения души, природа которой остается неизменной: он показал, какие страсти трагедия должна возбуждать в душе зрителей; он определил условия, необходимые как вводимым персонажам, так и изображаемым событиям, чтобы вызвать эти страсти. Аристотель завещал нам средства, безотказно действовавшие повсюду с сотворения мира и которые будут

действовать вековечно, покуда не переведутся театры и актеры. Составляя свои предписания, Аристотель тем не менее учитывал, что места действия и времена могут меняться, и потому даже количество актов он не стал уточнять. Много позже это сделал за него Гораций.

Наверняка я первый осудил бы «Сида», когда б он погрешал против великих и основополагающих заветов нашего философа. Будучи далеким от нескромности, я тем не менее решаюсь заметить, что счастливое мое сочинение получило прочный успех единственно из-за присутствия в нем двух «царственных» (да простится мне этот эпитет!) условий, которые великий учитель полагал необходимыми для всякой совершенной трагедии и которые столь редко сочетаются в одном произведении. Именно это обстоятельство позволило одному из ученых комментаторов божественного трактата утверждать, будто античность видела подобное сочетание лишь в одном «Царе Эдипе». Первое условие заключается в том, что страдающий и преследуемый не должен быть ни всецело злым, ни всецело добродетельным, но должен быть скорее добродетельным, чем злым, должен быть существом, которое благодаря человеческой слабости (отнюдь не преступной) попадает в беду, коей не заслуживает; другое условие заключается в том, что преследование и угроза исходят вовсе не от врага и не человека безразличного, но от человека, который любит гонимого и этим гонимым любим. Вот, если говорить начистоту, подлинная и единственная причина успеха «Сида», в котором нельзя не разглядеть наличия сказанных двух условий, если, конечно, не поддаваться самоослеплению ради злопыхательства. На этом я кончаю, выполнив данное мною слово. А теперь, когда я рассказал коротко о Сиде театральном, я приведу в защиту Химены исторической те два романса, которые я обещал вначале.

ROMANCE PRIMERO

Delante el rey de León
Doña Ximena una tarde
Se pone a pedir justicia
Por la muerte de su padre.

Para contra el Cid la pide,
Don Rodrigo de Bivar,
Que huérfana la dexó,
Niña, y de muy poca edad.

РОМАНС ПЕРВЫЙ

В поздний час пред королем,
Что Леоном управляет,
Донья юная — Химена
К справедливости взывает.

Говорит она о Сиде,
Ибо он своей рукою
Поразил отца Химены,
Сделал донью сиротою.

Si tengo razón, o non,
Bien, rey, lo alcanzas y sabes,
Que los negocios de honra
No pueden disimularse.
Cada día que amanece
Veo al lobo de mi sangre
Caballero en un caballo
Por darme mayor pesare.
Mandale, buen rey, puedes
Que no me ronde mi calle,
Que no se venga en mugeres
El hombre que mucho vale.
Si mi padre afrentó al suyo,
Bien he vengado a su padre,
Que si honras pagaron muertes,
Para su disculpa basten.
Encomendada me tienes,
No consientas que me agravien,
Que el que a mi se fiziere,
A tu corona se faze.
Calledes, doña Ximena,
Que me dades pena grande,
Que yo daré buen remedio
Para todos vuestros males.
Al Cid no le he de ofender,
Que es hombre que mucho vale
Y me defiende mis reynos,
Y quiero que me los guarde.
Pero yo faré un partido
Con el, que no os este male,
De tomalle la palabra
Para que con vos se case.
Contenta quedó Ximena,
Con la merced que le faze,
Que quien huérfana la fizó
Aquesse mismo la ampare.

«Пусть права я или нет,
Но тебе, король, известно,
Что любое дело чести
Порешить нельзя бесчестно.
Ежедневно, на рассвете,
Тот, кто крови был виною,
Множит скорбь мою, гарцуя
На коне передо мною.
Прикажи, король мой добрый,
Чтоб забыл ко мне дорогу.
И, желая мстить мужчине,
Чтобы женщину не трогал.
Если был моим отцом
Оскорблен родитель Сида,
Смерть была достойной платой
За великую обиду.
Ты всегда, король, мне верил —
Знай, в одном теперь мы схожи:
Кто нанес мне оскорбленье,
Оскорбил корону тоже».
«Успокойтесь, о Химена,
Слушать вас мне, право, больно!
Я найду такое средство,
Чтоб остались вы довольны.
Сида мне нельзя обидеть,
Многих он похвал достоин
И, храня мои владенья,
Верно служит мне как воин.
Чтобы он не докучал вам,
Надо с ним договориться:
Пусть он даст мне обещанье
Поскорей на вас жениться».
Этой милостью Химена
Тут утешилась без спора:
Кто лишил ее опоры,
Станет сам ее опорой.

(Исп. — Перевод М. Кудинова)

ROMANCE SEGUNDO

A Ximena y a Rodrigo
Prendió el rey palabra, y mano,
De juntarlos para en uno
En presencia de Layn Calvo.
Las enemistades viejas
Con amor se conformaron,
Que donde preside el amor
Se olvidan muchos agravios.
. . . . . .
Leegaron juntos los novios,
Y al dar la mano, y abraco,
El Cid mirando a la novia,
Le dixó todo turbado:

Maté a tu padre, Ximena,
Pero no a desaguisado,
Matéle de hombre a hombre,
Para vengar cierto agravio.
Mate hombre, y hombre doy,
Aqui estoy a tu mandado,
Y en lugar del muerto padre
Cobraste un marido honrado,
A todos pareció bien,
Su discreción alabaron,
Y assi se hizieron las bodas
De Rodrigo el Castellano.

РОМАНС ВТОРОЙ

Тут с Химены и Родриго
Взял король немедля слово,
Что они соединиться
Во единое готовы.
Их вражда любовью стала,
Ибо каждому известно:
Где главенствует любовь,
Там обидам нету места.
. . . . . .
Вместе прибыли они,
И, невесту обнимая,
Говорил ей Сид, волнуясь
И волненья не скрывая:

«Твоего отца, Химена,
Я убил, но не таился:
С ним я за мою обиду
Как мужчина расплатился.
Мужа славного убил я
И взамен вручаю мужа,
Вместо мертвого отца
Он тебе отныне служит».
Все Родриго одобряли,
И за скромность все хвалили.
Так женился на Химене
Дон Родриго из Кастильи.

(Исп. — Перевод М. Кудинова)

РАЗБОР

Это сочинение обладает столькими достоинствами с точки зрения фабулы и содержит столько счастливых мыслей, что большинство зрителей и читателей не пожелало увидеть в нем недостатков, поддавшись удовольствию лицезреть его на театре. Несмотря на то, что из всех моих «правильных» сочинений, писанных для сцены, «Сид» самое вольное, оно по-прежнему остается наиболее совершенным в глазах тех, кто не придает особого значения жесткости правил. В течение пятидесяти лет, что «Сид» не сходит с подмостков, ни время, ни причуды вкуса не сумели приглушить его успех. Он отвечает двум важнейшим условиям, которые Аристотель полагал не-

пременной принадлежностью всякой истинно совершенной трагедии и которые в совокупности встречаются крайне редко, будь то у древних или новых авторов. В нашей трагедии условия эти сплетены прочнее и искуснее, нежели в образцах, упоминаемых греческим философом. В самом деле, здесь действует влюбленная, которую чувство долга побуждает добиваться смерти возлюбленного, чьей гибели она в то же время боится более всего на свете. Страсти ее куда сильнее и разноречивее, нежели те, что способны обуревать мужа и жену, мать и сына, брата и сестру. Высокая добродетель в сочетании с естественностью страсти, которую она укрощает, не приглушая ее, и которой она, напротив, оставляет всю присущую ей силу, дабы славнее было торжество над ней,— все это куда трогательнее, возвышеннее и приятнее, чем та посредственная доброта, способная на слабость и даже на преступление, из которой наши древние были вынуждены лепить совершенные характеры королей и принцев, коих они брали в свои герои. Подвиги и злодеяния героев, изуродовав остатки добродетели, им отпущенной, долженствовали, по мысли авторов, потрафить вкусам и устремлениям зрителя, усилить его ужас перед правителями и монархией.

Родриго следует долгу, ни на йоту не поступясь страстью. Так же действует Химена. Страдание, причиняемое ей стремлением отомстить любимому, не колеблет ее намерения. Если же присутствие возлюбленного и заставляет ее порой оступаться, то падения эти всегда минутные, она тотчас же оправляется от них. Химена не только сознает свою ошибку — о ней она даже предупреждает нас,— но и мигом исправляет то, что лицезрение любимого непроизвольно вырывает у нее. Вовсе не следует попрекать ее за свидание с возлюбленным после того, как он убил ее отца, Химена признает, что злословие будет единственной ей наградой. Пусть порыв страсти и заставил ее однажды признаться Родриго в том, что она обожает и преследует его, и пусть все об этом знают, но никак не надо это принимать за решимость. В присутствии короля она отлично скрывает свою любовь. Если у нее и вырывается ободряющее напутствие Родриго, идущему сразиться с доном Санчо:

Будь победителем и завоюй меня,—

то она не довольствуется просто бегством от стыда за свое напутствие. Когда Химена остается наедине с Эльвирой, которой она поверяет все душевные свои тайны, и когда вид драгоценного ей существа уже более не терзает ее сердца, Химена высказывает пожелание куда рассудительнее: оно в равной мере устраивает и ее любовь и ее добродетель. Химена молит небо, дабы поединок закончился так,

Чтоб из соперников никто не одолел.

Если она и не скрывает своей склонности к Родриго из боязни принадлежать дону Санчо, к коему испытывает неприязнь, то тем не менее не отказывается и от угрозы, высказанной незадолго перед тем: выставить,

в случае победы Родриго и невзирая на условия поединка и обещание, данное ему королем, тысячу новых бойцов. Даже тот взрыв страсти, который Химена не смогла сдержать, когда ей подумалось, что погиб Родриго, сопровождался столь же яростным неприятием условия поединка, отдающего ее в руки возлюбленного. Успокаивается она лишь тогда, когда король подал ей надежду на возможность появления со временем какого-либо иного препятствия. Мне достаточно известно, что молчание обычно принимается за знак согласия. Но когда заговаривают короли — дело осложняется. Обычно им рукоплещут. Единственный способ оспорить их — это со всем должным почтением молчать. Молчать, понятно, в тех случаях, когда повеления их не столь уже спешны для выполнения и можно отложить его до лучших времен, законно уповая на какую-нибудь непредвиденную помеху.

Верно и то, что в нашем случае следовало избавить Родриго от опасности, не доводя дела до свадьбы с Хименой. Сид — историческая личность. Своему времени он был по вкусу. Но нашему он вряд ли подойдет. И мне жаль, что у испанского автора Химена соглашается отдать руку Сиду, даже при том, что испанский автор растянул действие своей пиесы на три года. Дабы не противоречить истории, я счел необходимым пожертвовать кое-какими обстоятельствами. Лишь таким способом можно было примирить условности нашего театра с правдой исторической.

Два прихода Родриго к возлюбленной содержат нечто такое, что нарушает эти условности. Строгие требования долга должны были заставить ее уклониться от разговора с Родриго, укрыться в своем кабинете, чтобы не выслушивать его. Но позвольте мне согласиться с одним из самых тонких умов нашего века, заметившим, что «их разговор исполнен таких красивых чувств, что большинство зрителей не усмотрели этого недостатка, а кто усмотрел — легко извинил его». Мало того, я позволю себе добавить, что почти все зрители высказали пожелание, чтобы эти свидания имели место. Еще на первых представлениях я отметил, что едва этот несчастный влюбленный представал перед Хименой, как по залу пробегала дрожь, означавшая необычайное любопытство и усиление интереса к тому, что могут они сказать друг другу в столь горестную минуту. Аристотель говорит, что существуют нелепости, которые следует оставлять в пиесах в тех случаях, когда возможно надеяться на хороший их прием, и долг поэта придать этим нелепостям блеск поистине ослепляющий. Предоставляю зрителям судить, сколь удачно я справился со своей обязанностью, чтобы оправдать эти две сцены. Некоторые речения в первой из них порой слишком изобретательны, чтобы их могли произнести люди, повергнутые в горе. Извинением может служить разве то, что сцена эта, во-первых,—пересказ с испанского, а во-вторых, коль скоро мы запретим себе что-либо более изобретательное, нежели привычное течение страсти, наши сочинения уж очень бы отощали и вместо подлинных горестей мы поставляли бы нашим

актерам одни восклицания и вздохи. А чтобы уже совсем ничего не скрывать, скажу, что сцена, в которой Родриго предлагает свою шпагу Химене и высказывает намерение умереть от руки дона Санчо, теперь бы мне не подошла. Подобные красоты могли нравиться прежде, а ныне совсем не хороши. Первая сцена содержится в испанском оригинале, вторая скроена по ней. Обе сцены понравились зрителю и расположили его в мою пользу. Но впредь я бы воздержался от изображения подобных сцен для нашего театра.

Я уже имел случай высказать свое суждение об инфанте и короле. Следует, однако, разобраться в том, как этот последний действует. Действует он без должной решимости, а ведь король должен был бы задержать графа после данной им пощечины; но он даже не посылает стражу к дону Дьего и его сыну. Пожалуй, по этому поводу можно было бы заметить, что дон Фернандо был первым королем Кастилии, те же, что ему предшествовали, обладали всего-навсего титулом графов и, возможно, не имели абсолютной власти над знатью своего государства. У дона Гильена де Кастро, который разработал этот сюжет до меня и который должен был знать лучше меня, сколь далеко простиралась власть этого первого монарха, пощечина дается в присутствии короля и его двух министров. Они-то и советуют королю, после того как граф горделиво удалился, а за ним и дон Дьего (только уже без гордости, но с тяжким вздохом), не доводить дело до крайности, приняв во внимание обилие в Астурии графских сторонников, которые могли бы возмутиться и войти в сношение с маврами, окружавшими Кастилию. Внял совету, король решает уладить дело без огласки и приказывает сановникам, единственным свидетелям ссоры, хранить все в тайне. Отталкиваясь от этого примера, я решил заставить его действовать более мягко, чем в нынешние времена, когда королевская власть стала более абсолютной. Не думаю также, что он допустил большую ошибку, не подняв в своем городе ночную тревогу, основываясь на туманных сведениях о намерениях мавров. Ведь порт и городские стены охраняла надежная стража. Но что было совершенно непростительно, так это то, что после появления мавров король бездействует, перепоручив все Родриго. Условия поединка с доном Родриго, который король предлагает Химене еще прежде, чем позволить этот поединок дону Санчо, не так уж несправедливы, как показалось это некоторым, ибо они скорее являлись угрозой Химене с целью заставить ее отказаться от поединка, нежели суровым приговором. Это явствует, между прочим, из того, что после победы Родриго король не слишком настаивает на исполнении данного слова и даже подает Химене надежду на то, что условие поединка может быть и не соблюдено.

Не буду отрицать, что правило двадцати четырех часов слишком уплотняет действие пиесы. Конечно, смерть графа и нападение мавров вполне могли следовать друг за другом через короткий промежуток, ибо появление мавров явилось полнейшей неожиданностью, никак не связанной

с остальными событиями. Но с поединком дона Санчо дело обстоит иначе. Король вполне мог выбрать для этого время более удобное, чем спустя два часа после бегства мавров. Родриго слишком утомился в ночной битве и вполне заслуживал два-три дня отдыха, не говоря уж о том, что он вряд ли вышел из кровопролитного боя без единой царапины. Об этом я, правда, умалчиваю, не желая мешать развязке.

То же правило двадцати четырех часов чрезмерно торопит Химену просить заступничества у короля во второй раз. Она просила его накануне вечером, и не было никакой необходимости приходить с подобной же просьбой на следующее утро, тем паче, что не было резонных оснований полагать, будто король не сдержит своего слова. В романе было бы позволено потерпеть с повторной просьбой минимум семь-восемь дней. Но двадцать четыре часа не позволили этого в пиесе. Очевидное неудобство правил!

Перейдем теперь к правилу места, доставившему мне не меньше неудобств. Пришлось выбрать Севилью, хотя дон Фернандо никогда не был ее властителем. Я был вынужден пойти на эту подтасовку, дабы придать хоть сколько-нибудь правдоподобия высадке мавров, войско которых никак не могло подойти с такой скоростью по суше. Только по воде. Этим я менее всего хочу доказать, будто морской прилив мог донести мавританские суда до городских стен Севильи; но поскольку путь по нашей Сене от моря до Парижа еще длиннее пути по Гвадалквивиру до севильских стен, то это рассуждение может показаться правдоподобным для тех, кто сам не бывал на месте нашего действия.

Неожиданное появление мавров лишено того недостатка, который я сам однажды отметил в другом месте. Они появляются сами по себе, не будучи ни прямо, ни косвенно вызванными в пиесу кем-либо из персонажей в первом действии. Их появление лучше мотивировано в «неправильной» пиесе испанского автора: Родриго, не смея показаться при дворе, отправляется сражаться с ними на границу. Там главный герой сам отправляется на их поиски и таким образом вводит их в пиесу. Иными словами, у Гильена де Кастро происходит прямо противоположное тому, что мы видим в моей пиесе, где мавры словно появляются исключительно для того, чтобы быть разбитыми в пух и прах и тем самым дать Сиду повод оказать своему королю важную услугу, в награду за которую он мигом получает прощение. Это второе неудобство правил в этой трагедии.

В общем и целом все происходит в Севилье, что создает видимость единства места, тогда как в отдельности оно меняется от сцены к сцене: королевский дворец, апартаменты инфанты, дом Химены, улица, площадь. Не составляло большого труда подыскать общее место действия для разрозненных сцен, но для тех, что связаны между собой, как, например, последние четыре явления первого акта, сделать это было затруднительно. Граф и дон Дьего затевают ссору при выходе из дворца. Это могло бы случиться на улице. Но после полученной пощечины дону Дьего уже невоз-

можно оставаться на этой улице и произносить свои жалобы в ожидании сына. Иначе его тотчас бы окружила толпа, либо подоспели бы друзья, жаждущие помочь. Следовательно, было бы сподручнее заставить его стенать дома, как то сделал испанский автор, чтобы дать дону Дьего возможность излиться на свободе. Но для этого пришлось бы раздробить явления, как у того же Гильена де Кастро. В связи с моей пиесой должно заметить, что порой приходится идти навстречу театру и заменять то, что не может быть показано со сцены. К примеру, два человека останавливаются поговорить, и надо полагать, что они продолжают начатый разговор на ходу. Но как это сделать на глазах у зрителя? Ведь они скроются из глаз прежде, чем сумеют сказать самое существенное для того же зрителя. Прибегая к театральной условности, можно вообразить, что и дон Дьего и граф, выйдя из дворца, продолжают ссориться и, ссорясь, доходят до дома Дьего; и вот тут-то Дьего и получает пощечину, которая заставляет его войти в дом за помощью. Если эта поэтическая фикция вас не удовлетворяет, оставим дона Дьего в публичном месте. Пусть вокруг собирается народ, пусть набегают друзья. Для романа это очень подойдет. Но в пиесе все эти частности никак не служат действию главному. Гораций освобождает поэта от них в следующих стихах:

> Hoc amet, hoc spernat promissi carminis auctor...
> Pleraque negligat [1].

И далее:

> Semper ad eventum festinat [2].

Именно это побудило меня пренебречь в третьем акте пятьюстами друзей дона Дьего и искать помощи у единственного сына. Конечно, заманчиво было бы вывести нескольких друзей, которые сопровождают его или разыскивают, но показывать людей, которым нечего сказать, бессмысленно, ибо только тот, кого они сопровождают, представляет интерес для действия. Выходы людей ненужных всегда раздражают на театре, особенно если учесть, что актеры зачастую используют для немых ролей осветителей и своих лакеев, которые не знают, как себя держать на сцене.

Показать похороны графа было бы тоже весьма затруднительно и в том случае, если бы погребение состоялось до окончания пиесы, и в том, если его тело было бы выставлено в зале его дома в ожидании похорон. Любое слово, которое я обронил бы по этому поводу, развеяло бы напряжение ожидания и вселило бы в зрителя огорчительные мысли. Я счел более разумным скрыть похороны от зрителя, а заодно и точное место действия тех четырех явлений первого акта, о которых я только что говорил. Лично я

---

[1] Чтоб поэмы творец знал, что взять,
Что откинуть *(лат.*— Перевод М. Дмитриева).

[2] Прямо он к делу спешит *(лат.)*.

глубоко убежден, что эта моя небольшая уловка оказалась удачной. Ведь вряд ли кто из зрителей обратил бы внимание на эти частности. Большинство зрителей, увлекшись тем, что они видели и слышали патетического в пиесе, наверняка даже на секунду не задумались бы над двумя вышеизложенными соображениями.

Я кончаю замечанием в дополнение к тому, что сказал Гораций: все, что предстает перед взором, впечатляет куда сильнее, чем просто рассказанное.

Из этого я исходил, когда показал на сцене пощечину и сокрыл от глаз публики смерть графа, дабы заполучить и сохранить для своего героя дружеское расположение зрителя, столь необходимое для успеха на театре. Грубость оскорбления, нанесенного старцу, украшенному победами и сединами, легко отдает чувства зрителей оскорбленному. Смерть же графа, о которой сообщают королю просто, без всяких трогательных прибавлений, не возбуждает в них ни сострадания, которое могла бы вызвать пролитая на глазах кровь, ни отвращения к молодому влюбленному, вынужденному из-за чести пойти на крайность, вопреки всей силе и нежности его любви.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Фернандо, первый король кастильский.
Донья Урака, инфанта кастильская.
Дон Дьего, отец дона Родриго.
Дон Гомес, граф Гормас, отец Химены.
Дон Родриго, возлюбленный Химены.
Дон Санчо, влюбленный в Химену.
Дон Ариас, Дон Алонсо — кастильские дворяне.
Химена, дочь дона Гомеса.
Леонор, воспитательница инфанты.
Эльвира, воспитательница Химены.
Паж инфанты.

Действие происходит в Севилье.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Химена, Эльвира.

Химена

Эльвира, твой рассказ звучит нелицемерно?
Все, что сказал отец, ты изложила верно?

Эльвира

Мой слух восторженно внимал его словам:
Родриго мил ему не менее, чем вам,
И, если чтенье дум доступно нашей власти,
Клянусь, он вам велит ответить этой страсти.

Химена

Так повтори еще, как бы себе самой,
В чем видно, что отцу приятен выбор мой?
Поведай вновь о том, что мне судьба готовит:
Столь сладостную речь душа так жадно ловит,
И так заманчива пыланью двух сердец
Свобода милая открыться наконец!
Что он тебе сказал про ласковое иго,
Которого хотят и Санчо и Родриго?
Ты не дала понять, к которому из двух
С таким неравенством склоняется мой дух?

Эльвира

Я речь вела о том, что и теперь, как прежде,
Вы первенства ничьей не дарите надежде
И ждете, не судя пристрастно их заслуг,

Чтоб волею отца вам избран был супруг.
Он принял эту весть с восторгом, о котором
Свидетельствовал въявь и голосом и взором,
И так как я должна вновь повести рассказ,
То вот, что он про них отметил и про вас:
«Она блюдет свой долг, ее достойны оба,
В обоих кровь чиста, смелы, верны до гроба,
И юношеский взгляд легко дает прочесть
Отважных пращуров блистательную честь.
Особенно в чертах Родриго молодого
Дух высшей доблести запечатлен сурово,
И древний дом его так много знал побед,
Что в нем под лаврами рождаются на свет.
Отец его являл, в расцвете сил телесных,
Примеры подвигов поистине чудесных.
Изрыты славою бразды его чела,
Вещая нашим дням минувшие дела.
Сын подает отцу залог достойной смены,
И я одобрил бы любовь к нему Химены».
Он поспешал в совет и должен был пресечь,
Теснимый временем, чуть начатую речь.
Но после этих слов едва ли есть сомненье,
Которому из двух он дарит предпочтенье.
Сегодня должен быть наставник принцу дан;
Лишь вашему отцу пристал подобный сан;
Он столь бесспорными заслугами украшен,
Что из соперников ему никто не страшен.
Не зная равного на поле славных дел,
По праву он возьмет ожиданный удел,
И, так как с ним самим дон Дьего хочет ныне,
Чуть кончится совет, поговорить о сыне,
Вы можете судить об отклике отца
И долго ли вам ждать счастливого конца.

Химена

Я смущена душой, Эльвира, я не смею
Отдаться радости и угнетаюсь ею:
Обличия судьбы изменчивы всегда,
И в самом счастии меня страшит беда.

Эльвира

Поверьте, этот страх обманчивого рода.

Химена

Что б ни было, идем и будем ждать исхода.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Инфанта, Леонор, паж.

Инфанта

Паж, вы должны снести Химене мой укор
В том, что ленивицы не видно до сих пор;
Для дружбы горестно такое невниманье.

Паж уходит.

Леонор

Вседневно, госпожа, у вас одно желанье,
И вы, в беседе с ней, вседневно, вновь и вновь
Осведомляетесь, как зреет их любовь.

Инфанта

Тому причина есть. Мои трудились руки,
Чтоб душу ей пронзить стрелами нежной муки.
Родриго дорог ей: он ей подарен мной;
Он торжеством своим обязан мне одной.
Я этих любящих сама сковала страстью
И потому должна сочувствовать их счастью.

Леонор

Однако, госпожа, вы каждый их успех
Встречаете с тоской, заметною для всех.
Ужели зрелище любви, для них счастливой,
Терзает душу вам печалью молчаливой,
И вы, сочувственно склоняясь к их судьбе,
Вручили радость им и взяли скорбь себе?
Но я зашла за грань и становлюсь нескромной.

Инфанта

Скорбь тяжела вдвойне под кровом тайны темной.
Узнай, узнай о том, как долго билась я,
Узнай, как борется доныне честь моя.
Любовь — жестокий царь, ее всесильно иго:
Я мной даримого, я этого Родриго
Люблю.

Леонор

Вы любите его!

Инфанта

Тронь сердце мне,
При этом имени — в каком оно огне,
В каком смятении!

Леонор

Пусть я мой долг нарушу,—
Я порицаю пыл, объявший вашу душу.

Принцесса может ли, забыв свой сан и кровь,
К простому рыцарю восчувствовать любовь?
А мненье короля? А всей Кастильи мненье?
Вы помните иль нет свое происхожденье?

Инфанта

Я помню — и скорей всю кровь пролью из ран,
Чем соглашусь забыть и запятнать мой сан.
Конечно, есть ответ, что дух, ревнивый к славе,
Одним достоинством воспламеняться вправе,
И я бы страсть мою оправдывать могла
Примерами в былом, которым нет числа;
Но я не внемлю им, когда задета гордость;
В волненье чувств моих я сохраняю твердость,
И если мне сужден супруг и господин,
То это может быть лишь королевский сын.
Поняв, что мой покой сберечь я не сумела,
Я уступила то, чем овладеть не смела:
Ему, взамен себя, Химену я даю,
И я зажгла их страсть, чтоб угасить мою.
Не удивляйся же, что, сердцем леденея,
Я с нетерпением хочу их гименея;
С ним связан для меня покой грядущих дней;
Живет надеждой страсть и гибнет вместе с ней:
То пламень, гаснущий, когда нет пищи новой;
И если для меня настанет день суровый
И я супругами увижу этих двух,
Мои мечты умрут, но исцелится дух.
И все же я терплю неслыханную муку:
Родриго дорог мне, пока не отдал руку.
Я силюсь с ним порвать — и неохотно рву,
И в тайной горести поэтому живу.
Я чувствую, что я, в моей печальной доле,
По мной отвергнутом вздыхаю поневоле;
Я вижу, что душа раздвоена во мне:
Высоко мужество, но сердце все в огне.
Мне страшен этот брак: немилый и желанный,
Он сердцу не сулит отрады долгожданной;
Так властны надо мной и страсть моя, и честь,
Что, будет он иль нет, мне этого не снесть.

Леонор

Какими, госпожа, отвечу я словами?
Скажу единственно, что стражду вместе с вами.
Я возражала вам, теперь жалею вас.

Но если сквозь недуг, проникший в вас сейчас,
Вы стойко боретесь с его волшебной силой,
Противясь натиску, враждуя с властью милой,—
Вы в этой стойкости окажетесь сильней.
Надейтесь на нее, на помощь быстрых дней,
На правоту небес: они всему свидетель
И от напрасных мук избавят добродетель.

Инфанта

Мне слаще всех надежд — знать, что надежды нет.

Паж

Химена вам несет почтительный привет.

Инфанта *(к Леонор)*

Вы около нее побудьте в галерее.

Леонор

Вам одинокая задумчивость милее?

Инфанта

Нет, только я хочу, как сердце ни болит,
Наедине с собой принять спокойный вид.
Я к вам сейчас приду.
О боже всемогущий,
Не дай торжествовать тоске, меня гнетущей,
И огради мой мир, честь огради мою!
Чтоб стать счастливою, я счастье отдаю.
Спокойствие троих лежит в их гименее.
Скорей сверши свой суд иль дай мне быть сильнее.
В нерасторгаемом союзе их сердец —
И вольность для меня, и мук моих конец.
Но мне пора идти; мой разговор с Хименой
В моих терзаниях мне будет переменой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Граф, дон Дьего.

Граф

Итак, вы взяли верх, и с нынешнего дня
Вас облекает сан, который ждал меня:
Вам как наставнику король вверяет сына.

Дон Дьего

Почтившее мой дом вниманье властелина
Показывает всем, что он сумел и тут
По справедливости воздать за прошлый труд.

Граф

Как ни возвышен трон, но люди все подобны:
Судить ошибочно и короли способны;
И этим выбором доказано вполне,
Что настоящий труд у них в плохой цене.

Дон Дьего

Не будемте вступать в досадный спор друг с другом:
Я мог быть случаю обязан, не заслугам,
Но есть священный долг,— и я его блюду,—
Веленья короля не подвергать суду.
Он оказал мне честь, вы окажите тоже,
Сомкнемся узами, которых нет дороже:
Сын у меня один, и дочь у вас одна;
Их брак на вечные сдружит нас времена;
Явите милость нам и будьте сыну тестем.

Граф

Столь низменным родством его мы обесчестим,
И пышность должности, пожалованной вам,
Должна его манить к совсем иным мечтам.
Вступайте в новый сан и сейте мудрость в принце:
Как обеспечивать спокойствие провинций,
Воспитывать в сердцах законную боязнь,
Внушать злодею страх и доброму приязнь;
Прибавьте к этому науку воеводы:
Как приучать себя переносить невзгоды,
В искусстве Марсовом быть первым на земле,
Не знать усталости, и день и ночь в седле;
Спать, не снимая лат, брать стены голой шпагой,
Исход сражения решать своей отвагой;
И, чтоб уроками он лучше овладел,
Являйте юноше пример наглядных дел.

Дон Дьего

Он почерпнет пример, завидный всей отчизне,
Читая летопись моей высокой жизни.
Там, в свитке славных дел, урок наглядный дан,
Как сокрушать отпор чужеплеменных стран,
Вторгаться в крепости, войска беречь для боя
И блеском подвигов стяжать венец героя.

Граф

Живой пример верней, и только он велик;
Уменье властвовать не черплется из книг.
И чем, в конце концов, ваш долгий век столь славен?
Любой из дней моих ему с избытком равен.

Вы были доблестны, я и теперь таков;
Перед моим мечом, ужасным для врагов,
Гранада в трепете и Арагон в бессилье;
Я именем моим оплот для всей Кастильи;
Не будь меня, чужой теснил бы вас закон,
Здесь ваши недруги воздвигли бы свой трон.
Вседневная молва, летя за мною следом,
За лавром новый лавр плетет моим победам.
Принц, на моих глазах учась водить полки,
Возрос бы мужеством в тени моей руки,
Искусство побеждать усвоив на примере,
И, чтобы оправдать воочью в полной мере
Свой сан...

Дон Дьего

Я знаю, да, вы королю слуга:
Вы у меня не раз ходили на врага.
Когда преклонный век оледенил мне жилы,
На смену мне пришли ваш дух и ваши силы;
Скажу без лишних слов и мыслей не тая:
Теперь вы стали тем, чем был когда-то я.
Но в этом случае, как видите вы сами,
Монарх различие проводит между нами.

Граф

Мой жребий у меня вы вырвали из рук.

Дон Дьего

Свой жребий каждому по степени заслуг.

Граф

Заслуживает тот, кто лучше знает дело.

Дон Дьего

Что этим случаем подтверждено всецело.

Граф

Вы взяли происком, придворный сердцевед!

Дон Дьего

Моим ходатаем был блеск моих побед.

Граф

Допустим, что король честь оказал сединам.

Дон Дьего

Он мыслил, как всегда, о мужестве едином.

Граф

И должен был меня законно предпочесть.

Дон Дьего

Непредпочтенному не подобала честь.

Граф
Не подобала честь! Мне?
Дон Дьего
Вам.
Граф
Бесстыдник старый.
Твоя заносчивость заслуживает кары.
(Дает ему пощечину.)
Дон Дьего *(обнажая меч)*
Кончай — и жизнь возьми, когда таким стыдом
Впервые обагрен мой знаменитый дом!
Граф
Что противу меня ты можешь, старец хилый?
Дон Дьего
О боже, в час нужды мне изменяют силы!
Граф
Твой меч достался мне; но честь невелика,
И я презренного не подыму клинка.
Прощай; пусть юный принц, ища пример в отчизне,
Читает летопись твоей высокой жизни;
Вот этой платою за дерзость болтуна
В немалой степени украсится она.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Дьего.

Дон Дьего
О, гнев! О, бешенство! О, старость, враг лукавый!
Ужель я столько жил, чтоб умереть без славы,
И на полях войны трудился до седин,
Чтоб лавры доблести поблекли в день один?
Рука, покрытая победоносной пылью,
Рука, так много раз спасавшая Кастилью,
Престолу королей защита и оплот,
В час столкновения меня же предает?
О, пламенная скорбь о славе посрамленной!
Труд неисчетных дней, в единый день сметенный!
Почет, возданный мне, чтоб гибель мне принесть!
Утес, с которого моя низверглась честь!
Ужели дерзкого мое украсит горе,
И я, не отомстив, окончу дни в позоре?
Будь принцу моему руководитель, граф:

Мое бесчестие меня лишает прав;
В кичливой ревности ты можешь быть спокоен:
Избранник короля, я больше недостоин.
А ты, орудие моих былых побед,
Но бесполезная игрушка хладных лет,
Когда-то грозный меч, который, призван к бою,
Был не защитой мне, а жалкой мишурою,
Покинь носящего позор в своей груди
И в руку к лучшему для мщенья перейди.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Дьего, дон Родриго.

Дон Дьего
Родриго, храбр ли ты?
Дон Родриго
Я бы не ждал с ответом,
Не будь вы мой отец.
Дон Дьего
Есть прелесть в гневе этом!
Я в гордом отклике отраду сердцем пью!
В его горячности я слышу кровь мою:
Мне этот пыл знаком, он — доброе предвестье.
Приди, мой сын, приди, загладь мое бесчестье.
Будь мой отмститель.
Дон Родриго
В чем?
Дон Дьего
В тягчайшей из обид;
Она бесславием обоих нас разит:
В пощечине. Наглец понес бы наказанье,
Но возраст обманул священное желанье;
И меч, который мне уже тяжел в борьбе,
На кару и на месть я отдаю тебе.
Иди — и мужеством ответь на дерзновенье:
Лишь кровью можно смыть такое оскорбленье.
Умри — или убей. Но знай, я не таю:
Тебе я грозного противника даю.
Я видел, весь в крови, покрытый ратным прахом,
Он разметал войска, охваченные страхом;
Я видел, не один ломал он эскадрон.
Но мало этого: не только рыцарь он,

Не только смелый вождь, громящий рвы и стены,
Он...

Дон Родриго

Умоляю вас, кто он?

Дон Дьего

Отец Химены.

Дон Родриго

Отец...

Дон Дьего

Не отвечай. Я знаю все, что есть.
Но мы не вправе жить, когда погибла честь.
Чем лучший оскорбил, тем глубже оскорбленье.
Ты знаешь мой позор, в твоей руке отмщенье.
Я все тебе сказал: наш мститель — ты один.
Яви себя врагу как мой достойный сын,
А я предам мой дух скорбям, меня сломившим.
Иди, беги, лети — и возвратись отмстившим.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Родриго.

Дон Родриго

До глуби сердца поражен
Смертельною стрелой, нежданной и лукавой,
На горестную месть поставлен в битве правой,
Неправой участью тесним со всех сторон,
Я медлю, недвижим, и смутен дух, невластный
Снести удар ужасный.
Я к счастью был так близок наконец,—
О, злых судеб измены! —
И в этот миг мой оскорблен отец,
И оскорбившим был отец Химены.

Я предан внутренней войне;
Любовь моя и честь в борьбе непримиримой:
Вступиться за отца, отречься от любимой!
Тот к мужеству зовет, та держит руку мне.
Но что б я ни избрал — сменить любовь на горе
Иль прозябать в позоре,—
И там и здесь терзаньям нет конца.
О, злых судеб измены!
Забыть ли мне о казни наглеца?
Казнить ли мне отца моей Химены?

Отец, невеста, честь, любовь,
Возвышенная власть, любезная держава!
Умрут все радости или погибнет слава.
Здесь — я не вправе жить, там — я несчастен вновь.
Надежда грозная души благорожденной,
Но также и влюбленной,
Меч, мне к блаженству преградивший путь;
Суровый враг измены,
Ты призван ли мне честь мою вернуть?
Ты призван ли меня лишить Химены?

Пусть лучше я не буду жив.
Не меньше, чем отцу, обязан я любимой:
Отмстив, я гнев ее стяжаю негасимый;
Ее презрение стяжаю, не отмстив.
Надежду милую отвергнуть ради мести?
Навек лишиться чести?
Напрасно мне спасенья вожделеть:
Везде — судьбы измены.
Смелей, душа! Раз надо умереть,
То примем смерть, не оскорбив Химены.

Но умереть с таким стыдом!
Чтобы открылась мне бесславная могила
И чтоб Испания за гробом осудила
Не защитившего свой оскорбленный дом!
Покорствовать любви, которую, я знаю,
Я все равно теряю!
Ужели же я мог бы предпочесть
Постыдный путь измены?
Смелей, рука! Спасем хотя бы честь,
Раз все равно нам не вернуть Химены.

Я был в рассудке помрачен:
Отцу обязан я первее, чем любимой;
Умру ли я в бою, умру ль, тоской томимый,
Я с кровью чистою умру, как был рожден.
Мое и без того чрезмерно небреженье;
Бежим исполнить мщенье;
И, колебаньям положив конец,
Не совершим измены:
Не все ль равно, раз оскорблен отец,
Что оскорбившим был отец Химены!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Ариас, граф.

Граф
Меж нами сознаюсь, меня увлек мой пыл,
И я, в горячности, слегка перехватил;
Но дело сделано, и нет к нему возврата.
Дон Ариас
Желанье короля для вас да будет свято:
Он очень раздражен и может сей же час
Со всею властию обрушиться на вас.
Поступку вашему не приискать смягченья;
Сан оскорбленного и тяжесть оскорбленья
Потребуют шагов с виновной стороны
Важнейших, чем одно признание вины.
Граф
Извольте, жизнь моя всегда в монаршей власти.
Дон Ариас
Вслед за ошибкою вы отдаетесь страсти.
Король к вам милостив, пусть даже и грозя;
Раз он сказал: «Хочу»,— ослушаться нельзя.
Граф
Свое достоинство над долгом возвышая,
Чуть-чуть ослушаться — вина не столь большая;
Во всяком случае, подобная вина
Числом моих заслуг с лихвой поглощена.
Дон Ариас
Как много подданный усердья ни приложит,
Король ему ничем обязан быть не может.
Вы обольщаетесь; наш долг всегда гласил
Служить властителю по мере наших сил.
Вы губите себя, живя в такой надежде.
Граф
Узнав на опыте, поверю, но не прежде.
Дон Ариас
Подумайте: грозна карающая власть.

Граф

Я не из тех людей, кто сразу может пасть.
Пусть будет надо мной учинена расправа:
Когда погибну я, погибнет вся держава.

Дон Ариас

Как! Если скипетр свой король поднимет вдруг...

Граф

Свой скипетр без меня он выронит из рук.
Ему невыгодно ломать опору трона:
С моею головой падет его корона.

Дон Ариас

Нельзя волнением рассудок заглушать.
Решайте, не сердясь.

Граф

Мне нечего решать.

Дон Ариас

Но что же мне сказать? С какой явиться вестью?

Граф

Что я не соглашусь подвергнуться бесчестью.

Дон Ариас

Опасно королям оказывать отпор.

Граф

Мой выбор совершен; покончим этот спор.

Дон Ариас

Прощайте ж, если вам покорность незнакома;
Но и под лаврами остерегайтесь грома.

Граф

Спокойно жду его.

Дон Ариас

Дождетесь, верьте мне.

Граф

Ну, что ж, обиженный утешится вполне.
(Один.)
Кто смертью не смущен, угрозой не смутится.
Страшнейшей из опал мой дух не убоится.
Я всякую беду согласен перенесть,
Но я не соглашусь, чтоб пострадала честь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Граф, дон Родриго.

Дон Родриго
Два слова, граф.
Граф
Изволь.
Дон Родриго
Поговорим негласно.
Ты знаешь, кто такой дон Дьего?
Граф
Да.
Дон Родриго
Прекрасно.
Ты знаешь ли, что в нем все доблести слиты,
Вся честь и мужество былого? Знаешь ты?
Граф
Быть может.
Дон Родриго
Что огонь, мой взор зажегший светом,—
Что это кровь его? Ты знаешь?
Граф
Что мне в этом?
Дон Родриго
Поймешь, пройдя со мной отсюда пять шагов.
Граф
Кичливец молодой!
Дон Родриго
Не надо громких слов.
Я молод, это так; но если сердце смело,
Оно не станет ждать, чтоб время подоспело.
Граф
Ты? Меряться со мной? Скажи, какой задор!
Ведь ты еще ни с кем не бился до сих пор.
Дон Родриго
Так что ж? Таким, как я, не надо и показа:
Мы бьем уверенно и с первого же раза.
Граф
Да знаешь ты, кто я?
Дон Родриго
Я знаю; и в любом
Душа смутилась бы при имени твоем.

На куще пальмовой, чело твое покрывшей,
Как бы начертан рок, погибель мне судивший.
Я вышел биться с тем, кто побеждал всегда;
Но сила сыщется, когда душа тверда.
Отмстители отцов самой судьбой водимы.
Непобежденные не все непобедимы.

Граф

Бесстрашие, в твоих сквозящее речах,
Я издавна привык читать в твоих очах;
И, чувствуя в тебе оплот родного края,
Гордился, дочь мою тебе предназначая.
Я знаю страсть твою и убедиться рад,
Что твой высокий долг не встретил в ней преград;
Что доблестный порыв не остановлен ею;
Что твой отважный дух я чтить, как прежде, смею;
И что, в лице твоем в зятья себе избрав
Прямого рыцаря, я оказался прав;
И все же я готов жалеть тебя невольно:
Отваге я дивлюсь, но мне за юность больно.
Не обрекай себя на искус роковой;
Не понуждай меня вступать в неравный бой;
С тобой я мыслил бы бесчестным спор кровавый:
Где нет опасности, не может быть и славы.
Сочтут, что без труда я одолел в борьбе,
И мне останется лишь плакать по тебе.

Дон Родриго

Ты оскорбил меня, теперь меня жалеешь?
Ты отнял честь мою, а жизнь отнять не смеешь?

Граф

Ступай отсюда прочь.

Дон Родриго

За мной, без лишних слов.

Граф

Тебе постыла жизнь?

Дон Родриго

Ты к смерти не готов?

Граф

Идем; остаться жить сын не имеет права,
Когда омрачена отеческая слава.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Инфанта, Химена, Леонор.

Инфанта

Смири, смири в себе, Химена, эту боль
И сердце к твердости в несчастье приневоль.
Сменится тишиной случайное ненастье;
Лишь беглым облаком твое затмилось счастье,
И не на долгий срок оно отдалено.

Химена

Мне в этой горести надежды не дано.
Внезапная гроза, смутившая погоду,
Крушенье верное пророчит мореходу:
Я в самой гавани поглощена волной.
Уже нас сватали его отец и мой,
И счастия приход, пленительный и скорый,
Я возвещала вам в миг злополучной ссоры,
Когда их развела нежданная вражда,
Надежду милую разрушив навсегда.
Тщеславье гнусное, гордыни дух тлетворный,
Чьей власти пагубной и лучшие покорны!
Честь, беспощадная ко всем моим мечтам,
Как много вздохов я и слез тебе воздам?

Инфанта

Поверь, твоих надежд их ссора не разрушит:
Миг породил ее, и миг ее потушит.
Чрезмерность отклика положит ей конец:
Их примирения желает мой отец;
А я, чтоб радостной тебя увидеть снова,
На невозможное отважиться готова.

Химена

Здесь примирение бесцельно, все равно:
Ничто не может смыть столь страшное пятно.
Нет пользы применять совет иль принужденье:
Они лишь мнимое приносят исцеленье.
Глухая ненависть, в сердцах затаена,
Горит невидимо, но тем знойней она.

Инфанта

Союз, связующий Родриго и Химену,
Рассеет ненависть, ей мир придет на смену;
Взаимная любовь окажется сильней,
И распрю заглушит счастливый Гименей.

Химена
Я праздною мечтой себя не обольщаю:
Дон Дьего слишком горд, а нрав отца я знаю.
Поток невольных слез я сдерживать должна;
Мне тяжко прошлое и будущность страшна.
Инфанта
Что страшно? Старца гнев? Бессильный крови холод?
Химена
Родриго мужествен.
Инфанта
Родриго слишком молод.
Химена
Кто смел, тот смельчаком рождается на свет.
Инфанта
И все-таки причин для беспокойства нет:
Свою любимую он огорчить не может;
Два слова уст твоих — и злобу он отложит.
Химена
Коль он не внемлет мне, какой предел невзгод!
А если может внять, то кем он прослывет?
Благорожденному — не смыть обиды кровной?
Уступит он иль нет огню тоски любовной,
Мне только стыд сулят иль скорбь, из часа в час,
Такая преданность или такой отказ.
Инфанта
Химена и в беде горда и бескорыстна;
Ей низменная мысль была бы ненавистна;
Но если вплоть до дня, как мы их помирим,
Родриго пленником я объявлю моим
И мужество его в бездействии пребудет,
Меня твоя любовь за это не осудит?
Химена
Тогда я никаких не ведаю забот.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Инфанта, Химена, Леонор, паж.

Инфанта
Паж, позовите мне Родриго; пусть придет.
Паж
Граф де Гормас и он...

Химена

Вам что-нибудь известно?

Инфанта

Что с ними?

Паж

Из дворца они ушли совместно.

Химена

Одни?

Паж

Одни, и был у них о чем-то спор.

Химена

Они сражаются, оставим разговор.
К моей поспешности явите снисхожденье.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Инфанта, Леонор.

Инфанта

Какое странное меня томит волненье!
О ней душа скорбит, а им восхищена;
Сердечный мир исчез, и страсть воскрешена.
Я, этих любящих предчувствуя разлуку,
Живу надеждой вновь — и вновь лелею муку;
И, хоть печален мне грядущий их разлад,
Мой дух отрадою таинственной объят.

Леонор

У вашей доблести ужель так мало власти,
Чтоб тотчас уступить постыдной этой страсти?

Инфанта

Не называй ее постыдной; надо мной
Ей суждено царить и властвовать одной;
Будь к ней почтительна, она мне всех дороже.
Я стойко с ней борюсь, но я надеюсь все же;
И сердце, покорясь надежде дорогой,
Летит за счастием, утраченным другой.

Леонор

Итак, высокий дух уже обезоружен,
И голос разума докучен и ненужен?

Инфанта

Не внемлют разуму и с ним не говорят,
Когда в душе разлит такой прелестный яд.
И если страждущим любезны их страданья,
Они насильного не терпят врачеванья.

Леонор

Вы прельщены мечтой, в ней все полно прикрас;
Но вы же знаете: Родриго ниже вас.

Инфанта

Я это знаю, да; пусть мало я боролась,
Но слушай, как любви искусен льстивый голос.
Когда одержит верх в единоборстве он
И грозный враг его окажется сражен,
Я вправе чтить его, могу любить свободно.
Тот, кем повержен граф, свершит все что угодно.
Мне хочется мечтать, что в сча́стливой борьбе
Он царства целые поработит себе;
И льстящая любовь, сметая все преграды,
Являет мне его занявшим трон Гранады,
Он маврам трепетным дарует свой закон,
Завоевателя встречает Арагон,
Смят португальский стяг, и громкие походы
Несут его судьбу через морские воды,
Чтоб кровью Африки кропить его венцы;
Всего, чем памятны славнейшие бойцы,
Я от Родриго жду вослед за этим боем
И буду лишь горда, любимая героем.

Леонор

Как смело вы его играете судьбой!
Да состоится ли еще и первый бой?

Инфанта

Родриго оскорблен; он с графом должен драться;
Они ушли вдвоем,— здесь трудно сомневаться.

Леонор

Они сразятся, пусть; но на пути побед
Способен ли поспеть Родриго вам вослед?

Инфанта

Ах, я безумствую, мой ум отрава точит!
Ты видишь, сколько мук мне эта страсть пророчит!
Пойдем; утешь мой дух и сердце успокой;
Не оставляй меня наедине с тоской.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Фернандо, дон Арпас, дон Санчо.

Дон Фернандо

Граф начал действовать весьма неосторожно.
Ужель он думает, его простить возможно?

Дон Ариас

Я с ним беседовал как посланный от вас;
Я сделал все, что мог, и получил отказ.

Дон Фернандо

О, небо! Подданный настоль самоуверен,
Что с волею моей считаться не намерен!
Дон Дьего можно бить, гнушаться королем,
Противиться ему пред всем его двором!
Пусть смелый воин он, пусть полководец славный,—
Я справлюсь без труда с гордыней своенравной.
Будь он сама гроза, будь он сам бог войны,
Ослушник понесет последствия вины.
Хоть он себе тогда позволил слишком много,
Сперва я не хотел с ним обходиться строго;
Но, так как пользы нет, сегодня ж будет он,
Пусть хоть насильственно, под стражу заключен.

Дон Санчо

Быть может, государь, он сам смирится вскоре.
Он весь еще кипел, разгоряченный в ссоре;
Пока не миновал первоначальный пыл,
Нельзя, чтобы гордец так сразу уступил.
Он знает, что не прав, но сердце в нем надменно,
И тягостно ему сознаться откровенно.

Дон Фернандо

Извольте замолчать, дон Санчо; я велю
Считать согласье с ним изменой королю.

Дон Санчо

Я повинуюсь вам; но если б вы мне дали
Вступиться за него...

Дон Фернандо

То что бы вы сказали?

Дон Санчо

Что дух, приученный быть доблестным всегда,
Принесть повинную не может без стыда:
В нем чувство гордости естественно задето,
И графа на отпор подвигло только это.
Полученный приказ немного слишком строг;
Он подчинился бы, когда бы с честью мог.
Велите, чтобы он, привыкший жить солдатом,
Обиду искупил воинственным булатом;
А если надобно, то я и сам могу
Дать острием меча ответ его врагу.

Дон Фернандо

Вы забываетесь; но я прощаю смелость
И юношеских лет горячую незрелость.
Король, чьи помыслы полны иных забот,
Кровь подданных своих иначе бережет:
Я охраняю их, пекусь об их уделе,
Подобно голове, пекущейся о теле.
К единомыслию мы с вами не придем:
В вас говорит боец; мой долг — быть королем;
И, думая, как он, поверьте, вы не правы:
Граф, повинуясь мне, не потеряет славы.
К тому ж задет и я: он оскорбил того,
Кому наследника я вверил моего;
Оспорить выбор мой, хотя б в порыве страсти,
Есть вызов лично мне и королевской власти.
Довольно. Весть пришла, что наш старинный враг
На десяти судах надменно поднял стяг
И в устие реки дерзнул проникнуть с моря.

Дон Ариас

Вы маврам принесли уже немало горя,
И, вашей доблестью сраженные не раз,
Они отважиться не смеют против вас.

Дон Фернандо

Их гордый дух угрюм и ревностью снедаем,
Что скипетр мой царит над Андалузским краем,
И невозвратная, прекрасная страна
Всегда желанною казаться им должна.
Я только для того решил в стенах Севильи,
Тому уж десять лет, поставить трон Кастильи,
Чтоб к маврам ближе быть, и не спускать с них взор,
И сразу им давать решительный отпор.

Дон Ариас

Они изведали давно ценой кровавой,
Что каждый ваш поход увенчан ратной славой;
Бояться нечего.

Дон Фернандо

И нечего дремать;
Беспечность — худший враг, чем вражеская рать;
Вы сами знаете: совсем не будет дивом,
Когда они сюда поднимутся с приливом.
И все ж, по одному известию гонца,
Я не хочу вселять напрасный страх в сердца,

И нам, в опасности не убедясь воочью,
Не стоит в городе тревогу сеять ночью.
На стены и к реке послать двойной дозор —
И хватит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Фернандо, дон Санчо, дон Алонсо.

Дон Алонсо
Государь, граф умер; свой позор
Дон Дьего искупил, отмстив рукою сына.
Дон Фернандо
Я знал, что близится кровавая година;
Чтоб отвратить ее, я сделал все, что мог.
Дон Алонсо
Химена, вся в слезах, спешит у ваших ног
Сложить свою печаль и требовать расплаты.
Дон Фернандо
Я сердцем чувствую всю боль ее утраты;
Но граф был дерзостен, упорствовал в вине,
И наказание заслужено вполне.
И все ж, хотя ему по праву воздается,
Мне горестно терять такого полководца.
Он был моей стране надежная броня,
Он крови не жалел, сражаясь за меня,
И, как бы ни судить о буйно восстававшем,
Я без него слабей, и я скорблю о павшем.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, Химена, дон Санчо,
дон Ариас, дон Алонсо,

Химена
Возмездье, государь!
Дон Дьего
К вам, государь, зову!
Химена
Молю у ваших ног.
Дон Дьего
Склоняю к ним главу.

Химена
Я требую суда.
Дон Дьего
И я готов к защите.
Химена
Безумца юного отвагу накажите:
Он отнял жизнь того, кто нужен был венцу;
Он дочь лишил отца.
Дон Дьего
Он честь вернул отцу.
Химена
За пролитую кровь монарх карать обязан.
Дон Дьего
Кто справедливо мстит, не может быть наказан.
Дон Фернандо
Прошу обоих встать; обсудим не спеша.—
Химена, тяжело скорбит моя душа;
Ее страдание с печалью вашей сходно.—
Вы скажете потом; пусть говорит свободно.
Химена
Скончался мой отец; я словно вижу вновь,
Как из его груди ключом клокочет кровь.
Кровь, охранявшую твердыни ваших башен,
Кровь, чьей отвагою ваш славный трон украшен,
Которая еще дымится и сейчас
От гнева, что она пролилась не за вас,
Кровь, от которой смерть шарахалась со страхом,
Родриго возле вас смешал с песком и прахом.
Я бросилась туда, слабея на бегу:
Он не дышал уже. Простите, не могу,
Я плачу, государь, и говорить мне больно.
Быть может, этих слез и вздохов вам довольно.
Дон Фернандо
Мужайся, дочь моя, будь стойкой до конца;
Ты в короле своем найдешь себе отца.
Химена
Вслед горю, государь, спешит чрезмерность чести...
Так вот, он не дышал; он был убит на месте;
Зияла грудь его; он навсегда умолк,
Но кровью на земле начертывал мой долг;
Вернее, мощь бойца, струей точась багряной,
Мне о возмездии кричала этой раной,
Чтоб тот, кто правит суд пред истиной самой,

Из скорбных уст ее услышал голос мой.
Ужели, государь, вы потерпеть согласны
Под вашей властию такой разгул ужасный,
Чтоб безнаказанно отважнейших людей
Ударом дерзостным мог поражать злодей,
Чтоб молодой смельчак во славе с ними спорил,
Купался в их крови и память их позорил!
Неотомщенная кончина храбреца
Погасит рвение вернейших слуг венца.
Да, мой отец убит; я требую отмщенья,
Скорей для пользы вам, чем мне для утешенья.
Подобного отцу вы не найдете вновь.
Воздайте смерть за смерть, пролейте кровь за кровь.
Пусть жертвою падет — не мне, но вашей славе,
Но вашему венцу, и скиптру, и державе,
Пусть жертвою падет на благо всей стране
Гордыню черплющий в неслыханной вине.

Дон Фернандо

Дон Дьего, ваш ответ.

Дон Дьего

Сколь зависти достоин
Тот, кто, теряя мощь, теряет жизнь, как воин,
И сколь казним судьбой отважный человек,
Который долго жил и пережил свой век!
Я, чей высокий труд по всей отчизне ведом,
Я, с юных лет моих приученный к победам,
Я дожил до того, что я был оскорблен
И, обнажив свой меч, остался побежден.
Чего не смел ни бой, ни приступ, ни засада,
Чего ни Арагон не мог бы, ни Гранада,
Ни ярость недруга, ни зависть гордеца,
На то решился граф средь вашего дворца,
Ревнуя выбор ваш и похваляясь силой,
Торжествовавшею над старостию хилой.
И эти волосы, седевшие в боях,
Кровь, обагрявшая изрытый битвой прах,
Рука, полки врагов крушившая отпором,
Сошли бы в хладный склеп, покрытые позором,
Когда бы не был мной достойный сын рожден,
Кем могут быть горды я, родина и трон.
Он бился за меня, и граф понес отмщенье;
Честь восстановлена, и смыто оскорбленье.
Когда достойная оплата за удар,

Когда законный гнев заслуживают кар,
Гром должен встретить я, один на целом свете:
Где не права рука, там голова в ответе.
И есть ли тут вина иль ровно никакой,
Но головой был я, а сын мой был рукой.
Химена не того в убийстве обвинила:
Убийцей был бы я, когда была бы сила.
Казните голову, уж ей недолго жить;
Рука еще не раз вам может послужить.
Да будет кровь моя Химене утешеньем;
Я этот приговор не встречу возмущеньем,
Прочту без ропота жестокую скрижаль:
Раз честь моя со мной, мне умереть не жаль.

Дон Фернандо

Здесь торопливого не может быть ответа,
И дело подлежит суждению совета.
Дон Санчо отведет Химену к ней домой.
Дон Дьего слово даст, что здесь он узник мой.
Прислать Родриго к нам. Король свой суд положит.

Химена

Великий государь, убийца жить не может!

Дон Фернандо

Химена, отдохни и боль преодолей.

Химена

Терзанья отдыха мне вдвое тяжелей.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Родриго, Эльвира.

Эльвира

Родриго, что с тобой? Зачем ты здесь, несчастный?

Дон Родриго

Меня приводит путь моей судьбы ужасной.

Эльвира

И ты являешься, гордыней опьянен,
Туда, где поселил отчаянье и стон?
Как? Даже здесь тебе не предстает укором
Тень графа?

Дон Родриго

Жизнь его была моим позором;
Убить моей руке приказывала честь.

Эльвира

И здесь ты думаешь убежище обресть?
Приют — под кровлею убитого тобою?

Дон Родриго

Я прихожу предстать перед моим судьею.
Забудь смущение и отложи боязнь:
Казнив обидчика, я сам иду на казнь.
Судья — моя любовь, судья — моя Химена.
Снискать ее вражду — ужасней, чем измена,
И я пришел принять, как утоленье мук,
Свой суд из милых уст и смерть из милых рук.

Эльвира

Беги от глаз ее, беги от возмущенья;
Первоначального не искушай волненья;
Уйди и первые порывы пережди,
Которые сейчас кипят в ее груди.

Дон Родриго

Нет, нет, любимую подвигнув к неприязни,
Я без того уже заслуживаю казни;
И я бы избежал мученья ста смертей,
Удвоив гнев ее, чтоб умереть скорей.

Эльвира

Химена во дворце, в слезах тоски глубокой;
Ей не дадут домой вернуться одинокой.
Родриго, удались; сейчас сюда придут.
Что станут говорить, тебя увидев тут?
Вокруг ее беды начнутся злые речи,
Что дочь убитого с убийцей терпит встречи.
Она уже идет, скорей, не будь упрям;
Помилуй честь ее, Родриго, скройся там.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Санчо, Химена, Эльвира.

Дон Санчо

Да, вам завещана кровавая расплата:
Ваш гнев пред всеми прав, и ваше горе свято;
И я бы не посмел в печальный этот час
Стараться вас смягчить или утешить вас.
Но, если на меня высокий долг возляжет,
Мое оружие виновного накажет,

Моя любовь отмстит за вашего отца;
Для вас я сокрушу надменного бойца.

Химена

Несчастная!

Дон Санчо

Мой меч его судьею будет.

Химена

Я оскорблю того, чья мудрость нас рассудит.

Дон Санчо

Управа королей шагает не спеша,
Ленивой поступью злодеев не страша,
И горестным слезам дает напрасно литься.
Дозвольте рыцарю за вас мечом вступиться:
Подобный путь быстрей, да и верней суда.

Химена

Когда в таком пути представится нужда
И если к той поре не стихнет ваше рвенье,
Я вам не запрещу свершить мое отмщенье.

Дон Санчо

Другого счастия не ждет моя душа;
И я покину вас, надеждою дыша.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Химена, Эльвира.

Химена

Мы наконец одни, и я могу свободно
Явить перед тобой, как стражду безысходно,
Могу печальный вздох не подавлять в тиши,
Могу тебе раскрыть всю скорбь моей души.
Да, мой отец убит; Родриго дерзновенный
Омыл свой первый меч в его крови священной.
Пролейтесь, токи слез, над злейшей из кончин!
Увы! Моей души одна из половин
Другою сражена, и страшен долг, велевший,
Чтоб за погибшую я мстила уцелевшей.

Эльвира

Вам нужно отдохнуть.

Химена

Ах, где, с моей тоской,
Могла бы хоть на миг я обрести покой?

Что может облегчить мою печаль и муку,
Раз я виновную проклясть не в силах руку?
И что за бедствиям я обрекла себя,
Раз я должна карать, преступника любя?

Эльвира

Вы любите того, кто вам затмил полмира!

Химена

Ты говоришь — люблю; боготворю, Эльвира;
Страсть борется во мне с законною враждой;
Все так же дорог мне мой недруг молодой;
И хоть в моей душе есть гневное упорство,
Родриго в ней с отцом ведет единоборство:
Он ломит, он теснит, он гнется перед ним,
То яростен, то слаб, то вновь неодолим;
Но грозная борьба, и жгучая и злая,
Терзает сердце мне, души не разделяя;
И хоть моей любви могущественна власть,
Я без раздумия свою избрала часть:
Я неколеблемо спешу на голос чести.
Родриго дорог мне, я с ним душою вместе,
Я сердцем за него; но долг мне говорит:
Ты знаешь, чья ты дочь, и твой отец убит.

Эльвира

И вы хотите мстить?

Химена

Жестокое желанье!
К отмщенью правому жестокое призванье!
Кровавого суда мне страшно торжество:
В день казни я умру, и я гублю его!

Эльвира

Не множьте, госпожа, не множьте мук напрасных;
Не ставьте для себя законов столь ужасных.

Химена

Как! Мой отец убит, взывает к мщенью кровь,
И не откликнется дочерняя любовь?
Постыдно погрузясь в ласкающие грезы,
Я посвящу ему одни пустые слезы?
И вкрадчивой любви обманчивая лесть
В бесславной тишине мою задушит честь?

Эльвира

Поверьте, госпожа, вы угодите свету,
Умерив ненависть к любезному предмету,
Столь вас достойному; ваш долг уже свершен,

Король вас выслушал — и пусть рассудит он;
Нельзя упорствовать в ожесточенье нрава.

Химена

Мне нужно отомстить, моя задета слава;
И, как бы нам любовь ни обольщала слух,
Лукавству будет чужд благорожденный дух.

Эльвира

Ведь вы же любите Родриго, как любили?

Химена

Я в этом сознаюсь.

Эльвира

И что же вы решили?

Химена

Чтоб честь свою спасти и обрести покой,
Послать его на казнь и умереть самой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Родриго, Химена, Эльвира.

Дон Родриго

Разя виновного, не домогайтесь казни,
Но сами жизнь его прервите без боязни.

Химена

Эльвира, мыслимо ль? Нет сил перенести!
Родриго у меня! Родриго смел прийти!

Дон Родриго

Пролейте кровь мою; вкусите наслажденья
И гибели моей, и вашего отмщенья.

Химена

Ах!

Дон Родриго

Выслушай меня.

Химена

Нет сил!

Дон Родриго

Единый миг...

Химена

Нет, дай мне умереть!

Дон Родриго

Лишь слово, сердца крик;
Потом ответь мечом, вручаемым любовью.

Химена
Который весь еще облит священной кровью!
Дон Родриго
Химена...
Химена
Убери чудовищный клинок!
В нем страшный для меня и гибельный упрек.
Дон Родриго
Смотри бестрепетно, чтобы с судьбой не спорить,
Чтобы разжечь свой гнев и мой конец ускорить.
Химена
Ведь эта кровь — моя.
Дон Родриго
Окрась его моей.
Ты этим истребишь последний след твоей.
Химена
Жестокий человек, отца мечом разящий
И зрелищем меча дочь павшего казнящий!
Прочь, убери его, с ним я не вижу дня;
Ты просишь выслушать — и мучаешь меня.
Дон Родриго
Я подчинюсь тебе, но мысли не покину
Принять из рук твоих желанную кончину;
Затем, что даже страсть не может мне велеть
О мной содеянном бесславно пожалеть.
Непоправимый миг, рожденный жарким спором,
Похитил честь отца, меня покрыл позором.
Позор пощечины нельзя перенести;
Я тотчас должен был обидчика найти;
Я разыскал его, и кровь бесчестье смыла;
Я так бы сделал вновь, когда бы нужно было.
Но противу меня и моего отца
Мой пламень за тебя боролся до конца;
Суди, как он могуч: лишенный кровной чести,
Я мог раздумывать, свершать ли дело мести.
Колеблясь, что избрать — твой гнев или позор,—
Я думал, что мой меч, быть может, слишком скор,
Я обвинял себя в чрезмерном озлобленье;
И красота твоя взяла бы верх в боренье,
Когда б я не отверг призыва милых чар,
Сказав, что низок тот, кто может снесть удар,
Что та, кто доблестным меня привыкла видеть,
Уничиженного должна возненавидеть,

Что, уступив любви всесильному огню,
Я малодушием твой выбор оскверню.
Я это вновь скажу; и, не тая страданья,
Я до последнего готов твердить дыханья:
Обречь тебя тоске я должен был, любя,
Чтоб смыть с себя позор и заслужить тебя.
Но, заплатив сполна мой долг отцу и чести,
Я должен в свой черед стать жертвой правой мести:
Я здесь, и я тебе мою вручаю кровь.
Я выполнил свой долг и выполняю вновь.
Ты мертвого отца должна ответить кличу,
И я бы не посмел отнять твою добычу:
В крови убитого да будет распростерт
Тот, кто ее пролил и этой местью горд.

Химена

Увы, хотя вражда нас развела далеко,
Родриго, я к тебе не обращу упрека;
И, дань страдания платя моей судьбе,
Тебя я не виню, я плачу о себе.
Я знаю хорошо, что, если честь задета,
Бесстрашье требует достойного ответа;
То, что ты выполнил, был только долг прямой;
Но, выполнив его, ты мне открыл и мой.
Победа мрачная была твоя по праву:
Отмщая за отца, свою соблюл ты славу;
И я свой трудный долг исполню до конца:
Я славу соблюду, отмщая за отца.
Как я мучительно испытана судьбою!
Когда бы мой отец сражен был не тобою,
То в близости твоей я бы могла найти
Опору верную на горестном пути,
И я бы злой тоски не чувствовала жала,
Когда б твоя рука мне слезы осушала.
Но я, лишась отца, лишаюсь и тебя,
Во имя гордости любимого губя;
И долга страшного убийственная сила
На гибель милого меня вооружила.
Затем, что даже страсть не может мне велеть
Пред казнию твоей бесславно оробеть.
Хоть нежность за тебя восстать еще готова,
Я быть должна, как ты, бесстрашна и сурова:
Достойному меня долг повелел отмстить;
Достойная тебя должна тебя убить.

Дон Родриго

Тогда не медли же свершить веленье чести:
Я голову мою твоей вручаю мести;
Да будет суд ее безжалостен и скор;
Отраден твой удар, отраден приговор.
Призвать к возмездию неспешную расправу —
Замедлит казнь мою, твою замедлит славу.
Счастливой смерти миг своей рукой означь.

Химена

Я обвинитель твой, но я не твой палач.
Ты клонишь голову, но мне ль ее касаться?
Я обличать должна, ты должен защищаться;
Я казни требую, убийцу я виню,
Но я с тобой сужусь, а не сама казню.

Дон Родриго

Хоть нежность за меня восстать еще готова,
Ты быть должна, как я, бесстрашна и сурова;
А в отомщении заемною рукой
Суровости, поверь, не будет никакой;
Моя рука одна была защитой чести,
Твоя рука одна да служит делу мести.

Химена

Жестокий! Не терзай отмщающую дочь!
Ты мстил без помощи — и хочешь мне помочь!
Я поступлю, как ты, и в этой тяжбе правой
Я не намерена с тобой делиться славой
И в помощь не зову, мстя за родную кровь,
Твое отчаянье или твою любовь.

Дон Родриго

О, непреклонный дух! Ужели все старанья
Бессильны для меня добиться состраданья?
Во имя ли отца, во имя ли любви
Отмсти иль пожалей, но жизнь мою прерви!
Пасть от твоей руки мне будет меньшей казнью,
Чем жить, казнимому твоею неприязнью.

Химена

Ах, нет ее во мне!

Дон Родриго

Найди!

Химена

Я не могу.

Дон Родриго

Что скажут о тебе, прощающей врагу?

На преступление ответствуя любовью,
Какие поводы ты подаешь злословью!
Заставь его молчать и, честь свою храня,
Не медли долее и умертви меня.

Химена

Еще почетнее тебя в живых оставить;
И должен злейший враг меня до звезд прославить,
О бедствиях моих сочувственно скорбя,
Узнав, что я люблю и не щажу тебя.
Уйди, моя печаль не в силах видеть доле
То, что я призвана утратить поневоле.
Но сумраком ночным окутай свой уход:
Пускай тебя никто не встретит у ворот.
Единственной из всех причиною злоречий
Могла бы послужить огласка нашей встречи.
Мое достоинство избавь от клеветы.

Дон Родриго

Убей меня!

Химена

Уйди.

Дон Родриго

Так что ж решила ты?

Химена

Хотя мой правый гнев смущаем так тревожно.—
Для мщенья за отца исполнить все, что можно;
Но я бы все-таки счастливою была,
Когда бы ничего исполнить не могла.

Дон Родриго

О, дивная любовь!

Химена

О, страшный миг разлуки!

Дон Родриго

Как много за отцов мы примем слез и муки!

Химена

Родриго, кто бы ждал?

Дон Родриго

Химена, кто бы мог?

Химена

Чтоб радость всех надежд пресек столь горький рок!

Дон Родриго

Чтоб возле пристани внезапное ненастье
Так неожиданно разбило наше счастье!

Химена

О, скорбь смертельная!

Дон Родриго

О, тщетная печаль!

Химена

Уйди, ужели же меня тебе не жаль!

Дон Родриго

Прощай; иду влачить плачевной жизни ношу,
Пока ее навек под топором не сброшу.

Химена

И если он падет, клянусь тебе, любя,
Ни мига не дышать на свете без тебя.
Теперь прощай; иди и скройся незаметно.

Эльвира

Когда нам кажется, что утешенье тщетно...

Химена

Ты докучаешь мне, уйди отсюда прочь;
Тоскующей нужны безмолвие и ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Дьего.

Дон Дьего

Блаженства полного никто вкусить не может:
В счастливейшие дни нас что-нибудь тревожит;
Всегда волнение каких-нибудь забот
Довольству нашему дорогу перебьет.
Я их невидимым отравлен уязвленьем:
Я полон радости — и мучусь опасеньем.
Я видел труп врага, отмщенный мой позор,
А руку мстителя не вижу до сих пор.
С напрасным рвением, свершая труд ненужный,
Сную по городу, разбитый и недужный,
Остаток ветхих сил снедая до конца
В бесплодных поисках отважного бойца.
Повсюду в этой тьме, спустившейся на землю,
Стремясь его обнять, я только тень объемлю;
Любви, обманутой на всех ее путях,
Сомненья тайные внушают новый страх.
Того, чтоб он бежал, нет ни одной приметы;
Опасен графский дом и графские клевреты;

Их грозным множеством мой разум устрашен.
Родриго нет в живых, или в темнице он.
О, небо правое! Ошибся я, как прежде,
Иль сбыться наконец дано моей надежде?
То он, сомненья нет; исполнилась мечта,
Боязнь рассеяна, и скорбь пережита.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Дьего, дон Родриго.

Дон Дьего
Родриго, наконец нам небо шлет свиданье!
Дон Родриго
Увы!
Дон Дьего
Не омрачай унынъем ликованье;
Дай мне почтить тебя высокою хвалой.
Ты доблести отца не посрамил былой,
Она живет в тебе, чья пламенная сила
Отвагу пращуров сегодня воскресила.
Мой род и я горды наследником таким:
Твой первый взмах меча был равен всем моим,
И молодость твоя, свершая подвиг правый,
В тяжелом искусе с моей сравнялась славой.
Опора дней моих, мне данная судьбой,
Коснись моих седин, отмщаемых тобой,
Своим лобзанием коснись моей ланиты,
Где багровел позор, твоим бесстрашьем смытый.
Дон Родриго
Честь подобает вам: я меньшего не мог;
Ваш сын и вскормленник, я выполнил урок.
И этим счастлив я и восхищен душою,
Что угодил отцу, впервые выйдя к бою.
Но если рады вы, дозвольте, в свой черед,
И мне не преграждать свободный чувствам ход:
Отчаянью души излиться дайте вольно;
Оно уже и так испытано довольно.
Я не жалею, нет, что принял этот бой;
Но возвратите мне утраченное мной.
Мой меч, отмщая вас, с моей любовью споря,
Лишил меня души в миг торжества и горя;

Не нужно больше слов. Расплата свершена.
Я отдал все. Мой долг я вам вернул сполна.

Дон Дьего

Не умаляй плодов победы величавой:
Тебе я жизнь дарил, а ты мне платишь славой;
И так как слава мне дороже бытия,
Перед тобой, мой сын, в долгу отныне я.
Но к этим слабостям да будет сердце строго;
Честь у мужчин одна, возлюбленных так много!
Любовь забыть легко, но честь нельзя никак.

Дон Родриго

То, что сказали вы...

Дон Дьего

Ты должен знать и так.

Дон Родриго

Я сам себе отмстил, отмститель оскорбленья;
А вы мне смеете внушать позор забвенья!
Бесчестье равное волочит за собой
Тот, кто предаст любовь и кто покинет бой.
Мне ль запятнать себя такой изменой темной?
Отважная душа не станет вероломной.
Священной верности ненарушим завет;
Я связан до конца, хотя надежды нет;
Не в силах ни забыть, ни возвратить любимой,
Я только смерть зову, терзаньями томимый.

Дон Дьего

Звать добровольно смерть повремени пока:
Монарху и стране нужна твоя рука.
Флот мавров движется от устья, угрожая
Захватом города и разореньем края.
Он близится сюда; быть может, через час
Морской прилив и ночь домчат его до нас.
Смятенье во дворце, в народе страх великий;
Повсюды слезы льют, повсюду слышны крики.
Но, в этом бедствии, я, к радости моей,
Застал, придя домой, пятьсот моих друзей,
Которые, узнав обиду нашей чести,
Явились предложить свои мечи для мести.
Ты их опередил; но лезвия мечей
Кровь африканская окрасит горячей.
На голос доблести веди их за собою:
Их мужественный круг избрал тебя главою.
Врагам отечества достойный дай ответ;

И если ищешь смерть, то краше смерти нет;
Будь счастлив случаем, он сам тебе дается;
Пусть гибелью твоей твой властелин спасется;
Но лучше возвратись с увенчанным челом.
Ты показал себя, отмстив за отчий дом;
Достигни большего — и славой полководца
Принудь судью простить, Химену — не бороться,
Приди с победою — и ты, быть может, вновь,
И лишь таким путем, вернешь ее любовь.
Но время дорого, и нам его с тобою
Нельзя терять в речах; идем, готовься к бою;
Сразись и победи, монарху доказав,
Что ты заменишь все, чем был убитый граф.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Химена, Эльвира.

Химена
И это не обман, не ложный слух, Эльвира?
Эльвира
Его все в городе возносят, как кумира,
И до небес гремит всеобщая хвала
Бойцу, свершившему бессмертные дела.
Лишь посрамление враги его стяжали:
Напав стремительно, еще быстрей бежали.
И вот в его руках, когда взошла заря,
Победа полная и пленных два царя.
Испанский вождь склонил их головы под иго.
Химена
И эти чудеса свершил один Родриго?
Эльвира
Неволя двух царей — венец его трудам:
Он сам их победил и полонил их сам.
Химена
Но почему тебе так точно все известно?
Эльвира
Молва его хвалу разносит повсеместно:
Он — общей радости виновник и предмет,
Он — ангел, всю страну избавивший от бед.

Химена

А как взглянул король на подвиг этой ночи?

Эльвира

Родриго не дерзнул предстать ему пред очи;
От имени его ликующий отец
Венчанных пленников приводит во дворец,
У повелителя прося соизволенья
Дать доступ и тому, кто спас его владенья.

Химена

Но он не ранен ли?

Эльвира

Никто не говорил.
Но вы бледнеете! Вам нужно больше сил.

Химена

Мне нужно больше сил для праведного гнева:
Тревожиться о нем, как трепетная дева?
Ему поют хвалы — и голос мой умолк,
И честь покорствует, и обессилен долг!
Молчи, моя любовь; пусть голос гнева грянет:
Он победил царей, но мой отец не встанет.
Печальный мой наряд, моих свидетель бед,
Был первым следствием Родриговых побед;
И, как бы ни был он велик в народном мненье,
Здесь все кругом твердит о страшном преступленье.
Вы, памяти моей властительный укор,
Вуали, платья, креп, торжественный убор,
В который он меня облек рукой кровавой,
Не дайте нежности возобладать над славой;
И, если снова верх возьмет моя любовь,
Вы мой печальный долг напомните мне вновь,
Служите мне щитом, нетленней адаманта.

Эльвира

Умерьте ваш порыв, сюда идет инфанта.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Инфанта, Химена, Леонор, Эльвира.

Инфанта

Я не забвения несу тебе бальзам;
Я приобщить хочу мой вздох к твоим слезам.

Химена

Вы лучше к радости всеобщей приобщитесь
И вам ниспосланной отрадой насладитесь,
Сударыня; лишь мне позволено вздыхать.
Родриго отразил нахлынувшую рать,
Он нас избавил всех от вражеской угрозы,
И вправе только я ронять сегодня слезы.
Он храбро послужил монарху и стране,
И славный меч его враждебен только мне.

Инфанта

Но то, что он свершил, и впрямь подобно чуду.

Химена

Постылый этот слух доходит отовсюду,
И всякий говорит и повторяет вновь,
Что слава с ним дружна, как не дружна любовь.

Инфанта

Но чем же их слова твоим ушам постылы?
Ведь этот юный Марс был твой избранник милый,
Покорствуя тебе, владел твоей душой;
Кто чествует его, тот хвалит выбор твой.

Химена

Да, чествовать его, конечно, всякий может;
Но этот шум похвал мои терзанья множит.
Его превознося, мне душу жгут огнем:
Я вижу явственно, чего лишилась в нем.
О, тягостная скорбь моей любви несчастной!
Чем громче весть о нем, тем жарче пламень страстный,
Но все-таки мой долг властительней всего
И, сердцу вопреки, не пощадит его.

Инфанта

Вчера ты этот долг венчала честью новой;
Твоя борьба с собой была такой суровой,
Такой возвышенной, что все вокруг тебя
Дивились доблестной, о любящей скорбя.
Но дружбы искренней ты выслушаешь мненье?

Химена

Вас не послушаться сочту за преступленье.

Инфанта

То был твой долг вчера; сегодня он не тот.
Родриго нам теперь единственный оплот,
Надежда и любовь простых людей и знати,
Кастильи верный щит и ужас маврской рати.
Согласен сам король с народною молвой,

Что в образе его воскрес родитель твой;
Короче, говоря без лести и коварства,
В его погибели — погибель государства.
И ты решилась бы, свой защищая дом,
Отдать отечество на вражеский разгром?
За что нас подвергать ужасному удару,
И в чем преступны мы, чтоб несть такую кару?
Ты не обязана, конечно, взять в мужья
Того, к кому вражда оправдана твоя:
На это я сама взглянула бы с тревогой;
Лиши его любви, но жизнь его не трогай.

Химена

Так поступила бы другая, но не я;
Границ не ведает обязанность моя.
Пусть счастие мое доселе в нем едином,
Пусть он любим толпой, обласкан властелином,
Пусть чествуют его храбрейшие бойцы,—
Надгробный кипарис затмит его венцы.

Инфанта

Не всякой доблести казалось бы по силам,
Отмщая за отца, забыть о сердцу милом;
Но тот велик душой и доблестен вдвойне,
Кто кровной гордостью пожертвует стране.
Поверь, достаточно лишить его приязни;
Твой холод для него тяжеле всякой казни.
Помысли обо всех и сердце приневоль.
Да и какой ответ тебе бы дал король?

Химена

Он может отказать, но я молчать не вправе.

Инфанта

И взвесь последствия, представь себе их въяве.
Прощай; наедине обдумай мой совет.

Химена

Раз мой отец убит, то выбора мне нет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Родриго, дон Санчо.

Дон Фернандо

Наследник доблестный блистательного дома,
Чья слава искони отечеству знакома,

Потомок пращуров, испытанных борьбой.
С которыми тебя сравнял твой первый бой,
За то, что ты свершил, награда невозможна;
Чтобы ее воздать, вся власть моя ничтожна.
От грозного врага избавить край родной,
Своей рукой в моей упрочить скипетр мой
И мавров разгромить, когда в ночную пору
Мы только начали готовиться к отпору,—
Все это подвиги высокие настоль,
Что отплатить тебе бессилен твой король.
Но я из рук врага тебе награду выдам.
Здесь пленные цари тебя назвали Сидом;
А так как в их стране Сид значит господин,
Именоваться так достоин ты один.
Будь Сидом; этот звук да рушит все преграды,
Да будет он грозой Толедо и Гранады
И да являет всем, блюдущим мой закон,
Какою помощью тебе обязан трон.

Дон Родриго

Простите, государь, невольное смущенье.
Так мал поступок мой, о нем так лестно мненье,
Что я, поистине, краснея, должен несть
Столь незаслуженно дарованную честь.
Вы можете владеть, как вашим достояньем,
И кровью жил моих, и уст моих дыханьем;
Когда я ради вас навеки их отдам,
Я лишь исполню долг того, кто служит вам.

Дон Фернандо

Не все, кто служит мне и честно правит дело,
Свой исполняют долг так доблестно и смело;
И лишь тому, чей дух неустрашимей всех,
Такой невиданный сопутствует успех.
Позволь же мне хвалить пришедшего с победой
И правду мне о ней подробнее поведай.

Дон Родриго

Уже вы знаете, что в этот грозный час,
Который горожан смятением потряс,
К отцу пришли друзья, они ко мне воззвали,
И я, исполненный разлада и печали...
Простите, государь, мой дерзостный порыв:
Я действовал, у вас согласья не спросив;
Опасность близилась; отряд готов был к бою;

Явиться во дворец — играешь головою;
И я тогда решил: милей во много раз
Сложить ее в бою и умереть за вас.

Дон Фернандо

Вступаясь за отца, ты поспешил с расплатой;
Но мой спасенный край да будет твой ходатай;
Химене, жаждущей возмездия врагу,
Лишь состраданием ответить я могу.
Но продолжай.

Дон Родриго

Итак, я выступил с отрядом,
И каждый шел вперед с неустрашимым взглядом.
Нас двинулось пятьсот; но воинство росло,
И к берегу реки три тысячи пришло,—
Настолько, видя нас шагающими смело,
Ободрились и те, чье сердце оробело.
Две трети я тотчас попрятал по судам,
Которые, придя, мы увидали там;
Все прочие,— а к ним спешили подкрепленья,—
Теснились вкруг меня, горя от нетерпенья;
Я молвил; каждый лег и, притаясь, как тать,
Чудеснейшую ночь собрался коротать.
Я то же самое велел исполнить страже,
Чтоб выдумка моя сошла как можно глаже;
Причем я делал вид, что боевой приказ,
Который отдаю, я получил от вас.
И вот, при свете звезд, во мраке молчаливом,
Флот в тридцать парусов скользит с морским
приливом;
Он подымается по вздувшимся волнам,
И море и враги подходят вровень к нам.
Мы пропускаем их, вид города спокоен;
Вдоль стен и в гавани — хоть бы единый воин,
И так как между нас малейший шум заглох,
То мавры, думая застигнуть нас врасплох,
Бросают якоря, своей удаче рады,
И сходят на берег посереди засады.
Тогда мы все встаем и разом, в тот же миг,
Кидаем к небесам тысячеустый крик;
Те, что на кораблях, ответным вторят криком;
Враг видит их и нас и, в ужасе великом,
Не кончив высадки, бежит, своих топча;
Он ждет погибели, не обнажив меча.

Он вышел на грабеж — и повстречался с боем;
На суше, на воде мы давим грозным строем
И вражескую кровь потоками струим,
Сметая беглецов стремлением своим.
Но вскоре их вожди смутившихся сплотили;
Они опомнились, они свой страх забыли;
Стыд быть убитыми, не попытав и сил,
Вернул их к мужеству и доблесть воскресил.
Они берут мечи и бьются, сдвинув брови,
В ужасном месиве своей и нашей крови;
И берег, и река, и мавританский флот —
Поля сплошной резни, где смерть свой пир ведет.
О, сколько подвигов, о, сколько громкой славы
Безвестно поглотил той ночи мрак кровавый,
Где каждый был один своих свидетель дел,
Не в силах различить, чей жребий одолел!
Я всюду поспешал, бойцов одушевляя,
Одних кидая в бой, других обороняя,
Равнял пришедших вновь, и вел их в свой черед,
И сам, вплоть до зари, не знал, каков исход.
Но вот уже рассвет над нашим счастьем блещет.
Мавр видит свой разгром, и грозный враг трепещет;
Он видит — к нам спешит подмога свежих сил,
И смертным ужасом остужен бранный пыл.
Они бегут к судам, они секут канаты,
Вопят неистово, смятением объяты,
И шумным скопищем спешат отплыть скорей,
Не озабочены судьбой своих царей.
К чему взывает долг, от страха им невнятно:
Сюда их нес прилив, отлив несет обратно,
Меж тем как их цари, врубясь в испанский строй,
И с ними горсть людей не прекращают бой
И с жизнью дешево расстаться не согласны.
Я сдаться их прошу; мои слова напрасны:
Они сражаются и слушать не хотят;
Но видя, что упал последний их солдат
И что они вдвоем в пустынном поле бьются,
Зовут начальника и тут же мне сдаются.
Я отсылаю к вам обоих храбрецов,
И бой кончается, затем что нет бойцов.
Так ваших подданных воинственное рвенье...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Родриго, дон Арнас, дон Алонсо, дон Санчо.

Дон Алонсо

Химена, государь, пришла узнать решенье.

Дон Фернандо

Какой досадный долг ниспослан мне судьбой!
Уйди, чтобы она не встретилась с тобой.
Взамен приветствия — внезапное изгнанье;
Но дай король тебя обнимет на прощанье.

Дон Родриго уходит.

Дон Дьего

Она враждует с ним, в душе его любя.

Дон Фернандо

Я слышал и хочу проверить для себя.
Примите грустный вид.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Санчо, дон Алонсо, Химена, Эльвира.

Дон Фернандо

Химена, будьте рады;
Родриго избежал и кары и пощады;
И, отразив набег неверных мусульман,
Он умер здесь, меж нас, от понесенных ран;
Судилище небес само за вас вступилось.
(К дон Дьего.)
Какою бледностью лицо ее покрылось!

Дон Дьего

Ей дурно; от ланит отхлынувшая кровь
Прямую, государь, являет вам любовь.
Тайник ее души раскрылся перед вами,
И в нежном пламени вы убедились сами.

Химена

Родриго нет в живых?

Дон Фернандо

Нет, нет, он видит свет
И прежней страстию к возлюбленной согрет.
Смири живую боль сердечного участья.

Химена

Бывает обморок от боли и от счастья:
Избыток радости так нестерпим подчас,
Что, овладев душой, он изнуряет нас.

Дон Фернандо

Ты нас разубедить стараешься напрасно:
Твое страдание сказалось слишком ясно.

Химена

Ну, что же, если я и это снесть должна,
Скажу, что я была страданьем сражена:
Мне не хватило сил противиться удару.
От головы его смерть отвращала кару;
Ведь если б он погиб, израненный в бою,
То я бы не могла исполнить месть мою;
Мне оскорбителен конец столь величавый.
Мне смерть его нужна, но не в сиянье славы,
Не в блеске подвигов, чей неумолчен гром,
Не смерть воителя, а смерть под топором,—
За моего отца, а не за край родимый,
Чтоб он унес с собой позор неизгладимый.
Пасть за отечество — счастливая чреда:
Умерший доблестно бессмертен навсегда.
Я первая хвалой Родриго возвеличу:
Вам он вернул покой, а мне мою добычу.
Теперь, когда никто так не могуч, как он,
Когда он лаврами победы осенен,
Я смело говорю, что столь бесстрашный воин
За моего отца как жертва пасть достоин.
Увы, я призрачной мечтой обольщена!
Я знаю, я ничем Родриго не страшна:
Что могут, с ним в борьбе, беспомощные слезы?
Под вашей властию ему ничто угрозы;
Он всюду обретет защиту и покров;
Мне уготована судьба его врагов.
В их пролитой крови задохлось правосудье;
Оно в его руках — послушное орудье:
Законы презрены, и сочтено мудрей,
Чтоб я в триумфе шла меж пленных двух царей.

Дон Фернандо

Дитя мое, уйми чрезмерные порывы.
Нам должно взвесить все, когда мы справедливы:
Да, твой отец убит; но ссору начал он;
И беспристрастием мой приговор смягчен.

Не укоряй меня, как гневный обвинитель,
Не спорь с твоей душой: Родриго в ней властитель,
И втайне ты сама признательна судьбе,
Что сердцу милого я сохранил тебе.

Химена

Мне! Моего врага! Кого мой гнев бичует!
Кто моего отца убил и торжествует!
Моим ходатайствам такая здесь цена,
Что я же за отказ благодарить должна!
Когда вы слез моих уважить не хотите,
Дозвольте мне призвать оружие к защите;
Родриговым мечом обида свершена,
И точно так же я мечом отмстить должна.
Всем вашим рыцарям я громкий вызов кличу:
За эту голову даю себя в добычу;
Когда мой враг падет и примет казнь свою,
Я выйду за того, кто победит в бою.
Велите, государь, чтоб вызов был объявлен.

Дон Фернандо

Таким обычаем, хоть он давно уставлен,
Далёко не всегда карается вина,
И лучших воинов лишается страна;
Нередки случаи, когда исход сраженья
Порочит правоту во славу преступленья.
Того, кто нужен мне для долгих лет борьбы,
Я не могу обречь неверности судьбы;
И, в чем бы ни был он виновен перед нами,
Вина похищена бежавшими врагами.

Дон Дьего

Ужели, государь, низвергнуться должны
В угоду одному законы старины?
Что скажет ваш народ? Какой предлог злословью,
Когда он защищен монаршею любовью
И, этим пользуясь, не явится туда,
Где смерть для рыцаря заманчива всегда?
Подобной милостью он будет обесславлен;
От этого стыда он должен быть избавлен.
Граф хвастал дерзостью, мой сын ее пресек;
Пусть он живет и впредь как храбрый человек.

Дон Фернандо

Раз вы желаете, Родриго может биться.
Но вслед сраженному сто новых ополчится;
Награда такова, что, споря меж собой,

Все наши рыцари поднимутся на бой.
Нельзя участвовать в такой неравной доле:
Довольно, чтобы раз Родриго вышел в поле.
Химена, выбери защитника себе;
Но, выбрав, не ропщи и покорись судьбе.

Дон Дьего

Вот оправдание для тех, кто оробеет:
На этом поприще кто выступить посмеет?
Теперь, когда мой сын явил, кто он такой,
Кто не попятится перед его рукой?
Кто бросится в борьбу, откуда нет исхода?
Как имя смельчака, вернее — сумасброда?

Дон Санчо

Откройте поприще: такой найдется враг;
Я — этот сумасброд, или верней, смельчак.
(К Химене.)
Лишь как о милости я вас прошу об этом:
Вы помните, каким вы связаны обетом.

Дон Фернандо

Химена, вот боец. Решенье за тобой.

Химена

Я соблюду обет.

Дон Фернандо

Готовьтесь. Завтра бой.

Дон Дьего

К чему откладывать? Отсрочка — только бремя.
Кто сердцем мужествен, готов в любое время.

Дон Фернандо

Едва отбить врага — и драться в тот же час!

Дон Дьего

Родриго отдохнул, осведомляя вас.

Дон Фернандо

Пусть все же час-другой он проведет в покое
Но, чтоб не видели примера в этом бое
И дабы показать, что мне кровавый спор
Немил и тягостен, ни сам я, ни мой двор
Своим присутствием его не удостоим.
(К дону Ариасу.)
Вы будете один судьею им обоим,
Следя, чтобы устав был соблюден вполне,
И победителя доставите ко мне.
Кто б ни был он, заклад не подлежит отмене:

Счастливого бойца я приведу к Химене,
И клятвой верности он будет награжден.

Химена

Вы слишком тягостный мне ставите закон!

Дон Фернандо

Ты ропщешь; но любовь охотно примет иго,
Когда с победою воротится Родриго.
Я этот приговор произношу как друг:
И, кто б ни победил, он будет твой супруг.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Родриго, Химена.

Химена

Родриго! Белым днем! Жестокая причуда!
Ты губишь честь мою; уйди, уйди отсюда.

Дон Родриго

Я должен умереть, и я решил прийти
Пред смертью вам сказать последнее прости.
Я связан верностью любви неколебимой
И, принимая смерть, дарю ее любимой.

Химена

Ты должен умереть?

Дон Родриго

Настал счастливый час,
Когда я жизнь мою могу отдать за вас.

Химена

Ты должен умереть? Дон Санчо так ужасен,
Что и отпор ему бесцелен и напрасен?
Давно ли ты так слаб, давно ль так грозен он?
Родриго, идя в бой, заране обречен?
Тот, кем повержены и граф и мусульмане,
С дон Санчо идя в бой, отчаялся заране?
Так, значит, и в тебя вселяется боязнь?

Дон Родриго

Я не на бой иду, я принимаю казнь.
Я вами осужден, но вам я сердцем верен,
И я за жизнь мою бороться не намерен.
Я, как и прежде, храбр; но опускаю меч

И вам немилое не соглашусь беречь;
Уже и эта ночь была бы мне смертельной,
Когда бы боем я решал свой спор отдельный;
Но, защищая трон и родину мою,
Я изменил бы им, не победив в бою.
Поверьте, эта жизнь не столь презренна мною,
Чтоб гибель покупать бесчестною ценою.
Сегодня за себя ответствую я сам.
Я вами осужден, и вам я жизнь отдам.
Кто б ни был избранный для этой казни воин
(Ее из ваших рук принять я недостоин),
Я ограждать себя не стану в смертный час:
Я буду чтить того, кто борется за вас;
И, счастлив мыслию, что это вы разите,
Затем, что к вашей он вооружен защите,
Я встречу радостно удар его клинка,
Который милая направила рука.

Химена

Когда печальный долг, чья горестная сила
Стать недругом твоим меня одушевила,
Велит твоей любви быть верной до конца
И меч не подымать на моего бойца,
То, в слепоте своей, подумай в час кровавый,
Что, жизнью жертвуя, ты жертвуешь и славой,
И, как ни светел блеск, каким ты окружен,
Узнав, что ты убит, сочтут, что ты сражен.
Ты честью дорожишь ревнивей, чем любовью,
Раз моего отца ты обагрился кровью
И навсегда отверг, свою же страсть казня,
Надежду милую приобрести меня.
И вдруг былая честь в таком пренебреженье,
Что ты, вступая в бой, идешь на пораженье?
Как быстро отлетел твой мужественный пыл!
Куда девался он и почему он был?
Чтоб оскорбить меня, твоей отваги стало;
А пред лицом других ее, как видно, мало?
И моему отцу не новый ли урон,
Что, победив его, ты будешь побежден?
Нет, смерти не ища, дай мне простор для мести
И, раз не хочешь жить, сражайся ради чести.

Дон Родриго

Убитый ваш отец и мавров смятый флот —
Для гордости моей достаточный оплот.

Не ей заботиться о чьей-либо защите:
Я смелостью своей всех смелых знаменитей,
Я это доказал, и знает целый свет,
Что блага для меня превыше чести нет.
О да, поверьте мне: явясь на суд кровавый,
Родриго может пасть, не умаляя славы,
Такой же доблестный, каким он был всегда,
Никем не превзойден и не приняв стыда.
И скажут лишь одно: «Он обожал Химену;
Он думал, что, живя, он совершит измену;
Он вольно поспешил к уделу своему,
Который милая готовила ему:
Он, не противясь, пал, ее казнимый мщеньем;
Ей в этом отказать он счел бы преступленьем.
Отмщая честь свою, он погубил любовь,
Отмщая милую, свою он отдал кровь,
Затем что он ценил, как лучшие в отчизне,
Превыше страсти честь и страсть превыше жизни».
Поэтому и смерть в сегодняшнем бою
Еще блистательней возвысит честь мою;
И скажут, мой конец почтив неотвратимый,
Что так еще никто не послужил любимой.

Х и м е н а

О, если над тобой так властен смерти зов,
Что жизнь свою и честь ты позабыть готов,
То вспомни нашу страсть, мой дорогой Родриго,
Сразись, чтоб на меня не пало это иго,
Борись, чтобы меня не отдали тому,
Кто отвратителен и сердцу и уму.
Сказать тебе еще? Как воин выйди в поле,
Чтоб я, безмолвствуя, в своей смирилась доле,
И, если ты любви не угасил огня,
Будь победителем и завоюй меня.
Прощай: мне совестно моей невольной речи.

Д о н Р о д р и г о

С каким теперь врагом я не осилю встречи?
Сюда, наваррец, мавр, Кастилья, Арагон,
Все, кто в Испании бестрепетным рожден;
Спешите тучами, грозой объединенной.
На бой с десницею, так дивно вдохновленной,
С моей надеждою сразитесь все зараз;
Чтобы сломить ее, все будет мало вас.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Инфанта.

Инфанта

Тебе ль покорствовать, блеск моего рожденья,
Жестокий к сердцу моему?
Тебе ль внимать, любовь, чьи нежные веленья
Противоборствуют надменному уму?
Принцесса бедная, кому
Повергнуть дань повиновенья?
Родриго, дум моих достоин ты один;
Ты доблестнее всех, но ты не царский сын.

Бездушная судьба, чье роковое слово
С мечтаньем разлучает честь!
Мое избрание ты судишь так сурово,
Что в страсти только скорбь мне суждено обресть.
О, небо! Сколько перенесть
Должна я сердцем быть готова,
Когда ему нельзя, терзаясь вновь и вновь,
Ни встретить милого, ни погасить любовь!

Нет, праздной робостью мой ум обеспокоен,
И мыслить я должна смелей:
Пусть от рождения мне царский сан присвоен,—
Родриго, я могу под властью жить твоей.
Ты, победивший двух царей,
Венца державного достоин,
И новый титул твой, непобедимый Сид,
О царственном твоем призванье говорит.

Меня достоин он, но он у ног Химены,
И в дар он мною принесен!
В их страсть и смерть отца не вносит перемены,
И мщенье нехотя свершает свой закон.
Пусть перед ней преступен он,—
Меж нами будут те же стены,
И заповедь судьбы к несчастной так строга,
Что любят пламенно друг друга два врага.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Инфанта, Леонор.

Инфанта
Куда ты, Леонор?
Леонор
Пред взоры королевны,
Так счастливо опять обретшей мир душевный.
Инфанта
Как обрету я мир среди таких скорбей?
Леонор
Живет надеждой страсть, но гибнет вместе с ней;
Родриго вас пленять уже не может боле.
Вы знаете, что он Хименой вызван в поле:
Падет ли он в бою, ее ль получит он,—
Надежда умерла, и дух ваш исцелен.
Инфанта
Увы, далёко нет!
Леонор
Не все ль мечтанья тщетны?
Инфанта
Напротив, ни одни, как прежде, не запретны!
Когда у них в бою стоит такой заклад,
Я воспрепятствовать могу на всякий лад.
Любовь, виновница моих живых мучений,
Внушает любящим сто тысяч ухищрений.
Леонор
На что надеяться, когда и смерть отца
Воспламенить враждой не может их сердца?
Ведь поведение Химены доказало,
Что ненависть над ней не властвует нимало.
Ей дозволяют бой, и тут же как бойца
Она согласна взять случайного юнца,
Чуждаясь помощи мечей неустрашимых,
Давно прославленных и всенародно чтимых;
Дон Санчо для нее удобен потому,
Что драться в первый раз приходится ему.
Ей нравится такой неискушенный воин;
Он славой небогат, и дух ее спокоен;
Легко понять, что ей, устроив этот бой,
Добиться хочется насилья над собой,

Украсить милого победой предрешенной
И право получить казаться примиренной.

Инфанта

Я это чувствую, но в сердце не вольна
И юным рыцарем сама покорена.
На что решиться мне, любовнице несчастной?

Леонор

Блюсти с достоинством ваш сан высоковластный.
Кому сужден король, той рыцарь не чета.

Инфанта

Уже не к рыцарю летит моя мечта.
То не Родриго, нет, не наших слуг потомок;
Для сердца моего он по-иному громок:
То славный паладин, всех выше и храбрей,
Неустрашимый Сид, властитель двух царей.
Все ж я себя сломлю: не в страхе осужденья,
Но чтобы не смущать столь верного служенья;
Хотя б, в угоду мне, вручили скиптр ему,
Я отданного мной обратно не возьму.
И так как в час суда он победит бесспорно,
Химене тот же дар я принесу повторно.
А ты, свидетель мой в мучительной борьбе,
Смотри, могу ль я быть верна сама себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Химена, Эльвира.

Химена

Как я измучена, Эльвира, как несчастна!
Не знаю, что желать, и над собой не властна:
В душевных помыслах — смятенье и разлад;
Я все мои мольбы сама зову назад.
Я двух соперников вооружила к бою,
Который только скорбь мне принесет с собою,
И, тот или другой сужден ему конец,—
Или мой друг убит, иль не отмщен отец.

Эльвира

В обоих случаях вам будет облегченье:
Или Родриго — ваш, иль вы свершили мщенье;
И, на весах судьбы куда ни ляжет груз,
Вас осеняет честь и брачный ждет союз.

Химена

Мучительный ярем иль горестное иго!
Союз с убийцею отца или Родриго!
Так или иначе, мне будет дан супруг,
Кровь, мне священную, еще не смывший с рук.
Так или иначе, страшна моя невзгода;
Я рада умереть, чтобы не знать исхода.
Вы, мщение, любовь, владеющие мной,
Мне вас не сладостно добыть такой ценой;
И ты, на жизнь мою наславший эти беды,
Окончи этот бой без чьей-либо победы,
Чтоб из соперников никто не одолел!

Эльвира

Вы просите себе безрадостный удел.
Не значит ли свой дух подвергнуть пытке новой —
Быть вновь обязанной будить закон суровый,
Возвышенной вражде вручая торжество,
И смерти требовать для друга своего?
Не лучше ли, чтоб он, своей могучей дланью
Завоевав венец, принудил вас к молчанью.
Пусть боевой закон осилит вашу боль,
И быть счастливою вам повелит король.

Химена

Ужели я склонюсь перед победой Сида?
Мой долг не так убог, не так мала обида;
Меня не устрашат, смириться мне веля,
Ни боевой закон, ни воля короля.
Дон Санчо победить он, без сомненья, может,
Но гордости моей вовеки не низложит;
И, что бы властелин ни обещал ему,
Я тысячу врагов навстречу подыму.

Эльвира

Смотрите, небеса, в возмездье непреклонной,
Ей наконец и впрямь дозволят быть отмщенной!
Как? Вы откажетесь от счастья и тогда,
Когда вы можете умолкнуть без стыда?
Чего вы ищете, какой судьбы хотите?
Вы, смертью милого, отца не воскресите.
Иль новой горести потребна череда?
Нужна за скорбью скорбь и за бедой беда?
Нет, если разум ваш так прихотлив и мрачен,
То вы не стоите того, кто вам назначен;

И правый гнев небес сразит его в борьбе,
Чтобы надменную дон Санчо взял себе.

Химена

Эльвира, я и так удручена страданьем;
Не умножай его зловещим предсказаньем.
Я никому из них достаться не хочу;
Но жажду счастия Родригову мечу.
Не то, чтоб стойкой быть мне не хватало силы;
Но, если он падет, меня возьмет немилый.
Повелевает страх желанью моему.
Что вижу? Горе мне! Увы, конец всему.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Санчо, Химена, Эльвира.

Дон Санчо

Мое оружие у ваших ног слагая...

Химена

Чтоб кровь передо мной дымилась дорогая?
И ты еще прийти осмелился сюда,
Ты, счастие мое отнявший навсегда?
Рыдай, моя любовь, забудь свой плен суровый:
Отец мой отомщен, ты можешь снять оковы.
Отныне честь моя навек вознесена,
Душа растерзана, и страсть моя вольна.

Дон Санчо

Когда спокойнее...

Химена

Молчи, злодей ужасный,
Чьей гнусною рукой убит герой прекрасный!
Ты взял предательством; не мог боец, как он,
Таким противником открыто быть сражен.
Уйди; ты видишь сам своей услуге цену:
Пытаясь защитить, ты умертвил Химену.

Дон Санчо

Вы мне не внемлете, но все же я прерву...

Химена

Ты хочешь, чтобы я внимала хвастовству,
А ты расписывал неспешно, речью важной
Его беду, мой грех и подвиг твой отважный?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Санчо, дон Алонсо, Химена, Эльвира.

Химена

Позвольте, государь, открыться вам вполне
Во всем, что утаить так трудно было мне.
Вы знали — я люблю; но ради кровной чести
Главу любимого я обрекала мести.
Вы сами, государь, свидетелем тому,
Служила ль я любви иль долгу моему.
Но вот Родриго пал, и недруг, полный гнева,
Теперь не более чем горестная дева.
Я почерпала месть в отеческой крови,
А слезы отдаю тоскующей любви.
Дон Санчо, мститель мой, убил мою отраду,
И палачу души я отдана в награду!
О, если королю понятен скорбный стон,
Разрушьте, государь, жестокий ваш закон;
За этот страшный бой пусть он получит в долю
Мое имущество и пусть вернет мне волю,
Чтоб я в святых стенах, до скорбного конца,
Могла оплакивать Родриго и отца.

Дон Дьего

Короче, государь, правдивыми словами
Она свою любовь признала перед вами.

Дон Фернандо

Утешься, дочь моя: твой верный друг живет.
Дон Санчо побежден и ложный дал отчет.

Дон Санчо

Ее ввело в обман чрезмерное волненье.
Я к ней пришел сказать, чем кончилось сраженье.
Ее возлюбленный, мой благородный враг,
Меч выбив у меня, сказал: «Пусть будет так;
Победного венца я лучше не надену,
Но не коснусь того, кто бьется за Химену.
Мой долг меня зовет явиться во дворец.
А перед нею ты предстань как мой гонец,
Сложи к ее ногам твой меч, даримый Сидом».
Я к ней пришел; она, обманутая видом
Меча в моих руках, на нем узрела кровь,
И тут внезапный гнев явил ее любовь
С таким неистовством, с таким негодованьем,

Что я не в силах был владеть ее вниманьем.
Но я, хоть побежден, скажу, что я счастлив,
И, сердце страстное забвеньем исцелив,
Я даже буду рад моей утрате вечной,
Дарящей торжество любви столь безупречной.

Дон Фернандо

Химена, не стыдись прекрасного огня
И не ищи путей разубедить меня.
Краснеть ни перед кем ты не имеешь права;
Твой долг исчерпан весь, твоя блистает слава;
И ты достаточно отмстила за отца,
В своей суровости не дрогнув до конца.
Ты видишь, небеса не так судили строго.
Помысли после них и о себе немного
И будь послушлива монарху и судьбе,
Супруга милого вручающим тебе.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Родриго, дон Алонсо, дон Санчо, инфанта, Химена, Леонор, Эльвира.

Инфанта

Забудь, Химена, скорбь и, как залог покоя,
Прими из рук моих счастливого героя.

Дон Родриго

Да будет, государь, благоугодно вам,
Чтоб в преданной любви я пал к ее ногам.
Я прихожу сюда не за добычей бранной:
Я жизнь мою принес, как дар для вас желанный,
Наперекор любви защитой не избрав
Ни волю короля, ни боевой устав.
Когда свершенного для отчей тени мало,
Скажите, что́ свершить, чтоб мщенье замолчало:
Сразиться с тысячью и тысячью врагов,
Провесть по всей земле бразды моих трудов,
Рассеять армию, взять лагерь голой шпагой,
Героев сказочных затмить своей отвагой?
И если этим смыть позволено вину,
То я готов на все, и я на все дерзну;
Но если и теперь неумолимой чести

Лишь смерть виновного достаточна для мести,
То более ничьих не требуйте услуг:
Я здесь, и гибели я жду от ваших рук;
Лишь вами должен быть сражен непобедимый;
Утешьтесь местию, для всех недостижимой.
Но этим правый гнев да будет утолен:
Меня забвением да не карает он;
И, так как смерть моя послужит вашей славе,
Жить в вашей памяти, мне кажется, я вправе,
Чтоб вы могли сказать, печальный взор склоня:
«Он умер потому, что он любил меня».

Химена

Родриго, встань. Мой долг — пред королем сознаться,
Что от моих речей мне поздно отрекаться.
За многие черты Родриго я люблю;
Никто противиться не смеет королю;
И все ж, хоть мой удел предустановлен вами,
Ужели этот брак потерпите вы сами?
И, если от меня подобной жертвы ждут,
Допустит ли ее ваш справедливый суд?
За все, чем заслужён Родриго пред страною,
Ужели следует расплачиваться мною
И обрекать меня терзаньям без конца,
Что на твоих руках кровь моего отца?

Дон Фернандо

Теченье времени не раз узаконяло
То, в чем преступное нам виделось начало.
Родриго победил, ты быть должна его.
И все ж, хоть он стяжал сегодня торжество,
Я не уважил бы твою, Химена, славу,
Вручив ему сейчас то, что его по праву.
Отложенный союз, однако, нерушим,
И, рано или нет, тебя он свяжет с ним.
Жди, если хочешь, год, чтоб осушились слезы.
Родриго, а тебя вновь призывают грозы.
Осилив мусульман на наших берегах,
Разбив их замыслы, повергнув их во прах,
Ворвись в пределы их, боец всегда счастливый,
Ведя мои полки, опустошая нивы;
Враги не устоят при имени твоем
И Сида своего провозгласят царем.
Но верность не забудь для славы легкокрылой:
Вернись, коль можно быть, еще достойней милой;

Ты должен жребий свой так высоко вознесть,
Чтоб стать твоей женой она сочла за честь.

Дон Родриго

Для славы короля, для власти над любимой,
Чего я не свершу рукой неодолимой?
Вдали от милых глаз приговорен страдать,
Я счастлив, что могу надеяться и ждать.

Дон Фернандо

Надейся на себя, на царственное слово;
Химена сердце вновь отдать тебе готова,
А успокоить в ней неотжитую боль
Помогут смена дней, твой меч и твой король.

МОНСЕНЬЕРУ КАРДИНАЛУ ГЕРЦОГУ ДЕ РИШЕЛЬЕ

Монсеньер!

Никогда не решился бы я предложить вниманию вашего высокопреосвященства это весьма несовершенное изображение Горация, если бы не рассудил, что, после стольких милостей ваших ко мне, столь долгое молчание мое, вызванное высоким уважением к вашей особе, могло бы сойти за неблагодарность и что к тому же, как бы мало я ни доверял качеству своего труда, мне следует иметь тем большее доверие к вашей доброте. От вас исходит все то, что я сейчас собой представляю, и я не могу не краснеть при мысли, что за все эти благодеяния делаю вам подарок, столь мало достойный вас и столь несоразмерный со всем, чем я вам обязан. Но в этом моем смущении, которое я разделяю со всеми занимающимися писательством, я все же имею то преимущество, что несправедливо было бы упрекнуть меня за выбор сюжета и что доблестный римлянин, кого я повергаю к стопам вашего преосвященства, мог бы с бóльшим правом предстать перед вами, если бы мастерство ремесленника более соответствовало высокому достоинству материала: порукою в этом автор сочинения, из которого я его извлек и который начинает излагать это достопамятное событие с восхваления, заявив, что «вряд ли в преданиях древности есть пример большего благородства». Хотел бы я, чтобы то, что он говорит о самом деянии, можно было сказать и о сделанном мною изображении этого деяния,— хотел бы не ради того, чтобы потешить свое тщеславие, но лишь затем, чтобы поднести вам нечто более достойное подношения.

Сюжет мог быть изложен с бо̀льшим изяществом чьей-нибудь более искусной рукой. Но, во всяком случае, моя рука дала ему все, на что она способна и чего можно по справедливости ожидать от провинциальной музы, которая, не имея счастья постоянно бывать на глазах вашего высоко-

преосвященства, не может руководствоваться светочем, постоянно озаряющим путь другим счастливцам.

И действительно, монсеньер, чему приписать изменение, всеми замечаемое в моих работах с тех пор, как я пользуюсь благосклонностью вашего преосвященства, как не воздействию высоких помыслов, которые исходят от вас, когда вы удостаиваете меня приема, и откуда все еще наблюдающиеся в моих произведениях несовершенства, как не от грубости красок, к которой я возвращаюсь, когда остаюсь наедине со своей слабостью? Необходимо, монсеньер, чтобы все, кто денно и нощно трудятся для театра, громко заявили вместе со мной, что мы обязаны вам двумя весьма существенными вещами: первая состоит в том, что вы поставили перед искусством благородную цель, вторая в том, что вы облегчили нам его разумение. Вы дали искусству благородную цель, ибо вместо того, чтобы угождать народу, что предписывали нам наши учителя и что, по словам Сципиона и Лелия, двух достойнейших людей своего времени, их вполне удовлетворяло, вы предоставили нам возможность угождать вам и развлекать вас: таким образом, мы оказываем немалую услугу государству, ибо, содействуя вашему развлечению, содействуем сохранению вашего здоровья, столь ему драгоценного и необходимого. Вы облегчили нам разумение искусства, ибо для этого нам теперь не нужно никакой науки,— достаточно не спускать глаз с вашего высокопреосвященства, когда вы удостаиваете своим посещением и вниманием чтение наших произведений. На этих собраниях, угадывая по выражению лица вашего, что́ вам понравилось, а что́ нет, мы с уверенностью можем судить, что хорошо, а что плохо, и извлекаем непреложные правила того, чему надо следовать и чего надо избегать. Именно там я часто за какие-нибудь два часа научался тому, чего не преподали бы мне все мои книги и за десять лет; там черпал я то, чем заслуживал одобрения публики, и там надеюсь, пользуясь и в дальнейшем благосклонностью вашей, почерпнуть всё, что поможет мне создать, наконец, произведение, достойное быть вам врученным.

Разрешите же мне, монсеньер, выражая вам благодарность за выпавшее мне на долю признание публики, коим я обязан исключительно вам, процитировать четыре стиха, принадлежащих иному Горацию, чем тот, которого я вам подношу, и через их посредство выразить искреннейшие чувства моей души:

Totum muneris hoc tui est,
Quod monstror digito praetereuntium
Scenae non levis artifex:
Quod spiro et placeo, si placeo, tuum est[1].

---

[1] Это твой только дар благой —
Что прохожим знако́м я становлюсь теперь,
Драмы мастер прославленный,—
Что живу и любим, если любим я стал *(лат.)*.

К этой правде я добавлю еще только одну, моля вас не сомневаться в том, что я есмь и всю жизнь буду со всем пылом,

монсеньер,

вашего высокопреосвященства

смиреннейшим, покорнейшим и вернейшим слугою.

Корнель

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Т у л л, римский царь.
С т а р ы й Г о р а ц и й, благородный римлянин.
Г о р а ц и й, его сын.
К у р и а ц и й, альбанский дворянин, возлюбленный Камиллы.
В а л е р и й, благородный римлянин, влюбленный в Камиллу.
С а б и н а, жена Горация и сестра Куриация.
К а м и л л а, возлюбленная Куриация и сестра Горация.
Ю л и я, благородная римлянка, наперсница Сабины и Камиллы.
Ф л а в и а н, альбанский воин.
П р о к у л, римский воин.

Действие происходит в Риме, в одном из покоев дома Горация.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сабина, Юлия.

Сабина

Увы! Слабеет дух, и скорби я полна:
Оправдана в таком несчастии она.
Ведь нету мужества, которое без жалоб
Под веяньем грозы подобной устояло б,
И самый сильный дух, как бы он ни был строг,
Непоколебленным остаться бы не смог.
Измученной души не скроешь потрясенья;
Но не хочу в слезах излить ее смятенье.
Да, сердцу не унять глухой тоски своей,
Но стойкость властвует: глаза покорны ей.
Над женской слабостью поднявшись хоть немного,
Мы жалобам предел наметим волей строгой.
Довольно мужества обрел наш слабый пол,
Когда мы слез не льем, сколь жребий ни тяжел.

Юлия

Довольно — для людей обыденных, быть может:
В любой опасности их смертный страх тревожит.
Но благородные не устают сердца —
И сомневаясь — ждать успешного конца.
Противники сошлись у городской твердыни,
Но поражения не ведал Рим доныне.
О нет, мы за него страшиться не должны —

К победе он готов, готовый для войны.
Ты ныне римлянка, отбрось же страх напрасный,
На доблесть римскую живя надеждой страстной.

С а б и н а

Гораций — римлянин. Увы, обычай прав.
Я стала римлянкой, его женою став.
Но мне б супружество жестоким рабством было,
Когда бы в Риме я о родине забыла.
О, Альба, где очам блеснул впервые свет!
Как нежно я ее любила с детских лет!
Теперь мы с ней в войне, и тяжки наши беды;
Но для меня разгром не тяжелей победы.
Пусть на тебя, о Рим, восстанет вражий меч,
Который ненависть во мне бы смог зажечь!
Но рать альбанская с твоей сразится ратью,
В одной из них мой муж, в другой родные братья,—
Посмею ли богам бессмертным докучать,
Преступно их моля тебе победу дать?
Я знаю: молода еще твоя держава,
И укрепит ее воинственная слава,
И ей высокий рок переступить велел
Латинской вотчины завещанный предел.
Судили боги нам: господство над вселенной
Ты утвердишь войной и доблестью военной,
И не скорбя, что твой богам послушный пыл
Тебя на гордый путь отныне устремил.
Хотела б видеть я, что вот непобедима
За Пиренеями и власть и сила Рима.
Пускай до Азии дойдут твои полки,
Пускай увидит Рейн их славные значки,
У скал Геракловых поставь предел походам —
Но город пощади, откуда Ромул родом:
Ты семени его царей обязан, Рим,
И мощью стен своих, и именем своим.
Рожденный Альбою, ужель не понимаешь,
Что в сердце матери ты острый меч вонзаешь?
Иди в чужой земле разить и побеждать,
И счастью сыновей возрадуется мать;
И если ты ее не оскорбишь враждою,
Она тебя поймет родительской душою.

Ю л и я

Мне странной кажется такая речь: с тех пор
Как с Альбою возник у Рима грозный спор,

О прежней родине ты вовсе не страдала,
Как будто римлянам родной по крови стала.
Ты ради милого в суровый этот час
От близких и родных как будто отреклась,
И я несу тебе такие утешенья,
Как если б только Рим сейчас имел значенье.

Сабина

Покуда слишком мал в сраженьях был урон,
Чтоб гибелью грозить одной из двух сторон,
Пока еще на мир надежда оставалась,
Я только римлянкой всегда себе казалась.
Досаду легкую, что счастлив Рим в борьбе,
Тотчас же подавить умела я в себе;
И если иногда в игре судеб случайной
Успехи родичей приветствовала тайно,
То, разум обретя, печалилась потом,
Что слава нас бежит и входит в отчий дом.
Теперь же близок час, назначенный судьбою:
Не Рим падет во прах, так Альбе стать рабою.
И нету за чертой сражений и побед
Преграды для одних, другим — надежды нет.
В безжалостной вражде была бы я с родными,
Когда бы в эти дни томилась лишь о Риме,
Моля богов его прославить на войне
Ценою крови той, что драгоценна мне.
К чему стремится муж — меня тревожит мало:
Я не была за Рим, за Альбу не стояла,
Равно о них скорблю в борьбе последних дней,
Но буду лишь за тех отныне, кто слабей.
Когда же победят другие в ратном споре,
От славы отвернусь и буду там, где горе.
Среди жестоких бед, о сердце, уготовь
Победе — ненависть, поверженным — любовь.

Юлия

Поистине, всегда среди такой напасти
Несхожие кипят в несходных душах страсти!
Подобный твоему Камилле чужд разлад.
Твой брат — ее жених, а твой супруг — ей брат;
С той ратью — связь сердец, а с этой — свявь по дому,
Задачу же она решила по-иному.
Ты душу римлянки возвысила в себе,
Ее ж — в сомнениях и внутренней борьбе

Страшили каждый бой и стычка небольшая;
Победы никому и славы не желая,
Она печалилась о тех, кто потерпел,
И вечная тоска была ее удел.
Но вот, когда она услышала, что скоро
Сраженье закипит, исход решая спора,
Нечаянный восторг блеснул в ее очах...

Сабина

Столь резкий поворот во мне рождает страх!
С Валерием она приветлива чрезмерно
И брату моему теперь не будет верной;
Всем, что поблизости, легко увлечена,
О разлученном с ней не думает она.
Но родственной любви простительны волненья —
Заботясь лишь о нем, страшусь ее решенья,
Хоть истинных причин для опасений нет:
Любовью ли играть в часы жестоких бед,
Покорствовать мечтам изменчивым и праздным
И душу отдавать неведомым соблазнам?
Но быть, подобно ей, мы также не должны
И слишком веселы и чересчур нежны.

Юлия

Мне тоже и темно и непонятно это,
И на загадку я не нахожу ответа.
Довольно стойкости — предвидеть близкий гром
И ждать, чтоб он сразил, и не скорбеть о том.
Но радость проявлять — кому тогда под силу?

Сабина

Взгляни — к нам добрый дух привел сюда Камиллу!
Вы в дружбе: от тебя ей нечего таить,—
Ты убедишь ее свободно говорить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Камилла, Сабина, Юлия.

Сабина

Останься с Юлией, Камилла. Не должна я
Смущать вас, мрачностью унылой докучая.
А душу, что больна от тысячи невзгод,
К уединению печальному влечет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Камилла, Юлия.

Камилла
Меня зовут сюда для дружеской беседы!
Да разве мне грозят не те же злые беды?
Да разве ныне я, чей жребий так суров,
Роняю меньше слез и меньше скорбных слов?
Такой же страх несет моей душе мученье;
Обоих лагерей мне горько пораженье,
За честь своей страны мой друг падет в бою,
А если победит, то победит мою!
Одно лишь от меня жених получит милый:
Не злую ненависть, так слезы над могилой.
Юлия
Увы! Сабине мы всю жалость отдадим:
Возлюбленных — найдешь, супруг — незаменим.
Прими Валерия, как милого встречая,—
И с Альбой связь твоя порвется роковая,
Ты нашей целиком останешься тогда,
И горем для тебя не станет их беда.
Камилла
Как за такой совет не брошу я укора?
Сочувствуй горестям, не требуя позора.
Хоть нету сил нести мне бремя мук моих,
Я предпочту терпеть, чем стать достойной их.
Юлия
Как! Называешь ты разумное постыдным?
Камилла
А ты предательство считаешь безобидным?
Юлия
Когда пред нами враг — что может обязать?
Камилла
Мы клятвой связаны — ее не развязать.
Юлия
Скрывать пытаешься,— но стоит ли усилий?
Ведь вы с Валерием еще вчера дружили
И разговор такой друг с другом повели,
Что в сердце у него надежды расцвели.
Камилла
Я с ним была нежна, как с самым лучшим другом,
Не из любви к нему, не по его заслугам.

Веселья моего причиной был другой.
Послушай, Юлия, рассказ подробный мой.
Мне Куриаций друг, жених пред целым светом,—
Я не хочу прослыть изменницей обетам.
Когда сестру его Горацию вручил
Счастливый Гименей, он тоже полюбил,
И мой отец, к его влеченью благосклонный,
Пообещал отдать ему Камиллу в жены.
Тот день — не помню дня отрадней и мрачней,—
Два дома сочетав, поссорил двух царей.
Зажег пожар войны и факел Гименея,
Надежду пробудил и вмиг покончил с нею,
Блаженство посулил и отнял в тот же час,
И, наш скрепив союз, врагами сделал нас.
О, как же сердце нам терзали сожаленья!
Какие небесам он посылал хуленья!
И не было конца рыданиям моим:
Ты видела сама, как я прощалась с ним.
И с этих пор в душе, смятению подвластной,
Надеждою на мир любовь пылала страстно,
А слезы горькие струились из очей
О женихе моем, о родине моей.
И вот решила я под гнетом ожиданья
Оракулов узнать святые предсказанья.
Скажи мне, услыхав полученный ответ,—
Должна ли я еще терзаться или нет?
Тот грек, вещающий на склонах Авентина,
Какие жребии готовит нам судьбина,—
Его ль не одарил правдивой речью бог? —
Стихами этими блаженство не предрек:
«Пускай назавтра Рим и Альба ждут иного:
Врагам даруя мир, пробьет желанный час.
Ты с Куриацием соединишься снова,
Чтоб горькая судьба не разлучала вас».
В душе рассеялась малейшая тревога,
А прорицание сулило мне так много,
Что большей радости, без меры, без конца,
Счастливые, в любви не ведали сердца.
С Валерием всегда мне тяжки были встречи;
Но тут я слушала взволнованные речи,
Докучные в устах того, кто нам не мил,
Совсем не думая, кто их произносил.
Валерий не ушел, презрением гонимый:

Во всем вокруг меня мне чудился любимый,
Все, что ни скажут мне,— любимый говорит,
Что ни скажу сама — к любимому летит.
Сегодня — грозный день последнего сраженья,
Вчера я эту весть узнала без волненья,
Затем что разум мой, как в самый сладкий сон,
Был в мысли о любви и мире погружен.
Но сладостный обман развеян этой ночью:
Мне ужасы во сне предстали, как воочью;
Виденья — груды тел поверженных и кровь —
Веселье отняли и в страх повергли вновь.
И кровь и мертвецы ...Внезапно исчезая,
Мелькали призраки — рассеянная стая,
И лики без конца сменявшихся теней
От этой смутности казались мне страшней.

Ю л и я

Но сны толкуются всегда в обратном смысле.

К а м и л л а

Покой могу найти я только в этой мысли,
И все же новый день, прогнавший злые сны,—
Не мирный день торжеств, а грозный день войны.

Ю л и я

Положит ей конец последнее сраженье.

К а м и л л а

Болезни тягостней такое излеченье!
Пусть Альба сражена, пускай повержен Рим —
Любимому, увы, уже не стать моим.
Супругом никогда не будет у Камиллы
Ни победитель наш, ни пленник римской силы.
Но кто сюда идет, но кто явился к нам?
Ты, Куриаций, ты? Не верю я глазам!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К у р и а ц и й, К а м и л л а, Ю л и я.

К у р и а ц и й

Не бойся: предстаю пред взорами Камиллы
Ни победителем, ни жертвой римской силы.
Не бойся: рук моих не сделали красней
Ни гордых римлян кровь, ни тяжесть их цепей.
Ведь были бы тебе равно невыносимы

И победитель ваш, и жалкий пленник Рима.
И вот, страшась теперь малейших перемен,
Что принесли бы мне победу или плен...

Камилла

Довольно, милый друг. Теперь мне все понятно:
От битвы ты бежал, как от судьбы превратной,
И сердце, до конца предавшееся мне,
Руке твоей не даст служить родной стране.
Другие стали бы тебя хулить наверно,
Твою любовь сочтя безумной и чрезмерной,
Но я, влюбленного не смея осудить,
За этот знак любви сильней должна любить.
Чем неоплатней долг перед страной родимой,
Чем больше жертвуешь,— тем ты верней любимой.
Скажи, ты виделся уже с моим отцом?
Скажи, он разрешил тебе войти в наш дом?
Ведь он сильней семьи державу Рима любит
И, Риму жертвуя, детей своих погубит!
Боюсь, упрочено ли счастье наше? Как
Ты принят был отцом — как зять иль смертный враг?

Куриаций

Во мне приветствовал он будущего зятя,
Как родичу открыв отцовские объятья.
Но не изменником предстал я перед ним,
Чтоб осквернить ваш дом бесчестием своим.
Как должно, до конца родному верен краю,
Камиллу я люблю, но чести не мараю.
Покуда шла война, я был среди своих
И добрый гражданин, и любящий жених,
Отчизну и любовь я сочетать стремился,
Я о тебе мечтал, когда за Альбу бился.
И я готов еще, покорствуя судьбе,
Сражаться за нее, томиться по тебе.
Да, сколь ни сладостно желаний страстных пламя,—
Не прекратись война, я был бы там, с войсками;
Но, к счастью, это мир меня привел сюда,
Чтоб нас соединить, Камилла, навсегда.

Камилла

О, как поверю я, что есть конец страданью?

Юлия

Камилла, ты должна поверить предсказанью.
Но как же было нам даровано судьбой,
Что мир принес тот час, который звал на бой?

Куриаций

Да, кто подумал бы? Уже, готовы к бою,
Двух станов воины, равно горя враждою,
Грозя очами шли и ждали, что взметнет
Их боевой призыв и устремит вперед,—
Когда альбанский вождь, не начиная дела,
У вашего царя вниманья просит смело
И, выйдя, говорит пред войском: «Что творим?
И для чего должны с тобой мы биться, Рим?
Пусть разум озарит наш дух, враждой смущенный,
Соседи! Дочерей мы вам давали в жены,
И мало ли теперь — союза нет тесней —
У вас племянников средь наших сыновей?
Народ один двумя владеет городами,—
Зачем усобицы возникли между нами?
Не долго ликовать тому, кто победит;
Разгром соперника бедой ему грозит.
Ведь наши недруги уже спешат по следу —
У победителя отнять его победу.
Он им достанется, лишенный прежних сил
И помощи от тех, кого он сокрушил.
Пусть распри наши их не радуют. Пора нам
Подняться против них, идя единым станом.
Пускай утихнет спор, что превратить готов
В преступных родичей столь доблестных бойцов.
И если в эти дни слепая жажда власти
Внушила вам и нам убийственные страсти,
Пусть, кровью малых жертв легко утолена,
Уже не разведет, а сблизит нас она.
Назначить надо нам на поединок славный
Борцов за честь страны и блеск ее державный.
Их смертная борьба решит судьбу сторон,—
И подчинятся те, кто будет побежден;
Но войску доблестных пускай в исходе боя
Не рабство предстоит, а подданство простое:
Без унижения они идти должны
За победителем в суровый час войны.
Да будут общими — держава, рать и знамя!»
Он смолк — и вот конец раздора между нами.
И каждый рад узнать — то не враги стоят
В рядах сомкнувшихся,— то шурин, друг и брат.
И странно каждому — его ли это руки
Друзьям и родичам сулили смерть и муки?

И всех о битве мысль ужасная гнетет,
И мирный все уже приветствуют исход.
Желанным каждому явилось предложенье,
И принято теперь согласное решенье:
По трое с двух сторон сразятся за своих,
Вожди верховные должны назначить их.
Ваш царь пошел в сенат, наш вождь к себе в палатку.

К а м и л л а

О, как речам таким душа внимает сладко!

К у р и а ц и й

Теперь должно пройти не боле двух часов —
Решит судьбу племен судьба шести бойцов.
Пока же — полная свобода допустима.
Рим — в нашем лагере, а наши — в сердце Рима;
И все, стремясь забыть о распрях поскорей,
Спешат увидеть вновь родных или друзей.
Меня ж моя любовь сюда влечет, Камилла,—
В твой дом она вошла и сразу победила:
Отец твой обещал недавнему врагу,
Что завтра я тебя женой назвать смогу.
Тебе не тягостно отцовское желанье?

К а м и л л а

Для дочери закон извечный — послушанье.

К у р и а ц и й

Иди же выслушать родительский приказ,
Чтоб стал еще светлей счастливый этот час.

К а м и л л а

Да, я иду с тобой: пускай родные братья
Мне тоже подтвердят, что снято с нас проклятье.

Ю л и я

Ступайте же к отцу, а я пойду во храм
Смиренную хвалу воздать за вас богам.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г о р а ц и й, К у р и а ц и й.

К у р и а ц и й

Конечно, гордый Рим в ином не сыщет месте
Сынов, которые такой достойны чести.
Три брата избраны, что доблестней других,—

И ныне в вас обрел он трех бойцов своих.
Дерзает славный Рим, своей судьбой влекомый,
Один лишь дом его встает на наши домы.
Вся доблесть римская досталась вам сейчас,
И Альбе кажется — нет римлян, кроме вас.
Могли бы три семьи гордиться величаво,
Увенчаны в веках непреходящей славой,
Но лишь одной семье — торжественная честь,
Что ныне трем могла бессмертие принесть.
А если мне дано и страстью и судьбою,
К вам в дом введя сестру, от вас уйти с женою,—
Все, что связало нас и что должно связать,
За родичей меня заставит ликовать,
Но радости порыв неполон и непрочен;
Иными судьбами я горько озабочен:
Вы так прославлены все трое на войне,
Что в этот грозный час за Альбу страшно мне,
Раз вы идете в бой, победы ей не будет.
Вас отмечает рок и счастье вам присудит,
И вот, предчувствуя, сколь приговор суров,
Я данником себя уже считать готов.

Гораций

За Альбу не страшась, жалеть о Риме надо:
Из римлян лучшие обойдены наградой.
Так много доблестных мечтали об одном,
Но худо выбрал Рим в пристрастье роковом.
Есть тысячи средь нас достойнейших, которых
Верней он мог избрать защитой в ратных спорах,
Но, пусть мне даже смерть назначена в бою,—
Я, полный гордости, хвалю судьбу свою.
Уверенность во мне отныне тверже стала,
И доблесть малая дерзнет свершить немало.
И что бы ни судил неотвратимый рок,
Я б данником себя сейчас признать не мог.
Я должен, выбором отмеченный нежданным,
Победу одержать иль пасть на поле бранном.
А чтоб верней достичь победного венца,
Не думай ни о чем и бейся до конца.
Нет, не увидит Рим хозяев над собою,
Покуда я не пал поверженный судьбою!

Куриаций

Увы! Меня ль тогда не следует жалеть?
Что нужно родине, то дружбе не стерпеть.

Вы одолеете — позор моей отчизне;
Она прославится — ценою ваших жизней.
Ведь всех ее надежд свершеньем стать бы мог
Лишь горький ваш конец, последний тяжкий вздох!
О, как мне избежать смертельного разлада,
Когда и тут и там скорбеть и плакать надо,
Когда и тут и там стремленья не вольны!

Г о р а ц и й

Что? Сожалеть о том, кто пал за честь страны?
Удел высоких душ — такой кончины слава,
И горевать о них мы не имеем права.
И я бы смерть в бою, приняв, благословлял,
Когда бы меньше Рим от этого терял.

К у р и а ц и й

Но близких и друзей пойми же опасенья,
Сейчас они одни достойны сожаленья:
Вам — слава навсегда, им — горестные дни,
Вас обессмертит то, о чем скорбят они.
А от потерь таких не заживает рана.
Но вижу я, ко мне прислали Флавиана.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гораций, Курпаций, Флавиан.

К у р и а ц и й

Что ж, Альба выбрала защитников своих?

Ф л а в и а н

Несу об этом весть.

К у р и а ц и й

Так назови же их.

Ф л а в и а н

Ты с братьями.

К у р и а ц и й

Кто?

Ф л а в и а н

Три навеки славных брата!
Но взгляд твой сумрачен, и губы крепко сжаты...
Ты недоволен?

К у р и а ц и й

Нет; меня смутила весть.
С моей ничтожностью несоразмерна честь.

Флавиан

Так что ж, диктатору я принесу известье
О том, что мало ты польщен высокой честью!
Я мрачности твоей холодной не пойму.

Куриаций

Ни дружба, ни любовь — ты передашь ему —
Трем Куриациям не помешают боле
На трех Горациев с мечами выйти в поле.

Флавиан

На них? Сказал мне все ответ короткий твой.

Куриаций

Вождю его неси и нас не беспокой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гораций, Куриаций.

Куриаций

Пускай же небеса, земля и силы ада
На нас обрушатся отныне без пощады,
Пусть люди, божества, и рок, и самый ад
Неотвратимым нас ударом поразят.
Пускай мы в эти дни добычей легкой будем
И року, и богам, и демонам, и людям,
Пускай же счета нет и бедам и скорбям —
Всего страшнее честь, оказанная нам.

Гораций

Судьбою нам дано высокое заданье,
И твердость наших душ взята на испытанье.
А беды эти рок поставил на пути,
Чтоб меру доблести могли мы превзойти.
В нас необычные провидя мощь и волю,
Нам необычную он предназначил долю.
Сражаться за своих и выходить на бой,
Когда твой смертный враг тебе совсем чужой —
Конечно, мужество, но мужество простое;
Нетрудно для него у нас найти героя:
Ведь за отечество так сладко умереть,
Что все конец такой согласны претерпеть.
Но смерть нести врагу за честь родного края,
В сопернике своем себя же узнавая,
Когда защитником противной стороны —

Жених родной сестры, любимый брат жены,
И в бой идти скорбя, но восставая все же
На кровь, которая была своей дороже,—
Такая доблесть нам недаром суждена:
Немногих обретет завистников она.
И мало есть людей, которые по праву
Столь совершенную искать могли бы славу.

К у р и а ц и й

Да, нашим именам вовек не отблистать,
И этот дар судьбы не должно отвергать.
Геройства редкого мы возжигаем светы,
Но в твердости твоей есть варварства приметы.
Кто б, самый доблестный, возликовал о том,
Что к славе он идет столь роковым путем?
Бессмертье сладостно в дыму ее чудесном,
Но я бы предпочел остаться неизвестным.
Во мне, ты видеть мог, сомнений также нет:
Не колебался я, когда давал ответ.
Ни дружба, ни родство, ни даже голос страсти
Ни в чем меня своей не подчинили власти.
Мне выбор показал, что Альбою ценим
Не меньше я, чем вас надменный ценит Рим.
Я буду ей служить, как ты — своей отчизне;
Я тверд, но не могу забыть любви и жизни.
Твой долг, я знаю, в том, чтоб жизнь мою пресечь,
А мой — вонзить в тебя неумолимый меч.
Готов жених сестры убить, как должен, брата
Во имя родины, но сердце скорбью сжато.
Исполнить страшный долг во мне достанет сил,
Но сердцу тягостно, и свет ему не мил.
Жалею сам себя, и думать мне завидно
О тех, что смерть в бою приняли непостыдно,
Но если бы дано мне было выбирать,
Я, скорбной честью горд, не стал бы отступать,
Мне дружбы нашей жаль, хоть радует награда.
А если большего величья Риму надо,—
То я не римлянин, и потому во мне
Все человечное угасло не вполне.

Г о р а ц и й

Хоть ты не римлянин, но будь достойным Рима:
Пускай увидят все, что в стойкости равны мы.
Суровым мужеством я неизменно горд,
И требует оно, чтоб сердцем был я тверд.

Нельзя готовому для подвига герою,
Вступив на славный путь, назад глядеть с тоскою.
Постигла нас теперь горчайшая из бед,—
Все это вижу я, но страха в сердце нет.
Кого бы ни сразить за град родной и землю,
Я с радостью слепой такую честь приемлю,
И если дан тебе почетнейший приказ,
Все чувства прочие да сгинут в тот же час;
А тот, кто об ином раздумывает долго,
Не слишком ревностно идет путями долга.
Ничто в священный час не может нас связать;
Вот Рим избрал меня,— о чем же размышлять?
Я, муж твоей сестры, теперь иду на брата,
Но гордой радостью душа моя объята.
Закончим разговор бесцельный и пустой:
Избранник Альбы, ты — отныне мне чужой.

К у р и а ц и й

А мне ты все же свой,— тем горше я страдаю,
Но мрачной доблести твоей не принимаю.
Как в наших бедствиях, достигнут в ней предел,
Я чту ее, но все ж она — не мой удел.

Г о р а ц и й

Да, мужества искать не стоит против воли.
Когда отраднее тебе стенать от боли,
Что ж, облегчать ее ты можешь без стыда.
Вот и сестра моя рыдать идет сюда.
К Сабине мне пора — внушить супруге милой,
Чтоб запаслась она и твердостью и силой,
Чтоб не кляла тебя, коль я паду в борьбе,
И чувства римские хранила бы в себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а м и л л а, Г о р а ц и й, К у р и а ц и й.

Г о р а ц и й

Сестра, ты знаешь ли? Высокое заданье
Жених твой получил.

К а м и л л а

О, новые терзанья!

Г о р а ц и й

Достойной воина яви себя сестрой,

И если я умру, сражен его рукой,
Ты жениха встречай не как убийцу брата,—
Как мужа честного, что долг исполнил свято,
Что, родину свою столь доблестно любя,
Для всех героем стал и заслужил тебя.
И счастья вашего я, мертвый, не разрушу.
Но если из него мой меч исторгнет душу,
Победному венцу ты должное воздай,—
За гибель милого меня не упрекай.
Ты плачешь, грудь твою тоска сжимает властно;
Поддайся слабости, кляни в тревоге страстной
Богов, людей и рок, но, овладев собой,
О павшем не тужи, когда решится бой.
(Куриацию.)
Останься с ней на миг, чтобы со мною вместе
Идти затем на зов неумолимой чести.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Куриаций, Камилла.

Камилла

Любимый, эта честь ужель тебе нужна,
И счастья нашего ужель ценней она?

Куриаций

Чем бой ни кончится, но я умру, сраженный
Рукой Горация иль горем сокрушенный.
Как будто бы на казнь, иду на подвиг я,
И ненавистна мне — увы! — судьба моя.
Я то в себе кляну, что родина почтила.
До преступления доходит страсти сила:
Богов она винит, вступая в спор с судьбой.
Тебя мне жаль, себя,— но я иду на бой.

Камилла

Нет, удержать тебя должны мои рыданья!
А власть моя — ужель тебе не оправданье?
И прежней доблести достаточно твоей:
Ведь Альбе отдал ты все то, что должен ей.
Кто был в опасный час ей лучшею подмогой?
Никто у нас бойцов не истребил так много.
Славнее стать нельзя. Могуч, непобедим,
Доволен будь и дай прославиться другим.

К у р и а ц и й

Чтоб в этот день другой победоносный воин
Венчался лаврами, которых я достоин?
Чтоб я услышать мог от родины моей,
Что вот, не выйдя в бой, победы не дал ей?
И чтоб, не одолев любовную истому,
Свершитель гордых дел пришел к стыду такому?
Нет, Альба, связана со мной судьба твоя:
Падешь или победишь — виновник буду я.
Меня почтила ты — тебе воздам я скоро:
Вернусь — так без стыда, погибну — без позора.

К а м и л л а

Ужель не видишь ты, что изменяешь мне?

К у р и а ц и й

Пусть верен я любви — еще верней стране.

К а м и л л а

На брата своего ты поднимаешь руку;
Он муж твоей сестры!

К у р и а ц и й

Мы примем нашу муку.
Вся нежность отнята — о, жребий наш суров! —
У слов: сестра и брат, когда-то нежных слов.

К а м и л л а

Жестокий! Думаешь, Камиллы сердце радо
За голову его тебе служить наградой?

К у р и а ц и й

Отныне должен я об этом позабыть.
Надежду отметя, я обречен любить.
Ты плачешь?

К а м и л л а

Ах, слезам противиться нет силы!
Ведь гибели моей бездушно хочет милый,
И брачный факел наш, едва он был зажжен,—
Меня ввергая в ночь, жестоко тушит он;
В упорной слепоте свою невесту губит
И в грудь вонзает нож, еще твердя, что любит.

К у р и а ц и й

Слезам возлюбленной легко осилить нас;
Неотразим сквозь них огонь прекрасных глаз!
Над сердцем в этот миг так властны сожаленья,
И твердость восстает без воодушевленья.
Не сокрушай, молю, страданием своим
Мой дух. Пускай оно умолкнет перед ним.

Слабеет мужество, и я его теряю,
Любимой верен я, себе же изменяю.
Ужели, с дружбою борьбой утомлено,
Любви и жалости не победит оно?
Но выход есть: тебя, любимая, обидеть,—
Чтоб легче ты меня смогла возненавидеть,—
Тогда в борьбе с собой избегну лишних мук.
Знай, ты отвергнута, и я тебе не друг.
Отмсти обидчику за оскорбленье это.
Ужель он не найдет достойного ответа?
Тебе, отвергнутой, твой враг, как прежде, мил...
Скажи мне, кто тебя больнее оскорбил?
О горе: мы должны идти на преступленье,
Чтоб наше мужество не ведало сомненья!

К а м и л л а

Не совершай греха иного, и тебя
За этот я прощу, сильней еще любя.
Братоубийственной не похваляйся славой —
И дорог будешь мне, неверный и лукавый.
Зачем стране одной не служим я и ты?
Тебе готовила бы лавры и цветы,
В тебя вливала бы уверенность и силу,
С тобою говоря, как с братом говорила.
О, как такой слепой я нынче быть могла?
Моля ему побед, тебе желала зла!
Он возвращается. Ужель его супруга
Бессильна перед ним, как я пред волей друга?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гораций, Сабина, Куриаций, Камилла.

К у р и а ц и й

О боги, для чего Сабина с ним? Увы!
Невесте помогать сестру прислали вы,
Чтоб жалобы ее мой дух поколебали
И победить она могла в своей печали?

С а б и н а

Нет, брат мой, у тебя не стану на пути —
Хочу тебя обнять, сказав тебе «прости».
Ты — крови доблестной, и верь в нее спокойно;
Ты не свершишь того, что храбрых недостойно.

Когда бы дрогнуть мог теперь один из вас,
Я от супруга бы, от брата отреклась.
Но мужа славного, но брата дорогого
Лишь об одном просить и умолять готова:
Хочу я, чтоб не стал преступным этот бой,
Чтоб эта честь была и чистой и святой,
Чтобы ее пятнать не смело преступленье,
И вы врагами стать могли без сожаленья.
Лишь я виновница священных ваших уз.
Когда исчезну я, исчезнет ваш союз.
Как повелела честь, прервется связь меж вами.
И, чтобы ненависть вас сделала врагами,
Пусть горький мой конец сегодня все решит:
Того желает Рим, и Альба так велит.
Один меня убьет, другой, возжаждав мести,
Во гневе праведном придет на подвиг чести,
И меч поднимет он, оправданный вполне
Иль местью за сестру, иль скорбью о жене.
Но что я говорю! И так вы слишком правы:
Не должно замутнять высокой вашей славы.
Всю душу отдали вы родине своей.
Чем крепче ваша связь, тем с нею вы щедрей.
На алтаре страны заклать вам должно брата,
Не медлите, завет осуществляйте свято:
Сперва в его сестру вонзите острый меч,
Сперва его жену заставьте мертвой лечь,—
Начните же с меня, когда своей отчизне
Столь дорогие мне вы отдаете жизни.
В бою назначенном тебе противник — Рим,
Ты — Альбе смертный враг, а я обоим им!
Иль вы желаете, бездушны и суровы,
Чтоб я увидела, как тот венок лавровый,
Что принесет герой сестре или жене,
Дымится кровию, родной и близкой мне?
Как должное воздать и жертве и герою,
Быть нежною женой и любящей сестрою,
Живому радуясь, над умершим тужить?
Решенье лишь одно: нельзя Сабине жить.
Я смерть должна принять, чтоб не изведать муки:
Сама себя убью, коль слабы ваши руки.
Жестокие сердца! Что удержало вас?
Я своего добьюсь потом, коль не сейчас.
Едва сойдетесь вы с подъятыми мечами,—

Возжаждав гибели, я брошусь между вами.
Чтоб одного из вас упала голова,
Сабину поразить придется вам сперва.

Г о р а ц и й

Жена!

К у р и а ц и й

Сестра!

К а м и л л а

Смелей! Они должны смягчиться!

С а б и н а

Как! Вы вздыхаете? Бледнеют ваши лица?
Что испугало вас? И это — храбрецы,
Враждебных городов отважные бойцы?

Г о р а ц и й

Что я свершил, жена? Какие оскорбленья
Заставили тебя искать такого мщенья?
Чем провинился я? Кто право дал тебе
Мой дух испытывать в мучительной борьбе?
Ты удивить его и восхитить сумела;
Но дай мне завершить мое святое дело.
Ты мужа превзошла; но если он любим
Женою доблестной, не торжествуй над ним.
Уйди, я не хочу победы слишком спорной,
Что защищаюсь я — и то уже позорно.
Позволь мне умереть, как повелела честь.

С а б и н а

Не бойся, у тебя теперь защитник есть.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Старый Гораций, Гораций, Куриаций, Сабина, Камилла.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Как, дети? Чувства здесь возобладали властно,
И время подле жен вы тратите напрасно?
Готовясь кровь пролить, слезами смущены?
Нет, жен рыдающих оставить вы должны.
Вас жалобы смягчат и, нежностью лукавой
Лишивши мужества, толкнут на путь неправый.
Лишь бегство победит противников таких.

С а б и н а

Тебе они верны: не бойся же за них,

Как ни страдали здесь Камилла и Сабина,
Ты можешь чести ждать от зятя и от сына;
И если ропот наш отважных мог смягчить,
Сумеешь, верно, ты в них доблесть укрепить.
Не будем проливать напрасных слез, Камилла,
Пред этой твердостью ничтожна наша сила —
Лишь в безнадежности покой мы обретем.
Сражайтесь, хищники! От скорби мы умрем.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Старый Гораций, Гораций, Куриаций.

Гораций
Отец, не уступай неистовству такому,
И жен, молю тебя, не выпускай из дому.
Слезами, воплями их горькая любовь
Да не смущает нас, когда польется кровь.
Так наша связь тесна, что можно без сомненья
В постыдном сговоре нам бросить обвиненье;
Но дорого бы честь избранья обошлась,
Когда бы в низости подозревали нас.

Старый Гораций
Все сделаю, мой сын. Ступайте к братьям, дети,
И знайте: есть у вас один лишь долг на свете.

Куриаций
Как я с тобой прощусь, и что могу сказать...

Старый Гораций
Не надо чувств моих отцовских пробуждать!
Мне не хватает слов тебе внушить отвагу.
Я в помыслах нетверд, и ощущаю влагу
На старческих глазах, и сам рыдать готов.
Боец! Исполни долг и жди суда богов.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сабина.

Сабина
Так чем должна я стать, убита долей злою?
Женою любящей иль преданной сестрою?

Принять решение отныне надо мне
И твердо быть на той иль этой стороне.
Что ж изберет душа, унынием объята?
Кого назвать врагом — супруга или брата?
Страсть к одному влечет, с другим — связует кровь.
К обоим властная живет во мне любовь.
Нет, с ними в доблести мне следует сравняться —
И этому женой и тем сестрой остаться,
Всегда твердить себе: их честь — ценней всего,
И не пристало мне страшиться ничего.
Когда падут они, то смертью столь прекрасной,
Что ныне весть о ней не может быть ужасной.
Покорствуя судьбе, я знать одно должна:
Не кто принес им смерть, а лишь — за что она.
Приму вернувшихся, горда победной славой,
Что родичам несет их подвиг величавый,
Не думая о том, ценою крови чьей
Так высоко вознес он доблестных мужей.
С любой из двух семей торжествовать должна я,—
В одной из них жена, в другой же дочь родная,
С любой столь прочная меня связала нить,
Что только близкий мне и может победить.

Какое б горе мне судьба ни слала злобно,
В нем радость обрести я все-таки способна,
И видеть грозный бой, не устрашась его,
Смерть — без отчаянья, без гнева — торжество.
О, обольщения, о, сладкие обманы,
Огнем нечаянным, мерцавшим из тумана,
Надежду тщетную вы в сердце мне зажгли,
Но сразу он померк, мгновенно вы прошли!
Как молнии, во тьме внезапно пламенея,
Мелькнут, чтоб стала ночь потом еще темнее,
Мне в очи брызнули вы трепетным огнем,
Чтоб гуще и мрачней нависла тьма кругом.
Вы облегчили мне страданье и тревоги,—
Теперь пора платить: ревнивы наши боги,
И сердце скорбное удары поразят,
Которыми сражен супруг мой или брат.
О смерти их скорбя, я думаю с тоскою,
Не — для чего он пал, но — чьей сражен рукою.
И в мыслях о венце прославленных мужей
Страдаю об одном — ценою крови чьей?
С семьею павшего рыдать теперь должна я,—

В одной из них жена, в другой же дочь родная.
И так связует кровь, и так связал закон,
Что только близкий мне и будет побежден.
Вот вожделенный мир! Его я так желала —
И сила вышняя моленья услыхала.
Как беспощаден ты во гневе, грозный бог,
Когда, и милости даруя, столь жесток!
И как безжалостно караешь преступленье,
Когда к невинному не знаешь сожаленья!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сабина, Юлия.

Сабина

Свершилось, Юлия? Так что же мне грозит?
Сражен ли милый брат? Любимый муж убит?
Иль, обе стороны победой удостоив,
Преступные мечи заклали всех героев,
Чтоб я в отчаянье не проклинала тех,
Кто победил в бою, а хоронила всех?

Юлия

Того не знаешь ты, что всем известно стало?

Сабина

Дивиться этому не следует нимало:
Ведь мне с Камиллою — забыла ты о том? —
На время битвы стал тюрьмою этот дом.
Нас держат взаперти: не то, в тоске о братьях
И о возлюбленных, мы бросимся разнять их,
Поставить и любовь и скорбь на их пути,
Чтоб жалость в лагерях обоих обрести.

Юлия

Ни слез для этого не нужно, ни объятий:
Один их вид смутил враждующие рати.
Едва пройти вперед успели шесть бойцов,
Как ропот пробежал вдоль сомкнутых рядов.
Увидев, что друзья, что родичи готовы
Нести друг другу смерть, храня завет суровый,—
Тот состраданием, тот ужасом объят,
А эти славят их, безумствуют, кричат,
Кто восхищается столь яростным усердьем,
Кто дерзостно зовет его жестокосердьем,—

Но все в конце концов согласны меж собой,
Когда хулят вождей за выбор роковой
И, возмущенные столь нечестивым боем,
Бросаются вперед, не дав сойтись героям...

Сабина

Какую вам хвалу, бессмертные, воздать!

Юлия

Не рано ли еще, Сабина, ликовать?
Надежда ожила, слабеют опасенья,
Но есть еще, увы, причины для волненья.
Как ни стараются беду предотвратить,—
Безумцев доблестных, увы, не убедить.
Им драгоценна честь высокого избранья,
Честолюбивые ласкают их мечтанья.
Мы все за них скорбим; но, гордости полны,
Подобной жалостью они оскорблены.
Смятение в войсках на них пятном ложится,
С той ратью и с другой они готовы биться,
И смерть от рук друзей им легче перенесть,
Чем уступить сейчас, отвергнув эту честь.

Сабина

Как? Этих душ стальных упорство безнадежно?

Юлия

Да, но войска шумят и требуют мятежно
Вести на битву всех иль, вверившись богам,
Вручить судьбу опять шести другим бойцам.
Вождей своих они почти не замечают,
Речей не слушают, приказам не внимают,
В смущенье царь. Едва надеясь на успех,
«Раздор,— он говорит,— лишил рассудка всех.
Так спросим же богов. Их милости священной
Мы угодить могли б решенья переменой?
И кто осмелится восстать, когда о том
По внутренностям жертв смиренно мы прочтем?»
Он смолк. Его слова простые чудотворны:
Им даже шестеро избранников покорны.
Стремленье к подвигу, что ослепляло их,
Как ни неистово, но чтит богов благих.
Почтеньем ли к царю иль страхом пред богами,
Смирил его совет порывов гордых пламя,
И ратям речь его звучала как закон,
Как будто он уже владыка двух племен.
Решит же суд богов и жертвоприношенье.

Сабина

Богам не может быть угодно преступленье.
На них надеюсь я: уже отложен бой,
И не изменит нам их промысел благой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Камилла, Сабина, Юлия.

Сабина

Отрадной новостью хочу я поделиться.

Камилла

Ее, мне кажется, я слышала, сестрица.
Когда пришли к отцу, я находилась там.
Но что хорошего она приносит нам?
Отсрочена беда — потом сильней страданья,
Томительнее страх и муки ожиданья.
И только одного теперь мы вправе ждать:
Что позже час придет над павшими рыдать.

Сабина

Но в ратях правый гнев зажжен веленьем божьим!

Камилла

Богов, по-моему, напрасно мы тревожим.
Ведь выбор горестный был ими же внушен,
И не всегда народ богами вдохновлен.
Не снисходя к толпе, им подобает боле
Владык одушевлять своей священной волей:
Неоспоримые земных царей права,
Их власть разумная — лишь отблеск божества.

Юлия

Чем обрекать себя на тщетные мученья,
Читай в оракулах небесные решенья.
Ведь если от судьбы ты доброго не ждешь,
Ответ того жреца — тебе обман и ложь.

Камилла

Слова оракула всегда, увы, невнятны;
Чем кажутся ясней, тем менее понятны;
Когда же думаешь, что в них загадки нет,—
Еще таинственней обманчивый ответ.

Сабина

Нет, верить мы должны, хотя бы лишь отчасти,
Хотя б надежды нас терзали, как напасти.

Пусть только слабый луч сошел от вышних сил,
Кто не надеется — его не заслужил.
Мы сами для богов помеха роковая,
Заране милость их неверьем отвергая.

К а м и л л а

Помимо нас, увы, решают небеса,
И наши жалкие бессильны голоса.

Ю л и я

Вас боги ввергли в страх, но сжалятся над вами.
Прощайте, я пойду за новыми вестями.
Не лейте слез. Когда я вас увижу вновь,
Наверно, принесу и радость и любовь,
И весь остаток дня пройдет под знаком мира,
В приготовлениях для свадебного пира.

С а б и н а

Надежду я храню.

К а м и л л а

Во мне она мертва.

Ю л и я

Сама призна́ешь ты, что я была права.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сабина, Камилла.

С а б и н а

И от меня, сестра, прими упрек нестрогий:
Не слишком ли теперь ты поддалась тревоге?
А если бы твоей была судьба моя,
И ты терзалась бы, как нынче мучусь я?
А если б ты ждала, над самой бездной стоя,
Таких же бед, как я, от рокового боя?

К а м и л л а

Должна бы ты сама о них судить трезвей:
Чужая боль не то, что боль души своей.
В назначенное мне по вышнему веленью
Вглядись — и твой удел предстанет легкой тенью.
Лишь участь милого должна тебя смущать:
Не можем братьев мы к супругу приравнять.
Нас вводят в новый дом законы Гименея,
И с отчим домом связь становится слабее.
По-разному теперь и думаешь о них,
А мужа полюбив, забудешь о родных.

Но если милого отец признал как зятя —
Хотя не муж, для нас не меньше он, чем братья.
И их по-прежнему мы любим, и его,
Но предпочесть — увы! — не в силах никого.
Сабина, можешь ты, и мучась и страдая,
Лишь одного хотеть, о прочем забывая,
Но если вышний суд угрозы не смягчит,
Мне нечего желать, и все меня страшит.

С а б и н а

Так рассуждать нельзя. Судьба для всех сурова:
Один ведь должен пасть — и от руки другого.
Хотя по-разному мы думаем о них,
К супругу уходя, нельзя забыть родных.
Не всё вольны стереть заветы Гименея,
И мужа любим мы, о близких сожалея.
Природа властвует над нами с детских лет,
И кровным родичам ни в ком замены нет.
И муж и родичи — душа твоя и тело.
Все горести равны, достигшие предела.
Но суженый, по ком ты нынче без ума,—
Он для тебя лишь то, что ты творишь сама.
Причуды ревности, дурное настроенье —
И часто он забыт, забыт в одно мгновенье.
Трудней ли разуму влеченье побороть?
Но связи вечные — родная кровь и плоть.
Того, что скреплено обдуманным союзом,
Нельзя предпочитать родства священным узам,
И если вышний суд решенья не смягчит,
Мне нечего желать, и все меня страшит.
А ты — тебе дано, и мучась и страдая,
Лишь одного хотеть, о прочем забывая.

К а м и л л а

Поистине, тебе не волновало кровь
Пустое для тебя и чуждое — любовь.
Сначала в силах мы сопротивляться страсти,
Пока она своей не показала власти,
Покуда наш отец, ее впустивши в дом,
Не сделал дерзкого захватчика царем.
Приходит — кроткая, царит же — как тиранка.
Но раз твоей душе понравилась приманка,
Преодолеть любовь душа уж не вольна
И хочет лишь того, что повелит она.
Мы крепко скованы, но сладкими цепями.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Старый Гораций, Сабина, Камилла.

Старый Гораций

Я прихожу сюда с недобрыми вестями,
О дочери мои! Но незачем скрывать
То, что вы можете от каждого узнать.
Свершился суд богов, и бьются ваши братья.

Сабина

Да, не таких вестей могла бы ожидать я,
Казалось мне всегда, что правый суд богов
К нам должен быть не так безжалостно суров.
Не утешай же нас. Так тягостно несчастье,
Что жалки все слова и ни к чему участье.
С мученьями теперь покончить мы вольны,
А смерти жаждущим несчастья не страшны.
Легко могли бы мы, храня на людях гордость,
Свое отчаянье изобразить как твердость.
Но если слабыми сейчас не стыдно быть,
К чему же пред людьми храбриться и хитрить?
Мужчинам свойственно подобное искусство,
А мы — на женские мы притязаем чувства,
И вовсе не хотим, чтоб с нами клял судьбу
Суровый муж, всегда готовый на борьбу.
Встречай же не дрожа губительные грозы,
И слез не проливай, на наши глядя слезы.
Ну, словом, я молю — в жестокий этот час
Храни свой гордый дух, не осуждая нас.

Старый Гораций

Слезам и жалобам не нахожу упрека,
Ведь я с самим собой боролся так жестоко,
Что, может быть, теперь не смог бы устоять,
Когда бы столько же страшился потерять.
Врагами для меня твои не стали братья.
Как прежде, всем троим готов раскрыть объятья;
Но с дружбой не сравнить ни страстную любовь,
Ни ту, что вызывать должна родная кровь.
Мне не дано познать тоску, что истомила
Сабину — о родных, о женихе — Камиллу.
Я видеть в них могу врагов страны моей
И полностью стоять за милых сыновей.
Хвала благим богам, они достойны Рима,

И их избранье для всех неоспоримо;
А жалость отметя, что устремлялась к ним,
Они вдвойне себя прославили и Рим.
Да, если б, духом пав, ее они искали
Иль уступили ей и отвергать не стали,
То от моей руки на них бы пала месть
За рода моего поруганную честь.
Но раз, не внемля им, других избрать хотели,
Я к той же, что и вы, тогда склонялся цели,
И если б до богов донесся голос мой,
Других бы доблестных послала Альба в бой,
Чтоб, кровью братскою не оскверняя славу,
Стяжали торжество Горации по праву
И чтобы не в таком неправедном бою
Теперь родимый град обрел судьбу свою.
Но нет! Бессмертные судили по-иному.
Мой дух покорствует решенью святому,
И жертвы он готов любые принести
И в счастье родины блаженство обрести.
Мужайтесь же, как я,— не так вам будет больно.
Вы обе римлянки — и этого довольно.
Ты — стала римлянкой, ты — остаешься ей,
И нету имени почетней и славней.
Оно по всей земле от края и до края
Пройдет, как божий гром, народы устрашая,
Чтоб утвердить везде единый свой закон
И высшей честью стать царям чужих племен.
Энею было так обещано богами.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Старый Гораций, Сабина, Камилла, Юлия.

Старый Гораций
Ты, Юлия, пришла с победными вестями?
Юлия
Нет, горестен исход сраженья для страны,
И сыновья твои — увы! — побеждены.
Из трех остался жив один супруг Сабины.
Старый Гораций
О, роковой исход, о, горькая судьбина!
Отныне Альбе град родимый подчинен,

А родине своей не отдал жизни он?
О нет, не истину узнала ты о бое,
И Рим не побежден, иль сражены все трое.
Я знаю кровь мою, она свой долг блюдет.

Ю л и я

Глядели с наших стен и я, и весь народ.
Мы восхищались им. Когда же братья пали
И против одного сражаться трое стали,
Он бросился бежать, чтобы спастись от них.

С т а р ы й Г о р а ц и й

И римляне его оставили в живых?
Предателя они прикрыли преступленье?

Ю л и я

Я видеть не смогла разгрома довершенье.

К а м и л л а

О, братья!

С т а р ы й Г о р а ц и й

Не о всех печалиться тебе:
Двух доблестных сынов завидую судьбе.
Да будет лаврами покрыта их могила.
Меня же слава их с утратой примирила.
За верность добрую сынам дано моим —
Пока дышать могли, свободным видеть Рим,
Лишь римскому царю, как должно, подчиненным,
Но не чужим вождям и не чужим законам.
Оплакивай того, кто горестным стыдом,
Неискупаемым, покрыл наш гордый дом.
Оплакивай позор Горациева рода:
Нам не стереть его из памяти народа.

Ю л и я

Но что же должен был он сделать?

С т а р ы й Г о р а ц и й

Умереть
Иль в дерзновении предсмертном — одолеть.
Он мог жестокое отсрочить пораженье,
Беду отечества,— хоть на одно мгновенье,
И смертью доблестной со славой павший сын
Не опозорил бы родительских седин.
Та кровь, что в час нужды не отдана отчизне,—
Позорное пятно на всей грядущей жизни,
И каждый лишний миг, что он еще живет,
Его и мой позор пред всеми выдает.
Суровое мое решенье непреклонно:

Старинным правом я воспользуюсь законно,
Чтоб увидали все, как власть и гнев отца
За трусость жалкую карает беглеца.

Сабина

Молю тебя, отец, во гневе благородном
Несчастье общее не делай безысходным.

Старый Гораций

Да, сердцу твоему утешиться легко.
Ведь ранено оно не слишком глубоко,
И павшего на нас избегла ты проклятья:
Судьбой пощажены и твой супруг, и братья.
Мы подданные — да, но града твоего,
И муж твой предал нас, но братьям — торжество.
И, видя славы их высокое сиянье,
Стыду Горациев не даришь ты вниманья.
Но так любим тобой преступный твой супруг,
Что не избегнешь ты таких же слез и мук.
Не думай страстными спасти его слезами.
Еще до вечера — я в том клянусь богами —
Рука, рука моя, свершая приговор,
И кровь его прольет, и смоет наш позор.

Сабина

Скорей за ним! Ведь он сейчас на все способен.
Неужто лик судьбы всегда жесток и злобен?
Зачем должны мы ждать лишь горя и тоски
И вечно трепетать родительской руки?!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старый Гораций, Камилла.

Старый Гораций

В защиту подлого твои напрасны речи.
Пусть, от врага бежав, с отцом страшится встречи.
Хоть жизнь ему мила, но он ее не спас,
Когда не поспешил с отцовских скрыться глаз.
Пускай жена его заботится об этом.
Я ж небесами вновь клянусь пред целым светом...

Камилла

Смягчись, отец, смягчись! Ведь так неумолим
Не будет к беглецу и побежденный Рим.
Простит великий град и в самом тяжком горе
Того, кто одолеть не смог в неравном споре.

Старый Гораций

Что мне до этого? Пусть римляне простят —
Заветы старины иное мне велят.
Я знаю путь того, кто стал по праву славным:
Непобежденный, он падет в бою неравном;
И мужеская мощь, бесстрашна и тверда,
Хоть сокрушенная, не сдастся никогда.
Молчи. Я знать хочу, зачем пришел Валерий.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Старый Гораций, Валерий, Камилла.

Валерий

Отцу, скорбящему о тягостной потере,
Царь утешенье шлет...

Старый Гораций

Не стоит продолжать,
И незачем меня, Валерий, утешать.
Двух сыновей война скосила слишком скоро,
Но, мертвые, они не ведают позора.
Когда за родину дано погибнуть им,
Я рад.

Валерий

Но третий сын — кому сравниться с ним?
Ведь он — замена всем, как лучший между ними.

Старый Гораций

Зачем не сгинул он, а с ним и наше имя!

Валерий

Один лишь ты грозить решаешься ему.

Старый Гораций

И покарать его мне должно одному.

Валерий

За что? За мужество, достойное героя?

Старый Гораций

Какое мужество — бежать во время боя?

Валерий

За бегство ловкое — он славою покрыт.

Старый Гораций

Во мне еще сильней смущенье и стыд.
Поистине, пример, достойный удивленья:
От боя уклонясь, достигнуть прославленья.

Валерий

Чего стыдишься ты, скажи мне наконец?
Гордись! Ты нашего спасителя отец!
Он торжество и власть принес родному граду,—
Какую можешь ты еще желать награду?

Старый Гораций

Что слышу от тебя? Где торжество и власть?
Под руку недругов нам суждено подпасть!

Валерий

Об их победе речь странна и неуместна.
Возможно ль, что тебе еще не все известно?

Старый Гораций

Я знаю — он бежал и предал край родной.

Валерий

Он предал бы его, на том закончив бой;
Но бой не кончился, и вскоре все узрели,
Что бегством он сумел достичь победной цели.

Старый Гораций

Как, торжествует Рим?

Валерий

Спеши теперь узнать,
Что доблестного ты не вправе осуждать.
Один вступил в борьбу с тремя. Но волей рока
Он — невредим, а те — изранены жестоко.
Слабее всех троих, но каждого сильней,
Он с честью выскользнет из роковых сетей.
И вот твой сын бежит, чтоб хитрость боевая
Врагов запутала, в погоне разделяя.
Они спешат за ним. Кто легче ранен, тот
Преследует быстрей, а слабый отстает.
Настигнуть беглеца все трое рвутся страстно,
Но, разделенные, не действуют согласно.
А он, заметивши, что хитрость удалась,
Остановился вдруг: победы близок час.
Вот подбежал твой зять. Объятый возмущеньем,
Что враг стоит и ждет с надменным дерзновеньем,
Наносит он удар, но тщетен гордый пыл:

Ему, чтоб одолеть, уже не хватит сил.
Альбанцы в трепете: беда грозит их дому.
На помощь первому велят спешить второму.
Изнемогает он в усильях роковых,
Но видит, добежав, что брата нет в живых.

К а м и л л а

Увы!

В а л е р и й

Едва дыша, он павшего сменяет,
Но вновь Горация победа осеняет.
Без силы мужество не выиграет бой:
За брата не воздав, уже сражен второй.
От воплей небеса дрожат над полем брани:
Те — в ужасе кричат, мы — в мощном ликованье.
Увидел наш герой, что близко торжество,
И гордой похвальбой приветствует его:
«Я братьям тех двоих уже заклал для тризны,
Последний же падет на алтаре отчизны,—
Свою победу Рим на этом утвердит»,—
Сказал он — и уже к противнику летит.
Сомнений больше нет: твой сын у самой цели.
Тот, обескровленный, тащился еле-еле,
На жертву, к алтарю влекомую, похож,
Казалось, горло сам он подставлял под нож.
И принимает смерть, почти не дав отпора.
Отныне наша власть не вызывает спора.

С т а р ы й Г о р а ц и й

О, милый сын! О, честь и слава наших дней,
Оплот негаданный для родины своей!
Достойный гражданин, достойный отпрыск рода,
Краса своей страны и лучший сын народа!
Хочу, обняв тебя, в объятьях задушить
Ошибку, что меня успела ослепить!
О, поскорее бы счастливыми слезами
Омыть чело твое, венчанное богами!

В а л е р и й

И ласкам и слезам ты скоро волю дашь:
Сейчас его к тебе пришлет властитель наш.
Молебствие богам и жертвоприношенье
Мы завтра совершим по царскому решенью.
Сегодня же за все, что благость их дала,
Во храме им воздаст короткая хвала.
Там царь, и с ним твой сын. Меня ж сюда послали

Счастливым вестником и вестником печали.
Но мало этого для милости царя:
Он сам к тебе придет, за все благодаря.
Чтоб должное воздать прославленному роду,
Он сам придет сказать, что за свою свободу
И торжество — тебе обязана страна.

Старый Гораций

Чрезмерна эта честь — меня слепит она.
Твоими я уже вознагражден словами
За все, свершенное моими сыновьями.

Валерий

Так мало римский царь не чтит больших заслуг.
Твой сын его венец из вражьих вырвал рук,
И вот — любая честь, по мненью властелина,
Бледней заслуг отца и доблестного сына.
Я ухожу. Но царь узнает от меня,
Что ты, достойные обычаи храня,
Готов ему служить и ревностно и верно.

Старый Гораций

За это я тебе признателен безмерно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Старый Гораций, Камилла.

Старый Гораций

Не время, дочь моя, чтоб лить потоки слез,
Когда такую честь нам этот день принес.
Семейные тебя да не смущают беды,
Когда для всей страны они — залог победы.
Ценою наших бед восторжествует Рим —
Так что же? Горести свои благословим.
Чрезмерно горевать о суженом не надо:
Другого ты найдешь в стенах родного града.
Счастливейшим себя теперь почтет любой,
Сестру Горация своей назвав женой.
Сабину известить я должен. Волей рока
Ей нанесен удар, разящий так жестоко:
Убийцы родичей возлюбленных жена,
Имеет больше прав на жалобы она.
Но верю, что гроза промчится без возврата.
Что, разумом сильна и мужеством богата,

Над сердцем даст она любви возобладать,
Которой к славному не может не питать.
А ты не подчинись печали недостойной
И, если он придет, прими его спокойно.
Пред всеми показать уже тебе пора,
Что подлинно ему ты кровная сестра.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Камилла.

Камилла

О да, я покажу, я ныне всем открою,
Что не должна любовь склониться пред судьбою,
Пред волей тех людей неправедных и злых,
Которых почитать должны мы за родных.
Мою хулишь ты скорбь. Но чем упреки строже,
Чем больше сердишься, они мне тем дороже.
Безжалостный отец! Мой рок неумолим —
И в этом скорбь моя пускай сравнится с ним.
Чей рок когда-либо за день, за час единый
Внезапно принимал столь разные личины?
То радость исторгал, а то потоки слез,
Пока последнего удара не нанес?
И в чьей душе могли сменяться так тревожно
Печаль — веселием, а страх — надеждой ложной?
И чья была таких случайностей рабой,
Таких превратностей игрушкою пустой?
Оракул дал покой, а сон — грозит и мучит,
Война ввергает в страх, а мир надежде учит.
Готовлю брачный пир, и в этот самый миг
На брата моего с мечом идет жених.
Я в смертном ужасе, и все полны тревоги:
Бойцы разделены, их снова сводят боги.
Альбанцев ждет успех, и только он, мой друг,
В моей крови еще не оскверняет рук.
Иль участь родины меня страшила мало,
И смерть Горация легко я принимала?
И тщетно тешила надеждами себя,
Что не предам своих, противника любя?
Судьба меня за грех жестоко покарала:
Он пал — и как, увы, об этом я узнала?

Соперник милого оповещает нас,—
И вот, ведя при мне мучительный рассказ,
Открыто счастлив он, ласкаемый мечтою:
Не счастьем родины,— о нет,— моей бедою;
И, строя в грезах рай на бедствии чужом,
Победу празднует над милым женихом.
Но это все ничто, иное ждет Камиллу.
Я ликовать должна, когда гляжу в могилу,
Героя прославлять, как вся моя страна,
И руку целовать, которой сражена.
Жестокие мои законны сожаленья;
Для них же слезы — стыд, а вздохи — преступленье:
Цвети и радуйся средь самых тяжких бед —
Без варварства в тебе душевной мощи нет.
О, я не дочь отца, чье сердце слишком свято,
И мне не быть сестрой столь доблестного брата,
Моя же правда в том, что не скрываю мук,
Когда бездушие — заслуга из заслуг.
Надежды больше нет — чего ж теперь бояться?
Пусть торжествует скорбь — ей незачем скрываться,
Пусть победителя высокомерный вид
Ее отважную решимость укрепит
В лицо ему хулить деянье роковое
И ярость распалить в прославленном герое.
Вот он идет сюда. Не дрогнув перед ним,
Мы прах любимого как следует почтим.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Горацпй, Камилла, Прокул.

Прокул держит в руке три меча убитых Куриациев.

Горацпй

Сестра, моя рука за братьев отомстила,
Враждебной нам судьбы теченье изменила
И, римский навязав противникам закон,
Одна решила спор и участь двух племен.
Взгляни же на мечи, что в битве славной взяты,
И должное сумей воздать победе брата.

К а м и л л а
Все то, что я должна, слезами ей воздам.
Г о р а ц и й
Ликует Рим, сестра. Зачем же слезы нам?
А братья павшие отомщены с лихвою:
Где кровь за кровь текла, не нужно слез герою.
Когда свершилась месть, не вспоминай утрат.
К а м и л л а
Что ж, если души их иного не хотят,
Не буду я за них казаться огорченной
И о кончине их забуду отомщенной.
Но кто же отомстит за гибель жениха,
Чтоб и его забыть могла я без греха?
Г о р а ц и й
Несчастная, молчи!

К а м и л л а
О, мой жених любимый!

Г о р а ц и й
О, недостойная! О, вызов нестерпимый!
Как! Имя недруга, что мной повержен в прах,
И в сердце у тебя, и на твоих устах?
Неистовство твое преступно мести жаждет,
Уста о ней твердят, и сердце горько страждет?
Рассудку подчинись, желаньям ставь предел,
Чтоб за свою сестру я больше не краснел.
Ты заглушить должна свое слепое пламя,
Моими славными утешиться делами,
Чтоб от тебя иных не слышал я речей.
К а м и л л а
Дай, варвар, душу мне, подобную твоей.
А, правды хочешь ты? Кричу с тоской и болью:
Верни любимого иль дай терзаться вволю!
Всегда его судьба вершила и мою:
Мне дорог был живой, над мертвым слезы лью.
Навеки в грозный час простился ты с сестрою:
Лишь оскорбленная невеста пред тобою.
За гибель милого не перестану я
Свирепой фурией преследовать тебя.
О, кровожадный тигр! А я — рыдать не смею?
Мне — смерть его принять и восхищаться ею,
Чтоб, гнусное твое прославив торжество,
Теперь уже сама убила я его?

Пусть будет жизнь твоя столь горькой, столь
постыдной,
Что и моя тебе покажется завидной,
А славу, что тебе, жестокому, мила,
Твои же омрачат бесчестные дела!

Гораций

О боги! Злоба в ней дошла до исступленья!
И должен от тебя я слушать оскорбленья,
Которыми ты наш позорить смеешь род?
Приветствуй эту смерть, что славу нам несет,
И да затмится скорбь и память о любимом
Пред римской славою в тебе, рожденной Римом.

Камилла

Рим, ненавистный враг, виновник бед моих!
Рим, Рим, которому был заклан мой жених!
Рим, за который ты так счастлив был сразиться!
Кляну его за то, что он тобой гордится.
Покуда мощь его не так еще сильна,
Пускай соседние воспрянут племена,
А если сможет он не пасть под их ударом,
Пусть Запад и Восток восстанут в гневе яром,
И пусть надвинутся, враждой к нему горя,
Народы всей земли чрез горы и моря!
Пусть на себя он сам свои обрушит стены,
Себе же в грудь вонзит преступный меч измены,
А небо, утолив молящую меня,
Затопит этот Рим потоками огня!
О! Видеть, как его дробит небесный молот,
Как рушатся дома, и твой венец расколот,
Последнего из вас последний вздох узреть
И, местью насладясь, от счастья умереть!

Гораций *(хватаясь за меч и преследуя убегающую Камиллу)*

Позор! Мой правый гнев терпенье не смирило!
Ступай же милого оплакивать в могилу!

Камилла *(раненая, за кулисами)*

Злодей!

Гораций *(возвращаясь на сцену)*

Кто о враге отчизны пожалел,
Тому конец такой — единственный удел.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гораций, Прокул.

Прокул
О, что ты совершил!
Гораций
Я поступил как надо.
А смерть — за этот грех достойная награда.
Прокул
Не слишком ли жесток твой справедливый суд?
Гораций
Пускай моей сестрой Камиллу не зовут;
Она не наша кровь, не дочь отцу родному:
Кто проклял родину, тот изменяет дому.
Своих же близких враг, уже не смеет он
От оскорбленных ждать столь ласковых имен;
А кровных родичей тем более законны
И гнев и скорый суд прямой и непреклонный.
И тот навеки прав, кто сразу задушил
Столь святотатственный, хоть и бессильный пыл.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сабина, Гораций, Прокул.

Сабина
Что благородный твой порыв остановило?
Вот на руках отца кончается Камилла.
Отрадным зрелищем насытиться спеши,
А если хватит сил у доблестной души,
Последнюю пролей на алтаре народа
Еще живую кровь поверженного рода
И, вражьей не щадя, как не щадил родной,
Палач своей сестры, покончи и с женой.
Одна у нас вина, одной больны тоскою:
Подобно ей, скорблю о закланных тобою.
Настолько тягостней мой грех в глазах твоих:
Ей дорог был один,— я плачу о троих,
И жду бестрепетно любого наказанья.
Гораций
Оставь меня сейчас иль подави стенанья.

Достойной будь женой для мужа своего
И к низкой жалости не понуждай его.
А если близостью супружеской, Сабина,
И в чувствах стали мы и в помыслах едины,—
Не мне унизиться, твоих изведав стыд,
Но до моих тебе подняться надлежит.
Да, мне понятна скорбь моей супруги милой.
Терпи, вооружись моей душевной силой.
Победный мой венок спеши признать своим
И не срывай с меня, но украшайся им.
Ты честь мою клянешь и так враждуешь с нею,
Что был бы мой позор тебе сейчас милее?
Женою верной стань и меньше будь сестрой.
А этот мой пример — тебе закон святой.

Сабина

Тебе ли стану я, ничтожная, подобной?
За братьев я тебя не упрекаю злобно.
Воздать им должное мне надлежит, скорбя.
И здесь враждебный рок виновнее тебя.
Но доблесть римскую отвергну я, конечно,
Когда велит она мне стать бесчеловечной.
И победителя счастливого жена
Погибшим родичам останется верна.
С народом празднуя отечества победы,
Семейные свои в семье оплачем беды;
И радость общую мы позабыть вольны,
Во власти тех скорбей, что только нам даны.
Зачем не поступать, как нам велит природа?
Когда идешь сюда, свой лавр оставь у входа,
Со мною слезы лей... Как! Низменная речь
Не вынудит тебя поднять священный меч
И гневно покарать меня за преступленье?
Камилла счастлива! Ее постигло мщенье.
Ты одарил сестру лишь тем, что та ждала,
И милого она за гробом обрела.
Любимый муж, не ты ль меня обрек терзанью?
И если гнев остыл, внемли же состраданью!
Но гнев ли, жалость ли — молю тебя, супруг!
Не хочешь покарать? Избавь от лишних мук!
Как доброй милости, как беспощадной кары,
Я жажду от тебя последнего удара
И рада все принять. Такая смерть легка,
Когда ее несет любимая рука.

Г о р а ц и й

О, горе! Женщинам дарована богами
Столь пагубная власть над лучшими мужами!
И жены слабые, бессмертных теша взгляд,
Над сильными, увы, и смелыми царят!
Чтоб мужество свое спасти от пораженья,
Я в бегстве вынужден теперь искать спасенья,
Прощай. Оставь меня иль перестань рыдать.

(Уходит.)

С а б и н а *(одна)*

Ни ярость, ни любовь не стали мне внимать!
Нет кары для вины, а горе — безответно.
О милости прошу, молю о казни — тщетно!
Что ж, буду требовать и плакать вновь и вновь,
А нет — сама пролью тоскующую кровь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С т а р ы й Г о р а ц и й, Г о р а ц и й.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Печальным зрелищем не дав смутиться взору,
Мы вышнему должны дивиться приговору:
Едва победы нас высоко вознесут,
Гордыню усмирить умеет вышний суд.
То горечь к радости примешивают боги,
То слабым станет вдруг и доблестный и строгий,
Бывает редко нам даровано судьбой
Благое совершать с безгрешною душой.
Я скорбью не воздам преступнице Камилле:
Мы большей жалости с тобою заслужили.
Я этой дочери-изменницы отец,
А ты ее сразил, позоря свой венец.
Я знаю — эта казнь совершена по праву,
Но ты сгубил, мой сын, и честь свою и славу.
И лучше б не карать совсем вины такой,
Чем за нее воздать твоей, мой сын, рукой.

Г о р а ц и й

Достоин казни я — назначь же мне любую:

Я пролил кровь сестры, о родине ревнуя.
Но если решено, что это тяжкий грех,
И должен слушать я укоры ото всех,
И что на мне позор — тебе дано по праву
Изречь свой приговор и совершить расправу.
Возьми же кровь мою — ведь я содеял зло,
И на нее теперь бесчестие легло.
Я не стерпел вины, судом ответив скорым,
Мириться ли, отец, тебе с моим позором?
Когда поступками задета наша честь,
Отец такой, как ты, считает долгом месть.
Да замолчит любовь, где нету оправданья:
Мягкосердечный сам достоин наказанья,
И славе собственной цены не знает он,
Когда щадит того, кто им же осужден.

Старый Гораций

Но быть суровыми порою мы не в силах,
И для самих себя детей прощаем милых.
В преклонном возрасте еще сильней любя,
Мы не караем их, чтоб не карать себя.
Не то, что видишь ты, мой взор в тебе находит,
Я знаю... Здесь наш царь! В покои стража входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тулл, Валерий, Старый Гораций, Гораций, стража.

Старый Гораций

Я честью вознесен превыше всех людей,
Мой государь — у нас, под кровлею моей!
И вот, у ног царя...

Тулл

Нет, встань, отец мой, смело,
Ведь за высокое и доблестное дело
Обязан я как царь — мое служенье в том —
Высокой почестью отметить славный дом.
(Указывая на Валерия.)
Он послан был к тебе тотчас же после боя,
Но сам я захотел увидеться с тобою.
Кто удивился бы, когда поведал он,
Что гибелью сынов ты не был сокрушен?

Твоей ли твердости прекрасной и суровой
Могло поддержкой быть сочувственное слово?
Но мне приносят весть — внезапно сам герой
Злодейством омрачил свой подвиг боевой:
О чести родины безудержно ревнуя,
Он дочь твою сгубил, сразив сестру родную.
Для самых сильных душ удар такой жесток,—
И как тебе снести неумолимый рок?

Старый Гораций

Мне тяжко, государь, но есть в душе терпенье.

Тулл

Да, опыт жизненный приносит утешенье.
Хотя мы все, увы, нередко узнаем,
Что бедственные дни идут за светлым днем,
Но мало у кого настолько хватит воли,
Чтоб мужество хранить в такой тяжелой доле.
И если бы тебе, утратившему дочь,
Сочувствие мое могло теперь помочь,
То знай, что с жалостью, такой же бесконечной,
Как скорбь твоя, мой друг, люблю тебя сердечно.

Валерий

Владыками небес дано земным царям
Вершить над нами суд, законы ставить нам,
И, родине служа, их власть, для всех святая,
За грех должна карать, за подвиг награждая.
Позволь, мой царь, слуге смиренному сказать:
Ты жалостлив к тому, что надо покарать.
Позволь мне...

Старый Гораций

Как! Умрет стране стяжавший славу?

Тулл

Пусть он окончит речь. Я рассужу по праву.
Всегда, везде для всех да будет правый суд,
Ведь только за него царей без лести чтут.
Ужасное свершил твой сын, и воздаянья
Здесь можно требовать, забыв его деянья.

Валерий

Внемли же, государь всеправедный. Пора,
Чтоб голос подняли защитники добра.
Не злобу доблестный в нас вызывает воин,
Приявший почести: он почестей достоин.
Не бойся и еще щедрее наградить —
Ведь сами римляне хотят его почтить.

Но если он палач сестры единокровной,—
То, славясь как герой, пусть гибнет как виновный.
Ты — царь, отечества надежда и оплот,—
От ярости его спаси же свой народ,
Когда не хочешь ты господствовать в пустыне:
Так много близких нам война скосила ныне,
И оба племени соединял тесней
Во дни счастливые так часто Гименей,
Что мало римлян есть, не потерявших зятя
Иль родича жены в рядах альбанской рати
И не оплакавших на празднестве побед
Своей родной страны — своих семейных бед.
Но если мы, скорбя, преступны против Рима,
И может нас герой карать неумолимо,—
Кто будет варваром жестоким пощажен,
Когда родной сестре пощады не дал он?
Он не сумел простить отчаянья и гнева,
Что смерть любимого вселила в сердце девы:
Ей факел свадебный мелькал в дыму войны,
Но с милым навсегда мечты погребены.
Рим возвеличился и стал рабом нежданно:
И наша жизнь и смерть — уже в руках тирана.
И дни бесславные еще мы сможем длить,
Пока изволит он преступников щадить.
О Риме я сказал; теперь добавлю смело:
Для мужа доблести позорно это дело.
Я умолять бы мог, чтоб царь взглянул сейчас
На подвиг редкостный славнейшего из нас.
И он увидел бы, как, местью пламенея,
Из раны хлынет кровь перед лицом злодея.
Он содрогнулся бы в ужасный этот миг,
Взглянув на хладный труп, на нежный юный лик.
Но мерзостно давать такие представленья.
Назавтра выбран час для жертвоприношенья.
О царь! Подумал ты, угодно ли богам
Принять воскуренный убийцей фимиам?
Он для бессмертных — враг. За святотатство это
И у тебя они потребуют ответа.
Нет, не рука его решала бранный спор,—
Помог отечеству бессмертных приговор.
И, волею богов свое возвысив имя,
Он славу запятнал, дарованную ими;
И, самый доблестный, веленьем вышних сил

Он сразу и венец и плаху заслужил.
Мы жаждем выслушать решения благие,
Злодейство это здесь совершено впервые;
И, чтоб небесный гнев не пал теперь на нас,
Отмсти ему, богов немилости страшась.

Т у л л

Гораций, говори.

Г о р а ц и й

Мне не нужна защита!
Ведь то, что сделал я, ни от кого не скрыто.
И если для царя вопрос уже решен,
То слово царское для подданных — закон.
Невинный может стать достойным осужденья,
Когда властитель наш о нем дурного мненья.
И за себя нельзя вступаться никому,
Затем, что наша кровь принадлежит ему.
А если роковым его решенье будет,
Поверить мы должны, что он по праву судит.
Достаточно тебе, о царь мой, приказать:
Иные любят жизнь, я ж рад ее отдать.
Законная нужна Валерию расплата:
Он полюбил сестру и обвиняет брата.
Мы для Горация взываем об одном:
Он смерти требует, и я прошу о том.
Одна лишь разница: хочу законной мести,
Чтоб ничего моей не запятнало чести,
И вот стремимся мы по одному пути,
Он — чтоб ее сгубить, я — чтоб ее спасти.
Так редко может быть, чтоб сразу проявила
Все качества свои души высокой сила.
Здесь ярче вспыхнуть ей удастся, там — слабей,
И судят оттого по-разному о ней.
Народу внешние понятней впечатленья,
И внешнего ее он жаждет проявленья:
Пусть изменить она не думает лица
И подвиги свои свершает без конца.
Плененный доблестным, высоким и нежданным,
Он все обычное готов считать обманом:
Всегда, везде, герой, ты должен быть велик,
Хотя бы подвиг был немыслим в этот миг.
Не думает народ, когда не видит чуда:
«Здесь той же доблести судьба служила худо».
Вчерашних дел твоих уже не помнит он,

Уничтожая блеск прославленных имен.
И если высшая дана тебе награда,—
Чтоб сохранить ее, почить на лаврах надо.
Хвалиться, государь, да не осмелюсь я:
Все ныне видели мой смертный бой с тремя.
Возможно ль, чтоб еще подобное случилось,
И новым подвигом свершенное затмилось,
И доблесть, гордые творившая дела,
Подобный же успех еще стяжать могла?
Чтоб доброй памяти себе желать по праву,
Я должен умереть, свою спасая славу.
И жалко, что не пал, победу завершив.
Я осквернил ее, когда остался жив!
Тому, кто жил, себя для славы не жалея,
Перенести позор — нет ничего страшнее.
Спасенье верное мне дал бы верный меч,
Но вот — не смеет кровь из жил моих истечь.
Над нею властен ты. Я знаю: преступленье —
Без царского ее пролить соизволенья.
Но, царь мой, храбрыми великий Рим богат:
Владычество твое другие укрепят.
Меня ж от ратных дел теперь уволить можно;
И, если милости достоин я ничтожной,
Позволь мне, государь, мечом пронзить себя —
Не за сестру казнясь, а только честь любя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тулл, Валерий, Старый Гораций, Гораций, Сабина.

Сабина

Супруга и сестра у ног твоих — Сабина.
Двойная, государь, в душе моей кручина.
И внять речам моим, о царь, молю тебя,
За милого страшась, о родичах скорбя.
Стремленья нет во мне слезой своей лукавой
Виновного спасти от казни слишком правой.
И чем бы он сейчас ни услужил стране,—
Карай, но пусть вину он искупит во мне,
Но пусть за кровь его прольется кровь Сабины.
Свершится та же казнь — мы оба так едины,

И ты отнимешь то — не пощадив его,—
Что он в самом себе любил сильней всего.
Столь тесно связаны мы цепью Гименея,
Что он живет во мне и ярче и полнее,
И если дней моих сейчас прервется нить,
Его ничем иным нельзя верней казнить.
Молю и требую смертельного удара:
В нем — избавленье мне, ему же — злая кара.
Пусть ныне видит царь, как жизнь моя страшна
И на какой разлад душа обречена!
Смогу ли, скорбная сестра, теперь обнять я
Того, от чьей руки мои погибли братья?
Но и посмею ли кощунственно проклясть
Того, кто сохранил твою над Римом власть?
Убийцу родичей любить неколебимо!
Отвергнуть милого, что дал победу Риму!
Мне избавленье — смерть: любя его иль нет —
Священный все равно нарушу я завет.
Свой смертный приговор услышу торжествуя.
Сама свершить могу все то, о чем прошу я.
Но сладко было бы, разящий встретив меч,
Супруга милого от казни уберечь;
Разгневанных его суровостью чрезмерной,
Бессмертных утолить вот этой кровью верной
И жалостную тень сестры его младой,
Чтоб до конца служил отечеству герой.

Старый Гораций

С Валерием, увы, мои согласны дети,
И отповедь в моем получит он ответе.
Стараются они, безумцы, об одном:
Пусть обескровленный совсем угаснет дом!

(Сабине.)

О ты, которую неправая обида
За братьями влечет к обителям Аида!
Их тени славные тебе дадут совет:
Кто пал за родину — для тех обиды нет.
Богами приговор назначен их отчизне;
Но если чувства есть не только в этой жизни,
Победу римскую им легче перенесть,
Когда своя родня стяжала эту честь.
Твое жестокое они осудят горе,
И вздохи тяжкие и скорбь во влажном взоре,
И ненависть к тому, кто славно кончил бой.

Сабина, будь же им достойною сестрой.

(Туллу.)

Пускай Валерия остынет пыл напрасный:
Не преступление — порыв слепой и страстный;
И если правый гнев его одушевлял,
Не кары этот пыл достоин, а похвал.
Врагов родной страны любить до исступленья,
Отечество хулить за их уничтоженье,
Кощунственно ему сулить лихой удел —
Вот грех, которого Гораций не стерпел.
Когда бы родину любил он с меньшей силой,
Его деяния ничто б не омрачило.
А если бы вина уж так была тяжка,
Его настигла бы отцовская рука.
Я совершил бы суд. Моя душа готова
Родительскую власть использовать сурово.
Я честью, государь, безмерно дорожу:
Коль сын мой виноват, его не пощажу.
Свидетелем беру Валерия: он видел,
Как страстно я дитя свое возненавидел,
Когда уверен был, что бой пришел к концу
И бегством он нанес бесчестие отцу.
Но не чрезмерно ли Валерия вниманье
К моей семье? Зачем он просит воздаянья
За гибель дочери, когда такой конец
Заслуженным готов считать ее отец?
Он говорит — мой сын для всех угрозой станет.
Но нашей гордости чужой позор не ранит,
И, как бы низменно ни поступал другой,
Мы не должны краснеть: ведь он для нас — чужой.

(Валерию.)

Рыдай, Валерий, плачь: пусть жалобы греховны
В глазах Горация, но ты ему не кровный.
Не близких, не своих — и вопль и гневный взгляд
Его бессмертного венца не оскорбят.
О лавры славные, сомнут ли вас бесчестно?
Вы голову его от молнии небесной
Оберегать могли. Ужель склониться ей
Под оскверняющим железом палачей?
И это, римляне, ваш дар непобедимым?
Ведь Рим, не будь его, уже бы не был Римом.
Как может римлянин хулить и гнать того,

Кто всех прославил нас и дал нам торжество?
Скажи, Валерий, ты, который жаждешь мести,
Казнить Горация в каком прикажешь месте?
В стенах ли города, где пламенно жива
Тысячеустая о подвиге молва?
Иль за воротами, на славной той равнине,
Где трех альбанцев кровь земля впитала ныне,
Где их могильные насыпаны холмы,
Где победил герой и ликовали мы?
В стенах, за стенами — где б ни вершить расправу,
Защитницей его мы встретим эту славу.
Твоя неправая осуждена любовь,
Что хочет в этот день пролить такую кровь.
Ведь это зрелище и Альбе нестерпимо,
И не смириться с ним взволнованному Риму.
Но рассуди же сам, о государь,— страна
Того, что нужно ей, лишаться не должна:
Все то, что он свершил, вторично сделать может
И новую опять угрозу уничтожит.
Не сжалиться прошу над слабым стариком:
Я четырех детей счастливым был отцом;
Во славу родины погибли нынче трое.
Но сохрани же ей четвертого — героя,
Чтоб стены римские еще он мог стеречь.
А я, воззвав к нему, свою закончу речь.
Не у толпы, мой сын, искать опоры надо;
Ее хвалебный гул — непрочная награда.
Мы часто слушаем весь этот шум и крик,
Но затихает он внезапно, как возник,
И слава громкая, которой столь горды мы,
Пройдет, как легкие, рассеиваясь, дымы.
Лишь верный суд царя, вождя иль мудреца
И в мелочах ценить умеет храбреца.
От них мы подлинной украсимся хвалою,
И память вечную они дают герою.
Живи, как должен жить Гораций: никогда
Не отгремит она, блистательна, горда,
Хотя бы жалкого, ничтожного невежды
И были в некий миг обмануты надежды.
Не требуй же конца, но, мужеством горя,
Ты для меня живи, для Рима, для царя.
Прости, о царь, меня, прости за многословье,
Но это Рим вещал отеческой любовью.

Валерий

Дозволь мне, государь...

Тулл

Не нужно лишних слов.
Все то, что ты сказал, одобрить я готов.
Их речи пылкие твоих не заглушили,
И доводы твои остались в прежней силе:
Да, преступление, столь мерзостное нам,
Есть вызов и самой природе и богам.
Внезапный, искренний порыв негодованья
Для дела страшного — плохое оправданье.
Убийцу никакой не охранит закон,
И казни — по суду — заслуживает он.
Но если пристальней вглядеться, кто виновный,—
Придется нам признать: чудовищный, греховный
Проступок той рукой безумно совершен,
Что сделала меня владыкой двух племен.
Двойной венец на мне, альбанцы — слуги Рима!
Все это за него встает необоримо.
Он утвердил меня в господстве — он один:
Я был бы подданным, где дважды властелин.
Есть много верных слуг — в минуты роковые
Несут они царям лишь помыслы благие.
Не всем дано свершать высокие дела,
Чтоб ими вся страна опору обрела.
Уменье славное крепить основы трона —
Немногим вышпие судили благосклонно.
Царей оплот и мощь в решительные дни —
Закону общему подвластны ли они?
Сокроем, римляне, высокой ради цели,
То, что впервые мы при Ромуле узрели.
Тому, кто спас тебя, простишь ты, славный Рим,
Первостроителем свершенное твоим.
Живи, герой, живи. Ты заслужил прощенье.
В лучах твоих побед бледнеет преступленье.
Причины доблестной последствие, оно
Священной ревностью твоей порождено.
Живи, но другом будь Валерию. Вы оба
Забудете, что вас разъединяла злоба.
Любви он верен был иль долгу своему,
Но чувства горького ты не питай к нему.
Сабина, и в своей безмерности страданья
Пускай твой сильный дух поборет испытанья:

Не лей напрасных слез — и истинной сестрой
Ты будешь воинам, оплаканным тобой.
Мы завтра с жертвами предстанем пред богами.
Чтоб не были они немилостивы с нами,
Очистить от греха жрецы его должны,
Пока на алтарях огни не зажжены.
В священном деле им отец его поможет.
Он душу дочери умилостивить может.
Мне жаль ее. Пускай свершится в этот час
Все то, к чему она, влюбленная, влеклась.
И если властная одна и та же сила
В один и тот же день любовников сгубила,—
Да примет их тела — и в тот же самый день —
Кургана одного торжественная сень.

Ваше величество!

Как я ни сознаю степень своей слабости, как ни глубоко то уважение, которое вы, ваше величество, внушаете душам, удостоившимся быть вашими приближенными, признаюсь, что припадаю к стопам вашим без робости, без колебания, ибо позволяю себе думать, что труд мой понравится вашему величеству, ибо я уверен, что веду речь о том, что более всего приятно вашему величеству. Пусть это всего лишь пиеса для театра, но тема этой пиесы — рассуждение о божестве. Достоинство этой темы столь высоко, что даже слабость автора не может ему повредить. Вашему царственному духу столь приятны рассуждения такого рода, что некоторые недостатки сего труда не огорчат сердца, для которого сама тема представит наслаждение. Вот почему, ваше величество, я надеюсь получить от вас прощение за то, что я длительное время не решался принести вам на суд эту свою лепту высокого почитания. Каждый раз как я выводил на сцену в моих пиесах добродетели моральные или политические, я неизменно чувствовал, что рисуемые мною картины слишком мало достойны появиться перед вашим величеством, ибо я неизменно помнил о том, что, с каким бы рачением я ни выбирал своих героев на страницах истории, как бы ни облагораживал их свойственным пиитам искусством приукрашения,— та, перед которой они предстанут, не может не сознавать и не видеть, что в ней самой таятся наилучшие примеры всех этих добродетелей.

Дабы как-то уравнять ценность изображаемого с высокими качествами державной ценительницы, мне предстояло обратиться к темам самым высоким и на суд христианнейшей королевы, чьи деяния еще выше ее титула, не пытаться представить ничего, кроме христианских добродетелей, из которых главная — любовь к славе господней, дающая высокое наслаждение и приносящая радость благочестию и пищу разуму. Именно этому необычайному и поразительному благочестию вашего величества обязана

Франция благоволением и благословением небес, ниспославших успех самым первым военным мероприятиям нашего юного короля. Счастливые успехи, им достигнутые, суть лишь блистательное вознаграждение и заслуженное вашим величеством благоволение неба, которое свои милости щедро распространяет и на всю страну.

Наша утрата, когда почил наш великий монарх, казалась невосполнимой. Вся Европа уже сожалела о нас, воображая, будто мы будем ввергнуты в бездну великих потрясений, ибо видела нас в бездне отчаяния. Однако благоразумие, осторожность и мудрое попечение вашего величества, разумные советы, принимаемые вами от ваших верноподданных, и смелые решения ваши, мудро выполняемые, благотворно подействовали на мир и спокойствие государства настолько, что этот первый год регентства оказался не только равным славе прошлого правления, но даже взятием Тионвиля загладил воспоминание о несчастном сражении, которое у этих стен прервало длинную вереницу наших побед.

Простите мне, что, увлекшись восторгом, вызванным этими размышлениями, я восклицаю в упоении:

Рождает чудеса владычицы правленье!
Досадует Мадрид! Брюссель ошеломлен!
Когда бы предсказал такое Аполлон,
Оракула слова подверглись бы сомненью!
Храбрейшие враги в тревоге и смятенье:
Успехам счету нет! Победам нет препон!
И, гордый славою поверженных знамен,
Зрит радостный Париж мятежных посрамленье!

Над юным королем блеснит победы длань:
Тьонвиль и Рокруа ему приносят дань,
Премудрой матери он помнит указанья —

Се громом Зевсовым державное дитя
Своих противников разит еще шутя,
Готовя Франции триумфы процветанья!

Нельзя усомниться в том, что за начинанием столь чудесным воспоследует процветание еще более поразительное. Господь не оставляет дел своих незавершенными,— он их совершит, ваше величество, и сделает не только ваше регентство, но и всю вашу жизнь непрерывным преуспеянием. Таковы пожелания всей Франции, таково же и пожелание преданного вам от всего сердца слуги вашего величества, каким является всепокорнейший, всескромнейший, всевернейший подданный вашего величества

Корнель.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Феликс, римский сенатор, правитель Армении.
Полиевкт, армянский вельможа, зять Феликса.
Севе́р, знатный римлянин, любимец императора Деция.
Неарк, армянский вельможа, друг Полиевкта.
Паулина, дочь Феликса, жена Полиевкта.
Стратоника, наперсница Паулины.
Альбин, наперсник Феликса.
Фабиан, слуга Севера.
Клеон, слуга Феликса.
Три воина.

Действие происходит в Мелитене, столице Армении, во дворце Феликса.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Полиевкт, Неарк.

Неарк
Ужель тебя страшит жены недобрый сон?
Столь слабым поводом столь сильный дух смущен?
Как могут воина, привыкшего к победам,
Пугать опасности, навеянные бредом?

Полиевкт
Я знаю, никогда мы верить не должны
Тому, что создают причудливые сны —
Бессвязные мечты, ночных паров скопленья
Уничтожаются в минуту пробужденья.
Но ты не знаешь, друг, как женщина сильна,
Какие ей права, какая власть дана!
При блеске факелов, зажженных Гименеем,
Мы, сильные мужи, перечить ей не смеем.
Пусть неразумная томит ее тоска,—
Супруга верит сну, что смерть моя близка.
Мешает мне она мольбами и слезами
И покидать дворец, и видеться с друзьями.
Мне бред ее смешон, но не смешна печаль —
Я презираю страх, но мне любимой жаль!
Не дух робеет мой, а сердцем я слабею,
И той, чью власть люблю, противиться не смею!
Скажи мне, друг Неарк, ужель столь грозен час,

Что чувством пренебречь он побуждает нас?
Нельзя ли подождать, с возлюбленной не споря,
И совершить свой долг, не причинив ей горя?

Неарк

Но знаешь ли ты сам, на сколько лет и дней
Достанет жизни, сил и стойкости твоей?
Господь, в чьей власти всё — и жизнь твоя и тело,—
Поможет ли тебе стоять за веру смело?
Он справедлив и добр — он может ниспослать,
Но может и отнять святую благодать!
Когда сомнения наш дух обуревают,
Рука всевышнего порой оскудевает,
Ожесточаются и разум и сердца
У тех, кто пренебрег заботами творца.
Возвышенный восторг, что вел путем спасенья,
Все реже им дает совет и озаренье.
Крещенье ты уже готовился принять!
Увы! Ты оттолкнул господню благодать!
Уже в душе твоей, смущаемой мольбами,
Решимости святой ослабевает пламя!

Полиевкт

Я вижу, ты совсем меня не знаешь, друг!
Возлюбленной мольбам я внемлю, как супруг,
Но, как и ты, одним желаньем пламенею,
Один могучий зов мне с каждым днем слышнее,—
Я знаю, первый долг пред господом у всех,—
Святой водою смыть и слепоту и грех,
Поверь мне, я давно готов принять крещенье,
Дающее уму и сердцу очищенье,—
Мне эта благодать всех благ земных ценней,
Все чаянья мои, все помыслы о ней!
Но как не внять любви, законом освященной,
И не отсрочить день, однажды предрешенный?

Неарк

Враг человеческий уже тебя смутил —
Он хитростью берет, где не хватает сил!
Стремясь поколебать разумное решенье,
Толкает он тебя на мысль о промедленье!
Несметное число препятствий и препон
На всех твоих путях тебе поставит он.
Не он ли — диких грез в ночи творец тлетворный —
Жену твою смутил во сне тревогой черной!
Использует он все — угрозы и мольбы,

Чтоб повлиять верней на ход твоей судьбы.
Отсрочив свой обет, легко найдя причину,
Уже нарушил ты его наполовину!
Отринь удар врага! Не слушай слез жены!
Лишь верные сердца всевышнему нужны.
Он отвергает тех, кому мирские страсти,
Волненья и дела дороже божьей власти.
Иди на глас творца бестрепетно вперед,
Иначе глас другой из бездны позовет!

Полиевкт

Как?! Подчинясь тому, пред кем благоговеем,
Мы больше никого любить уже не смеем?

Неарк

Он все велит любить и все прощает нам,
Но вдумайся, мой друг, внемли моим словам —
Он требует от нас любви и почитанья,
Поскольку только в нем мы любим мирозданье,
Поскольку он один — владыка всех владык —
Воистину силен, разумен и велик!
Всем надо пренебречь — женой, богатством, саном —
Во славу господа в сраженье непрестанном!
Увы! Ужель моя отчаянная речь
Не может жар святой в груди твоей возжечь?
О Полиевкт, мой дух в слезах к тебе взывает —
Нас ненависть врагов везде подстерегает,
Нас травят, как зверей, чтоб угодить властям,
Мученья дикие придумывая нам!
Готов ли к искусу, к жестоким испытаньям
Ты, уступающий моленьям и рыданьям?

Полиевкт

Ранимы жалостью высокие сердца,
Участье к слабому — не слабость храбреца.
Одна лишь красота нас покоряет силой,
Мы, смерти не страшась, боимся гнева милой!
Но верь мне, я готов за бога пострадать,
Которого своим не смел еще назвать.
Он сам подаст мне сил как любящему сыну
И, всеблагой, во мне узрит христианина!

Неарк

Так что же медлишь ты?

Полиевкт

Поверь мне, добрый мой,
Крещение принять я жажду всей душой,

Но страшный темный сон жену мою тревожит,
И отпустить меня к друзьям она не может!

Неарк

Тем радостней, поверь, свиданья светлый час
Осушит капли слез с ее печальных глаз
И тем нежнее вновь прекрасная супруга
Обнимет горячо оплаканного друга!
Идем, идем скорей!

Полиевкт

Умерь ее испуг!
Прошу тебя, молю! Избавь ее от мук!
Она идет!

Неарк

Скорей!

Полиевкт

Я не могу!

Неарк

Так надо!
Спеши! Не обращай беспомощного взгляда
К врагу, способному великой силой чар
Желанным сделать свой губительный удар!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Полиевкт, Паулина.

Полиевкт

Идем же! Поспешим! Простимся, Паулина!
Я скоро возвращусь! Не мучься без причины!

Паулина

Куда ты так спешишь и чем взволнован ты?
Что — жизнь иль честь твоя у роковой черты?

Полиевкт

Гораздо большее!

Паулина

Признайся, умоляю!

Полиевкт

Поверь, я все тебе открою, дорогая,
Но...

Паулина

Любишь ты меня?

Полиевкт

Люблю сильней стократ,
Чем самого себя. Верь — я не виноват,
Но...

Паулина

Многих тайн твоих я даже знать не смею.
О, я тебя молю во имя Гименея!
Пойми тоску мою и пощади меня,
Мне подарив покой единственного дня!

Полиевкт

Твой сон тебя страшит?

Паулина

Сны ложными бывают,
Но я тебя люблю, и все меня пугает.

Полиевкт

Разлуки краток час, прощай, любовь моя!
Во власти слез твоих боюсь остаться я.
И дух и разум мой колеблется, смущаясь,
Лишь бегством от тебя, любимая, спасаюсь!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Паулина, Стратоника.

Паулина

Оставь меня! Спеши туда, где боги мне
Пророчат смерть твою в тревожном темном сне!
Иди! Вон спутник твой — орудье рока злого!
Спеши! Убийцы ждут! Я чую — все готово.
Увы! Таков наш век, Стратоника моя!
Советов милых жен не слушают мужья!
Что остается нам, покорным, в утешенье
Взамен любовных клятв и пыла увлеченья?
Влюбленные зовут владычицами нас,
Мы царствуем, но вот пробьет Гимена час!
И в свой черед мужья тогда царят над нами!

Стратоника

Вас любит Полиевкт, вы сознаете сами!
И если он сейчас не все доверил вам,
Оставил вас, не вняв ни просьбам, ни слезам,
Поверить и понять в себе найдите силы,
Что осторожность им одна руководила.
Разумно, если муж из жалости подчас

Умеет что-то скрыть и утаить от нас,
Пускай свободен он и не спешит всечасно
Нам отдавать отчет в судьбе своей опасной —
Пусть сердце вам двоим единое дано —
Имеет разный ритм для каждого оно.
Не велено мужьям законом Гименея,
Когда жена дрожит, дрожать вослед за нею.
Для страха вашего не видит он причин,
Вы — римлянка, а он — отважный армянин.
И вы должны бы знать, что наши два народа
Различны мыслями в делах такого рода.
Тревоги смутных грез нам попросту смешны,
Ни страха, ни надежд нам не внушают сны,
А в Риме доверять привыкли сновиденьям,
Считая их судьбы точнейшим отраженьем.

П а у л и н а

Не веря в тайный смысл пророческого сна,
Я знаю, ты была б сама потрясена,
Когда бы рассказать достало мне уменья
Все ужасы меня смутившего виденья.

С т р а т о н и к а

Рассказ о боли — скорбь способен утолить!

П а у л и н а

Мой друг! Во все тебя хочу я посвятить!
Узнай же, чтоб постичь глубь моего несчастья,
Все слабости мои и все мои пристрастья!
Как честная жена, признаюсь без стыда,
Что разум с чувствами в раздоре иногда.
Сердца, не знавшие тревоги и боренья,
Бесчувствием своим внушают подозренье.
Узнай же — римлянин отважный, молодой
Был покорен моей злосчастной красотой...
Севе́р... О, не вздохнуть я не имею силы
При имени его — оно мне слишком мило!

С т р а т о н и к а

Не он ли отдал жизнь за родину свою,
Спас императора от гибели в бою?
Победу повернув к себе неустрашимо,
У персов вырвал он успех и отдал Риму,
А после труп его средь сотен мертвых тел
Найти и опознать никто уж не сумел?
И Деций в честь его отваги непреклонной
Торжественно воздвиг гробницы и колонны?

Паулина

Да, это он! Увы! Впервые гордый Рим
Был сыном награжден божественным таким!
Что мне еще сказать? Он был отважный воин,
Его любила я — он был того достоин!
В нем был геройский дух, но — такова судьба —
Решительность его была, увы, слаба.
Когда отец упрям, почтительный любовник
Всех неудач своих единственный виновник!

Стратоника

Что ж охладило в нем настойчивость и страсть?

Паулина

Бессмысленный отпор, бессмысленная власть!
Как дочери любовь и кротость ни похвальна,
Но жертва прихоти родительской печальна.
Хотя избраннику я сердце отдала —
По выбору отца супруга я ждала,
Не признаваясь в том, что я влюбленным зреньем
Грешу перед своим немым повиновеньем.
Но от любимого не скрыла ничего —
Ни мыслей, ни любви, ни горя своего.
С жестокостью судьбы безжалостной не споря,
Оплакивали мы покорно это горе,
Печальную любовь мы разделяли с ним,
Но долг перед отцом, увы, неотвратим,
И вот, покинув Рим и милого объятья,
Должна была отца сюда сопровождать я,
А мой герой нашел в прославленном бою
Бессмертие и смерть прекрасную свою!
Отец мой послан был наместником из Рима.
Я пребывала с ним, немой тоской томима,
А после Полиевкт узрел меня, и вот —
Меня ему отец в невесты отдает,
Прельщенный тем, что он — любимец местной знати,
И брак его со мной отцовской славе кстати.
Отец мой полагал, что достославный зять
Почтенней и сильней ему поможет стать.
Он сам назначил срок желанного союза,
И Гименей скрепил навеки наши узы.
И, долгу подчинясь, теперь любовь мою
Избраннику отца я кротко отдаю.
Ты видела сама, с какой тревогой страстной
Я удержать его стремилась в час опасный!

Стратоника

Да, можно посудить, что он вам люб и мил!
Но что за страшный сон вам душу возмутил?

Паулина

Увы, явился мне во сне Север несчастный,
Но гневен и жесток был взор его прекрасный.
В лохмотья призраков он не был облачен,
В которых сонм теней скитаться обречен,
И не было на нем кровавых шрамов славы,
К бессмертию его вознесших величаво.
Как Цезарь молодой на восхищенный Рим,
Смотрел он, дивно горд величием своим.
Он обратил ко мне разгневанное слово:
«Неблагодарная! Люби! Люби другого!
Но помни — час настал, несет возмездье он,
Оплачешь ты того, кто мне был предпочтен!»
Затрепетала я от этих слов ревнивых,
Вдруг шайка христиан — безумцев нечестивых —
Вбежала, Полиевкт был ими окружен,
Поверженный, упал к ногам Севера он.
Я стала звать отца в тревоге и смятенье!..
О, ужас! Мой отец явился в исступленье,
С подъятою рукой к супругу подбежал
И в грудь ему вонзил губительный кинжал.
Тут помутила боль на миг мое сознанье —
Я слышала в бреду то крики, то стенанья,
Я знала — все вокруг повинны в том, что он
Неведомо за что злодейски умерщвлен.
Таков мой странный сон.

Стратоника

Печальный сон, согласна.
Но рассудите, что́ в нем грозно и опасно?
Ужели страшен вам возлюбленный герой,
Который пал в бою? Иль ваш отец родной,
Отец, который сам избрал для вас супруга,
Опору видя в нем, помощника и друга?

Паулина

Он то же говорит. Мой страх ему смешон,
Коварства христиан не замечает он,
А я страшусь — они убьют его в отмщенье
Отцу и мне за кровь, за казни и гоненья!

Стратоника

Кощунственна, гнусна, безумна секта их,

Кровь пьют они с вином на действах колдовских,
Но все они скромны и людям не опасны,
Как ярость их к богам и храмам ни ужасна.
Их гонят и казнят — им это благодать,
Их радость — умереть, их счастье — пострадать.
Теперь, когда закон врагами объявил их,
Убийства совершать они уже не в силах!

Паулина

Молчи! Отец идет!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Феликс, Альбин, Паулина, Стратоника.

Феликс

Твой сон, о дочь моя,
Тревожит и меня, признаюсь, не тая,—
Теперь боюсь и я событий приближенья!

Паулина

Какие ж вести вдруг внушили вам волненье?

Феликс

Север не умер!

Паулина

Что ж! Того достоин он!

Феликс

Он императором обласкан, вознесен!

Паулина

Им Деций был спасен от плена, и по праву
Достанутся ему и милости и слава!
Достойные сердца напрасно оскорбив,
Порой бывает рок и с ними справедлив!

Феликс

Он будет здесь!

Паулина

Он здесь?

Феликс

Он прибыл на рассвете!

Паулина

Нет! Это слишком! Где?! Откуда вести эти?

Феликс

Альбин его на днях внезапно повстречал,
Блестящий круг вельмож героя окружал,
Как полагается его большому чину,
Но уступлю рассказ любезному Альбину!

А л ь б и н

Вы помните тот день, счастливейший из всех,
Когда героя смерть вернула нам успех?
Когда правитель наш, его рукой спасенный,
Отвагу возродил в стране своей смятенной
И почестями тень Севера окружил,
Погибшего за Рим в расцвете юных сил.
Но сам персидский царь велел на поле боя
Найти средь мертвых тел отважного героя,
Он найден был, и вот владыка пожелал
Взглянуть в лицо тому, кто так достойно пал.
Героя мертвого израненное тело,
Казалось, завистью смутить врага хотело.
Когда ж открыл глаза и шевельнулся он,
Сам благородный царь был сильно потрясен
И, позабыв раздор, с восторженным почтеньем
Узнал того, кому обязан пораженьем.
Спасенного лечить он повелел врачам
И лично наблюдал за излеченьем сам.
Севера он мечтал привлечь к себе на службу,
Суля ему дары и собственную дружбу.
Но тщетно ожидал, что блеск его щедрот
На сторону врага героя привлечет.
Отказ его почтив высокой похвалою,
Отчизне возвратить задумал он героя.
И Децию велел отдать его в обмен
За знатных персиан, попавших в римский плен.
Наш император был обрадован отменно.
Он брата царского освободил из плена
И сотню знатных лиц, Север вернулся в Рим,
Богато награжден, прославлен и любим.
Вновь началась война, и новые сраженья
Могли нам принести внезапно пораженье,
Но доблестный Север величье Рима спас,
Победу одержав блестящую для нас.
Нам предложили мир, враг был обложен данью,
Всем будущим векам в пример и в назиданье!
И Деций, чтоб развлечь любимца своего,
В Армению прислал на празднества его.
Весть о победе он объявит населенью.
И жертвы принесет богам в благодаренье.

Ф е л и к с

Увы! Куда завел меня коварный рок!

Альбин

Вот все, что я узнать успел в короткий срок,
И поспешил сюда доставить эти вести!

Феликс

Увы! К тебе сюда спешит он, как к невесте!
Что празднества ему, восторги и почет!
Любовь, одна любовь сюда его влечет!

Паулина

Возможно! Он пылал когда-то страстью нежной!

Феликс

Что может совершить порыв его мятежный!
О боги! Что сулит ревнивой мести страсть,
Когда в союзе с ней и правый гнев и власть!
Он нас погубит всех!

Паулина

Нет! Он душой прекрасен!

Феликс

Не утешай меня! Я глубоко несчастен!
Он нас погубит всех! Как горек мой удел!
Я добродетелей его не разглядел!
А ты зачем отцу так робко подчинилась?
Ты смелостью своей для долга поступилась!
Где был твой бунт и гнев? Твой непокорный пыл
От участи моей меня бы оградил!
Надежда мне теперь последняя осталась,
Что власть его любви к тебе не умалялась.
Используй эту власть, и по твоей вине
Источник зол моих спасеньем станет мне!

Паулина

Как! Мне увидеть вновь прекрасного героя,
Чей взор меня пронзит любовью и тоскою?
Отец мой, я слаба! Как женщина слаба!
В душе моей горит тревожная борьба!
Увы! Один мой вздох — простая дань страданью —
И верности моей и чести поруганье!
Нельзя встречаться нам!

Феликс

Крепись! Не будь слаба!

Паулина

Увы! Он — мой кумир, а я — его раба!
От власти глаз его, навеки сердцу милых,
Ни долг, ни честь моя спасти меня не в силах!
Нельзя встречаться нам!

Ф е л и к с

Так надо, дочь моя!
Погибнет твой отец и вся твоя семья!

П а у л и н а

Я исполнять должна все ваши приказанья.
Но вдумались ли вы в опасность испытанья?

Ф е л и к с

В тебе уверен я!

П а у л и н а

Не страх владеет мной,
Я все исполню, но, увы, какой ценой!
Я втайне трепещу грядущего сраженья,
Я чую буйство чувств, мой дух уже в смятенье!
Идя на смертный бой с возлюбленным врагом,
Должна я быть сильна и сердцем и умом!
Страх увидать его еще владеет мною!

Ф е л и к с

Иду встречать его за городской стеною!
Все силы собери, все помыслы свои
И знай — в твоих руках судьба твоей семьи!

П а у л и н а

Да! Снова подавив тоску сердечной боли,
Покорно становлюсь я жертвой вашей воли!

Д Е Й С Т В И Е В Т О Р О Е

Я В Л Е Н И Е П Е Р В О Е

С е в е р, Ф а б и а н.

С е в е р

Пока для торжества еще готовят храм,
Я поклоненья дань, пристойную богам,
Успею принести прекрасной Паулине,
В чьей власти и судьба и жизнь моя отныне.
Чего я здесь ищу, я от тебя не скрыл —
Лишь поводом к тому наш пышный праздник был.
Да, я спешил сюда для жертвоприношенья!
Я жду прекрасных глаз веленья и решенья!

Ф а б и а н

Вы свидитесь!

С е в е р

Ужель! О, счастья дивный час!
Она согласна? Да? Она придет сейчас?

Имею ль я над ней еще немного власти?
Заметны ль в ней следы былой любви и страсти?
Как мой приезд ее смутил и взволновал?
Найду ли снова то, чего так страстно ждал?
Я принуждать ее не стану и не смею
Во имя прошлых дней супругой стать моею.
Все письма как залог я нежно берегу,
Но лишь ее отцу их предъявить могу,
А если злой мой рок сменил ее решенье,
Я усмирю в себе и страсть и раздраженье!

Фабиан

Вы свидитесь! Вот все, что смею я сказать...

Север

Но что тебя могло так сильно взволновать?
Скажи! Ты что-то скрыл? Не бойся мне признаться!

Фабиан

Поверьте мне! Нельзя! Не нужно вам встречаться!
Другим отдайте честь любовных ласк своих —
Не мало в Риме есть красавиц молодых,
В таком зените вы богатства, славы, власти,
Что лучшие сочтут такой союз за счастье!

Север

Столь низкие слова претят душе моей!
Посмею ль славой я гордиться перед ней,
С которою ничто на свете не сравнится?
Я счастьем дорожу, чтоб с нею им делиться!
Ты рассердил меня, мой верный Фабиан!
Спешу к ее ногам сложить высокий сан,
Который заслужил, когда искал в сраженье
Венца, достойного любимой одобренья!
И сан мой и почет лишь ей принадлежат —
Ей я обязан всем, чем славен и богат!

Фабиан

И все ж, поверьте мне, не нужно вам встречаться!

Север

Ты что-то утаил! Не бойся мне признаться!
Ты видел, что она сурова? Холодна?

Фабиан

Не смею отвечать...

Север

Что?

Фабиан

Замужем она...

Север

О, поддержи меня! Какой удар нежданный!
Я сразу ослабел от этой страшной раны!

Фабиан

Все ваш геройский дух способен победить!

Север

Геройства здесь, увы, никак не применить!
Отважнейшим страшны подобные раненья,
Внушая смельчакам страданье и смятенье!
Когда такой огонь в груди у нас горит,
Измена, а не смерть любовника страшит!
От жутких слов твоих я вне себя. Ужели
Повенчана она? Давно ль?

Фабиан

Уж две недели.
Почтенный Полиевкт, достойный армянин,
Отныне для нее супруг и господин.

Север

Что ж — выбор не плохой, достойный одобренья,
Но в горести моей — плохое утешенье!
Пусть царской крови он, но он владеет ей,
Он тот, кто мужем стал возлюбленной моей.
О, небо! Для чего ты жизнь мою продлило!
О, рок! Зачем мечта любовь мою манила!
Все милости богов судьбе я отдаю
И одного прошу — верните смерть мою!
Но все же я хочу последнего свиданья,
Хочу сказать слова печального прощанья,
А после воздыхать в обители теней
И вечно вспоминать и тосковать о ней!

Фабиан

Обдумайте ваш шаг!

Север

Я все обдумал здраво —
В отчаянье своем ни смерти, ни отравы
Я больше не боюсь...

Фабиан

Но все-таки...

Север

Увы!..

Фабиан

Еще сильнее боль почувствуете вы!

Север

А разве я ищу спасенья от страданья?
Мне нужно лишь одно предсмертное свиданье!

Фабиан

Но сможете ли вы, любимую узрев,
При разговоре с ней сдержать свой правый гнев?
Обманутый в любви не знает снисхожденья —
Он может оскорбить в порыве раздраженья!

Север

Нет, ты не прав! Пускай печаль моя сильна,
Почтенья моего не тронула она —
И в чем я упрекнуть любимую посмею,
Несчастный наш удел оплакав вместе с нею?
Кто погубил союз двух любящих сердец?
Ее покорный нрав? Мой рок? Ее отец?
Она права, как дочь, отец был прав по праву!
Всему виной мой рок — он дал мне блеск и славу,
Которые могли б сломить отцовский нрав,
Когда я духом пал, все в жизни потеряв.
Теперь не утолит ничто мои страданья —
Мне нужно лишь одно предсмертное свиданье.

Фабиан

Да, я скажу ей все: скажу, что как герой
Вы в этот грозный час владеете собой,
Пусть не страшат ее упреки раздраженья —
Отвергнутой любви и скорби выраженье.
Жестокие слова несут страданье нам
И ранят лишь того, кто в сердце ранен сам.

Север

Она идет!

Фабиан

Молю! Противьтесь чувству злому!

Север

Увы! Другой любим! Она жена другому!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Север, Паулина.

Паулина

Да, я его люблю! Прощенья не прошу —
Открыто вам свое признанье приношу.

Теперь вам часто льстят, к вам дружбы не питая,
Но я не клевещу, не льщу, не осуждаю.
О вашей смерти весть могла меня убить,
Но не мою любовь и верность истребить!
Когда бы выбор мне судьба предоставляла,
Лишь одному я жизнь и сердце завещала.
Будь ваш удел суров, будь с вами рок жесток —
Преградою любви он сделаться б не мог!
Я так была горда избранником любимым,
Что предпочла б его царям высокочтимым.
Но долг дочерний мой мне диктовал закон —
По выбору отца другой вам предпочтен!
Когда б вам небеса в знак гордости законной
Украсили чело блистающей короной,
Будь ненавистны мне и блеск, и власть, и честь,
Я не посмела б вам другого предпочесть.
Смирить и страсть и боль во мне достало б силы —
Я ненависть свою б рассудком истребила!

Север

Что ж! Излечились вы, немного повздыхав,
От всех своих невзгод! Какой счастливый нрав!
Вы, властвуя легко над чувством и волненьем,
Спокойны, вопреки сильнейшим потрясеньям!
От страсти разум вас способен уводить
К бесстрастию, а там — к презренью, может быть.
Вы стойкостью своей, достойной удивленья,
Любовь преобразить могли в пренебреженье.
Имей бы нрав такой и добродетель я,
Давно б утихла боль и злая скорбь моя.
Один красивый вздох, одна слеза печали
Потери злую боль сперва бы облегчали,
И смог бы разум страсть, угасшую почти,
От равнодушия к забвенью увести.
Достойный ваш пример решаюсь перенять я —
Спасут меня другой любовные объятья!
Я вас боготворил — напрасно, может быть,—
А вы? Любили ль вы? И можно ль так любить?

Паулина

Я чувства своего от вас не утаила,
И если бы любви во мне угасла сила,
О боги! скольких мук могла б избегнуть я!
Рассудок — чувств моих суровый судия —

Смиряет власть его порывы их живые,
Но эта власть, увы, не власть, а тирания!
Спокойна я на вид, бесстрастна, холодна,
Но в глубине души — тоска и скорбь одна,
Я этих чар боюсь, собою не владея,—
Рассудок мой силен, но образ ваш сильнее.
Он предо мною — тот, кто пламень мой зажег,
Ответа просит он — кумир и полубог!
И тем сильней его властительное право,
Что с ним его побед заслуженная слава,
Что он не обманул надежд моей мечты,
Что мой герой достиг достойной высоты!
Но долг, который нам внушил покорность в Риме,
Долг властвует опять над чувствами моими,
И, затмевая блеск его заслуг больших,
Терзая душу мне, не лечит ран моих!
Не вы ли, бед моих участник и свидетель,
С проклятьями мою хвалили добродетель?
Сумейте ж пожалеть меня в последний раз,
Во имя долга лишь отринувшую вас!
Та, чей обет и честь вам не внушили б веры,
Не стоила б любви великого Севера!

Север

Увы! Простите мне слепой тоски порыв —
Я вам нанес удар, себя же поразив!
Непостоянством я назвал и преступленьем
То, что всегда и все встречают с восхищеньем.
Чем лучше знаю вас, любя вас и ценя,
Тем тягостней моя потеря для меня!
Вы добродетелью сияете всечасно
И жар души моей терзаете напрасно.
Явите мне один какой-нибудь порок,
Чтоб охладить любовь хоть на короткий срок!

Паулина

Увы! Хоть мой обет и честь непобедимы —
Душа моя слаба, ранима, уязвима!
Ни слез, ни вздохов скрыть от вас я не вольна
И разумом своим едва защищена.
Жестокие горят в груди воспоминанья,
Их снова разожгло желанное свиданье.
О, если честь мою хотите вы сберечь,
Гордитесь ей всегда и не ищите встреч!
Не причиняйте мне стыда и слез томленья,

Не причиняйте мне страданий сожаленья,
Не причиняйте мне мучительных минут —
Они и вам и мне напрасно сердце жгут!

Север

Но я теряю все, чем дорожу на свете!

Паулина

Но и меня и вас терзают встречи эти!

Север

Так вот цена любви, надежд моих венец!

Паулина

Вот средство излечить страданье двух сердец!

Север

Меня убьет любовь огнем воспоминанья!

Паулина

Меня спасет мой долг и правоты сознанье!

Север

О, если вашу честь смогу я защитить,
Печаль моя должна, умолкнув, уступить!
Все в жертву приношу величью вашей славы,
Дающей мне любить и восторгаться право!
Прощайте! Возвращусь к тревогам прежних дней
Бессмертия просить у злой судьбы моей!
Да будет мне легка в роскошном шуме боя
Блистательная смерть, достойная героя!
Жестокий рок меня смертельно поразил —
Довольно пожил я и отдых заслужил!

Паулина

Несчастный облик мой вам причинил страданья!
Но я останусь жить, храня воспоминанье!
Я затворюсь от всех, чтоб возносить богам
Обеты в вашу честь и восхваленья вам!

Север

Пускай же небеса за все мои невзгоды
Ваш брак благословят на будущие годы!

Паулина

Пускай найдет Север от горя своего
Забвение — судьбу, достойную его!

Север

Вы были той судьбой!

Паулина

Отцу мы подчинились!

Север

Все чаянья мои отчаяньем явились!
Прощайте! Вам навек я сердце завещал,
Красы и чистоты плачевный идеал!

Паулина

Прощайте навсегда! Возлюбленный, прекрасный,
Плачевный мой герой, счастливый и злосчастный!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Паулина, Стратоника.

Стратоника

Мне жаль обоих вас! Я вся еще в слезах!
Но победили вы тревоги смутный страх —
Вы видите, что лжет пустое сновиденье,—
Север вернулся к вам, не замышляя мщенья!

Паулина

Зачем жалеть меня, напоминая мне
Все то, что разум мой смутило в страшном сне?
Дай мне передохнуть! Оставь меня в покое,
Не истязай меня удвоенной тоскою!

Стратоника

Как? Всё страшитесь вы?

Паулина

Увы! Я вся дрожу!
Пусть смысла в этом сне и я не нахожу,
Но странный ужас мой в больном воображенье
Рисует мне беды жестокое виденье.

Стратоника

Север вам все простил!

Паулина

Да, он не станет лгать...
Но мертвый Полиевкт мне видится опять.

Стратоника

Сопернику желал он радости и счастья!

Паулина

Он выказать готов и дружбу и участье.
Я знаю, нет причин для страха моего,
Но помню, здесь Север, и я боюсь его!
Великодушен он, но он пылает страстью,
Обманут он судьбой, но обладает властью!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Полиевкт, Паулина.

Полиевкт

Довольно слез, мой друг! Не нужно больше слез!
Забудь печаль и страх — наследье сонных грез,
Напрасно злой конец твои вещали боги —
Я жив, я вновь с тобой! Забудь свои тревоги!

Паулина

Увы! Не кончен день! И что страшней всего,
Уже свершилась часть виденья моего —
Север не умер... я... его сейчас видала.

Полиевкт

Я знаю. Эта весть меня тревожит мало.
Ведь в Мелитене здесь и твой отец и я.
Пускай Север велик, но здесь мои друзья.
Не думаю, что он доверья недостоин,—
Коварства слишком чужд такой отважный воин.
О вашей встрече с ним я был предупрежден,
И знаю — добрых чувств заслуживает он.

Паулина

Печальный он ушел, покорно дав мне слово,
Что больше никогда не встретимся мы снова!

Полиевкт

Не в ревности ль меня подозреваешь ты?

Паулина

Я не хочу сойти с привычной высоты —
Спокойствие свое оберегать должна я,
Превратности судьбы заране упреждая.
Кто подвергать себя опасности спешит,
Того уже давно погибель не страшит.
Достоинств и заслуг имеет он не мало,
И много есть причин, чтоб сердце запылало.
Я не хочу пред ним смущенно замолчать —
Я буду свой покой разумно защищать.
Пусть разум победит, но в горестном сраженье
Победы горький плод — плохое утешенье!

Полиевкт

Какой высокий дух! Какой разумный нрав!
Как доблестный Север в своей печали прав!

Как счастлив я тобой! Твой образ просветленный
Сияет красотой в моей душе влюбленной!
Чем больше сознаю, насколько плох я сам.
Тем более дивлюсь...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Паулина, Полиевкт, Клеон.

Клеон

Вас пригласить во храм
Я прибыл. Там народ в молитвенном волненье,
И только вас и ждут для жертвоприношенья!

Полиевкт

Сейчас мы будем там. Пойдешь ли ты, мой друг?

Паулина

Северу причинять не надо новых мук —
Навек расстаться с ним дала я обещанье,
И я его сдержу. Иди же! До свиданья!
Но ты не забывай, что смел он и силен.

Полиевкт

Я знаю хорошо, что мне не страшен он!
Великодушного не следует бояться —
Лишь вежливостью с ним пристойно состязаться!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Полиевкт, Неарк.

Неарк

Куда ты, Полиевкт?

Полиевкт

Меня зовут во храм!

Неарк

Как? Снова ты спешишь к язычникам-слепцам?
Ты позабыл о том, что стал христианином?

Полиевкт

Знай, богу твоему я буду верным сыном.

Неарк

Мне идолы гнусны!

Полиевкт

Мне гадок их закон!

Неарк
Мне мерзок этот культ!
Полиевкт
А мне ужасен он!
Неарк
Так не ходи туда!
Полиевкт
Их сокрушить хочу я
И в храме умереть, победу торжествуя!
Идем, покажем всем, что духом мы сильны,
Что нам кумиры их противны и смешны!
Я слышу божий глас — приказ его суровый
Исполнить должен я, служить ему готовый.
Ты научил меня чтить бога своего,
Я жертву принесу на алтаре его.
По благости своей он испытать желает
Ту веру, что во мне восторженно пылает!
Неарк
Но усмири свой пыл — он чересчур силен!
Полиевкт
За бога пострадать — наш долг и наш закон!
Неарк
Ты смерть свою найдешь!
Полиевкт
Ее давно желаю!
Неарк
А если дрогнешь ты?
Полиевкт
На бога уповаю!
Неарк
Стремиться умереть господь нам не велит!
Полиевкт
Но доблестная смерть его не оскорбит!
Неарк
Наш долг — страданий ждать, смиряясь пред судьбою!
Полиевкт
Но горестно страдать, не жертвуя собою!
Неарк
Но ты во храме смерть найдешь наверняка!
Полиевкт
Готовит мне венец всевышнего рука!
Неарк
И праведная жизнь венец дарует тоже!

Полиевкт

При жизни согрешив — его теряем все же!
А смерть дарует нам венец и благодать,
Которых никому за гробом не отнять!
Да, я — христианин, и сила веры новой
Меня зовет свершить отважно долг суровый.
Кто, веруя, не смел, в том вера не жива!

Неарк

Имеет лишь господь на жизнь твою права!
Живи для христиан заступником надежным!

Полиевкт

Им будет смерть моя примером непреложным!

Неарк

Ты жаждешь умереть?

Полиевкт

А ты так жаждешь жить?

Неарк

Геройство не по мне — я не хочу таить!
Не так я смел, как ты, меня страшат мученья!

Полиевкт

Кто верит в цель свою — не мыслит о паденье!
Я верою силен и господом своим!
Сомнений убоясь, мы поддаемся им!
Кто верит лишь в себя, тот в вере усумнился!

Неарк

Кто презирает страх, тот слишком возгордился!

Полиевкт

От слабости своей не жду я ничего —
Я верю одному — величию его!
Но что тебя страшит?

Неарк

Сам бог боялся казни!

Полиевкт

Но предал он себя на муки без боязни!
Пойдем же сокрушать кумиры в гордый храм!
Ты говорил, что бог повелевает нам
Забыть семью, друзей и сан ему во славу,
И кровь свою пролить любой имеет право!
Скажи мне, что с тобой? Ты так был чист и смел!
Так пылко призывал к свершенью славных дел!
Ревнивое тебе внушает огорченье
Тобою же самим воспитанное рвенье!

Неарк

Ты принял благодать! Ты только что крещен,
И ни одним грехом твой дух не отягчен,
Он пламенем объят и смел неосторожно,
Все для него легко, все для него возможно!
Во мне, увы, давно святую благодать
Вседневные грехи успели запятнать,
И в самый грозный час, не осененный ею,
Пред трудностями я в бессилье цепенею.
Наказан я за то, что недостойно слаб,
Проступков небольших уже трусливый раб,
Но вижу я, господь — источник снисхожденья —
Мне гордый твой пример послал для подкрепленья!
Идем! Покажем всем, что духом мы сильны,
Что нам кумиры их противны и смешны,
Я стойкости своей явлю тебе примеры,
Тебе, кто всем сумел пожертвовать для веры!

Полиевкт

Господь тебе вернул восторженность твою!
Я радуюсь, Неарк! Я слезы счастья лью!
Идем! Нас в храме ждут для жертвоприношенья —
Величия творца узрим мы подтвержденье!
Идем втоптать во прах богов ничтожных их,
Доверчивой толпы кумиров площадных!
Идем сорвать с очей незрячих покрывало!
Идем разбить богов из камня и металла!
Да возликует дух! Да пострадает плоть!
Пожертвуем собой, как повелел господь!

Неарк

Да воссияет всем его святое слово!
Идем! Он так велел! И мы на все готовы!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Паулина.

Паулина

Какой тревожный рой причудливых теней
Мелькает предо мной предвестьем черных дней!
Не смею верить я, что добрый луч покоя

Осветит жизнь мою, смущенную тоскою.
Волненье и печаль в груди моей кипят,
Мой дух изнеможден, зловещей тьмой объят.
То брезжит предо мной надежда на спасенье,
То ужасы меня теснят, как привиденья,
И бедный разум мой, метущийся в бреду,
Мне в будущем сулит то счастье, то беду.
В нем чувства острота от боли ослабела —
Страшится смутно он, надеется несмело.
Мне бредится Север, то нежен, то строптив,
Он честен — верю я! — но знаю, он ревнив!
И трепетная мысль меня всегда тревожит,
Что Полиевкт любить соперника не может.
Их ненависть, увы, естественна вполне,
Их будущий раздор терзает сердце мне.
Любой, в чужих руках свое блаженство видя,
Способен все забыть, покорствуя обиде!
И как ни велика разумность их и честь,
В одном — обиды боль, в другом — тоска и месть!
Им трудно подавить недобрых дум броженье,
Обоих не страшит возможность униженья,
И каждый, пред судьбой смириться не сумев,
Таит в своей груди отчаянье и гнев.
Любовник и супруг от этой вечной боли
К раздору и вражде придут помимо воли.
Но вдруг, иной мечтой на миг озарена,
Я просыпаюсь вновь, как от дурного сна,
И Полиевкта честь, и доброта Севера
Внушают мне опять восторженную веру:
Соперников таких не ослепит вражда —
От низменных страстей свободные всегда,
Их души и сердца самим себе подвластны,
Ни злоба, ни вражда их чести не опасны,
И встретятся они во храме как друзья!
Да... встретятся они... и снова в страхе я!
На родине своей супруг мой честно правит,
Но римского орла Север на нас натравит.
Я вижу, мой отец встревожен и смущен —
О выборе своем уже жалеет он!
Я вижу все! И луч надежды обретенной,
Забрезжив, гаснет вновь, смятеньем угнетенный.
Предчувствия томят, и снова тьма в очах!
О боги! Пусть хоть раз меня обманет страх!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Паулина, Стратоника.

Паулина
Стратоника моя! Я слушаю в смятенье —
Скажи, что было там при жертвоприношенье?
Как встретились они, когда пришли во храм?
Стратоника
О боги!
Паулина
Что и как происходило там?
Ты смущена? Мой страх имеет основанья?
Поссорились они? Ответь же!
Стратоника
Христиане...
Неарк и Полиевкт...
Паулина
Что с ним?
Стратоника
Не в силах я...
Паулина
Отчаяньем опять горит душа моя!
Стратоника
И утешать теперь я больше вас не смею!
Паулина
Его убили там?
Стратоника
Увы! Еще страшнее!
Ваш сон был вещим сном! Да, Полиевкта нет!
Паулина
Он умер?
Стратоника
Нет, он жив, но мысли ясный свет
Померк в его очах. Противник высшей воли,
Ни вас, ни права жить он недостоин боле...
Уж он давно не тот, кто был любим и чтим,—
Он государству враг и враг богам своим,
Он лицемер, злодей, предатель, развратитель,
Мятежник, негодяй, изменник, трус, губитель,
Презренный лицемер, убийца, блудный сын,
Он святотатец, враг, он... он — христианин!

Паулина

Последним словом все сказала ты. Довольно!

Стратоника

Брань — лесть для христиан, им от нее не больно!

Паулина

Он заслужил и брань, коль принял веру их,
Но чувств не оскорбляй супружеских моих!

Стратоника

Подумайте о том, кого он чтит, как бога!

Паулина

По долгу полюбив, верна я долгу строго!

Стратоника

Но вы его теперь вольны и позабыть —
Он и богам и вам способен изменить!

Паулина

Пусть он изменит мне — его любить должна я!
И если удивит тебя любовь такая,
Пойми, обет и долг я для себя храню —
Пусть их нарушит он, но я не изменю!
Ведь если б он к другой пылал греховной страстью,
Не увлекли б меня разврат и сладострастье!
Пусть он христианин — меня не отвратил
Любимый тем, что он ошибку совершил.
Но что сказал отец? Об этом знать должна я.

Стратоника

Он яростью кипит, с трудом ее скрывая,
Но зятя погубить еще не хочет он,
И будет лишь Неарк заслуженно казнен.

Паулина

Как, значит, и Неарк?

Стратоника

Неарк — его губитель!
Он — лицемерный друг, презренный совратитель!
Из ваших рук тогда супруга вырвал он,
Спеша, чтоб в тот же день несчастный был крещен.
Вот темный сговор их, вот тайна злого дела,
Которой власть любви дознаться не сумела!

Паулина

Не нравилась тебе настойчивость моя,
Несчастья не могла тогда предвидеть я!
Но прежде чем навек решусь предаться горю,
Я силой женских слез с обоими поспорю!
Как дочь и как жена смогу я, может быть,

Супруга победить, отца уговорить.
Пускай они сейчас собою не владеют —
Отчаянье мое их покорить сумеет!
Но расскажи мне все, что совершилось там!

Стратоника

Кощунство из кощунств! Они пришли во храм!
Не в силах вспомнить я всего без содроганья —
Мне кажется грехом само воспоминанье!
Кощунственна и зла слепая дерзость их!
К народу вышел жрец, огромный храм затих,
С минуту жрец молчал в спокойствии великом,
Вдруг эту тишину они прервали криком
И стали нарушать торжественный обряд,
Вопя, как лишь одни безумные вопят.
Над таинством святым они смеялись шумно
И оскорбить богов старались скудоумно.
Народ уже роптал; разгневан и суров,
Отец ваш созерцал крикливых наглецов.
Но Полиевкт к нему рванулся: «Поглядите!
Вы каменных богов и деревянных чтите!»
И стал произносить в присутствии его
Ужасные хулы на Зевса самого!
Всего, что он вопил, я повторить не смею:
Развратник и злодей — всех остальных скромнее!
«Внемлите! — он кричал.— Внемлите, люди, нам!
Наш бог — глава всему, земле и небесам!
Он — сам себе закон, он нам дает законы,
Он — принцип всех начал, никем не сотворенный,
Он — христианский бог, владыка высших сил —
И Децию в бою победу подарил!
Решает он один любой исход сраженья,
Он может вознести и ввергнуть в искушенье,
Безмерна мудрость в нем, и доброта, и власть
Казнить, вознаградить, возвысить и проклясть!
Зачем же чтите вы бессильных истуканов?»
Тут опрокинул он, как вепрь из чащи прянув,
Сосуды с жертвенным елеем и вином,
Без страха, что сразит его небесный гром.
Пред обезумевшей и ропщущей толпою —
О, небо! видано ль и слыхано ль такое! —
Они в святилище, в присутствии жрецов,
Повергли статую владыки всех богов!
Народ, чудовищным глумленьем потрясенный,

Из храма побежал. Мольбы его и стоны
Неслись, о милости взывая к небесам...
Но вот и ваш отец — он все расскажет вам!

Паулина

Увы! В его лице жестокость и страданье!
Оно таит и грусть, и пыл негодованья.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Паулина, Феликс, Стратоника.

Феликс

Такое сотворить, не постыдясь людей!
Он должен умереть, и он умрет, злодей!

Паулина

Позвольте мне, отец, молить о состраданье!

Феликс

Неарку одному не будет оправданья!
Как ни безумен был мой недостойный зять,
Его не в силах я сурово наказать.
Как я ни возмущен сейчас его виною,
Я не забыл, за что он был отмечен мною.

Паулина

Иного от отца я ждать и не могла!

Феликс

Он смерти заслужил за дерзкие дела!
Неистовства его кощунственная сила
Ужаснейших бесчинств немало породила,
Но виноват Неарк, и пострадает он.

Паулина

А муж мой смерть его увидеть обречен?

Феликс

Он совратителя увидит наказанье,
И собственной вины проснется в нем сознанье.
Кровавым зрелищем смущен и потрясен,
Страх смерти ощутить острее сможет он!
И жажда жизни в нем столь ярко возгорится,
Что он, увидев казнь, не станет к ней стремиться.
Живой пример порой сильней любых угроз —
Страх действует на пыл надежней, чем мороз,
Быть может, наконец, смирив души волненье,
За дикий свой порыв попросит он прощенья.

П а у л и н а
Ужель геройский дух в нем будет побежден?
Ф е л и к с
Он должен стать умней, смириться должен он!
П а у л и н а
Он должен, но, увы, что станется со мною?
Как буду я тому печальною женою,
Кто, чести изменив, мне б счастье возвратил,
Когда родной отец меня не пощадил!
Ф е л и к с
Я дал тебе понять, что только покаянье
Поможет мне спасти его от наказанья.
За равную вину и кара всем равна,
Виновных различать Фемида не должна,
Я, долг судьи для чувств отцовских нарушая,
Преступника щадя, проступок совершаю!
И горький свой удел напрасно не кляня,
Должна бы ты, как дочь, благодарить меня!
П а у л и н а
А что вы дали мне? Пустые уверенья!
Я знаю христиан упорство, пыл и рвенье!
Желая от него раскаянья, увы,
Отважно умереть ему велите вы!
Ф е л и к с
Он может быть спасен по своему желанью!
П а у л и н а
Спасите же его!
Ф е л и к с
Нельзя без покаянья!
П а у л и н а
Расправе секты злой он будет обречен!
Ф е л и к с
Иначе римский с ним расправится закон!
П а у л и н а
Он ослеплен!
Ф е л и к с
Ему приятно ослепленье!
Он своего признать не хочет заблужденья!
П а у л и н а
Во имя всех богов!
Ф е л и к с
Не призывай богов —
Их приговор ему не менее суров!

Паулина
Но боги внемлют нам!
Феликс
Пусть он к богам взывает!
Паулина
Во имя Деция, чья власть вас возвышает!
Феликс
Да, я имею власть, и я всегда готов
Ее употребить, чтоб истребить врагов!
Паулина
Но враг ли Полиевкт?
Феликс
Враги все христиане!
Паулина
Не слушайте пустых и злобных нареканий!
Он муж мой и навек по крови вам родной!
Феликс
Одна его вина всечасно предо мной!
Преступник, отягчив измену святотатством,
Не вправе быть храним ни дружбою, ни братством!
Паулина
О, как велик ваш гнев!
Феликс
Не больше, чем вина!
Паулина
О, ужас моего пророческого сна!
Его губя, и дочь теряете вы тоже!
Феликс
Мне боги, Рим и честь — семьи моей дороже!
Паулина
А гибель нас двоих не остановит вас?
Феликс
Я слышу глас богов и Деция приказ!
Но почему нам ждать печального исхода?
Ужель не ценит он ни жизни, ни свободы?
Он жаждет пострадать, как пылкий неофит,
Но будет час — и смерть безумца устрашит!
Паулина
Но зная нрав его, не думайте напрасно,
Что вере изменять он может ежечасно,
Ведь он христианин — он только что крещен,—
Ужели мните вы, что легкомыслен он?
Ведь он не с молоком усвоил эту веру,

Которую иной приемлет по примеру
Отцов и матерей. Он веру выбрал сам,
И как христианин, как враг пришел во храм!
Он, как и все они, не ведает боязни,
Им пытки не страшны и не постыдны казни,
Ниспровергать богов — обет и подвиг их,
Небесных чают благ, не зная благ земных,
И веря, будто смерть их в небо призывает,
Не ощущая мук, кончину воспевают,
Приятны пытки им, как наслажденья нам,
Им кажется, что бог их посылает сам!
Страданьем во Христе зовут они страданье.

Ф е л и к с

Ну что же, Полиевкт получит по желанью!
Все решено!

П а у л и н а

Отец!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ф е л и к с, А л ь б и н, П а у л и н а, С т р а т о н и к а.

Ф е л и к с *(Альбину)*

Ну что? Злодей казнен?

А л ь б и н

Да, за свою вину страданье принял он!

Ф е л и к с

И видел Полиевкт его в минуту смерти?

А л ь б и н

Да, видел, и ему завидовал, поверьте!
Страданье претерпеть он жаждет вслед за ним,
В нем укрепился дух, и он неукротим!

П а у л и н а

Еще один удар! Я это говорила!
По вашей воле я супруга полюбила;
Его хвалили вы — вам покорилась я!

Ф е л и к с

Безумца и слепца ты любишь, дочь моя!

П а у л и н а

Вы так велели мне — моя любовь законна!
Ваш выбор сделан был разумно, непреклонно!
И погасила я любовь свою к тому,
Кто дорог был душе и сердцу моему.

Припомните ж и вы слепое послушанье,
С которым ваше я исполнила желанье!
Я покорилась вам, насилья не кляня,
Так сделайте и вы хоть что-то для меня!
Во имя чувств моих дочерних я решилась
Смирить свою любовь — я долгу покорилась,
Не отнимайте же того, кого, увы,
Принять из ваших рук мне повелели вы!

Ф е л и к с

Ты докучаешь мне! Я добр — таить не буду,
Но даром доброту не расточаю всюду.
Напрасно тратишь ты и слезы и слова,
Доказывая мне мольбы своей права.
Не жалость правит мной — я ею управляю
И силой мне ее внушать не позволяю!
Попробуй повлиять на мужа, дочь моя,
Попробуй сделать то, что не сумею я.
Иди! Не искушай отцовского терпенья
И мужа убеди в разумности спасенья.
Иди, его сюда мне приведут сейчас —
Я с ним поговорить хочу в последний раз!

П а у л и н а

Отец, позвольте мне!

Ф е л и к с

Оставь нас, повторяю!
Гневят меня мольбы, мне сердце раздирая!
Не раздражай меня! Разубеждай его!
И, может быть, спасешь супруга своего!

я в л е н и е п я т о е

Ф е л и к с, А л ь б и н.

Ф е л и к с

Альбин, как умер он?

А л ь б и н

Упрямо, нечестиво!
Он жизнью в страшный час пренебрегал строптиво,
В неистовстве своем он так закоренел,
Что ни о чем земном ничуть не сожалел
И, как христианин, был гордо непокорен.

Ф е л и к с

Ну, а второй?

Альбин

И тот не менее упорен.
Он видел друга смерть, но с места казни он
Насильно только был в темницу уведен.
Я видел, как он смел и пылок безрассудно —
Такого покорить вам будет очень трудно!

Феликс

О, как несчастен я!

Альбин

И все жалеют вас!

Феликс

Кто знает, как болит душа моя сейчас!
За думой дума в ней, сомненье за сомненьем
Спешат, порождены тревогой и волненьем.
То горем разум мой, то радостью объят,
Надежда, страх, любовь и злоба в нем кипят,
Ужасная гроза слепит меня, бушуя,
То слаб и жалок я, то буйно негодую,
То благородству чувств я уступить боюсь,
То самых низких чувств робею и стыжусь,
То мне злосчастный зять опять внушает жалость,
То слепота его во мне рождает ярость,
То я хочу его спасти и сохранить,
То за своих богов я жажду отомстить.
Мне кара их страшна и Дециева кара,
Мой сан и жизнь моя всечасно ждут удара!
То я готов на казнь, за жизнь его скорбя,
То рад его сгубить, чтоб не губить себя.

Альбин

Но Полиевкт из тех, чью знатность уважают,
Притом ему вы тесть, и Деций это знает...

Феликс

Но против христиан суров его закон!
Преступник тем вредней, чем благородней он.
А если стало всем известно преступленье,
Ни в дружбе, ни в родстве не может быть спасенья.
Законность соблюдать способен только тот,
Кто и в своем дому виновного найдет!

Альбин

Но если пощадить вы зятя не решитесь,
К защите Деция бесстрашно обратитесь!

Феликс

За это мне Север жестоко отомстит —

И ненависть его и власть меня страшит,
Великодушен он и честен — это верно,
Но зятя моего провинность непомерна,
Да и моей вины Север не позабыл,
Его не понял я, отринул, оскорбил,
Он мне попомнит брак несчастной Паулины,
Он Децием любим, он — воин, он — мужчина!
За оскорбленье мстить предписывает честь,
Тем паче, ежели отличный повод есть.
Недоброе во мне возникло подозренье:
Мечту лелеет он — любимой возвращенье!
От вести, что теперь соперник может пасть,
В нем изгнанной любви опять воскресла власть.
Ты можешь посудить, насколько будет кстати
Намеренье мое спасти от казни зятя!
И как простит Север мне приступ доброты,
Который истребит опять его мечты!
Презреннейшую мысль в душе я удушаю —
Она и льстит и злит, упорно искушая;
Мне честолюбие стремится навязать
Мечту, которую постыдно рассказать:
Мне Полиевкта жаль как зятя и как сына,
Но может и другой стать мужем Паулины,
И брак такой меня стократно вознесет,
Мне обеспечив вновь и славу и почет!
Позорную в душе я радость ощущаю,
Но с нею я борюсь, я сам себе внушаю,
Что честен сердцем я, что верен я богам,
Что совратить себя предательству не дам!

А л ь б и н

О, слишком вы добры! Высок ваш дух прекрасный!
Но как же наказать проступок столь опасный?

Ф е л и к с

В темницу я спешу — удастся, может быть,
Мне гордый дух его угрозой победить!
А после дочь моя его увидит тоже...

А л ь б и н

А если будет он упрям и стоек все же?

Ф е л и к с

Ты досаждаешь мне! В тревоге я опять —
Не зная, что решить, не знаю, что сказать...

А л ь б и н

Как верный ваш слуга, я вас предупреждаю —

Волнуется народ, судьбы его не зная,
Он в городе любим, и царской крови он —
Нельзя, чтоб римский с ним расправился закон!
Боюсь, его спасти пытаться будут даже,
Я окружил тюрьму удвоенною стражей.

Феликс

Немедленно его перевести сюда,
Охрана у меня надежная всегда!

Альбин

Попробуйте его заставить выйти сами!
Сдержите гнев толпы, бушующий, как пламя!

Феликс

Идем! И если он еще неукротим,
Без ведома толпы расправимся мы с ним!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Полиевкт, Клеон, трое других стражей.

Полиевкт

Что нужно от меня?

Клеон

Вас просит Паулина!

Полиевкт

Вот страха моего сильнейшая причина!
В тюрьме я был силен и был непобедим,
Мне Феликс угрожал — смеялся я над ним.
Оружье выбрал он для новых истязаний,
Не палачей боюсь, боюсь ее рыданий!
О боже! Видишь ты, как трудно мне сейчас,
Защиты у тебя молю я в первый раз!
И ты, мой добрый друг, в сиянье божьей славы
Взирающий на путь тернистый и кровавый,
Ты видишь, мой Неарк, сильны мои враги!
Ты руку мне подай, утешь и помоги!
Солдаты! Кто дерзнет — открыто вас прошу я —
Мне оказать сейчас услугу небольшую?
Я не хочу бежать — я смерти буду рад,
И охранять меня довольно трех солдат.
Четвертый пусть пойдет и пусть любой ценою

Севера умолит увидеться со мною,
Мы с ним поговорим спокойно, как друзья,
Чтоб он счастливо жил и мирно умер я!

Клеон

Исполнить ваш приказ я рад без промедленья!

Полиевкт

Север тебя, мой друг, вознаградит за рвенье!
Иди же, торопись! Тебя с волненьем ждут!

Клеон

Иду и возвращусь за несколько минут!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стражи отступают в глубь сцены.

Полиевкт.

Полиевкт

О, страсти нежные! Зачем вы душу жжете!
Источник сладостный блаженства бытия!
Постыдная любовь к земной красе и плоти —
Зачем вы вновь со мной — ведь вас отринул я!
Что почести людей? Пристрастья? Развлеченья?
Их радостный наряд,
Как яблоневый сад,
Навек исчезнуть им легко в одно мгновенье,
Им свойственно стекла блистанье и горенье,
Но хрупкостью стекла они блестят!

Так не надейтесь же, что я о вас вздыхаю,
Напрасна ваших чар бессильных красота,
Пусть, в роскоши своей тщеславной утопая,
В стране живут враги спасителя Христа!
Но и на них господь свой мудрый меч подъемлет,
Страшат превратности владык!
Он — судия, чей грозный лик
Счастливцев ужасом объемлет!
Неотвратимый рок не дремлет,
И близится нежданный страшный миг!

О, кровожадный тигр! О, Деций нечестивый!
Господь тебя терпел — твой жребий был сокрыт,
Но близится к концу твой гордый век счастливый —
Вам скиф за христиан и персов отомстит!

Намечен час, и он наступит, неминучий,
Ничто владыку не спасет!
Гром на главу его падет!
Уже нависла кара тучей —
Не отвести удар могучий!
Готово все — возмездие идет!

Пусть гневный Феликс мне расправой угрожает,
Велик соперник мой, а я отныне слаб!
Пускай, меня убив, ему он угождает,
Он любит власть свою, но властвует, как раб!
Погибнуть я готов — мне радостна кончина,
Я не жалею благ земных,
Давно отрекся я от них,
Я дал обет христианина,
И мне отныне Паулина —
Препятствие во всех намереньях моих!

О, радости святых, небесных наслаждений!
Восторг живых сердец, способных их принять!
О, дивный трепет душ! Блаженство просветлений!
Спасенье от страстей! Святая благодать!
Вы обещаете, что, позабыв невзгоды,
Мы благо вечное найдем,
Как счастья, мы кончины ждем,
Как рокового перехода
Туда, где не хотят свободы
И не жалеют ни о чем!

Гори во мне, огонь святой, неугасимый!
Теперь не страшно мне увидеться с любимой —
Я вижу милый лик, но в сердце новый свет,
И прежних чар любви в свиданье этом нет!
Мой просветленный взор в ее прекрасном взоре
Не видит повода для страсти и для горя!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Полиевкт, Паулина, стражи.

Полиевкт
Зачем явилась ты? Любя или кляня?
Меня разубеждать иль поддержать меня?
Великодушие любви твоей высокой

Мне будет помощью иль хитростью жестокой?
Ты ненависть ко мне иль дружбу принесла?
Как враг иль как жена ты к пленнику пришла?

П а у л и н а

Нет у тебя врагов, но, всем народом чтимый,
Для самого себя ты враг неумолимый!
Ты можешь воплотить мой страшный темный сон,
Но — только пожелай, и будешь ты спасен!
Как ни было твое безумно преступленье,
Раскаянье тебе дарует отпущенье,
Народ к тебе хранит почтенье и любовь,
Он знает — кровь твоя — царей армянских кровь.
Сам Деций ценит нрав и разум твой прекрасный,
Твой тесть — провинции правитель полновластный,
О том, что есть и я,— не стоит говорить,
Не ты, а я богов должна благодарить!
Блеск подвигов твоих, твое происхожденье —
Все укрепляет в нас надежду на спасенье!
Зачем же отдаешь ты в руки палача
И жизнь свою, и честь, и славу сгоряча?

П о л и е в к т

Об этом думал я — всему я цену знаю
И никаких надежд безумных не питаю,
И преходящих благ я не ценю земных —
Опасности всегда подстерегают их,
Нас похищает смерть, играет случай нами —
Сейчас на троне ты, а завтра — в грязной яме,
А цезарей успех так много зла плодит,
Что долго ни один на троне не сидит!
И я честолюбив, мне тоже слава снится,
Но слава смертных — миг, а божья — вечно длится,
Блаженству светлых душ земной не страшен срок
Их зависть не страшит, их не пугает рок,
Ужель такой удел не стоит жизни бледной,
В которой только миг ласкает нас бесследный,
Которую легко внезапно потерять,
В которой ничему не нужно доверять?

П а у л и н а

Вот — бредни христиан восторженно-смешные,
Вот как морочат их мечтанья неземные,
Им кровь не жаль пролить за эту благодать!
Но кто вам право дал всю кровь свою отдать?
Ты получаешь кровь от предков, по наследству,

Перед отчизной долг тебя связует с детства —
Народу и стране кровь отдавать свою!

Полиевкт

И я готов за них отдать ее в бою!
Я знаю, что герой любим страной по праву,
Что предки Деция ему даруют славу,
Шесть сотен лет уже гордится ими Рим,
И как потомок их народом Деций чтим!
Народу жизнь моя принадлежит, я знаю!
Правителя я чту, но бога — почитаю,
Я за свою страну геройской смерти рад,
Но смерть за господа — превыше всех наград.

Паулина

А кто твой бог?

Полиевкт

Молчи! Он всех нас слышит, строгий,
Не то что ваши те, бессмысленные боги —
Из мрамора они и злата, но мертвы —
Порочные, как вы, бессильные, как вы!
Мой бог — единый бог! Он всем повелевает —
И небо и земля иных богов не знает!

Паулина

Так чти его в душе, зачем открыто чтить?

Полиевкт

Язычником нельзя христианину быть!

Паулина

Север вернется в Рим — тогда без промедленья
По милости отца получишь ты спасенье!

Полиевкт

Мне милости отца небесного нужней —
Он указует мне вернейший из путей,
От благости его я получаю право
Восторженно идти к венцу небесной славы!
Его дыханья вихрь несет меня вперед,
Я только что крещен, а смерть уже зовет!
О, если б знала ты, как жизнь мелка и бренна
И как дары, что смерть несет,— благословенны!
Но стоит ли твердить о тайнах высших сил
Сердцам, которых бог еще не просветил?

Паулина

Как буря, скорбь моя поднимется, жестокий,
Обрушив на тебя печальные упреки!

Где клятвы? Где любовь? Где твой восторг и пыл?
Какие чувства ты к супруге сохранил?
Ты вспомнил ли, что, смерть приняв по доброй воле,
Мне, беззащитной, ты готовишь злую долю?
Я думала — любовь твоя еще сильна
И жалость пробудить в душе твоей должна,
Но где твоя любовь, упорная когда-то,
Которую хранить я обещала свято?
Как можешь ты уйти, не плача, не стеня,
Смертельно поразив несчастную меня?
Неблагодарный, ты навек меня бросаешь
И радости своей не прячешь, не скрываешь!
Навеки разлучен со мной, мечтаешь ты
Быть счастлив без моей злосчастной красоты!
Я — жалкая раба по воле Гименея
И власти над тобой уж больше не имею!

Полиевкт

Увы!

Паулина

Свое «увы» ты вымолвил с трудом —
Раскаянье твое не отразилось в нем!
Но что же вижу я? О, миг неповторимый!
Он тронут! Он смущен! Он плачет, мой любимый!

Полиевкт

Да, плачу я! Господь, владыка высших сил,
По милости своей мне сердце растворил —
Печальный твой удел, судьбою предрешенный,
Достоин этих слез любви моей законной!
И если в небесах не стихнет боль моя,
Отчаянье твое и там оплачу я!
Но если, всеблагой во славе и сиянье,
Всевышний снизойдет к мольбе моих страданий,
Он слепоте твоей дарует новый свет,
Супружеской любви благословив обет.
О господи! К твоей я доброте взываю —
Взгляни, как хороша душа ее живая!
Не христианкою нельзя остаться ей,
Не зная дел твоих и благости твоей!
Не должно, чтоб в аду рабынею покорной,
Ей было суждено погибнуть в скорби черной!

Паулина

Что говоришь! Чего посмел ты пожелать?

Полиевкт
Всю кровь свою готов за это я отдать!
Паулина
Пусть лучше...
Полиевкт
Не ищи от господа спасенья,
Нежданно он сердцам дарует просветленье!
Прекрасный этот миг настанет, верю я,
И сбудется мечта священная моя!
Паулина
Люби меня! Оставь химеры!
Полиевкт
Дорогая!
Лишь господа тебя превыше почитаю!
Паулина
Ты любишь? Так молю — меня не покидай!
Полиевкт
Ты любишь? Так за мной на верный путь вступай!
Паулина
Меня бросаешь ты и соблазняешь тоже!
Полиевкт
Тебя веду с собой, и нам господь поможет!
Паулина
Безумные мечты!
Полиевкт
Небесной правды свет!
Паулина
Ты странно ослеплен!
Полиевкт
Иной дороги нет!
Паулина
Кончину предпочел ты брачному обету!
Полиевкт
А ты греховный мир — божественному свету!
Паулина
Иди же! Умирай! Меня ты не любил!
Полиевкт
Будь счастлива! Забудь, что я когда-то жил!
Паулина
Да, я уйду, уйду! И о тебе забуду!
Я ухожу!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Полиевкт, Паулина, Север, Фабиан, стражи.

Паулина

Зачем пришли вы и откуда?
Север! Как мог ваш дух столь беспощадным быть,
Чтоб узника прийти в несчастье оскорбить?

Полиевкт

Напрасно говоришь ты злые эти речи,
Поверь, я сам его просил об этой встрече.
Я, доблестный Север, возможности лишен
Достойно вас принять, поскольку заточен.
Сокровище свое — владелец недостойный —
Я перед смертью вам вручу с душой спокойной!
Я оставляю ту, в ком соединены
Все добродетели редчайшие жены,
Тому, чья прямота и честь неоспоримы,
Ценнейшему из всех сынов земли и Рима!
Ее достойны вы, достойна вас она —
И ваша честь мой дар отвергнуть не должна!
Я вас разъединил — по смерти все исправлю
И пламя ваших чувств опять гореть заставлю.
Сердца соединив, желаю вам, друзья,
И счастливо прожить и умереть, как я!
Теперь я все сказал, исполнил все желанья,
Теперь могу на смерть идти без колебанья!
Пусть уведут меня!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Север, Паулина.

Север

О боги! Я смущен!
Мне жаль, что гибнет он, безумьем ослеплен!
Так странно мне его чудесное решенье,
Что я своим ушам не верю от волненья!
Он нежно любит вас! (А разве может быть,
Чтоб видеть вас и знать — и не боготворить?)
Он любит! Он любим! Он вами обладает,

И он бросает вас — вернее, уступает —
Вас, как фатальный дар, он отдает тому,
Кто волей неба был соперником ему!
Огромна христиан неистовая вера
В то, что блаженству их нет ни границ, ни меры,
И отдают они безропотно почти
То, что ценою царств нельзя приобрести!
Но я, будь жребий мой счастливей и полнее,
И мне достались вы во храме Гименея —
Сиянье ваших глаз я был бы чтить готов,
Как волю всех владык и волю всех богов!
И будь я втоптан в прах — ни ужас, ни страданье,
Ничто...

П а у л и н а

Довольно слов! Былых страстей пыланье
В сердцах еще горит, и я страшусь, что вновь
Разбудит в нас теперь преступную любовь.
Вы знаете меня, и мне сейчас поверьте—
Несчастный Полиевкт уж на пороге смерти,
Вот-вот он навсегда расстанется со мной —
И были вы всему невольною виной.
Не знаю, может быть, покорны зову страсти,
Несчастья ждете вы с надеждою на счастье?
Но, помните, мой дух ничем неустрашим —
Я на любую казнь последую за ним.
Уж лучше мне в аду переносить страданья,
Чем другу изменить в минуту испытанья,
И после казни злой супругой стать тому,
Кто как-то повредил иль мог вредить ему!
Пришлось бы мне, свершив проступок столь позорный,
Любовь сменить стыдом и ненавистью черной!
Великодушны вы! Я верю вам без слов!
Я знаю — мой отец для вас на все готов,
Он ваш покорный раб и, обуян боязнью,
Вам мыслит угодить ужасной этой казнью.
Так запретите ж казнь! Короткий ваш приказ
Супруга мне вернет и возвеличит вас!
Просить об этом вас я не имею права!
Чем подвиг ваш трудней, тем выше будет слава!
Сопернику и жизнь и счастье возвратить —
Такое только вы способны совершить!
Но если вам такой высокой славы мало,
Вас тронет мысль о том, что вас благословляла

Любимая за то, что вы вернули ей
Ценнейший дар богов по милости своей!
А если вы не тот, каким я вас любила,—
Позвольте мне, чтоб я об этом позабыла.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Север, Фабиан.

Север

Вновь громовой удар, мой верный Фабиан!
Рассеян, как мираж, надежд моих туман —
Чем ближе мнился он, тем дальше оказался,
Все потерял я вновь, чем в грезах наслаждался,—
Упрямая судьба стремится мне вредить,
Опять ей удалось надежду задушить!
Отказы слышу я, не высказав признанья,
Печален и смущен упорством осмеянья,
Как горестно, увы, как стыдно мне признать,
Что жалкую мечту не в силах я прогнать.
А та, кого люблю, мне в этот час жестокий
Великодушия преподает уроки!
Прекрасен ум ее, судьба ее грустна,
Но жестока в своем величии она...
Любимая! Печаль жестокой вашей боли
Несчастного меня терзает поневоле.
Не только потерять — я должен вас отдать,
Соперника прося вас полюбить опять!
Безжалостный к себе, покорно, не ревнуя,
У смерти отниму и вам его верну я!

Фабиан

Пора бы вам забыть злосчастную семью —
Пускай их судит рок, щадите жизнь свою!
Кого спасете вы? Зачем вам их спасенье?
Какая будет вам награда в утешенье?

Север

Я жажду доказать возлюбленной моей,
Что благородством чувств я все же равен ей!
Что друг для друга нас предназначали боги,
И, нас разъединив, к нам были слишком строги!

Фабиан

Не надо докучать упреками богам,
Поступков ваших пыл сейчас опасен вам,
Вы, собственной судьбой рискуя без причины,

Хотите от суда спасти христианина!
Забыв, что Деций наш об этой секте злой
Относится всегда с презреньем и хулой!
Проступок дерзкий ваш его разгневать может
И милости его мгновенно уничтожит!

Север

Для заурядных душ подходит твой совет!
Я Децию слуга, но быть рабом — о нет!
Судьбой и жизнью он моей повелевает,
Но честь моя ему подвластна не бывает.
Я слышу чести зов — ему покорен я,—
И пусть потом судьба изменится моя,
У каждого из нас судьба непостоянна,
Но доблестная смерть для каждого желанна!
Притом скажу тебе, мой верный Фабиан,
Клевещут часто зря на секту христиан!
Причин тому отнюдь не зная и не видя,
Наш Деций сам не прав, их слепо ненавидя!
Из любопытства я приглядывался к ним —
В деяньях колдовских мы часто их виним,
И часто их казнит народа воля злая,
Обрядов таїных их пока не понимая!
Но Элевксинские обряды все же чтим,
Хотя не знают их ни Греция, ни Рим,
Притом в чести у нас не только наши боги —
Лишь к богу христиан мы почему-то строги!
Египетским смешным, чудовищным богам
Построил гордый Рим великолепный храм,
Уже давно людей мы делаем богами,
Наполнив небеса царями и вождями,
Но как ни пышен их имен апофеоз —
Сомнителен эффект таких метаморфоз!
Бог секты христиан — единый, неизменный —
Все волею его творится во вселенной,
А наши как-никак, по чести говоря,—
И ссорятся, как мы, и часто спорят зря!
Пусть за мои слова я понесу расплату —
У нас богов, сказать по правде, многовато.
Поверь мне: хороши и нравы христиан —
Все чтут они закон, который богом дан,
Их гонят, их клеймят, поносят, истязают,
Но молятся они за тех, кто их терзает.
Солдат надежней их не знает гордый Рим —

Христианин везде, всегда неустрашим!
Отчаянны в бою, пред казнью не строптивы —
Они смелы, как львы, как агнцы, незлобивы!
Я так жалею их, что должен защищать!
Мы с Феликса начнем: его злосчастный зять
Не должен быть казнен! Его спасти хочу я,
И чести и любви победу торжествуя!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Феликс, Альбин, Клеон.

Феликс
Ты видел, мой Альбин, как был Север жесток?
Как пышет ярость в нем, как мой плачевен рок!
Альбин
Лишь благородство в нем я видел, восхищаясь,
И вашей строгости отцовской изумляясь!
Феликс
Ты чувств его понять не в силах до конца —
Он презирает дочь несчастного отца.
Да, он ее любил, но, став женой другого,
Она рождает в нем порывы чувства злого.
Соперника спасти от казни он велит,
Он просит за него, он местью мне грозит.
Великодушие — отличная личина,
Но доброты его понятна мне причина —
Я при дворе давно и зла людских интриг
Немало повидал, до тонкости постиг.
Притворно грозен он, притворно строг со мною,
Но императору он говорит иное.
Я, подчинясь ему, переступлю закон,
Казнив его врага, им буду обвинен.
Поставлены силки искусно и умело,
Но тут не с новичком Север имеет дело.
Я опытен и стар, не верю я словам,
И обмануть себя, играть собой не дам!
Коварства я встречал такие проявленья,
Что каждому давать способен наставленья!
Альбин
Не веря никому — как жить и как дышать?

Ф е л и к с

Науку я постиг врагов разоблачать.
Кто ненавидеть нас имеет основанья,
Тот может нас предать без тени колебанья.
Севера доброта — не боле чем обман,
И если Полиевкт не бросит христиан,
Что б мне ни приказал его защитник ярый,
Я выполню закон, ему грозящий карой!

А л ь б и н

Но пощадите дочь несчастную свою!

Ф е л и к с

Лишь императора я волю признаю!
Ненужной добротой безумца не спасу я.
Но вместе с ним себя я погубить рискую!

А л ь б и н

Но обещал Север!

Ф е л и к с

Не верю я ему!
Я Децию сейчас покорен одному!
Я больше, чем Север, привык его страшиться —
Ужасно гнев его способен разразиться.
Как ни любим Север, но он рискует пасть,
Преступника щадя и послабляя власть.
Но есть последний шаг.
(Клеону.)
Введите Полиевкта!
Я с ним поговорю, и если мерзкой секты
По просьбе всех друзей не сможет бросить он —
Он будет в тот же день немедленно казнен!

А л ь б и н

Ваш приговор суров!

Ф е л и к с

Он должен быть суровым,
Чтоб смутам помешать и беспорядкам новым.
Я знаю, что толпа в пылу своих страстей
Способна забывать о строгости властей;
Я знаю — он любим! И в случае волненья
Не просто удержать в руках бразды правленья!
Быть может, нынче иль с приходом только дня
Мы все увидим то, что так страшит меня,
И добрый наш Север тогда, пылая местью,
Направит прямо в Рим жестокое известье!
Но я опережу завистников моих!

Альбин

Вас вечно мучит страх каких-то козней злых!
Вам бредятся враги, коварства, ухищренья,—
Но эта смерть народ повергнет в исступленье!
Отчаянье толпы вредит ее вождям!

Феликс

Когда свершится казнь — не страшен ропот нам!
Пускай народ шумит, пускай восстать решится —
Неистовство его не больше дня продлится!
Я выполню свой долг и буду невредим,
Но Полиевкт идет — поговорю я с ним!
Солдатам выйти прочь и ждать распоряженья!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Феликс, Полиевкт, Альбин.

Феликс

Ужели жизнь тебе внушает лишь презренье,
Несчастный Полиевкт? Ужели ваш закон
Повелевает вам бросать отцов и жен?

Полиевкт

Я ненависти чужд, я цену жизни знаю,
Но власти личных чувств, как рабства, избегаю!
Всечасно рад я жизнь за господа отдать,
И в этом христиан закон и благодать.
Я только дал пример, как верой жить одною,
И те, кто сердцем чист,— последуют за мною.

Феликс

Чтоб в бездну сгоряча бросаться, как и ты?

Полиевкт

Нет! Чтобы, неземной достигнуть высоты!

Феликс

Так дай же мне постичь суть вашего ученья,
Решенье принял я — веди меня к спасенью!
Ты должен обратить меня и просветить —
Ведь может бог тебя и за меня спросить!

Полиевкт

Здесь неуместен смех! Господь нас всех рассудит,
И от него нигде спасенья вам не будет,
Цари и пастухи — все перед ним равны,
За пролитую кровь ответить все должны.

Ф е л и к с

Я больше проливать невинных кровь не стану,
Я веру христиан порочить перестану,
Я буду другом им!

П о л и е в к т

Нет, будьте уж врагом!
Терзанья к богу нас ведут прямым путем,
Блаженство христиан — тягчайшие страданья,
За них получим мы от бога воздаянья,
Премудрый, он ведет учет мирским делам,
Гонения и смерть дает в награду нам,
Но этих дивных тайн ваш ум не понимает —
Лишь избранным своим господь их открывает!

Ф е л и к с

Поверь мне! Я бы рад христианином стать!

П о л и е в к т

Что ж может столь благим намереньям мешать?

Ф е л и к с

Присутствие лица...

П о л и е в к т

Кого? Ужель Севера?

Ф е л и к с

Да, притворялся я суровым свыше меры,—
Но притворись и ты, пока он здесь у нас!

П о л и е в к т

Так вот зачем со мной хитрили вы сейчас!
Нет! Ядовитый мед своей приманки льстивой
Языческим богам несите, нечестивый!
Христианин не лжет! Он верой укреплен!
Нигде, ни перед кем не знает страха он!

Ф е л и к с

Но смерти жаждешь ты — греховно это рвенье.
Ужель ты моего не хочешь обращенья?

П о л и е в к т

Вас к богу обращать не стоило б хлопот,
Ведь вера — божий дар, а не рассудка плод!
И этот дар для вас скорее испрошу я,
Представ перед лицом того, кому служу я!

Ф е л и к с

Но потерять тебя мне будет тяжело!

П о л и е в к т

О, вам весьма легко исправить это зло,—

Вы, зятя потеряв, другого обретете,
Поскольку новый зять у Деция в почете,
Потеря первого вам выгодна вдвойне!

Ф е л и к с

Зачем так плохо ты относишься ко мне?
Твои заслуги я ценю и уважаю,
Но, доброту мою всечасно раздражая,
Ты дерзостью своих неосторожных слов
И мой пробудишь гнев, и даже гнев богов!

П о л и е в к т

Как вам легко сменить язык и настроенье —
Уже к былым богам я вижу уваженье!
Уже угас порыв христианином стать,
И без личины вы передо мной опять!

Ф е л и к с

Неужто думал ты, что доверять я стану
Твоих учителей безумному обману?
Я только льстил тебе, надеясь чем-нибудь
От пропасти тебя постыдной оттолкнуть,
Законный приговор я отложить старался,
Любимца Деция разумно опасался,
Но мягкостью своей я прогневил богов —
Признай же их опять иль к смерти будь готов!

П о л и е в к т

Я сделал выбор свой! Но, боже, Паулина!
О, небо!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ф е л и к с, П о л и е в к т, А л ь б и н, П а у л и н а.

П а у л и н а

Кто из вас готовит мне кончину?
Вы оба мне враги иль каждый в свой черед?
Кто — муж или отец — мне гибель принесет?
Кто скажет мне одно врачующее слово?

Ф е л и к с

Вот муж — спроси его!

П о л и е в к т

Вернись к Северу снова!

П а у л и н а

Злодей! Убей меня, но оскорблять не смей!

Полиевкт

Любовь моя скорбит об участи твоей!
Когда терзает нас такой тоски мученье,
Лишь новая любовь приносит излеченье.
За доблести свои он был тобой любим,
Не можешь ты сейчас не восторгаться им.
Его любила ты, он любит, он у власти...

Паулина

Зачем же упрекать меня в минувшей страсти,
Которую, тебя безропотно любя,
Сумела я смирить, чтоб не гневить тебя!
Взгляни, как был силен противник твой опасный,
Победой только мне обязан ты, злосчастный.
Решив тебя любить, я не щадила сил,
Чтоб победитель мой тебя не победил.
Ужель настолько ты неблагодарен ныне,
Что не вернешь себя печальной Паулине?
Сумей смирить себя покорно, как она.
Ты слеп — тебе рука ведущая нужна!
Верни ей жизнь свою, поверь — беспрекословно
Всю жизнь свою тебе отдаст она любовно!
Но если все мольбы ты оттолкнуть готов,
Поверь ее слезам, не веря силе слов,
Не доставляй душе влюбленной огорченья!

Полиевкт

Есть только два пути и только два решенья —
К Северу возвратись или умри со мной,
Язычницею будь иль верною женой,
Как ни люблю тебя и как ни уважаю —
Не христианкою тебя не принимаю!
Довольно! Что же, тесть! Пора! Зови солдат,
Пускай за всех богов мне палачи отмстят!

Паулина

Отец! Он виноват! Мне горестно и жутко!
Отец! Разумны вы, а он лишен рассудка!
Но по природе чист и благороден он,
В нем образ доброты навек запечатлен.
Вы мой родной отец, и я поверить смею,
Что сжалится отец над дочерью своею!
Виновен мой супруг, но мною он любим,
И если он умрет, умру я вместе с ним!
Все боги, увидав невинности мученья,

Сочтут, что эта казнь преступней преступленья.
Осудят смерть мою и столь жестокий суд
И праведный закон неправым назовут.
Вы наши две судьбы навек связали властно,
Мы счастливы вдвоем или вдвоем несчастны!
Ужель отцовский гнев так зло несправедлив,
Что вновь разъединит, навек соединив?
Срастаются сердца по воле Гименея,
Их можно только рвать, разрознить не умея,
Но к горестям моим вы сердцем не мертвы,
И, как отец, мой стон должны услышать вы!

Ф е л и к с

Да, дочь моя! Отец всегда родитель нежный,
Силен в сердцах закон природы неизбежный,
Твои тоска и боль пронзили сердце мне,
С тем, что безумен он, согласен я вполне!
Несчастный Полиевкт! В жестоком исступленье
Ты жаждешь доказать весь ужас преступленья —
Ужель не узнаешь ты тестя и жены?
Ужель тебе ни страсть, ни дружба не нужны?
Такие слезы зреть ты можешь без вниманья,
Такой любви тоску встречать без содроганья!
Ужели мы должны тебе, супруг и зять,
Моля вернуться к нам, колена лобызать?

П о л и е в к т

Как мне противны вы и ваши ухищренья!
Все пробовали вы — угрозы и моленья,
Заставили меня Неарка смерть узреть,
Хотели страсть в груди остывшей разогреть,
Притворно предо мной вы жаждали крещенья,
Всевышнего ввести пытались в заблужденье!
О, мерзостный союз! О, козни адских сил!
Как торжествую я, что все же победил!
Уж слишком часто вы меняли поведенье,—
Я с вами не хитрю — я тверд в своем решенье!
Мой бог — единый бог, творец, пред кем дрожат
И небо, и земля, и даже черный ад!
А он, любя людей, за наши прегрешенья
Принять решился смерть и лютые мученья.
По милости своей он мир от смерти спас
И ныне отдает себя за грешных нас!
Я сознаю: слепцам вещаю я напрасно,

И заблужденье их нелепо и ужасно.
Смотрите, как богов черните вы своих —
Преступникам пример явит любой из них —
Прелюбодейство, блуд, разврат, кровосмешенье,
Убийство, воровство — любое преступленье
Вы небожителям прощаете своим,
Да, осквернил я храм, где вы молились им!
Я это повторю во славу нашей веры
В присутствии отца, в присутствии Севера!
Не страшен мне сенат, не страшен Деций сам!

Ф е л и к с

Нет! Больше над собой глумиться я не дам!
Ты должен чтить богов иль ты умрешь, строптивый!

П о л и е в к т

Нет, я христианин!

Ф е л и к с

Безумец нечестивый!
Ты должен чтить богов, иль будешь ты казнен!

П о л и е в к т

Нет! Я христианин!

Ф е л и к с

Достоин смерти он!
Солдаты! Взять его!

П а у л и н а

Куда?

Ф е л и к с

На казнь!

П о л и е в к т

К спасенью!
Прощай, мой друг, не плачь, я не боюсь мученья!

П а у л и н а

Нет! Я пойду с тобой! Умрешь — умру и я!

П о л и е в к т

Сумей прозреть, как я, любимая моя!

Ф е л и к с

Убрать его! Убрать! Приказ мой стража знает!
Погибнуть жаждет он! Так пусть же погибает!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Феликс, Альбин.

Феликс

Мне над собою власть пришлось употребить,
Иначе доброта могла б меня сгубить.
Конец! Теперь пускай народа гнев пылает,
Пускай Север горит, сверкает, громыхает!
Усилие сумел я сделать над собой!
Ты удивлен, мой друг, суровостью такой?
В сердца таких, как он, проникнуть невозможно,
И кроется в них все, что низко и безбожно!
Спокоен я душой — я не был зол и строг!
Я, чтоб его смягчить, ничем не пренебрег,
Притворством я хотел смирить его безумства,
И если б не его последние кощунства,
Которые во мне зажгли и страх и гнев,—
Как жалок был бы я, стать грозным не успев!

Альбин

Вы проклянете день победы этой черной,
Вам, римскому вождю, постыдный и позорный!
Как вы могли свершить поступок злой такой,
Чтоб собственную кровь пролить своей рукой?

Феликс

И Брут и Манлий так однажды поступили,
Но славы дел своих отнюдь не умалили,
Свою дурную кровь геройски невзлюбя,
Они могли порой разить самих себя!

Альбин

Усердие, увы, ваш разум искушает,
И жаль, что сердце вам оно порой смущает
Но, дочери своей отчаянье узрев,
Забудете вы все — усердие и гнев!

Феликс

Да, ты напомнил мне — с изменником злосчастным
Она сейчас ушла в отчаянье опасном
И может моему приказу помешать!
Иди туда! Спеши! Беги и все уладь!

Не нужно, чтоб она супруга смерть видала!
Веди ее сюда во что бы то ни стало!
Утешь ее, чтоб нам с ней не было хлопот!
Ну, что же медлишь ты?

Альбин

Она сюда идет!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Феликс, Альбин, Паулина.

Паулина

Отец-злодей, свершай, свершай свое деянье!
Свою вторую казнь — несчастных поруганье!
Что медлишь ты? Узнай — и зять и дочь твоя
Виновны! Я тебе признаюсь, не тая.
Соедини же нас — супруг мой, умирая,
Мне душу просветил, открыв дорогу к раю!
От палачей твоих он пролил кровь свою,
Но я прозрела! Я блаженство познаю!
Да, да, я крещена, я верую, я знаю!
Он просветил меня, и кровь его — святая!
Да, христианка я, бери меня, казни!
И свой высокий сан усердьем сохрани!
Ты, Деция страшась, Севера опасаясь,
Обязан дочь свою казнить, не сомневаясь!
На радостную смерть супруг меня зовет,
Я вижу, что Неарк мне руку подает!
Теперь к твоим богам я чувствую презренье,
Теперь и я, как он, хочу их истребленья!
Открыто крикну я, что идолы мертвы,
Я не боюсь их стрел — их выдумали вы!
Впервые, вопреки дочернему почтенью,
Не проявляю я к отцу повиновенья,
Не горе мне велит так смело поступать,
Не злой тоски порыв, а божья благодать!
Что мне еще сказать? Я христианка, знайте!
Радея о себе, меня на смерть отдайте!
Обоим эта смерть сулит не боль, не страх,
Вам — счастье на земле, мне — счастье в небесах!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Феликс, Север, Паулина, Альбин, Фабиан.

Север

Безнравственный отец! Злодей! Хитрец злосчастный!
Честолюбивый раб трусливости ужасной!
Убит ваш славный зять! И полагали вы
Себя спасти ценой ценнейшей головы!
А я, безумный, я, несчастного жалея,
Вступившись за него, сгубил его вернее!
Я угрожал, молил, но я не тронул вас —
Себя унизил я, но тем его не спас!
Но помните! Мой гнев вас скоро уничтожит —
Не хвалится Север тем, что свершить не может!
И, погибая, вы поймете, может быть,
Что тот, кто погубил, тот мог и защитить!
Служите же богам, забыв о милосердье,
Явите им свое старанье и усердье!
Прощайте! Но когда над вами грянет гром,
Запомните, что я, ваш враг, радел о том!

Феликс

Послушайте меня, постойте, умоляю!
Возможность отомстить я вам предоставляю!
Увы! Напрасно я жестокостью хотел
Надежно укрепить счастливый мой удел!
Фальшивый этот блеск у ваших ног сложу я,
На жалкое свое безумье негодуя!
Неведомой теперь я силой укреплен —
Диктует волю мне таинственный закон,
Ведет меня души чудесное волненье
От ярости былой к блаженному прозренью.
Пред господом представ, мой убиенный зять
Мне, палачу, молил прощенье ниспослать.
Его святой любви высокое горенье
Меня и дочь мою влечет на путь спасенья!
Я стал ему отцом — он спас меня, как сын,
Он — мученик теперь, а я — христианин!
Вот мщенье христиан — любви святая сила,
Она и гнев, и боль, и злобу победила!

Идем же, дочь моя! Теперь хочу я сам
Быть в жертву принесен языческим богам!
Да! Христиане мы! Пускай враги нас судят!

П а у л и н а

Я обрела отца! Отец со мною будет!
О, чудо из чудес! О, счастья дивный свет!

Ф е л и к с

Величию творца границ и меры нет!

С е в е р

Кто может созерцать такие превращенья,
Не веря в чудеса, не чувствуя смущенья!
Напрасно христиан мы мучим и казним —
Они наделены величьем неземным.
Так целомудренны их добрые законы,
Что небеса дают им силы неуклонно!
Чем доля их трудней, тем выше доблесть их,
В них добродетелей сиянье не простых.
Я их всегда любил, хоть их молва чернила,
Когда казнили их, всегда мне грустно было,
Хотелось мне всегда поближе их узнать.
Мне кажется, нельзя за веру презирать!
Любого бога чтить я позволял бы людям —
Отныне христиан мы угнетать не будем!
Я их люблю, как друг, и вовсе не хочу
Уподобляться их врагу и палачу.
Вам, Феликс, вашу власть я ныне оставляю,
Служите господу, монарху угождая!
А я его любви и милостей лишусь,
Но прекращенья зла творимого добьюсь!
Он сам себе вредит своею злобой гневной!

Ф е л и к с

Да будет вам господь опорой повседневной
И да откроет вам, хотя б на склоне дней,
Великий свет любви и милости своей!
А мы, воздав хвалу великому Северу,
Пойдем предать земле приявших смерть за веру
И удостоенных пресветлого венца! —
И будем всюду чтить и величать творца!

ПОСВЯЩЕНИЕ

Сударь!

Я подношу вам пиесу, чей стиль настолько отличается от стиля предыдущей, что трудно поверить, будто обе они написаны одной и той же рукой в течение одной зимы. Столь же различны побудительные причины, заставившие меня над ними работать. Я написал «Помпея», дабы удовлетворить тех, кто не находил стихи «Полиевкта» такими же сильными, как стихи «Цинны», и дабы показать им, что я способен вновь обрести торжественность, когда сюжет мне это позволяет; я написал «Лжеца», дабы выполнить пожелания тех, кто, как всякий француз, любит перемены и кто, после такого количества серьезных поэм, коими перо наших лучших поэтов обогатило сцену, просил меня создать что-нибудь более веселое, предназначенное только для развлечения. В первом случае я пытался показать, чего могут достичь величие мысли и сила стихов без помощи увлекательного сюжета; в этой же пиесе я хотел использовать увлекательный сюжет, не подкрепляя его силою стихов. К тому же, будучи обязан своей первоначальной репутацией комическому жанру, я не мог полностью расстаться с ним, проявив тем самым своего рода неблагодарность. Как и в те годы, когда, рискнув покинуть комедию, я не осмелился положиться только на свои силы и, чтобы возвыситься до трагедии, решил опереться на великого Сенеку, у которого мною заимствовано все то исключительное, что он вложил в свою «Медею», так и теперь, при возвращении от героического к наивному, я не осмелился спуститься с такой высоты без помощи надежного проводника: я доверился знаменитому Лопе де Вега из страха заблудиться на поворотах столь многочисленных интриг нашего Лжеца.

Одним словом, здесь только копия превосходного оригинала, созданного Лопе де Вега и названного им «la Verdad sospechosa»; доверясь Горацию, который дает поэтам право дерзать так же, как и художникам, я думал, что, несмотря на войну двух корон, мне позволено иметь дела в Испании. Если деятельность подобного рода — преступление, то я уже давно в нем замешан, и речь тут идет не только о «Сиде», где я воспользовался помощью дона Гильена де Кастро, но также и о «Медее», о которой было говорено выше, и даже о «Помпее»: желая воспользоваться помощью

двух латинян, я на самом деле нашел поддержку у двух испанцев, так как Сенека и Лукан — оба из Кордовы. Тот, кто не захочет простить мне сношения с нашими врагами, должен будет согласиться, по крайней мере, с тем, что я их ограбил; и пусть считают сие кражей или заимствованием, мне настолько это понравилось, что у меня нет никакого желания на этом остановиться. Думаю, вы согласитесь со мною и не станете меньше меня уважать.

Остаюсь,

сударь,

вашим покорнейшим слугою.

Корнель

К ЧИТАТЕЛЮ

Хотя эта комедия, как и следующая за ней, придуманы Лопе де Вега, я не представляю вам их в том же порядке, как «Сида» и «Помпея», где в первом случае вы видели испанские стихи, а во втором — латинские, которые я перевел или написал в подражание Гильену де Кастро и Лукану. Хотя я многое заимствовал из великолепного оригинала, но так как события полностью мною перенесены в другую страну, а персонажи переодеты во все французское, то вместо удовлетворения вас ждет разочарование.

Например, если я заставляю нашего Лжеца хвастливо рассказывать о войне с Германией, где он якобы был, то испанец заставляет его говорить о Перу и Вест-Индии, откуда тот будто бы недавно вернулся; и то же самое происходит с большинством других событий, которые, хотя и следуют оригиналу, однако не имеют почти никакого сходства с ним ни по мыслям, ни по словам, их выражающим. Я ограничусь поэтому только признанием, что сюжет полностью принадлежит испанцу, в чем вы и убедитесь, перелистав двадцать вторую часть его комедий. В остальном я взял у него все, что могло согласоваться с нашими обычаями, и, если мне позволено высказать свои чувства относительно предмета, к которому я имею столь малое отношение, то, признаюсь вам, он очаровал меня настолько, что я не нахожу в этом жанре ничего ему равного как у древних, так и у новых авторов. Комедия остроумна от начала до конца, а события так верны и изящны, что, по-моему, надо быть в очень дурном настроении, чтобы не согласиться с их развитием и не порадоваться их воплощению на сцене.

Может быть, я поостерегся бы высказывать такое необычное почтение к этой поэме, если бы оно не было подкреплено мнением одного из лучших людей нашего века, который является не только покровителем ученых муз в Голландии, но также доказывает своим примером, что прелесть поэзии вполне совместима с самым высоким положением в политике и с самыми благородными занятиями государственного мужа. Я говорю о г-не де Зюилихеме, канцлере монсеньера принца Оранского. Это его г.г. Хейнсиус и Бальзак избрали арбитром в их знаменитом споре, адресовав ему свои

ученые рассуждения. И именно он счел возможным обратиться к публике с двумя эпиграммами, где высказано его отношение к этой комедии. Одна из эпиграмм написана по-латыни, другая по-французски, и помещены они в издании, выпущенном в свет Эльзевирами в Лейдене. Я тем более охотно воспроизвожу их здесь, что не имею чести быть знакомым с их автором, и потому его свидетельство не может вызвать каких-либо подозрений; никто не обвинит меня за это в тщеславии, ибо вся слава, приписанная им мне, должна быть отдана великому Лопе де Вега, о коем он, видимо, не знал как о первом авторе этого театрального чуда.

IN PRAE STANTISSIMI POETAE
GALLICI CORNELII
COMEDIAM, QUAE INSCRIBITUR MENDAX[1]

Gravi cothurno torvus, orchestra truci
Dutum cruentus, Gallice justus stupor,
Audivit et vatum decus Cornelius.
Laudem poetœ num mereret comici
Pari nitore et elegantia, fuit
Qui disputaret, et negarunt inscii;
Et mos, gerendus insciis semel fuit.
Et, ecce, gessit, mentiendi gratia
Facetiisque, quas Terentius, pater
Amœ nitatum, quas Menander, quas merum
Nectar deorum Plautus et mortalium,
Si sœ culo reddantur, agnoscant suas,
Et quas negare non graventur non suas.
Tandem poeta est: fraude, fuco, fabula,
Mendace scena vindicauit se sibi.

---

[1] О КОМЕДИИ, НАЗВАННОЙ «ЛЖЕЦ» И НАПИСАННОЙ ЗНАМЕНИТЫМ ГАЛЛЬСКИМ ПОЭТОМ КОРНЕЛИУСОМ

Строги котурны его и от зрелищ ужасных
След сохраняют кровавый,— Корнелиус признан
Галлией всей, и увенчан он славой поэта.
Но и в комедии истинным был он поэтом,
Также и в ней проявляя свой блеск и уменье,
Хоть и встречались глупцы, отрицавшие это,
И приходилось порою считаться с глупцами.
Ныне, взяв ложь под защиту, он создал такое,
Что́ ни Менандр, ни Теренций, отец остроумья,
Ни даже Плавт, этот чистый нектар, услаждавший
Смертных людей и богов, не посмели б отвергнуть;
Если б воскресли, своим бы охотно назвали.
Он настоящий поэт, и заметить нетрудно,
Как, опираясь на выдумку, ложь, ухищренья,
Сцена вступает в права и царит безраздельно.

Cui Stagiœ venit in mentem, putas,
Quis qua proe ivit supputator algebra,
Quis cogitavit illud Euclides prior,
Probare rem verissimam mendacio?

Constanter, 1645.

Г-НУ КОРНЕЛЮ О КОМЕДИИ «ЛЖЕЦ»

О «Лжец» прославленный, чудесное творенье,
Которое Маас повергло в изумленье
И Рейн, и Тибр, и По заставило краснеть
За то, что им самим не довелось узреть
На берегах своих плодов, сравнимых с этим.
Теренций вдруг воскрес, Плавт ожил! Но заметим
Мы равнодушье иль презренье мудрецов:
Им не по вкусу «Лжец». А я не так суров
И думаю, что он нуждается в опоре,
И в снисхождении, и в добром разговоре,
И даже в жалости: он пресен, не смешон,
В нем соли нет совсем, и силы он лишен.
Смешайте злость с вином — появятся Корнели,
Чьи перья и не то создать бы вам сумели...
Ах, каюсь я, Корнель! Мне милость окажи:
Твой несравненный «Лжец» склонил меня ко лжи.
Такой привил мне вкус к уловкам и обману,
Что истину теперь я уважать не стану,
И верить лишь в одно отныне захочу:
Ложь только смельчакам бывает по плечу.
О, если б я не лгал, то как бы мог иначе
Сказать хоть что-нибудь, воздав твоей удаче
Хвалу достойную? Высокие слова
Смысл потеряли бы, звучали б как хула.
Но что с того, что лгут иль хвалят неумело
Хвалою жалкою твое принизив дело?
И ложь подобная, и хилой правды речь
Способны на себя лишь гнев богов навлечь.

Констаптер

И не додумался б сам Аристотель, а также
Не догадался б Эвклид, ни другой математик,
С помощью алгебры путь открывающий к знанью,
Что доказать можно истину с помощью лжи.

Констаптер. 1645 (лат).

РАЗБОР

Эта пиеса — частично перевод, частично подражание испанскому. Сюжет ее мне кажется столь остроумным и столь хорошо задуманным, что я нередко говорил, что охотно отдал бы за него два своих лучших сюжета. Пиесу приписывали знаменитому Лопе де Вега. но недавно мне попал в руки том дона Хуана де Аларкона, где он утверждает, что эта комедия принадлежит ему, и жалуется на издателей, которые опубликовали ее под другим именем. Если это его добро, я не буду мешать ему завладеть им снова. Чьей бы рукой ни была написана комедия, она по-прежнему остается великолепной: на испанском языке никогда не встречалось мне ничего, что понравилось бы мне больше. Я попытался подвести ее под наши обычаи и наши правила, но мне пришлось подавить мое отвращение к a parte[1], от которых я не мог ее очистить, не нанеся значительного ущерба ее красоте. Я сделал их предельно короткими и редко прибегал к ним, не оставив предварительно на сцене двух актеров, тихо разговаривающих между собою, в то время как другие персонажи говорят нечто такое, чего эти двое не должны слышать. Такая двойственность побочного действия не нарушает единства главного, но она несколько отвлекает внимание слушателя, который не знает, на чем сосредоточиться, и вынужден поделить между двумя то, что он привык отдавать одному. Единство места соблюдено, поскольку все происходит в Париже, но действие первое развертывается в Тюильри, а остальные на Королевской площади. Единство времени не нарушено, если принять в расчет полностью все двадцать четыре часа. Что же касается единства действия. то я не знаю, как тут оправдываться, если Дорант любит Кларису на протяжении всей пиесы, а женится на Лукреции в финале, что не соответствует протазе. Испанский автор также ставит его в подобное положение и, в наказание за ложь, заставляет его жениться на Лукреции, которую он не любит. Так как он все время ошибочно полагал, что Клариса носит имя Лукреции. то ей он и предлагает руку, в то время как ему была предназначена другая невеста, а когда его выводят из заблуждения, то он надменно говорит. что если и ошибся в имени, то не ошибся в человеке. На что отец Лукреции угрожает ему смертью, если он не женится на его дочери после того. как попросил ее руки и получил на это согласие; его собственный отец приступает к нему с такой же угрозой. Подобный конец комедии показался мне несколько тяжеловатым, я полагал, что брак менее насильственный будет более по вкусу нашей публике. Это и заставило меня наделить моего Ляжеца тайной

---

[1] Реплика в сторону *(итал.)*.

склонностью к Лукреции, чтобы после того, как он обнаружил свою ошибку в именах, ему удалось наилучшим образом извлечь пользу из необходимости и чтобы комедия кончилась к полному удовольствию всех заинтересованных сторон.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Жеронт, отец Доранта.
Дорант, сын Жеронта.
Альсип, друг Доранта и возлюбленный Кларисы.
Филист, друг Доранта и Альсипа.
Кларисса, возлюбленная Альсипа.
Лукреция, подруга Кларисы.
Изабелла, служанка Кларисы.
Сабина, горничная Лукреции.
Клитон, слуга Доранта.
Ликас, слуга Альсипа.

Действие происходит в Париже.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант

Сбылась моя мечта! Отца я неустанно
Упрашивал, и вот носить я вскоре стану
Не мантию судьи, а шпагу: мне отец
Расстаться с книгами позволил наконец.
Теперь скажи, Клитон, здесь, в Тюильри, где всюду
Царит изысканность, я выглядеть не буду
Как школьник, что лишен порядочных манер?
По всем ли признакам я истый кавалер?
Ведь в царстве Кодекса, где мне пришлось учиться,
Особая печать отметила все лица,
И опасаюсь я...

Клитон

Напрасно! Вы не смех,
А зависть будете здесь вызывать у всех.
Не бойтесь ничего, с улыбкою веселой
Смотрите на людей: от вас не пахнет школой;
И знайте, ваш приезд беду мужьям сулит.
Как вы нашли Париж?

Дорант

Нашел, что он на вид
По-прежнему хорош. И надо же случиться,
Что я расстался с ним, отправлен был учиться!
Но если ты, Клитон, судьбою был храним

И, к счастью своему, не разлучался с ним,
Скажи: как здесь идет любовная охота?

Клитон

«Возвышенной души вот высшая забота» —
Сказали б остряки... Словесная игра!
Отличный аппетит у вас уже с утра:
Вчера вы прибыли, а уж сегодня надо
Вам к делу приступать, вас не страшат преграды,
И не сидится вам, и жар у вас в крови...
Ни дня не можете прожить вы без любви!
Ну что ж! В таких делах себе набил я руку
И благородную, но трудную науку
Со всеми тонкостями изучил вполне.
Чего вы ищете, теперь понятно мне.

Доран т

Не бойся, я ищу знакомства только с теми,
С кем будет весело, и с кем приятно время
Я мог бы провести, и с кем бы мог порой
Побыть наедине, зайдя на час-другой.
Меня не знаешь ты, и понят я превратно.

Клитон

Зато теперь узнал: вы, сударь, не развратны.
И вам поэтому не по душе совсем
Те, кто за горсть монет, увы, доступны всем.
Вас также не влекут лукавые кокетки:
Назначить им легко свиданье у беседки,
Но, кроме болтовни, ждать нечего от них —
Вам надо большего, и мало слов одних.
А сколько времени теряешь тут напрасно!
Игра не стоит свеч, хотя и безопасна.
Нет! Счастье ваше в тех, кто добродетель чтит,
Но для кого она не столь надежный щит,
Чтоб выставлять его, когда в нем мало проку
И не грозит бедой уступчивость пороку.
Вы здесь увидите и тех и этих дам,
Однако надо ль мне давать уроки вам?
Я вижу по глазам, что в этом тонком деле
Вы ученичество давно преодолели,
И ни законов свод, ни парта, ни тетрадь
Не помешали вам свое от жизни брать.

Доран т

Перед тобой, Клитон, не буду я таиться:
Да, в Пуатье живя, успел я порезвиться,

Меня не обвинишь в наивной простоте.
Но все-таки Париж не то что Пуатье.
Здесь климат требует совсем иной методы:
Что восхищало там, то вышло здесь из моды,
И говорят не так, и действуют не так,
Тут вновь прибывшему легко попасть впросак.
Не привередлив тот, кто не живет в столице:
Раз нету умного, то и глупец годится.
Иначе думает и чувствует Париж —
Подделкой яркою его не ослепишь;
Порядочных людей в нем собрано так много,
Что тем, кто не из них, закрыта здесь дорога.

Клитон

Ну, если уж такой мы разговор ведем,
То надо знать Париж: все можно встретить в нем.
Здесь внешний вид и суть порой совсем не схожи;
Как и в других местах, здесь за нос водят тоже;
В Париже лучшие умы, зато кругом
Здесь больше дураков, чем в городе другом.
Со всех концов земли, как бы к причалам порта,
Сюда сплывается народ любого сорта;
Не сыщешь мест таких во Франции, чтоб там
И было лучшее, что есть, и всякий хлам.
Друг друга хорошо не знают здесь, и каждый
Во столько ценится, во сколько сам однажды
Смог оценить себя. Бывали хуже вас,
А как ценили их! Но, впрочем, мы сейчас
Толкуем о другом. Вы щедры?

Дорант

Да, пожалуй.

Клитон

Вот двигатель любви! Но ловкости немалой
Он требует от тех, кем будет пущен в ход,
Иначе он одни убытки принесет.
Дарите исподволь — и цену дар удвоит:
То, как вы дарите, самих подарков стоит.
Один проигрывает в карты, а другой
Колечко снятое забудет взять с собой.
Невежа, если щедр, то одаряет даму
Так, словно милостыню ей дает, и сраму
Ему не избежать, и он старался зря:
Хотел понравиться — и оскорбил, даря.

Д о р а н т
Ну, и оставь его! Послушай, ты мне прямо
Ответь на мой вопрос: а где такие дамы?
К л и т о н
Я с ними незнаком. Замечу в скобках вам,
Что дичь подобная не по моим зубам.
Но как у них дела, узнать совсем несложно:
С их кучером легко договориться можно.
Д о р а н т
Он будет говорить?
К л и т о н
Со мной? Хоть до утра!
И будет худо мне: болтливы кучера.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Д о р а н т, К л а р и с а, Л у к р е ц и я, И з а б е л л а.

К л а р и с а *(оступившись и чуть не упав)*
Ай!
Д о р а н т *(подав ей руку)*
Если б не беда, что с вами приключилась,
Капризная судьба мне не явила б милость:
Она позволила подать мне руку вам,
И трудно выразить, как счастлив я, мадам.
К л а р и с а
Здесь больше вас ничем судьба не удостоит,
А счастье так мало́, что говорить не стоит.
Д о р а н т
Вы правы, случаю обязан я во всем:
Мое усердие здесь, видно, ни при чем.
Я радость испытал — к ней горечь примешалась,
И снова вижу я, что не доступна жалость
Судьбе моей. Увы, я ею не любим,
Коль незначительным достоинствам моим
Нельзя быть поводом, хотя бы на мгновенье,
Чтоб счастье заслужить.
К л а р и с а
А я другого мненья:
Куда приятнее не сделать ничего
И что-то получить, не заслужив того.
Случайный дар милей заслуженной награды,

Кто дарит просто так, тому всегда мы рады.
А счастье, что пришло достоинство венчать,
Лишь платит должное, на нем лежит печать
Необходимости, и это портит счастье.
Оно должно прийти без нашего участья,
И если нам оно досталось без труда,
По-настоящему мы счастливы тогда.

Д о р а н т

Поверьте, милости великой домогаясь,
Я на достоинства мои не полагаюсь.
Да! Счастлива душа влюбленная моя;
Тем больше счастлива, чем недостойней я
Ту милость получить. Так что меня тревожит?
Свой ропот подавить душа моя не может:
Не вашей волею — ей случаем дано
Блаженство испытать... и горе заодно.
Не к этому она, влюбленная, стремилась,
Чтоб неумышленно ей даровали милость.
Дар преднамеренный прекрасней во сто крат,
Зато случайный дар — презренью сводный брат.
Чувств пламенных моих поймите крик печали:
Мне руку подали, а в сердце отказали.

К л а р и с а

Руки коснулся я, держу ее опять;
А сердце далеко, до сердца не достать.

К л а р и с а

Я вижу пламень ваш и нахожу, что слишком
Он ярок для меня: сужу по первым вспышкам.
Но если вы зажглись в мгновение одно,
То я так не могу, мне это не дано.
Хотя со временем, возможно, и случится,
Что и в моей душе симпатия родится.
Признайтесь же теперь, напрасным ропот был:
Презрения во мне не вызвал этот пыл.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Д о р а н т, К л а р и с а, Л у к р е ц и я, И з а б е л л а, К л и т о н.

Д о р а н т

Привык к несчастьям я и потому смутился.
С тех пор, как я с войны немецкой возвратился,
То есть почти уж год, и дни и ночи я
Брожу по улицам близ вашего жилья,

Ищу вас на балах и на тропинках сада,
Стою под окнами, пою вам серенады,
И только вот сейчас мне случай вдруг помог
Сказать вам наконец, что я у ваших ног.

К л а р и с а

Как! Были на войне! В Германии сражались!

Д о р а н т

Четыре года был. Там все меня боялись.

К л и т о н

Ну что он говорит!

Д о р а н т

В теченье этих лет
Там не было таких сражений и побед,
Где б этою рукой, что держит меч по праву,
Не приумножил я отрядов наших славу.
В газете шел не раз об этом разговор.

К л и т о н *(дергая его за руку)*

Вы, сударь, бредите, вы говорите вздор.

Д о р а н т

Молчи!

К л и т о н

Но как же так? Вы были...

Д о р а н т

О проклятье!

К л и т о н

Вы были в Пуатье, или с ума я спятил...
Вчера вернулись вы!

Д о р а н т

Ты замолчишь, дурак?
(Кларисе.)
Успеху нашему содействовал я так,
Что стала сравнивать меня молва с грозою;
И шел бы дальше я столь славною стезею,
Но ровно год назад, покрытый пылью весь,
Примчался я в Париж, увидел вас и здесь
Остался с той поры... Я в плен захвачен вами,
Обезоружен был прелестными глазами,
И отдал душу им, и ради них забыл
Поля сражения, войну и ратный пыл.
Таков уж мой удел: преодолеть все беды,
Водить отряды в бой, одерживать победы,
Быть признанным молвой, со славою дружить,
И вмиг отвергнуть все, чтоб только вам служить!

И з а б е л л а *(Кларисе, тихо)*
Мадам, идет Альсип, так будьте осторожны.
К л а р и с а *(Доранту)*
Когда-нибудь еще мы встретимся, возможно.
Прощайте.
Д о р а н т
Как, уже? Вновь погрузить во мрак?
К л а р и с а
Продолжить разговор не можем мы никак.
Хотя остаться здесь нам было бы милее,
Должны теперь одни пройтись мы по аллее.
Д о р а н т
Я пленник ваших чар. Прощайте. Но пока
Позвольте вас любить, хотя б издалека.
К л а р и с а
У самого себя лишь просит позволенья
То сердце, чья любовь не ведает сомненья.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Д о р а н т, К л и т о н.

Д о р а н т
Их надо выследить.
К л и т о н
А есть ли в этом толк?
Болтливость кучера свой выполнила долг.
Ту, что красивее,— она его хозяйка,—
Лукрецией зовут...
Д о р а н т
Да кучер твой всезнайка!
К л и т о н
На площади живут. На Королевской.
Д о р а н т
Да?
К л и т о н
А как вторую звать, не знает.
Д о р а н т
Не беда.
Совсем не нужно знать нам этой дамы имя.
Та, с кем я говорил, кто чувствами моими

Владеет,— вот кого Лукрецией зовут.
Я сердцем чувствую, что не ошибся тут.

Клитон

Ни вкус, ни выбор ваш отнюдь не отвергая,
Скажу вам, что, по мне, красивее другая.

Дорант

Как? Неужели та, которая сейчас
Своим молчанием одаривала нас?

Клитон

Вот именно она! Дар у нее счастливый,
Для женщин редкий дар...

Дорант

Какой?

Клитон

Не быть болтливой.
И чтоб создать ее такой, немало сил
Создатель приложил... и чудо сотворил;
Их мало на земле, чудес такого рода:
Тут надо совершить насилье над природой.
А что касается меня, то жар любви
Мне не мешает спать: где легче, там лови
Минуты радости,— вот мой девиз. И все же
Ту, что помалкивает, я ценю дороже:
Пусть будет чучелом, одета пусть в тряпье,—
Молчит? Красавицей я назову ее!
И вот поэтому предмету вашей страсти
Должны вы имя дать другое, или счастье
Не улыбнется вам: из двух красивей та,
Которая при нас не открывала рта.

Дорант

На этот длинный спор нет у меня досуга.
Смотри, сюда идут два моих лучших друга!
Решают на ходу какие-то дела...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дорант, Альсип, Филист, Клитон.

Филист *(Альсипу)*

Как? Ужин на воде? И музыка была?

Альсип *(Филисту)*

Да! Ужин, музыка... Играли что есть мочи.

Филист *(Альсипу)*
Вчера?
Альсип *(Филисту)*
Да, вечером.
Филист *(Альсипу)*
Красиво было?
Альсип *(Филисту)*
Очень.
Филист *(Альсипу)*
А кто устроил все?
Альсип *(Филисту)*
Я сам хотел бы знать.
Дорант *(приветствуя их)*
Как счастлив я, друзья, что вижу вас опять.
Альсип
Позвольте же и мне вас заключить в объятья.
Дорант
Вмешался в разговор я, кажется, некстати,
Но утерпеть не мог, когда вас встретил вдруг.
Филист
Вам все позволено, поскольку вы наш друг.
Дорант
О чем же разговор?
Альсип
Так... об одном свиданье.
Дорант
Любовном?
Альсип
Может быть.
Дорант
Прошу я новой дани
Для любопытства моего и буду рад
С вас получить ее. Что ж дальше?
Альсип
Говорят,
Что музыкой вчера слух услаждали даме,
Катали по реке...
Дорант
Вода лишь дразнит пламя...
Какое время дня?
Альсип
Провел он вечер с ней.

Д о р а н т

Во мраке светится огонь еще сильней.
Удобный выбран час... А хороша ли дама?

А л ь с и п

О красоте ее твердит молва упрямо.

Д о р а н т

Как музыка была?

А л ь с и п

Должно быть, не дурна.

Д о р а н т

И, видно, ужином была подкреплена?

А л ь с и п

Так говорят.

Д о р а н т

И был?..

А л ь с и п

Был подан он прекрасно.

Д о р а н т

И кто устроил все, вам до сих пор неясно?

А л ь с и п

Смеетесь вы!

Д о р а н т

Смеюсь... что вы удивлены:
Те, кто вчера там был,— все мной приглашены!

А л ь с и п

Как? Вами?

Д о р а н т

Точно так.

А л ь с и п

Когда же вы успели
Здесь завести роман?

Д о р а н т

Я был бы в самом деле
Изрядным простаком, не поступи я так:
Я целый месяц здесь.... Но днем нельзя никак
Мне часто выходить. Инкогнито и ночью
Визиты наношу.

К л и т о н *(Доранту на ухо)*

Но я вчера воочью...

Д о р а н т

Послушай, если ты еще хотя бы раз...

К л и т о н
Ну просто нету сил спокойно слушать вас!
Ф и л и с т *(Альсипу тихо)*
Вам встреча на руку: соперник ваш опасный
Теперь открылся сам, и все теперь вам ясно.
Д о р а н т
Как истинным друзьям, все расскажу я вам:
Пять барок нанял я, и разместились там
Отменные певцы и чудо-музыканты
(Любые знатоки признали б их таланты),
На первой — скрипачи, флейтисты — на второй,
На третьей — хор певцов, а лютня и гобой
В четвертой властвовали, и над гладью водной
Их звуки дивные неслись поочередно.
А пятая была всех больше, и на ней
Букеты пышные, гирлянды из ветвей
Дышали свежестью, сливая воедино
И розы аромат, и аромат жасмина.
Я все предусмотрел, чтоб там устроить пир,
И я туда привел души моей кумир,
Пришли с ней пять подруг (эскорт богине нужен),
Играла музыка, и подали нам ужин.
Не буду называть разнообразных блюд,
Приправ и соусов — всего не вспомнишь тут,
Одно могу сказать: похожее на чудо,
Венчало трапезу двенадцатое блюдо.
И музыка лилась, и отвечали ей
И скалы, и вода, и тишина полей.
Но ужин кончился. И вот взвились ракеты.
Их было тысячи, и нового рассвета,
Казалось, пробил час, так небосвод пылал,
И с высоты его такой низверглся шквал
Огней сверкающих, как будто вся природа
Потоком пламени обрушилась на воду.
А после этого шли танцы до зари...
Просили солнце мы: помедли, не гори!
Но не послушалось коварное светило
И, нам завидуя, зарю поторопило.
Наш праздник кончился, пришлось расстаться нам,
И мы отправились спокойно по домам.
А л ь с и п
Оказана нам честь рассказом столь подробным:
Париж не приучил нас к чудесам подобным.

Д о р а н т

Владычица моя дала мне час иль два,
Чтоб я устроил все. Успел едва-едва.

Ф и л и с т

Во всем порядок был, но и расход немалый...

Д о р а н т

На эти пустяки смотреть мне не пристало:
Когда торопишься — не будешь выбирать.

А л ь с и п

Надеюсь, вскоре мы увидимся опять.

Д о р а н т

Нижайше кланяюсь.

А л ь с и п *(Филисту, уходя)*

Мне ревность сердце гложет.

Ф и л и с т *(Альсипу)*

А не напрасно ли она вас так тревожит?
Приметы праздника совпали не совсем.

А л ь с и п *(Филисту)*

Совпали место, час, а прочее — зачем?

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

Д о р а н т, К л и т о н.

К л и т о н

Могу ли говорить я, сударь, без опаски?

Д о р а н т

Да, можешь. Я готов твои послушать сказки.
Но больше при других не вздумай мне дерзить.

К л и т о н

Вы снов не видите, начавши говорить?

Д о р а н т

Снов? Странно...

К л и т о н

Так назвал, по наущенью божью,
Я то, что у людей зовется просто ложью.
Я был почтителен.

Д о р а н т

О, жалкий ум!

К л и т о н

Во мне
Перевернулось все, когда вы на войне
Полки водили в бой... без всякого смущенья.

А праздник на воде? А эти угощенья?
И почему в Париж вернулись год назад?

Д о р а н т

Чтоб оправдать мой пыл, не знающий преград.

К л и т о н

Ну, а к чему война, придуманная вами?

Д о р а н т

А как по-твоему? Сказать прелестной даме,
Что сердце ей вручил тот, кто еще вчера
Корпел над книгами все дни и вечера?
Сказать ей, что могу, коль в том нужда случится,
Законы толковать? Что кодекса страницы
Я знаю назубок? Что ворохом цитат
Меня снабдили Бальд, Жазон и Альциат?
О! Речь подобная — кратчайший путь к успеху!
Она пленяет слух, не вызывает смеха,
Знаток параграфов — любовник хоть куда!
Нет! Лишь герой войны сумеет без труда
Знакомство завязать. И много ли тут надо?
Гримасы, жесты, взгляд, чуть скрытая бравада,—
Все это действует. Изящно надо лгать!
Употреблять слова, которые понять
Не может женщина; бросаться именами,
Чьи звуки варварские слух пленяют даме;
Все время повторять (чего от вас и ждут):
Атака, контрэскарп, траншея, бой, редут,—
Без смысла, вкривь и вкось, без всякого смущенья;
И, этой ерунде внимая в восхищенье,
Тебя причисливают к тем, кто знаменит,
И дело сделано: тебе открыт кредит.

К л и т о н

Возможно, так и есть. Но, сударь, вы готовы
К тому, что выплывет, где были вы и кто вы?

Д о р а н т

Я сделал первый шаг, чего-то уж достиг,
И верю в лучшее; но если злой язык
Начнет о нас болтать и нам вредить — ну что же,
Есть и у нас язык, всегда он нам поможет.
Вот так любовные дела ведут, Клитон.

К л и т о н

Сказать по совести, я просто потрясен.
Теперь о празднике. Урганда с Мелузиной
Пир так бы не смогли устроить в миг единый,

Как вы устроили: у феи меньше чар.
Романы б вам писать, у вас огромный дар!
Имея под рукой и праздники и войны,
С интригой сложною вы справитесь достойно.
Зато уж как тогда дивиться будет мир:
Что ни страница — бой, что ни страница — пир.
На редкость развито у вас воображенье!

Дорант

И с помощью его я привожу в смущенье
Тех, кто пытается мне новость рассказать,
Чтоб удивить меня. Тут от меня не ждать
Пощады: я тотчас придумаю такое,
Что собеседник мой, умолкнув, рот откроет
И россказни свои проглотит чуть дыша.
Жизнь в этот миг, Клитон, волшебно хороша.

Клитон

Возможно, что и так. Но ваше поведенье
Вас может в трудное поставить положенье.

Дорант

Мы справимся и с ним. Но кончим разговор.
Найти мне надо ту, что мой пленила взор.
Итак, немедля в путь, и на пути к удаче
Я научу тебя смотреть на жизнь иначе.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жеронт, Клариса, Изабелла.

Клариса

Достоинства его готова я признать,
Поскольку он ваш сын. Но, сударь, как же дать
Согласие на брак, когда я с ним ни разу
Еще не виделась? Не позволяет разум.
Но если будет он ко мне являться в дом,
Ухаживать за мной и в рвении своем
Сумеет преуспеть, то могут эти встречи,
Вполне невинные, дать повод для злоречья.
Чтоб свиделась я с ним, не повредив себе,
Вы иначе должны содействовать судьбе.

Жеронт

Красива и умна! Клариса! Да, вы правы!
Разумна ваша речь. И раз вам не по нраву
Советы прежние, то выход есть другой:
Доранта тотчас же я приведу с собой
И с ним остановлюсь (как будто бы случайно)
Под окнами у вас, чтобы смогли вы тайно
Понаблюдать за ним и уж потом решить,
Достоин он иль нет супругом вашим быть.
Вчера из Пуатье вернулся он, но, кстати,
Дух школьный на него не наложил печати;
И даже при дворе не много мы найдем
Ему соперников — так думаю о нем
Не только я, отец,— тут все такого мненья.
А думать о его семейном положенье
Кто будет, как не я? И даже повод есть...

Клариса

Мне выбором своим вы оказали честь.
Идите же за ним и приводите срочно:
Я, сударь, с ваших слов люблю его заочно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Изабелла, Клариса.

Изабелла

Вы издали его увидите пока...

Клариса

Но и судить о нем нельзя издалека.
Увижу внешность я, приятную, возможно,
А что в душе его, узнать довольно сложно;
Не отражается душа в чертах лица,
Они обманчивы и могут подлеца
Скрывать под милою, приветливою маской,—
К красивой внешности я отношусь с опаской.
Глаза, вот что важней, скрывать им трудно ложь;
Но, доверяясь им, опять на риск идешь:
Им надо нравиться, чтоб жизнь текла спокойно,
И с ними же вести невидимые войны —
Не верить в нежность их, и верить в их отказ,
И не давать огню потухнуть ни на час.
Та цепь, что вяжет нас в земном существованье,
Должна бы страх внушать, а вовсе не желанье

Скорей ее надеть: ведь часто вяжут ей
Живого с мертвецом или чужих людей.
И раз уж суждено, чтоб цепь на нас надели,
Мне надо знать, кто он, и знать на самом деле,
То есть с какой душой.

Изабелла

Поговорите с ним.

Клариса

Ты знаешь, как Альсип ревнив и нетерпим.

Изабелла

И пусть! А вам-то что? Идите к цели смело.

Клариса

Альсипа потерять? Нет, тут сложнее дело.
Все было решено, и он бы, наконец,
Вступил со мною в брак, когда б его отец
Приехал к нам в Париж. Два года обещает!
То у него дела, то хворь ему мешает,
То летняя жара, то холода и мрак —
Из Тура выбраться не может он никак!
Он браку нашему противится два года.
А что же делать мне? У моря ждать погоды?
Чем больше будешь ждать, тем меньше стоишь ты.
Как? Старой девой стать, похоронив мечты?
Совсем не так легко расстаться с этим званьем!
Нет! Годы зря терять, поверь уж, мы не станем.
Бог времени суров — не любит он шутить,
А долго честь хранить — ее же погубить.

Изабелла

Когда бы кто другой пришелся вам по нраву,
Альсипа вы могли б покинуть с полным правом.

Клариса

Но чтоб не потерпеть самой при этом крах,
Другого я должна иметь в своих руках,
Притом хорошего и чтоб он поскорее
Хотел соединить свою судьбу с моею.
Без этого — боюсь: тут можно ждать всего...
Нет, лучше уж Альсип, чем просто ничего.
Да и отец его вдруг может в путь собраться...

Изабелла

Не лучше ль сделать так, чтоб вам не просчитаться:
Лукреция ваш друг; к тому же не секрет,
Что у нее самой своих ревнивцев нет,
Так пусть она черкнет Доранту два-три слова:

Мол, под окном моим я видеть вас готова
Сегодня вечером. Он прибежит стремглав.
А вы, Лукрецией на этот вечер став,
Поговорите с ним: и сбит Альсип со следа,
И прибежал не к вам наш юный непоседа.

Клариса

Прекрасна выдумка! Лукреция вполне
Подходит для игры. Она поможет мне.
Но как же ты хитро придумала все это!

Изабелла

Тогда один вопрос встает и ждет ответа:
А если наш герой окажется неплох?

Клариса

Понравится Дорант? Ну что же! Видит бог,
Альсип свои права ему уступит вскоре.

Изабелла

Молчите! Он идет...

Клариса

Вот не хватало горя!
Иди к Лукреции и расскажи о том,
Что мы задумали. С ней встречусь я потом.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клариса, Альсип.

Альсип

Непостоянная! Коварная! О боже!

Клариса

Ужель о сватовстве? Но как узнал он все же?
Альсип, случилось что? Зачем же так вздыхать?

Альсип

Случилось? Боже мой! Тебе ль о том не знать?
У совести спроси! Она тебя не гложет?

Клариса

Не надо громко так, отец услышать может.

Альсип

Ты это говоришь, не изменясь в лице?
Лишь увидав меня, ты помнишь об отце!
А ночью, на реке?

Клариса

Что означает это?
Нельзя ли поясней...

Альсип

До самого рассвета!

Клариса

Что дальше?

Альсип

Где же стыд?

Клариса

Ну, мне уже невмочь!

Альсип

Другая б умерла, услышав слово ночь.

Клариса

А что в нем страшного, спросить бы я хотела.

Альсип

Услышать слово ночь и спрашивать, в чем дело?
Тогда я все скажу.

Клариса

Давно уже пора.

Альсип

Веселье шло всю ночь, до самого утра!

Клариса

Убейте, если мне понятна эта фраза.

Альсип

Когда я говорю, ты вспоминаешь сразу
Про своего отца — он так тобою чтим!
Но провести всю ночь с поклонником своим...

Клариса

Альсип, в уме ли вы?

Альсип

Легко ума лишиться,
Узнав, какая ты и что в тебе гнездится.
Как? Пировать всю ночь, приличия презрев,
С поклонником своим расстаться на заре,—
И поминать отца? Какое лицемерье!

Клариса

Насмешка это? Бред? Ушам своим не верю!

Альсип

Хоть новость и свежа, но тайны нету в ней.
Должна ты выбирать поклонников скромней:
Он сам мне все сказал.

Клариса

Кто он?

Альсип

Дорант.

Клариса

О боже!

Альсип

И будешь отрицать? Как на тебя похоже!

Клариса

Да если б видела его хотя бы раз!

Альсип

А кто с его отцом здесь говорил сейчас?
Легко ли вынести улики этой бремя?
Ночь с сыном, день — с отцом, так ты проводишь время!

Клариса

Его отец с моим был дружен с давних пор.

Альсип

И ты о дружбе их вела с ним разговор?
О чем ни говорю — все отрицать готова!
Так что еще сказать, чтоб ты в ответ ни слова?

Клариса

В лицо не видела я сына никогда!

Альсип

Иль ночь была темна? Ответь же мне тогда,
А слышала ли ты, как музыка играла?
Быть может, хор был плох и музыкантов мало?
А угощение? Возможно, что и тут
Ты не заметила, как вам двенадцать блюд
На ужин подали? И разве рядом не был
С тобою кавалер, когда взвивались в небо
Огни бенгальские и разрывалась мгла?
И кто с тобою был, ты даже не смогла
И утром разглядеть? Скажи, тебе не стыдно?

Клариса

Я сказки не стыжусь, хотя она обидна.

Альсип

Я, значит, выдумщик, ревнивец и нахал?

Клариса

Альсип, поверьте мне: вас кто-то разыграл.

Альсип

Чтобы хитрить со мной, нет у тебя сноровки:
И вижу хитрость я, и знаю все уловки.
Прощай! С твоим путем расходится мой путь.
К Доранту уходи и обо мне забудь.

Клариса

Но выслушайте...

Альсип

Нет! Отец услышать может
И выйдет из дому.

Клариса

Так это вас тревожит?
Не выйдет мой отец, и время есть у нас.

Альсип

Тебя я выслушаю, если ты сейчас
Мне подтвердишь, что я твоим супругом стану,
Что свадьбы нашей ждешь, и, как бальзам на рану,
Дашь поцелуй в залог...

Клариса

Чтоб оправдать себя?

Альсип

Клянись мне в верности и поцелуй, любя.

Клариса

Сейчас?

Альсип

Решайся же, пока никто не видит.

Клариса

У нас нет времени: сейчас отец мой выйдет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Альсип.

Альсип

Что ж! Смейся надо мной и над моей тоской!
Пусть этот смех вернет душе моей покой,
Пусть превратится в лед обманутое пламя
И справедливый гнев пусть властвует над нами.
Но знай, соперник мой от мести не уйдет,
Незамедлительным с ним будет мой расчет,
И если не лишен он чести и отваги,
То мы сегодня же должны скрестить с ним шпаги.
Но прежде чем ему владеть моим добром,
Он кровь свою прольет иль оба мы прольем.
А вот и он идет! Его отец с ним рядом...
На друга старого смотрю я новым взглядом —
То ненависти взгляд. Ну что ж, поговорим.
А впрочем, здесь нельзя затеять ссору с ним.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жеронт, Дорант, Клитон.

Жеронт

Дорант, остановись! Гуляя слишком много,
Я задыхаться стал... Гневить не будем бога.
Взгляни, как здесь дома красивы... Ты молчишь?

Дорант

Страною сказочной мне кажется Париж.
Подумал утром я: здесь чудо входит в моду;
Уехал — никого, приехал — тьма народу.
Как будто Амфион сюда пришел и вмиг
Роскошные дворцы на пустырях воздвиг.

Жеронт

Уже привык Париж к метаморфозам этим:
Не мало нового на Пре-о-Клер мы встретим,
Где толпы праздные дивятся без конца
Великолепью Кардинальского дворца.
Да! Целый город вдруг, сверкая чудесами,
Как остров сказочный, возник перед глазами;
И, глядя на него, невольно говоришь:
Обителью богов становится Париж.
Но не об этом речь... Хочу сказать другое:
Как я тебя люблю ты знаешь?

Дорант

Я не скрою,
Что выше для меня нет чести...

Жеронт

Ну так вот,
Ты у меня один, и раз тебя влечет
Стезя опасная, где может не однажды
Тебя толкнуть на риск военной славы жажда,
Я, прежде чем беда стряслась над головой
И чтобы сдержанней задор был ратный твой,
Хочу тебя женить.

Дорант

Лукреция, спасите!

Жеронт

Невесту выбрал сам — не только по наитью:
Богата, хороша!

Дорант

Чтоб не попасть впросак,
Не лучше ль подождать?

Жеронт

Все взвесил я и так:
В Париже не сыскать красивей и умнее.
Клариса просто клад. Кого сравню я с нею?
К тому ж ее отец мой самый близкий друг
Нет! Дело решено.

Дорант

Простите мой испуг,
Но юности моей так страшно это бремя!

Жеронт

А я приказываю.

Дорант

Знать, настало время
Прибегнуть к хитрости. Отец мой, на войне
Путь к славе ждет меня. Так разве надо мне...

Жеронт

Не только слава ждет, и гибель ждет в сраженье,
Пусть будет в доме то, что даст мне утешенье:
Мне внука подари, чтоб наш продолжить род,
И дряхлый твой отец опору обретет.
Жениться должен ты.

Дорант

Но это очень сложно.

Жеронт

Строптивец, подчинись!

Дорант

А если невозможно?

Жеронт

О чем ты говоришь!

Дорант

За ветреность мою
Я, на колени став, прощения молю.
Но я...

Жеронт

Что?

Дорант

В Пуатье...

Жеронт

Что дальше? Встань с коленей!

Дорант

Женился, не спросив на это позволенья.

Жеронт

Как? Без согласья моего?

Д о р а н т

Почти силком
Меня заставили жениться.

Ж е р о н т

А на ком?

Д о р а н т

Верней, к супружеству меня приговорила
Неотвратимая и роковая сила.
Ах, если б знали вы!

Ж е р о н т

Да! Все я должен знать.

Д о р а н т

Она из знатного семейства, но сказать,
Что из богатого,— нельзя. Судьбы капризы...

Ж е р о н т

А как ее зовут?

Д о р а н т

Ее зовут Орфизой.

Ж е р о н т

И кто ее отец?

Д о р а н т

Почтенный Армедон.

Ж е р о н т

Не слышал никогда. Мне неизвестен он.
Но продолжай.

Д о р а н т

Так вот, приехал я и сразу,
Едва с ней встретился, как потерял свой разум,
Настолько много в ней неизъяснимых чар.
Я покорился им, меня объял пожар.
Искать знакомства с ней я стал весьма усердно,
И вот, обласканный судьбою милосердной,
Стал часто видеться я с божеством моим.
Прошло шесть месяцев: я понял, что любим.
И благосклонностью — хоть тайной, но безгрешной —
Меня одаривали. Мы не безуспешно
Хранили наш секрет. Я проникал к ней в дом,
Чтоб за беседою ночь провести вдвоем.
Однажды к ней придя, сижу я рядом с нею
(То было в сентябре или, сказать точнее,

Второго сентября), и вдруг... всему конец:
В тот вечер ужинал в гостях ее отец;
Вернувшись, он наверх поднялся (о проклятье!),
Стучится в дверь ее, я прячусь за кроватью,
Орфиза чуть жива... но, чтоб смущенье скрыть,
Бросается к нему (откуда только прыть!)
И обнимает старика. Он сел у двери,
И тут услышал я, ушам своим не веря,
Как стал он говорить, что замуж ей пора,
Что сватаются к ней и что еще вчера
Одно на этот счет имел он предложенье.
Ее ответ отцу не вызвал раздраженья
У старика, и он... собрался уходить,
Когда мои часы вдруг начали звонить.
Он повернулся к ней и спрашивает строго:
«А кто часы вам дал?» Она, смутясь немного,
Ему в ответ: «Акаст, кузен мой, их прислал,
Чтоб их почистили: наш славится квартал
Своим часовщиком. Об этом знает каждый.
Часы испорчены, они бьют время дважды».
«А вы их дайте мне,— ей говорит старик,—
Я все устрою сам». Тут на какой-то миг
Она теряется, потом идет без звука
К укрытью моему, и я сую ей в руку
Проклятые часы. Но был на них шнурок;
Опутав пистолет, заставил он курок
Спуститься. Выстрел. Дым. Несчастная девица
Упала замертво. Я думал, сон мне снится.
Старик бежит к дверям, на помощь он зовет.
Явился сын его, с ним двое слуг, и вот
Я бросился на них: я от своей потери
Почти безумным стал... но пробивался к двери.
Тут новая беда стряслась со мной опять:
Сломалась шпага вдруг — и стал я отступать.
И вот я в комнате моей Орфизы снова.
И что увидел я? Она жива, здорова!
Глубок был обморок, но он прошел теперь.
Она спешит ко мне, мы запираем дверь,
У двери сваливаем в кучу что попало —
Столы и сундуки, подушки, одеяла,
И вал воздвигнутый вселяет веру в нас,
Что от противника он нас обоих спас.

Но вдруг пролом в стене я вижу в миг последний:
Пробили тот пролом из комнаты соседней
И ринулись в него, и сдался я тогда...
(Клариса смотрит на них из своего окна, а Лукреция с Изабеллой из своего.)

Жеронт

Короче говоря, пришлось жениться?

Дорант

Да!
Меня застали с ней вдвоем ночной порою,
Застали те, кто был меня сильнее втрое;
И я ее любил, и многое бы дал,
Чтоб честь ее спасти и погасить скандал.
Ее желание помочь мне, риск, страданье
Повысили в сто крат ее очарованье,
И чтобы жизнь мою спасти и честь ее,
Чтоб вместе с ней испить сладчайшее питье,
Я слово произнес, приведшее к затишью.
Играть с ее судьбой, играть, как кошка с мышью,
Поверьте, я не мог... К тому ж отец и брат...
И вот на выбор ваш: я мертв или женат.

Жеронт

Нет-нет! Не так я плох. Я только строг отчасти.
Есть обстоятельства в случившемся несчастье,
Которые велят, чтоб я тебя простил.
Но почему свой брак ты от меня таил?

Дорант

Я вам уже сказал: она не так богата.

Жеронт

Какая в том беда, раз вы теперь женаты?
Она мила, умна, достойная семья,
Ты любишь, ты любим... Прощай, не жди меня:
Расторгнуть договор с отцом Кларисы надо.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант

Что скажешь? Разве я не заслужил награды?
Неплохо выпутался! Был бы кто другой,
Он уступил бы вмиг, на все махнув рукой,
Он стал бы плакаться, терпел бы униженья...

А как себя держать, когда насильно женят?
Умело надо лгать и не терять лица!

Клитон

Неправдой было все?

Доран т

С начала до конца.
Услышь Лукреция, сказала бы: как мило!
Меня ведь для нее неправда сохранила.

Клитон

Придумать пистолет!

Доран т

Я и не то могу.

Клитон

Весьма обяжете вы вашего слугу,
Коль в следующий раз его предупредите,
Когда подобное сойдет на вас наитье.
На что уж знаю все — и то попал впросак.

Доран т

Не бойся ничего. Ты, вижу, не простак,
И потому тебя охотно я назначу
Моим поверенным... ну, и слугой в придачу.

Клитон

Не знаю, справлюсь ли. Порой внушает страх
Быть у таких, как вы, поверенным в делах.
Теперь о даме той: мне стоило немало...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Доран т, Клитон, Сабина.

Сабина *(подавая Доранту записку)*

Прочтите сударь.

Доран т

Что?

Сабина

Лукреция прислала.

Доран т *(прочитав записку)*

Скажи ей, что приду.

Сабина уходит, и он обращается к Клитону.

А ты что скажешь тут?
Которую из двух Лукрецией зовут?
Из своего окна уже сегодня ночью
Со мною говорить моя богиня хочет!

Она — Лукреция! Зачем другой писать?
Я с ней не говорил... Иль возразишь опять?

Клитон

Не буду возражать: сегодня в час урочный
Вы, голос услыхав, узнаете все точно.

Дорант

Иди и стороной разведай для меня,
Богата ли она и кто ее родня.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дорант, Ликас.

Ликас

Вам, сударь.

Дорант

Как? Опять?
(Прочитав записку.)
Какое оскорбленье
Нанес Альсипу я, что наши отношенья
Вдруг так испортились?
(Ликасу.)
Иди! Я за тобой.

Ликас уходит

Вчера из Пуатье вернулся я домой,
И вот пожалуйста: любовь, женитьба, ссора,
А день еще идет и кончится не скоро.
Чтоб доконать меня, достаточно судьбе
Мне тяжбу навязать и отослать к судье.
Как все запуталось! Попробовали б сами
С такими сложными управиться делами!
Не знаю, у кого на это хватит сил.
Но мне пора идти: Альсип меня взбесил.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дорант, Альсип, Филист.

Филист

Держались оба вы и храбро и достойно
И можете теперь поговорить спокойно.
Я небо от души готов благодарить:

Мне помогло оно, я смог вас примирить,
И счастью моему, поверьте, нет предела.
Хорошим был исход и необычным дело.

Д о р а н т

Да, удивительным мне кажется оно,
Так все неясно в нем, запутано, темно.
Я вас прошу, Альсип, скажите мне по чести,
Чем вызван был ваш гнев, откуда жажда мести?
Кто очернил меня и в чем его навет?
Скажите, наконец, чтоб мне держать ответ.

А л ь с и п

Вы сами знаете.

Д о р а н т

Альсип, даю вам слово:
Ну, просто не пойму, что сделал я плохого!

А л ь с и п

Что ж! Раз хотите знать, скажу еще ясней:
Два года я влюблен, два года вижусь с ней;
Наш брак уже решен, но мы должны от света
Свое решенье скрыть — причина есть на это.
И вот с той дамою, что мне принадлежит,
С моей владычицей (как голос мой дрожит!)
Пируете вы ночь — бал, музыка и ужин...
Вы забываете, что с вами был я дружен;
И чтобы этот трюк удался вам вполне,
Вы скрыли свой приезд, и лишь сегодня мне
Решили рассказать, должно быть, из бравады,
Что надоумило вас выйти из засады.
Но разве, все узнав, сказать я не могу:
Вы отнеслись ко мне, как к своему врагу?

Д о р а н т

Когда бы в смелости моей вы сомневались,
Мы вряд ли бы тогда до истины добрались
И как соперники сошлись бы мы опять.
Но раз уж вы смогли характер мой понять,
Послушайте теперь, что было в самом деле:
Та, с кем я пировал и с кем делил веселье,
Представьте, замужем... И вам, Альсип, никак
Нельзя с ней было бы вступить в законный брак.
Она недавно здесь, и утверждать я смею,
Что, судя по всему, вы не знакомы с нею.

Альсип
Я просто восхищен, что этот разговор
Так быстро разрешил наш беспричинный спор.
Дорант
Вам дать один совет хотелось бы мне все же:
Порывы первые свои судите строже,
Не отвергайте то, что надо изучать,
И не кончайте там, где надо начинать.
Прощайте, господа.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Альсип, Филист.

Филист
Опять я слышу вздохи!
Альсип
Увы, мои дела теперь совсем уж плохи.
Так кто же на реке вчера дал этот пир?
Что делать мне, Филист? Подозревать весь мир?
Филист
Искать виновника не надо так упрямо:
Клариса любит вас, была другая дама
На празднике ночном. Все дело в том, что паж
Ошибся в темноте, и гнев напрасен ваш.
Я точно выяснил: паж видел, как входила
Вчера к Лукреции Клариса. Что ж смутило
Так вашего пажа? Как я узнал от слуг,
Лукреция в тот день для двух своих подруг,
Пришедших ранее, подать обед велела;
Потом они ушли, когда уже стемнело;
Их лиц не разглядев, идет за ними паж,
Он видит, как они садятся в экипаж,
На козлах кучера Лукреции он видит,
И вот ваш юный паж за вас уже в обиде.
Держась по-прежнему все время вдалеке,
Он видит, как они спускаются к реке,
Он слышит музыку и слышит звон посуды;
Но я его рассказ вам повторять не буду:
Чужой был экипаж, он был на время взят,
И виновата тьма, и паж был виноват,
Клариса же, мой друг, как вы понять успели,
До самого утра ночь провела в постели.

Альсип

О горе, горе мне! Ведь ревностью горя,
Кларису обвинял и осуждал я зря!

Филист

Вас помирить легко. Но знайте и другое:
Тот, кто волнений всех причиной был второю,
А именно Дорант, рассказывавший нам
О пышном празднике, о том, как по ночам,
Храня инкогнито, он ходит на свиданье
И месяц, как таит свое здесь пребыванье,—
Дорант из Пуатье вернулся лишь вчера
И мирно ночь провел до самого утра.

Альсип

А угощение?

Филист

Ложь в неприкрытом виде:
Он управлялся с ним, во сне его увидя.

Альсип

Когда с Дорантом я оружие скрестил,
Держался смело он, хоть я совсем не хил.
Но в школе мужества не учатся обману,
И если я не трус, то лгать вовек не стану,
А если бы солгал, сгорел бы от стыда:
Отважный человек правдив и прям всегда.
Дорант не мог солгать.

Филист

Держусь другого мненья:
Он от природы смел, а лжец по убежденью.
Не будь доверчивы мы так, его рассказ,
Что там ни говори, не сбил бы с толку нас;
Мы просто новички в вопросах небылицы;
Тот праздник на реке мог лишь во сне присниться:
Хор, музыка, огни, и яства, и цветы —
Вмиг появилось все, как будто с высоты
Машиной спущено к ногам его, чтоб сразу
Доранта ублажить по первому приказу.
Кто мог, как вы и я, такое проглотить,
Свою доверчивость обязан укротить.
Чем оправдать себя? Хоть был я озадачен,
Заметил я, что паж рассказывал иначе.
А вы?

Альсип

Был ревностью мой разум ослеплен
И верил слепо в то, чего боялся он.
Осталось мне одно: преодолев смущенье,
Кларису повидать и вымолить прощенье.
Ее мои слова не будут раздражать.

Филист

Я вам советую до завтра подождать.
Не лучше ли сейчас мне повидаться с нею?
Я расскажу ей все и гнев ее рассею,
Тем самым вам открыв к ее прощенью путь.
В противном случае, подставите вы грудь
Под залпы первые ее негодованья.

Альсип

Она сюда идет. Не вовремя свиданье
С ней было бы сейчас. Вы правы, я уйду,
Чтоб гнева избежать и не нажить беду.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кларисса, Изабелла.

Кларисса

Лукреция нас ждет, пора нам к ней явиться.

Изабелла

Пока еще светло, не стоит торопиться.
А знаете, она, узнав, что нужно вам,
Все тотчас сделала как надо.

Кларисса

Я воздам
Ей за добро добром. Сейчас не в этом дело:
Ты из ее окна Жеронта разглядела?
Так вот: лицо одно и сын его, и тот,
Кто, возвратясь с войны, в меня влюблен уж год.

Изабелла

Его узнала я, едва он появился.
Когда старик Жеронт куда-то удалился,
Оставив нашего знакомца со слугой,
Сабина в тот же миг ему своей рукой
Записку подала.

Кларисса

Обманщик он ужасный!

И з а б е л л а

Прием не так уж нов, вы сердитесь напрасно.
Немало школяров, чтоб не отвергли их,
Рассказывают нам о подвигах своих.
Они, как и Дорант, в Германии бывали,
Во всех сражениях участье принимали
И с видом знатоков толкуют о войне,
Командуют полком, гарцуют на коне,
Штурмуют крепости, прочтя о них в газете,
И всё-то видели, и знают всё на свете,
А дальше собственной деревни — никуда!
И пусть их говорят — какая в том беда?
Дорант, мне кажется, решил, что только воин
Вниманья вашего быть может удостоин,
Решил, что вам перо на шляпе во сто крат
Милей пера в руке, что верх возьмет солдат
Над юным школяром, который перья точит.
И вот не тем, кто есть, а тем, кем быть он хочет,
Пред вами он предстал и вел такую речь,
Которая к нему могла бы вас привлечь.

К л а р и с а

Он лжец отъявленный, не назовешь иначе.
Ты знаешь, как Дорант Альсипа одурачил?
Вчера, представь себе, со мною на реке
Он пировал всю ночь. Ревнивец мой в тоске
И в ярости твердит: «Так вот за верность плата!»
(Как будто я и впрямь хоть в чем-то виновата.)
Толкуя о моей измене и вине,
Он говорит о том, что и не снилось мне,—
О пышном празднике, о музыке и пенье
И о неслыханно роскошном угощенье
С таким количеством разнообразных блюд,
Что их перечислять напрасный был бы труд.

И з а б е л л а

Все это говорит о том, насколько страстно
Влюбился в вас Дорант: он времени напрасно
Не тратил, разузнав, что в вас Альсип влюблен.
Его пытается от вас отвадить он,
В нем ревность возбудив. К тому же он добился,
Чтоб к вашему отцу его отец явился,
(А речь о браке шла). Ну, право, кто бы смог
Два дела совершить в такой короткий срок?

Согласен ваш отец, Дорант влюблен в вас страстно,
Он вам понравился, все обстоит прекрасно.

Клариса

Ты ошибаешься. Все обстоит не так.

Изабелла

Вы передумали? Вас не поймешь никак.

Клариса

А что тут понимать? Ты объяснить попробуй
Еще один обман, причем обман особый
По дерзости своей: Дорант давно женат!
Был у отца Жеронт и слово взял назад.
Ушел расстроенный и от смущенья красный.

Изабелла

Так вот каков Дорант! Обманщик он ужасный.
Но чтоб обманывать без цели, как Дорант,
Не только мастерство, тут нужен и талант.
Нет, удивляться я ему не перестану:
Чего от вас он ждал, когда прибег к обману?
Но стоит ли теперь с ним в разговор вступать?
Хотите высмеять его иль отчитать?

Клариса

Приятно посмотреть мне на его смущенье.

Изабелла

А я бы предпочла ему придумать мщенье.

Клариса

Во всяком случае, скучать не будем мы.
Но кто-то к нам идет. Вдруг из-за этой тьмы
Мы не увидим кто? Дорант узнать нас может.
Войдем к Лукреции, мне темнота поможет
Не узнанною быть, вступив с ним в разговор.
Меня Лукрецией считая, всякий вздор
Нести он будет... Что ж! Теперь он сам попался...
И на худой конец, у нас Альсип остался.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант

В записке сказано, чтоб мы пришли сюда.

Клитон

Разведать, как и что, не стоило труда:
Единственная дочь, отец в судейском званье;
О возрасте ее, семье и состоянье

Я вам уже сказал... Одно не смог узнать,
Умеет ли она, как ваша милость, лгать?
А было б весело, когда бы так случилось!
Я многое бы дал, когда бы в ней открылась
Способность сочинять, и чтоб вы пали ниц
Пред мастерством ее по части небылиц
И сами свой талант признали бы убогим.

Дорант

Его даруют небеса отнюдь не многим.
Нужны тут выдержка, ум, память, быстрота
И, чтобы совесть у тебя была чиста.
И многое еще... Гляди, окно открыли.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кларисса, Лукреция, Изабелла (у окна), Дорант, Клитон (внизу).

Кларисса *(Изабелле)*

Будь начеку. Чуть что, лети сюда на крыльях.

Изабелла

Едва решит уйти отсюда ваш старик,
Я, как условлено, предупрежу вас вмиг.

Изабелла отходит от окна и больше не появляется.

Лукреция *(Кларисе)*

Он разговор с моим отцом не кончит скоро.
Ну, можешь начинать, согласно уговору.

Кларисса

Так это вы, Доранг?

Доранг

О да, мадам, я тот,
Кто ради вас одной жить будет иль умрет.

Лукреция *(Кларисе)*

Ведет он разговор все в том же страстном стиле.

Кларисса *(Лукреции)*

И зря старается. Напрасные усилья.
Но быстро он меня по голосу узнал.

Клитон *(Доранту)*

Она — Лукреция. Я, сударь, проиграл.

Доранг *(Лукреции)*

Хочу я вычеркнуть из памяти то время,
Когда, не зная вас, влачил я жизни бремя.

Печальная судьба — жить и не видеть вас:
Наполнен пустотой твой каждый день и час,
Ты гибнешь медленно, и, чтоб спастись от смерти,
Рабом Лукреции я должен стать, поверьте.

Клариса *(Лукреции)*

Так всем он говорит, со всеми он хорош.

Лукреция *(Кларисе)*

Как переменчивы любовь его и ложь!

Дорант

Распоряжаться мной у вас просить я смею;
Нужна вам жизнь моя — легко расстанусь с нею,
Любой немедленно ваш выполню приказ,
Скажите лишь, мадам, что сделать мне для вас.

Клариса

Недавно думала я предложить вам что-то,
Но передумала теперь: прошла охота
О невозможном говорить.

Дорант

Для вас, мадам,
Могу я сделать все, я жизнь свою отдам...

Клариса

Жениться не смогли б: я знаю, вы женаты.

Дорант

Кто? Я женат? О нет! Какой-то лжец завзятый,
Чтоб позабавиться, решил вас разыграть.

Клариса *(Лукреции)*

Где совесть у него?

Лукреция *(Кларисе)*

Одно умеет: лгать.

Дорант

Женат? Да никогда! Но кто, по крайней мере,
Сказал...

Клариса

Не верю вам. Нет, ничему не верю.

Дорант

О, если я солгал, пусть гром сразит меня.

Клариса

Лжец не боится клятв, ни грома, ни огня.

Дорант

Коль думали вы обо мне хотя б немного,
И если судите меня теперь так строго,
Позвольте слово мне сказать: в моей вине
Виновна клевета. Прошу вас, верьте мне.

Кларисса.
Так много дерзости в словах его безбожных,
Что, слушая его, и впрямь поверить можно.
Дорант
Чтоб от сомнений всех вы были далеки,
Позвольте завтра же просить у вас руки.
Кларисса
Просите у других: ваш список бесконечен.
Дорант
Да, из-за вас теперь я в городе замечен
И даже видеть стал завистников вокруг.
Кларисса
Гораздо худшее могло б случиться вдруг
С тем, кто назвал себя архангелом победы,
А сам скрипел пером и по харчевням бегал;
Вернулся лишь вчера из Пуатье — и вот
Сегодня говорит, что здесь он целый год;
Спокойно ночь проспал, а всех уверить хочет,
Что королевский пир давал он этой ночью;
И, будучи женат,— вдруг стал холостяком.
Как это все назвать? Прекраснейший прием,
Чтоб быть замеченным и чем-то выделяться!
Клитон *(Доранту)*
Неужто выкрутиться вам и здесь удастся?
Дорант *(Клитону)*
Не бойся, выкручусь. Но надо взять разгон.
(Кларисе.)
Для каждой выдумки имелся свой резон,
И основательный, о чем скажу вам вскоре;
Сейчас же говорить хочу о том, что горе
Могло вам причинить: да, мне пришлось солгать,
Что я женат. Но вы должны меня понять
И даже похвалить. Нет! Я скрывать не стану,
Что только ради вас прибегнул я к обману.
Кларисса
Что?
Дорант
Только ради вас. Желая избежать...
Клитон *(Доранту)*
Подайте мне сигнал, раз вы собрались лгать.
Дорант *(Клитону)*
Эй, прикуси язык, он слишком стал болтливым.
(Кларисе.)

Служа лишь вам одной, могу я стать счастливым,
И моему отцу не дал себя женить
На той, кого он сам хотел мне предложить.

Клариса *(Лукреции)*
Послушай, как он врет!

Дорант
Благодаря обману,
Одной Лукреции теперь служить я стану.
Избавиться помог мне выдуманный брак
От тех цепей, что я надеть не мог никак.
Судите же меня за все мои промашки,
Зовите выдумщиком (ложь — проступок тяжкий),
Но все-таки хвалу воздайте мне за то,
Что я могу любить так сильно, как никто.
Придумав этот брак, я спасся от другого,
И к узам сладостным моя душа готова:
Она избавлена теперь от прочих уз,
И, кроме вас, никто не вступит с ней в союз.

Клариса
Уж очень пылки вы! (Так мне, по крайней мере,
Хотите доказать.) Но как я вам поверю,
Что повод я дала для этого огня:
Ведь вы почти совсем не знаете меня,
Ни кто моя родня, ни что со мной случалось.

Дорант
Отец ваш Периандр, а ваша мать скончалась;
В судейском званье он, достаточно богат,
Имеет десять тысяч ренты, а ваш брат
Погиб в Италии, в кампании последней,
Сестрицу Юлией зовут... Все это бредни?
Иль, может, знаю вас? Что скажете теперь?

Клариса *(Лукреции)*
Речь о тебе идет, в твою стучит он дверь.

Лукреция *(в сторону)*
Дай бог!

Клариса
Вот мы сейчас узнаем, в чем тут дело.
(Доранту.)
Я о Кларисе вас еще спросить хотела:
Один ваш друг со мной держал о ней совет;
А как по-вашему, достойна или нет
Она женою стать?

Дорант

Зачем вопросом этим
Испытывать меня? Я вам уже ответил,
Все обстоятельства подробно изложил:
Мой выдуманный брак защитой мне служил,
Я отдал вам одной души моей горенье.
И для Кларисы в ней осталось лишь презренье.

Клариса

Коль есть у вас душа, пресыщена она:
Клариса из семьи хорошей, не дурна;
Те, кто получше вас, руки ее просили,
Хотя Лукреция вам кажется красивей.

Дорант

Но у Кларисы есть один изъян.

Клариса

Какой?

Дорант

Пусть предки знатные, пусть блещет красотой,
Она не нравится мне... Лучше утопиться,
Чем дать согласие отцу на ней жениться.

Клариса

Но говорили мне, что вы средь бела дня
В любви ей поклялись.

Дорант

Клевещут на меня.
Я с нею не знаком.

Клариса *(Лукреции)*

Смотри, как лжет он снова,
И клятвой подкрепить готов любое слово.

Дорант

Пусть небо..,

Клариса *(Лукреции)*

Я права?

Дорант

...сразит меня сейчас,
Коль разговаривал я с кем-то, кроме вас.

Клариса

Нет, надоело мне бесстыдство вашей речи,
Вы лжете мне в глаза, при этом с первой встречи.
И клятвой смеете ложь подкреплять свою,
Как будто я смолчу, как будто я стерплю.

Прощайте! Кончен разговор. Но, между прочим,
Я разыграла вас, чем и довольна очень:
Хотя мне не впервой подобные дела,
Приятно время я сегодня провела.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Доран т, Клитон.

Клитон
Вы сами видите: не выгорело дело.
Доран т
Душа моя, Клитон, сейчас покинет тело.
Клитон
Имели б вы успех почти наверняка
И вас не мучила б обида и тоска,
Когда б в затее той не принял я участья:
Мое присутствие приносит вам несчастья.
Доран т
Возможно. Как же быть?
Клитон
Случайность нас сильней.
Доран т
Не хочешь ли сказать, что с долею своей
Смириться должен я, от цели отказаться?
Клитон
Когда бы ваша цель могла бы продаваться
И захотели бы купить ее у вас,
Я посоветовал бы вам ее тотчас
Продать, не дорожась.
Доран т
Но почему так строго
Со мною обошлись!
Клитон
Вы лгали слишком много.
Доран т
А правду говорил — и тут не верят мне.
Клитон
Коль правду лжец сказал, то правда не в цене.
Доран т
Когда из уст других ее услышат снова,
То будет, видимо, прием не столь суровый.
Пойду, пожалуй, спать. Но надо перед сном

Придумать что-нибудь. Нет! Средство мы найдем,
Чтобы объект любви поласковей нас встретил.
О, чувства женщины изменчивы, как ветер,
Не надо подходить с обычной меркой к ней,
А утро вечера, сам знаешь, мудреней.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дорант, Клитон.

Клитон
Вот мы и снова здесь... Не зря я вам толкую,
Что мы Лукрецию не встретим в рань такую.
Ну, что же делать нам?
Дорант
Здесь хорошо мечтать.
Окно Лукреции увижу я опять;
И зная, что она так близко, я сумею
Скорее справиться с тревогою своею.
Клитон
Но разве средства не придумали вы в ночь —
Такого, чтоб смогло вам чем-нибудь помочь?
Дорант
Об этом думал я, и вспомнил о совете,
Который ты мне дал: вернее нет на свете
И нет надежнее пути, как щедрым быть.
Никто не устоит.
Клитон
Умерьте вашу прыть:
Совет мой применим к какой-нибудь кокетке.
Дорант
Ты прав: Лукреция скромна, характер редкий
У этой девушки, и щедростью моей
Ее не покоришь. Но у ее людей
Другие склонности... есть недостатки даже,
И щедрый кошелек им языки развяжет.
Они заговорят, и будет им порой
Внимать Лукреция. Но за меня горой
Стоять они должны: я буду щедр отменно.

С ее служанкою мне надо непременно
Сегодня встретиться, с той, что пришла с письмом.
Готов ручаться я, друг друга мы поймем.

Клитон

Я по себе сужу: тому, кто добр со мною,
Ни в чем не откажу — ни летом, ни зимою;
А добр со мною тот, кто деньги мне дает,
И я покладистым могу быть круглый год.

Дорант

Людей таких, как ты, не мало есть на свете.

Клитон

Пока Сабину здесь надеемся мы встретить,
Хочу вам рассказать, покуда не забыл:
Альсип, как говорят, на поединке был
И дрался...

Дорант

С кем?

Клитон

Секрет. Но слухи ходят все же,
Что там с ним некто был, весьма на вас похожий.
И если б целый день я вас не покидал,
То мог подумать бы, что вы...

Дорант

Ты угадал.
Тебя к Лукреции послал я?

Клитон

В самом деле!
Ах, сударь, и меня вы обойти сумели.

Дорант

С его клинком вчера скрестил я свой клинок
И тайну сохранить я дал себе зарок.
Но для тебя, Клитон, зарок я свой нарушу,
Ты мой поверенный, тебе открою душу,
Однако, что скажу, ты втайне береги:
Уже пять месяцев с Альсипом мы враги.
Проездом в Пуатье он был, и тут же ссора
Меж нами вспыхнула. Но встретиться не скоро
Нам было суждено, а в Пуатье скрестить
Мы шпаги не могли. Пришлось вражду таить
До дня вчерашнего. И вот вчера при встрече
Шепнул я на ухо ему, что жду под вечер
Его в укромном уголке. Ты по делам
Отправлен мною был. И наконец-то нам

Закончить удалось отложенное дело:
Я наношу удар, клинок пронзает тело,
Противник падает...

Клитон

Он умер?

Дорант

Видно, да.

Клитон

Мне, право, жаль его, казался он всегда
Достойным юношей. И надо же случиться...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дорант, Альсип, Клитон.

Альсип

Хочу я радостью с тобою поделиться:
Приехал мой отец.

Дорант

А радость в чем, скажи?

Клитон *(Доранту)*

Должно быть, воздух здесь располагает к лжи.

Дорант

Увидеть вновь отца, пожалуй, не причина,
Чтоб радоваться нам: ведь мы с тобой мужчины.

Альсип

Друг, если счастлив кто, он верит, что кругом
Все знают, почему он счастлив. Дело в том,
Что скоро все мечты мои осуществятся:
Смогу с Кларисою я браком сочетаться!
Теперь-то уж отец благословит наш брак.

Дорант

Об этом я не знал. Рад за тебя. Итак,
Все, значит, к лучшему? Достойная награда!

Альсип

С Кларисой новостью мне поделиться надо.
Я к ней сейчас иду. Но, повстречав тебя,
Не мог не рассказать...

Дорант

Польщен и тронут я.
Любви твоей теперь ничто не угрожает?

Альсип

Покуда мой отец с дороги отдыхает,
Мне надо поспешить.

Клитон *(Доранту)*

Весьма цветущий вид
У друга вашего... что вами был убит.

Альсип

Нет, не грозит ничто. Все минули сомненья.
Но извини меня, я полон нетерпенья.
Прощай.

Клитон

Пусть небеса твой брак благословят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дорант, Клитон.

Клитон

О сударь, чем же я пред вами виноват,
Что обмануть смогли вы так бесчеловечно
Меня, поверенного ваших дел сердечных,
Меня, хранителя всех ваших тайн? Ну как
Об этом позабыть могли вы?

Дорант

Вот чудак!
Ты, может, думаешь, что не было дуэли?

Клитон

Не мне перечить вам. Да кто я, в самом деле?
И все же, слушая вас, надо всякий раз
Быть осмотрительным — тут нужен глаз да глаз.
Католик, мавр, еврей — нет никому спасенья.

Дорант

Тебя смутил Альсип и это исцеленье?
Да, получив удар, был близок к смерти он,
Но порошком одним, как видишь, исцелен.
Ты разве не слыхал, что ныне повсеместно
Нашел признание тот порошок чудесный,
Особенно у тех, кто побыл на войне?

Клитон

Но слышать все-таки не доводилось мне
О всемогуществе целительного средства;
И если кто-то был со смертью по соседству,

То есть почти был мертв,— мы вряд ли можем ждать,
Что завтра будет он здоров и бодр опять.

Д о р а н т

О порошке ты говоришь весьма обычном.
Он не в чести теперь. А мне, Клитон, отлично
Другой известен порошок, который вмиг
Способен воскресить. И всякий, кто постиг,
Как пользоваться им, считай, причастен к чуду.

К л и т о н

Откройте мне секрет — служить вам даром буду.

Д о р а н т

Его открыл бы я, но только он таков,
Что надо несколько древнееврейских слов
Уметь произнести, иначе все сорвется...
А знанье языка с большим трудом дается.

К л и т о н

Вы знаете древнееврейский?

Д о р а н т

Как родной.
Я десять языков освоил.

К л и т о н

Боже мой!
Знать десять языков! Как тут не возгордиться!
Но, сударь, почему одни лишь небылицы,
Будь то родной язык или чужой язык,
Слетают с ваших уст? Я, право, не привык
К подобным выдумкам...

Д о р а н т

Ты глуп, и я не буду
Сердиться на тебя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Жеронт, Дорант, Клитон.

Ж е р о н т

Я вас ищу повсюду.

Д о р а н т

А я вас не искал. Как он некстати вдруг
Явился, чтобы мне испортить мой досуг!
Нет, в возрасте моем родители — обуза.

Ж е р о н т

Коль совершился брак, то брачного союза

Нерасторжима связь, ее нельзя порвать:
Супруги не должны в разлуке пребывать.
Так разум говорит, а сердце жаждет страстно
Скорее встретиться с женой твоей прекрасной.
Письмо к ее отцу уже готово: в нем,
Сославшись на тебя, я говорю о том,
Что дочь его весьма достойная девица —
Скромна, мила, умна; что рад я породниться
С ней и с ее семьей; что я хочу скорей
С невесткой встретиться: для старости моей
Теперь она одна надежда и отрада.
Поэтому, Дорант, тебе немедля надо
Отправиться за ней, так долг и честь велят.

Дорант

Прекрасное письмо! Он будет очень рад.
Сегодня же могу уехать, но уверен,
Он не отпустит дочь, сейчас, по крайней мере:
Она беременна. На месяце седьмом.

Жеронт

Я в восхищении!

Дорант

Давайте подождем.
Ведь риску подвергать ее вы не хотите?

Жеронт

Нет-нет! Я буду ждать развития событий
Спокойно, радостно, раз дожил я до дня,
Когда на небесах услышали меня.
Умру от радости: ведь наконец-то дожил!
Прощай. Теперь письмо переписать я должен:
Хочу ее отца поздравить и потом
Просить его, чтоб он подумал обо всем,
Когда придет пора рожать ей... Вот удача!

Дорант *(Клитону)*

Смотри, старик ушел, от счастья чуть не плача.

Жеронт *(возвращаясь)*

Ты тоже напиши.

Дорант

Конечно.
(Клитону.)
Как всегда,
Заботлив.

Дорант

Тише! Он опять идет сюда.

Жеронт
Я тестя твоего не помню что-то имя.
Так как его зовут?
Дорант
Заботами такими
Обременять себя у вас причины нет.
Я имя сам впишу и отошлю пакет.
Жеронт
Но будет вежливей вписать моей рукою.
Дорант
Как сделать, чтобы он оставил нас в покое?
Не важно, чья рука. Кто разберется там?
Жеронт
Внимательны провинциалы к мелочам.
Дорант
Мой тесть был при дворе...
Жеронт
Ты назовешь мне имя?
Я жду.
Дорант
Его зовут... Пирандром.
Жеронт
Но своими
Ушами слышал я другое имя: он...
Постой, припомнить дай... зовется Армедон.
Дорант
Да, так его зовут. Но также он известен
Под именем Пирандр. Название поместья
На службе в армии себе присвоил он.
Итак, одно лицо Пирандр и Армедон.
Жеронт
Обычаи страны оправдывают это.
Сам поступал я так в свои младые лета.
Прощай. Иду писать.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант
Ушел он наконец!
Клитон
Вас память подвела. Вы неумелый лжец.

Д о р а н т
Ум выручил меня, раз память изменила.
К л и т о н
Но все откроется, и никакая сила
Уж не поможет вам: попались на одном —
Другое выплывет, и все пошло вверх дном.
К тому ж из ваших слов не сделают секрета:
Унизив за глаза Кларису, вы за это
Еще поплатитесь, она вам будет мстить,
Чтоб опозорить вас, покоя вас лишить.
Д о р а н т
Да, надо поспешить. Не зря ты так встревожен.
К себе расположить Лукрецию я должен.
Тут ждать нельзя... Смотри, кто послан мне судьбой!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Д о р а н т, К л и т о н, С а б и н а.

Д о р а н т
Вчера, любезнейшая, встретившись с тобой,
Я так был восхищен врученным мне посланьем,
Что даже обделил тебя своим вниманьем.
Но грех мой поправим: вот это для тебя.
С а б и н а
Ах, сударь, ну зачем...
Д о р а н т
Держи.
С а б и н а
Но разве я...
Нет, это ни к чему.
Д о р а н т
Бери без разговоров.
Люблю одаривать друзей, таков мой норов.
Ну, руку протяни.
К л и т о н
Какой в ломанье прок?
Нет, видно, мне пора ей преподать урок.
Послушай, милая, твои ужимки, право,
На дерзость смахивают. Ты дурного нрава?
Не руку — сразу две ты протяни ему.
При нашем ремесле стыдливость ни к чему.
Брать лучше во сто крат, чем в скучном ожиданье

Рассчитывать на то, что у тебя в кармане
Монеты зазвенят. Поэтому я рад,
Когда их мне дают, когда они звенят.
В наш век берут их все обеими руками.
Великий человек и тот сравниться с нами,
С ничтожными, спешит... Так как же? Ты берешь?
Чур, деньги пополам: урок ведь был хорош!

Сабина

Ну, это лишнее.

Дорант

А в случае удачи,
Я постараюсь одарить тебя иначе.
Вчерашнее письмо зажгло надежды свет...
А не могла бы ты мой передать ответ?

Сабина

Охотно передам. Хоть трудно поручиться,
Что госпожа моя взять в руки согласится
Записку вашу, но...

Клитон

Смотрите, поддалась!
Без скрипа сдвинулась: подействовала мазь.

Дорант *(тихо Клитону)*

Теперь покатится.

(Громко Сабине.)

Отдай записку все же.
Чтоб так меня казнить? Быть этого не может!
Я через час вернусь разведать, как дела.

Сабина

Тогда узнаете, что сделать я смогла.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Клитон, Сабина.

Клитон

Хороший результат? Как видишь, все в порядке.
Сорить монетами готов он без оглядки.
И дальше я могу тебе полезным быть
И подсказать ему...

Сабина

К чему такая прыть?
Сама договорюсь.

Клитон

О, толк в делах ты знаешь!

Сабина

Не так уж я проста, как ты предполагаешь.
Я наше ремесло успела изучить,
И жадностью твоей меня не удивить.

Клитон

Ну, раз ты опытна, скажи, по крайней мере,
А не напрасно ли хозяин мой намерен
Таким упорным быть? Добьется ли чего?

Сабина

Могу тебе сказать: настойчивость его
Лукрецию не оставляет равнодушной.
Ты знаешь, эта ночь была совсем не душной
И не мешал никто, но не спала она:
Коль не ошиблась я, хозяйка влюблена,
Хотя не полностью, а только вполовину.

Клитон

Но почему тогда нам показали спину?
А разговор какой? То шпилька, то подвох.
О нет, хозяин мой совсем не так уж плох.
Да от любви такой, когда б меня он слушал,
Ему бы убежать, свою спасая душу.

Сабина

Пусть только не спешит: он все-таки любим.

Клитон

Но разве мыслимо так обращаться с ним?
От этих выходок вовек не будет толка.

Сабина

Схватила за уши, как говорится, волка:
Хоть любит, но любви не хочет волю дать.
А что тому виной? Его привычка лгать.
Вчера она в одном успела убедиться:
Любой его рассказ — сплошная небылица,
Он, глазом не моргнув, морочит всех подряд.

Клитон

Но иногда лжецы и правду говорят.

Сабина

Не уменьшается от этого сомненье.

Клитон

Пускай Лукреция проявит снисхожденье:
Дорант всю ночь не спал, так был он огорчен.

Сабина

Возможно, что и ты умеешь лгать, как он?

Клитон

Я честный человек. Меня ты оскорбляешь.

Сабина

Он, значит, разлюбил Кларису? Ты не знаешь?

Клитон

Он не любил ее!

Сабина

Уверен ты?

Клитон

Вполне.

Сабина

Тогда он зря не спит, уж тут поверьте мне.
Когда Лукреция Доранта увидала,
То повстречаться с ним она мне приказала:
А вдруг захочет он мне что-нибудь сказать?
Как видишь, твой Дорант спокойно может спать.
Теперь иди. И знай: учить меня не надо,
Я передам ему, что следует.

Клитон

Награда
Не будет скудною, могу ручаться я.
Прощай, рассчитывать ты можешь на меня.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лукреция, Сабина.

Сабина

Итак, Лукрецию увижу я счастливой.
Да вот она сама. Но как нетерпелива!
Записка ей нужна! Глядит во все глаза...

Лукреция

Ну, что сказал слуга? Что господин сказал?

Сабина

Слова их сходятся, причем довольно близко.
А господин влюблен. И вот его записка.

Лукреция *(прочитав написанное)*

Да, в самом деле, он клянется, что влюблен.
Но обмануть меня уже пытался он,
И я его словам не верю.

Сабина

Я тем боле.
Но веру мне внушить смогли его пистоли.

Лукреция

Он денег дал тебе?

Сабина

Взгляните.

Лукреция

Ты взяла?

Сабина

Чтобы развеялась сомнений ваших мгла
И чтобы разглядеть могли вы пламя страсти,
Я приняла, мадам, посильное участье
В судьбе влюбленного: ведь звон его монет
Свидетельствует нам, что тут подвоха нет.
Коль раскошелился — далек он от обмана.

Лукреция

Я выгоде твоей препятствовать не стану.
Но в следующий раз о щедрости его,
Пойми, я не должна знать ровно ничего.

Сабина

А что ему сказать?

Лукреция

Затея, мол, пустая:
Хозяйка порвала записку, не читая.

Сабина

О, выгода моя, пришел тебе конец!

Лукреция

Но от себя добавь, что девичьих сердец
Понять особенность он должен и что вскоре
Они смягчаются, чужое видя горе.
А главное, предупреди его, когда
И где бываю я, чтоб мог он без труда
Со мною встретиться. Устроим испытанье.

Сабина

Ах, если б вы могли понять его страданья,
То все сомнения отбросили бы прочь:
Вздыхал он, и стонал, и мучился всю ночь.

Лукреция

Раз он ведет себя, как накануне казни,
Надежду дай ему, но не лишай боязни.
Уравновесь в нем эти чувства, чтобы он
В отчаянье не впал и знал, в кого влюблен.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Клариса, Лукреция, Сабина.

Клариса

Дорант тебя всерьез обхаживать намерен.
Я, право, не сержусь, что мною он потерян:
Остался мне Альсип, и здесь его отец.

Лукреция

Так, значит, у тебя удача наконец?

Клариса

Надеюсь, да... Но вот твое приобретенье,
Скажу по совести, внушает мне сомненье.
Ты помнишь, как он лгал, беседуя со мной?

Сабина

Но лгать он перестал, ручаюсь головой!

Клариса

Возможно, что и так, но под большим вопросом.

Лукреция

Дорант обманывал и сам остался с носом.
Теперь он кается, и, может быть, ему
Со временем начну я верить.

Клариса

Ни к чему!
Всегда будь начеку и, что бы ни случилось,
Себя не забывай, хотя ты и влюбилась.

Лукреция

Ну что ты говоришь! Ему поверить? Да.
Смогла бы. Но любить? Какая ерунда!

Клариса

От веры до любви короткая дорога.
Внушить доверие — о, это очень много!
Когда поверишь ты, что он в тебя влюблен,
Полюбишь и сама: таков любви закон.

Лукреция

Давно замечено, что любопытство тоже
Сердца иные жжет и на любовь похоже.

Клариса

Пусть будет так, хотя увидишь ты сама...

Сабина

Решили обе вы свести меня с ума.
Как надоели мне слова и шутки эти!
В них много сахара, но вы-то уж не дети!
Подобный разговор могли б вести пажи.

Л у к р е ц и я
Не слушай ты ее! И вот что мне скажи:
Когда вчера Дорант был послан нам судьбою
И комплименты рассыпал перед тобою,
Ты слушала его (иль я ошиблась вновь?)
Внимательно... Была ли то любовь
Или простое любопытство?
К л а р и с а
Ну, конечно,
Одно тут было любопытство! И успешно
Я позабавилась над тем, что он сказал.
Л у к р е ц и я
А я над тем, что он мне нынче написал.
Записку я взяла, прочла ее, и что же?
Какая тут любовь? В чем мы с тобой несхожи?
К л а р и с а
Прочесть и выслушать — отнюдь не все равно:
Простая вежливость велит нам слушать, но
Читать любовное письмо — большую милость
Оказывать тому, кому она не снилась.
Л у к р е ц и я
Сабина скажет, что письмо я порвала.
К л а р и с а
А лучше ли пойдут от этого дела?
Да, любопытна ты...
Л у к р е ц и я
С тобой сравнюсь я вскоре.
К л а р и с а
Возможно. Но теперь нам надо быть в соборе.
Л у к р е ц и я *(Кларисе)*
Отправимся туда.
(Сабине.)
Сама решай, как быть.
С а б и н а
Я знаю лучше вас, как делу пособить,
И знаю, где болезнь у вас двоих засела.
Коль не вмешаюсь я, то плохо будет дело.
Но знайте: молодца брать надо за рога.
Л у к р е ц и я
Да?
С а б и н а
Выгода моя мне тоже дорога.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жеронт, Филист.

Жеронт

Филист, я очень рад такой счастливой встрече:
Мне многое узнать помогут ваши речи.
«Дигесты» в Пуатье пришлось листать и вам,
Как и Доранту моему; однако там
Бывать и в обществе пришлось вам... Интересно,
Каков собой Пирандр? Что вам о нем известно?

Филист

А кто такой Пирандр?

Жеронт

Из местных. Не богат.
Но рода знатного, как люди говорят.

Филист

Дворян и буржуа я знал, но между ними
Нет в Пуатье того, кто носит это имя.

Жеронт

Быть может, слышали другое имя? Он
Зовется иногда иначе — Армедон.

Филист

Не знаю и его.

Жеронт

Но об отце Орфизы,
Должно быть, слышали? То не молвы капризы —
По справедливости Орфизу в Пуатье
Признали первой по уму и красоте.

Филист

Как ни прискорбно мне, сказать я должен все же:
Там не живет Пирандр, Орфизы нету тоже,
И если надо вам все это подтвердить...

Жеронт

Вы сына моего хотите защитить!
Но мне известно все, я вас заверить смею:
Орфизу любит он, ухаживал за нею,
Был найден в комнате ее и потому,
Когда поднялся шум, увы, пришлось ему
Без промедленья на красавице жениться.
Теперь вы поняли? Но я не стал сердиться.

И брак благословил, и, значит, больше нет
Необходимости скрывать его секрет.

Филист

Неужто в тайный брак Дорант вступил? О боже!

Жеронт

Но я его простил, отец ему я все же.

Филист

А кто вам рассказал?

Жеронт

Он сам.

Филист

Ну если так,
О прочем тоже он расскажет: как-никак
Лишь одному ему подробности известны;
Он их не утаит, ведь человек он честный.
Но развито воображенье у него,
И тут предугадать нельзя уж ничего.

Жеронт

Его история внушает вам сомненье?

Филист

О нет! Хотя вчера такое угощенье
Нам преподнес Дорант, что верилось с трудом.
Изобретательным он наделен умом!
И если применил он к браку тот же метод,
То, право же, меня брак не смущает этот.

Жеронт

Вам хочется, чтоб гнев меня прикончил здесь?

Филист

Я это испытал: был гнев... но вышел весь.
И если никогда Орфизу не придется
Невесткой вам назвать, слезинки не прольется
Из дивных глаз ее. Вы поняли меня?
Всего хорошего, вас покидаю я.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жеронт.

Жеронт

О легковерная, доверчивая старость!
Да! Ноша тяжкая тебе в удел досталась,
И ты сгибаешься под бременем стыда.
Несчастный я отец! О горе! О беда!

Дорант — обманщик, лжец! А он мне всех дороже!
Но самого себя обманывал я тоже,—
И, в выдумку его поверив, как бы стал
Ее глашатаем, и потерпел провал.
До гробовой доски теперь краснеть я буду
За сына моего. Но и меня повсюду
Ославят за мою доверчивость, и я,
По милости его, краснею за себя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жеронт, Дорант, Клитон.

Жеронт
Вы дворянин иль нет?
Дорант
Ну вот! Куда деваться?
Поскольку я ваш сын, не смею сомневаться.
Жеронт
И только потому вы, значит, дворянин?
Дорант
Так полагают все, не только я один.
Жеронт
Но что известно вам о звании высоком?
И знаете ли вы, к каким оно истокам
Восходит? Только честь то звание дает,
Передающееся нам из рода в род.
Дорант
Я не оспариваю ваше утвержденье:
Приобретает честь, передает рожденье.
Жеронт
Безродным предок был, но доблестью своей
Добился знатности. Коль у его детей
Нет добродетели, то знатность не поможет:
Что сделано одним, другой разрушить может,
Разрушить, не щадя родительских седин.
Ты так и поступил, и ты не дворянин.
Дорант
Кто? Я?
Жеронт
Дай досказать... Да, ты, чье поведенье
Перечеркнуло то, что было от рожденья
Тобой получено. Ты дворянин? Но тот,

Кто лжет, не дворянин, и, значит, дважды лжет,
Себе присвоив это званье. Нет страшнее
Порока на земле, чем ложь. Столкнувшись с нею,
От отвращенья содрогаются сердца
Порядочных людей. И, уличив лжеца,
Его презреньем окружают повсеместно.
Нет выхода ему, солгавшему бесчестно,
Как только кровью смыть позор свой... Но скажи,
Скажи мне, почему ты так погряз во лжи?

Дорант

Кто вам сказал, что я на ложь способен?

Жеронт

Боже!
И он такой вопрос еще задать мне может!
А кто твоя жена? Напомни имя мне.

Клитон *(Доранту)*

Скажите: я, мол, спал и позабыл во сне.

Жеронт

А тестя твоего не повторишь ли имя?
Ну что же ты молчишь? Уловками своими
Меня опутай вновь и ослепи опять.

Клитон *(Доранту)*

Вам память или ум на помощь надо звать.

Жеронт

Теперь с каким лицом признаться я посмею,
Что, старый человек, я наглостью твоею
Был в заблуждение введен и сбит с пути?
Позор какой! Юнец смог старца провести!
Меня посмешищем ты сделал, и повсюду
Я буду слыть глупцом, слыть простофилей буду.
Но разве я тебе нож к горлу приставлял?
Тебя насильно я жениться заставлял?
Не нравится тебе Клариса? Ну и что же?
Зачем уловки тут? Обман к чему? О боже,
Как мог подумать ты, что я тебе не дам
Согласия на то, чего ты хочешь сам!
Я слишком добрым был, в чем смог ты убедиться,
Мое согласье получив на брак с девицей,
Мне не известной. Что сказал я? В добрый путь!
Но сердца твоего не тронули ничуть
Ни доброта моя, ни радость, ни волненье...
Нет у тебя ко мне любви и уваженья!
Уйди, ты мне не сын.

Дорант

Послушайте, отец...

Жеронт

Что? Сказку новую придумал наконец?

Дорант

Нет, правду я скажу.

Жеронт

Возможно ли такое?

Клитон *(Доранту)*

Совсем пропали вы.

Дорант *(Клитону)*

Оставь меня в покое.

(Жеронту.)

Едва я встретился с красавицей одной,
Как стал ее рабом: любовь тому виной.
Увы, Лукреция вам, видно, не знакома.

Жеронт

Я знаю, кто она и из какого дома:
Ее отец мой друг.

Дорант

Я был в единый миг
Ее глазами очарован, я постиг,
Что значит власть любви, и выбор ваш, поверьте,
При всех достоинствах Кларисы, хуже смерти
Мне показался вдруг. Ведь я тогда не знал,
Что вы с Лукрецией знакомы, и скрывал,
Вернее, не посмел открыться вам, что пламя
Она зажгла во мне, что я ее глазами
Навеки был пленен. Не мог я также знать,
Что преступление — к уловкам прибегать,
Когда твоей любви попасть в беду случилось.
Но если б вы могли вновь оказать мне милость,
Я умолял бы вас во имя кровных уз,
Во имя прежних чувств, скреплявших наш союз,
Помочь мне в брак вступить с любимой мной девицей
И у ее отца согласия добиться.

Жеронт

Обманываешь?

Дорант

Нет! Вы можете вполне
Клитону доверять, раз нету веры мне:
Слуга мой знает все.

Жеронт

Еще недоставало!
Как видно, со стыдом знаком ты очень мало,
Коль должен твой отец расспрашивать у слуг
О том, что мог бы он узнать из первых рук.
Послушай: несмотря на гнев и раздраженье,
Я все-таки хочу исправить положенье,
Тебе в последний раз попробую помочь:
К отцу Лукреции пойду, чтоб отдал дочь
Он за тебя, но знай: прибегнешь вновь к обману...

Дорант

Возьмите и меня, вас ободрять я стану.

Жеронт

Нет, оставайся здесь, за мною не ходи.
Тебе не верю я. Ад у меня в груди.
И все ж попробую. Но если вдруг случится,
Что на Лукреции не хочешь ты жениться
И это все обман, то сразу говорю:
Исчезни с глаз моих, иначе кровь твою
Рука отцовская прольет без содроганья;
Кровь недостойная ничтожной будет данью
За мой великий стыд, за попранную честь...
Солги еще хоть раз — ужасной будет месть.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант

Не принял я всерьез подобную угрозу.

Клитон

Однако все трудней вам становиться в позу.
А впрочем, ловкий ум вас не подвел пока:
Два раза провести смогли вы старика.
Бог любит троицу, но что-то будет в третий?

Дорант

Прошу тебя, Клитон, оставь насмешки эти.
Забота новая покоя не дает.

Клитон

Сказали правду вы, и это вас гнетет.
Хотя мне кажется, что просто ложью новой

Вы нас дурачите... Не может быть такого,
Чтоб вы с Лукрецией вступить хотели в брак:
Раз так сказали вы, то, значит, все не так.

Дорант

Нет, я ее люблю, сомненья быть не может.
Но слишком риск велик, вот что меня тревожит:
Коль не столкуется ее отец с моим,
Все замыслы мои развеются, как дым;
Но если за меня он дочь отдать намерен,
Согласна ли она? Я в этом не уверен.
К тому же у нее подруга есть, и я
Вчера почувствовал, что сердце у меня
Любовью прежнею немного тяготится.
Сегодня разглядел подругу я: девица,
Как показалось мне, отменно хороша.
Ты видишь, у меня раздвоена душа.

Клитон

Но для чего тогда вы о любви твердили
И даже свататься отца уговорили?

Дорант

Он не поверил бы, не поступи я так.

Клитон

И правду говоря, вы лгали!

Дорант

Вот чудак!
Я просто в ход пустил единственное средство,
Смиряющее гнев. Прием, знакомый с детства.
Теперь же я могу подумать не спеша,
Чего же хочет, наконец, моя душа.

Клитон

Но ведь Кларисою зовут ее подругу!

Дорант

Хорошую я оказал себе услугу!
Как я завидую Альсипу! Но сейчас
Он получил лишь то, чему я дал отказ.
Не говори мне о Кларисе.

Клитон

Я не смею.
Вы, как с Орфизою, распорядились с нею.

Дорант

К Лукреции идем, забыв о той, другой,
Что чуть не отняла наш разум и покой.
Сабину вижу я, что мне она ответит?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дорант, Сабина, Клитон.

Дорант
Ты отдала письмо прекраснейшей на свете?
Сабина
Да, сударь. Но...
Дорант
Что, но?
Сабина
Взяла и порвала.
Дорант
Прочла?
Сабина
Ни строчки.
Дорант
Как? А ты-то где была?
Сабина
Что делать было мне? Хозяйка так сердилась!
Я, сударь, из-за вас чуть места не лишилась.
Дорант
Она тебя простит. Чтоб легче было ждать,
Мне руку протяни.
Сабина
О что вы!
Дорант
С ней опять
Должна ты говорить: не все еще пропало.
Клитон
Хотя и грустным показалось вам начало,
Уже утешилась Сабина, и сейчас
Вы от нее другой услышите рассказ.
Дорант
Так, значит, порвала и даже не читала?
Сабина
Мне было велено, чтоб так я вам сказала.
Но честно говоря...
Клитон
Знакома с ремеслом.
Сабина
Прочла Лукреция записку целиком.
С хорошими людьми хитрить я не умею.

К л и т о н
По знанью ремесла нельзя равняться с нею!
Д о р а н т
Ко мне в ней ненависти нет?
С а б и н а
Вы ей не враг.
Д о р а н т
А любит ли меня?
С а б и н а
Не любит.
Д о р а н т
Как же так!
Другого любит?
С а б и н а
Нет.
Д о р а н т
Чего ж мне ждать?
С а б и н а
Не знаю.
Д о р а н т
Но все-таки скажи!
С а б и н а
Что?
Д о р а н т
Правду.
С а б и н а
Не скрываю
От вас я ничего.
Д о р а н т
Полюбит ли меня?
С а б и н а
Возможно.
Д о р а н т
Но когда?
С а б и н а
Дождитесь только дня,
Когда поверит вам.
Д о р а н т
О, луч надежды!
С а б и н а
Двери
Она откроет вам, когда внушить доверье
Вы ей сумеете.

Дорант

Та, что прекрасней всех,
Сегодня же простит мне мой невольный грех,
Поскольку мой отец...

Сабина

Сюда идут, смотрите.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Клариса, Лукреция, Дорант, Сабина, Клитон.

Клариса *(Лукреции)*

Доранта знаешь ты, не торопи событий:
Он может и не лгать, но разве в этом суть?

Дорант *(Кларисе)*

О красота, чей свет мой озаряет путь...

Клариса *(Лукреции)*

По-моему, глядит он на меня, и даже
Весьма внимательно.

Лукреция *(Кларисе)*

Послушаем, что скажет.
Он в сторону твою случайно бросил взгляд.

Дорант *(Кларисе)*

Вдали от ваших глаз я жизни был не рад.
Для любящих сердец час, прожитый в разлуке,
Как убедился я, одни сплошные муки.

Клариса *(Лукреции)*

Он это мне сказал.

Лукреция *(Кларисе)*

А мне записки шлет.

Клариса *(Лукреции)*

Но говорит со мной.

Лукреция *(Кларисе)*

Совсем наоборот.

Клариса

Сейчас мы выясним. Дорант, скажите прямо,
Вы любите меня?

Дорант *(Кларисе)*

Мою любовь упрямо
Вы отвергаете. Но я, увидя вас...

Клариса *(Лукреции)*

Ну, с кем он говорит? С кого не сводит глаз?

Лукреция *(Кларисе)*
Не знаю, что сказать.
Клариса *(Лукреции)*
Его дослушать надо.
Лукреция *(Кларисе)*
В пустых его речах ни склада нет, ни лада.
Клариса *(Лукреции)*
При свете дня любовь преобразилась в нем:
Он ночью льстил тебе, со мной любезен днем.
Доранта *(Кларисе)*
Вы с нею шепчетесь! Но что б вам ни сказала,
Не слушайте ее: есть у нее немало
Причин желать мне зла... Располагайте мной,
Пред вами я готов держать ответ любой.
Лукреция *(про себя)*
С меня достаточно. О, как я жажду мщенья!
Клариса *(Доранту)*
Слова ее звучат так странно. Я в смущенье.
Дорант
Она все выдумала, ревностью горя.
Клариса
Возможно. Но меня... вы знаете?
Дорант
Кто? Я?
Не смейтесь надо мной! Так с кем же, как не с вами
Вчера беседовал я в Тюильри? Вы пламя
Зажгли в моей груди, я вашим стал рабом.
Клариса
Но если верить ей, случилось так потом,
Что госпожу сменить вы пожелали вскоре.
Дорант
И я вам изменил? Покинул вас? О горе!
Да я бы умереть согласен был скорей...
Клариса
Женаты вы к тому ж, коль можно верить ей.
Дорант
Вы разыграть меня хотите шутки ради.
Или мне надо повторять, в глаза вам глядя,
Что только из-за вас я сделал этот шаг?
Я ограждал себя, придумав тайный брак.
Клариса
Но, прежде чем со мной вас узы брака свяжут,
О ваших подвигах не то еще расскажут.

Д о р а н т

Но, прежде чем с другой связать мою судьбу,
Готов я выдержать смертельную борьбу.

К л а р и с а

Итак, Клариса вам внушает лишь презренье?

Д о р а н т

Маневр известен вам, к чему теперь сомненья?
Ведь чтоб добиться вас, я сделал все что мог.

К л а р и с а

Запутал он меня, Лукреция: не впрок
Нам этот разговор.

Д о р а н т *(Клитону)*

Лукреция? Вот странно!

К л и т о н *(Доранту)*

Вы именно ее считали постоянно
Красивее другой. Но кто из них — она?
А угадал ведь я!

Д о р а н т *(Клитону)*

А ночью из окна
Кто говорил со мной? Их голоса не схожи.

К л и т о н *(Доранту)*

Клариса назвалась Лукрецией.

Д о р а н т

О боже!

К л и т о н *(Доранту)*

Сабина только что секрет открыла мне.

Д о р а н т *(Клитону)*

Одна мне нравится, другая же вполне
Ее достойна. Что ж! Недаром я подругу
Все время замечал, и может мне услугу
Мой промах оказать. Будь нем, Клитон. Пора
Мне новую игру начать, и пусть игра
Окончится всерьез. Итак, смелей за дело.

Л у к р е ц и я *(Кларисе)*

У дерзости его, должно быть, нет предела.
Довольно! Хватит нам болтать о том, о сем.

К л а р и с а

Дорант, она мне рассказала обо всем:
Вы ночью ей клялись в любви, и той же ночью

Меня отвергли вы. Кому из нас морочить
Хотите голову? И кто вам все же мил?

Доран т

В Париж вернувшись, я лишь с вами говорил.

Кларис а

Не говорили ночью вы с Лукрецией?

Доран т

Я сразу

Проделку вашу разгадал. Я с первой фразы
Узнал ваш голос.

Кларис а

Да?

Доран т

И понял все тотчас.

Кларис а

Он правду, кажется, сказал нам в первый раз.

Доран т

И чтобы отомстить вам за проделку эту,
Я сам вас разыграл; скажу вам по секрету,
Что я в таких делах намного вас сильней.
Игру я разгадал, и вот вы вместе с ней,
С игрою вашею, на мой крючок попались.
Я ловко роль сыграл, а вы не догадались;
И даже невдомек вам было, почему
Я говорил тогда, что сердцу моему
Вы безразличны... Нет! Оно вас любит страстно,
И жизнь вдали от вас мной прожита напрасно.

Кларис а

Но если любите, зачем придуман был
Брак тайный в Пуатье, когда заговорил
Отец ваш обо мне. К чему тогда вы лгали?

Лукреция *(Доранту)*

Раз любите ее, зачем же мне писали?

Доран т *(Лукреции)*

Мне нравится ваш гнев, он говорит, что я
Не безразличен вам... Так вот, игра моя
Теперь окончилась. Я правду вам открою:
Одну Лукрецию люблю я всей душою.

Кларис а *(Лукреции)*

Неслыханный обман! И веришь ты ему?

Доран т *(Лукреции)*
Я правду говорю, сомненья ни к чему.
Себя Лукрецией назвав, Клариса ночью
Меня разыгрывала. Вы же, между прочим,
Ей в этом помогли. Я заговор открыл,
И отомстить решил, и боль вам причинил.
Лукреция
А в Тюильри вчера что было? Нет вам веры!
Доран т
Была обычная галантность кавалера.
Клариса *(Лукреции)*
Его ты долго будешь слушать? Просто срам!
Доран т *(Лукреции)*
Я ей дарил слова, а сердце отдал вам.
Вы пламя в нем зажгли, но я хранил молчанье,
Пока любовь моя согласья и признанья
Не получила от отца: он знает вас.
А речи в Тюильри... так, для отвода глаз.
Клариса *(Лукреции)*
Смотри, как ложь на ложь он громоздит привычно!
Такую болтовню и слушать неприлично.
Доран т *(Лукреции)*
Да! Вы моей душой владеете одна.
Лукреция *(Доранту)*
Как мало в этом я еще убеждена!
Доран т
А если мой отец сейчас договорится
С родными вашими, могли б вы согласиться
Вступить со мною в брак?
Лукреция
Подумала б сперва.
Все ваши взвесила б поступки и слова.
Доран т *(Лукреции)*
Так пусть у вас весы работают без скрипа!
(Кларисе.)
А вам желаю я всегда любить Альсипа.
Когда б не выдумка о браке в Пуатье,
Остался б он ни с чем. Но я по доброте
Забуду случай тот: он наша с вами тайна.
Смотрите, кто идет, и это не случайно.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жеронт, Доранг, Альсип, Клариса, Лукреция, Изабелла, Сабина, Клитон.

Альсип *(выходя из дома Кларисы и обращаясь к ней)*
Родители пришли к согласью, вы — моя.
Жеронт *(выходя из дома Лукреции и обращаясь к ней)*
Согласен ваш отец, безмерно счастлив я.
Альсип *(Кларисе)*
Чтоб дело завершить, за вами только слово.
Жеронт *(Лукреции)*
Скажите только «да», и к свадьбе все готово.
Доранг *(Лукреции)*
Своим молчанием моих не множьте мук.
Альсип *(Кларисе и Лукреции)*
Скажите, почему вы онемели вдруг?
Клариса
Что ж, для меня закон отцовское желанье.
Лукреция
Долг дочери — в любви, а также в послушанье.
Жеронт *(Лукреции)*
Войдемте в дом: вас ждет приятнейший приказ.
Альсип *(Кларисе)*
Должны согласие вы подтвердить тотчас.

Альсип вместе с Кларисою и Изабеллой входят в дом Кларисы, остальные направляются к дому Лукреции.

Сабина *(Доранту у дверей дома)*
Когда вы женитесь, щедроты прекратятся.
Доранг
Лились они дождем — как реки заструятся.
Сабина
Нет, ремесло мое не стоит ничего,
Коль можно обойтись спокойно без него.
Клитон *(оставшись один)*
Страдает лжец порой от собственных уловок;
Но был герой наш мил и был на редкость ловок.
Вы сомневались в нем, но всякий раз опять
Он выход находил. Итак... учитесь лгать.

ЖАН РАСИН

АНДРОМАХА

Трагедия в пяти действиях

ЕЕ КОРОЛЕВСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ГЕРЦОГИНЕ ОРЛЕАНСКОЙ

Ваше высочество! Совсем не случайно то обстоятельство, что именно ваше блистательное имя ставлю перед этим сочинением. В самом деле, чьим именем мог бы я более украсить печатное издание моей пиесы, нежели тем, которое, столь счастливо для нее, осенило ее представление на театральной сцене?

Ведь всем было известно, что ваше королевское высочество удостоило своего милостивого внимания мои труды над этой трагедией; известно было также, что вы подали мне несколько весьма тонких советов, благодаря которым она приобрела новые красоты; было известно, наконец, и то, что вы оказали ей высокую честь. обронив слезу при первом ее чтении.

Не судите меня строго, ваше высочество, за то, что я смею хвалиться удачей, выпавшей на долю «Андромахи» при появлении ее на свет. Удача эта с избытком вознаграждает меня за огорчения, доставляемые злобой тех, кто не пожелал быть тронутым моей трагедией. Пусть их клянут «Андромаху», сколько хотят: лишь бы мне было дозволено обратиться за защитой от ухищрений их разума к сердцу вашего королевского высочества.

Но вы, ваше высочество, оцениваете достоинства того или иного сочинения не только сердцем, но и утонченным умом, который не обманется никаким фальшивым блеском. Можем ли мы, авторы, представить на театре сюжет, который вы не постигли бы столь же полно, как сам автор? Способны ли мы соорудить интригу, пружины которой не были бы совершенно ясны для вас, и в состоянии ли кто-нибудь из сочинителей, стремясь изобразить благородные и изысканные чувства, подняться до недосягаемой высоты ваших мыслей и чувств?

Известно,— как ни стараетесь вы, ваше высочество, это скрыть,— что высшего рода слава, предопределенная для вас природой и избраннической судьбой, не заставляет вас пренебрегать скромной славой литератора. И кажется, будто вы пожелали настолько же превзойти наш, мужеский пол знаниями и силой ума, насколько вы выделяетесь среди представительниц своего пола присущими вам изяществом и грацией. Двор считает вас верховным судьей во всем, что касается творений, призванных утолять потребность в приятном. И нам, кто трудится ради того, чтобы нравиться публике, нет нужды вопрошать ученых мужей, соответствуют ли правилам плоды наших трудов: единственное непререкаемое правило — нравиться вашему королевскому высочеству.

Из всех ваших достоинств я назвал, несомненно, лишь самое малое. Но только о нем одном я могу говорить с достаточным понятием. Другие слишком возвышенны для меня. И я не мог бы рассуждать о них, не принизив их слабостью своей мысли и не преступив границ глубочайшего к вам почтения, свидетельствуя каковое, остаюсь

вашего королевского высочества смиреннейшим, покорнейшим и вернейшим слугой

Жан Расин.

ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои персонажи были столь знамениты в древнем мире, что любой, кто мало-мальски с ним знаком, тотчас увидит, что я изобразил их именно такими, какими представили их нам античные поэты; я не считал для себя дозволенным хоть что-нибудь менять в их характерах. Единственная вольность, какую я себе разрешил, состоит в том, что я несколько смягчил жестокость Пирра, которую Сенека в «Трояде» и Вергилий во второй книге «Энеиды» довели до степени гораздо большей, чем это, по-моему, следовало. И все же нашлись люди, которые досадовали, что Пирр ведет наступление на Андромаху и во что бы то ни стало хочет жениться на своей пленнице. Да, признаюсь, Пирр в самом деле недостаточно покорен воле своей любимой, и Селадон лучше него знал, что такое идеальная любовь. Но что поделаешь! Пирр не читал наших романов: он был неистов и груб по своей натуре,— да и не все же герои призваны быть Селадонами! Как бы то ни было, публика выказала ко мне такую благосклонность, что мне едва ли стоит принимать близко к сердцу недовольство двух-трех лиц, которые хотели бы перекроить всех героев древности, превратив их в героев идеальных. У этих людей самые добрые намерения: им желательно, чтобы на театре выводили только безупречных мужей. Но я осмелюсь напомнить им о том, что я не вправе менять правила драматургии. Гораций советует изображать Ахилла свирепым, неумолимым и грубым, каким он и был на

самом деле; таким же изображается и его сын. Аристотель отнюдь не требует от нас представлять героев существами совершенными, а, напротив, высказывает пожелание, чтобы трагические герои, то есть те персонажи, чьи несчастья создают катастрофу в трагедии, не были вполне добрыми или вполне злыми. Он против того, чтобы они были беспредельно добры, ибо наказание, которое терпит очень хороший человек, вызовет у зрителя скорее негодование, нежели жалость,— и против того, чтобы они были чрезмерно злы, ибо негодяя никто жалеть не станет. Таким образом, им надлежит быть средними людьми по своим душевным качествам, иначе говоря, обладать добродетелью, но быть подверженными слабостям, и несчастья должны на них обрушиваться вследствие некоей ошибки, способной вызвать к ним жалость, а не отвращение.

ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Эней в третьей книге «Энеиды» Вергилия говорит:

Litoraque Epiri legimus, portuque subimus[1]
Chaonio, et celsam Buthroti ascendimus urbem...
. . . . . .
. . . . . .
Solemnes tum forte dapes, et tristia dona...
Libabat cineri Andromache, manesque vocabat
Hectoreum ad tumulum, viridi quem cespite inanem
Et geminas, causam lacrymis, sacraverat aras...
. . . . . .
. . . . . .
Dejecit vultum, et demissa voce locuta est:
O felix una ante alias Priameia virgo,

---

[1] Вдоль берегов Эпира свой путь в Хаонийскую гавань
Мы направляем — и вот подплываем к твердыне Бутрота...
. . . . . .
. . . . . .
Вижу: печальный обряд приношений и тризны надгробной...
. . . . . .
. . . . . .
Правит, взывая к теням, Андромаха над Гектора прахом
И возлиянья творит на кургане пустом, где супругу
Два алтаря посвятила она, чтобы плакать над ними...
. . . . . .
. . . . . .
Взор опустила она и промолвила, голос понизив:
«Всех счастливей одна приамова дева, которой

Hostilem ad tumulum, Trojae sub moenibus altis,
Jussa mori: quae sortitus non pertulit ullos,
Nec victoris heri tetigit captiva cubile!
Nos, patria incensa, diversa per aequora vectae,
Stirpis Achilleae fastus, juvenemque superbum
Servitio enixae tulimus, qui deinde secutus
Ledaeam Hermionem, Lacedaemoniosque hymenaeos...
. . . . . .
Ast illum, ereptae magno inflammatus amore
Conjugis, et scelerum furiis agitatus, Orestes
Excipit incautum patriasque obtruncat ad aras.

В этих немногих стихах изложен весь сюжет моей трагедии; тут и место действия, и происходящие в этом месте события, и все четыре главных действующих лица, и даже их характеры — кроме характера Гермионы, ревность и неистовство которой достаточно отчетливо показаны в «Андромахе» Еврипида.

Характер и поведение Гермионы — почти единственное, что я позаимствовал у этого автора, так как моя трагедия, нося то же название, что и у него, имеет совсем иной сюжет. У Еврипида Андромаха боится за жизнь Молосса — это ее сын от Пирра, боится, что Гермиона умертвит его, а вместе с ним и ее самое. В моей трагедии о Молоссе не упоминается: у Андромахи нет другого мужа, кроме Гектора, и другого сына, кроме Астианакса. Мне хотелось, чтобы образ Андромахи соответствовал тому представлению о ней, которое ныне утвердилось у нас. Среди тех, кто слышал когда-либо имя Андромахи, большинство знает ее только как вдову Гектора и мать Астианакса. Никто не подозревает, что она могла иметь другого мужа или другого сына, и я сомневаюсь, что слезы Андромахи произвели бы на моих зрителей то впечатление, которое они действительно произвели, если бы она проливала их из-за сына, рожденного не от Гектора.

Правда, мне пришлось продлить жизнь Астианакса на несколько больший срок, чем он прожил на самом деле; но ведь я пишу в стране, где

Жертвою пасть по приказу пришлось на вражьем кургане,
Возле Троянской стены. Никому не досталась по жребью
И не коснулась она победителей ложа в неволе!
Родину нашу спалив, увезли нас по водным равнинам;
Сына Ахиллова спесь, надменность юнца я терпела,
В рабстве рожая детей. Когда же он в Спарту уехал,
Чтобы брак заключить с Гермионой, внучкою Леды...
. . . . . .
То, любовью горя к невесте отнятой, мучим . . . .
Местью Фурий, Орест застиг внезапно Пелида
И на Ахиллов алтарь его поверг бездыханным.

(Лат. Перевод С. Ошерова.)

такая вольность не может быть плохо принята, ибо, — не говоря уже о том, что Ронсар сделал Астианакса главным героем своей «Франсиады», — кто у нас не знает, что род наших древних королей возводится именно к сыну Гектора и что, согласно нашим старинным хроникам, жизнь юного царевича после разгрома его родной страны была спасена и он стал основателем нашей монархии!

Насколько смелее меня поступил Еврипид в своей трагедии «Елена»! Он в ней просто опрокидывает верования, общие для всех греков: он исходит из предположения, что Елена вообще не ступала на землю Трои и что после того, как этот город был спален дотла, Менелай нашел свою супругу в Египте, который она за все это время ни разу не покидала. Эта версия основывается на предании, распространенном только среди египтян, что можно прочесть у Геродота.

Я полагаю, впрочем, что для оправдания допущенной мною небольшой вольности мне нет надобности ссылаться на пример Еврипида, ибо совсем не одно и то же — полностью разрушить самую основу сказания или только изменить в нем некоторые события, которые в каждой новой передаче всегда существенно меняются. Так, если верить большинству поэтов, Ахилл мог быть ранен только в пятку. А у Гомера рана наносится ему в плечо, причем автор «Илиады» не считает неуязвимой никакую часть его тела. У Софокла Иокаста умирает сразу же после того, как узнает Эдипа, тогда как Еврипид продлевает ей жизнь вплоть до битвы и гибели обоих ее сыновей. Именно по поводу противоречий такого рода один античный комментатор Софокла очень удачно замечает, что «отнюдь не следует развлекаться уличением поэтов в изменениях, внесенных ими в старинные предания, лучше постараться вникнуть в то, какое прекрасное употребление они сделали из этих изменений и как изобретательно они сумели приспособить миф к своему сюжету».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Андромаха, вдова Гектора, пленница Пирра.
Пирр, сын Ахилла, царь Эпира.
Орест, сын Агамемнона.
Гермиона, дочь Елены, нареченная Пирра.
Пилад, друг Ореста.
Клеона, наперсница Гермионы.
Сефиза, наперсница Андромахи.
Феникс, воспитатель Ахилла и его сына Пирра.
Свита Ореста.

Действие происходит в Бутроте, столице Эпира, в одной из зал царского дворца.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Орест, Пилад.

Орест

Безмерно счастлив я, что встретился с тобою!
Быть может, я уже не так гоним судьбою?
Столь милостиво здесь она столкнула нас,
Что мнится — гнев ее теперь чуть-чуть угас...
Кто б мог предположить, что встречу я Пилада,
Что средь моих скорбей мне суждена отрада
И друг, с которым я полгода разлучен,
На Пирровой земле мне будет возвращен!

Пилад

Я тоже возношу богам благодаренье
За то, что, изменив моих судов движенье
И бурей преградив в Элладу все пути,
Они мне помогли Ореста обрести.
А как я мучился тогда в моем изгнанье!
Как ваши горькие оплакивал страданья!
Как трепетал за вас, мой друг, все эти дни,
Бессильный вам помочь, когда вы там одни!
Я помню, что в своей мучительной печали,
Как избавления, вы гибели искали;
Страшился я, что вы умолите богов
Послать вам смерть в бою, средь полчища врагов...
Но вот вы здесь, живой! И заключить я смею,
Что духом стали вы спокойней и бодрее;

Ваш вид торжественный и праздничный наряд
Не об унынии как будто говорят...

Орест

Мне приговор судьбы пока еще неведом:
Надеюсь я, но все ж готов и к новым бедам.
Любовь меня ведет. И здесь ищу я ту,
У ног которой смерть иль счастье обрету.

Пилад

Ах, порабощены вы, как и прежде, страстью,
Все так же вас влечет к несбыточному счастью?
Едва оправившись от пережитых мук,
Хотите вновь попасть вы в безысходный круг?
Ужель надежда есть, что злая Гермиона,
Отринув в Спарте вас, здесь станет благосклонна?
Вы сами, устыдясь своих безумств былых,
Решались, кажется, совсем забыть о них?
Иль это был обман?

Орест

Нет, сам я был обманут!
Но старые друзья меня корить не станут!
Пилад, ведь от тебя я ничего не скрыл.
Ты видел, как во мне зажегся первый пыл,
Каким отчаяньем я был потом снедаем,
Узнав, что Пирру дочь суровым Менелаем
За подвиги его в награду отдана,
Как стал я странствовать без отдыха и сна,
Страданья тяжкий груз влача с собой повсюду...
Ты следовал, мой друг, за мной. Я не забуду,
Как ты заботлив был, как, преданно любя,
Спасал меня не раз от самого себя!
Когда же понял я, что все мои мученья
Жестокой нипочем и что благоволенье
Пирр у нее снискал,— тут гнев объял меня,
И я, коварную изменницу кляня,
Решил ее забыть навек, бесповоротно.
Я в это верил сам тем более охотно,
Что, вспышку ревности за ненависть приняв
И осудив в ней все: лицо, осанку, нрав,
Почел, что страсть свою я отдал недостойной,
И отбыл в Грецию печальный, но спокойный.
Там в сборе я нашел весь царственный синклит.
Цари, боясь, что вновь опасность им грозит,
Просили помощи. Я к ним примкнул мгновенно,

Надеясь, что война и слава постепенно
Отвагу, мужество и твердость мне вернут
И сердце от былых безумств уберегут.
Увы, Пилад, судьба превратна и сурова:
Чуть вырвавшись из пут, я затянул их снова...
Я слышал, как вокруг роптал ахейский мир...
Твердили стар и млад, что вероломен Пирр,
Что воинским своим он поступился словом,
Семейство Гектора укрыл под царским кровом,
Оставив пленным жизнь, хотя обречены
Они давно на смерть, как недруги страны;
Что Андромаха, скрыв свое дитя умело,
Другого мальчика отдать врагам успела
И этой хитростью обманут был Улисс,
А Гектора вдова и сын ее — спаслись;
Что Пирр безмолвствует и, к гневу Гермионы,
Не предлагает ей ни сердца, ни короны
И помыслы его устремлены к другой,
А бедный Менелай от горя сам не свой...
Хоть сообщались мне нерадостные вести —
Я втайне ликовал. Восторг свой — жажде мести
И ярости я сам приписывал сперва...
Но скоро понял я, что страсть во мне жива,
И стоило сверкнуть хоть маленькой надежде,
Как пламя вспыхнуло еще сильней, чем прежде...
Я дал согласие отправиться сюда
И к Пирровой земле привел мои суда.
Эллада ждет, что я раздор улажу миром
С изменчивым, крутым и своевольным Пирром
И сына Гектора смогу забрать с собой,
Средь греческих царей восстановив покой.
А если не отдаст он Гекторова сына —
Пусть! Мне нужна она, всех бед моих причина!
Надеждой окрылен, исполнен новых сил,
Сейчас бы я в бою Геракла победил!
Я понял, что любви сопротивляться тщетно!
И ныне, ей во власть предавшись беззаветно,
Мою любимую у Пирра отниму,
А не удастся — смерть у ног ее приму.
Ты Пирра знаешь, друг. Скажи мне прямо, честно,
Мое вмешательство не будет ли невместно?
Что чувствует она? Как станет поступать?
И согласится ль Пирр невесту мне отдать?

П и л а д

Боюсь, — хоть это вам услышать будет больно,—
Что не уступит Пирр невесту добровольно,
Не потому, что сам любовью к ней горит,—
Нет, Гектора вдова в душе его царит...
Но та на все его нежнейшие признанья
Ответствует — увы! — огнем негодованья,
И к сердцу пленницы как ни искал дорог,
Пирр ни привлечь ее, ни укротить не смог.
Теперь, отчаявшись, он взялся за угрозы:
То вызовет у ней, то вновь осушит слезы,
То мальчика убить грозится, разъярен,
То, требуя любви, сулит ей царский трон.
Но, не услышав «да» и не приняв решенья,
У Гермионы вновь он ищет утешенья
И, страстью пламенной к троянке распален,
У ног лако́нянки вздыхает тяжко он.
Да, может Пирр сейчас, отчаяньем гонимый,
Похоронить любовь, женясь на нелюбимой!

О р е с т

А Гермиона что? Ей, гордой, каково
Безропотно сносить презрение его?

П и л а д

Она, мой государь? Не подает и виду,
Что знает свой позор и чувствует обиду:
Надеется, что Пирр опомнится и вновь
Придет ей изъявить почтенье и любовь.
Но мне она свои поведала терзанья,—
Едва ли для того, чтоб я, храня молчанье,
Таил от вас, что ей пролить немало слез
Пришлось с тех пор, как он в Эпир ее привез.
К блаженству, к гибели она равно готова;
То рвется в Грецию, то — остается снова.
Досада, ревность, гнев заставили не раз
Ее и вспоминать и сожалеть о вас...

О р е с т

Могу ль поверить я?!

П и л а д

Беритесь же за дело!
И, с Пирром встретившись, ему скажите смело,
Что греки объявить ему хотят войну,
Спасенье мальчика вменив ему в вину.
Разгневан будет Пирр столь дерзкими словами,

И это в нем любви еще раздует пламя.
Он вспыльчив и горяч, что выгодно для вас:
Чем вызов дерзостней, тем яростней отказ.
Так действуйте. Вот он.

Орест

Ступай же к ней скорее!
Скажи, что прибыл я и жажду встречи с нею!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пирр, Орест, Феникс.

Орест

Со мною, государь, вам греческий народ
Приветствия, дары и пожеланья шлет.
Доверьем я польщен и рад, что предо мною
Ахилла грозный сын, испепеливший Трою.
Венчает, как отца, вас слава всех времен.
Им Гектор сокрушен, а вами — Илион.
И хоть отец ваш был непобедимый воин,
Вы доказали нам, что сын его достоин.
К вам благодарности вся Греция полна,
Но тем, однако же, встревожена она,
Что вы пренебрегли обычаем военным
И сохранили жизнь весьма опасным пленным.
Мне ль вам напоминать, что представлял собой
Сам Гектор, государь? У нас в семье любой
Есть безутешные невесты, сестры, вдовы,
Что слезы льют еще и предъявить готовы
Убийце их родных свой неоплатный счет.
А сын ведь за отца ответственность несет!
Что может совершить, снедаемый гордыней,
Потомок Гектора — кто нам предскажет ныне?
Не примется ль, приплыв из Пирровой земли,
Как Гектор некогда, жечь наши корабли?
И более того,— едва промолвить смею,—
Но, выкормив змею, вы можете быть ею
Укушены за то, что ей продлили дни;
Троянцы, государь, коварны искони.
Все греки просят вас. Моленьям их внемлите.
Вы, утолив их месть, себя же сохраните.
Ваш враг еще дитя. Но неминуем час,
Когда он свой клинок испробует на вас.

Пирр

О, трогает меня союзников забота,
Но не могу понять, как им пришла охота
Отправить в дальний путь почетного посла
И поручить ему столь мелкие дела!
Не думал, что пустяк, ничтожная обида
Встревожат отпрыска великого Атрида,
Что многочисленный и доблестный народ
До мелочных интриг и страхов снизойдет!
Чего хотят цари? Чтоб я, презрев обычай,
Делиться с ними стал военною добычей?
Нет, мальчик — мой трофей, и право лишь за мной
Решать его судьбу и быть ему судьей!
Когда в дыму, в крови, у стен пылавшей Трои
Делили пленников ахейские герои,
Велением судьбы досталась мне она,
Астианакса мать и Гектора жена.
Кассандру в Аргос взял преславный сын Атрея,
Гекуба умерла в плену у Одиссея;
Сколь ни был горестен несчастных женщин путь,
На пленников чужих я смел ли посягнуть?
Ребенка малого вся Греция боится:
Твердят, что Илион с ним может возродиться,
Что, возмужав, меня Астианакс убьет...
Зачем так далеко загадывать вперед?
Ведь Троя — помните? — была славна когда-то,
Обширна и пышна, героями богата,—
Владыка Азии... А что она теперь?
Не сосчитать ее несчастий и потерь...
Сгоревшие дома, разрушенные башни,
Не вспаханы поля, пустыня — сад вчерашний,
В оковах царский сын... Бессильная, она
Уже не сможет быть никем отомщена.
А если мальчика вы истребить желали,
Зачем же целый год терпели и молчали?
С Приамом вместе пусть растерзан был бы он
И в груде мертвых тел бесславно погребен.
Тогда ведь гибло все: ахейской рати сила
Ни новорожденных, ни старцев не щадила,
Победа, вопли, кровь пьянили нас в ночи;
Не выбирали жертв разящие мечи.
Я сам свирепствовал; все на войне свирепы;
Когда ж стихает гнев — жестокости нелепы.

Я ныне не казнить, но миловать хочу,
И рук в младенческой крови не омочу.
Коль греков так томит слепая жажда мести,
Пусть утоленья ей в ином поищут месте,
Победой горд Эпир; во прахе Илион...
Но здесь не губят тех, кто там был пощажен.

Орест

Известно, сударь, вам, как действовала тонко
Супруга Гектора, спасая жизнь ребенка:
Ей удалось, введя подменой нас в обман,
Его ровесника отдать в ахейский стан.
Для мести Гектору у греков есть причина,
А мстя отцу, они преследуют и сына:
На Гекторе их кровь — им кровь его нужна,
Боюсь, нас снова ждет ужасная война.
Она придет в Эпир...

Пирр

Но ведь Эпир — не Троя.
Пусть увеличат рать свою они хоть втрое,
Чтоб одолеть меня,— не побоюсь угроз:
Они забыли, кто победу им принес.
Известно — Греция за подвиги Ахилла
Неблагодарностью не раз ему платила;
Теперь цари хотят так поступить со мной
И пали до того, что мне грозят войной?

Орест

Так воле Греции вы не послушны боле?

Пирр

Троянцев победил я, сударь, для того ли?

Орест

Я, право, поражен! Ведь Гермиона здесь,
И Менелай для вас уже почти что тесть!

Пирр

Я сохранить могу любовь к моей невесте,
Не уронив притом достоинства и чести,
И, после всех побед, мне вовсе не к лицу
Покорно, словно раб, служить ее отцу.
Но с Гермионой вы увидеться желали?
Я знаю, вы в родстве. Хотя вас и не ждали,
Но примут. Занимать не смею больше вас,
Ахейцам же прошу мой передать отказ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пирр, Феникс.

Феникс
Друг с другом их свести? Весьма неосторожно!
Пирр
Да, говорят, по ней вздыхал он безнадежно.
Феникс
А вдруг к царевне страсть проснется снова в нем,
И он воспламенит ее своим огнем?
Пирр
Что ж, так тому и быть! И если вслед за тем он
Царевну убедит вернуться в Лакедéмон,
С почетом проводить велю я их суда,
И сам свободнее смогу вздохнуть тогда.
Феникс
Как, вы...
Пирр
Со временем я все тебе открою.
Но Андромаха здесь. Потом...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пирр, Андромаха, Феникс.

Пирр
Вы не за мною?
Ах, если б мне блеснул надежды луч один...
Андромаха
Я, сударь, шла туда, где заточен мой сын,—
Все, что завещано мне Троей и супругом...
Час в день разрешено нам проводить друг с другом...
Мы вместе пролили немало горьких слез...
Сегодня мне обнять его не довелось.
Пирр
Увы, сударыня, боюсь, что греки вскоре
Дадут вам поводы для новых слез и горя.
Страшат их...
Андромаха
Пленники? Но пленники в цепях!
А мертвые враги внушать не могут страх.

Пирр

Нет, злость на Гектора утихнуть в них не может;
Их главный враг — ваш сын.

Андромаха

Так вот что их тревожит!
Дитя, которое не знает ничего —
Ни почему мы здесь, ни кто отец его!

Пирр

Астианакс — дитя, но смерть его нужна им.
За ним ко мне Орест и послан Менелаем.

Андромаха

И вы поступите, как эллины хотят?
Он дорог мне — вот в чем несчастный виноват!
Но греки ль требуют ребенку приговора?
Нет, сердит вас, что он — последняя опора
Лишившейся всего, беспомощной вдовы,
И смерти для него хотите только вы!

Пирр

О, успокойтесь! Им ответил я отказом.
Теперь войною мне грозят все греки разом.
Но, даже если бы военные суда
Всех греческих племен причалили сюда
И началась война — как та, из-за Елены,—
И моего дворца заколебались стены,—
Я сына б вашего в бою от смерти спас
И заслонил его собою — ради вас.
Вы сами видите, сколь многим я рискую,
А чем вознагражден за преданность такую?
Сейчас, когда кругом меня враги теснят,
Мне так необходим ваш дружелюбный взгляд!
Ужели, вам свой трон и руку предлагая,
Сударыня, и в вас увижу лишь врага я
И, вызывая весь ахейский мир на бой,
Не буду знать, за что я жертвую собой?

Андромаха

Откуда слабость в вас, великом человеке?
Награда? Но твердить по праву станут греки,
О ваших доблестях охотно позабыв,
Что вами овладел мальчишеский порыв!
Вы домогаетесь любви, но до того ли
Несчастной женщине, томящейся в неволе?
Что вам мои глаза? Ведь вы их обрекли
На то, чтоб реки слез всегда из них текли!

Нет! нет! От вас я жду совсем иных деяний!
Должны вы пленников избавить от страданий,
Невинное дитя спасти любой ценой,
Не требуя себе за это мзды иной,
Чем радость матери, что сына сохранила,—
Вот подвиг по плечу наследнику Ахилла!

П и р р

Как, все еще ваш гнев бурливый не иссяк?
Вам ненавистна мысль вступить со мною в брак.
Несчастий причинил я много, в самом деле;
И меч мой и рука людскою кровью рдели;
Но ваш печальный взор насквозь пронзил меня,
За реки ваших слез заслуженно казня.
Я был неумолим и яростно, не скрою,
Рубил врагов, крушил поверженную Трою,
Свирепости моей никто смирить не мог.
Но и тогда, как вы, я не бывал жесток!
Теперь за всех, кому я причинил мученья,
Мне душу горькие терзают угрызенья...
Довольно враждовать нам с вами! С этих пор
У нас есть общий враг. Дадим ему отпор.
Ободрите меня хотя б единым словом,
И сыну вашему отцом я стану новым,
Сам научу его, как грекам отомстить,
Заставлю их сполна за Трою заплатить!
Пусть подарит меня улыбкой Андромаха —
И прежний Илион восстанет вновь из праха,
Быстрее, чем он был разрушен и сожжен,
А отпрыск Гектора займет Приамов трон!

А н д р о м а х а

О нет! Теперь, когда нет Гектора на свете,
Нам больше не нужны ни блеск, ни слава эти!
Места, где он погиб, мою удвоят грусть.
К руинам родины я больше не вернусь.
У вас я, государь, прошу одну лишь малость:
Мне ради сына жить и слезы лить осталось.
Так дайте нам приют, где б мы могли одни
Вдали от всех страстей окончить наши дни
В воспоминаниях о павшем Илионе...
А сердце, государь, верните Гермионе!

П и р р

Вы мучите меня! Ну как я ей верну
То сердце, что давно уже у вас в плену?

Я знаю, сам я звал царевну Гермиону,
И сам ей обещал и руку и корону...
Да, обе вы сюда заброшены судьбой,
Она — чтоб царствовать, а вы — чтоб быть рабой.
Но вы же видели, что с самого начала
Царевна нежных чувств мне вовсе не внушала,
Я равнодушен к ней, и двор мой знает весь,
Что пленница — она, а вы — царица здесь.
Вам пылкая любовь внушает отвращенье,
А ей — один мой вздох принес бы утешенье.

Андромаха

Вот ваши вздохи ей пусть и ласкают слух!
У вас пред Грецией есть множество заслуг!
Что против вас ее восстановить могло бы?
Кто Гектор ей? В ней нет ни горечи, ни злобы!
А мой супруг? Увы! Кем он погублен был?
Победою над ним прославился Ахилл,
А вы, всех превзойдя затем в резне кровавой,
Обязаны моим несчастьям вашей славой.

Пирр

Ну, что ж! Я понял все. Пора на этот раз
О вас забыть,— о нет! — возненавидеть вас!
Довольно жертвовать и честью и величьем
Для той, что платит мне холодным безразличьем!
Но знайте: как в любви я был на все готов,—
Так ненависть моя не знает берегов.
Отныне жалость прочь я от себя отрину:
За мать держать ответ теперь придется сыну.
Не стану мальчика от кары ограждать,—
Он нужен Греции — велю его отдать.

Андромаха

О боги! Он умрет! И нет ему защиты!
Мать — пленница... Отец и родичи убиты...
А может быть, чем жить в бесчестии таком,—
Пускай погибнет он. Пусть оба мы умрем!
Придет конец моим несчастиям и бедам.
Я к Гектору в Аид сойду за сыном следом,
И, вас благодаря, супруга обниму...
Мы с сыном, наконец...

Пирр

Идите же к нему.
Обняв свое дитя, поймете вы, возможно,

Что гневу доверять судьбу — неосторожно,
Иного, может быть, поищете пути
И постараетесь еще его спасти.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гермиона, Клеона.

Гермиона
Ну, что же, будет все по твоему желанью;
Я приготовилась к нелегкому свиданью.
Уж скоро приведет его Пилад сюда...
Но лучше мне б его не видеть никогда...
Клеона
Чего боитесь вы? Чем может быть опасно
Для вас свиданье с тем, кто к вам привержен страстно,
Кто жизнь за вас отдать готов во всякий час?
Вы ж о его любви жалели столько раз!
Гермиона
Мне тем мучительней его увидеть снова,
Что прежде я была с ним чересчур сурова.
Мой нынешний позор — Ореста торжество.
Сравнялся мой удел со жребием его.
«Гордячка,— скажет он,— чьи взоры так надменны,
Сама познала боль презренья и измены!
Она гнала меня; ее покинул он.
Она унижена. Теперь я отомщен!»
О, горе мне!
Клеона
Зачем излишние тревоги?
К нему, да и к себе вы, право, слишком строги!
Возможно ль, что б он вас хоть словом оскорбил?
Ведь любит он сейчас сильнее, чем любил!
Но как там ваш отец? Какие шлет он вести?
Гермиона
Он мне велит домой отплыть с Орестом вместе,
Коль будет дальше Пирр молчать, как до сих пор,
И о троянце с ним не разрешится спор.
Клеона
Тогда еще нужней вам выслушать Ореста!
Пирр хочет вас услать, хоть вы его невеста!

Его решение вы упредить должны,
Покинув тотчас же пределы сей страны.
Не говорили ль вы, что он вам ненавистен?

Гермиона

Да, это истина. Горчайшая из истин!
Как был он дорог мне! Теперь — конец всему!
Любила слишком я, чтобы простить ему!

Клеона

Вот и бегите с тем, кто в вас души не чает!

Гермиона

Ах, ненависть в душе не сразу созревает!
Ей надо время дать сильней пустить ростки...
А вдруг в разлуке с ним я сгину от тоски?
Изменник! Для него отъезд мой — избавленье!

Клеона

И мало вам еще такого оскорбленья?
Вы не уверились, что пыл его угас?
Троянке-пленнице он на глазах у вас
Навязывает трон, любовь свою и руку,
А вы согласны впредь терпеть такую муку,
И отвращенья Пирр досель вам не внушил?

Гермиона

Молчи, жестокая! Нет, нет, он мне немил!
Погибшая любовь — ничтожная потеря!
Должна поверить ты, своим глазам не веря,
Что стал противен мне предатель навсегда.
Хвали меня за то, что духом я тверда,
И я тогда в свою уверую победу!
Ты говоришь — бежать! Ну, что же, я уеду.
Бежим! А он пускай становится рабом
Вчерашней пленницы, введенной им в свой дом!
Постой... А если вдруг в нем чувства вновь проснутся?
Вдруг он надумает опять ко мне вернуться,
Забыв о той... Ах, нет! Что было — то ушло...
Но я останусь здесь! Останусь им назло!
Разрушить счастье их я буду только рада!
Их горести теперь — мне лучшая награда:
Коль Пирр уклонится от наших брачных уз,—
Восстанет на него весь греческий союз!
Беду на юного троянца навлекла я,
Пускай теперь и мать судьба постигнет злая.
Они почувствуют, как греки мстят врагам!
Пирр выдаст пленницу или погибнет сам!

К л е о н а

Вы думаете, взор, наполненный слезами,
Захочет с ясными соперничать глазами?
А сердце матери, усталое от бед,
Завоевателю желанный даст ответ?
Взгляните, стала ли спокойней Андромаха?
Нет, на ее лице — печать тоски и страха,
И с Пирром пленница, как прежде, холодна...

Г е р м и о н а

Ах, мне бы так уметь держаться, как она!
Но чувства я свои скрывать не научилась!
Моя любовь к нему из глаз моих лучилась!
Могла ль я сохранять высокомерный вид,
Не слушая того, что сердце говорит?
Была бы ты мудрей на месте Гермионы?
Желание отца, величие короны,
И победителей-ахеян торжество,
И юной страсти зов — все было за него!
Он отплатил за честь поруганной Эллады,
Троянским золотом наполнил наши склады,
Он своего отца отвагою затмил,—
А ведь его отец — прославленный Ахилл!
И он меня любил — так мне тогда казалось —
Нежней, чем я его... О боги, что с ним сталось!
Нет, нет, забыть о нем, каков бы ни был он!..
Сегодня здесь Орест, и он в меня влюблен.
Довольно горевать! Освободим же место
Для тех, кто верен нам! Пора! Зови Ореста!
Кто знает, может быть, столь бескорыстный пыл...

К л е о н а

Он ждет вас...

Г е р м и о н а

Значит, он все время рядом был?..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Г е р м и о н а, О р е с т.

Г е р м и о н а

Как следует считать — привязанность былая
И чувства добрые — иль воля Менелая
И долг пред Грецией, где вас с трофеем ждут,—
Вас привели сюда, в печальный мой приют?

Орест

О, к вам меня влекло все то же ослепленье!
Опять решился я на клятвопреступленье!
Я клялся искренне не видеть больше вас,
И вновь у ваших ног, уже в который раз!
Ваш взор в моей душе — таков мой жребий
странный —
Откроет вновь едва закрывшиеся раны...
Стыжусь, но совладать не в силах я с собой.
С тех самых пор, как мы разлучены судьбой,
Ища от страшных мук спасения, поверьте,
Бросался всюду я навстречу верной смерти...
За ней отправился я к скифским племенам,
Что кровью пленников свой освящают храм.
Но, хоть их идолы известны лютым нравом,
Порой противятся они дарам кровавым,
И я остался жив, влача свою беду;
Вернулся снова к вам, и снова смерти жду.
Чтоб жизнь мою прервать, не требуется яда:
Довольно одного безжалостного взгляда.
В отчаянье своем — я убежден давно,
Что на иное мне надежды не дано.
Решать мою судьбу теперь лишь в вашей воле,
Коль скифы дикие меня не закололи
И даже варваров на свете не найти,
Что вас в жестокости могли бы превзойти.

Гермиона

Признаться, не ждала от вас речей подобных!
Зачем тут поминать каких-то скифов злобных
И сетовать на то, что к вам я жестока?
Куда важней дела не решены пока!
То поручение, с которым вас Эллада
Отправила сюда, исполнить, сударь, надо
Без промедления — вот что нужней всего!

Орест

О, Пирр меня уже избавил от него!
Я получил отказ. Как видно, есть причина
Ему вступать в войну за Гекторова сына.

Гермиона

Изменник!

Орест

Перед тем как мне обратно плыть,
Я о своей судьбе решаюсь вас спросить,

Хоть неприязнь ко мне, наверно, вам подскажет
Ответ, что на́ душу мне новым камнем ляжет.

Гермиона

Откуда взяли вы, что я вам лютый враг?
Что́ погружает вас в столь безысходный мрак?
Обрушив на меня лавину горьких жалоб,
Подумайте, как я отцу перечить стала б,
Когда он мне в Эпир отправиться велел?
Но кто сказал, что мне был сладок мой удел?
Что вашу я тогда печаль не разделяла,
Не плакала тайком, о вас не вспоминала?
Я соблюла свой долг — и тем была горда.
Но об Оресте я вздыхала иногда.

Орест

Вздыхали обо мне?! Не верю! Повторите!
Да наяву ли вы мне это говорите?
Проснитесь же, молю, и бросьте взгляд окрест,
Пред вами я, давно отвергнутый Орест!

Гермиона

Да, предо мною вы, тот человек, который
Открыл мне, что пленять мои способны взоры;
Вы, чьи достоинства я не могу не чтить,
Вы тот, кого бы я хотела полюбить.

Орест

Я понял вас. Увы! Удел мой — безнадежность...
Мне — уважение, ему — любовь и нежность!

Гермиона

Меняться с Пирром вам местами — не расчет:
Он ненавистен мне.

Орест

Нет, вас к нему влечет!
Всевластная любовь повелевает нами,
И разжигает в нас, и гасит страсти пламя.
Кого хотим любить — тот нам — увы! — не мил,
А тот, кого клянем,— нам сердце полонил.
Я безразличен вам. И пусть бы вы хотели
Сейчас вознаградить меня на самом деле,
Мстя Пирру за обман, за множество обид,—
По-прежнему лишь он в душе у вас царит.
А он не любит вас и по другой вздыхает.

Гермиона

Что говорите вы? Он мной пренебрегает?
Да как решаетесь вы это утверждать?

По-вашему,— ко мне нельзя любовь питать
И в людях образ мой одно презренье будит?
Другие обо мне великодушней судят!

Орест

Вам оскорблять меня, сударыня, легко,
Но вы от истины безмерно далеко!
Иль я не доказал, что время и пространство
Бессильны чувств моих нарушить постоянство?
Я — презираю вас?! Увы, меня коря,
Хотели б вы, чтоб он вас презирал, как я!

Гермиона

Ах, что мне до любви иль ненависти Пирра!
Вернитесь в Грецию. Пусть на царя Эпира
Нагрянут тьмы и тьмы врагов со всех сторон!
Пусть греки здесь второй устроят Илион!
Спешите! Иль еще вы не разубедились,
Что я его люблю?

Орест

Ах, если б вы решились
Отправиться со мной! Тогда бы мы скорей
Подвигли на войну всех греческих царей.
Вот дело, истинно достойное спартанки!

Гермиона

А он здесь женится покамест на троянке!

Орест

Увы!

Гермиона

Какой падет на всех ахейцев стыд,
Коль с Андромахой он судьбу соединит!

Орест

И это — ненависть? Признайтесь лучше сразу!
Страсть, как ее ни прячь, видна чужому глазу.
Все выдает нас: вздох, движенье, слово, взгляд...
Скрываемый огонь сильнее во сто крат.

Гермиона

Предубеждение вам отравляет душу.
Неужто я его вовеки не разрушу?
Упорно вкривь и вкось все толковать нельзя ж!
Вражду любовью звать — простите,— это блажь!
Я все вам объясню, а действуйте вы сами.
Меня связал мой долг со здешними местами.
Из края этого закрыты мне пути,
Пока отец — иль Пирр — мне не велят уйти.

Идите ж объявить ему, что царь лако́нян
Врага Эллады брать в зятья отнюдь не склонен,
И должен Ахиллид немедленно решать:
Троянца ль выдать вам, меня ли отослать.
Пусть выбор сделает решительно и ясно,—
Тогда за вами я последовать согласна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орест.

Орест

Да, вы покинете Эпир, сомненья нет.
Нетрудно угадать изменника ответ.
Вас, Гермиона, Пирр удерживать не станет —
Своей троянкою он безраздельно занят,
Он рвется только к ней, и нужен лишь предлог,
Чтоб от царевны он освободиться мог.
Поладит он со мной. О, нынче я ликую!
Добычу увезти бесценную такую!
Прощай, Эпир, и будь убежищем пока
Для пленницы-вдовы и для ее сынка.
Воспрянул духом я. Уже и то нехудо,
Что милую мою я вызволю отсюда,
И больше никогда ей не встречаться с ним!
Вот и соперник мой. Ну, что ж, поговорим!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пирр, Орест, Феникс.

Пирр

Я, сударь, вас искал и вам хочу признаться,
Что был неправ, решив с Элладой не считаться.
Обдумав вашу речь, не торопясь, в тиши,
Сказал себе я: «Нет, с отказом не спеши!»
И тотчас пожелал продолжить нашу встречу.
Я убедился в том, что впрямь противоречу
Тем заверениям, что были мной даны,
Обычаям отцов и правилам войны.
Да, страхи Греции имеют оправданье.
Пусть сына Гектора постигнет наказанье.

Орест

Я рад, что с Грецией в согласии Эпир,
А кровь несчастного нам обеспечит мир.

Пирр

В намереньях моих не будет перемены.
Решил сегодня же я с дочерью Елены
Связать свою судьбу. А вы, великий грек
И родственник царя, на мой ступили брег
В счастливый час — затем, чтоб представлять Элладу:
Ее посол вручит мне высшую награду.
Итак, торжественно я поручаю вам
Царевну известить, что завтра ждет нас храм.

Орест

О боги!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пирр, Феникс.

Пирр

Все еще я раб постыдной страсти,
Иль нынче ты меня одобришь хоть отчасти?

Феникс

Да, государь, теперь я одобряю вас.
Ваш справедливый гнев мне доказал сейчас,
Что возродились в вас достоинство и сила,
Что вы — воитель, царь и грозный сын Ахилла,
А не дитя, чей ум любовью ослеплен.
Сегодня побежден вторично Илион.

Пирр

Нет, Феникс, этот день — победы лишь начало.
Ведь год моя душа в плену изнемогала,
Я горд,— я, наконец, свободен от оков!
Любовь трудней сломить, чем полчища врагов...
Подумай, сколько бед нависло над Эпиром!
Ведь рисковал я всем: друзьями, долгом, миром,
Корону, жизнь, любовь — все положить был рад,
Как дар, к ее ногам — за благодарный взгляд;
Готов был умереть иль потерять свободу,
Со всей Элладою воюя ей в угоду...

Феникс

Благодарю богов: вы свергли эту власть.

Пирр

Гордячка предо мной чрезмерно занеслась!
Увидев, что она едва жива от страха,
Решил я, что свой нрав изменит Андромаха:
Боязнь за мальчика вернет рассудок ей,
И станет мать к его заступнику добрей.
Но горе чувства в ней лишь пуще подогрело:
Прижав к своей груди младенческое тело
И поцелуями осыпав малыша,
Твердила пленница: «Мой сын, моя душа!
Ты — вылитый отец! В тебе — мой Гектор милый
С его глазами, ртом и богатырской силой!»
Что ж, после этого оставить сына ей,
Чтоб Гектора она любила тем сильней?

Феникс

Нет, невозможно дать ей попирать пятою
Достоинство царя!

Пирр

Ах, гордость с красотою
Суть близнецы! Она — как я ни гневен — ждет,
Что вскоре Пирр опять к ногам ее падет!
Нет, я у ног своих теперь ее увижу!
Отцовской славы я пред нею не унижу.
Ахилл мне был отцом. Ей Гектор мужем был.
Мы с ней враги навек, как Гектор и Ахилл.

Феникс

Довольно, государь! Скажу вам об Оресте:
Ошиблись вы, послав соперника к невесте.
Ступайте сами к ней. Из ваших уст должна
Она узнать о том, что свадьба решена.

Пирр

Да, церемония сегодня состоится...
А ревность в пленнице не может пробудиться?

Феникс

О боги! Вновь она! Но до каких же пор
Сводиться будет к ней любой ваш разговор?
Какими чарами она вас покорила?

Пирр

Постой, я ей сказал не все, что надо было.
Она не слышала еще, что я женюсь,
Не знает, что пред ней я больше не склонюсь,
Не выпила до дна всю чашу униженья,

Я ей не отплатил за все мои мученья,
Не показал, как Пирр суров к своим врагам!

Феникс

Идите, падайте опять к ее ногам!
Наденьте заново любовные оковы!
Нет, к рабству прежнему, я вижу, вы готовы!

Пирр

Ты думаешь, мой гнев улегся и остыл,
И я ей дам понять, что снова все простил?

Феникс

Любовь слепа...

Пирр

К кому? К неблагодарной пленной,
Что на мою любовь лишь дерзостью надменной
Посмела отвечать, судьбу свою кляня?
Кто б сохранил ей жизнь, коль не было б меня,—
Ей, чужестранке здесь... нет, более — рабыне!
Ведь я ей слово дал заботиться о сыне,
Ей руку, и любовь, и царство предложил,
И — что в ответ? — одни упреки заслужил!
Нет, я поклялся мстить гордячке беспощадно,
Чтоб впредь упорствовать ей было неповадно,
И выдам мальчика... О, сколько будет слез!
Мне будет сказано, что я ей смерть принес.
Да, Андромаха жить без мальчика не будет...
Она умрет. И кто на казнь ее осудит?
Я сам. Как будто в грудь я ей воткну кинжал!

Феникс

Но кто ей отомстить недавно обещал?
Иль слабости своей не знали вы дотоле?

Пирр

Ты прав. Но извини мне этот приступ боли.
Сегодня я даю любви последний бой,
И мне достанет сил, чтоб совладать с собой.
Отныне все решать тебе я доверяю.
Как с Гермионой быть и с мальчиком — не знаю...

Феникс

Идите тотчас к ней. Вас ждут уже давно.

Пирр

Я буду поступать, как было решено.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Пилад, Орест.

Пилад
Ну, успокойтесь, друг! Нельзя же так, поверьте!
Очнитесь и порыв безумия умерьте!
Вас не узнать!
Орест
Увы, Пилад, ты опоздал:
Советов разума я слушаться устал.
Но горестям моим уже недолго длиться...
Уехать вместе с ней — иль с жизнью распроститься!
Решенье принято. Так я и поступлю.
Не отговаривай.
Пилад
Согласен, но, молю,
Придите вы в себя, Орест, на вас лица нет!
Заметит это всяк, кто даже мельком глянет.
Чтоб вашим замыслам сопутствовал успех,
Намеренья свои должны вы скрыть от всех.
Здесь Пирру и его невесте все подвластны;
И челядь царская, и стража вам опасны.
Нельзя выказывать волнение свое!
Ну, вот сейчас — зачем искали вы ее?
Орест
Не знаю... Я собой и вправду не владею.
Слепой от ярости, я ринулся за нею
И чуть было не стал грозить обоим им...
Пилад
Чего ж достигли вы неистовством своим?
Орест
Вскипела кровь во мне и занялось дыханье...
Как было сохранить тут самообладанье?
С царевной вскоре Пирр идти намерен в храм,
И я вручить ему невесту должен сам!
Да лучше б обагрил в крови я эти руки!
Пилад
О да, вам нелегко! Но те же терпит муки
Вам ненавистный Пирр: с женитьбою и он
Теряет женщину, в которую влюблен.

О р е с т

Неправда, Пирру льстят мучения Ореста!
Здесь долго до меня жила его невеста,
К ней становился он что день, то холодней.
Нет, только мне назло он женится на ней!
Все шло так хорошо! В ней пробудилась жалость,
К тому, чтоб стать моей, она совсем склонялась,
А к Пирру ненависть росла в ней каждый час!
О, если б от него я получил отказ —
Со мною в Спарту плыть она бы согласилась...
Одним словечком бы моя судьба решилась!

П и л а д

Вы в это верите?

О р е с т

Она была полна
Негодования...

П и л а д

А значит — влюблена.
А если б Ахиллид и произнес то слово,
Любого повода, хоть самого пустого,
Довольно было б ей, чтоб вновь вам отказать!
Не с нею надо вам, а от нее бежать!
Я не пойму, зачем вы так стремитесь сами
Со злой обидчицей сковать себя цепями!
Она бы до конца печальных ваших дней
Вас ненавидела жестоко...

О р е с т

Тем нужней
Их разлучить! Мечты ее близки к свершенью,
Я ж обречен опять скитаться грустной тенью...
Нет, не хочу один нести страданий гнет!
Пусть делит их со мной! Пусть тоже слезы льет!
Довольно потакать безудержной гордыне!
Внушать не жалость ей, а страх хочу я ныне!
Пускай же мне теперь ее печальный взор —
Как ей доселе мой — жестокий шлет укор!

П и л а д

Сомнительный итог высокого посольства:
Стать похитителем!

О р е с т

Чьего же недовольства
Страшиться мне, Пилад? К чему иной итог,
Коль буду я, как был, несчастен, одинок?

Меня вознаградят за труд мой славой греки,
Но здесь — посмешищем останусь я навеки!
И надоело мне — скажу начистоту —
Терпеть из честности такую маяту!
Пилад, какою ты мне объяснишь причиной,
Что зло — всегда в чести, страдает же — невинный,
И тот, кто жертвует собою для других,
Лишь неприязнь и злость в ответ находит в них?
Сколь добродетельной я ни держусь дороги,
Меня преследуют безжалостные боги.
А коли так — теперь, пред ними страх презрев,
Я стану делать все, чтоб заслужить их гнев.
Но ты не должен, нет, делить со мною вместе
Опасность гнева их и беспощадной мести,
Не должен, как и я, к погибели идти...
Оставь меня! Сверни с неверного пути!
Троянца отвези и не перечь закону...
Прощай!

П и л а д

Нет, мы вдвоем похитим Гермиону!
Себя в опасности являет стойкий дух.
К невзгодам брата брат не остается глух.
Пусть греки паруса поднимут на рассвете.
Готовы корабли. Благоприятен ветер...
Я знаю весь дворец. Есть некий тайный ход,
Который к пристани невидимо ведет.
Я под покровом тьмы погони не накличу
И в руки вам отдам желанную добычу.

О р е с т

Пилад, мой друг! Твоя безмерна доброта!
Но ты простишь тому, чья рухнула мечта,
Кто обеспамятел от нестерпимой боли,
Кто опротивел всем, а сам себе — тем боле.
Когда-нибудь и я, быть может, отплачу...

П и л а д

Приободритесь же! Вот я чего хочу!
Вы не должны ни в ком посеять подозренье.
Забудьте о любви. Забудьте об измене.
Держитесь веселей! Она идет сюда.

О р е с т

Я понял все и тверд сейчас как никогда.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Орест, Клеона.

Орест
Закончил с Пирром я, сударыня, беседу.
Ваш брак решен. Для вас я одержал победу.

Гермиона
Уже сказали мне. И даже говорят,
Что совершите вы вручения обряд.

Орест
А ваше сердце вновь любить его готово?

Гермиона
Кто думать мог, что Пирр сдержать захочет слово
В тот самый час, когда, устав ответа ждать,
Я собралась Эпир навеки покидать!
Но обольщаться мне, я думаю, не надо:
Им движет не любовь; его страшит Эллада.
Вы — горячей, Орест, мне преданы, чем он.

Орест
Нет, нет, он любит вас, я в этом убежден.
Ликуйте! Ваших глаз магическая сила
Лишь то, к чему давно стремились вы, свершила.

Гермиона
Стремилась? Ах, к чему могла стремиться я?
Всегда в чужих руках была судьба моя.
И вы ко мне свой взор не обращайте гневный:
Повиновение — высокий долг царевны.
И все же я для вас — известно вам о том —
Чуть не нарушила мой долг перед отцом.

Орест
Толкали вас на то обида, гордость, разум,
Но сердце глухо к их внушеньям и приказам.
Вас снова повлекло к тому, кто сердцу мил,
И жалобой я вас напрасно утомил.
В чем вас винить? Судьба наносит мне удары,
Хоть я не заслужил ничем суровой кары.
Ваш долг — замужество, а мой — избавить вас
От неприятных слов в столь долгожданный час.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гермиона, Клеона.

Гермиона

Как кроток гнев его! Спокоен он на диво!

Клеона

Сильней страдают те, чье горе молчаливо.
Ореста очень жаль еще мне потому,
Что сам способствовал он горю своему —
Ведь столько времени молчанье Пирра длилось!
Едва явился он — и сразу все решилось.

Гермиона

Не думаешь ли ты, что Пирра страх объял?
Что тех, кто в ужасе от Гектора бежал,
Кого троянцев рать десятки раз крушила,
Кто, перепуганный отсутствием Ахилла,
Спасался от врагов в горящих кораблях
И, если бы не Пирр, разгромлен был в боях,—
Воитель доблестный, Ахилла сын,— боится?
Нет, я любима им, раз он решил жениться!
Орест меня винит в несчастии своем!
Но что мне до него? Все мысли — о другом!
Вернулся Пирр ко мне! О, милая Клеона,
Подумай, как сейчас ликует Гермиона!
Что знаешь ты о нем? Ты слышала, какой
Он храбрый, доблестный, прославленный герой?
Победы гром ему сопутствует повсюду.
Он верен мне, и я его супругой буду!
Ведь он...

Клеона

Да, ликовать сегодня ваш черед.
Но — тише! Пленница, в слезах, сюда идет.

Гермиона

Нет, не дадут вкусить мне долгожданной славы!
Ну что я ей скажу?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андромаха, Гермиона, Клеона.

Андромаха

Сударыня, куда вы?
Наверно, видеть вам приятно наяву
У ваших ног, с мольбой, несчастную вдову.
Не думайте, что я явилась перед вами
Триумф ваш омрачить ревнивыми слезами.
Один лишь Гектор был мной горячо любим,
Любовь моя ушла в могилу вместе с ним.
Когда он был пронзен безжалостной рукою,—
Я потеряла все: родных, супруга, Трою...
Но мне остался сын. Как любит сына мать,
Придет и ваш черед когда-нибудь узнать.
Но не желаю вам изведать столько боли:
Знать, что свое дитя спасти не в вашей воле,
Когда его отнять и погубить хотят...
Ведь сын мой — жизни мне дороже во сто крат!
Вы знаете, когда, уставши от лишений,
Троянцы начали в сердцах грозить Елене,
Мне было жаль ее,— и Гектор жизнь ей спас.
Замолвите теперь словечко вы за нас!
Молю вас, дайте мне возможность вместе с сыном
Укрыться от людей на острове пустынном...
Невинное дитя — чем он опасен вам?
Я научу его не битвам, а слезам.

Гермиона

Сударыня, помочь вам всячески желая,
Могу ль противостать намереньям отца я?
А к Пирру отряжен Орест отцом моим.
Но Пирр, поскольку власть ваш взор имел над ним,
Наверно, рад служить вам будет безотказно.
Пусть скажет слово он — я подпишу заглазно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андромаха, Сефиза.

Андромаха

Каким презрением звучал ее ответ!

Сефиза

Ну что ж, используйте вам поданный совет!
Поговорите с ним, но кротко и безгневно.
Сударыня, вот он!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пирр, Андромаха, Феникс, Сефиза.

Пирр *(Фениксу)*

Скажи мне, где царевна?
Она прошла сюда с подругою своей.

Феникс

Не знаю, право, но...

Андромаха *(Сефизе)*

Вот власть моих очей!

Пирр *(Фениксу)*

Что говорит она?

Андромаха

Покинута я всеми...

Феникс

Царевна где-то здесь...

Сефиза *(Андромахе)*

Пока еще есть время,
Не медлите! Пора молчание прервать.

Андромаха

Он сына отдает...

Сефиза

Но может не отдать!

Андромаха

Спасенья нет! И мать напрасно слезы точит...

Пирр

Она и в сторону мою смотреть не хочет.
Вот гордость!

Андромаха *(Сефизе)*

Гнев его мы только возбудим.
Уйдем скорей!

Пирр *(Фениксу)*

Пошли, ребенка отдадим.

Андромаха *(бросаясь на колени перед Пирром)*

О, сжальтесь, государь! Приказ свой отмените!
Иль вместе с мальчиком и мать его казните!
Вы в чувствах дружеских клялись мне столько раз!
Неужто жалости ни капли нет у вас?
Сын обречен, и нет надежды на спасенье?

Пирр

Я слово дал — и путь отрезан к отступленью.

Андромаха

Ведь раньше не пугал вас целый сонм врагов!

Пирр

О, я тогда был слеп. Но спал с очей покров.
Меня враждебностью встречали вы открытой,
Пренебрегали вам предложенной защитой,—
Теперь же — поздно.

Андромаха

Ах, при виде слез моих
Могли вы, государь, понять без просьб иных,
Что Гектора вдове, хоть век его был краток,
Простительно хранить достоинства остаток,
Что, кроме вас, никто и никогда б не мог
Склоненной у своих меня увидеть ног.

Пирр

Нет, ваша ненависть была всему началом!
Боялись вы мне быть обязанной хоть в малом,
И — будь он мной спасен — ваш сын любимый сам
И тот бы, мне назло, стал меньше дорог вам.
Всегда презрение читал я в вашем взгляде,
И в вас вражда ко мне сильнее, чем к Элладе.
Пусть благородный гнев и впредь вам дух бодрит

(Фениксу.)

Пойдем.

Андромаха

Пойду и я — за Гектором, в Аид.

Сефиза

Сударыня...

Андромаха

Ну, вот, ты видишь — все напрасно.
Виновник бед моих, он знает их прекрасно.

(Пирру.)

Смотрите, до чего меня вы довели!
Я видела разгром отеческой земли
И гибель всех родных — в отчаянье и страхе,
И тело Гектора, влекомое во прахе...
Да, я жива... Но мне остался только сын,
И принуждает жить меня лишь он один.
Порой пыталась в том найти я утешенье,
Что с ним попала я под ваше попеченье;
Коль он утратил трон, свободу, свой народ,
Пусть покровителя он в Пирре обретет —
Ведь ласков был Ахилл со стариком Приамом,—

Пусть он служенье вам не почитает срамом
И, взыскан милостью царя, не помнит зла...
Прости, супруг, что я доверчива была
И думала, что Пирр, хоть он в бою и злобен,
Но благороден, смел, к коварству неспособен!
Да, лучше бы в тот час, когда ты в битве пал,
И нам сраженными быть тоже наповал,
Чем после Пирровы увидеть злодеянья
И жизнь из рук его принять, как подаянье!

Пирр *(Фениксу)*

Ступай и жди меня.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пирр, Андромаха, Сефиза.

Пирр

Сударыня, сейчас
К спасенью сына путь еще открыт для вас.
Да, смертью мальчика жестоко вас пугая,
В вас создавал себе не друга, а врага я.
Мне это горестно и больно сознавать...
Пока еще могу все повернуть я вспять.
Взгляните на меня, не бойтесь! Неужели
Так на мучителя похож я в самом деле?
Ведь сами привели вы к мерам столь крутым,
Ожесточив меня презрением своим!
Я вас в последний раз прошу, во имя сына:
Пусть наши помыслы сольются воедино!
Ужель униженно я должен умолять
Ребенку жизнь спасти — его родную мать?
Известно: сеешь зло — так жди кровавой жатвы.
Но ради вас я вновь свои нарушу клятвы.
И, чтобы повести мне вас с собой к венцу,
Я Менелая дочь верну ее отцу,
Хоть знаю, что, отдав вам руку и корону,
Смертельно оскорблю царевну Гермиону.
Все судьбы в этот час должны быть решены.
Корона — или смерть: вы выбирать вольны.
Пора уже и мне на что-нибудь решиться!
Я больше не могу пустой надеждой льститься,
Устал я умолять, грозить и убеждать...
Мне вас утратить — смерть, но смерть и дольше ждать.

Итак, я ухожу. Но я вернусь за вами.
Нас будет ожидать ваш сын сегодня в храме.
Надеюсь стать отцом ему и мужем вам.
А если нет — на казнь при вас его отдам.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Андромаха, Сефиза.

Сефиза
Я говорила вам, что вы своею властью
Еще успеете не дать стрястись несчастью.
Андромаха
Увы, как горек мне твоих речей итог!
Да, сына потерять пришел, как видно, срок!
Сефиза
Но верность Гектору храня столь безусловно,
Вдруг в смерти сына вы окажетесь виновны?
Наверно, Гектор сам того бы не желал!
Андромаха
Ты хочешь, чтобы Пирр моим супругом стал?!
Сефиза
Но материнский долг всех прочих чувств превыше!
А вы упрямитесь, загробный голос слыша...
За что так презирать воителя, царя,
Который любит вас, почти боготворя,
Кто ради вас пойдет на битву с целым миром,
Отцовской славою пожертвует, Эпиром
И отречется сам от всех своих заслуг?
Андромаха
Ах, то, что Пирр забыл,— как я забуду вдруг?
Что милый Гектор мой, лишенный погребенья,
Стал жертвой низкого, постыдного глумленья?
Что бедный мой отец, почтенный старец, царь,
Заколот был, когда он обнимал алтарь!
О, эта ночь резни! О, ужас этой ночи!
Застлал он вечной тьмой моих любимых очи!
Ты помнишь? Пирр идет. Алеет кровь на нем...
Он освещен дворцов пылающих огнем,
Проходит Трою он от края и до края,
Тела моих родных ногами попирая,
Под стоны гибнущих, под звон и лязг мечей,

Под клики грабящих жилища палачей,—
И в страхе перед ним склоняются живые...
Таким передо мной явился Пирр впервые.
Свершал он подвиги ценой моих потерь.
И вот кого в мужья ты прочишь мне теперь!
Нет, мне вознаграждать злодейство не пристало!
Пусть лучше нас убьет обоих, если мало
Ему тогдашних жертв — и наш пришел черед.

Сефиза

Но на глазах у вас ребенок ваш умрет!
Вы вздрогнули? Пока вы власти не лишились...

Андромаха

Мне в грудь твои слова, как дротики, вонзились!
Мой ненаглядный сын, любви живой залог,
Единственное, что мне муж оставить смог
На память о себе, идя на бой с Ахиллом!
О, как печально он прощался с сыном милым!
Взяв на руки его, он слезы мне отер
И молвил: «Нам судьбы неведом приговор...
Кто знает, что нас ждет? Но если не вернется
Его отец — тогда, жена, тебе придется
Быть в жизни мальчику опорой до конца
И заменить ему погибшего отца...
Во имя прошлого, что столь счастливым было,
Люби мое дитя, как ты меня любила...»
Что ж, свет очей моих, сын Гектора умрет,
И прекратится с ним царей троянских род?
Ужель жестокости у Ахиллида хватит,
Чтоб за отказ мой мстить невинному дитяти?
Пирр ненавистен мне. Но сына в чем вина?
И почему я им пожертвовать должна?
Тебя убьют, коль я вмешаться не успею!
Мой мальчик, поднят меч над головой твоею,
Какой ценой могу его я отвести?
Ты будешь жить! И я должна тебя спасти!
Пойдем за Пирром! Нет, Сефиза дорогая,
Ступай за ним!

Сефиза

Но что сказать ему должна я?

Андромаха

Скажи, что я... что сын всего дороже мне...
Но к делу черному готов ли Пирр вполне?
Толкнет ли страсть его на шаг столь беззаконный?..

Сефиза

Сейчас он сам сюда вернется, разъяренный...

Андромаха

Скажи...

Сефиза

Что разомкнуть вы все ж решились круг?..

Андромаха

Ах, если б я могла решиться... О, супруг!
О, Троя! О, отец! Кто дух мой успокоит?
Да, сын мой, жизнь твоя недешево мне стоит!
Идем, бежим...

Сефиза

Куда? Ответьте мне, прошу!..

Андромаха

К могиле Гектора. И там я все решу.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Андромаха, Сефиза.

Сефиза

Какие чудеса за этот час свершились?
Я вижу, наконец на жертву вы решились.
То Гектор вам внушил, что путь закрыт иной,
А сына вы должны спасти любой ценой.
Теперь он будет жить! Ведь слышали вы сами,
Что Пирр с надеждою вас ожидает в храме.
Согласье ваше в нем удвоит страсти жар:
Богатства, славу, трон вам принесет он в дар,
И сам у ваших ног, покорный и влюбленный,
Вас будет звать своей владычицей законной,
Хоть знает, что, идя с троянкой под венец,
Союзу с Грецией положит он конец
И греки на Эпир обрушатся войною.
Да, ради вас он сам рискует головою,
Но вам обоим он защиту обещал...

Андромаха

Пойдем же к мальчику, Сефиза, час настал.

Сефиза

Вам незачем спешить! Ведь, будучи царицей,
Себя вы сможете вознаградить сторицей.

Теперь свободны вы и, как любая мать,
Ребенка будете и нежить и ласкать;
Вам предстоит растить его не для неволи,
А для великих дел и для высокой доли.
Он Трою возродит и тем прославит вас.

Андромаха

Хочу я на него взглянуть в последний раз.

Сефиза

Что слышу я? Увы!

Андромаха

Сефиза, дорогая,
Тебе я все могу поведать, не скрывая.
В несчастье ты всегда мне предана была,
Но все же до конца меня не поняла.
Могла поверить ты, что я обет священный
Способна осквернить кощунственной изменой
И, благоденствие купив ценой такой,
Встревожу родичей погубленных покой?
Но, как душа моя в тоске ни изнывает,
Спасти наследника мне долг повелевает,
А Пирр усыновить ребенка обещал,
Лишь только жрец свершит венчанья ритуал.
Себя унизить Пирр не может клятвой ложной,
И принятое им решенье непреложно,
А греков ненависть лишь подогреет в нем
Стремленье настоять в их распре на своем.
Итак, решилась я пожертвовать собою.
Согласье я даю стать Пирровой женою;
Пусть обещания царя услышит храм,
Пред алтарем ему я сына передам,
И жизнь, которую ценить я перестала,
Тотчас же оборву при помощи кинжала.
Так долгу своему останусь я верна,
И будет вдовья честь моя сохранена.
Теперь мой замысел ты знаешь немудреный.
То — воля Гектора. И умиротворенной
Одна я завершу печальной жизни круг...
А ты — ты мне глаза закроешь, милый друг.

Сефиза

Ах, вам закрыв глаза, и я сойду в могилу!

Андромаха

Нет, должен сохранить надолго дух твой силу!
Как прежде для меня — для сына ты живи!

Тебе вручаю я дитя моей любви,
Мое сокровище. Он восстановит Трою.
Будь нянькою ему и матерью второю,
Следи за тем, чтоб царь, пока мой мальчик мал,
Как истинный отец, его оберегал,
Напоминай ему, что клятвою он связан
И пасынка любить и пестовать обязан
И что законный наш, хоть и недолгий, брак —
Доверья моего к нему бесспорный знак.
Ты сыну расскажи о предках знаменитых;
Пусть подражает им, пусть славою затмит их.
Тверди ему всегда о доблестях отца,
Ну — и о матери скажи два-три словца.
Пусть знает мальчик мой свое предназначенье
И к подвигам родных питает уваженье,
Но пусть не думает за нас Эпиру мстить!
Наставник Пирр ему — его он должен чтить.
Пусть скромным он растет, хоть род его и знатен,
Не мнит, что долг пред ним Эллады неоплатен —
Последний он в роду, и, чтобы жил он впредь,
Мне всем пожертвовать пришлось и умереть.

Сефиза

О, горе!

Андромаха

Не иди за мной. Коль ты не сможешь
С собою совладать — несчастья ты умножишь.
Сдержись, сюда идут. Утри же слезы с глаз.
Зависит от тебя судьба моя сейчас.
Царевну вижу я. Нам встречи с ней опасны.
Уйдем скорей!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Клеона.

Клеона

Как вы загадочно безгласны!
Вам в сердце нанесен безжалостный удар,
И не разжег он в вас бушующий пожар?
Троянку помянуть без дрожи не могли вы,
А в этот страшный час — спокойны, молчаливы...
Ужель еще вчера в отчаянье ввергал
Вас каждый взгляд, что Пирр на пленницу бросал?
Теперь он с нею в брак вступает беззаконно,

Обещанные вам любовь, страна, корона —
Все отдается ей, а вы... Нет, неспроста
Зловеще сомкнуты бескровные уста!
Ни слова? Жутко мне... Несчастьями чреваты
Затишья пред грозой...

Гермиона

Ореста позвала ты?

Клеона

Да, он сейчас придет. Вы убедитесь вновь,
Что бескорыстная владеет им любовь,
Что жертвовать собой для вас ему привычно,
Что ваша власть над ним, как прежде, безгранична.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орест, Гермиона, Клеона.

Орест

Могу ль поверить я живительным словам?
Возможно ль, что Орест понадобился вам?
Измученной души надежда не дерзка ли?
На самом деле вы за мною посылали?
Неужто наконец и мне забрезжил свет!

Гермиона

Ответьте — любите меня вы или нет.

Орест

Люблю ли? Но тогда откуда эти муки,
И бегство, и возврат, неистовство в разлуке,
Глаза, которые всегда от слез влажны?
Какие вам еще свидетельства нужны?

Гермиона

Отмстите за меня — и мне других не надо.

Орест

Нам стоит лишь воззвать — и встанет вся Эллада!
Так будем действовать! Вы — именем своим,
А я — моим мечом. Эпир мы разгромим.
Троянскую войну в Эпире мы устроим,
Но Трои бедствия удвоим и утроим!
И радость мщения и почести нас ждут.
Скорей же к кораблям!

Гермиона

Мы остаемся тут.
Я не намерена трусливою оттяжкой

Помочь моим врагам избегнуть кары тяжкой.
Не ждать, когда придут победы времена,
А мстить немедленно, сейчас же я должна
И не уеду прочь, не услыхав стенаний
И скрежета зубов! Здесь нынче поле брани!
Так поспешите в храм! Уходит время зря!
Пусть там настигнет смерть...

Орест

Смерть? Но — кого?

Гермиона

Царя!

Орест

Как, Пирра?

Гермиона

Вижу я, остыло ваше рвенье!
Хотите — я свое переменю решенье,
Признаю, что как царь он неприкосновен,—
Но вам уж ничего не предложу взамен.

Орест

Не мне его щадить! Снискавши милость вашу,
Страданья моего он переполнил чашу.
Сам жажду мести я, но мести не такой.
Нет, в спину нож всадить предательской рукой —
Поступок для посла всей Греции невместный.
Достойней победить в войне прямой и честной.
На то ль народ меня доверием облек,
Чтоб в Пирровой крови я обагрил клинок?
Пусть Греция на смерть отступника осудит —
Тогда и умирать ему тяжеле будет.
Пока ж еще он — царь, а с царского чела...

Гермиона

Но если я его на гибель обрекла!
Вам недостаточно, что честь моя задета,
Что кровью заплатить он должен мне за это,
Что вам себя дарю я за расправу с ним,
Что он — мой лютый враг, что был он мной любим?
Да, брака этого вся Греция желала,
Но Пирр был дорог мне — я не таюсь нимало,
И, если тотчас же злодея не казнить,—
Боюсь, что я еще могу его простить.
От слова царского он отступил позорно,
Пред вами, предо мной его вина бесспорна,

Но если будет Пирр сегодня пощажен,
То завтра может стать мне снова дорог он!

Орест

Что ж, надо погубить безжалостно злодея.
Служить я вам готов, но вот когда и где я
Обрушу на него карающий свой меч?
И должен ли тотчас я жизнь его пресечь?
Ведь я едва ступил ногою в это царство,
А должен сокрушить устои государства,
Монарха умертвить! И этот ваш приказ
Мне не за месяц дан, не за день, а за час
До вожделенного и страшного мгновенья,
Когда, по-вашему, должно свершиться мщенье!
Нет, прежде чем придет со мною смерть к царю,
Его сопровожу я чинно к алтарю,
А ночью поглощен он будет вечным мраком...

Гермиона

Но днем успеет он с ней сочетаться браком!
Для них уже престол во храме водружен,
И мой позор всему народу разглашен.
Но беззащитен Пирр: он повелел конвою
Троянца охранять. Себя он с головою
Вам предает,— а вы пойдете, сударь, в храм,
Чтоб молча наблюдать, как торжествует срам!
Убейте же того, кто столь самонадеян;
Вооружите всех вам преданных ахеян,
Им в помощь можете вы взять моих людей,
Чья ненависть к нему сравнится лишь с моей.
Вступая с пленною троянкой в брак бесстыдно,
Элладу предал он — всем это очевидно,
И мести жаждут все: лишь нужно бросить клич
Иль просто не мешать клинкам врага настичь.
Возглавить эллинов, идти ль за ними следом —
Решайте сами вы — мой приговор вам ведом:
Хочу я Пирра кровь увидеть. И тогда —
Я ваша.

Орест

Ах, но я...

Гермиона

Довольно! Я горда.
Мне оскорбительны одни слова, без дела!
Путь к сердцу своему я вам открыть хотела
И обнадежить вас... Но, видно, вам милей

Привычка сетовать — самой любви моей.
Так возвращайтесь же, по-прежнему стеная,
Обратно в Грецию; сумею мстить одна я.
И от Ореста я услышала отказ!
Не много ли обид досталось мне зараз?
Иду я в храм — туда, где месть должна свершиться,
Где не решаетесь вы за меня сразиться,—
И сердце, что броней надежной прикрывал
Он от моей любви, пронзит насквозь кинжал!
Затем убью себя своею же рукою,
Свою соединю судьбу с его судьбою.
Ведь, как он ни жесток,— он воин и герой.
Погибнуть лучше с ним, чем с вами быть живой!

О р е с т

Уймите ваш порыв: он противоестествен;
Я дал вам слово мстить — я за него ответствен.
Сам вашего врага я гибели предам
И стану, может быть, небезразличен вам.

Г е р м и о н а

Спешите! Тем скорей и якорь будет поднят:
Покинем вместе мы Эпир еще сегодня.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Г е р м и о н а, К л е о н а.

К л е о н а

Вы губите себя! Быть надо холодней...

Г е р м и о н а

Гублю себя иль нет — мне месть всего важней.
Хоть говорит Орест, что он на все решится,
Вполне ли на него могу я положиться?
Мне больше, чем ему, принес изменник зла,
И я сама удар верней бы нанесла.
Самой убить его! Какое ликованье —
Увидеть свой кинжал в кровоточащей ране
И, довершив своей победы торжество,
Троянку в смертный час укрыть от глаз его!
Ах, если б мне была дана хоть та отрада,
Чтоб перед смертью он узнал, что не Эллада,
А я, я мщу ему за гнусные дела!
Ступай, покуда кровь еще не потекла,

Пока он жив — беги,— пусть он из уст Ореста
Узнает, что ему мстит прежняя невеста!

Клеона

Иду! Ох, близится ужасная беда!
Но что это? Сам царь пожаловал сюда!

Гермиона

Остановись! О нет, беги скорей, Клеона,
Вели Оресту ждать, что скажет Гермиона!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пирр, Гермиона, Клеона.

Пирр

Меня не ждали вы... Прервав ваш разговор,
Я знаю, что от вас я заслужил укор.
Но я пришел не с тем, чтоб толкованьем лживым
Пытаться всем моим делам несправедливым
Благопристойное обличие придать;
Я не могу себя пред вами оправдать,
И горделивой мне не сохранить осанки,—
Но выбор сделан мной: женюсь я на троянке
И отдаю ей все, обещанное вам.
Другой бы тут прибег к чувствительным словам,
Сказал бы, что отцы распорядились нами
Не как хотели мы, а как решили сами,
Двоих нелюбящих друг к другу привязав.
Но не оспорил я тогда отцовских прав
И тем уж виноват. Впоследствии отправил
За вами я послов, и вас корабль доставил
Сюда, в Эпир, где вам оказан был почет.
Хотя уже давно к другой меня влечет,
Я дал себе зарок во что бы то ни стало
Остаться верным вам. И все же, видно, мало
Желанья следовать по избранной стезе:
Препятствовать страстям напрасно, как грозе;
И верх взяла любовь; троянкой полоненной
Я сам захвачен в плен,— безвольный и влюбленный.
И вот сегодня с ней идем мы под венец.
Рассудку вопреки я жажду, чтобы жрец
Назвал моей женой ту, кем я ненавидим...
Наперекор себе в священный храм мы внидем.

Да, мне вины своей пред вами не избыть:
Клятвопреступник я, но я хочу им быть!
Так пусть скорее гнев ваш справедливый грянет:
Быть может, вам и мне на сердце легче станет.
Кляните же творца содеянного зла!
Любая мной от вас заслужена хула.

Гермиона

Я ваше, государь, ценю чистосердечье:
Вы доказали мне своей пространной речью,
Что, совершая зло, его вы звали злом
И знали, что хула вам будет поделом.
Ну что ж, бывают ведь на солнце тоже пятна;
Сегодня слово дать, а завтра взять обратно —
Для славного царя естественно вполне.
Рабом быть клятвы? Нет!.. Вы и пришли ко мне,
Лишь чтоб нечестностью своей покрасоваться!
Вам, видно, в низостях приятно признаваться!
Прекрасно! Честь и долг попрать и отмести,
Любить одну, в Эпир другую привезти,
Бросать меня, опять вздыхать передо мною
И на моих глазах обзавестись женою!
Царевну оскорбить, рабу возвесть на трон,
Сперва для эллинов разрушить Илион,
Для сына Гектора потом предать Элладу...
Кто столько славных дел свершить способен кряду,
Не даст себя связать ни клятвам, ни словам,
И произвол его себе довлеет сам.
Чтоб усладился слух супруги нежной вашей,
Как вас назвать — лжецом или еще покраше?
Желаете вы с ней глумиться надо мной,
Хотите выставить меня с моей бедой
Всем на посмешище? Не много ль будет, впрочем,
Вам радостей зараз? Нет, кое-что отсрочим...
Другие вас потом как надо наградят.
Не стоит удлинять прозваний длинный ряд,
Который вы давно по праву заслужили:
Кем зверски был убит старик Приам? Не вы ли
И всю его семью сразили наповал?
Кто, как не вы, детей и женщин убивал?
А Поликсену кто, к негодованью греков,
Постыдно удушил? Кто кровью человеков
Залил несчастный град, как вешнею водой?
Вы! В чем вам отказать, о доблестный герой!

Пирр

Я за Елену мстил — ведь это вам не внове,
Но знаю — пролил я немало лишней крови;
Увлекшись битвою, вслепую стал рубить.
Однако лучше нам о прошлом позабыть.
Я рад, что слушали меня вы равнодушно;
Коль излияниям моим внимать вам скучно,
То, значит, нет на мне такой большой вины.
Ах, вашей я не знал души до глубины!
Не понимал того, что, каясь в преступленье,
Я тем смертельное нанес вам оскорбленье:
Неверным может ли быть тот, кто не любим?
Я возомнил, что я для вас незаменим,
А что лишь долг велит вам стать моей супругой,
Что обернется вдруг предательство услугой,—
Я не подозревал... Но ведь и впрямь никто
Не мог вам приказать любить меня...

Гермиона

Как? Что?
Я не любила? Я? Ты смеешь молвить это?
К тебе я приплыла с другого края света,
Где не один герой искал моей руки,
И все еще я здесь, рассудку вопреки!
Меня уехать прочь упрашивает свита,
Я ж остаюсь, прося, чтоб ими было скрыто
То унижение, что я давно терплю,
Надеясь вновь привлечь того, кого люблю.
Я изнывала здесь и плакала подолгу,
Ждала, что к своему ты возвратишься долгу...
Тебя любила я, хоть ты мне изменил,
Но если б ты меня лишь пальцем поманил,
Я б отдала тебе все сердце без остатка.
Ведь даже и сейчас, когда так низко, гадко
Ты поступил со мной, я — та же, что была:
В моей душе любовь, увы, не умерла!
Что ж, государь, когда так небесам угодно,
Женитесь на другой, но будьте благородны
Хотя б в одном: меня избавьте от стыда
Самой присутствовать при свадьбе; вам вреда
Не может принести отсрочка небольшая...
Я буду далеко, вам больше не мешая,
Уж завтра, может быть... Согласны? Да иль нет?
Ну что ж молчите вы? Ни слова мне в ответ?

Предатель! Ты своей троянкою лишь бредишь,
С ней сердцем говоришь и все минуты метишь,
Что попусту идут на разговор со мной.
Иди! Я не держу! Беги принесть другой
Те клятвы, что ты мне здесь расточал когда-то
Но, святотатец, знай, что ждет тебя расплата!
Тобою оскорблен благих богов синклит;
Он ложных клятв тебе, изменник, не простит!
Спеши же к алтарю. Отпали все пренопы.
Но бойся там узреть лик гневной Гермионы!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пирр, Феникс.

Феникс
Тем, что вы слышали, пренебрегать нельзя.
У Гермионы есть союзники, друзья;
На гнев отвергнутой нельзя смотреть без страха.
Орест в нее влюблен...

Пирр
Меня ждет Андромаха.

Феникс
Но, государь, у вас здесь сильные враги!

Пирр
Ступай и бдительно ребенка стереги.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гермиона.

Гермиона
Где я? Что делаю? Что совершить должна я?
Взметнула бурю чувств во мне обида злая!
Брожу я по дворцу в отчаянье немом...
Любовь иль ненависть мне душу жжет огнем?
Как он жесток! Он был исполнен безразличья!
Не дал себе труда хоть соблюсти приличья:
Изобразить печаль, хоть раз вздохнуть с тоской...
Нет, безмятежен был души его покой!
Его не тронуло ничуть мое несчастье;

Он и к слезам моим не выказал участья.
И в довершение страданья моего
Я, малодушная, тревожусь за него!
Страшусь грозящего изменнику удара?
Прощаю, хоть еще не совершилась кара?
Нет, нет! Мой приговор не будет отменен!
Я не нужна ему — так пусть погибнет он!
Над яростью моей он попросту смеется,—
Считает, что гроза слезами изольется,
Что, вознамерясь мстить, я в страхе задрожу,
И, коли замахнусь, то руку удержу.
Он, помня о моем к нему расположенье,
Имеет обо мне превратнейшее мненье!
А впрочем, у него иное в голове:
Все мысли об одном — о новом торжестве;
А жизни, смерти ли ему желают где-то —
Что до того ему, презрителю обета?
Меня бросает он, как бесполезный груз?
Ну нет! Рази, Орест, рази, коль ты не трус!
Он знал, в конце концов, что он меня принудит...
Меня? Так смерть его моим деяньем будет?
Моя любовь к нему убить его должна,
Хотя ему была я столько лет верна,
Хоть суженым своим его в душе назвала
До обручения задолго... Я не знала,
Что в путь к нему пущусь за тридевять земель,
Лишь чтоб убить его и с тем отплыть отсель!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Клеона.

Гермиона

Ах, что я сделала, Клеона! Что за вести
Ты принесла? Где Пирр?

Клеона

Он при своей невесте.
Собой безмерно горд, и счастлив, и влюблен,
Теперь он всем, чего он жаждал, наделен.
Ко храму вел сейчас с особым торжеством он
Ту, чей строптивый дух им наконец-то сломан;
В его глазах сверкал нетерпеливый пыл;
Привыкший побеждать, он снова победил,

Но, верно, заждался желанного исхода...
Она ж, потупя взор, шла с ним среди народа,
Приветствовавшего ее, рукоплеща,
Шла безучастная, однако — не ропща.

Гермиона

И низость эту он свершит без колебанья?
В нем не заметно ли душевного метанья?
Всмотреться удалось тебе в его черты?
Не разглядела ль в них хоть беспокойства ты?
Он в сторону дворца не обращал ли взора?
Не покраснел ли хоть от гневного укора,
Который мог послать твой взор ему в толпе?
Иль твердо он идет по гибельной тропе?

Клеона

Он глянул на меня, как мог взглянуть незрячий;
Забыв о вас, забыл о прочих он тем паче;
От века не в ладу со здравым смыслом страсть:
С его беспечностью — как раз в беду попасть!
Кто верноподданный, кто враг — ему нет дела.
Он стражу отослал, чтобы она радела
Об сыне Гектора, как будто вражий меч
Великого царя не может подстеречь!
Сам Феникс перед ним за мальчика в ответе...

Гермиона

О, вероломный Пирр! Не жить тебе на свете!
Но что сказал Орест?

Клеона

С людьми своими в храм
Вошел он.

Гермиона

Что же он намерен делать там?
Он отомстит?

Клеона

Как знать...

Гермиона

О, нет скончанья бедам!
И он меня предаст?

Клеона

Вас? Что вы! Он вам предан!
Но добродетель в нем ведет с любовью спор.

Ему не усмирить в душе своей раздор,
И он колеблется, сомненьем тяжким мучим:
Пирр, всеми признанный воителем могучим,
Герой, Ахиллов сын, великий государь,
Почтение ему внушает, как и встарь.
Страшится Греции Орест, душой смятенный,
Страшится гнева всей огромной ойкумены,
А более всего страшится сам себя.
Он голову царя на острие копья
Принес бы, но претит ему убийцы имя.
Вошел он все же в храм сейчас с людьми своими,
Но обнажит ли меч иль нет — не знает сам.

Гермиона

Он трус! Он зрителем — и только — будет там!
Почтение к царю, Эллады гнев — пустое!
Лишь смерть его страшит — смерть, и ничто иное!
Все греки десять лет дрались за мать мою,
И многие цари отдали жизнь в бою,
Хотя Елена их дотоле не видала.
А я прошу его, и нужно мне так мало:
Клятвопреступного злодея умертвить,—
Такой ценою он меня бы мог добыть.
Награда — я сама, а отомстить — бессильна?
Нет! Нынче все-таки польется кровь обильно.
Я собственной рукой изменнику воздам!
От воплей ужаса пусть содрогнется храм!
Убийство завершит их бракосочетанье.
Потом пусть узрят все мое самозакланье.
Мне даже все равно — умрет Орест иль Пирр,
Но кто-нибудь со мной сойдет в загробный мир!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орест, Гермиона, Клеона.

Орест

Сударыня, я к вам с известием счастливым:
Настал конец его деяньям нечестивым.

Гермиона

Он мертв?

Орест

Кончается сейчас у алтаря:
Настигла наша месть предателя-царя.
Хоть я бы предпочел открытый бой на равных,
Во мне и в эллинах вы слуг нашли исправных.
Я устремился в храм. Там греческий отряд,
Покуда жрец свершал венчания обряд,
Прокрался к алтарю хитро, поодиночке.
Но Пирр, уверенный, что родился в сорочке,
Остался и тогда, как был, невозмутим,
Как будто греческий посол и иже с ним
Возвысить призваны торжественность обряда —
Тем более, что им оскорблена Эллада.
Невесте на чело корону возложив,
Ее царицею при сем провозгласив,
Пирр молвил: «Надо мной и над страной моею
Теперь вы — госпожа. Клянусь вам, что сумею
Я сыну вашему достойным быть отцом,
И, с матерью его соединен венцом,
Я признаю, что он наследует по праву
Приамов трон, а с ним — и прежней Трои славу».
Тут весь собравшийся народ возликовал,
Но, греческий отряд, хоть был он очень мал,
С отвагой яростной накинулся на Пирра:
Самонадеянный враг эллинского мира
Был сжат кольцом людей, спешащих отомстить,
И меч свой некуда мне было опустить.
Нанесть решительный удар стремился каждый:
Царь бился в их руках, но, раненный многажды,
Окровавленный весь, на плиты храма пал.
Я вздоха ждать его последнего не стал
И бросился сюда, дабы немедля с вами
К ахейским берегам уйти под парусами.
Нам в гавань путь лежит, а там нагонят нас
Те, кем был выполнен суровый ваш приказ.

Гермиона

Что сделали они!

Орест

Горячность им простите;
Конечно, не моей вооруженной свите,
А мне пристало бы с эпирцем счеты свесть,
И должен был он знать, что это ваша месть,

Но пусть вам радости не омрачит досада:
Ведь я душою был отважного отряда;
Я в храм послал его. Гордиться вы должны:
Теперь вы наконец сполна отомщены!
Никто иной, как вы...

Гермиона

Довольно слов, предатель!
Виновен ты один, коварный зложелатель!
Пусть греков радует поступок низкий твой;
Убийца гнусен мне. Сокройся с глаз долой!
Я видеть не могу того, кем так жестоко
Прекраснейшая жизнь оборвана до срока.
Как ты посмел, злодей, вершить его судьбой?
Кто право дал тебе на этакий разбой?
Кем надоумлен ты свершить под видом мщенья
Убийство подлое? Как мог без отвращенья
С головорезами своими...

Орест

Горе мне!
Ужели ваш приказ услышан мной во сне?

Гермиона

Поверил ты словам, что женщине влюбленной
Подсказывал ее рассудок помраченный?
Не должен ли ты был в душе ее прочесть,
Что, мучась от любви, она твердит про честь,
Что сердце и уста между собой в разладе?
Твой долг повелевал, меня самой же ради,
От злого умысла, коль он мелькнул на миг,
Отговорить меня, чтоб он тотчас же сник;
Не приходить ко мне за новым подтвержденьем,
Меня наедине с моим оставить мщеньем.
Твоя любовь ко мне дала достойный плод!
Несчастье от тебя, как тень, не отстает;
Ты появился здесь, и всем принес несчастье.
Могла еще вернуть себе над Пирром власть я,
И стал бы он моим,— любя иль не любя.
Он в брак с соперницей вступил — из-за тебя!
Прощай, живи один в своем ахейском мире.
Мне там постыло все. Я остаюсь в Эпире.
Страна, способная чудовищ порождать
Таких, как ты, злодей,— мне более не мать!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Орест.

Орест

То Гермиона ли была передо мною?
Кровопролития, выходит, я виною?
Предатель гнусный я, убийца и злодей?
Да впрямь — Орестом ли зовусь я средь людей?
Как! Подавляю я все доводы рассудка
И совершаю то, о чем помыслить жутко:
Напав исподтишка, я расправляюсь с ним,—
С царем, который был мной по заслугам чтим;
Все попираю я своим насильем грубым,—
Чтоб святотатцем стать, убийцей, душегубом.
А для кого? Для той, чей нрав изменчив, крут,
Для той, что, навязав мне недостойный труд,
Неблагодарностью сейчас мне отплатила?
Да ведь она сама мне строго воспретила
Показываться ей, пока он будет жив!
Теперь она ушла, за все вознаградив
Меня поносными прозваньями без счета...
Заслуженная мзда усердного илота!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пилад, Орест.

Пилад

Скорей отсюда прочь! Нам всем грозит беда.
И можем мы уйти сейчас иль никогда.
Ворот не удержать и стойкой обороной;
Нас мало для войны с толпою разъяренной.
Лишь Андромаха здесь имеет нынче власть,
Эпирцы за нее готовы жизни класть,
Уничтожая нас, ее врагов исконных.
Она же, хоть вчера ей был противен трон их,
За мужа нового их побуждает мстить,
Да и за прежнего попутно, может быть.
Бежим, пока нам путь последний не отрезан,
Чтоб не пришлось его прокладывать железом;
Теснится все еще вкруг Гермионы люд,
Но чуть промедлим мы — вкруг нас кольцо замкнут.

Орест

Нет, нет, мне долг велит быть подле Гермионы:
Не в состоянье жить я, ею не прощенный.
Я должен Пирра кровь своею искупить.

Пилад

О Гермионе вам, Орест, пора забыть.
Вы, ярости ее и жертва и орудье,
Себе и мертвую ее берете в судьи?
В угоду ей должны вы умереть? За что?

Орест

Что слышу я? Мертва?

Пилад

Вам не сказал никто
О том, что в этот час несчастный приключилось?
Когда мы шли сюда, царевна появилась
Простоволосая, с безумием в глазах,
И к храму ринулась, откуда жалкий прах
Всесильного царя солдаты выносили.
И, словно некоей слепой подвластна силе,
Свой извлекла кинжал, не разжимая губ,
Пронзила грудь себе и рухнула на труп.

Орест

Примерно наказать меня решили боги...
Хвала бессмертным вам за то, что вы столь строги,
Столь непреклонны к тем, кто возбудил ваш гнев.
Вы, в замысле своем жестоком преуспев,
Добились длительным и неотступным мщеньем
Того, что стал я сам несчастья воплощеньем.
Для этой цели я и был на свет рожден.
И цель достигнута. Я удовлетворен.
Теперь, чтоб до конца исполнились все судьбы,
В их и в своей крови мне надо утонуть бы...
И смерть желанная положит пусть конец
Непримиримому раздору трех сердец.

Пилад

Орест, мой друг!

Орест

Как, Пирр? Тебя я снова вижу?
Мой враг, которого я страстно ненавижу!
Ведь мною ты убит, кто ж мог тебя спасти?
Еще один удар я должен нанести?
Но что это? Его целует Гермиона,
Смотря на милого умильно и влюбленно

И гневно — на меня. Бессилен я пред ней...
А что там позади? Я вижу клубы змей...
Там злые демоны! О, преисподней дщери!
Пришли меня терзать вы, как добычу — звери?
Те змеи, что шипят на ваших головах,
И те бичи, что вы сжимаете в руках,
Не для меня ль они? Что ж, мучьте и влеките
Меня во мрак... Но нет! Ей право уступите
Замучить до смерти того, кто изнемог.
Она хищнее вас. Вот лакомый кусок:
Я сердце ей мое бросаю на съеденье!

П и л а д

Смотрите, он без чувств! Утихло исступленье.
Нам мешкать — смерть. Скорей страдальца унесем,
Покуда ярость вновь не пробудилась в нем.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я прочел комедию Аристофана «Осы», мне еще не приходило в голову, что с их помощью мной будут написаны «Сутяги». Правда, «Осы» меня весьма позабавили, и я нашел в них множество веселых шуток, которые мне захотелось передать нашей публике. Я решил сделать это через посредство итальянских актеров, в чьих устах смешное наиболее уместно. Судья, выпрыгивающий из окна, преступник-пес и слезы его детей — мотивы, которые казались мне достойными серьезности Скарамуша.

Отъезд этого актера помешал исполнению моего замысла, и тогда кое у кого из моих друзей родилась мысль, что неплохо бы представить в нашем театре пиесу в духе Аристофана. Я не сразу сдался на их уговоры, ссылаясь на то, что, хотя и я нахожу этого автора очень остроумным, мои личные вкусы не позволили бы мне именно его взять за образец, если бы я принялся писать комедию, и что я куда охотнее стал бы подражать сдержанности Менандра и Теренция, нежели вольной манере Аристофана и Плавта. Мне отвечали, что от меня вовсе и не требуют комедии, а просто хотят проверить, хорошо ли будут звучать на нашем языке острые словечки Аристофана.

Так мои друзья, то подбадривая меня, то помогая мне советами, заставили меня приняться за работу над пиесой, которая в скором времени и была завершена.

Большинство людей нисколько не задумывается ни о целях автора, ни о смысле его труда. К моему шутливому сочинению подошли так, словно это была трагедия. И даже те, кто забавлялся больше всех, боялись смеяться не по правилам и порицали меня за то, что я недостаточно серьезно обдумал способы рассмешить их. Другие решили, что им пристало скучать на моей комедии и что судопроизводство не может служить предметом развлечения для придворных.

Вскоре пиеса была сыграна в Версале. Там зрители не стеснялись веселиться вовсю, и те, кто считал для себя неприличным смеяться на ее

представлениях в Париже, в Версале были вынуждены смеяться, чтобы соблюсти приличия.

Они согрешили бы против истины, если бы упрекнули меня в том, что я утомил их слух судебными кляузами. Язык ябеды чужд мне более чем кому бы то ни было, и я заимствовал из него лишь несколько варварских словечек, усвоенных мною во время одного процесса, в котором ни я сам, ни мои судьи так и не смогли толком разобраться. Если я чего-нибудь и опасаюсь, то лишь одного: как бы серьезные люди не сочли озорством изображение суда над собакой и чудачеств судьи. Но в конце концов я перевожу Аристофана, а ведь он имел дело с довольно требовательной публикой: афиняне-то уж хорошо знали, что такое аттическая соль, и когда что-нибудь вызывало их смех, то это, конечно, не были просто глупые шутки.

Я придерживаюсь того мнения, что Аристофан поступал правильно, выходя в своих пиесах за пределы правдоподобия. Надо полагать, что судьи Ареопага были бы недовольны, если бы он списал прямо с натуры их алчность, увертки их писцов и хвастливую болтовню адвокатов. Было уместно несколько сгустить краски в изображении действующих лиц, чтобы судьям было труднее себя узнать. Публика умела разглядеть истинное сквозь смешное, и я уверен, что лучше предоставить свободу безудержному красноречию двух ораторов в деле по обвинению собаки, чем посадить на скамью подсудимых настоящего преступника и занимать зрителей судьбой человека.

Во всяком случае, могу заметить, что, как оказалось, наш век — не более хмурого нрава, чем век Аристофана, и если целью моей комедии было посмешить людей, то никогда еще комедия лучше не достигала цели.

Я отнюдь не жду для себя больших похвал за то, что довольно долго веселил публику, но вменяю себе в некоторую заслугу, что мне удалось сделать это, нимало не прибегая к грязным намекам и недостойному зубоскальству, которыми теперь без стеснения пользуется большинство наших писателей, заставивших театр вновь опуститься до той пошлости, откуда его извлекли более щепетильные авторы.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дандеи, судья.
Леандр, его сын.
Шпкано, купец.
Изабелла, его дочь.
Графиня де Пенбеш.
Пти Жан, швейцар у Дандена.
Интиме, секретарь Дандена.
Суфлер.

Действие происходит в одном из городов нижней Нормандии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Пти Жан, один, с большим мешком, набитым протоколами.

Пти Жан

Безумец тот, кто ждет от будущего благ.
Ты в среду сыт, ан глядь — в четверг свистишь в кулак.
Покинул я Амьен и у судьи швейцаром
Уж целый год служу, а все почти что даром.
Над пикардийцами здесь любят подшутить,
Но, средь волков живя, учись по-волчьи выть,
И, хоть с нормандцами нам в плутнях не сравниться,
Умел не хуже их я от истцов кормиться.
Юлил передо мной нарядный лоботряс:
«Ах, господин Пти Жан! Как рад я видеть вас!»
Но не сдавался я на лесть и уверенья,
Пока им не было в монете подтвержденья.
Нет денег? Добрый путь! В суде закрыта дверь.
С моей повадкою знакомы все теперь.
Бывало, прибылью делился я с судьею,
А он мне поручал, весьма довольный мною,
То свечек прикупить, то сена запасти.
Тут я смекал: «Пти Жан, свое не упусти!»
Все было б хорошо. Да вот какая жалость:
Хозяин мой, судья, видать, свихнулся малость.
Такой в свои суды стал вкладывать он пыл,
Что остальное все забросил и забыл.

Ближайшие друзья его бы не узнали!
С утра до вечера сидит в судейской зале
Без пищи и питья, в бумаги погружен,
Как будто сыт и пьян параграфами он.
Я говорил ему: «Мне это видеть тяжко!
Коль едешь далеко,— следи, крепка ль упряжка;
В таком-то возрасте зачем из кожи лезть?
Вы так зачахнете! Ведь надо спать и есть!»
Да где там! Ничего и слышать он не хочет.
Какие-то «статьи» под нос себе бормочет,
Не смотрит на людей и даже перед сном
Не разлучается с судейским колпаком.
Коль от безумного он не очнется бреда,
То может засудить и сына и соседа.
Недавно петуха старик казнить велел
За то, что тот поздней обычного пропел.
Бедняга опоздал всего лишь на минутку,
Но господин судья взъярился не на шутку.
Шумел и бушевал с утра часов до двух,
Крича, что знает, кем подкуплен был петух.
Услышав о таком нелепом приговоре,
Сын приказал держать все двери на запоре.
И вот я день и ночь дежурю под окном,
Простился с отдыхом, с обедом и с вином,
Зеваю, похудел, от старика — ни шагу!
Ну просто — мочи нет! Хоть у дверей прилягу!
Вздремнуть бы!

(Ложится на землю перед домом.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Интиме, Пти Жан.

Интиме

Эй, Пти Жан! О, черт! Проснись же, встань!

Пти Жан

Ты, Интиме?

Интиме

Зачем ты здесь в такую рань?

Пти Жан

Да видишь — стерегу. Ох, эти старикашки!
Как ты им не служи, от них не жди поблажки!
Чуть что не так — кричит! И все грозит судом!

И н т и м е
Вот как!
П т и Ж а н
Я терпелив, но уж терплю с трудом.
Соснуть я попросил недавно разрешенья,
А он мне говорит: «Подай о сем прошенье!»
Вот так и мучаюсь, не уходя с поста,
А мне бессонница томительней поста!
Спокойной ночи!
И н т и м е
Что? Сейчас? Да ты в уме ли?
Чу! Это что за шум? Засовы загремели!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дандеп, Интиме, Пти Жан.

Д а н д е н *(распахивает окно)*
Эй, Интиме! Пти Жан!
И н т и м е *(Пти Жану)*
Ни слова!
Д а н д е н
Пустота!
Ушли! Уйду и я! Но дверь-то заперта!
А ежели — в окно? Здесь низко, слава богу.
Захватим все дела, и поскорей в дорогу!
Гоп-ля!
И н т и м е
Вот так прыжок!
П т и Ж а н
Хозяин, вы куда?
Д а н д е н
Ай! Грабят!
П т и Ж а н
Это я!
Д а н д е н
Свидетели, сюда!
И н т и м е
Зачем же так кричать?
Д а н д е н
Убийство! Преступленье!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Леандр, Данден, Интиме, Пти Жан.

Леандр

Эй, факелы зажечь! Что здесь за представленье!
Отец?! Кто вас посмел средь ночи разбудить?
Куда бежите вы? Еще темно!

Данден

Судить!

Леандр

Кого? Все спят!

Пти Жан

Кто спит, а кто — на карауле!

Леандр

И вам бы отдохнуть. А вы — и не вздремнули.
Что это за мешки?

Данден

Я взял дела с собой.
Теперь три месяца я не вернусь домой.

Леандр

Но есть-то надо вам? В расчет вы это взяли!

Данден

Я буду есть в суде.

Леандр

А спать?

Данден

В судейской зале!

Леандр

Отец, я не могу вас ночью отпустить!
Вам не по возрасту теперь такая прыть.
Я сын ваш и хочу, чтоб вы остались живы.
Неделю или две передохнуть должны вы,
Оставить все дела и дать покой родным.
Вы нездоровы.

Данден

Пусть! Хочу я быть больным!

Леандр

Вы из упрямства все пустить готовы прахом!

Данден

Ты думаешь, что я, подобно вертопрахам,
Таким, как ты, сынок, и все твои друзья,

Могу бездельничать? Я — городской судья!
Вы днем за картами, вы вечером на бале,
А мне беспутные забавы не пристали.
Ведь сами денежки к нам в руки не идут,
Чтоб их добыть, нужны усердие и труд.
Откуда ты возьмешь жабо и ленты, если
Не буду я сидеть в моем судейском кресле?
А ты, приобретя узорчатый камзол,
Среди дворян себе приятелей завел
И сдуру из себя стал корчить кавалера!
Но легкомыслию, мой друг, должна быть мера!
Судейской мантии стыдишься ты, сынок,
А от нее меж тем семье немалый прок.
От века мантию носили все Дандены.
Взгляни на лица их, что украшают стены
В парадных комнатах и в спальне у меня,—
Не скажешь, что в нужде жила моя родня!
Хоть чин мой невелик и человек я скромный,
Маркизы толпами стоят в моей приемной,
И если сосчитать мой годовой доход,
То их доходы он намного превзойдет.
Да, вижу я теперь, как ты хранишь заветы
Покойной матери, бедняжки Бабонетты...
Бог наградил меня примерною женой:
Сидела матушка в присутствии со мной
С утра до вечера, питалась чем попало;
Зато к ее рукам кой-что и прилипало!
А ты — дурак и мот!

Леандр

Пора домой, отец.
Рассудка голосу внемлите наконец!
Пти Жан, препроводи хозяина к постели.
Запри все окна, дверь, чтоб не было ни щели:
Для пожилых людей опасны сквозняки.

Пти Жан

Велите укрепить засовы и замки!

Дандан

Мне — спать? Какой урон моей судейской чести!
Хоть предъявите мне решенье об аресте!

Леандр

О вашем, батюшка, здоровье хлопочу!

Д а н д е н
Иду. Но знайте же: я всех вас проучу!
Назло не буду спать!
Л е а н д р
Весь дом и так разбужен.
Иди, Пти Жан!
(К Интиме.)
А ты останься, ты мне нужен.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Леандр, Интиме.

Л е а н д р
Хочу поговорить с тобой наедине.
И н т и м е
Что, нужен страж и вам?
Л е а н д р
Да, кажется, и мне...
Увы! Теперь и мой рассудок не в порядке!
И н т и м е
Вам хочется судить?
Л е а н д р
Оставь свои догадки!
Ты знаешь этот дом?
И н т и м е
Теперь я понял вас!
Вам не дает любовь уснуть в столь поздний час!
Хотели рассказать вы мне об Изабелле?
Ну что ж, она умна, красива в самом деле
И мужа недурным приданым одарит,
Коль папенька в судах ее не разорит.
С кем он не судится! За стертую монету
Всю Францию готов он притянуть к ответу.
И дом купил, чтоб здесь, с судьею рядом, жить!
Судиться жаждет он, как ваш отец — судить!
И если выдать дочь он замуж согласится,
То с зятем завтра же найдет предлог судиться.
Л е а н д р
О, мне известны все причуды старика...
Но я люблю ее!
И н т и м е
Любовь всегда робка!
Поговорите с ним. Добьетесь вы успеха.

Леандр

Как скор ты на словах! Тут есть одна помеха —
Ее отец маньяк: решил он с давних пор,
Что будет у него в зятьях лишь прокурор,
Ходатай, иль судья, или судебный пристав.
Сутяжный пыл его безмерен и неистов.
А дочь, пока идет вся эта кутерьма,
Тоскует взаперти. Ей отчий дом — тюрьма.
И слезы льет она, меж тем как без зазренья
Он тратит на суды доход и сбереженья.
Так можно девушку до нитки разорить!
Не знаешь, кто бы мог...

Интиме

Сутягу усмирить?

Леандр

Подделать документ...

Интиме

Покойный мой папаша
Сумел бы в пять минут уладить дельце ваше!
Жаль, нет его в живых! Уж вот кто был ловкач!
Он деньги загребал, не зная неудач,
В проделках плутовских себе не ведал равных
«И на челе носил печать деяний славных».
Где было палочных ударов на сто спин,
Умел он все себе заполучить один.
Располагайте ж мной! Как сын отца такого,
Я помогу вам.

Леандр

Ты?

Интиме

Я не глупей другого!

Леандр

Вручишь подложный акт?

Интиме

А почему бы нет?

Леандр

Ей передашь письмо?

Интиме

И принесу ответ.
Все будет сделано.

Леандр

Ну, что ж, возьмись, пожалуй.
Вот он! Уйдем скорей!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Шикано, Пти Жан.

Шикано *(прохаживаясь взад и вперед)*

Ла Бри, ты честный малый!
Тебе я поручу сегодня много дел.
Смотри, чтобы наверх никто пройти не смел;
Вели отправить в Мен пакет: он запечатан;
Наведайся в садок к породистым крольчатам
И к прокурору в дом штук пять вели снести;
Придет писец — его мускатом угости
И дай ему мешок, что на окне в прихожей.
Все, кажется... Ах, да! Придет на жердь похожий
Высокий человек. Пускай он подождет.
Он показания перед судом дает,—
Какие мне нужны,— за небольшую цену.
Бьет пять часов! Пора. Пойду к судье Дандену.

Пти Жан *(приоткрывая дверь на стук Шикано)*

Кто?

Шикано

Можно мне к судье?

Пти Жан

Нет. Прекращен прием.

Шикано

Могу я говорить с его секретарем?

Пти Жан

Нет.

Шикано

А с привратником?

Пти Жан

Привратник я.

Шикано

Чудесно!
Прошу вас, от меня примите...

Пти Жан *(беря деньги)*

Очень лестно.

(Закрывает дверь.)

Придите завтра.

Шикано

Что? Хоть деньги мне верни!
Как стал корыстен мир и жаден в наши дни!
В былые времена судиться было просто:

На каждое экю выигрывали по сто.
Теперь же, кажется, все денежки мои
Нужны, чтоб подкупить... привратника судьи!
Но, вижу я, сюда идет поспешным шагом
Графиня де Пенбеш. Нет утром сна сутягам!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Графиня, Шикано.

Шикано
Впуск прекращен.
Графиня
Уже? Так я была права!
От этих милых слуг распухнет голова!
Лентяи! Олухи! Не встать им спозаранку!
Пришлось самой будить лакеев и служанку!
Шикано
Судья скрывается. Все ясно для меня.
Графиня
Я не могу застать его уже три дня!
Шикано
Противник мой силен. Но я имею виды...
Графиня
Какие наглецы! Я не прощу обиды!
Шикано.
Я по закону прав.
Графиня
Я отомщу врагу!
Шикано
Сударыня, я вам довериться могу!
Графиня
Ах, знаете, и я рассержена немало!
Шикано
Там, в сущности, пустяк.
Графиня
Как я уже сказала...
Шикано
Так вот: однажды днем, пятнадцать лет тому,
Чужой осел, пройдя по лугу моему,
Мне причинил ущерб. Тотчас же за потраву
Я подал жалобу — законно и по праву,—

Осла же задержал. Эксперт назначен был;
В две вязки сена он убыток оценил.
Примерно год спустя дал суд определенье:
Мне в иске отказать. Тогда без промедленья
Я апеллировал. Покуда шло в суде
Второе следствие, я хлопотал везде.
И вот один мой друг,— конечно, не бесплатно,—
Настроил суд ко мне вполне благоприятно;
Я дело выиграл. Тут — новая беда:
Противник пренебрег решением суда,
И, более того,— через двенадцать суток
Пустил ко мне во двор своих гусей и уток!
Подобной наглости еще не видел свет!
Тогда, определив мне нанесенный вред,
Мой адвокат, большой знаток судейских правил,
Вторую жалобу к рассмотренной добавил.
Но слушанье судья еще раз отложил.
Я лез из кожи вон: писал, кропал, строчил,
Привел на суд живых свидетелей; вдобавок
Добыл пять экспертиз, шесть актов, восемь справок,
Представил кучую на луг и на поля,
Послал прошение на имя короля,
За все и всем платил — заметьте — без квитанций!
И, наконец, пройдя четырнадцать инстанций
И тысяч пять экю на этом потеряв,
Я получил ответ, что... не было потрав!
Да разве это суд? Да разве это право?
Через пятнадцать лет! Но я — крутого нрава!
Я в королевский суд кассацию подам!
Дойду до короля! Но, вижу я, и вам
Не повезло?

Графиня

О да!

Шикано

Добьюсь я непременно!

Графиня

Я...

Шикано

Столько потерять за две охапки сена!

Графиня

Мои суды теперь приблизились к концу.
Остались пустяки: иск к мужу, иск к отцу,
Иск к детям. Но, увы, стряслось большое горе.

Признаться совестно мне в этаком позоре!
Посредством клеветы почтенная родня
Добилась строгого запрета для меня
Судиться. Вынес суд решение по форме
И печься им велел лишь о моем прокорме.

Ш и к а н о

Запрет судиться?

Г р а ф и н я

Да!

Ш и к а н о

Ну, кто б подумать мог!

Г р а ф и н я

О, я в отчаянье! Я просто сбилась с ног!
Как быть?

Ш и к а н о

Вас обрекли жить дома на покое!
А содержанье вам положено какое?

Г р а ф и н я

Хватило бы в обрез на пищу и питье,
Но, сударь, без судов — кому из нас житье?

Ш и к а н о

Судейские крючки нас обдерут как липку,
А мы смолчим! Спрошу, чтобы не впасть в ошибку:
Давно вы судитесь?

Г р а ф и н я

Да как бы вам сказать —
Лет тридцать.

Ш и к а н о

Пустяки!

Г р а ф и н я

А может, тридцать пять...

Ш и к а н о

Так сколько же вам лет? Вы очень моложавы!

Г р а ф и н я

Всего под семьдесят.

Ш и к а н о

Прекрасный возраст, право,
Чтоб тяжбы затевать!

Г р а ф и н я

А я и не сдаюсь.
Я все с себя продам, а своего добьюсь!

Ш и к а н о

Сударыня, я вам хочу помочь советом.

Графиня
Ах, не решалась я вас попросить об этом!
Шикано
Пойти бы вам к судье...
Графиня
Я тотчас же пойду!
Шикано
Упасть к его ногам...
Графиня
О, сударь, упаду!
Незамедлительно!
Шикано
Но дайте кончить фразу!
Графиня
Суть дела уловить он умудрился сразу!
Шикано
Вы все сказали?
Графиня
Все!
Шикано
Прекрасно! Ну, так вот:
Пойти бы вам к судье...
Графиня
Он речь умно ведет!
Шикано
Да помолчите же!
(В сторону.)
Вот старая хрычовка!
Графиня
Я так признательна! Мне, право же, неловко!
Шикано
Пойти бы вам к судье и заявить бы...
Графиня
Ах!
Шикано
Моя судьба...
Графиня
Так, так!
Шикано
Теперь у вас в руках!
Графиня
Еще бы!

Ш и к а н о

Дайте мне с печатью заключенье!

Г р а ф и н я

Ой, нет! Я не хочу!

Ш и к а н о

С ней чистое мученье!

Г р а ф и н я

Нет, в заключение я, сударь, не пойду!

Ш и к а н о

Да вы послушайте, я не к тому веду!

Г р а ф и н я

И слушать не хочу! Скажите-ка на милость!

Ш и к а н о

Ну что еще за дурь? В амбицию вломилась!

Г р а ф и н я

Дурь? Сам дурак!

Ш и к а н о

Кто? Я?

Г р а ф и н я

Зачем меня в тюрьму?
Уж заключение мне вовсе ни к чему!

Ш и к а н о

Минутку!..

Г р а ф и н я

Научись с ослами сам судиться —
Потом учи других!

Ш и к а н о

Но я же...

Г р а ф и н я

Прочь, тупица!

Ш и к а н о

Вы что толкаетесь?

Г р а ф и н я

Ступай стеречь свой луг!

Ш и к а н о

Я оскорблен — и нет свидетелей вокруг!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Пти Жан, графиня, Шикано.

П т и Ж а н

Эй, что здесь за скандал у нашего окошка?
Извольте, господа, хоть отойти немножко!

Ш и к а н о

Вы подтвердите, что...

Г р а ф и н я

...Мой собеседник — плут!

Ш и к а н о

Прошу, запомните все сказанное тут!

П т и Ж а н *(графине)*

Ведете вы себя весьма неосторожно!

Г р а ф и н я

Ведь начал первый он! Ему, выходит, можно?

П т и Ж а н *(к Шикано)*

Ах, сударь, так легко попасться самому!

Ш и к а н о

Я думал дать совет...

Г р а ф и н я

Совет! Идти в тюрьму!

П т и Ж а н *(к Шикано)*

Ах, сударь...

Ш и к а н о

Но она дослушать не хотела!

П т и Ж а н *(графине)*

Сударыня...

Г р а ф и н я

Совет! Ему какое дело!

Ш и к а н о

Злодейка!

П т и Ж а н

Тише вы!

Г р а ф и н я

Сутяга!

П т и Ж а н

Ну и крик!

Ш и к а н о

Сиди на привязи!

Г р а ф и н я

Ах, кляузный старик!
Мошенник, вор, наглец! Подобного нахала
Свет не видал!

Ш и к а н о

Бранись! Тем больше матерьяла
Для иска!

Графиня

Пристава сейчас мы приведем!

Пти Жан

Связать бы всех сутяг — да в сумасшедший дом!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Леандр, Интиме.

Интиме

Я буду приставом. Но, чтоб одним ударом
Двух зайцев нам убить, оденьтесь комиссаром
И к дому Шикано направьтесь вслед за мной.
Прием, надеюсь, вам окажут недурной.
Судейским заменив парик ваш белокурый,
Вы, сударь, сможете девице строить куры;
А я не отойду от дома ни на миг
И знак подам, когда появится старик.
Усилия мои теперь не будут втуне.
Счастливым случаем обязан я фортуне:
С самой графинею свела меня она.
Старушка дьявольски была обозлена
И, бросившись ко мне, исполненная пыла,
Составить старику повестку попросила.
Он будто оскорбил ее, да, ко всему,
Хотел еще связать и засадить в тюрьму.
Но не слыхал пока я вашего сужденья:
Похож на пристава я в этом облаченье?

Леандр

До чрезвычайности!

Интиме

Надев такой мундир,
Я понял, что смогу завоевать весь мир!
Графиня вовремя на помощь подоспела!
Ручаюсь вам, письмо получит Изабелла!
А чтобы подписать контракт вам удалось,
Должны мы действовать согласно, а не врозь.
Вы сделаете вид, что заняты допросом,
И сговоритесь с ней у старика под носом.

Леандр

Ну, а повестку ты не спутаешь с письмом?

Интиме

О, что вы! Будет все проделано с умом!
Начнем же!

(Стучит в дверь к Изабелле.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Изабелла, Интиме.

Изабелла

Кто там?

Интиме

Друг!
(В сторону.)
Она сама! Смелее!

Изабелла

Что вам угодно?

Интиме

Я приказ судьи имею
Сию бумагу вам немедленно вручить
И тотчас на нее ответ ваш получить.

Изабелла

Ах, сударь, я совсем не разбираюсь в этом.
Придет отец — к нему явитесь за ответом.

Интиме

Так дома нет его?

Изабелла

Ушел он по делам.

Интиме

Прочтите документ. Он адресован вам.

Изабелла

Я повторяю вам: отца сейчас нет дома.
Я ж не сужусь ни с кем, хоть с тяжбами знакома.
И, если б все в суды ходили так, как я,—
Вам не было бы столь вольготного житья!
Прощайте!

Интиме

Смилуйтесь!

Изабелла

Я знаю эти штуки!

И н т и м е
Но мне велели...
И з а б е л л а
Ложь!
И н т и м е
Письмо отдать вам в руки!
И з а б е л л а
Еще что!
И н т и м е
Право же!
И з а б е л л а
Меня не обмануть!
И н т и м е
Но господин Леандр...
И з а б е л л а
Кто? Дайте-ка взглянуть!
И — тише!
И н т и м е
Наконец! Немало же усилий
Затратил я, пока вы дверь мне отворили!
И з а б е л л а
Как, это Интиме? Но что за маскарад?
И н т и м е
Уловка! Без нее не одолеть преград!
И з а б е л л а
Ну, дай письмо! А ты совсем неузнаваем!
И н т и м е
Кому-то все-таки мы двери открываем?
И з а б е л л а
Дай!
И н т и м е *(пряча письмо за спину)*
Нет!
И з а б е л л а
Ах, так? Теперь сама я не возьму!
Неси его назад Леандру своему!
И н т и м е
Возьмите. И врагом впредь не считайте друга.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Шикано, Изабелла, Интиме.

Шикано

Так я — дурак и плут?! Ну, ей придется туго!
Я оскорбления такого не прощу
И старую каргу надолго укрощу.
А дельце поручу такому человечку,
Что вряд ли даст оно в его руках осечку.
Но это что еще за новые дела?
С мужчиной дочь моя беседу завела!
В ее руках письмо...

Изабелла

Доверья он достоин?
Не шутит ли со мной?

Интиме

Ах, он так неспокоен!
Не спит, не ест...
(Заметив Шикано.)
...И вам докажет в час любой,
Что никому на даст смеяться над собой.

Изабелла *(увидев Шикано)*

Отец!
(К Интиме.)
Скажите тем, кто дал вам порученье:
Угрозы их для нас — одно лишь развлеченье,
И их повесток мы хранить не станем!
(Рвет записку.)
Вот!

Шикано

Так это не письмо! Она повестку рвет!
«Приди, о дочь моя!» Любовь ты заслужила!
Кровь Шикано течет в твоих, малютка, жилах!
Открыта пред тобой прекрасная стезя!
Но все ж повестки рвать, дитя мое, нельзя.

Изабелла

Скажите им, что я их не боюсь нисколько.
Пусть пишут! Мы прочтем — и улыбнемся только!

Шикано

Ну, ну, не горячись!

Изабелла *(к Интиме)*

Прощайте!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Шикано, Интиме.

Интиме *(приготовившись писать)*
Так. Сейчас
Составим акт.
Шикано
Нельзя ль простить на первый раз?
Она неопытна! Все это — от волненья!
Повестку склею я при вас в одно мгновенье.
Интиме
Не надо.
Шикано
Сможем мы прочесть ее вполне!
Интиме
Да стоит ли труда! Есть копия при мне.
Шикано
Вы — славный человек. Подружимся легко мы.
Но удивлен я тем, что мне вы незнакомы:
В суде я знаю всех.
Интиме
Спросите у судьи:
Ему известны все достоинства мои.
Шикано
Так кто же вас прислал?
Интиме
Я к вам по порученью
Особы некоей. Она свое почтенье
Вам просит выразить и вас оповестить
О том, что вы должны ей нечто возместить.
Шикано
Я? Разве я нанес кому-нибудь обиду?
Интиме
Помилуйте! Вы так добросердечны с виду!
Шикано
Чего хотите вы?
Интиме
Они от вас хотят,
Чтоб взяли вы слова поносные назад
И при свидетелях признали их отныне
Почтенной дамою.

Ш и к а н о

Ну, это — от графини!

И н т и м е

Она вам шлет поклон.

Ш и к а н о

Я — также.

И н т и м е

Рад весьма.

Ш и к а н о

Я от нее и ждал подобного письма!
Скажите, сударь, ей: я медлить не умею;
Она получит все, желаемое ею,
У пристава. И пусть не бьет тревогу зря.
Что ж пишут нам? Так, так. «Шестого января
Графиня де Пенбеш, беседуя с Жеромом
Из рода Шикано, зловредностью влекомым,
Им незаслуженно была оскорблена.
Задета честь ее, и требует она,
Чтоб при свидетелях и при судейском чине
Вышеозначенный признался, что графиня —
Особа здравая, вполне в своем уме
И вовсе нет причин держать ее в тюрьме.
Ле Бон». Вас так зовут?

И н т и м е

Да, сударь, я не скрою.
Ле Бон и ваш слуга.

Ш и к а н о

Но с подписью такою
Повесток никогда не присылал мне суд!
Как? Господин...

И н т и м е

Ле Бон.

Ш и к а н о

Вы, сударь, просто плут!

И н т и м е

Я — честный человек. Шумите вы напрасно.

Ш и к а н о

Разбойник! Негодяй! Теперь мне это ясно!

И н т и м е

Бранитесь, в добрый час! Но знайте: по суду
За оскорбленье с вас потребую я мзду!

Ш и к а н о

Мерзавец!

Интиме

К доводам моим не будьте глухи.

Шикано

Я заплачу тебе две звонких... оплеухи!

(Дает ему пощечину.)

Интиме

Пощечина! Ее мы в протокол внесем!

(Пишет.)

«Свидетельствую сим, что господин Жером
Из рода Шикано мне, приставу Ле Бону,
В законных действиях моих чинил препону
Посредством бранных слов...»

Шикано *(бьет его)*

Не только слов!

Интиме

«Пинок
Он мне нанес такой, что был им сбит я с ног.
Означенный Жером, на том не успокоясь,
Сорвал с меня парик и разорвал мой пояс.
За это отвечать он должен по суду».
Ну, сударь, что же вы? Я продолженья жду!
Возьмите палку! Вот моя спина.

Шикано

Мошенник!

Интиме

Еще удар — и мне, пожалуй, хватит денег.

Шикано *(хватаясь за палку)*

Я погляжу, какой ты пристав!

Интиме

Ну, смелей!
Лупите! У меня одиннадцать детей!

Шикано

Ах, господин Ле Бон! Прошу вас не сердиться!
Ведь даже и мудрец способен ошибиться!
Вы — пристав подлинный, и дорогой ценой
Готов я искупить поступок столь дурной.
Отец хоть не сумел оставить мне наследства,
Но жить меня учил, внушал мне с малолетства
Почтенье к господу, к мундиру и к чинам.
Возьмите!

(Протягивает ему деньги.)

Интиме

Так легко не откупиться вам!

Ш и к а н о
Не подавайте в суд!
И н т и м е
Ого! А как же палка,
Пинок, пощечина?
Ш и к а н о
И вам меня не жалко?
Я все беру назад!
И н т и м е
Покорный ваш слуга!
Нет, мне пощечина как память дорога!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Л е а н д р, в костюме комиссара, Ш и к а н о, И н т и м е.

И н т и м е
Как кстати, что вы здесь! Не проходите мимо!
Мне ваше мнение весьма необходимо!
Вот этот, с виду столь достойный господин
Мне только что нанес удар,— и не один!
Л е а н д р
Вам?
И н т и м е
Мне. И от сего почтеннейшего мужа
Немало бранных слов услышал я к тому же.
Л е а н д р
А есть свидетели?
И н т и м е
Пощупайте слегка;
Еще и посейчас горит моя щека.
Л е а н д р *(к Шикано)*
Итак, я вас застал на месте преступленья.
Ш и к а н о
Вот черт!
И н т и м е
Оказано суду сопротивленье:
Повестку разорвав на несколько частей,
Сказала дочь его, что презабавно ей
Читать сей документ.

Леандр

Строптивая девица!
Порвать повестку в суд! Велите ей явиться!

Шикано

Я грежу наяву? Иль это все во сне?
Хоть бы один из них в суде встречался мне!

Леандр

Бить пристава! А, вот та самая особа!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Леандр, Изабелла, Шикано, Интиме.

Леандр

Ну, вас, сударыня, я допрошу особо.
Звать?

Изабелла

Изабеллой.

Леандр

Так.
(К Интиме.)
Пишите.
(Изабелле.)
Сколько лет?

Изабелла

Семнадцать.

Леандр

Должен быть серьезным ваш ответ,
А между тем сейчас мне доложил мой пристав,
Что вы осмелились высмеивать юристов.
Вы замужем?

Изабелла *(смеясь)*

О нет!

Леандр

Отметьте-ка, Ле Бон:
Она смеется.
(Изабелле.)
Что, вопрос мой так смешон?

Шикано

Годится ль девушек расспрашивать об этом?
Семейные дела должны быть под секретом.

Леандр *(к Интиме)*

Пишите: он прервал!

Ш и к а н о

Ой, нет! Избави бог!
Дитя, обдумывай в ответе каждый слог!

Л е а н д р

Прошу вас отвечать спокойно, без опаски;
Ответы на суде не подлежат огласке.
Скажите, только что была вам вручена
Бумага приставом?

И з а б е л л а

Да, сударь.

Ш и к а н о

Как умна!

Л е а н д р

И вы ее прочли иль тотчас разорвали?

И з а б е л л а

Прочла.

Ш и к а н о

Так, дочка, так!

Л е а н д р *(к Интиме)*

Ле Бон, вы записали?
(Изабелле.)
Зачем порвали вы сей документ?

И з а б е л л а

Отец
Разгневаться бы мог, прочтя его, вконец,
А этого, как дочь, хотела избежать я.

Ш и к а н о

Ах, умница моя! Приди в мои объятия!

Л е а н д р

Скажите, ну, а вы сердиты на того,
Кто написал и вам адресовал его?

И з а б е л л а

Меня в бумаге той ничего не оскорбило.

Л е а н д р *(к Интиме)*

Пишите!

Ш и к а н о

Держится достойно, скромно, мило,
Что ни ответ, то — перл!

Л е а н д р

Но до сих пор, увы,
Носящих мантию не жаловали вы?

И з а б е л л а
Да, раньше мантия всегда меня пугала,
Но я была глупа и смыслила так мало...
Ш и к а н о
Ах, милое дитя! Уж постараюсь я
Хорошего судью найти тебе в мужья!
Л е а н д р
Чего мы ждем от вас, мне кажется, понятно.
И з а б е л л а
Я сделаю все так, как будет вам приятно.
И н т и м е
Вот и готово. Здесь две подписи нужны.
Л е а н д р *(Изабелле)*
Вы слову вашему останетесь верны?
И з а б е л л а
Как можно изменить решение такое!
Л е а н д р
Прошу вас подписать сей акт своей рукою.
(К Шикано.)
И вас я попрошу о том же.
Ш и к а н о
Я не прочь.
Согласен я со всем, что здесь сказала дочь.
Л е а н д р *(тихо Изабелле)*
Итак, наш маскарад — прием весьма удачный:
Ваш батюшка, контракт подписывая брачный,
Уверен, что скрепил обычный протокол.
Ш и к а н о
Ум дочери моей его в восторг привел!
Л е а н д р *(тихо Изабелле)*
О, ваши качества — вне всякого сравненья!
Все будет хорошо. Проявим же терпенье.
(Громко.)
Желаю всяких благ.
(К Шикано.)
Вы следуйте за мной!
Ш и к а н о
Куда?
Л е а н д р
Увидите.
Ш и к а н о
Ну, пахнет здесь тюрьмой!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Леандр, Шикано, Пти Жан.

Пти Жан

Не видел кто-нибудь из вас судью Дандена?
Проворен же старик! Опять удрал из плена!

Леандр

Как?!

Пти Жан

Сын его с утра сюда не кажет глаз,
А папенька никак не может без проказ.
Все приставал ко мне с каким-то «гоноваром»,
А только я пошел попарить по амбарам —
Его и след простыл. С чего теперь начать?
Куда идти?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дандон, Леандр, Шикано, Интиме, Пти Жан.

Дандон *(высовывается из слухового окна)*

Эй, вы, прошу вас замолчать!

Леандр

О, боже мой!

Пти Жан

Беда! Старик залез на крышу!

Дандон

Вы, господа, ко мне? Погромче, я не слышу!
А кто там в мантиях? Я слушать вас готов!
Вы из суда?

Пти Жан

Он там решил судить котов!

Дандон

Но, прежде чем ко мне,— истец вы иль истица,—
К секретарю суда вам надо обратиться.

Леандр

Безумец! Упадет, покуда держит речь!
(Пти Жану.)
Скорей за ним!
(К Интиме.)
А ты останься здесь стеречь.

Пти Жан
Как, сударь, это вы?
Леандр
Молчи, сейчас — ни слова!
Иди за мной!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Графиня, Данден, Шикано, Интиме.

Данден
У вас прошение готово?
Шикано
Без вашей санкции попал под стражу я!
Графиня
Мой бог! Что делает наш господин судья
На чердаке?
Интиме
Теперь от публики прошенья
Там принимает он.
Шикано
Ах, сударь, поношенье
Мне учинили здесь. Я направлялся к вам,
Чтоб жалобу подать.
Графиня
И я свою подам!
Шикано и графиня *(вместе)*
Противник мой сейчас находится пред вами!
Интиме
Ну, черт возьми, раз так,— и я займусь судами!
Графиня, Шикано, Интиме *(хором)*
Вот этот документ привел меня сюда.
Шикано
Прошу вас соблюдать порядок, господа!
Графиня
Что он там говорит почтенному собранью?
Данден
Чем вы обижены?
Графиня, Шикано, Интиме
Насмешками и бранью!
Интиме
Ну, я-то пострадал побольше, чем они!

Ш и к а н о
Я по племяннику вам прихожусь сродни!
Г р а ф и н я
Вам мой поверенный изложит дело вкратце.
И н т и м е
Я — сын аптекаря, что был при вашем братце!
Д а н д е н
Кто вы?
Г р а ф и н я
Графиня.
Д а н д е н
Вы?
И н т и м е
Я — пристав.
Ш и к а н о
Я — купец.
Д а н д е н
Всех вместе не могу я слушать наконец!
Ш и к а н о
Но, господин судья!..
И н т и м е
Красноречив на диво!
Г р а ф и н я
Ушел!
Ш и к а н о
Уже?! Но так уйти — несправедливо!
Я даже не успел сказать ему, в чем суть!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Л е а н д р, в своем платье, Ш и к а н о, г р а ф и н я, И н т и м е.

Л е а н д р
Прошу вас, господа, дать всем нам отдохнуть!
Ш и к а н о
Могу ли я войти?
Л е а н д р
Нет, сударь, невозможно!
Ш и к а н о
Но почему? Не так уж это дело сложно;
Я изложу его за час, за полтора...
Л е а н д р
Нельзя!

Графиня

Да, да! Давно его прогнать пора!
Зато вот я...

Леандр

И вам уйти придется тоже.

Графиня

Ну, я-то не уйду!

Леандр

Уйдете!

Графиня

Непохоже!

Леандр

Вы влезете в окно?

Графиня

Нет, в дверь!

Леандр

Я погляжу!

Шикано

Что до меня,— я здесь до ночи просижу.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Леандр, Шикано, графиня, Интиме, Пти Жан.

Пти Жан

Ну, кажется, теперь судью мы обуздали.
Он заперт накрепко близ кухни, в нижней зале.
Пускай себе кричит: не слышно.

Леандр

В эту дверь
Вход запрещен для всех.

Шикано

Как, именно теперь,
Когда он для меня нужней отца родного!
(Видит Дандена, который высовывает голову из отдушины.)
Ну, вот он! Небо нам его вернуло снова!

Леандр

Через отдушину!

Пти Жан

Сам черт его несет!

Шикано

Я к вам...

Д а н д е н

Кабы не вы,— я был бы у ворот!

Ш и к а н о

Я, сударь...

Д а н д е н

Вы глупец, и вы мне надоели!

Ш и к а н о

Но, сударь, я прошу...

Д а н д е н

Креплюсь я еле-еле...

Ш и к а н о

Я заказал для вас...

Д а н д е н

Под стражу наглеца!

Ш и к а н о

Винца бочоночек...

Д а н д е н

Не надо мне винца!

Ш и к а н о

Отличнейший мускат!

Д а н д е н

Ну, что у вас за дело!
Я выслушать готов. Что вашу честь задело?

Л е а н д р *(к Интиме)*

Их надо окружить сейчас со всех сторон.

Г р а ф и н я *(Дандену)*

Не слушайте его! Выдумывает он!

Ш и к а н о

Нет, я не лгу!

Д а н д е н *(графине)*

А вам кто разрешил вмешаться?

Г р а ф и н я

Послушайте меня!

Д а н д е н

Уф! Дайте отдышаться!

Ш и к а н о

Она...

Д а н д е н

В ушах звенит!

Г р а ф и н я

Взгляните хоть разок!

Дандеи
Все прочь отсюда! Вон!
Шикано
Меня толкнули в бок!
Я падаю! Ай-ай!
Пти Жан
Глядите-ка: ей-богу,
Свалился в погреб он!
Леандр
Скорее на подмогу
К ним, Интиме! Да там за ними присмотри.
Теперь-то Шикано подержим мы внутри
До завтрашнего дня, а может, и позднее!
Интиме *(указывая на отдушину)*
А как отдушина?
Леандр
Я послежу за нею.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Графиня, Леандр.

Графиня
Он там судью опять уговорит! Нахал!
(Кричит в отдушину.)
Не верьте ничему, что он вам наболтал!
Он — лжец и плут!
Леандр
Ну как, сударыня, могли вы
Их беспокоить там! Они ведь еле живы!
Графиня
Ах, Шикано судью вкруг пальца обведет!
Пойду туда!
Леандр
Ну, нет! Никто к ним не войдет!
Графиня
Как видно, выступил бочоночек с мускатом
Пред всей семейкою прекрасным адвокатом!
Но знайте, сударь мой, что средство я найду
Бочонок, и судью, и вас привлечь к суду!
Леандр
Идите наконец! Я вам давно толкую!
Впервые вижу я комедию такую!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Данден, Леандр, Интиме.

Интиме

Постойте, сударь! Ах, как мне вас убедить?
Ведь вы хромаете! Куда же вы?

Данден

Судить!

Леандр

Вы ранены! Скажу, чтоб вас перевязали.
Врача!

Данден

Найдет меня и врач в судейской зале!

Леандр

Остановитесь же!

Данден

Ты виден мне насквозь!
Мои приказы ты толкуешь вкривь и вкось!
Ты перестал отцу оказывать почтенье!
Я шагу не могу ступить без разрешенья!
Довольно! Я пошел!

Леандр

Куда сейчас идти!
Не гневайтесь! Найдем другие мы пути!
Коль без судилища вам жизнь тяжеле пытки,—
Вам подсудимых здесь отыщем мы в избытке.
Вы дома сможете, я уверяю вас,
Судейский свой талант поупражнять на нас.

Данден

Насмешка над судом — проступок очень тяжкий!
Ты хочешь, чтоб я был судьей лишь на бумажке!

Леандр

Напротив, батюшка, я предоставлю вам
Возможность быть судьей по всяческим делам.
Причем каким судьей — безапелляционным!
Тех милуйте, к другим — останьтесь непреклонным.
А поводы для дел рекою потекут:
Слуга разбил стакан — немедленно под суд!

Данден

Ну что же, здесь и впрямь, пожалуй, дела хватит.
Да, а каникулы? Кто мне за них заплатит?

Леандр

Вы жалованье слуг получите в залог.

Данден

Он дело говорит. С залогом я бы мог...

Леандр

Соседей много...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Данден, Леандр, Интиме, Пти Жан.

Пти Жан

Эй! Держите! Ах, мошенник!

Леандр

Наверно, убежал из погреба наш пленник!

Интиме

Нет, нет, не бойтесь!

Пти Жан

Ох! Еще беда: Зоил,
Кобель наш, каплуна у повара стащил!
Разбойник, а не пес! Как ни стоишь на страже...

Леандр

Ну, вот вам, батюшка, и дело о покраже.
В погоню! Окружить! Позвать сюда народ!

Данден

Не надо. Я хочу, чтоб был простой привод.

Леандр

Пусть этот суд для всех послужит впредь примером,
Прибегнуть следует к весьма суровым мерам.

Данден

По форме слушанье обставить мы должны.
Мне нужен адвокат для каждой стороны,
А нет ни одного.

Леандр

Да вот вам сразу пара:
Возьмем секретаря и нашего швейцара.
Чем, например, для вас не адвокат Пти Жан?
Невежда и болван.

Интиме

Я вовсе не болван.
Берусь за полчаса вас усыпить отлично.

Пти Жан

А я вот — не берусь. Мне это непривычно.

Леандр

Я напишу всю речь. Ты должен лишь прочесть.

Пти Жан

Но я неграмотный!

Леандр

Суфлер на это есть.

Дандон

Что ж, подготовимся. Так будьте беспристрастны,
Лишь правосудию и разуму подвластны.
Пти Жан, отныне вы — защитник каплуна,
Вам, Интиме, судьба собаки вручена.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Леандр, Шикано, суфлер.

Шикано

Как видно, ловкие мне повстречались плуты:
Я даже не успел подумать ни минуты,
Поверьте старику!

Леандр

Да, вам не повезло.
Но так ли велико содеянное зло?
Мне кажется, повес преследовать не надо:
Их не поймать, а вам — лишь новая досада.
Вам озаботиться семьей своей пора;
И так растрачено три четверти добра
На прежние суды,— а вы стремитесь к новым!

Шикано

Что ж, сударь, ваш совет мне кажется толковым.
Последую ему. Но, умоляю вас,
Напомнить обо мне судье в последний раз.
О происшедшем я ему поведал честно,
Но выслушать и дочь, мне кажется, уместно.
Схожу за ней. Она послушна мне во всем
И не глупей, чем я, ответит пред судом.

Леандр

Отец мой примет вас. Идите же за нею.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леандр, суфлер.

Леандр

Хочу использовать я эту ахинею
Для нашей выгоды. Отцу нужны суды?
Пускай играет в суд: тут нет большой беды.
И если Шикано при этом он помучит,
То тяжбы заводить навек его отучит.
А, вот они идут! Собрался весь синклит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дандан, Леандр, Интиме и Пти Жан (в мантиях), суфлер

Дандан *(к Интиме и Пти Жану)*

Вы кто?

Леандр

Защитники. Так ваш устав велит.

Дандан *(суфлеру)*

А вы?

Суфлер

Я — выручка для памяти нетвердой.

Дандан

Так.

(Леандру.)

Вы?

Леандр

Я? Публика — и только. Я не гордый.

Дандан

Начнем же!

Суфлер

Господа!

Пти Жан *(суфлеру)*

А можно не кричать?
Я не просил меня так громко выручать!
Кхм! Господа! Когда...

Дандан

Накройтесь!

П т и Ж а н

Я...

Д а н д е н

Накройтесь!

П т и Ж а н

Ах, сударь, я и так... Прошу, не беспокойтесь!

Д а н д е н

Как хочешь...

П т и Ж а н *(надевает шляпу)*

Господа!

(Леандру, показывая на суфлера.)

А он потише пусть!

Начало-то и сам я знаю наизусть.
Когда я, господа, сквозь время и пространство
Коварство зрю людей и их непостоянство
И вижу, изучив вращение планет,
Что даже меж светил звезды недвижной нет,
Когда мой взор следит за цезарей судьбою
И наблюдаю я за солнцем и луною
И думаю, как пал великий *Гавилон*,
Что *персиками* был разбит и полонен,
Когда я вижу, как менялись в Риме власти,
Как *дымокритии* там разжигали страсти,
Как Брут...

И н т и м е

На этакий обзор не хватит дня!

П т и Ж а н

Кто разрешил ему перебивать меня?
Не буду говорить!

Д а н д е н

Вмешались вы некстати!
Беднягу с толку сбил такой задор в собрате.
А я хочу узнать, как, обозрев луну,
Сумеет спрыгнуть он на кухню, к каплуну.
От нетерпения я весь горю и млею.

(Пти Жану.)

Ну, продолжайте же!

П т и Ж а н

Я дальше не умею!

Л е а н д р

Ты речь повел, Пти Жан, как истый адвокат.
Вот только руки зря упрятал ты назад.

Не стой как истукан, расправь пошире плечи
И двигайся к концу своей ученой речи.

П т и Ж а н

Когда я вижу...

Л е а н д р

Ну, что видишь ты опять?

П т и Ж а н

Что сразу мне никак двух зайцев не поймать.

С у ф л е р

Прочтя...

П т и Ж а н

Прочтя...

С у ф л е р

Подряд...

П т и Ж а н

Подряд...

С у ф л е р

«Метаморфозы»...

П т и Ж а н

Как?

С у ф л е р

Видим...

П т и Ж а н

Видим...

С у ф л е р

Мы, что без метемпсихозы...

П т и Ж а н

Психоза...

С у ф л е р

Вот дурак!

П т и Ж а н

Рак в воду...

С у ф л е р

Что за бред!

П т и Ж а н

Запрет...

С у ф л е р

Кретин!

П т и Ж а н

Един...

С у ф л е р

Терпенья больше нет!

Деревня!

П т и Ж а н

Сами вы на чучело похожи!
Меня уже тошнит от вашей постной рожи!
К чертям!

Д а н д е н

Но, наконец, о чем ведешь ты речь?

П т и Ж а н

Скажу по-своему! Гора свалилась с плеч!
Напичкали меня такими словесами,
Что через полчаса в них заблудились сами!
А вовсе не нужна вся эта канитель,
Чтоб толком рассказать, как птицу съел кобель!
Прожорлив он, как черт! Чем ни корми, все мало.
Повсюду рыскает и тащит что попало.
И если он еще мне попадется тут,
Я придушу его и тем закончу суд!

Л е а н д р

Вот окончание, достойное зачина!

П т и Ж а н

Теперь вы поняли, кто вор и в чем причина.

Д а н д е н

Позвать свидетелей!

Л е а н д р

Ого! Легко сказать!
А кто заплатит им? Да где еще их взять?

П т и Ж а н

Свидетели-то есть! И даже без изъяна!

Д а н д е н

Зовите их!

П т и Ж а н

Сейчас достану из кармана.
Смотрите: гребешок, две лапки, голова —
Все доказательства!

И н т и м е

Не признаю!

Д а н д е н

Сперва
Аргументируйте!

И н т и м е

Но ведь каплун из Мена!

Д а н д е н

И что же?

И н т и м е

Может быть, совершена подмена:
Их в доме дюжина!

Д а н д е н

А ваша речь кратка?

И н т и м е

Не знаю...

Д а н д е н

Честным он мне кажется пока.

И н т и м е *(неестественным голосом, переходящим на фальцет)*

На свете, господа, нет истин безусловных.
Подчас бывает так, что губят невиновных
Те обстоятельства, в которых, на беду,
Они окажутся случайно. Приведу
Примеров множество. Но, сочиняя речь, я
Не представлял себе всей силы красноречья
Противной стороны. Я просто удручен.

Д а н д е н

Прошу вас самого немного сбавить тон.

И н т и м е *(обыкновенным голосом)*

Сейчас.

(Возвышенным тоном Дандену.)

Но как бы я ни трепетал вначале,
Ваш благородный взор смягчил мои печали,
И, как означенный оратор ни силен,
Я вашей добротой вновь воодушевлен.
У нас в Нормандии прослыли вы Катоном.
Защита немощным, опора угнетенным,
Вы — справедливости источник в наши дни!
Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni[1].

Д а н д е н

Недурно!

И н т и м е

Потому уверенно и смело,
Забыв о робости, иду я к сути дела.
В своей «Политике», как Аристотель нам
Сказал...

---

[1] Кто победил, был богам по душе, побежденный—Катону (*лат.*). ⇒ Л у к а н, «Фарсалии».

Д а н д е н

Я вас прошу вернуться к каплунам!
Что за «Политика»? При чем тут Аристотель?

И н т и м е

Не знаю, глубже смысл вы где-нибудь найдете ль.
Перипатетики добро и зло...

Д а н д е н

Прошу
Оставить болтовню. Я слова вас лишу!
Вы излагайте суть!

И н т и м е

В своих трудах Павсаний...

Д а н д е н

Где суть?

И н т и м е

Считает...

Д а н д е н

Суть!

И н т и м е

Что меры наказаний...

Д а н д е н

Вы скажете, в чем суть?

И н т и м е

Иаков, что был благ...

Д а н д е н

Я вас под суд отдам!

И н т и м е

О, не спешите так!
(Скороговоркой.)
Сейчас я расскажу, как этот факт случился:
Ответчик невзначай на кухне очутился
И обнаружил там большого каплуна.
Зоил был голоден — то не его вина,—
А пострадавший был пернатый аппетитный...
Тут совладать с собой не смог мой подзащитный:
Похищен был объект противной стороны.
Все ясно. Вы теперь в суть дела введены!

Д а н д е н

Та-тà, та-тà, та-тà! Как стал немногословен,
Лишь начал излагать, кто прав и кто виновен!
А то — петлял вокруг, отнюдь не торопясь!

И н т и м е

Я, сударь, не хотел лицом ударить в грязь.

Д а н д е н

Вовек не слыхивал речей в подобном роде!
(Леандру.)
Что скажет публика?

Л е а н д р

Такое нынче в моде.

И н т и м е

Что ж дальше, господа? Застигнутый врасплох,
Ответчик окружен. Везде переполох.
Весь дом, как ярмарка: шум, крики — слушать гадко...
И чей же дом? Судьи! Блюстителя порядка!
Кричат: «Держи! Лови! Бандит! Разбойник! Вор!»
Связав несчастного, его влекут на двор
И отдают — кому? Пти Жану на расправу!
Но к «Si quis canis» [1] здесь я обращусь по праву;
Там пункт «О каплунах» семнадцатой статьи
Гласит: нет казуса без санкции судьи.
И даже если мы допустим, как обычно,
Что подсудимый съел — всего или частично —
Поименованного выше каплуна,
То будет и тогда картина неполна.
Кем этот дом всегда был честно охраняем?
Кто посетителей встречал истошным лаем?
Кто, как не преданный хозяину Зоил
Советника вчера за ляжку укусил
И разорвал на нем камзол, чулки и ленты?
Нужны ли, господа, сильнее аргументы?

П т и Ж а н

Коллега...

И н т и м е

Что еще?

П т и Ж а н

Да ты совсем охрип!

И н т и м е

Не прерывайте же!

Д а н д е н

Услышать мы могли б
Ваш вывод наконец?

---

[1] «Если какая собака...» *(лат.)*

И н т и м е *(веско)*

Поскольку мне велели
Подробней рассказать об этом сложном деле,
Я постараюсь все ab ovo [1] объяснить.
Дабы событий вы не потеряли нить,
Их перечислю я, об истине радея,
И вы увидите, в чем состоит идея.

Д а н д е н

Оратор — хоть куда! Ну просто — дар небес!
Сто раз твердит одно. Ты человек иль бес,—
Кончай! Не то — ступай ко всем чертям, проныра!

И н т и м е

Кончаю.

Д а н д е н

О!

И н т и м е

Итак, до сотворенья мира...

Д а н д е н

Пора бы перейти к потопу...

И н т и м е

Перед тем
Как мир был сотворен, то есть готов совсем,
Пространство, вещества, ну вся природа, словом,
Скрывалась под одним таинственным покровом.
Не покидали недр материи тогда
Ни камни, ни огонь, ни воздух, ни вода,
И до заветного, неведомого часа
Во мраке плавала бесформенная масса...
Unus erat toto naturae vultus in orbe.
Quem Graeci dixere chaos, rudis indigestaque moles[2].

Данден засыпает и падает со стула.

Л е а н д р

Что с вами, батюшка? Он умер!

П т и Ж а н

Нет, он спит.

Л е а н д р

Отец, проснитесь же!

---

[1] От истоков *(лат.)*.

[2] У природы во всей вселенной был один облик, который греки именовали хаосом,— грубая и нерасчлененная масса *(лат.)*.— О в и д и й, «Метаморфозы».

Пти Жан

Фи, сударь, что за вид!

Леандр

Отец!

Дандан

А? Что? Где я? Кто вы? Что здесь случилось?
(Зевает.)
Так сладко спать давно уж мне не приходилось!

Леандр

Судите, батюшка!

Дандан

На каторгу!

Леандр

Кого?
Собаку?

Дандан

Я уже не смыслю ничего.
Материя, хаос, все в голове смешалось.
(К Интиме.)
Ну, заключайте же!

Интиме *(показывая ему щенят)*

О, вам доступна жалость!
Взгляните на детей несчастного отца!
Они в отчаянье. Разбиты их сердца!
Внемлите им! Мольбы обиженных столь кротки!
«Верните нам отца! Мы бедные сиротки!
Мы с голоду умрем! Нас всех поглотит ночь!
Он наш кормилец! Он...»

Дандан

Прочь их отсюда! Прочь!

Интиме

«Он наш единственный...»

Дандан

О боже, вот несчастье!
Здесь лужи!

Интиме

Лужи слез! «Примите в нас участье!»

Дандан

Ух, что со мной? Слеза? Да это явь иль сон?
Впервые в жизни я защитой потрясен.
Как тут осудишь пса? Я, право, растерялся.

Вина доказана, преступник сам сознался,
Но бедные щенки так жалко вопиют!
Отнять у них отца — им путь один, в приют...
Покиньте зал... В тиши мне все яснее станет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дандан, Леандр, Изабелла, Шикано, Пти Жан, Интиме.

Шикано
Я, сударь, к вам...
Дандан
Нет, нет, я не могу. Я занят.
Хотя... Кто там стоит, сияя, как звезда?
Шикано
А, это дочь моя.
Дандан
Пусть подойдет сюда!
Изабелла
Вы заняты...
Дандан
Но я могу освободиться.
(К Шикано.)
Скрывать такую дочь! Прелестная девица!
Шикано
Но...
Дандан
Мне изложит иск не хуже вас она!
(Изабелле.)
Скажите...
(В сторону.)
Что за взгляд! И как она стройна!
Известно ль вам, дитя, что я еще недавно
Умел с девицами беседовать исправно?
Так будьте умницей. Во всем доверьтесь мне.
Вы не раскаетесь.
Изабелла
Я верю вам вполне.
Дандан
Скажите, кто ваш враг,— и осужу его я.
Изабелла
Никто.

Дандон

Для вас приму решение любое!
Приказывайте!

Изабелла

Я признательна до слез.

Дандон

Дитя, вы видели когда-нибудь допрос?

Изабелла

Не видела. И впредь, надеюсь, не придется.

Дандон

Я показал бы вам, как следствие ведется.

Изабелла

Страданий самый вид я выношу едва.

Дандон

Так можно скоротать часок, а то и два.

Шикано

Я, господин судья, пришел сказать вам...

Леандр

Можно
Мне кончить? Здесь, отец, решенье неотложно.
Скажу лишь коротко: о браке речь идет,
И закрепить его настал для вас черед;
Невеста и жених свое согласье дали,
И подписал контракт ее отец не дале,
Как два часа назад.

Дандон

Женитесь хоть сейчас,
Коль нет терпения иль времени у вас.

Леандр *(Изабелле)*

Вот свекор ваш, мой друг. Он рад необычайно.

Шикано

Чей свекор?!

Дандон

Свекор?! Я? Что тут еще за тайна?

Леандр

Ваш приговор, отец, обрадовал нас всех.

Дандон

Ну, так тому и быть. Менять решенья — грех.

Шикано

Нет, не причастна дочь к столь каверзному делу!

Леандр

О, вам ответить мы попросим Изабеллу.

Ш и к а н о

Ну, дочка, отвечай! Иль стала ты нема?
Что скажешь?

И з а б е л л а

Подпись я поставила сама.

Ш и к а н о

Я протестую! В суд!

Л е а н д р

Не выйдет, сударь, благо
Рукою вашей же подписана бумага.

Ш и к а н о

Моей?!

Д а н д е н

Я признаю действительным их брак.

Ш и к а н о

Надули! Но — шалишь! Я не такой дурак!
Для тяжбы повод есть: дочь увели обманом!
(Леандру.)
Женитесь, сударь, но — забудьте о приданом!

Л е а н д р

Охотно! Это нам обоим подойдет:
Мне — Изабелла, вам — именье и доход.
(Дандену.)
Довольны вы, отец, тем, как был суд устроен?

Д а н д е н

Да, сын мой. Наконец я за себя спокоен.
Остаток дней моих я буду с вами жить.
А вот ораторам умерить надо прыть.
Но как же наш Зоил?

Л е а н д р

У нас сегодня праздник.
Помилуйте его!

Д а н д е н

Пусть прыгает, проказник!
На радостях я пса помиловать готов.
Пойдем набраться сил для будущих судов!

ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех произведений, предложенных мною вниманию публики, нет ни одного, которое снискало бы мне больше похвал и порицаний, чем это. Как ни много труда приложил я для создания этой трагедии, все же оказалось, что чем больше я старался улучшить ее, тем сильнее пытались некие лица ее опорочить: нет таких козней, к которым бы они не прибегли, нет хулы, на которую бы они не решились. Нашлись такие, которые даже стали на сторону Нерона против меня: они говорили, что я сделал его слишком жестоким. Что касается меня, то я полагал, что самое имя Нерона говорит о чем-то более чем жестоком. Но, быть может, они вдаются в тонкости истории и хотят сказать, что в первые годы своего правления он был добропорядочным человеком; однако стоит только прочесть Тацита, чтоб узнать, что, если он и был некоторое время хорошим императором, он все же был всегда чрезвычайно злым человеком. В моей трагедии речь идет не о делах политических: Нерон представлен здесь в частной жизни и в семейном кругу. И они избавят меня от необходимости приводить все те цитаты, которые легко доказали бы, что я ни в чем не погрешил перед ним.

Другие, напротив, говорили, что я сделал его слишком добрым. Признаюсь, что я не представлял себе доброго человека в облике Нерона: я всегда считал его чудовищем. Но здесь он — чудовище рождающееся. Он еще не поджег Рима, он еще не убил мать, жену, воспитателей; кроме того, мне кажется, что от него исходит достаточно жестокостей, чтоб воспрепятствовать кому-либо заблуждаться в нем.

Иные приняли участие в Нарциссе и сетовали на то, что я сделал его очень злым человеком и наперсником Нерона. Достаточно одного отрывка, чтоб им ответить. «Нерон, — говорит Тацит, — с ропотом воспринял смерть Нарцисса, ибо в этом вольноотпущеннике было поразительное соответст-

вие с затаенными еще пороками императора: Cujus abditis adhuc vitiis mire, congruebat[1].

Некоторые оскорбились тем, что я избрал героем трагедии столь юного человека, как Британник. Я сообщил им в предисловии к «Андромахе» воззрения Аристотеля на героя трагедии,— что он не только должен быть совершенным, но ему надлежит всегда обладать каким-нибудь несовершенством. Но я добавлю еще, что юный принц, семнадцати лет, с большим сердцем, большой любовью, большой искренностью и большим легковерием— качествами обычными у юноши,— казался мне вполне способным возбудить сочувствие. Я не желал большего. «Однако,— говорят они,—этот принц умер, едва достигнув пятнадцати лет. Его заставляют жить, его и Нарцисса, на два года дольше, чем они жили». Я не стал бы отвечать на это возражение, если б оно не было с жаром поддержано человеком, который позволил себе заставить одного императора, царствовавшего лишь восемь лет, царствовать двадцать, хотя это изменение гораздо существеннее для хронологии, где время исчисляется годами царствований.

Юния также не избегла критики: говорили, что старую кокетку Юнию Силану я обратил в целомудренную молодую девушку. Что бы они мне могли ответить, если б я им сказал, что эта Юния — вымышленное лицо, как Эмилия в «Цинне», как Сабина — в «Горации»? Но я-то могу сказать им, что, если б они внимательно читали историю, они помнили бы некую Юнию Кальвину из рода Августа, сестру Силана, которому Клавдий обещал Октавию. Эта Юния была молода, красива и, как говорит Сенека, «festivissima omnium puellarum»[2]. Она нежно любила своего брата, и их враги, говорит Тацит, обвинили обоих в кровосмесительстве, тогда как они были повинны лишь в некоторой нескромности. Пусть даже я изображаю ее более сдержанной, чем она была,— я не слыхал о том, что нам воспрещено исправлять нравы действующего лица, тем более лица неизвестного.

Находят странным, что она появляется на сцене после смерти Британника. Разумеется, велика изысканность — не желать, чтоб она в четырех стихах, достаточно трогательных, говорила, что идет к Октавии. «Но,— утверждают они,— из-за этого не стоило заставлять ее возвращаться; кто-нибудь другой мог бы рассказать за нее». Они не знают, что один из законов театра, это — повествовать лишь о том, чего нельзя показать в действии, и что все древние часто заставляют появляться на сцене актеров, которым нечего сказать, кроме того, что они пришли из одного места и что они направляются в другое.

---

[1] Коего скрытым дотоле порокам он изумительно соответствовал *(лат.)*.

[2] Прелестнейшая из всех девушек *(лат.)*.

«Всего этого не нужно,— говорят мои критики,— пиеса кончается рассказом о смерти Британника, и нет необходимости слушать остальное». Его слушают, однако, и даже с таким вниманием, как никакой другой конец трагедии. Что касается меня, я всегда полагал, что трагедия есть воспроизведение действия завершенного, где совместно действуют многие лица, и действие отнюдь не окончено, если неизвестно, в каком положении оно оставляет этих лиц. Так, Софокл пользуется этим почти всюду; так, в «Антигоне» он посвятил такое же число стихов изображению неистовства Гемона и наказания Креона после смерти царской дочери, какое употребил я для проклятий Агриппины, возвращения Юнии, наказания Нарцисса и отчаяния Нерона после смерти Британника.

Что же надлежало сделать, чтоб удовлетворить столь требовательных судей? Дело было бы легким, пожелай я лишь изменить здравому смыслу. Нужно было бы только отойти от естественного, чтобы броситься к необычайному. Вместо действия простого, не слишком перегруженного событиями,— каким и должно быть действие, ограниченное одними сутками,— поддерживаемого только интересами, чувствами и страстями персонажей, которые постепенно ведут его к концу, надлежало бы наполнить это самое действие множеством происшествий, для каких не хватило бы и целого месяца, большим числом перипетий, тем более поразительных, чем менее они правдоподобны, нескончаемой декламацией, во время которой актеры принуждены были бы говорить как раз противоположное тому, что следует. Надлежало бы, например, представить некоего героя пьяным и желающим для забавы возбудить ненависть в своей возлюбленной, спартанца — говоруном, завоевателя — изрекающим одни лишь сентенции на любовную тему, женщину — дающей урок гордости победителю. Вот что, без сомнения, вызвало бы восторженные клики этих господ. Но между тем, что сказало бы малое число разумных людей, коим я стараюсь понравиться? С каким лицом осмелился бы я предстать, так сказать, пред очи тех великих мужей древности, которых я избрал образцом? Ибо, говоря словами одного античного писателя, вот — истинные зрители, перед которыми нам подобает воображать себя; и мы должны постоянно спрашивать себя: что сказали бы Гомер и Вергилий, если бы они прочли эти стихи? Что сказал бы Софокл, если бы увидел представленной эту сцену? Как бы то ни было, я отнюдь не пытался воспрепятствовать критике моих произведений; мои притязания были бы тщетны. Quid de te alii loquentur ipsi videant,— говорит Цицерон,— sed loquentur tamen[1].

Я прошу лишь читателя простить мне это маленькое предисловие, сделанное, чтобы разъяснить основания моей трагедии. Ничего нет более естественного, как защищаться против нападок, почитаемых несправед-

[1] Что говорят о тебе другие — их дело, но говорить они будут *(лат.)*.

ливыми. Я вижу, что сам Теренций сочинял прологи, кажется, только для того, чтоб защитить себя от нападок некоего старого злонамеренного поэта (malevoli veteris poetae), приходившего возбуждать голоса против него до тех часов, когда начиналось представление его комедий.

Occepta est agi
Exclamat, *etc* [1].

Мне можно было бы сделать упрек, которого, однако, не сделали. Но то, что ускользнуло от зрителей, могут заметить читатели: а именно, что я заставил Юнию удалиться к весталкам, хотя они, согласно Авлу Геллию, не принимали никого до шести лет и старше десяти. Но народ берет здесь Юнию под свое покровительство; и я счел, что из уважения к ее происхождению, к ее добродетели и к ее несчастью ей могло быть дозволено нарушить закон о возрасте, как нарушали его для консульства столь многих великих мужей, заслуживших эту привилегию.

Наконец, я убежден, что можно было сделать множество других замечаний, коими мне лишь оставалось бы воспользоваться в будущем. Однако я горько сетую на участь человека, работающего для публики. Те, кто лучше всех видят наши ошибки, наиболее охотно скрывают их. Они прощают нам места, возбудившие их неудовольствие, ради тех, которые доставили им радость. Напротив, нет никого несправедливее невежды: он всегда считает, что восхищение есть удел людей, ничего не понимающих; он осуждает всю пиесу за одну сцену, им не одобренную; он нападает даже на места самые блестящие, чтобы доказать, что он обладает остроумием; и за тот слабый отпор, который мы даем его мнениям, он считает нас самонадеянными, не желающими никому поверить, и не подозревает даже, что он часто извлекает больше тщеславия из весьма плохой критики, чем мы из достаточно хорошей театральной пиесы.

Homine imperito numquam quidquam injustius[2].

ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот та из моих трагедий, над которой, должен сказать, я больше всего трудился. Однако, признаюсь, успех вначале не оправдал моих ожиданий: едва появилась она на театре, как поднялось такое множество нападок, что, казалось, они должны были ее уничтожить. Я и сам полагал, что судьба ее будет менее счастливой, нежели судьба других моих трагедий.

---

[1] Едва лишь начали, как он закричал... *(лат.)*
[2] Нет ничего несправедливее невежды *(лат.)*.

Но в конце концов с этой пиесой случилось то, что всегда случается с произведениями, обладающими некоторыми достоинствами: нападки забыты, пиеса осталась. Теперь она — та из моих пиес, которую наиболее охотно вновь и вновь смотрят и двор и публика. И если я создал что-нибудь значительное, заслуживающее некоторой похвалы, то большинство знатоков сходится на том, что это именно «Британник».

Действительно, я работал по образцам, которые поддерживали меня в том изображении двора Агриппины и Нерона, которое я хотел дать. Я нашел своих героев у величайшего живописателя древнего мира,— я говорю о Таците,— и был так увлечен чтением этого превосходного историка, что в моей трагедии нет почти ни одной яркой черточки, которая не была бы подсказана им. Мне хотелось привести в этом сборнике самые лучшие места, коим я стремился подражать; но оказалось, что выдержки эти заняли бы почти столько же страниц, сколько вся моя трагедия. Вот почему читатель найдет справедливым, что я отсылаю его к этому автору, чьи сочинения не стоит труда раздобыть, а здесь удовольствуюсь лишь несколькими его высказываниями о каждом из персонажей, выведенных мною на сцене.

Если начать с Нерона, следует вспомнить, что он дан здесь в первые годы своего царствования, которые, как известно, были счастливыми. Поэтому мне не было дозволено изображать его столь жестоким, каким он стал впоследствии. Равным образом, я не изображаю его и человеком добродетельным, ибо таковым он никогда не был. Он еще не убил мать, жену, воспитателей; но в нем уже таятся зародыши всех его преступлений: он уже начинает рваться из своей узды. Под лживыми ласками он скрывает от них свою ненависть, factus natura velare odium fallacibus blanditiis[1]. Одним словом, здесь он чудовище нарождающееся, но не осмеливающееся еще проявиться и ищущее оправданий для своих злодейств. Hactenus Nero flagitiis et sceleribus velamenta quaesivit [2]. Он не переносит Октавию, принцессу примерной доброты и непорочности, fato quodam, anquia praevalent illicita: metuebaturque ne in stupra feminarum illustrium prorumperet [3].

Я даю ему в наперсники Нарцисса. В этом я следую Тациту, который говорит, что Нерон не мог покорно снести смерть Нарцисса, ибо в этом вольноотпущеннике было поразительное соответствие с затаенными еще пороками государя: cujus abditis adhuc vitiis mire congruebat. Этот отрывок

---

[1] Умея от природы скрывать ненависть притворными ласками. (Тацит, Анналы, кн. XIV, гл. VI.) *(лат.)*

[2] До сих пор Нерон старался прикрывать свой разврат и злодейства. (Там же, кн. XIII, гл. XVII.) *(лат.)*

[3] Либо по какому-то року, либо из-за стремления к недозволенному. К тому же опасались, как бы он не бросился развращать знатных женщин. (Там же, кн. XIII, гл. XII.) *(лат.)*

свидетельствует о двух вещах: он доказывает и то, что Нерон уже был порочен, но скрывал свои пороки, и то, что Нарцисс поддерживал его в дурных наклонностях.

Я избрал Бурра, чтобы противопоставить честного человека этому зачумленному двору; я предпочел выбрать его, а не Сенеку, и вот по какой причине: они оба были воспитателями молодого Нерона, один в военном деле, другой в науках; они были знамениты: Бурр — военным опытом и строгостью нравов, militaribus curis et severitate morum; Сенека — красноречием и благородным складом ума, Senecа, praeceptis eloquentiae et comitate honesta [1]. Вследствие добродетельности Бурра о нем чрезвычайно скорбели после его смерти: Civitati grande desiderium ejus mansit per memoriam virtutis[2].

Все их усилия были направлены к тому, чтобы противостоять надменности и свирепости Агриппины, quae, cunctis malae dominationis cupidinibus flagrans, habebat in partibus Pallantem [3].

Больше я ничего не говорю об Агриппине, ибо слишком многое можно было бы сказать о ней. Я старался изобразить именно ее особенно хорошо, и моя трагедия — не в меньшей степени трагедия опалы Агриппины, чем смерти Британника. Эта смерть была для нее ударом; и казалось, говорит Тацит, по ее испугу и горестному изумлению, что она была столь же неповинна в этой смерти, как Октавия. Агриппина теряла с ним свою последнюю надежду, и это преступление заставило ее бояться другого, еще большего: Sibi supremum auxilium ereptum, et parricidii exemplum intelligebat[4].

Возраст Британника был так хорошо известен, что мне не было дозволено представить его иначе, как молодым принцем, обладавшим большим сердцем, большой любовью, большой искренностью,— качествами обычными для юноши. Ему было пятнадцать лет, и, говорят, он был очень умен; может быть, так это и было, а может быть, его несчастья заставили поверить тому, невзирая на то что он не мог этого проявить: Neque segnem ei fuisse indolem ferunt, sive verum, seu periculis commendatus, retinuit famam sine experimento [5].

---

[1] Тацит, Анналы, кн. XIII, гл. II.

[2] Граждане не переставали сожалеть о нем, помня о его доблести. (Там же, кн. XIV, гл. I.) *(лат.)*

[3] Которая, разжигаемая необузданною страстью к пагубной власти, имела своим пособником Палланта. (Там же, кн. XIII, гл. II.) *(лат.)*

[4] Она поняла, что у нее отнята последняя опора и что подан пример убийства родственников *(лат.)*.

[5] В действительности ли он, как говорят, обладал неплохими природными дарованиями, или это мнение вызвано сочувствием к его опасному положению,— но такое мнение о нем удержалось без подтверждения фактами. (Тацит, Анналы, кн. XII, гл. XXVI.) *(лат.)*

Не следует удивляться, что около него не было никого, кроме столь жестокого человека, как Нарцисс, потому что уже давно был дан приказ, чтобы около Британника были только люди без веры и чести: Nam ut proximus quisque Britannico neque fas neque fidem pensi haberet olim provisum erat[1].

Мне остается сказать о Юнии. Не нужно смешивать ее со старой кокеткой, которую звали Юния Силана. Здесь другая Юния, — Тацит называет ее Юнией Кальвиной, из рода Августа, сестра Силана, которому Клавдий обещал Октавию. Эта Юния была молода, красива и, как говорит Сенека, festivissima omnium puellarum (прелестнейшая из всех девушек). Ее брат и она нежно любили друг друга, и их враги, говорит Тацит, обвинили обоих в кровосмешении, тогда как они были виновны лишь в некоторой нескромности. Она дожила до царствования Веспасиана.

Я заставил ее удалиться к весталкам, хотя они, согласно Авлу Геллию, не принимали никого моложе шести лет и старше десяти. Но народ берет здесь Юнию под свое покровительство; и я счел, что, из уважения к ее происхождению, к ее добродетели и к ее несчастью, ей могло быть дозволено нарушить закон о возрасте, как нарушали его для консульства столь многих великих мужей, заслуживших эту привилегию.

Д Е Й С Т В У Ю Щ И Е Л И Ц А

Н е р о н, император, сын Агриппины.
Б р и т а н н и к, сын императора Клавдия и Мессалины.
А г р и п п и н а, вдова Домиция Энобарба, отца Нерона, и по второму браку — вдова императора Клавдия.
Ю н и я, возлюбленная Британника.
Б у р р, воспитатель Нерона.
Н а р ц и с с, воспитатель Британника.
А л ь б и н а, наперсница Агриппины.
С т р а ж а.

Действие происходит в Риме, в одной из палат дворца Нерона.

---

[1] Давно было предусмотрено, чтобы все приближенные к Британнику лица были людьми без чести и совести *(лат.)*.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Агриппина, Альбина.

Альбина

Как! Вы, боясь спугнуть Нерона поздний сон,
Пришли здесь ожидать, пока проснется он?
Мать цезаря, одна, без стражников и свиты,
Блуждает близ дверей, что для нее закрыты?
Молю вас, госпожа, вернитесь в свой покой.

Агриппина

Альбина, каждый миг теперь грозит бедой.
Я здесь его дождусь: он стольких мук мне стоит,
Что даже сон его меня не успокоит.
Увы, свершилось то, чего давно я жду:
С Британником Нерон вступает во вражду.
Он буйством одержим, пока еще таимым;
Он страшным стать готов, наскуча быть любимым.
Британник тяготит его; и потому
Сама я, что ни день, докучливей ему.

Альбина

Как! Вы, кому Нерон обязан возвышеньем,
Величьем царственным, самим своим рожденьем?
Кем так отважно был сын Клавдия смещен
И властью цезаря Домиций облечен?

Всей чести от него достойна Агриппина:
Долг сына — вас любить.

Агриппина

Да, это — долг, Альбина:
Коль благороден он,— гордиться должен мной,
Возненавидит мать,— коль низок он душой.

Альбина

Коль низок он душой? Ах, госпожа! не всё ли
Нам знаменует в нем задатки доброй воли?
Три года правит он, народом свято чтим,
И доблестью своей он украшает Рим.
Наш край, обласканный его рукой державной,
Правленья консулов припомнил опыт славный:
Народ в нем чтит отца. И юноша Нерон
Со старцем Августом почетом уравнен.

Агриппина

Мы можем блеском дел и торжеством закона
С закатом Августа сравнить рассвет Нерона;
Но не пришлось бы нам, восторги взяв назад,
С рассветом Августа сравнить его закат.
Напрасно скрытен он: его чело — уликой,
Что в нем Домициев дух сумрачный и дикий:
Гордыню злобную в крови их почерпав,
Он взял из чресл моих Неронов пылкий нрав.
Тиранов мы всегда вначале величаем:
Не мог когда-то Рим налюбоваться Гаем,
Но вскоре ложный блеск поблек, и в их глазах
Недолгую любовь сменил упорный страх.
Не все ли мне равно, что, не рожден тираном,
Прославится Нерон усердьем непрестанным?
Зачем я в длань его вложила руль страны,
Когда сенат и плебс его учить вольны?
Пусть он для родины отцом примерным станет,
Но пусть родную мать ценить не перестанет!
А между тем назвать нам прозвищем каким
Бесчестье, в эту ночь затеянное им?
Он знает (их любовь от взоров не таима),
Как пылко Юния Британником любима,—
И добрый наш Нерон, вершитель славных дел,
Похитить Юнию средь ночи повелел!
Что затевает он? Им движет страсть иль злоба?
Иль веселит его, что страждут эти оба?

Иль их мученьями, коварство затая,
Он мстит за помощь ту, что им сулила я?
А л ь б и н а
За помощь, госпожа?
А г р и п п и н а
Не возражай, Альбина!
Я, я их обрекла преследованьям сына;
С вершины, что ему рождением дана,
Когда-то свергла я Британника одна.
Позднее, жениха Октавию лишая,
На брата Юнии погибель навлекла я;
Силан мной умерщвлен не по одной молве:
Он мил был Клавдию и с Августом — в родстве.
И вот награда мне: сын веселится троном,
Я ж мир должна хранить меж ними и Нероном
Затем, что будет день, и тот же мир дурной
Британник охранит меж цезарем и мной.
А л ь б и н а
Какие замыслы!
А г р и п п и н а
От бурь приют ищу я...
Ужасен станет сын, узды моей не чуя!
А л ь б и н а
Ужель на мать свою вдруг посягнет Нерон?
А г р и п п и н а
Иль я ему страшна, или мне страшен он!
А л ь б и н а
Гнетет вас, может быть, пустое опасенье.
Но если б и росло в Нероне охлажденье,
Он перемены той не выдал никому,
Лишь вам одной она известна да ему.
Любой народный дар и каждый титул новый
Передает он вам, делиться всем готовый.
Щедр в дружбе, ничего он не зовет своим:
Не ниже цезаря чтит Агриппину Рим;
А скорбь Октавии затаена неслышно.
Сам Август Ливию не величал так пышно:
Вам свиту ликторов дал цезарев устав,
Лавровой зеленью их связки увенчав.
Какого, госпожа, еще желать признанья?
А г р и п п и н а
Поменьше почестей, побольше почитанья!
От этих милостей растет моя напасть:

Все выше мой почет — и все ничтожней власть.
Увы! Прошли те дни, как юношей Нероном
Мне был доверен двор, плененный новым троном;
Когда державу мне он уступить был рад,
Когда на мой призыв сбегался весь сенат,
И, спрятана от глаз, всесильна и незрима,
Я, я была душой в громадном теле Рима!
Тогда еще толпы не покорил Нерон
И не был собственным величьем опьянен.
Как живо помню я мгновенья роковые,
Нерону мощь его раскрывшие впервые,
В тот день, когда послов прислали короли,
Чтоб увенчать его признаньем всей земли.
К престолу своему воссесть с ним рядом шла я.
Кем рождена была в Нероне ревность злая?
Не знаю! Только он, свой взор с моим скрестив,
На миг разоблачил враждебный свой порыв.
Мне душу сжало вдруг дурное предвещанье.
Наружной льстивостью прикрасив поруганье,
Обманщик с ласками встал на моем пути
И не позволил мне к престолу подойти.
Так прогремел удар, сразивший Агриппину.
С той встречи, что ни день, я ненавистней сыну.
Исчезла мощь моя. Один лишь Бурр им чтим,
Да имя Сенеки имеет власть над ним.

А л ь б и н а

Коль вы предварены тревогой не напрасной,—
Зачем в своей груди растите яд опасный?
Откройте цезарю, чем дух ваш возмущен.

А г р и п п и н а

Наедине со мной не остается он.
На людях, в должный час, мне жалуют свиданье.
Его ответ внушен, как и его молчанье.
Два вечных аргуса, что правят им и мной,
Посменно стерегут наш разговор любой.
Но, как он ни бежит, я все ж настигну сына:
Бесчинства цезаря на пользу мне, Альбина!
Чу! Открывают дверь! Внезапно мы войдем,
Отчета требуя в неистовстве ночном:
Возьмем его врасплох нежданным появленьем...
Как! Бурр был у него!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Агриппина, Бурр, Альбина.

Бурр

Я цезаря веленьем
Направлен, госпожа, приказ вам разъяснить,
Который ваш покой нарушил, может быть,
Но есть лишь зрелый плод заботы неслучайной,
Чего мой государь не хочет делать тайной.

Агриппина

Что ж, если так, войдем, пусть разъяснит все сам.

Бурр

Он предан в этот час секретнейшим делам.
Чрез боковой проход, что недоступен взглядам,
Уже два консула прошли к нему с докладом.
Быть может, убедить я б цезаря сумел...

Агриппина

Нет, не нарушу я таких высоких дел!
Но не могли бы вы, отбросив слог придворный,
Хоть раз ответить мне без лживости позорной?

Бурр

Доныне Бурру ложь была страшней огня!

Агриппина

Хотите цезаря вы прятать от меня?
Чтоб с ним увидеться, докучной стать должна я?
Иль, до таких высот успех ваш возвышая,
Я стену возвела меж сыном и собой?
Вам надо каждый миг владеть его судьбой?
Быть может, с Сенекой вы спорите о чести
Нас с сыном разобщить преградой лжи и лести?
На то ль он был вам дан, чтоб стал он развращен,
Чтоб именем его вы захватили трон?
Всем заправляет Бурр; а я — на роли жалкой,
Клиенткой при дворе, почти что приживалкой!
Так рассуждает Бурр, чью гордость надо б мне
Оставить состариться безвестно на войне.
Заносчиво считать средь низших или равных
Супругу, дочь, сестру и мать владык державных,—
Да как же смели вы? Иль голосом своим
Я нарекла царя, чтоб дань платить троим?
Нерон уж не дитя. Когда ж начнет он править?
Не трусом ли его хотите вы ославить?

Иль без заемных глаз не обойтись ему?
Иль предки научить не могут ничему?
Тиберий, Август ли — любой пример достоин;
И ближе — мой отец, Германик, смелый воин!
Себя не назову среди таких имен;
Но все ж и у меня мог поучиться он
Не раскрывать врагам желаний потаенных
И гордо отстранять лукавых подчиненных.

Бурр

Я к вам от цезаря направлен был послом,
Чтоб оправдать его пред вами лишь в одном;
Но если не спеша услышать новость эту,
Меня за столько зол призвали вы к ответу,
Отвечу, госпожа, свободно, как солдат,
Который без румян представить правду рад.
Вы юность цезаря мне вверили когда-то;
Я это сознаю, я это помню свято!
Но разве клялся я предательство свершить,—
Одной покорности владыку научить?
Нет, материнских прав окончен срок мгновенный;
Он больше вам не сын, он — властелин вселенной!
Мне поручил весь Рим хранить его от бед,
И Риму одному я должен дать ответ.
Когда б его растить невеждой вы желали,
Меня и Сенеку вернули б вы едва ли.
Иль в Риме не нашлось достаточно льстецов,
Что за опальными пришлось вам слать гонцов?
Двор Клавдия,— увы! рабами плодовитый,—
Мог юношу ссудить низкопоклонной свитой.
Готовно высмеян, охотно развращен,
В ребячестве своем состарился бы он.
Чем недовольны вы, царица? Вы — в почете!
Вы рядом с цезарем во всех сердцах живете!
Он, правда, перестал вам лобызать порог,
И скипетр, что ни день, слагать у ваших ног.
Но разве он не прав? Чтоб выразить почтенье,
Пристало ль цезарю терпеть уничиженье?
Иль предпочли бы вы, чтоб, робостью согбен,
Взял только прозвище от Цезаря Нерон?
Но мало этого: он признан целым Римом!
Рим, долго пригнетен правленьем нелюбимым,
Стряхнув с усталых плеч весь гнет пережитой,
С Нероном вновь обрел свободу и покой.

Что говорю? Кругом блеск нового почина.
Власть перестала быть одеждой властелина.
На поле Марсовом рождаются чины:
Солдаты избирать вождей своих вольны,
Тразею чтит сенат, войска чтут Корбулона,
Они вершат закон, не преступив закона.
Пустынные края изгнанников былых
Теперь заселены предателями их.
И диво ли, что нам воспитанник наш предан,
Коль славный путь ему был нами заповедан,
Коль празднует земля расцвет благих времен,
Коль цезарь всемогущ и Рим освобожден?
Но правит, госпожа, он волею своею.
Лишь повинуюсь я, но наставлять не смею:
Бесспорно, с предков он берет пример благой —
Но будет равен им, лишь став самим собой.
О, только б в будущем, свой опыт умножая,
Он помнил, как ярка его звезда былая!

А г р и п п и н а

Итак, хотите вы, пред будущим дрожа,
Нерона, как раба, стеречь от мятежа?
Но вы, что длинный гимн заносчиво поете
Величью цезаря и собственной заботе,—
Ответьте нам, какой заботой побужден,
Силанову сестру похитил ваш Нерон?
Быть может, этот гнев — лишь злобная опала
На кровь моих отцов, что в Юнии сверкала?
За что ее казнят? И в чем ее вина?
Как стала за ночь вдруг преступницей она?
Она, кто с юности живя вдали от трона,
Не будь похищена, не знала б ввек Нерона,
И знаки милости умела видеть в том,
Что так разобщена с постылым ей двором?

Б у р р

Я знаю, что она чиста от подозренья.
Но ведь и цезарь ей не вынес осужденья,
Ее не оскорбил предложенный ей кров:
Она поселена в дому своих отцов.
Меж тем ее супруг, правам ее причастный,
Поднять бы мог мятеж, империи опасный,
К тому ж кровь цезарей в союзах не вольна,—
Заботам царственным подчинена она!

И явно вам самой, что цезарь печься вправе
В лице племянницы об Августовой славе.

Агриппина

Все ясно: известить спешит меня Нерон,
Что был напрасно мной Британник ободрен,
Что всуе, от беды несчастного спасая,
Ему на этот брак надежду подала я:
К позору моему, Нерон разоблачил,
Что смела обещать я свыше слабых сил!
Рим слишком высоко ценил мое значенье;
Он высмеять решил пустое заблужденье,
Чтоб знала вся страна, на страх свой и беду,
Что цезарь с матерью вступает во вражду.
Что ж, пусть попробует! Но, начиная ссору,
Пусть сам себе найдет надежную опору;
Моя ничтожна власть; но, коль увидит Рим,
Что спорю за нее я с цезарем самим,
Все может стать иным, и на весах влияний
Окажется мой сан сильней иных стараний.

Бурр

Как! Государыня,— винить его всегда?
Во всех его делах вам чудится вражда!
Иль знает государь, что с принцем заодно вы?
Что Юнии в любви поддержку дать готовы?
Как! Собственных врагов стремитесь вы спасать,
Чтоб получить предлог на цезаря роптать?
Ужель, уязвлены случайным наговором,
Могли бы целый Рим вы расколоть раздором?
Ужель вас все страшит? Для редких с сыном встреч
Ужель один лишь гнев стремитесь вы сберечь?
Откиньте прочь судьи печальное раченье,—
Явите матери нетрудное прощенье!
Не бойтесь тех обид, что не видны другим,—
И вас полюбит двор и не покинет Рим.

Агриппина

Но кто бы стал хранить ко мне расположенье
С тех пор, как сам Нерон изрек мое паденье?
С тех пор, как от меня он спрятан, может быть?
С тех пор, как смеет Бурр мне вход к нему закрыть?

Бурр

Царица, вижу я, что мне умолкнуть надо,
Что прямоту мою дурная ждет награда.
Несправедлива скорбь,— и шум чужих речей,

Который ей не льстит, лишь досаждает ей!
Британник к нам идет. Я уступлю дорогу.
Вольны вы с ним делить напрасную тревогу,
И вместе с юношей вольны роптать на тех,
С чьим мненьем государь считался меньше всех.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Агриппина, Британник, Нарцисс, Альбина.

Агриппина
Куда вы мчитесь, принц? Ловя мечту какую,
Один, среди врагов, летите вы вслепую?
Чего вы ищете?
Британник
Ищу? О, горе мне!
Все, все, что я терял, потеряно вдвойне.
Мне точно ведомо, что Юнию солдаты
Позорно увлекли в Нероновы палаты.
Увы! Я видел сам, какой безмерный страх
Родила эта весть во всех простых сердцах.
Ее похитили. Безжалостной рукою
Разлучены сердца, сродненные тоскою!
О да, здесь не хотят, чтоб, горе с горем слив,
Печальный наш союз хоть дружбой был счастлив.
Агриппина
Довольно! Как и вы, сама оскорблена я!
Я сетовала здесь, ваш ропот предваряя.
Но я не допущу, чтоб этот гнев пустой
Нас примирить сумел с жестокостью такой.
Но я молчу... Когда ж вы всё узнать хотите,
Немедля, вслед за мной, к Палланту приходите.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Британник, Нарцисс.

Британник
Поверить ей, Нарцисс? Ужель самой судьбой
Поставлена она меж цезарем и мной?
Что скажешь? Иль она не та же Агриппина,

Кто пасынка могла низвергнуть ради сына,
И ускоряет бег последних дней своих,
Чтоб для ее затей не стал он слишком тих?

Нарцисс

Пускай! Она, как вы, оскорблена Нероном;
Отдать вам Юнию она ручалась троном:
Две цели сочетав, сдружите две беды.
Дворец наполнили вы стонами вражды.
Пока, топя в слезах свое недоуменье,
Вы будете растить здесь скорбь, не возмущенье,
Пока вы вместо слов не вверитесь делам,—
Сомненья нет, скорбеть придется вечно вам!

Британник

Нарцисс! Ты знаешь сам: к неволе привыкая,
Сумел ли перед ней смириться навсегда я;
Ты знаешь, навсегда ль паденьем пригнетен,
Я допустил врага на свой наследный трон.
Но я еще один: друзьям отца немногим
Кажусь я юношей, безвестным и убогим;
И тот же возраст мой преграду ставит тем,
Кто от меня еще отрекся не совсем.
А сам я вот уж год, едва пред робким взором
Предстал мой горький рок со всем его позором,—
Что вижу я вокруг? — Подкупленных друзей,
Следящих каждый шаг правдивости моей,
Кто, с цезарем дружа и мне доверясь ложно,
С ним о душе моей торгуется безбожно.
Да, это так, Нарцисс,— ему предали нас!
Все мысли, все слова он знает, что ни час,
Не хуже, чем ты сам, в душе моей читая,
Не правда ли, Нарцисс?

Нарцисс

Низка душа людская....
Должны вы избегать придворных подкупных
И не вверять им, принц, заветных дум своих.

Британник

Ты прав, но век питать ко всем лишь подозренье
Для тех, кто сердцем чист,— труднейшее уменье.
Нас обмануть легко! Ты, знаю, верен мне,
Я одному тебе доверился вполне.
Меня родитель сам вручил твоей опеке.
Один, средь бывших слуг, ты предан мне навеки;

Всю жизнь меня ты вел, мой каждый шаг ты знал,
Ты охранял меня от всех подводных скал.
Пойди же, разузнай: шум этой бури новой
Не придал ли друзьям готовности суровой?
Их взоры разгадай, обдумай речи их;
Найду ли я средь них помощников прямых?
Да и в самом дворце расследуй с прилежаньем,—
Принцессу стерегут с большим ли здесь стараньем?
Узнай, опасности избегла ли она
И встреча навсегда ль для нас запрещена?
А я отправлюсь вслед за матерью Нерона
К Палланту, кто, как ты, был друг отцова трона;
Я разожгу ее, чтоб яростью своей
Мне больше помогла, чем бы хотелось ей.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нерон, Бурр, Нарцисс, стража.

Нерон

Прошу поверить, Бурр: хоть мне и брошен вызов,
Готов не видеть я царицыных капризов!
Но больше не хочу молчаньем потакать
Министру дерзкому, кто смеет их внушать.
Мать околдована Паллантом, мне враждебным,
К нему Британник льнет с доверием хвалебным,
Его лишь слушают, и, если подстеречь,
В Паллантовом дворце найдем приют их встреч.
Довольно! Огорчить пора их расставаньем;
Его в последний раз я милую изгнаньем.
Вот воля цезаря: пускай сегодня в ночь
Он покидает двор, из Рима едет прочь!
Исполни же приказ: да будет благо с нами!
За мной, Нарцисс!
(К страже.)
А вы — останьтесь за дверями!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нерон, Нарцисс.

Нарцисс

С захватом Юнии, благодаря богам,
Весь Рим, о государь, покорен нынче вам.
Враги, лишенные былых надежд на мщенье,
К Палланту собрались — оплакать пораженье.
Но верить ли глазам: тревожны и бледны,
Мрачней Британника, вы сами смущены?
Что предвещают мне приметы злой печали?
Где взгляды скорбные растерянно блуждали?
Все угождает вам. Фортуна чтит ваш трон!

Нерон

Свершилось, о Нарцисс,— узнал любовь Нерон!

Нарцисс

Вы?

Нерон

Сердце вмиг зажглось, огнем навек объято.
Я Юнию люблю,— нет, обожаю свято!

Нарцисс

Вы любите ее?

Нерон

Причудой лишь влеком,
За нею в эту ночь я наблюдал тайком.
Печально возводя свой взор, слезой омытый,
Меж факельных огней и копьеносной свитой,
Она мелькнула здесь, прекрасна и бледна,
Как образ красоты, похищенной у сна.
И что же? Было ль то итогом сочетанья
Теней и факелов, смятенья и молчанья,
Распущенных волос и стражников кругом,
Но кротость нежных глаз казалась мне огнем.
Что б это ни было, но образ был прекрасен!
Хотел позвать ее, но сам стоял безгласен,
Надолго потрясен безвестной мне тоской,
Меж тем как пленницу вели в ее покой.
Я заперся в своем. И там, в уединенье,
Напрасно отгонял запретное виденье
Она была со мной, к ней обращал я речь,
И слезы целовал, что сам заставил течь.
То умолял простить,— но горе! слишком поздно! —

То робко воздыхал, то сетовал я грозно.
Так, ею поглощен, томясь по ней одной,
Мой воспаленный взор вперился в свет дневной.
Но, может быть, с мечтой вседневность несогласна,
И в жизни Юния совсем не так прекрасна.
Что скажешь ты, Нарцисс?

Нарцисс

Как, государь? Она
От взоров цезаря была утаена?

Нерон

Ты знаешь сам, Нарцисс! Отчаяньем объята,
Не только обвинив меня в убийстве брата,
Не только оградив прекрасный свой расцвет
Суровой гордостью уединенных лет,—
Она, замкнувшись в тень, верна своей печали,
Не хочет, чтоб ее царевной величали.
И к этой чистоте, что так у нас редка,
Влекут мою любовь досада и тоска.
Подумай сам, Нарцисс! Красавицы нет в Риме,
Что не гордилась бы признаньями моими,
Не чаяла, едва глаза начнут блистать,
Над сердцем цезаря их силу испытать.
Одна лишь Юния, горда своим затвором,
Все то, что льстит другим, готова звать позором!
Она бежит — и знать не хочет, может быть,
Что цезарь не злодей, что он готов любить.
Скажи, влюблен в нее Британник?

Нарцисс

Иль не знали
Вы, государь, того?..

Нерон

Он молод, и едва ли
Яд взора нежного уже грозит ему!

Нарцисс

Любовь, мой государь, не спутница уму.
Поверьте, он влюблен! Вы оценили сами
Искусство этих глаз, играющих слезами.
Всем прихотям ее привык он угождать.
А, может быть, и сам умеет убеждать.

Нерон

Как? Значит, любит он совсем не так смиренно?

Нарцисс
Не знаю, государь! Но вот что несомненно:
Из вашего дворца он убегал не раз,
Чтоб скрыть свой лютый гнев от цезаревых глаз,
Замученный двора холодным приговором,
Величьем ваших дел и собственным позором,
Лелея злость и страх, уничтожаясь в них,
Бежал он к Юнии — и возвращался тих.
Нерон
О, если он любим,— ему нет худшей казни!
Он будет милую молить о неприязни.
Кто ревностью своей дразнить Нерона б мог?
Нарцисс
Но где же, государь, причина для тревог?
Он предан Юнии, она с ним делит горе,
Иных не видит слез, как у него во взоре.
Но нынче, государь, когда, взглянув вокруг,
Блеск славы царственной она узнает вдруг,
Увидит королей, утративших корону,
Заброшенных в толпу и приведенных к трону,
Что ловят (в их числе и он, ее герой)
Ваш мимолетный взгляд, им брошенный порой;
Когда с вершины той вы к ней сойдете сами
Молить ее любви смиренными словами,—
Поверьте, государь, все сбудется тотчас:
Прикажете любить — и вмиг полюбит вас!
Нерон
О, сколько горестей мне жребий мой готовит!
Какие трудности!
Нарцисс
Но кто ж вам прекословит,
Мой государь?
Нерон
Кто? Все, кем я еще любим:
Октавия и мать, Бурр, Сенека и Рим.
Не думай, что душой расположён к жене я,
Болея нежностью и юность в ней жалея,—
От ласк ее устав, я отстранил их сам
И редко снисхожу к пустым ее слезам.
Я рад порвать бы связь со спутницей немилой
И сбросить с плеч ярмо, что мне надели силой!
К тому ж не мной одним она осуждена:
Не меньше и богам наскучила она.

Мольба Октавии и небу неугодна:
Жена моя, Нарцисс, четвертый год бесплодна!
Наследника — увы! — напрасно ждет престол...

Нарцисс

Что ж медлить, государь? Сам жребий вас развел!
Престол и сердце — всё с Октавией в раздоре.
Так, встретив Ливию, ваш предок Август вскоре
Ей повелел развод, сам взял его,— и вот
Престолом стал для вас счастливый тот развод.
Пороча царский дом пред римским всем народом,
Тиберий оскорбил дочь Августа разводом.
И только вы один, себе наперекор,
Запрета с радостеи не сняли до сих пор.

Нерон

Иль сам ты не дрожал пред гневной Агриппиной?
Я робость чувствую при мысли той единой,
Как с пламенем в очах предстанет мне она,
Ведя Октавию, вдвойне оскорблена,
И грозно развернет — о худшая из пыток! —
Моих провинностей необозримый свиток...
Как выдержать, скажи, такой неравный бой?

Нарцисс

Не вы ли — властелин над ней и над собой?
Не век же, государь, влачить ярмо опеки?
Иль править для нее вам суждено навеки?
Страх перед ней? О нет, вас не смущает он!
Надменнейший Паллант от власти удален,
Паллант, чей дерзкий нрав так поощрялся ею...

Нерон

Когда ее здесь нет, я царствовать умею!
Я слушаюсь друзей, преследую врагов,
Я раздражен на мать — и спорить с ней готов.
Пусть пред тобой душа предстанет без покрова:
Едва, к своей беде, ее увижу снова,—
Не только чувствую, что не имею сил
Бежать от этих глаз, чью волю долго чтил;
Не только восстает привязанность былая,
Все лучшее во мне ей тайно подчиняя;
Но страх во мне растет к сопернице такой:
Пред гением ее немеет гений мой.
Вот почему, гоня от сердца власть чужую,
Я матери бегу, и с матерью враждую,
И недовольство в ней ревниво берегу,

Чтоб неугодным стать для той, кого бегу.
Но торопись, Нарцисс,— ты пробыл здесь немало,
Чтоб в грудь Британника сомненье не запало.

Нарцисс

Нет, нет, с Британником сдружились мы вполне!
Свиданье с цезарем он сам доверил мне.
О ваших замыслах — немалая заслуга! —
Затеял он узнать из уст надежных друга:
К свиданью с пленницей стремясь всего сильней,
Он будет, государь, ждать помощи моей.

Нерон

Согласен! Пусть придет — и, ад тому порука,
Ее увидит он.

Нарцисс

Верней была б разлука!

Нерон

Не возражай, Нарцисс, я все обдумал сам!
Ему я встречу с ней недешево продам.
А ты оповести, что твой маневр удачен,
Что хитростью твоей Нерон врасплох захвачен,
Что он согласен... Чу! Она! Оставь же нас..
Спеши к Британнику и с ним вернись тотчас.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Нерон, Юния.

Нерон

Принцесса, вы бледны и рады мне едва ли...
Прочли в моих глазах вы знаменье печали?

Юния

Искала, государь, я встречи здесь иной;
Я шла к Октавии, но цезарь предо мной.

Нерон

Тем больше огорчен тюремщик ваш ревнивый
Таким доверием к Октавии счастливой.

Юния

Вы, государь?

Нерон

Ужель Октавия одна
Достойна вас ценить и видеть вас вольна?

Юния

К кому же, государь, прибегну, умоляя?
Кто может мне раскрыть, за что осуждена я?
Вы, кто караете, проступок знать должны:
Молю вас, государь, назвать мои вины!

Нерон

Вины! Да разве вы уж тем не виноваты,
Что от меня, от всех, ушли в свои палаты?
Иль образ красоты, небесный дар харит,
Ниспослан вам затем, чтоб в землю был зарыт?
Ужели одному Британнику возможно
Свой пыл и ваш расцвет лелеять бестревожно?
Зачем таких щедрот великих до сих пор
Безжалостно — увы! — лишали вы мой двор?
Но более того,— не чуя поруганья,
Вы переносите болтливые признанья!
Меж тем я ожидал, что в дни своих побед
Захочет Юния услышать мой совет
И не посмеет быть любимой и влюбленной,
Пока не разрешит ей цезарь благосклонный.

Юния

Не скрою, государь, к тоске моей порой
Британник снисходил почтительной мольбой.
Он глаз не отвратил от девушки печальной,
Последней из семьи высокой и опальной:
Быть может, не забыл он давних тех времен,
Как был своим отцом в мужья мне наречен.
Он полюбил меня, послушен отчей воле
И вашей матери, и я б сказала боле:
Вам, государь, — ведь вы согласны с ней во всем!

Нерон

Принцесса, каждый прав, идя своим путем.
Забудем Клавдия, оставим Агриппину,—
С неправдами отцов нельзя мириться сыну.
За вас лишь я один ответственен богам,
И сам я положил супруга выбрать вам.

Юния

Увы, мой государь! Любая связь иная
Унизит цезарей, их лоно оскорбляя.

Нерон

Нет, Юния! Супруг, вам присужденный мной,
Достоин две семьи соединить в одной.
Честь сватовства его признаете вы сами.

Юния
Но кто ж он, государь?
Нерон
Принцесса, он пред вами!
Юния
Вы?
Нерон
Я бы мог назвать немало вам имен,
Когда б не выше всех был именем Нерон!
Да, прежде чем изречь свой выбор громогласно,
Двор, Рим, империю я оглядел бесстрастно.
Чем больше я искал, сомненьями томим,
Кто б с честью мог владеть сокровищем таким,
Тем очевидней мне, что цезарь сам лишь вправе
Бесценный этот клад хранить к его же славе!
Я не могу его отдать руке иной,
Чем та, которой Рим дал власть над всей землей.
Но вдумайтесь и вы в свершенное когда-то:
Вас Клавдий полюбил и сыну вверил свято;
Но было это в дни, когда ребенок-сын
Готовился всю власть наследовать один.
Так боги изрекли. Их вышним произволом
Еще в младенчестве вы связаны с престолом.
И тщетно был бы мне небесный дар вручен,
Когда бы сердцем к вам я не был приобщен,
Когда б моих тревог вы лаской не смягчали,
Когда б средь бурных дней, завещанных печали,
Средь дней оплаканных, погибших, я не мог
Забыться иногда, вздохнув у ваших ног.
Пускай Октавия ваш взор не кроет тенью;
Весь Рим стоит за вас и предал осужденью
Мой ненавистный брак, который, может быть,
И небо ради вас все медлило скрепить.
Принцесса, вот завет: с неспешностью спокойной
Судите выбор мой, властителя достойный,
Достойный ваших глаз, томящихся в плену,
Достойный тех высот, куда я вас верну!
Юния
По праву, государь, теперь изумлена я!
Давно ль, ни жалобам, ни стонам не внимая,
Меня, как пленницу, сорвали с ложа сна?
И не успела я, испугом смятена,
Спросить у цезаря причину тех страданий,—

Вдруг узнаю, что я Октавии желанней!
Меж тем не заслужил смиренный жребий мой
Ни почестей таких, ни дерзости такой.
И можно ль девушку, узнавшую с рожденья
Позор своей семьи и горечь заточенья,—
Кто, темную печаль храня из года в год,
Училась доблести у собственных невзгод,—
Внезапно перенесть из ночи безысходной
На высшую ступень той славы всенародной,
Чей шум ей и вдали казался нестерпим,
Чьим блеском, наконец, одел другую Рим?

Н е р о н

Я вам уже сказал, что с ней я кончил счеты:
Умерьте же свой страх, оставьте все заботы.
Что выбор мой не слеп, узнаете тотчас:
Ответьте за себя; согласья жду от вас!
Исполните завет, вам данный вашей кровью;
Не приносите в дар людскому суесловью
Одежду почестей, что цезарь вам сулит.
Как ни высок отказ, он счастья не дарит!

Ю н и я

От неба, государь, таиться я не стану,
Я сердца не предам тщеславному обману:
Нет, ваших милостей понятна мне цена!
Но тем мучительней была б моя вина,
Чем лучезарней блеск, раскрывший неподкупно
Несчастье женщины, мной изгнанной преступно.

Н е р о н

Нельзя ж так бережно хранить чужую честь,
Принцесса... И предел для самой дружбы есть!
Но бросим скрытничать,— нас двое здесь в палате:
Печетесь о сестре вы больше, чем о брате.
Что ж до Британника...

Ю н и я

Откроюсь: он мне мил!
Таиться, государь, я не имею сил!
Такая искренность, я знаю, безрассудна,
Но сердце и уста разъединить мне трудно.
Что делать! От двора печаль свою тая,
Искусству лживости не обучилась я.
Британник мной любим. Нас нарекли друг другу
В те дни, когда на трон он мог возвесть супругу,
Но та же цепь невзгод, которой он обвит,

Разгром его дворца, позор его обид,
Его разрыв с двором и лицемерным Римом,—
С ним вяжет Юнию звеном неразделимым.
Не прекословить вам стремится все вокруг;
Средь ясных радостей проходит ваш досуг,
Безмерна ваша власть, безбрежно наслажденье.
Когда же тень тревог прервет его теченье,
Не вся ль вселенная, заботливо, как мать,
Из вашей памяти спешит ее прогнать?
Британник — одинок: тоска ли в нем проснется,
Кто, как не я одна, ответно улыбнется?
И жив он, государь, одной моей слезой,
Коль ею озарит печальный жребий свой.

Нерон

И той одной слезой счастливца жребий светел?
О, смертью за нее другой бы мне ответил.
Но с этим юношей я обойдусь нежней:
Принцесса, он придет к избраннице своей.

Юния

От вас, мой государь, иного не ждала я!

Нерон

Его я мог изгнать, навек вас разлучая.
Но, знайте, я хочу предотвратить беду,
Что сам накличет он, начав со мной вражду.
Зачем его губить? Пусть лучше, невредимый,
Услышит приговор из уст своей любимой.
Ему велите вы покинуть ваш порог,
Чтоб ревности моей он чувствовать не мог,
Возьмите на себя удар его изгнанья,
И, силою речей иль силою молчанья,
Хотя б холодностью,— ему вы дайте знать,
Чтобы он шел к другой сочувствия искать.

Юния

Как! Мне самой сразить его таким ударом?
Скорей сто нежных клятв произнесу я с жаром!
И даже, если лгать велю устам своим,
В глазах моих прочтет он осужденье им.

Нерон

Здесь, спрятан в тайнике, я прослежу за вами.
Укройте ж в глубь души губительное пламя;
Не думайте в речах лукавить предо мной;
Я буду видеть все, постигну взгляд немой,

И станет смерть ему расплатой неизбежной
За ваш мгновенный вздох, за взгляд преступно-нежный.

Юния
Увы! Когда б язык не стал от скорби нем,
Просила б, государь, нас разлучить совсем!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Нерон, Юния, Нарцисс.

Нарцисс
Британник, государь, с принцессой ждет свиданья;
Он рядом.
Нерон
Пусть войдет.
Юния
Ах, государь!
Нерон
Молчанье!
Судьбу Британника решите вы сейчас:
С ним видясь, помните, что я гляжу на вас.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Юния, Нарцисс.

Юния
Нарцисс! Скорей, скорей! К Британнику беги ты,
Скажи ему... Он здесь! Мы небом позабыты.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Юния, Британник, Нарцисс.

Британник
Принцесса! Это вы? Поверить ли глазам?
Как! Встречу милую судьба послала нам?
Но радость ту — увы! — печаль сразить готова.
Как знать, когда-нибудь увижу ль я вас снова?
Ужель украдкой брать мне счастье суждено,
Что из любимых глаз я черпал так полно?

Увы, какая ночь! От ваших слез ужели
У злобных стражников сердца не просветлели?
Где был любовник ваш? Какой жестокий бог
Мне не дал умереть за вас у ваших ног?
О, горе! Трепеща в объятиях испуга,
Вы втайне, может быть, шептали имя друга?
Принцесса, обо мне вы вспомнили в тот час?
Подумали с тоской, как я оплачу вас?
Молчите вы в ответ? Какой прием суровый!
Так вот как встречен я в своей невзгоде новой?
Ответьте: мы одни! Наш враг обманут мной.
Он отвлечен сейчас заботою иной.
Используем же миг, не размышляя доле.

Ю н и я

Здесь все покорствует его могучей воле:
У стен есть уши, принц, внимательные к нам;
И видит нас, незрим, здесь император сам.

Б р и т а н н и к

Давно ли, Юния, и вас тот страх тревожит?
Ужели сдаться в плен и ваше сердце может?
Что сталось с нежностью, не ведавшей препон,
Которой мог бы сам завидовать Нерон?
Но отгоните прочь ненужное сомненье!
Еще во всех сердцах таится возмущенье,
Еще во всех глазах свой гнев я узнаю;
Нам мать Неронова поддержку даст свою.
Он оскорбил весь Рим постыдными делами...

Ю н и я

Ах, принц, от этих слов откажетесь вы сами!
Не тысячу ли раз вы повторяли мне,
Что всеми он любим и чтим в своей стране:
С величьем дел его мирились вы, не споря.
Как видно, ваш язык ожесточило горе.

Б р и т а н н и к

Принцесса, сознаюсь, я от смущенья нем,
Нет, к Юнии спешил Британник не за тем.
Как! Чтоб поведать вам свой гнев и ужас тайный,
Насильно у судьбы я вырвал миг случайный,—
И что ж, бесценный миг растрачиваем мы
На похвалы врагу в стенах его тюрьмы?
Так измениться вдруг, за день один? То вы ли?
Как! Даже и глаза молчать вы научили?
Вперить во взоры взор уже у вас нет сил?

Вам по сердцу Нерон? Британник вам не мил?
Когда б я это знал!.. Молю вас небесами,
Рассейте этот мрак, куда я ввергнут вами.
Ответьте мне! Ужель я навсегда забыт?

Юния

Поторопитесь, принц, сам цезарь к нам спешит.

Британник

Какой удар, Нарцисс! Чего же ждать мне боле?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Нерон, Юния, Нарцисс.

Нерон

Принцесса...

Юния

Я была покорна вашей воле.
Но больше, государь, ни слова! Я вольна
Лить слезы, коль ему слеза та не видна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Нерон, Нарцисс.

Нерон

Ну, что, Нарцисс! Их страсть, как видишь,
безрассудна.
Их нежность и без слов изобличить нетрудно.
Соперник мой любим, я сам себе не лгу,
Но муками его насытиться могу!
Я сделаю себе из слез его забаву.
Сегодня Юнией истерзан он на славу.
Иду за ней. А ты к сопернику ступай:
Его отчаянью еще ты пищи дай;
И если на него здесь пыл и слезы тратят,
Пусть темный свой успех он дорого оплатит!

Нарцисс *(один)*

Вторично, о Нарцисс, фортуной призван ты.
На зов божественный спеши из темноты.
Не будем отклонять ее велений властных:
Чтоб счастьем завладеть, пойдем губить несчастных.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нерон, Бурр.

Бурр
Паллант оставит Рим.

Нерон
А что сказала мать?
Боюсь, ей нелегко гордыню обуздать.

Бурр
Об этом, государь, узнаете вы вскоре;
Едва ли затаить она сумеет горе.
Но пусть ее гроза к вам близится, шумна,—
Не шумом лишь одним опасна вам она!

Нерон
Так материнский гнев тревоги стал достоин?

Бурр
За Агриппину я, мой цезарь, не спокоен.
Солдаты, Рим — все чтят царицы славный род,
В ней дочь Германика приветствует народ.
Вот чем сильна она, ее вам ведом норов!
Достойны, государь, вы всяческих укоров
За то, что сами в ней растите злой порыв,
На собственную грудь оружье обратив.

Нерон
Я, Бурр?

Бурр
Верней — душа, что страстью одержима!

Нерон
Не продолжайте, Бурр. Болезнь неизлечима:
Зов сердца моего мне все поведал сам.
Пора мне полюбить...

Бурр
Так показалось вам,
О цезарь! Коренясь в одном сопротивленье,
Пугает вас недуг, ничтожный при рожденье.
Но если б высший долг вам сердце укрепил

И побороть врага у вас достало сил;
Когда б вернули вы те доблестные годы,
Когда б, мой государь, припомнили невзгоды
Своей Октавии, лишенной всех отрад,
И чистую любовь позвали бы назад;
Когда бы, наконец, пусть не без тайной муки,
Вы обрекли свой взор хоть временной разлуке,—
Поверьте, государь, будь страсть и впрямь сильна,
Прикажут ей уйти — и скроется она!

Нерон

Я вам доверюсь, Бурр, среди войны кровавой,
Где честь своих мечей поддержим мы со славой,—
Равно средь той борьбы, где поле нам — сенат,
И копья наших слов судьбу страны вершат:
За вами здесь и там пойду, не рассуждая;
Но, Бурр, поверьте мне, у страсти — стать иная,
У ней иной закон — и было б ни к чему
Спускаться до нее суровому уму.
Иду! Я с Юнией расстался из-за спора...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бурр.

Бурр

Свершилось, Бурр; Нерон себя проявит скоро;
Его жестокий дух лишь до поры был тих,
Он скоро вырвется из слабых уз твоих.
В каких неистовствах он может разрешиться!
К кому за помощью, о боги, обратиться?
Один лишь Сенека сумел бы мне помочь,
Но он, в неведенье, из Рима отбыл прочь.
О, если бы к нему я матери участье
Мог вызвать!.. Вот она!.. ее приводит счастье.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Агриппина, Бурр, Альбина.

Агриппина

Что ж! Не права ль я, Бурр, доверья вас лишив?
Вот — правда ваших дел, пускай язык ваш лжив!
Отослан прочь Паллант; он лишь за то наказан,
Что цезарь ваш ему престолом был обязан.
Вы это знаете; добился он один,
Чтоб волей Клавдия стал царствовать мой сын.
Но мало! Святость уз семейных оскверняя,
Супругу цезаря идет сменить другая;
А честный наш министр, враг лести и забав,
Кто призван был смирить Нерона пылкий нрав,
Потворствует и льстит, питая в юном друге
Презренье к матери и ненависть к супруге.

Бурр

Таких упреков Бурр еще не заслужил.
Неизвинимых дел наш цезарь не свершил.
Он отвратить не мог Паллантово изгнанье:
Давно тот заслужил за гордость воздаянье,
И цезарь лишь, скорбя, исполнил то, что двор
И римский весь народ решили с давних пор.
Все прочее — недуг, и есть ему леченье:
Слезам Октавии найдется облегченье.
Но укротите гнев. Тишайшим из путей
Супруга тотчас же воротите вы к ней:
Нерону угрожать, поверьте мне, опасно!

Агриппина

О нет! Зажать мне рот стараются напрасно.
Мое молчание вам смелость придает.
И как вам уважать плоды моих забот?
Но не один Паллант стоит за Агриппину;
Иных отмстителей призвать я не премину.
Уж сыну Клавдия известна та вина,
Которую пред ним я искупить должна.
Так, решено! Его я выведу к солдатам,
В них жалость разожгу к его младым утратам.
Пора нам искупить преступные года!
Сын императора предстанет им тогда
И, дочерью вождя Германика поддержан,

Потребует высот, с которых был низвержен.
И Энобарбов сын предстанет рядом с ним,
Совместно с Сенекой и с Бурром же самим,
Которых для него из ссылки призвала я
И власть верховную которым отдала я.
Не поколеблюсь я казнить наш общий грех;
Пускай борьба за трон раскроется для всех.
Чтоб ополчить народ на власть его и вашу,
Я худшего стыда молчаньем не прикрашу;
Все наши низости огласке я предам:
Убийства, ссылки, яд...

Б у р р

Но кто поверит вам?
Себе и цезарю слепое обвиненье
Невольно все сочтут за злое ухищренье.
Царица, я ль не встал с мечом за вашу честь,
К присяге армию не я ль сумел привесть?
Но злом не помяну борьбы минувшей славу,
Затем что сын отцу наследовал по праву.
С тех пор как Клавдием усыновлен Нерон,
Ваш сын с Британником правами уравнен.
Рим мог его избрать! Так, на заре империй,
Был славным Августом усыновлен Тиберий;
Агриппа ж юноша, незаслужённо пав,
Напрасно требовал возврата кровных прав.
Нерона мощь крепка на твердом пьедестале,
Хотя б своей рукой ее шатать вы стали;
И если цезарь наш считается со мной,
Он вскоре вас смягчит сердечной добротой.
Я начал — и, клянусь, закончу начатое!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агриппина, Альбина.

А л ь б и н а

Куда вас завлекло неистовство слепое,
О госпожа! Теперь все цезарь будет знать.

А г р и п п и н а

Ах, лишь бы он посмел очам моим предстать!

А л ь б и н а

Молю вас, госпожа, да стихнут скорбь и злоба!
Ни брат и ни сестра того не стоят оба,

Чтоб в жертву им отдать ваш царственный покой!
Иль цезарь и в любви не смеет быть собой?

Агриппина

Как? Иль не видишь ты, в какую сеть нас ловят,
Альбина? Это мне соперницу готовят!
Коль роковую связь не устраню совсем,
Я буду смещена и сделаюсь ничем.
Пока Октавию венчал лишь титул звучный,
Она для цезаря была женой докучной,
Награды, почести дарила я одна,
Я славой при дворе была окружена.
Но нежность цезаря похитила другая,
Власть милой и жены в руках соединяя;
Величье цезарей, плод стольких злых скорбей,
За мимолетный взгляд наградой будет ей.
А мне?.. Иль стану я отвержена, гонима?..
Альбина, даже мысль о том мне нестерпима!
Я рисковала всем для сына моего...
Неблагодарный он!.. Но вот и враг его...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Британник, Агриппина, Нарцисс, Альбина.

Британник

Еще наш общий враг не одержал победы,
Царица; есть сердца, что делят наши беды.
Честнейшие друзья,— не знали мы о них! —
Пока исходим мы здесь в жалобах пустых,
Питая правый гнев, неправдой разожженный,
Нарциссу вверили порыв свой возмущенный.
Еще неверной той не овладел Нерон,
Которой честь сестры приносит в жертву он.
Коль вы по-прежнему за честь ее скорбите,
Теперь отступника вы к долгу возвратите.
Едва ль не весь сенат нас поддержать готов:
Пизон, Плавт, Сулла...

Агриппина

Принц, страшитесь ложных слов!
Как? Сулла, Плавт, Пизон, знатнейшие из знатных?

Британник

Я вижу, что речей желали б вы обратных,
Что гнев ваш, госпожа, растерян и смущен,

Страшится сам того, к чему стремился он.
Нет! Я обязан вам надежнейшей опалой;
Во всех моих друзьях отваги нет ни малой.
Нет и самих друзей; старались вы о том,
Чтоб даже лучший друг мне сделался врагом.

Агриппина

Вас увлекает, принц, опасная отвага!
От разуменья лишь зависит наше благо.
Я обещала вам: назло вражде людской,
Сумею совершить обещанное мной.
Не скрыться от меня преступному Нерону;
Он выслушает мать, и я в нем совесть трону;
Угрозой, лаской ли, я приступлю к нему.
А нет — Октавию я за руку возьму,
С ней обойду весь Рим, во все сердца посею
Сочувствие к слезам и ненависть к злодею.
Прощайте! Сыну я не уступлю игры.
А вы доверьтесь мне — и скройтесь до поры.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Британник, Нарцисс.

Британник

Надеждами меня ты не прельстил ли ложно?
Вполне ль твоим словам довериться возможно,
Нарцисс?

Нарцисс

О да. Но, принц, не в стенах же дворца
Осмелюсь вам раскрыть всю тайну до конца.
Идем. Что ж медлить?

Британник

Что же медлю я, о, небо?
Увы!

Нарцисс

Скажите все.

Британник

Нарцисс, увидеть мне бы
В последний раз...

Нарцисс

Кого?

Британник

Краснею, но, поверь,
Хочу лишь подтвердить печаль своих потерь.

Нарцисс

Ужели все ж ее готовы звать вы верной?

Британник

Я звать ее готов злодейкой беспримерной!
Но, гневу вопреки, твердит душа моя,
Что меньше, чем бы мог, уверен в этом я.
Впотьмах блуждает ум, у сердца жизнь иная,—
Все силится понять, прощая, обожая.
Хочу в душевный мрак дорогу дать лучу,
Спокойно презирать изменницу хочу.
О! кто б поверить мог, что дух, высокий с виду,
С младенчества тая на лживый двор обиду,
Вдруг позабудет все, чем горд был до сих пор,
Коварством роковым смутивши самый двор?

Нарцисс

А может быть, она, в своем уединенье,
Давно замыслила дать цезарю сраженье?
Решив, что глаз своих ей все равно не скрыть,—
Заставить их искать хотела, может быть,
Чтоб цезаря верней пленить искусной лестью
Победы над ее непобедимой честью.

Британник

Так видеться нельзя?

Нарцисс

Мой принц, она сейчас
С другим возлюбленным... принять не может вас!

Британник

Пусть так! Идем, Нарцисс. Но кто там? Не она ли?

Нарцисс *(в сторону)*

О боги! К цезарю,— чтоб правды не узнали!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Юния, Британник.

Юния

Не подходите, принц, бегите прочь от зла,
Что твердостью своей на вас я навлекла!
Нерон в неистовстве! Ушла я незаметно,
Пока там сына мать увещевает тщетно.

Прощайте же! Молю, щадя мою любовь,
Дождаться дней, когда мы будем вместе вновь.
В душе своей ношу ваш образ неизменно.
Там будет вечно он.

Британник

Я слушаю смиренно;
Простора ищете вы прихотям своим,
Мне ж следует бежать, чтоб дать дорогу им.
Бесспорно, образ мой докучен вам немного,
Вам в самой радости мерещится тревога.
Что ж! Мне пора уйти...

Юния

Хотите оскорбить...

Британник

Ах, вы могли бы все ж хоть день повременить!
Я не ропщу на то, что общее пристрастье
Неразлучимо с тем, кого ласкает счастье;
Что вы ослеплены величьем при дворе;
Что ищете его в ущерб моей сестре;
Но что, пленяясь им, как всякая другая,
Вы лгали мне; что, блеск наружно презирая,
Моим мученьям вы несли такой итог,—
Нет, этого, клянусь, я ожидать не мог!
Я видел всходы зла над собственным паденьем,
И небо вторило врагам моим с глумленьем;
Я думал, бед моих исчерпан весь запас,
Принцесса; но пришлось еще утратить вас.

Юния

Будь лучше времена, я местью справедливой
Отмстила б вам за то, что я кажусь вам лживой;
Но вам грозит Нерон, и в час беды такой
Не омрачу вас, принц, обидою пустой!
Разубедитесь же и все поймите сами:
В ту встречу сам Нерон тайком следил за нами.

Британник

Возможно ли! Нерон...

Юния

Наш слушал разговор.
Он к моему лицу приковывал свой взор,
Готовый обратить на вас всю ярость мщенья
За каждый взгляд иль жест, знак нашего сближенья.

Британник

Пусть слушал нас Нерон, принцесса! Но — увы! —

Когда бы, лгав ему, меня щадили вы,—
Я мог бы угадать в том происки злодея.
Любовь не ищет слов, все выразить умея.
Ваш взгляд, один ваш взгляд надежду мог мне дать,
Могли б вы...

Ю н и я

Лишь одно: спасти вас и молчать!
Как много раз,—увы!—коль все сказать должна я,—
Дрожала я за вас, открыться вам желая.
Как робко прятала я вздохи мук своих
И, ваших глаз ища, бежала прочь от них!
Как тягостно молчать наедине с желанным,
Самой его казнить сомненьем непрестанным,
Когда один лишь взгляд все счастье мог сберечь!
Но и слезам тот взгляд велел бы долго течь!
Ах! Тайно трепеща от страсти незабытой,
Себя не смела я считать надежно скрытой:
Тоскующий мой взгляд был вечно начеку,—
Казалось, бледностью предам мою тоску.
Ждала я, что Нерон, глумясь над ложью тщетной,
Вам пожелает мстить за трепет мой запретный,
Страшилась, что любовь прорвется из сердец,
И вовсе не любить хотела б наконец!
Ах! К счастью своему и к нашему, быть может,
Он не постиг огня, что наши души гложет!
Терпение, мой принц, пускай не видят нас,
А больше от меня не требуйте сейчас!
Позднее много тайн поверить вам должна я.

Б р и т а н н и к

О, верю, верю я! Какая весть благая!
Как вы чисты и как тяжка моя вина!
Как много горьких бед для нас несет она!
(Падая к ногам Юнии.)
Когда у ваших ног раскаюсь со слезами?

Ю н и я

Что делаете вы? Соперник рядом с вами!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Н е р о н, Б р и т а н н и к, Ю н и я.

Н е р о н

Так! Продолжайте, принц, прекрасный свой порыв!
На ваши милости ответ его не лжив,

Принцесса! Юноша благодарил вас страстно.
Меня благодарить он тоже б мог всечасно,—
Ведь вас я лишь затем посмел сюда завлечь,
Чтоб облегчить ему возможность нежных встреч.

Британник

К ее ногам несу я радость и тревоги
Повсюду, где свести нас пожелают боги,
А этот ваш дворец, вся эта западня
Не могут ни смутить, ни удивить меня!

Нерон

Иль камни этих стен не всех тут научили
Покорно чтить меня и покоряться силе?

Британник

Нет, камни этих стен не могут научить
Вас — мною помыкать, меня ж — пред вами льстить!
Им ведомо, кто я и чьим родился сыном.
Позор, что надо мной Домиций — господином!

Нерон

Так нашей гордости преграду ставит рок:
Тогда смирился я; смиритесь вы в свой срок!
А если бунтовать хотите безрассудно,
Вы молоды еще, вас вразумить нетрудно!

Британник

Кто ж вразумит меня?

Нерон

Империя, закон,

Рим.

Британник

Но при чем тут Рим? Иль дал вам право он
На эти низости, достойные презренья:
Насильственный развод, аресты, похищенье?

Нерон

Нет, любопытных глаз не простирает Рим
К секретнейшим делам и тайникам моим.
Учитесь у него!

Британник

Он бед утратил меру.

Нерон

И все же он молчит: последуйте примеру!

Британник

Так начал сбрасывать узду с себя Нерон?

Нерон
Нерон бесстыдными речами утомлен.
Британник
И все должны хвалить владычество благое?
Нерон
Мне нужен лишь их страх,— не важно остальное!
Британник
Иль Юния уже не та, иль нрав такой
Не может никогда владеть ее душой!
Нерон
Пусть так! Я не берусь лить слезы перед нею,
Зато я обуздать соперника сумею!
Британник
Какая б участь мне была ни суждена,
Ее немилость мне была б одна страшна!
Нерон
Добудьте же ее — вот все, что вам скажу я!
Британник
Быть милым ей — вот все, чего ищу, тоскуя!
Нерон
У вас — ее обет, ей мил ваш юный пыл.
Британник
По крайней мере, лгать ее я не учил:
К притворству девушку не принуждал я вздорно
И, чтоб зажать ей рот, не прятался позорно!
Нерон
Довольно! Стража!
Юния
О, что делаете вы?
Ведь это брат... Он слеп от ревности, увы!
Молю вас, государь! Иль мало он несчастен,
Что даже и в любви счастливым быть не властен?
Дозвольте ж, уравняв печалью вас вполне,
От вас и от него навеки скрыться мне.
Уход мой усыпит огонь вражды меж вами;
Весталкой, государь, окончу век свой в храме.
Несчастный наш союз простите вы ему;
Отныне я верна лишь небу одному.
Нерон
И в этом, как во всем, одно притворство злое!
Принцессу, стражники, замкнуть в ее покое!
Британник у сестры пусть будет заключен!

Б р и т а н н и к
Так силой взять любовь пытается Нерон!
Ю н и я
Одна покорность, принц, нам принесет спасенье!
Н е р о н
Немедля, стражники, исполнить повеленье!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Нерон, Бурр.

Б у р р
О, небо!
Н е р о н *(не видя Бурра)*
Встреча здесь их вдвое разожгла;
Я руку узнаю, что их теперь свела.
Я Агриппиной вновь осмеян и повержен.
Так долго ею был я лишь затем удержан,
Чтоб низкая игра здесь длилась до конца.
(Заметив Бурра.)
Еще не вышла мать из моего дворца?
Замкните двери, Бурр, засовами глухими
И стражников ее смените вы моими.
Б у р р
Возможно ль, цезарь? Мать? Не выслушав?
Н е р о н
Ну, нет!
Остерегитесь, Бурр, вот добрый вам совет!
Уже который день любое приказанье
Встречает в вас судью, родит непослушанье.
От вас ответа жду, а будете молчать —
Я расспрошу других про Бурра и про мать.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Агриппина, Бурр.

Б у р р
Да, защитить себя вы сможете свободно:
Нерону самому вас выслушать угодно.
Быть может, лишь затем и удержал он вас,

Чтоб с вами, госпожа, увидеться тотчас.
Но вам — простите вновь свободное сужденье!—
Не должно цезаря корить за оскорбленье;
Готовьтесь, госпожа, виновного обнять:
В защите вы вольны; но бойтесь обвинять!
Двор приучен глядеть на все его глазами.
Пускай Нерон ваш сын, пусть коронован вами,—
Он император ваш, и власть его сильна,
Хоть вами ж эта власть была ему дана.
Немилостив ли он иль с вами ласков снова,—
Толпа ласкать и гнать вослед ему готова.
Не вы ей надобны,— он, он один, во всем!
А вот и государь...

Агриппина

Оставьте нас вдвоем!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нерон, Агриппина.

Агриппина *(садясь)*

Извольте сесть, Нерон, и слушать, что скажу я.
Повинной ждете вы, свиданье мне даруя.
Не знаю, в чем меня могли оклеветать:
Я все свои вины вам поспешу назвать.
Вы заняли престол; вы с детства знали сами,
Какая цепь преград лежит меж ним и вами.
Права моих отцов, возвысившие дочь,
Без помощи моей вам не могли б помочь.
Когда судили мать Британника сурово
И Клавдий ей вернул супружеское слово,—
Немало девушек искало глаз его,
Придворных, даже слуг, склонив на сватовство.
Я стала в общий ряд, лишь одного желая:
Вам передать тот трон, который обрела я.
Я гордость бросила,— Паллант мне сватом стал,
И Клавдий глаз моих зовущий блеск узнал:
Племянницу свою лаская непрестанно,
От нежности к любви он перешел нежданно.
Но Рим мог заклеймить преступным наш союз:
Разъединяли нас запреты кровных уз.
Я не могла бы стать женой отцова брата.
Но, щедро купленный, привел указ сената

В постель мне цезаря, а Рим — к моим ногам.
Все было мне дано, и ни толики — вам.
В семействе Клавдия родным вы скоро стали;
Дочь цезаря за вас просватала не я ли?
Силан, ее жених, был с нею разлучен,
И кровью оплатил свое паденье он.
Но мало этого! Кто б ждал от властелина,
Что даст он зятю власть, лишая власти сына?
Вновь помощь я нашла в Паллантовых речах:
Вас Клавдий уравнял с Британником в правах,
Нероном вас назвал и произнес решенье
До срока вам вручить права на сопрaвленье.
Отныне цель моя для всех была ясна
И многих трепетать заставила она.
Про скорбь Британника, про будущие беды
Среди друзей отца затеялись беседы.
Я обещаньями задобрила одних;
Изгнанье навлекла на самых заклятых;
Сам Клавдий, вняв словам моих немолчных жалоб,
Отторг от сына тех, чья верность пожелала б,
О жребии его печась, как о своем,
Вернуть его на трон извилистым путем.
Я больше сделала: друзей, вожатых ложных,
Нашла я для него средь слуг своих надежных.
А вам, верна себе, но с умыслом иным,
Дала наставников, которых чтил весь Рим:
Я мудрость избрала, тщеславье отстраняя;
Вернула я из войск, из ссылки призвала я
Тех самых Сенеку и Бурра, кто потом...
Но Рим их чтил тогда, и я ввела их в дом!
Не пощадив казны дворцового подвала,
Я вашим именем щедроты рассыпала.
Приманки зрелищ, игр, подарков и наград
К вам привлекли сердца народа и солдат,
Чья память, верная Германика победам,
Во внуке молодом гордилась славным дедом.
Меж тем к закату шел Британника отец.
От долгой слепоты прозрел он наконец —
Ошибку понял он. И, сетуя о сыне,
Вдруг разомкнул уста, молчавшие доныне,
Хотел созвать друзей,— напрасно! поздний страх:
Дворец, войска, альков держала я в руках.
Его последний вздох от всех оберегая,

Отцовской нежности расцвесть в нем не дала я,
Стеной своих забот сокрыв его вполне
От сына, что рыдал безвестно в стороне.
Он умер. Каждый мог предать меня бесчестью.
Не стала я смущать сердца внезапной вестью;
И вот меж тем как Бурр, желанной цели рад,
Вам тайно присягнуть заставил всех солдат,
И я, его рукой, вас близила к победам,
Конец властителя здесь в Риме был неведом:
Курились алтари, и, Клавдию верна,
О здравье мертвеца молилась вся страна:
Но, укрепив свой трон признаньем легионов,
Вы возвратились в Рим вершителем законов,
И должен был народ узнать двойную весть:
Оплакать Клавдия — Нерона превознесть.
Вот исповедь во всем, свершенном мной когда-то,
Вот все мои грехи! А вот за них расплата:
Всего полгода лишь, став баловнем в стране,
Вы, благодарностью платить умели мне;
Потом, утомлены стеснительным вниманьем,
Вы предпочли платить мне дерзким непризнаньем.
А Сенека и Бурр щадили тот порок,
Давая, что ни день, вам низости урок,
Хвалясь, что их самих в науке превзошли вы.
Но, верно, и они еще не слишком лживы,—
Отон, Сенецион вам стали ближе тех,
Пособники бесчинств и низменных утех.
Когда же, возроптав на ваши козни злые,
Обидчика на суд я призвала впервые
(Злодей вдвойне жесток, раз совесть смущена!),—
Я цезарем была вдвойне оскорблена.
Но мало! Юнию помолвив с вашим братом,
Я обещала им поддержку пред сенатом.
Что ж делаете вы? В тюрьму заключена,
В вас пагубную страсть рождает вдруг она.
И вот в одну лишь ночь Октавия забыта,
Скрепленный мной союз ей больше не защита;
Отослан прочь Паллант, Британник заключен;
Простерт и на меня преступный ваш закон,—
Бурр дерзко предо мной велел замкнуть ворота,
А вы, кто виноват в предательствах без счета,
Забыв, что долг ваш в том, чтоб оправдаться в них,—
Вы ждете от меня признанья вин моих.

Нерон

Я не забыл, что власть была дана мне вами.
Не тяготя мой слух ненужными словами,
Могли б спокойно вы, без вздохов и скорбей,
Вкушать плоды любви и верности моей.
Но ваша неприязнь и этот вечный ропот
Невольно при дворе родит упорный шепот
О том (я все скажу — друг другу мы не льстим),
Что о себе пеклись вы именем моим.
«Ужели,— шепчут здесь,— всем царственным почетом
Еще не отдан долг былым ее заботам?
В чем провинился сын? За что он осужден?
На то ль, чтоб угождать, был коронован он?
Опять она царит; он — лишь наместник новый?»
И вправду, до сих пор, вам угождать готовый,
Я честь свою и власть вам уступить был рад.
Нетрудно было б мне отдать их вам назад.
Но мужественный Рим не хочет женской власти.
Пока я робок был, здесь бушевали страсти:
Сенат и весь народ вдвойне возмущены,
Что в образе моем вас чтить они должны,
Кричали про меня, что Клавдий, вам послушный,
Мне с властью завещал и нрав свой простодушный.
Когда у ваших ног склонялся лес значков,
Вы слышали не раз мятежный гул полков:
Роптали воины, напрасно удостоив
Вас этим зрелищем простертых ниц героев.
Другая женщина была б не так горда:
У вас же — или власть, иль слезы без стыда!
Теперь, Британника одушевив на мщенье,
Вы Юнию ему даете в подкрепленье
И снова ткете сеть Паллантовой рукой.
Когда ж я принужден свой оберечь покой,—
От ярости себя не помните вы сами,
Грозя Британника явить перед войсками.
Уже до лагерей донесся шум молвы.

Агриппина

Я? За него? Злодей! Могли поверить вы?
Чего достигла б я, вас на него сменяя?
Чем стал бы мой удел? Чего бы ждать могла я?
Ах, если и меня наветчик не щадит,
Раз взор доносчиков и здесь за мной следит,
Раз нет и здесь оград от их наветов черных,—

Что ж сталось бы со мной в толпе чужих придворных?
Судили б там меня не за бессильный гнев,
Что в сердце умирал, родиться не успев,
Но за мои вины пред всеми ради сына.
Их искупила бы сторицей Агриппина!
Я разгадала вас, мне ваша лесть чужда:
Вы нерадивый сын, вы были им всегда;
Когда вас, отрока, я пестовала нежно,
В ответ был поцелуй, заученный прилежно.
Все было вам равно, все жесточал ваш нрав,
Самой моей любви преградой вечной став.
О, как несчастна я! Какая участь злая:
Заботливо любить, заботой докучая!
Сын у меня один: о небо, знаешь ты,
О ком, как не о нем, мой плач, мои мечты?
Опасность, совесть, страх меня не удержали,
Я подавила гнев; от будущей печали
Непостижимый рок глаза мои отвел;
Я сделала свое: вы заняли престол.
К свободе, что теперь я под замком оплачу,
Вы можете отнять и жизнь мою в придачу.
Но бойтесь, чтоб народ, оплакав мой конец,
С вас вскоре не сорвал надетый мной венец.

Нерон

Чего ж хотите вы? Что должно мне исправить?

Агриппина

Моих обидчиков раскаяться заставить,
Отчаянье и гнев Британника унять,
На выбор Юнии цепей не налагать,
Чтоб с ними и Паллант был возвратиться волен,
Чтоб доступ к цезарю всегда мне был дозволен,

(замечая Бурра в глубине сцены)

Чтоб этот самый Бурр, кто слышит нашу речь,
У входа в ваш покой не смел меня стеречь.

Нерон

Готов я тотчас же, с настойчивым стараньем,
Заверить вашу мощь безмерным послушаньем;
И я благодарю счастливый наш разлад
За то, что прежний мир он нам вручил назад.
Что б ни свершил Паллант, я все забыть согласен;
Британнику мой гнев отныне не опасен;

Что ж до моей любви, разъединившей всех,
Рассудите вы нас и в этом без помех.
Порадуйте друзей моих благим решеньем.
Покорность, стражники, царицыным веленьям!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Нерон, Бурр.

Бурр
Как долгожданный миг и нежный ваш порыв
Мой утешает взор, как сердцем я счастлив!
Мое вниманье к ней вам, государь, не ново.
Сказал ли я хоть раз порочащее слово,
Ее неправый гнев способное навлечь?
Нерон
Я вас недавно, Бурр, пытался остеречь:
Считал, что вы не друг, раз заодно с врагами.
Но неприязнь ее опять роднит нас с вами,
И матери моей поспешно торжество:
Я обниму врага, чтоб задушить его!
Бурр
Как, государь?
Нерон
Пора! Его уничтожая,
От материнских пут избавлюсь навсегда я:
Я не могу дышать, пока здесь дышит он.
Я самым именем проклятым утомлен;
И я не допущу, чтоб, с дерзостью обычной,
Он на моем пути помехой стал вторичной.
Бурр
Ужель Британник впрямь на гибель осужден?
Нерон
Еще мне до́ ночи не будет страшен он!
Бурр
И кто же вам внушил кровавое желанье?
Нерон
Моя любовь, мой страх, мой долг, мое дыханье!
Бурр
Нет, страшный приговор, что здесь произнесен,
Не в вашей он груди, о государь, рожден!
Нерон
Бурр!

Бурр

Небо! С ваших уст ужель он мог сорваться?
Ваш голос, самый слух — его ль не устрашатся?
Подумайте, чью кровь хотите вы пролить?
Ужель во всех сердцах устали вы царить?
Ужель клеветники судить вас будут вправе?

Нерон

Как! Вечно пригвожден к своей минувшей славе,
Я должен век дрожать за чью-то там любовь,
Что случай нам дарит и отнимает вновь?
Служа мечтам друзей, с моими несродненным,
Затем ли правлю я, чтоб стать их подчиненным?

Бурр

А разве, государь, вы помнить не должны,
Что вы ответственны за благо всей страны?
Судьба у вас в руках — вы сами выбрать вправе:
Кто в славе начинал, тот может кончить в славе.
Нет никаких преград на царственном пути,—
Дорогой доблести вы можете идти.
Но стоит вам лишь внять коварству наущений,
Вы будете идти дорогой преступлений,
Злом новым подкреплять то зло, что свершено,
И кровью же смывать кровавое пятно.
Конец Британника пробудит злое рвенье
Во всех его друзьях и бросит их на мщенье.
У мстителей его отыщутся друзья,
Другие сменят их, все тот же гнев тая,—
Так будет век пылать огонь вражды пред вами!
Став страхом всей земли, вы устрашитесь сами.
Придется вам карать и, трепеща измен,
Выслеживать врагов среди дворцовых стен.
Иль юный опыт ваш, счастливый и беспечный,
Учил вас не ценить невинности сердечной?
Ужель забыли вы, как мирно он протек,
Какое счастье вам сулил его урок?
Как часто, государь, себе сказать могли вы:
«Я всеми нежно чтим, и все кругом счастливы;
Квириты не бегут при имени моем;
Пред небом на меня не плачутся тайком;
Глухая неприязнь в них не растет незримо;
Ко мне летят сердца, когда иду я мимо!»
О боги! Вдруг забыть святые те года!
Презреннейшую кровь щадили вы тогда!

Однажды к смерти был приговорен виновный;
Сенат вас принуждал скрепить приказ верховный;
Я помню, государь, как был ваш дух смущен,
Как опечалил вас карающий закон,
Как, медля подписать тот приговор злодею,
«Зачем,— вздыхали вы,— я грамотой владею!»
Нет, цезарь будет чист, иль смерть спасет меня
От зрелища и мук неправедного дня:
Не стало б сил скорбеть над вашей падшей славой,
Когда б решились вы на этот шаг кровавый.
(Падает к ногам Нерона.)
Готов я, государь! Не медлите, тотчас
Пронзите сердце мне, так верившее в вас,
Иль призовите их, кто вас растлил впервые,
На Бурре испытать кинжалы подкупные!..
Но ропотом моим растроган цезарь сам:
Нет, он все так же добр, нет, он не глух к слезам!
Откройте, государь, мгновенья не теряя,
Кто дал вам злой совет и чья тут воля злая.
Британника позвав, обнять его спеша...

Нерон

Нет, нет, не в силах я...

Бурр

Не злая в нем душа,
Мой государь; как вы, он обойден врагами.
В его покорности вы убедитесь сами.
Бегу! Утороплю миг радости такой!

Нерон

Британника позвав, пройдите в мой покой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Нерон, Нарцисс.

Нарцисс

Все, государь, спешит на помощь смерти правой.
Локуста славная снабдила нас отравой;
Она была вдвойне услужлива со мной:
Я видел смерть раба от капли смеси той.
Не легче срезать жизнь железом заостренным,
Чем новым снадобьем, секретно мне врученным.

Нерон
Благодарю, Нарцисс, оставьте этот яд.
Мы дальше не пойдем, скорей пойдем назад!
Нарцисс
Как, государь! Врага в Британнике не чуя,
Вы снова...
Нерон
Да, Нарцисс, мириться с ним хочу я!
Нарцисс
В противном убеждать я не посмел бы вас,
О цезарь! Но — увы! — под стражей он сейчас.
Он век вам не простит такого оскорбленья.
Года не утаят и тени преступленья:
Узнает он про яд, что в дни вражды былой
Ему хотели вы поднесть моей рукой,
И, дерзкий, может быть,— да защитят нас боги! —
Решится в свой черед вас устранить с дороги.
Нерон
Над сердцем мы властны. Мое укрощено!
Нарцисс
Ужель и Юнию забыло вдруг оно?
Как! Высшую из жертв ему принесть могли вы?
Нерон
Кто вам сказал? Но все ж слова мои не лживы:
Среди своих врагов не числю я его.
Нарцисс
Так, Агриппины мне понятно торжество:
Ей удалось вернуть былую власть над вами.
Нерон
Так говорит она? Иль вы решили сами?
Нарцисс
Здесь только что при всех хвалилась в том она.
Нерон
В чем?
Нарцисс
В том, что цезаря смирять она вольна;
Что весь его порыв, весь гнев его безмерный
Сменились в миг один покорностью примерной;
Что предложил ей мир готовно цезарь сам,
Счастлив, что снизошла к живым его мольбам.
Нерон
Как поступить, Нарцисс? Решить я не умею!
Мой гнев меня зовет свести все счеты с нею;

Послушай я его, за дерзость этих слов
Ей долголетний мрак возмездия готов.
Но разнесется слух по всем окрестным странам.
Иль хочешь, чтоб народ прозвал меня тираном
И, титулов лишен, что присудил мне Рим,
Я отравителем явился перед ним?
Мне месть моя была б тягчайшим приговором.

Нарцисс

Считаться ль, государь, с хвалой их и с укором?
Не предпочли ли б вы, чтоб весь народ был нем?
Не знать ли вам цены речам ничтожным тем?
Иль собственной души желанна вам потеря,
И цезарь должен жить, своим мечтам не веря?
Но римлян, государь, вы разгадать должны:
Нет, нет! Их языки совсем не так вольны!
Держите их в узде,— они трусливо-злобны,—
Не то они взомнят, что страх внушать способны.
О да, они к ярму приучены в веках!
Им по сердцу рука, что держит их в цепях.
Удел их — угождать правителям верховным:
Тиберий помыкал смиреньем их готовным.
Я сам, от Клавдия приняв на время власть,
Был вынужден теснить, чтоб самому не пасть.
Не раз в те дни, когда я при дворе был в силе,
Терпенье их пытал, и всё они сносили!
Вам отравителем прослыть у них невмочь?
Убейте брата вы, сестру ушлите прочь,—
На лживых алтарях сжигая тук обильный,
Рим их же проклянет от слепоты бессильной,
Вам скажет, что в веках отмечен злой судьбой
Тот день, когда на свет явились брат с сестрой.

Нерон

Пусть ты и прав, Нарцисс; но до поры — молчанье!
Я Бурру обещал, он вырвал обещанье.
Еще я не хочу, предав его тотчас,
Дать доблести его оружье против нас:
Его простым речам противлюсь я напрасно,
И сердце им внимать не может безучастно.

Нарцисс

У Бурра, государь, язык не слишком прям:
Он ловкой доблестью польстить умеет вам.
Но мысль у всех одна, и с ними Бурр согласен:
Разлад с Британником для мощи их опасен.

Им может страшен стать лишенный пут Нерон;
Державным гордецам пришлось бы чтить ваш трон.
Как! Дерзкий шепот их еще ли не уликой?
«Нерон,— они твердят,— не создан быть владыкой:
Он в мыслях и делах идет чужим путем,
В нем сердцем правит Бурр, а Сенека — умом.
В чем доблести его? В чем царственное дело?
Лишь на ристалищах носиться неумело,
Искать пустых наград, ничтожнейших утех;
Лишь делать из себя посмешище для всех;
Свой голос расточать на шумном балагане,
Скандировать стихи, успех купив заране,
Меж тем как изредка солдатская рука
Сорвет для цезаря два-три скупых хлопка!»
Ах! разве кто уймет змеиное шипенье?

Нерон

Иди за мной, Нарцисс: пора принять решенье!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Британник, Юния.

Британник

Кто мог бы ожидать, о Юния! Нерон
Готов меня обнять, к нему я приглашен.
Знатнейших сверстников поспешно созывая,
Он хочет, чтоб в пиру веселость молодая
Всю верность наших клятв раскрыла их глазам,
Внушив беспечный жар объятьям и речам.
Он страсть преодолел, им ненависть забыта.
Вы сами мне судья, ваш выбор — мне защита.
Пускай лишился я наследственных высот,
Пускай венцом отцов чело он обовьет!
С тех пор как, овладев своим желаньем мнимым,
Готов он уступить мне право быть любимым,
Я сердцем, признаюсь, горю его простить
И сам ему готов все царства уступить!

Как! Нежный образ ваш не удален затвором?
Как! Даже в этот миг я упиваюсь взором,
Что не могли смутить ни лесть, ни западня,
Что даже цезарю мог предпочесть меня?
Ах, Юния!.. Ужель боязнь печалей новых,
Туманя мой восторг, все держит вас в оковах!
Зачем, в ответ любви, ваш взор, ваш скорбный взор
Вздымает к небесам настойчивый укор?
Чего страшитесь вы?

Юния

Опасности минули,—
Страх жив.

Британник

Вы любите?

Юния

О, горе! Я люблю ли!

Британник

Блаженство наконец нам подарил Нерон.

Юния

Кто поручится вам, что искренен был он?

Британник

Как! Думаете вы, все та ж в нем воля злая?

Юния

Он клялся мне в любви, вам гибели желая!
Вдруг милы вы, не я! Чтоб так сломить его,
Ужель достаточно мгновенья одного?

Британник

Упорство цезаря сломила Агриппина:
Она меня спасла, чтобы спастись от сына.
Пока ревнивый дух еще в нем не угас,
Все злейшие враги сражаются за нас.
Могу ль не верить я ее слезам счастливым?
Иль Бурру? Сам Нерон не кажется мне лживым;
Привык он, как и я, всем сердцем на виду
Открыто враждовать иль прекращать вражду.

Юния

Принц! Чтоб судить о нем, вы слишком благородны;
Дороги и шаги во всем у вас несходны.
Я цезаря и двор впервые узнаю,

Но как здесь глубоко скрывают мысль свою,
Как далеко — увы! — от этой мысли слово!
Как сердце и уста разобщены сурово!
Как здесь клеймят друзей, доверьем их маня!
Как здесь враждебен кров для вас и для меня!

Британник

Но будь наш добрый мир мгновенен иль всегдашен,
Будь страшен нам Нерон,— ужель он сам бесстрашен?
Нет, нет, он на обман преступно не пойдет,
Страшась ожесточить сенат и весь народ.
Что говорю! Его наш краткий плен тревожит;
В нем совесть смущена — Нарцисс заверить может.
Ах, Юния! Когда б он вам поведал сам...

Юния

А сам Нарцисс, мой принц, вполне ли верен вам?

Британник

Но почему б он стал повинен в клятве ложной?

Юния

Как знать? Ведь речь идет о гибели возможной!
Здесь страшно! Воздух здесь изменой напоен.
Меня страшит судьба, меня страшит Нерон!
Предчувствием душа омрачена невольно.
О принц мой, от себя вас оторвать ей больно!
Что, если этот мир, столь благостный на вид,
Предательство и ложь внутри себя таит?
И цезарь, не простив нам нежного сближенья,
Призвал ночную тьму в сообщницы для мщенья?
И смерть готовят вам, пока вы здесь со мной?
И я в последний раз касаюсь вас рукой?
Ах, принц!

Британник

Вы плачете! Любимая, ужели?
Всем сердцем разделить вы жребий мой сумели?
Как! В день, когда Нерон, гордясь двором своим,
Хотел вас ослепить величьем показным,
Средь стен, где он царит, а я — лишь раб опальный,
Отвергнув царский блеск, избрать мой рок печальный?
Как! В тот же самый день, средь тех же самых стен
Прочь отстранить престол и слезы взять взамен?
Но драгоценных слез не расточайте даром;
Их вскоре мой возврат осушит с прежним жаром.
Подумать могут там, что слишком медлю я.
Прощайте же! Любовь в груди своей тая,

Средь юности слепой, весельем обуянной,
Я в мыслях буду здесь, близ Юнии желанной.
Прощайте!

Юния

Принц...

Британник

Пора, принцесса, цезарь ждет!

Юния

Побудьте здесь, пока за вами он пришлет!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Агриппина, Британник, Юния.

Агриппина

Чего вы медлите? Принц, отправляйтесь живо?
Растроганный Нерон вас ждет нетерпеливо.
Все созванные им лишь одного хотят:
Чтоб разгорелся пир и брата обнял брат.
Идите; надо чтить достойные порывы.
Принцесса, посетить Октавию должны вы!

Британник

Утешьтесь, Юния, и с радостной душой
Обнять мою сестру спешите к ней в покой.
И я, оставив пир, туда ж приду, ликуя,
И благодарность вам, царица, принесу я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Агриппина, Юния.

Агриппина

Иль обманулась я, иль в час разлуки с ним,
Принцесса, был не раз ваш взор слезой мрачим.
Что за тревога вас томила столь сурово?
Иль не скрепило мир одно мое лишь слово?

Юния

Мне стоил этот день тревог и мук таких,
Что быстро из души мне не изгладить их.
Могу ль свою судьбу покорно вверить чуду?
Здесь вашей доброте преград немало всюду.
Царица, здесь живет изменчивость в сердцах,
А там, где есть любовь, с ней неразлучен страх.

Агриппина

Я слово молвила, все стало по-иному.
Не предавайтесь впредь отчаянью пустому.
Недаром был наш мир объятьями скреплен;
Незыблемость его заверил мне Нерон.
Ах! Как он нежен был и ласками какими
Умел торжествовать над страхами моими!
Как пылко он меня кидался обнимать!
Казалось, рук своих не в силах он разнять!
С сердечной добротой, во всем лице разлитой,
Сперва он поверял мне каждый вздох свой скрытый,
Младенцем стал он вновь и, гордость позабыв,
Принес ко мне на грудь свободный свой порыв.
Потом, вернув лицу суровость властелина,
Что выполнить готов долг царственного сына,
Спешил он мне раскрыть с высокой прямотой
Те тайны, что вершат судьбу земли родной.
Нет, к чести цезаря признать теперь должна я,
Что простоте его чужда коварность злая,
И лишь навет врагов, нас всех оклеветав,
Сумел ожесточить его открытый нрав.
Но прежней мощи их уж больше нет в помине;
Рим не посмеет впредь перечить Агриппине.
Мой возрожденный блеск он обожать готов.
Но для чего здесь ждать полуночных часов?
Пройдем к Октавии, с ней кончим без печали
Счастливый этот день, несчастнейший вначале.
Но что за смутный шум! Что всколыхнуло тишь?
Что там?

Юния

О, небо! Ты Британника хранишь!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агриппина, Юния, Бурр.

Агриппина

Остановитесь, Бурр! Куда? Что означает...

Бурр

Свершилось, госпожа,— Британник умирает!

Юния

Принц!

Агриппина

Умирает?

Бурр

Да, коль уж не умер он!

Юния

О государыня, весь дух мой потрясен,—
Спасу Британника иль вместе с ним умру я!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Агриппина, Бурр.

Агриппина

Так он убийца, Бурр!

Бурр

Удара не снесу я,
Нерон и этот двор навеки заклеймен.

Агриппина

Как! Брата кровь пролить не устрашился он?

Бурр

Смертельная игра коварней протекала!
Едва несчастный брат встал на пороге зала,
Нерон к нему идет; объятья, тишина.
И чашу он велит напенить дополна:
«Чтоб взоры звезд благих склонить на судьбы наши,
Хочу возлить в их честь первины этой чаши!—
Он восклицает: — Вы! здесь призванные мной,
О, ниспошлите мир на наш союз благой!»
Британник тем словам вверяется вслепую.
Вот чашу он берет, Нарциссом налитую,
Но губы омочить лишь успевает в ней,—
Царица, острый меч едва ль разит верней! —
Мгновенно гаснет свет в его широком взоре,
На ложе он простерт, с жестокой смертью в споре.
Никто не мог в тот миг смятенья превозмочь.
С угрозой на устах одни стремятся прочь;
Кто ж боле изощрен в обычае придворном,—
Те государю льстят спокойствием притворным.
А цезарь привстает на ложе не спеша.
Казалось, в нем одном не смятена душа:
«Утешьтесь,— говорит,— то лишь болезнь пустая:
Падучей болен принц, от юных лет страдая».
Нарцисс торжествовал; притворно огорчен,
Преступной радости не в силах скрыть был он.
А я, не устрашась ни толков, ни расплаты,

Сквозь низкую толпу пробился из палаты
И скрыть не в силах слез, обидой злой томим
За принца бедного, за цезаря и Рим.

Агриппина

Вот он! Я научу вас доверять мне снова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Агриппина, Нерон, Бурр, Нарцисс.

Нерон *(видя Агриппину)*

О боги!

Агриппина

Стойте здесь. Я вам скажу два слова:
Нерон! Британник мертв, но судьи не мертвы.
Убийцу знаю я.

Нерон

Кто ж он, царица?

Агриппина

Вы!

Нерон

Я! Ваша неприязнь становится опасна!
Итак, к любой беде моя рука причастна?
Кто вашим обо мне доверится речам,
Услышит, будто мной убит и Клавдий сам.
Британник был вам друг, ваш ужас мне понятен,
Но не в ответе я за то, что рок превратен.

Агриппина

О нет! Несчастный принц был ядом умерщвлен:
Нарцисс нанес удар, но дал приказ Нерон!

Нерон

Царица!.. Впрочем, уст не оскорблю ответом.

Нарцисс

Но что ж вас, государь, гневит в упреке этом?
Британник, госпожа, был полон воли злой,
Которая и вам грозить могла порой:
Он к браку с Юнией стремился лишь с расчетом
Жестоко отомстить царицыным заботам.
Вы обманулись в нем: скрывая в сердце месть,
Со всеми он мечтал былые счеты свесть.
Пусть рок вас удручил, о вас самой радея;
Пусть даже, разгадав все происки злодея,
Спасительный удар мне вверил цезарь сам,—

Пристало, госпожа, скорбеть о том врагам:
Пускай мятежный принц оплакан будет ими,
Вы ж...

Агриппина

Продолжай, Нерон! С министрами такими
Оставишь по себе ты славный в мире след!
Ты должен продолжать! Назад дороги нет.
Ты руки обагрил впервые кровью брата;
На очереди мать, ей та ж грозит расплата:
Давно раскрылась мне вся ненависть твоя,—
Ты мстишь мне за добро, что совершила я.
Но пусть и смерть моя тебе не даст покоя,
Не думай, что, уйдя, прощу тебя легко я:
Рим, небо, жизнь, тебе дарованная мной,
Повсюду будут влечь мой образ за тобой.
Ты будешь век гоним толпой незримых фурий.
Унять сердечный вихрь захочешь новой бурей;
Неистовство твое, растя из года в год,
Кровавой полосой все дни твои зальет.
Но верю, будет день, проснется вечный мститель —
И страшной гибелью погибнет сам губитель.
И кровью стольких жертв покрытый и моей,
Оплатишь нашу смерть ты гибелью своей
И мир оповестишь, в века бесславно канув,
Как люто был казнен лютейший из тиранов!
Вот мой тебе завет и суд мой над тобой.
Прощай! Теперь иди!

Нерон

Нарцисс, ступай за мной!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Агриппина, Бурр.

Агриппина

Ах, небо! Как была в упреках неправа я!
Я Бурра клясть могла, Нарциссу доверяя!
Вы видели, мой Бурр, какой свирепый взгляд
Мне подарил Нерон в залог иных наград.
Свершилось; цепь свою он рвет теперь недаром;
Меня он поразит обещанным ударом.
Вам самому, боюсь, расплаты ждать пора.

Бурр

Царица! Для чего не умер я вчера!
О, пусть Нерон рукой, спасительно жестокой,
Даст исцеленье мне от горечи глубокой!
Он Бурру показал, злодейство совершив,
Что с цезарем таким не будет Рим счастлив.
Не преступленье лишь гнетет мой дух смятенный,—
Он брата мог убить из ревности мгновенной.
Но, государыня, я тем вдвойне согбен,
Что, подавая яд, спокоен был Нерон.
Его холодный взор изобличал презренье
Тирана, для кого не ново преступленье.
Пусть довершит удар, пусть будет им убит
Докучливый министр, кто так о нем скорбит.
Мне незачем — увы! — бежать других страданий:
Чем смерть придет быстрей, тем будет мне желанней.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Агриппина, Бурр, Альбина.

Альбина

Бурр! Госпожа моя, очнитесь от скорбей!
Утешить цезаря бегите вы скорей!
Ах! Жить без Юнии захочет он едва ли.

Агриппина

Возможно ль! Юнию мы также потеряли?

Альбина

Она не умерла, но для него мертва,
Чтоб цезаря тоска была вовек жива.
Мне солгала она, покой ваш покидая.
Принцессу проводить к Октавии пошла я;
Она ж другим путем стремилась все быстрей,
И я могла следить лишь издали за ней.
По ступеням дворца бежит она с рыданьем.
Но вдруг пред Августа высоким изваяньем
Упала, надломясь, к подножью склонена,
И, обхватив его, воскликнула она:
«О кесарь, защити рукой твоей, молю я,
Последний отпрыск твой, что льнет к тебе, тоскуя,
Убит в своем дворце, тому свидетель Рим,
Тот принц, кто мог бы стать преемником твоим.

Он умер, а меня хотят склонить к измене.
Чтоб верной быть ему, обняв твои колени,
О властелин, дозволь мне вверить жизнь богам,
С кем доблестью своей ты ныне равен сам!»
Меж тем бежит народ, охвачен изумленьем,
Толпится всё вокруг, ей вторит с возмущеньем.
И, тронут повестью злодейства и обид,
Поносит лживый двор и помощь ей сулит.
Ее ведут во храм, где в память бурь смиренных
Семья невинных дев, служенью посвященных,
Бессменно сторожит в хранилище святом
Огонь, что век горит пред нашим божеством.
Нерон глядит им вслед, их разлучить не смея.
Нарцисс — смелей, влечет усердие злодея.
Он к Юнии спешит и, чванясь пред толпой,
Ее касается предательской рукой.
Но бурей на него вздымаются кинжалы;
Одежды Юнии от брызг нечистых алы.
Посланцу своему Нерон не смел помочь,
От яростной толпы спешит он скрыться прочь:
Вернулся он. Но всех страшит своим молчаньем.
Лишь имя Юнии он все твердит с рыданьем.
Бесцельно бродит он, его глаза мертвы,
Он к небесам поднять не смеет головы.
Боюсь, чтоб скорбь его, которой тишь ночная
Отчаянье сулит, все раны растравляя,
Коль не придете вы сочувственно вздохнуть,
Не обратила б меч на собственную грудь.
Бегите! Час не ждет! От скорбного порыва
Погибнет цезарь.

А г р и п п и н а

Казнь была бы справедлива.
Но все ж проверим, Бурр, он вправду ль потрясен,
В неистовствах своих раскаялся ли он,
От совести своей готов ли ждать велений!

Б у р р

О боги! Если б впредь он чужд был преступлений!

ФЕДРА

Трагедия в пяти действиях

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот еще одна трагедия, сюжет которой заимствован у Еврипида. При том, что в развитии действия я следовал пути несколько иному, чем упомянутый автор, я позволил себе обогатить мою пиесу всем, что в его пиесе кажется мне наиболее ярким. Будь я ему обязан одной лишь общей идеей характера Федры, и то бы я мог сказать, что благодаря ему создано едва ли не самое значительное из написанного мною для театра. То, что этот характер имел столь выдающийся успех во времена Еврипида и что его столь же хорошо принимают в наше время, меня ничуть не удивляет, ибо в нем имеются все качества, коих Аристотель требует от героев трагедии, дабы эти герои могли вызвать сострадание и ужас.

В самом деле, Федра ни вполне преступна, ни вполне невиновна. Судьба и гнев богов возбудили в ней греховную страсть, которая ужасает прежде всего ее самое. Она прилагает все усилия, чтобы превозмочь эту страсть. Она предпочитает умереть, нежели открыть свою тайну. И когда она вынуждена открыться, она испытывает при этом замешательство, достаточно ясно показывающее, что ее грех есть скорее божественная кара, чем акт ее собственной воли.

Я даже позаботился о том, чтобы Федра менее вызывала неприязнь, чем в трагедиях древних авторов, где она сама отваживается обвинить Ипполита. Я полагал, что в клевете есть нечто слишком низкое и слишком отвратительное, чтобы ее можно было вложить в уста царицы, чувства которой к тому же столь благородны и столь возвышенны. Мне казалось, что эта низость более в характере кормилицы, у которой скорее могли быть подлые наклонности и которая, впрочем, решилась на клевету лишь во

имя спасения жизни и чести своей госпожи. Федра же оказывается замешанной в этом только по причине своего душевного смятения, в силу которого она не владеет собой. Вскоре же она возвращается, чтобы оправдать невиновного и объявить истину.

У Сенеки и у Еврипида Ипполит обвинен в том, что он якобы осуществил насилие над мачехой: «Vim corpus tuli»[1]. У меня же он обвиняется лишь в том, что намеревался это сделать. Я хотел избавить Тесея от заблуждения, которое могло бы уронить его в глазах зрителей.

Что касается характера Ипполита, то, как я обнаружил, древние авторы упрекали Еврипида, что он изобразил своего героя неким философом, свободным от каких бы то ни было несовершенств. Поэтому смерть юного царевича вызывала скорее негодование, чем жалость. Я почел нужным наделить его хотя бы одной слабостью, которая сделала бы его отчасти виноватым перед отцом, нисколько при том не умаляя того величия души, с коим он щадит честь Федры и, отказываясь ее обвинить, принимает незаслуженную кару. Под этой слабостью я понимаю любовь, которую он не в силах подавить, любовь к Арикии, дочери и сестре заклятых врагов его отца.

Это действующее лицо, Арикия, отнюдь не выдумано мною. У Вергилия сказано, что Ипполит, будучи воскрешен Эскулапом, женился на ней и имел от нее сына. Я читал и у других авторов о том, что Ипполит отправился в Италию с женой, юной афинянкой знатного происхождения по имени Арикия, и что по ее имени назван один итальянский городок.

Я ссылаюсь на источники, дабы показать, что я старался неукоснительно придерживаться мифа. Точно так же, повествуя о Тесее, я следовал за Плутархом. У него я вычитал, что событием, породившим предание, будто Тесей спустился в Аид, чтобы похитить Прозерпину, было странствие героя в Эпир, к истокам Ахерона, во владения царя, жену которого задумал похитить Пирифой; царь умертвил Пирифоя, а Тесея оставил у себя в плену. Так я старался сохранить историческое правдоподобие, не лишая миф украшений, столь для поэзии плодотворных. Слух же о смерти Тесея, основанный на этом сказочном путешествии, побуждает Федру открыться в своей любви, что становится затем главнейшей причиной ее страданий и чего она, конечно, не сделала бы, если бы думала, что супруг ее жив.

Впрочем, я не буду настаивать на том, что эта пиеса в самом деле лучшая из моих трагедий. Я предоставлю читателям и времени определить ей истинную цену. Могу только утверждать, что ни в одной из моих трагедий добродетель не была выведена столь отчетливо, как в этой. Здесь малейшие ошибки караются со всей строгостью; один лишь преступный помысел ужасает столь же, сколь само преступление; слабость любящей души приравнивается к слабодушию; страсти изображаются с единствен-

[1] «Силой овладел телом» *(лат.)*.

ной целью показать, какой они порождают хаос, а порок рисуется красками, которые позволяют тотчас распознать и возненавидеть его уродство. Собственно, это и есть та цель, которую должен перед собою ставить каждый, кто творит для театра; цель, которую прежде всего имели в виду первые авторы поэтических трагедий. Их театр был школой, и добродетель преподавалась в нем с не меньшим успехом, чем в школах философов. Вот почему Аристотель пожелал установить правила для драматического сочинения, а Сократ, мудрейший из мыслителей, не погнушался приложить руку к трагедиям Еврипида. Следовало бы только пожелать, чтобы наши сочинения покоились на столь же твердых устоях и были столь же поучительны, как творения древних поэтов. Быть может, это послужило бы средством для того, чтобы примирить с трагедией многих прославленных своим благочестием и своей ученостью особ, осуждающих трагедию в наши дни. Они, без сомнения, отнеслись бы к ней более благосклонно, если бы авторы заботились столько же о поучении своих зрителей, сколько о их развлечении, следуя в этом истинному назначению трагедии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тесей, сын Эгея, царь афинский.
Федра, его жена, дочь Миноса и Пасифаи.
Ипполит, сын Тесея и Антиопы, царицы амазонок.
Арикия, царевна из афинского царского рода.
Терамен, наставник Ипполита.
Энона, кормилица и наперсница Федры.
Исмена, наперсница Арикии.
Панопа, прислужница Федры.
Стража.

Действие происходит в пелопоннесском городе Трезене.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ипполит, Терамен.

Ипполит

Решенье принято, мой добрый Терамен:
Покинуть должен я столь милый мне Трезен.
Могу ли примирить души моей тревогу
С постыдной праздностью? О нет, пора в дорогу!
Полгода уж прошло, как мой отец, Тесей,
Исчез и о себе не подает вестей.
Исчез! Как знать, где он? И след его потерян.

Терамен

Царевич! Где же ты искать его намерен?
Чтоб твой развеять страх, я, в поисках царя,
И вдоль и поперек избороздил моря,
Волнующиеся к закату и восходу
От места, где стоит Коринф. Тебе в угоду
Был там, где Ахерон свой мрачный бег стремит
И исчезает вдруг, низвергнувшись в Аид;
В Элиде побывал; с волной и ветром споря,
Проник за Тéнарон и обогнул то море,
Где смерть нашел Икар,— Тесея нет нигде!
Где ж будешь ты искать — на суше, на воде?
Кто знает, где его скрывает мир бескрайний?
Кто знает,— вдруг он сам держать желает втайне
Свой нынешний приют? Мы за него дрожим,

А он,— он, новою любовью одержим,
Бежал от брачных уз, чтоб насладиться ею.

Ипполит

Молчи! Я требую почтения к Тесею!
Ты низменных причин тут не ищи. О нет,
Давно покончил он с грехами юных лет,
И Федре незачем соперниц опасаться.
Но здесь я долее не в силах оставаться.
Уйдя на поиски, свой долг исполню я
И этот край сменю на дальние края.

Терамен

Вот как! Ужель тебе земля постыла эта?
Земля, где ты провел младенческие лета!
Тот мирный, тихий край, который с давних пор
Ты полюбил, презрев Афины, шумный двор!
Кто б мог подумать, что Трезен тебе наскучит?
Открой, что здесь тебя пугает? Или мучит?

Ипполит

Дни счастья позади. И здесь мне быть невмочь
С тех пор, как Ми́носа и Пасифаи дочь
Соизволением богов живет в Трезене.

Терамен

А, Федра! В ней одной источник огорчений.
Да, злая мачеха,— лишь ты предстал пред ней,—
Добилась: из Афин тебя изгнал Тесей.
Но эта ненависть, могу ручаться смело,
Коль не прошла совсем — намного ослабела.
И чем тебе грозить могла бы Федра впредь?
Она полумертва и жаждет умереть.
Таинственный недуг,— назвать его не хочет
Царица никому,— грызет ее и точит.
Ей свет немил. Не жди ты от нее вреда.

Ипполит

Мне не страшна ее напрасная вражда.
Для бегства моего причины есть другие...
Я вынужден бежать от юной Арики́и,
Последней в том роду, что враждовал с моим.

Терамен

Ужели, Ипполит, ты так неумолим?
Сестрою приходясь коварным Паллантидам,
Причастна ли она к давнишним тем обидам?
Возможно ль, чтобы к ней ты ненависть питал?

Ипполит

Ах, если б ненависть! Тогда б я не бежал.

Терамен

Осмелюсь ли понять? Ужели ты — надменный
Царевич Ипполит, один во всей вселенной
Отринувший любовь, которой твой отец
Служил столь ревностно? Ужели, наконец,
Киприде уступив, ты сердцем стал слабее
И ей в твоих глазах дал оправдать Тесея?
Ужель и ты, кто был так строг и так упрям,
Стал, как все смертные, курить ей фимиам?
Ужель ты полюбил?

Ипполит

К чему вопросы эти?
Мой верный друг! С тех пор, что я живу на свете,
Ты знал, как сердцем горд, суров был Ипполит,
И ждешь, что пред тобой я свой признаю стыд?
Сын амазонки я. И для тебя не новость,
Что с молоком всосал я гордость и суровость.
Когда ж я возмужал, то, сам себя узнав,
Одобрил я судьбой ниспосланный мне нрав.
Ты стал меня учить. О, как внимал тебе я,
Когда рассказывать ты начал жизнь Тесея!
Какой ты зажигал во мне душевный пыл,
Когда о подвигах отцовских говорил:
Как он явился в мир, чтоб заменить Геракла,
Напомнить, что средь нас геройство не иссякло;
Как истреблял он зло. С твоих ловил я уст
Рассказ, как смерть нашли Скирон, Синид, Прокруст,
Как великана он сразил близ Эпидавра
И как освободил он Крит от Минотавра.
Потом рассказывать ты начал, Терамен,
Про тьму иных побед, про множество измен:
Как в Саламине он покинул Перибею,
Как в Спарте соблазнил Елену и как с нею
Бежал... Ах, сколько их — он сам бы счесть не мог —
Всех женщин, коих он к падению увлек,
Всех женщин, чья судьба была так безотрадна!
А слезы льющая на скалы Ариадна!
А Федра, из дому похищенная им!..
Но тут я не хотел внимать речам твоим:
С прекрасным не хотел я смешивать дурное,
Позорные дела — с деяньями героя.

Но вдруг и мне судьба такая же грозит?
Вдруг небо для меня готовит тот же стыд?
И моему стыду не будет оправданий:
Геройских, как отец, я не свершил деяний,
Чудовищ не смирял десницей я своей,—
Могу ли я грешить так, как грешил Тесей?
А если б я отверг сомнения такие,—
Не мог бы все равно мечтать об Арикии.
Когда б в моей душе страсть подняла мятеж,
Она бы встретила незыблемый рубеж:
Запрет Тесея. Он, царевну замуж выдав,
Всегда бы видел в ней мать новых Паллантидов.
Дабы зловредный ствол побегов дать не мог,
Сестру своих врагов на девство он обрек.
До гроба жить должна она в дому Тесея,
И не зажжет никто ей факел Гименея.
Могу ли преступить отцовский я запрет
И стать ослушником? Могу ли с юных лет
Я на себя взвалить любовной страсти бремя?

Терамен

Царевич! Если уж твое настало время,
Напрасно умствовать. Родитель твой хотел
Так сделать, чтобы ты ослеп, а ты — прозрел.
Отец тебе любить не разрешил, но странно —
От этого вдвойне любимая желанна.
Нет, целомудренной не бойся ты любви.
Ты хочешь гнать ее? Нет, ты ее зови!
Любовь равняешь ты со слабостью, не так ли?
Стыдишься ты ее? Но вспомни о Геракле.
Все, кто на свет рожден,— все Афродиту чтут.
Ты, взявший на себя неблагодарный труд
Сопротивляться ей,— что бы с тобою было,
Когда бы твоя мать отца не полюбила?
Довольно громких слов, нам ни к чему они.
Все изменяется. Ты — тоже. В эти дни
Оставил, Ипполит, ты прежний свой обычай:
Давно не мчался ты, блистательный возничий,
На колеснице вдаль, суровый вид храня,
Давно не объезжал строптивого коня,
Давно не оглашал ты лес своей охотой.
Твой взор потух. Какой ты удручен заботой?
Сомнений нет: любовь! Ее тут волшебство.

Скрывая свой недуг, ты гибнешь от него.
Так, Арикия? В ней одна твоя отрада?

Ипполит

На поиски отца отправиться мне надо.

Терамен

Но прежде, чем уйти неведомо куда,
Не свидишься ли ты, царевич, с Федрой?

Ипполит

Да.
С ней нужно свидеться. Готов без промедленья.
Но вот Энона. О! В каком она смятенье!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Энона.

Энона

О, горе! Близится ее последний час.
К царице смерть идет. Я не смыкаю глаз,
Забочусь лишь о ней, стараний не жалея,—
Напрасно все. Она день ото дня слабее.
Упорно от меня скрывает, чем больна.
Таинственный недуг ее лишает сна,
Ей помрачая ум и душу ей тревожа.
Вот и сейчас — тоска ее сорвала с ложа:
Свет солнца нужен ей. И мне мой долг велит
Просить вас...

Ипполит

Ухожу. Противен ей мой вид.

Ипполит и Терамен уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Федра, Энона.

Федра

Я здесь остановлюсь, Энона, на пороге.
Я обессилела. Меня не держат ноги.
И света яркого не вынести глазам.
Увы!..

Энона

Бессмертные! Ужель к людским слезам
Вы равнодушны? Нет в вас жалости нимало?

Ф е д р а

О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом
И это тяжкое, неслыханное бремя
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя?
Здесь заговор! Меня решили извести!

Э н о н а *(в сторону)*

Мутится ум ее.

(Федре.)

Но, госпожа, прости —
Себя велела ты одеть и — через силу —
Пошла отдать привет небесному светилу.
Вот солнце! Вспомни, как стремилась ты к нему.
А увидав его, вновь прячешься во тьму?

Ф е д р а

О лучезарное, державное светило,
Чьей дочерью себя надменно объявила
Мать Федры! За меня краснеешь ты сейчас?
Увы, я на тебя гляжу в последний раз.

Э н о н а

Как! Не оставила ты устремленья злого?
От жизни отвратясь, все снова ты и снова
Пророчествуешь мне о гибели своей?

Ф е д р а

О, быть бы там, в лесу, следя из-за ветвей,
Как по ристалищу несется колесница,
Вздымая легкий прах...

Э н о н а

Что? Ты о чем, царица?

Ф е д р а

Безумная! О чем я говорю? Где я?
Где разум мой? Куда умчалась мысль моя?
Зачем, бессмертные, вы к Федре так жестоки?
Смотри, Энона,— стыд мои румянит щеки:
Тебе открылся мой мучительный позор,
И слезы пеленой мне застилают взор.

Э н о н а

Уж если от стыда краснеешь ты, царица,—
Лишь скрытности своей могла бы ты стыдиться.
Напрасны наши все заботы, все мольбы:
Отвергнув их, ты ждешь конца своей судьбы.
Но что тебе грозит? Хотела бы понять я,

Что сушит жизнь твою? Отрава? Иль заклятье?
Уж трижды небосвод во мгле вечерней гас,
Но сон не освежал твоих усталых глаз;
Уж трижды видел мир дня нового начало,
Но с непреклонностью ты пищу отвергала.
Ты жизни собственной прервать решила нить?
Богов-зиждителей ты хочешь оскорбить?
Предательски обет нарушить хочешь брачный?
Подумай наконец о будущности мрачной
Твоих детей. Кому доверишь ты сирот?
Тому, кто случая давно такого ждет,
Чтобы отнять права у твоего ребенка,
Тому, кого тебе на горе Амазонка
На свет произвела! И твой заклятый враг,
Надменный Ипполит...

Федра

О боги!

Энона

Ах, вот как!
Задела я тебя упреками своими?

Федра

Несчастная! Ты чье назвать посмела имя?

Энона

Я вижу, госпожа прогневалась? Ну что ж,
Пусть имя недруга тебя бросает в дрожь.
Быть может, этот гнев вернет царицу к жизни.
Живи! Ты жить должна, чтоб трон в своей отчизне
Наследовал твой сын. Ты жить должна! Живи
Во славу прав своих, и долга, и любви!
Живи, чтоб скифское отродье без пощады
Не растоптало цвет и гордость всей Эллады!
Но дорог каждый миг Надеждой вдохновись!
И тлеющий костер огнем взметнется ввысь!

Федра

Нет, жизнь греховная и так уж слишком длится.

Энона

Как! Угрызения томят тебя, царица?
Какая же, скажи, гнетет тебя вина?
Нет на твоих руках кровавого пятна.

Федра

Я преступлением не запятнала руки.
Но сердце... сердце... В нем причина этой муки!..

Э н о н а

Какой же замысел вынашиваешь ты,
Что сердцу мочи нет от смертной маяты?

Ф е д р а

И так я многое сказала — через силу.
Я умереть должна, чтоб тайну взять в могилу.

Э н о н а

Ну что же, умирай, молчанье храня.
Но правду ты должна услышать от меня:
Тебе своей рукой глаза я не закрою.
Опередив тебя, поспешною стопою
Сойду я в мир теней,— ведь там незаперт вход,
И скорбь моя туда кратчайший путь найдет.
Иль ты боишься мне довериться? Ужели?
Подумай: я тебя качала в колыбели,
Отчизну кинула из-за тебя, детей —
И сомневаешься ты в верности моей?

Ф е д р а

Признанье у меня ты вымогаешь страстно,
Но тайной овладеть страшись: она ужасна!

Э н о н а

Пусть! Самый для меня невыносимый страх,
Что можешь умереть ты на моих глазах.

Ф е д р а

И даже уступив расспросам столь упорным,
Я все равно умру,— умру с пятном позорным.

Э н о н а

Как умолить тебя? Скажи мне, госпожа!
Ослепшая от слез, от ужаса дрожа,
Целую я твои ослабшие колени.
Избавь рассудок мой от тяжких подозрений!

Ф е д р а

Встань!

Э н о н а

Не страшись! Ведь мы с тобой наедине.

Ф е д р а

Что ей скажу? С чего начну?

Э н о н а

Доверься мне!

Ф е д р а

О, рок! О, ненависть жестокой Афродиты!..
Проступки матери моей мной не забыты.

Э н о н а

Царица, в памяти своей их не храни.
Да будут преданы забвению они.

Ф е д р а

Обманута своей любовью безоглядной
Была моя сестра. Что сталось с Ариадной?..

Э н о н а

О госпожа! Зачем ведешь ты скорбный счет?
Зачем ты принялась порочить весь твой род?

Ф е д р а

Несчастный этот род богиней проклят гневной.
Последняя в роду, судьбой своей плачевной
Всем показать должна я Афродиты власть.

Э н о н а

Ты любишь?

Ф е д р а

Лютая меня терзает страсть!

Э н о н а

К кому?

Ф е д р а

Узнаешь все. Дрожа и негодуя,
Услышишь ты... Люблю... Не вымолвить... Люблю я...

Э н о н а

Кто он?

Ф е д р а

Он — тот, чей был так нестерпим мне вид,—
Сын Амазонки...

Э н о н а

Как!.. О боги! Ипполит?

Ф е д р а

Ты имя назвала.

Э н о н а

Ужель! О, стыд! О, горе!
О, род, погрязнувший в злосчастье и в позоре!
Зачем, зачем мы здесь? Не надо было нам
И близко подплывать к зловещим берегам!

Ф е д р а

Давно уже больна ужасным я недугом.
Давно... Едва лишь стал Тесей моим супругом
И жизнь открылась мне, исполненная благ,
В Афинах предо мной предстал мой гордый враг.
Я, глядя на него, краснела и бледнела,

То пламень, то озноб мое терзали тело,
Покинули меня и зрение и слух,
В смятенье тягостном затрепетал мой дух.
Тотчас узнала я зловещий жар, разлитый
В моей крови,— огонь всевластной Афродиты.
Умилостивить я пыталась божество:
Я ей воздвигла храм, украсила его;
Куря ей фимиам, свершая жертв закланья,
Я мнила, что она смягчит мои страданья.
Но тщетно было все — и фимиам и кровь:
Неисцелимая пришла ко мне любовь!
Я, вознося мольбы богине Афродите,
Была погружена в мечты об Ипполите.
И не ее — о нет — его боготворя,
Несла свои дары к подножью алтаря.
Я стала избегать его. Но все едино:
В чертах отца — увы! — я находила сына!
Тогда решилась я восстать против себя,
И, страсть преступную насильственно губя,
Любимого врага преследовать я стала.
Роль злобной мачехи искусно разыграла:
Упреки, жалобы — им не было конца.
И вынужден был сын покинуть дом отца.
Уехал он,— и тут настало облегченье:
Дни мирно потекли, ушло мое смятенье.
От мужа тщательно скрывая, что наш брак
Несчастлив, я блюла супружеский очаг,
Воспитывала я детей своих прилежно...
О, рок безжалостный!.. Борьба с ним безнадежна!
В Трезен, куда была мной сослана любовь,
Привез меня мой муж. Открылась рана вновь.
В крови пылал не жар, но пламень ядовитый,—
Вся ярость впившейся в добычу Афродиты.
Какой преступницей, каким исчадьем зла
Я стала для себя самой. Я прокляла
И страсть, и жизнь свою. Я знала: лишь могила
Скрыть может мой позор; я умереть решила.
Вняв просьбам и слезам твоим, тебе во всем
Призналась я теперь. И я не каюсь в том.
Но зная, что на смерть осуждена я роком,
Ты не тревожь меня ни стоном, ни упреком,
Не отговаривай, не вздумай помешать
И гаснущий костер не тщись раздуть опять.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Панопа.

Панопа

О госпожа, прости! Мне довелось явиться
С известьем горестным к тебе. Узнай, царица,
Что смертью взят наш царь и твой супруг, Тесей.
Об этом ведомо уже Элладе всей.

Энона

Как! Что ты говоришь, Панопа?

Панопа

Я сказала,—
Пусть госпожа не ждет царя. Его не стало.
Вошедшие сейчас к нам в гавань корабли
Царевичу ту весть с собою привезли.

Федра

О, небо!

Панопа

И теперь в волнении Афины.
О будущем царе сужденья не едины:
Те сына твоего хотят на трон возвесть,
Иные, госпожа, забыв закон и честь,
За сына пленницы стоят, за Ипполита.
Есть даже дерзкие, что говорят открыто,—
Пусть к власти будет род Палланта возвращен;
И требуют они для Арикии трон.
Мой долг был рассказать про эти все событья.
Назначил Ипполит час своего отплытья.
Явившись в пору смут, быть может, увлечет
Царевич за собой изменчивый народ?

Энона

Довольно. Ничего не надобно страшиться:
Предупреждениям твоим вняла царица.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федра, Энона.

Энона

Уже отчаявшись тебя отговорить,
Я жизни собственной прервать хотела нить.
Но изменилось все от новой злой напасти:

Царь умер,— на тебя ложится бремя власти.
Твой сын! Ты утвердить должна его права!
Он — раб, коль ты мертва, он — царь, коль ты жива.
Над ним нависшие кто отведет угрозы?
Поддержит кто? И кто ему осушит слезы?
Он будет звать тебя, но тщетным будет зов,—
И на тебя падет проклятие богов...
Живи! И прочь гони былые угрызенья:
Ведь страсть твоя теперь — лишь страсть, не
преступленье.
Смерть мужа твоего ту разорвала связь,
Из-за которой ты, себя самой стыдясь,
Хотела умереть. Разрушена преграда,
Тебе с царевичем встреч избегать не надо.
Боясь твоей вражды, быть может, госпожа,
Он стал бы в эти дни главою мятежа.
Ты разуверь его и путь закрой к измене.
Пусть он останется властителем в Трезене,
Но ведомо ему, что лишь твой старший сын
По праву может стать властителем Афин.
От общих недругов оплот мы с ним построим:
Ведь Аркия — враг, опасный вам обоим.

Федра

Ну что ж, послушаюсь тебя. Останусь жить,
Коль к жизни плоть мою не поздно возвратить.
Пусть мысль, что сыну я нужна, вернет мне силы
И отведет меня от рубежа могилы.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аркия, Исмена.

Аркия

Что говоришь ты мне? Что хочет Ипполит
Со мной увидеться? Проститься он спешит?
Ошиблась, верно, ты. Не может быть, Исмена!

Исмена

Поверь, царевна. В нем свершилась перемена,
Когда услышал он о гибели отца.

Тесея нет,— и ты влечешь к себе сердца.
Не Арикия ль здесь законная царица?
Знай, скоро вся к тебе Эллада устремится!

А р и к и я

Так это, стало быть, не ложь, не звук пустой?
Я больше не раба, и сгинул недруг мой?

И с м е н а

За братьев за твоих отмстили олимпийцы,
И ныне тени жертв встречают тень убийцы.

А р и к и я

Не слышала ли, как свои он кончил дни?

И с м е н а

Есть слухи разные. Так, говорят одни,
Что, где-то новую найдя себе подругу,
Бежал он с ней и что неверному супругу
Могилой стало дно морское. Слух другой —
Что будто бы вдвоем Тесей и Пирифой,
Дабы увидеть то, что от живых сокрыто,
Проникли в мир теней, на берега Коцита,
Вернуться ж не смогли опять на белый свет:
Кто раз туда попал, тому возврата нет.

А р и к и я

Ужели на земле есть человек, способный
До смерти, заживо, проникнуть в мир загробный?
И чем Тесея мог тот страшный мир привлечь?

И с м е н а

Царевна, мертв Тесей,— сейчас об этом речь.
Вся знать афинская известием убита.
Трезен уже избрал на царство Ипполита,
А Федра от своих испуганных друзей
Советов мудрых ждет: ей страшно за детей.

А р и к и я

Не думаешь ли ты, что повелитель новый
Добрее, чем Тесей? Что он мои оковы
Захочет облегчить?

И с м е н а

Конечно, облегчит.

А р и к и я

Ты знаешь ли, каков бездушный Ипполит?
Откуда у тебя взялась мечта пустая,
Что он, весь женский пол надменно презирая,
Окажет милость мне? Ты видела не раз,
Как уходил он прочь, едва заметив нас.

И с м е н а

Что он суров и горд, я знала по рассказам.
Вот почему за ним слежу я зорким глазом
И утверждать берусь, что не совсем права
О неприступности царевича молва.
Впервые увидав его с тобою рядом,
Я вмиг заметила, как под твоим он взглядом
Смутился, и скажу ему я не в укор,
Что не суровым был в тебя вперенный взор.
Да не обидится царевич непреклонный:
Хоть о любви молчал, глядел он как влюбленный.

А р и к и я

Пусть оснований нет таким словам твоим,—
Я жадно, сердцем всем, прислушиваюсь к ним.
Воображала ль ты, меня так долго зная,
Что скорбная душа, душа моя больная,
Которую избрал своей игрушкой рок,
Не избежит любви и всех ее тревог?
Меня, последнюю в роду, что вел начало
От матери-земли,— меня лишь не пожрала
Кровавая война: погибли в ней мои
Шесть братьев-юношей, цвет царственной семьи.
Коса скосила всех. С великой скорбью Гея
В себя впитала кровь потомков Эрехтея.
Строжайший объявил указ Тесей, наш враг,—
Чтоб не мечтал никто вступить со мною в брак:
Роди я сыновей, дрожал бы он от страха,
Что наш мятежный род воспрянет вновь из праха.
Ты знаешь, встретила с презреньем я каким
Указ, объявленный гонителем моим:
Я, незнакомая тогда еще с любовью,
Обрадовалась лишь Тесееву условью,
Почтя, что чистоту оно мне сохранит.
И вот передо мной предстал вдруг Ипполит.
Нет, не сверкающей пленилась я приманкой,
Не красотой его, не царственной осанкой,—
Природы щедрыми дарами наделен,
Тех преимуществ сам в себе не ценит он,—
Меня душевное пленило благородство.
С прославленным отцом храня в высоком сходство,
Не унаследовал он низких черт отца.
Тем больше этого люблю я гордеца,
Что он не знал любви. Я б не могла, как Федра,

Тесеем чваниться,— любимым, что так щедро
Свою привязанность всем встречным раздает.
Войти в то сердце, где для всех незаперт вход!
Завидной не могу почесть такую долю.
Вот если бы согнуть негнущуюся волю!
Неуязвимый дух пронзить стрелой скорбей!
Навек сковать того, что не знавал цепей!..
Победа над каким героем знаменитым
Сравнится с торжеством любви над Ипполитом?
И чем труднее путь к такому торжеству,
Тем мне ценней оно. В мечтах о нем живу!
Исмена, милая! Увы, моя отвага,
Я знаю и сама, не принесет мне блага,—
Для торжества над ним моих не хватит сил.
От гордости его, которой он мне мил,
Замучусь я. Увы! Моя судьба плачевна.
Ведь так?

И с м е н а

А вот он сам идет к тебе.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и И п п о л и т.

И п п о л и т

Царевна!
Перед отплытием явился я к тебе,—
О будущей твоей уведомить судьбе.
Отец мой мертв. В душе об этом знал давно я:
Исчезновению бесстрашного героя,
Что подвигами всю потряс земную твердь,
Могла причина быть единственная — смерть.
Собрату, спутнику, преемнику Алкида
Пришлось, покинув мир, сойти во мрак Аида.
Должна признать за ним все эти имена
И ты, хотя была при нем угнетена.
Сильна моя печаль, ей не пройти вовеки.
Одно отрадно: ты свободна от опеки.
Я отменил указ. Будь полной госпожой
Над сердцем ты своим и над самой собой.
В Трезене, где на власть я все права имею,
Где предку своему наследую, Питфею,

Где избран я в цари и где мне все — друзья,
Свободной будешь ты — свободнее, чем я.

Аркция

О государь! Боюсь, что к пленнице опальной
Ты слишком милосерд. Ты жребий мой печальный
Так изменить спешишь, что мне милее плен,
Чем ожидание грядущих перемен.

Ипполит

Афинам нужен царь. Кипят умы в столице.
Кто ж назван ими? Ты, я сам и сын царицы.

Аркция

Я?

Ипполит

Ведомо тебе, что древний есть закон,
По коему, раз я не эллинкой рожден,
Мне возбраняется владеть афинским троном?
Будь мне соперником лишь брат мой,— я б законом
Мог пренебречь, его забвению предав
Во имя истинных моих, всем ясных прав.
Однако твоему я уступаю праву:
Я должен передать афинскую державу
Тебе, наследнице династии былой,
Тебе, чей предок был рожден самой землей.
Мой дед, Эгей, царю был лишь приемным сыном.
Тесей принес почет, могущество Афинам,
За что его царем провозгласил народ.
Отвергнут и забыт был твой злосчастный род.
Теперь там ждут тебя. Владей своей державой!
Афины распрею утомлены кровавой,
Да и сама земля устала вновь и вновь
Пить собственных детей дымящуюся кровь.
Трезен останется под властью Ипполита,
Сын Федры — в будущем он повелитель Крита,
Но Аттика — твоя. Туда я должен плыть,
Дабы все помыслы к тебе лишь обратить.

Аркция

Я так поражена, что не найду ответа.
Уж не во сне ли мне пригрезилось все это?
Сплю? Бодрствую? Понять не в силах ничего.
Скажи мне, государь, какое божество
Твой замысел тебе внушило? Ведь по праву
Стяжал ты громкую себе повсюду славу.
И трон — мне отдаешь? Как рада б я была

Знать лишь о том, что ты не замышляешь зла,
Что не намерен ты безжалостно и гневно
Меня преследовать...

Ипполит

Преследовать, царевна?
Зло причинить тебе? Иль, чудеса творя,
Ты не смягчила бы и сердце дикаря?
Сколь ни хулит молва мое высокомерье,—
Я женщиной рожден, не чудище. не зверь я.
Иль мог я помешать, чтоб красота твоя...

Аркция

Как, государь?..

Ипполит

Себя невольно выдал я.
Увы, рассудок мой был побежден порывом.
Но, с ожиданием покончив терпеливым,
Со строгих уст сорвав безмолвия печать
И сердце обнажив, я должен продолжать.
Перед тобой — гордец, наказанный примерно.
Я тот, кто отклонял любовь высокомерно,
Не признавал ее началом всех начал,
Я, кто ее рабов надменно презирал,
Кто с жалостью глядел на тонущие души
В час бури, думая, что сам стоит на суше,—
Был сломлен, подчинен всеобщей был судьбе.
В смятенье изменил я самому себе.
Час пробил,— и мой дух свободный и суровый
Смирился и надел любовные оковы.
О, сколько в прошлом мук и сколько впереди!
Полгода как живу я со стрелой в груди,
Напрасно от нее избавиться мечтая.
Ты здесь — бегу я прочь; коль нет — ищу тебя я.
Куда б я ни пошел,— ты следуешь за мной:
Твой образ в заросли мне видится лесной;
Меня при свете дня, меня во мраке ночи
Запретная мечта терзает все жесточе...
Стараюсь избегать я сердца госпожу,
И что же — сам себя в себе не нахожу:
Душа занятьями былыми тяготится,—
Забыты скакуны, забыта колесница,
Не мчусь за зверем я с копьем наперевес,
И только вздохами я оглашаю лес...
Я напугал тебя признаньем неумелым?

Иль ты пристыжена тобой свершенным делом?
Поймала ты в свою пленительную сеть
Добычу странную. Есть от чего краснеть.
Да, страсть моя дика, слова просты. Нет нужды!
Ты вспомни, что язык любви — язык, мне чуждый.
Не смейся надо мной. Моя бессвязна речь,
Но знай,— лишь ты могла любовь во мне зажечь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Терамен.

Терамен
Царевич, следует сюда за мной царица.
Ей нужен ты.

Ипполит
Я?

Терамен
Что в ее уме таится,
Не знаю. Про отъезд прослышав близкий твой,
Желает перед тем поговорить с тобой.

Ипполит
Что Федре я скажу? К чему ее мне видеть?

Терамен
Отказом можешь ли сейчас ее обидеть?
Пусть много претерпел ты от ее вражды,—
Твой долг тень жалости явить к ней в час беды.

Ипполит *(Арикии)*
Перед отплытием с тобой не жду я встречи.
Какой мне дашь ответ на пламенные речи?
Захочешь ли принять дар сердца и души?

Арикия
Плыви, мой господин. Что обещал — сверши:
Признать владычество мое склони Афины.
Отвергнуть этот дар нет у меня причины.
Но знай, вновь возводя меня на трон отцов:
Трон — не щедрейший дар из всех твоих даров.

Арикия и Исмена уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ипполит, Терамен.

Ипполит

Все ли готово, друг? Сейчас придет царица.
Ступай же на корабль, вели поторопиться.
Распоряженья отдай и приходи,—
От этой тяготы меня освободи.

Терамен уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федра, Ипполит, Энона.

Федра *(Эноне)*

Вот он!.. Вся кровь на миг остановилась в жилах —
И к сердцу хлынула... И вспомнить я не в силах
Ни слова из того, что нужно мне сказать.

Энона

Но ты должна спасти свое дитя,— ты мать!

Федра *(Ипполиту)*

Ты покидаешь нас? Не сетуй на докуку,
Но я к твоим скорбям свою прибавлю муку:
За сына я боюсь! Лишился он отца.
Увы, недолго ждать и моего конца.
Вокруг него — врагов завистливая свора,
И только ты ему защита и опора.
Но мысль ужасная мой угнетает дух:
Что к жалобам его останешься ты глух,
Что, ненавидя мать,— а есть тому причина,—
Свой справедливый гнев обрушишь ты на сына.

Ипполит

Так низко поступить, царица, я б не мог.

Федра

О, ненависть тебе не ставлю я в упрек:
Ты от меня терпел обиды и гоненья.
Но сердца моего ты знал ли побужденья?
Я не могла снести, чтоб ты жил там, где я,
И ты отправлен был в далекие края;
Я говорила всем и тайно и открыто:

Пусть отделят моря меня от Ипполита.
На самом имени твоем лежал запрет —
И все из-за меня. Изведав столько бед,
Отмщенье мог бы ты с обидой соразмерить
И злом воздать за зло. Но можешь мне поверить,
Что, пораженная несчастьем, я скорей
Достойна жалости, а не вражды твоей.

Ипполит

Я знаю: матери живут всегда в тревоге
За собственных детей; и если на дороге
У сына — пасынок, то мачехе он враг.
Как правило, чреват сомненьем новый брак.
Другая женщина была б на этом месте,—
Как знать, не больше б я терпел от женской мести?

Федра

По милости небес всеобщий сей закон
Не властен надо мной. Увы, мой дух смущен
Другой тревогою. И от нее не скрыться...

Ипполит

Ты раньше времени тревожишься, царица.
Быть может, твой супруг, по счастью, жив и здрав,
И боги нам его, моленьям нашим вняв,
Вернут? Достаточно у Посейдона власти,—
Любимца своего спасет он от напасти.

Федра

Двукратно не войти в обитель мертвецов,
И если там Тесей, пощады от богов
Не жди. Ужель Аид нарушит свой обычай
И алчный Ахерон расстанется с добычей?
Но что я говорю! Тесей не умер! Он —
Со мною рядом... Здесь!.. В тебе он воплощен...
Его я вижу, с ним я говорю... Мне больно!
Свое безумие я выдала невольно.

Ипполит

Поистине, любовь есть чудо из чудес!
Тесея видишь ты, тогда как он исчез.
Как любишь ты!

Федра

Ты прав! Я, страстью пламенея,
Томясь тоской, стремлюсь в объятия Тесея.
Но Федрою любим не нынешний Тесей,
Усталый ветреник, раб собственных страстей,
Спустившийся в Аид, чтоб осквернить там ложе

Подземного царя! Нет, мой Тесей моложе!
Немного нелюдим, он полон чистоты,
Он горд, прекрасен, смел... как юный бог!.. Как ты!
Таким приплыл на Крит Тесей, герой Эллады:
Румянец девственный, осанка, речи, взгляды,—
Всем на тебя похож. И дочери царя
Героя встретили, любовь ему даря.
Но где был ты? Зачем не взял он Ипполита,
Когда на корабле плыл к побережью Крита?
Ты слишком юным был тогда — и оттого
Не мог войти в число соратников его.
А ведь тогда бы *ты* покончил с Минотавром
И был за подвиг свой венчан победным лавром!
Моя сестра *тебе* дала бы свой клубок,
Чтоб в Лабиринте ты запутаться не мог...
Но нет! Тогда бы я ее опередила!
Любовь бы сразу же мне эту мысль внушила,
И я сама, чтоб жизнь героя сохранить,
Вручила бы тебе спасительную нить!..
Нет, что я! Головой твоею благородной
Безмерно дорожа, я нити путеводной
Не стал б доверять. Пошла бы я с тобой,
Чтобы твоя судьба моей была судьбой!
Сказала б я тебе: «За мной, любимый, следуй,
Чтоб умереть вдвоем или прийти с победой!»

И п п о л и т

Опомнись! У тебя душа помрачена:
Ведь я Тесею — сын, а ты ему — жена!

Ф е д р а

Опомниться? Ты мнишь — мне память изменила?
Свое достоинство я разве уронила?

И п п о л и т

Тебя не понял я. Меня терзает стыд.
Но верю, что вину царица мне простит,
Хоть я и заслужил суровые упреки.
Я ухожу...

Ф е д р а

О нет! Все понял ты, жестокий!
Что ж, если хочешь ты, чтоб скорбь свою и боль
Я излила до дна перед тобой,— изволь.
Да, я тебя люблю. Но ты считать не вправе,
Что я сама влеклась к пленительной отраве,

Что безрассудную оправдываю страсть.
Нет, над собой, увы, утратила я власть.
Я, жертва жалкая небесного отмщенья,
Тебя — гневлю, себе — внушаю отвращенье.
То боги!.. Послана богами мне любовь!..
Мой одурманен мозг, воспламенилась кровь...
Но тщетно к небесам я простираю руки,
Взирают холодно они на эти муки.
Чтоб не встречать тебя, был способ лишь один,
И я тебя тогда изгнала из Афин.
Ждала я, что в тебе укоренится злоба
К твоей обидчице — и мы спасемся оба.
Да, ненависть твоя росла, но вместе с ней
Росла моя любовь. К тебе еще сильней
Влекли меня твои безвинные мученья;
Меня сушила страсть, томили сновиденья.
Взгляни — и ты поймешь, что мой правдив рассказ.
Но нет, ты на меня поднять не хочешь глаз.
Кто б из живых существ мой жребий счел завидным?
Не думай, что с моим признанием постыдным
Я шла сюда к тебе. О нет, просить я шла
За сына, чтоб ему не причинял ты зла.
А говорю с тобой лишь о тебе... О, горе!
Тобой я вся полна, и с сердцем ум в раздоре.
Что ж, покарай меня за мой преступный пыл.
Немало твой отец чудовищ истребил;
И ты с лица земли сурово и жестоко
Сотри чудовище, исчадие порока,
Тесееву вдову, томимую — о, стыд! —
Любовью к пасынку! О, пусть твой меч пронзит
Ей сердце грешное, что жаждет искупленья
И рвется из груди к мечу, орудью мщенья!
Рази!.. Иль облегчить моих не хочешь мук?
Иль кровью мерзкою не хочешь пачкать рук?
Что ж, если твоего удара я не стою,
И не согласен ты покончить сам со мною,—
Дай меч свой!..

Э н о н а

Госпожа! Что делаешь? Постой!..
Сюда идут. Ужель позор откроешь свой
Ты при свидетелях? Бежим! Бежим скорее!..

Федра и Энона уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ипполит, Терамен.

Терамен

Кто так спешил уйти? Никак, вдова Тесея?
И, ей сопутствуя, верней, ее влача,
Энона?.. Что с тобой? Как бледен!.. Без меча!

Ипполит

Бежим, мой Терамен! Ужасное открытье!
Я страшен сам себе. Как мог предположить я,
Что Федра... Но мой долг — забыть... О боги!.. Нет,—
Пусть тайна мрачная не выползет на свет.

Терамен

Коль хочешь плыть,— корабль готов надуть ветрила.
Но знай, что выбор свой столица объявила:
Старейшины Афин согласны все в одном,—
Что должен в Аттике сын Федры стать царем.

Ипполит

Сын Федры?

Терамен

Посланный явился из столицы,
Дабы державные бразды вручить царице.

Ипполит

О боги! Ведомо вам все. Так что ж, она
За добродетели свои награждена?

Терамен

Меж тем неясный слух опять блуждает в мире:
Что будто жив Тесей, что будто он в Эпире.
Но я его искал. Пустая это речь.

Ипполит

И все ж мы слухами не смеем пренебречь.
До их источника, коль будет то возможно,
Добраться мы должны. Когда ж известье ложно,
То в путь, дабы мое усердье помогло
Короной увенчать достойное чело!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Федра, Энона.

Федра

Зачем мне почести? Тщеславию чужда я.
Зачем, опять о них твердя, надоедая,
Тиранишь ты меня? Хочу я одного:
Не говорить ни с кем, не видеть никого.
От слов, мной сказанных, я корчусь, как от боли.
Мой ужас выпущен наружу. Он на воле!..
А как, как слушал он, жестокий Ипполит!
Как ускользнуть хотел! Как долго делал вид,
Что не понять ему... Понять же удостоив,
Как густо покраснел, мой этим стыд удвоив!
Зачем к небытию ты мне закрыла путь?
Когда себе вонзить хотела меч я в грудь,
Он разве побледнел? Он вырвал ли оружье
Из рук моих? Бровей бесстрастных полукружья
Не дрогнули. И меч назад он взять не смог:
Моим касанием был осквернен клинок.

Энона

Ты упиваешься тоской, тебя гнетущей,
Не гасишь ты огонь, но раздуваешь пуще.
Но вспомни, что в тебе кровь Ми́носа течет.
Ты обретешь покой среди иных забот.
Неблагодарный! Пусть он прочь бежит бесславно.
Ты царствуй! Управляй страной самодержавно.

Федра

Увы! Мне — царствовать? Мне — управлять страной?
Когда мой слабый ум не управляет мной!
Когда над чувствами своими я не властна!
Когда едва дышу! Когда желаю страстно
Лишь смерти!

Энона

Уезжай!

Федра

Нет сил расстаться с ним.

Энона

Однажды изгнан был указом он твоим.

Ф е д р а

То время позади. Оно не возвратится.
Стыдливой гордости перейдена граница:
Уже про свой позор сказала я ему,
Надежды слабый луч уже прорезал тьму.
Когда уж был готов мой дух расстаться с телом,
Ты — льстивой хитростью, *ты* — настояньем
смелым,
Во мне желанье жить *ты* пробудила вновь,
Взманила ты меня надеждой на любовь.

Э н о н а

Несчастиям твоим я иль не я виною,—
Мне только бы тебя спасти, любой ценою.
Но как беспамятны влюбленные сердца!
Ужель забыла ты презренье гордеца?
И взгляд, где не было сочувствия ни тени,
Хоть ты пред ним едва не пала на колени?
Все эти мелочи забыты, прощены?
Когда б ты поглядеть могла со стороны!..

Ф е д р а

Ты за бесчувственность судить его не вправе:
Он переменится. Воспитанный в дубраве,
Он дик, как дикий лес. Кто говорил в глуши
Ему о нежности? Касался струн души?
Быть может, Ипполит молчал от удивленья?
Ведь слышал в первый раз он страстные моленья...

Э н о н а

По матери он — скиф; дикарство тут в крови.

Ф е д р а

Пусть скифянкой рожден, он все же — плод любви!

Э н о н а

Отверг он женский пол, не хочет с ним и знаться.

Ф е д р а

Ну что ж, не нужно мне соперниц опасаться.
Молчи! Не отвратишь любовную напасть:
Мой ум безмолвствует, повелевает — страсть.
В неуязвимую для стрел любви твердыню
Поищем путь иной... Задеть его гордыню?
Да!.. Нет сомнения, что он честолюбив.
Намерений своих ни от кого не скрыв,
Он снарядил ладьи и плыть готов к Афинам.
Что ж, коль я захочу,— он станет властелином.
Ступай,— сверканием державного венца

Прельсти и зачаруй младого гордеца.
Пусть на его челе красуется корона.
А мне не почести, мне нужен — он, Энона!
Ненужную мне власть я передам ему.
Заменит пусть отца он сыну моему,
Научит властвовать. Скажи ему открыто:
Отныне сын и мать во власти Ипполита.
Испробуй все. Ищи, где послабей броня.
Скорей послушает тебя он, чем меня.
Все обещай — все мной одобрено заглазно.
Проси! Настаивай! Раскинь силки соблазна!
Пусти рыданья в ход, и вопли, и мольбы!..
Ступай! Я буду ждать решения судьбы.

Энона уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Федра.

Федра
Как я унижена! Каким стыдом покрыта!
Что ж, празднуй надо мной победу, Афродита.
Попали стрелы в цель — они в моей груди.
Так сжалься надо мной! Довольно! Пощади!
Иль новых жаждешь ты триумфов, Афродита?
Тогда всю мощь свою обрушь на Ипполита:
Вот кто твой лютый враг, вот кто неуязвим
Досель до стрел любви; пред алтарем твоим
Кощунственных колен не преклонив доныне,
Не хочет он и знать о сладостной богине.
Отмсти ему за нас с тобой. Пусть он, любя...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Федра, Энона.

Федра
Как! Ты вернулась? Он... не выслушал тебя?
Энона
Ты страсть греховную должна забыть, царица.
Пусть в сердце чистота былая возродится.
Тесей, которого оплакивали,— жив.

Он скоро будет здесь. Дворец твой окружив,
Народ приветствует прибытие владыки.
Я шла к царевичу. Вдруг радостные клики...

Федра

Супруг мой жив... Молчи! Напрасных слов не трать.
Любовь, которую должна была скрывать,
Открыла я. Он жив. Ты все уже сказала.

Энона

Но, госпожа...

Федра

Тебе я с самого начала
Предсказывала все. Ты спорила со мной.
За слабость заплачу я дорогой ценой:
Когда б не поддалась твоим я уговорам,
Я с честью б умерла,— теперь умру с позором.

Энона

Умрешь?

Федра

О, небеса!.. Сейчас придет сюда
Мой муж, с ним — сын его. И моего стыда,
Паденья моего ужасного свидетель
Увидит, как жена, живая добродетель,
На мужа изольет тот нежных чувств поток,
Которым пасынок надменно пренебрег!
Ты думаешь, что из сыновнего почтенья
Не скажет он отцу об этом преступленье?
Что даст он мачехе бесчестить царский трон?
Что скрыть, как я ему мерзка, сумеет он?
Да если бы и так! Ведь мне самой известно
Мое предательство. Нет, я не так бесчестна,
Как те искусницы, что, ловко скрыв свой грех,
Глядят невинно и бестрепетно на всех.
Позор моей любви, позор моей измены
Меня преследует. Мне мнится, эти стены
Должны заговорить, когда войдет Тесей,
И остеречь его: «Не верь жене своей!»
Смерть! Вот прибежище от всех моих несчастий.
И страшно ль умереть, когда душа во власти
Таких ужасных мук? Нет, смерть мне не страшна...
Не запятнала б лишь мне имени она...
О, сыновья мои! Ужель я ваше детство
Сгублю, свой черный стыд оставив вам в наследство?..
Кровь Зевса в них течет. Ужели суждено,

Чтоб материнский грех, как грязное пятно,
Отметил их навек? Ужель они однажды
Услышат, от какой неутолимой жажды
Погибла я? И грех, что совершила мать,
Детей заставит взор стыдливо потуплять?..

Э н о н а

Все так и сбудется. И сетованья эти
Оправданы: за грех стыдом заплатят дети.
Зачем же, госпожа, зачем, детей губя,
Решила донести ты на саму себя?
Пойдет молва,— молве доступна разве жалость? —
Что Федра грешница, что мужа убоялась...
И знай: кто будет рад, так это Ипполит,—
Смерть Федры все его рассказы подтвердит.
Как обвинения его смогу отвесть я?
Как защищу твою я память от бесчестья?
Коль всем и каждому, повсюду и везде
Начнет рассказывать он о твоем стыде,
Что делать мне тогда? Что? Слушать бессловесно?
Нет, лучше пусть меня гром поразит небесный!
Признайся мне — твой жар ужели не угас?
Ужели дорог он тебе и посейчас?

Ф е д р а

Нет, он чудовище! Мне вид его ужасен!

Э н о н а

Ты знаешь — он твой враг. И этот враг опасен.
Зачем же ты врагу уступишь торжество?
Нет, первой нападн и обвини его
В своем же собственном, столь тяжком прегрешенье.
Всё, всё против него. Всё: и твое смятенье,
И меч, по счастью им оставленный тебе,
И то, что некогда царь, вняв твоей мольбе
Изгнал его...

Ф е д р а

О нет, я клеветать не стану!

Э н о н а

Я все скажу сама, а ты молчи... К обману
Прибегну, совести наперекор своей.
О, встретить легче бы мне тысячу смертей!
Но как тебя спасти? Нет способа другого!
А я ради тебя на все, на все готова.

Я все скажу царю. Я верю, что Тесей
Отмстит обидчику за честь жены своей
Изгнаньем лишь: отец, свое карая чадо,
Останется отцом; тревожиться не надо.
Но если даже кровь прольется... Что ж, тогда
Обезопасим честь свою мы навсегда.
О, честь! Нет ничего дороже во вселенной!
Иди на все, дабы сберечь сей дар бесценный.
Чтоб честь была твоя без пятнышка для всех,
И добродетелью пожертвовать не грех...
Чу!.. Кто сюда идет?.. Тесей!

Федра

Он с Ипполитом...
Погибла я! С каким презреньем неприкрытым
Враг на меня глядит. Вверяюсь я тебе.
Я позаботиться не в силах о себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Тесей, Ипполит, Терамен.

Тесей

Итак, настал конец гоненьям рока злого.
Я вновь могу обнять...

Федра

Молчи, Тесей! Ни слова!
Нет, слышать не могу я ласковых речей.
Не стою я любви и нежности твоей.
Ты оскорблен. К тебе я подойти не смею.
В твое отсутствие нанесть удар Тесею
Через его жену рок злобный захотел.
Скрываться ото всех — вот мой теперь удел.

Федра и Энона уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тесей, Ипполит, Терамен.

Тесей

Не странную ль жена мне оказала встречу,
Мой сын?

Ипполит

Отец, тебе на это не отвечу.
Откроет тайну пусть сама твоя жена.
Но просьба, государь, есть у меня одна:
От твоего двора позволь мне удалиться,
Дабы со мною впредь не виделась царица.

Тесей

Ты нас покинешь, сын?

Ипполит

С ней встреч я не искал.
Ты бросил якорь свой здесь, у Трезенских скал,
И мне, пред тем как вновь уйти на зов стихии,
Мне о своей жене и с ней об Арикии
Заботы передал. Я был защитник им.
Но при дворе ужель я так необходим?
Отец! Чем юность я свою ознаменую?
Не все же тешиться, гоняя дичь лесную;
Ужели не найду достойней цели я
Для острых стрел своих, для своего копья?
В мои лета уж ты одерживал победы:
Уже чудовища, злодеи, людоеды
Тесеевой руки почувствовали мощь.
Уже с прибрежных скал, из придорожных рощ
Всю нечисть вымел ты,— и путник безопасно
Шел там, где раньше смерть грозила ежечасно;
Геракл, узнав о том, что совершил Тесей,
Смог отдых наконец дать палице своей.
А я, твой сын, когда сравняюсь в славе звонкой
Хотя бы с матерью моею, с Амазонкой?
Дозволь и мне, отец, пуститься в славный путь!
И коль чудовище найдется где-нибудь,
Не истребленное в былые дни Тесеем,
Тогда вернусь к тебе с почетным я трофеем —
Со шкурой чудища. А коль паду в бою,—
Пусть в Ипполите мир признает кровь твою.

Тесей

Что вдруг произошло со всей моей семьею?
Все в ужасе дрожат перед своим главою,
Все разбегаются. Коль я так страшен всем,
Зачем вы, небеса, спасли меня? Зачем?
Испытанный мой друг, единственный друг в мире,
В жену властителя, что царствовал в Эпире,
Влюбившись пламенно, решил ее украсть.

Хотя не одобрял я пламенную страсть,
Мне помогать ему велел союз наш дружный.
Рок ослепил нас. Я был связан безоружный.
Я видел, как погиб несчастный Пирифой,
И слышу до сих пор чудовищ лютых вой,—
Им друга моего царь отдал на съеденье.
Меня же изверг тот обрек на заточенье.
Томился в темной я щели, в краю теней,
Полгода. Небеса во благости своей
Мне дали ускользнуть от бдительности стражей.
Тотчас же на дворец обрушился я вражий,
Чудовищ накормил я мясом их царя
И поспешил домой, богов благодаря.
Но мог ли встречу я предполагать такую?
Я к сердцу всех прижать хочу, душой ликую...
Увы, рассыпались мои надежды в прах.
Все в ужасе! И сам я ощущаю страх,
Увидев бледные, испуганные лица.
Мой дом страшнее, чем эпирская темница.
От Федры узнаю, что оскорблен. Но кем?
И за меня никто не отомстил? Ты нем!
Ответа у чужих мне домогаться надо?
Ужель так мало мне обязана Эллада,
Что в ней нашел приют мой враг? А сын — молчит!
Не заодно ли уж с врагом мой Ипполит?
Что ж медлю я? Войду — и все мои сомненья
Пусть Федра разрешит: какое оскорбленье
Тесею нанесли и кто его нанес?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ипполит, Терамен.

Ипполит

О, ужас!.. Что она ответит на вопрос?
Ужель признается в своей постыдной страсти?
На самое себя обрушит все напасти?
О, небеса! Как царь поступит? Что нас ждет?
Ужель любовный яд погубит весь наш род?
Я сам — каким я был, и стал каким теперь я?

И я не оправдал отцовского доверья:
Люблю я ту, кого любить запрещено.
Что будет? Странно мне: ужель любить грешно?..
Но надобно спешить. Найдя удобный случай,
Отцу откроюсь. Царь, суровый и могучий,
Какую б ни имел над подданными власть,—
Не властен погасить в моем он сердце страсть.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тесей, Энона.

Тесей

Позор!.. Предательство!.. О, страшное известье!
Мне, своему отцу, готовил он бесчестье!
Меня преследует неумолимый рок.
Что делать мне?.. Как быть?.. Я духом изнемог...
Вот благодарность мне за нежные заботы!
Чернейший замысел! Подлейшие расчеты!..
И чтобы гнусную свою насытить страсть,
С оружием в руках осмелился напасть!
Я этот меч узнал. Он был подарен мною,
Но разве для того, чтобы служить разбою?
Как надругался он, бессовестный злодей,
Над узами родства! И в доброте своей,
Щадя насильника, мне Федра не сказала...

Энона

Царь, Федра не его — тебя оберегала.
Царица, видя страсть, пылающую в нем,
Объята ужасом, раздавлена стыдом,—
Узнай, о государь,— уже была готова
В страну теней сама пожаловать, без зова,—
И смертоносное блеснуло лезвеё.
Но все ж успела меч я вырвать у нее.
Когда в тревоге царь, в отчаянье царица,—
Пусть и во вред себе,— могла ль я не открыться?

Тесей

Теперь я понял все. Предатель!.. То-то он
При нашей встрече был так бледен, так смущен.

Нет, не заметил в нем я радостного пыла,
И холодность его меня расхолодила.
Но страсть преступная давно ли в нем кипит?
Давно ли мачехе признался Ипполит?
Еще в Афинах?

Э н о н а

Царь, ты знаешь, как царице
Хотелось, чтобы он уехал из столицы.

Т е с е й

И здесь он за свое вновь принялся, как встарь?

Э н о н а

Тебе сказала я всю правду, государь.
Прости, но долее я быть с тобой не смею:
Царица в злой тоске, мне место рядом с нею.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е с е й, И п п о л и т.

Т е с е й

О боги! Вот и он!.. Кто догадаться б мог
По виду, что давно сроднился с ним порок?
Растленная душа!.. Меж тем в его обличье
Видны достоинство, суровое величье...
Как узнавать людей? Ах, если б длань судьбы
Печати ставила предателям на лбы!

И п п о л и т

Осмелюсь ли спросить, о государь могучий,
Что на твоем челе сгустило эти тучи?
И на кого должна обрушиться гроза?

Т е с е й

Злодей! Ты мне посмел попасться на глаза?
Нет, каково! Ты — ты, змееныш ядовитый,
Ты, гнусный выродок, последыш недобитый
Чудовищ, некогда искорененных мной,
Ты, мнивший овладеть отцовскою женой,
Осмеливаешься приблизиться к Тесею?
Не лучше ль было бы коварному злодею
Бежать отсюда прочь, за тридевять земель,
Где обо мне никто не слыхивал досель?

Беги, предатель! Прочь!.. И счет веди мгновеньям.
Не злоупотребляй моим долготерпеньем.
Знай,— сдерживаю гнев я свой не без труда.
На мне уже и так лежит пятно стыда,—
Мной порожден злодей. Свершив над ним расправу,
Свою посмертную я запятнал бы славу.
Беги! И чтоб собой не умножать числа
Поверженных моей рукой исчадий зла,
Остерегайся впредь, на миг хотя бы краткий,
Здесь появиться вновь. Беги! И без оглядки.
Чтоб не было твоей ноги в моей стране!
Исчезни навсегда! Ты ненавистен мне!..
О Посейдон! Я встарь прибрежную Элладу
Избавил от убийц и чудищ. Мне в награду
Ты волю первую мою пообещал
Исполнить как свою. Среди эпирских скал
Томился долго я в суровом заточенье,
Однако не просил тебя о вызволенье,
Хранил заветное желанье про запас,
Как скряга — золото; все ждал — настанет час...
И этот час настал! Прошу о правой мести!
Отмсти изменнику, врагу отцовской чести!
Кровавой карою за грех воздай ему —
И твой свирепый гнев как милость я приму.

И п п о л и т

Твоя жена винит меня в преступной страсти?
Душа раздавлена лавиною несчастий.
Столь неожиданный удар меня постиг,
Что не найти мне слов, окостенел язык.

Т е с е й

А! Ты надеялся, что Федра от смущенья
Смолчит о дерзости, о скотском вожделенье
И не отважится супруга остеречь?
Зачем же, убежав, ты ей оставил меч?
Иных не надобно наглядных доказательств.
Умней бы завершил ты цепь своих предательств,
Убив ее — она умолкла б навсегда.

И п п о л и т

Чужой внимая лжи, горю я от стыда.
И все же истины открыть тебе не смею
Из уважения к отцу, к царю Тесею.
Пусть будет в стороне печаль и боль твоя.
Но вспомни жизнь мою. И рассуди — кто я?

Проступок должен быть предтечей преступленья:
Кто может правило нарушить без зазренья,
Нарушит и закон, когда придет пора.
Свои ступени есть у зла, как у добра.
Кто с отроческих лет известен нравом скромным,
Погрязнет ли он вдруг в разврате неуемном?
Кто целомудрен, тот не может сразу стать
Кровосмесителем. Ты вспомни мою мать.
Рожден и выкормлен воительницей чистой,
Горжусь я тем, что я ее наследник истый.
Когда же с матерью расстался я своей,
Наставником моим мудрейший стал Питфей.
Достоинствами мне хвалиться не пристало,
Но если есть во мне и добрые начала,
Я первым среди них презренье помяну
К тому, что мне теперь вменяется в вину.
О строгости моей наслышана Эллада,
И в добром имени мне высшая награда.
Мой дух суров и горд. А сердце у меня
Едва ли в ясности уступит свету дня.
Чтоб гордый Ипполит в горячке сладострастной...

Тесей

Гордыня-то тебя и выдает, несчастный!
Твоей холодности причина мне ясна:
Лишь Федра горячит тебя, она одна!
Затем на прочих ты и смотришь равнодушно.
Невинная любовь,— ведь это пресно, скучно.

Ипполит

О нет!.. и мне пора сказать тебе, отец,
Что чистую любовь узнал я наконец.
И тут бы ты был прав, призвав меня к ответу —
За то, что полюбил я вопреки запрету,
За то, что царский твой нарушил я закон:
Я, сын твой, дочерью Палланта побежден.
Винюсь. И мне чужды желания другие,
Все помыслы мои — о юной Арикии.

Тесей

О, ложь! Ты грубую уловку применил:
Чтоб оправдать себя, себя ты обвинил.

Ипполит

Полгода уж, любя, с ней избегаю встреч я.
Я думал, что отца мое чистосердечье

Разубедит. Но нет,— и тут ты видишь ложь.
Быть может, от меня ты клятв ужасных ждешь?
Пусть небо и земля, пусть вечные стихии...

Тесей

Злодеев знаю я. Что клятвы их пустые?
Довольно! Времени напрасно не теряй,
Мне лженевинностью своей не докучай.

Ипполит

Отец, меня лжецом назвал ты многократно.
И Федра обо мне не судит столь превратно
В душе своей, как ты!

Тесей

В нем вовсе нет стыда!

Ипполит

Когда отправиться я должен и куда?

Тесей

Хоть за Геракловы столпы! — все ж слишком близко
Я буду от того, кем предан был так низко.

Ипполит

Безвинно вызвавший отцовскую вражду,
В чьем сердце, в чьей душе участье я найду?

Тесей

Найдешь у тех, кого приводят в восхищенье
Предательство, обман, разврат, кровосмешенье...
Возьми себе в друзья последних из людей,—
Им, верно, будет мил такой прелюбодей.

Ипполит

В кровосмешении винишь, в прелюбодействе!
Ну что же, я смолчу. Но вспомни о семействе,
К которому твоя жена принадлежит:
В ее, а не в моем роду был этот стыд.

Тесей

Ты забываешься! Ты отпустил поводья
У ярости своей. О злобное отродье!
Беги! Не искушай отцовской доброты.
Беги! Иль будешь мной с позором изгнан ты.

Ипполит уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тесей.

Тесей

Преступный сын! Бежишь ты к смерти неминучей.
Сам повелитель бурь, сам Посейдон могучий
Мне обещанье дал и выполнит его.
Беги! — казнящее настигнет божество!
Да, я тебя любил. Обиженный жестоко,
Я все же о тебе скорблю, скорблю глубоко.
Но мог ли я простить предателя, лжеца?
Так ни единый сын не оскорблял отца.
О боги! Вам видны страдания Тесея.
Как мог я породить подобного злодея?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Федра, Тесей.

Федра

О царь! Я в ужасе стою перед тобой.
Достиг моих ушей твой голос громовой.
Пришла я у тебя вымаливать пощаду:
Сдержись, не причиняй вреда родному чаду,
Не выполняй угроз ужасных. Коль прольешь
Сыновнюю ты кровь, меня ты обречешь
На неизбывную сжигающую муку
За то, что я твою не удержала руку.

Тесей

Не бойся: крови я сыновней не пролью.
Но сила высшая отмстит за честь твою.
Услышит Посейдон, морских глубин властитель,
Мою мольбу,— и твой погибнет оскорбитель.

Федра

Что, что? Твою мольбу услышит Посейдон?

Тесей

Ты опасаешься, что не услышит он?
Так присоедини к моим свои моленья,

Подробней опиши мне злое преступленье
И гнев мой чересчур холодный подогрей.
Еще не знаешь ты, что мерзостный злодей
Усугубил свой грех: не совестясь нимало,
Он объявил, что ты его оклеветала,
Что страстью одержим он не к моей жене,
Но к Арикии.

Федра

Что?

Тесей

Так объявил он мне.
Но мог ли веру дать я отговоркам лживым?
Настигнут будет он возмездьем справедливым.
Не медли, Посейдон! Я поспешу во храм,
И покровитель мой не будет глух к мольбам.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федра.

Федра

Ушел... Но страшное услышала я слово.
Едва потушенный, пожар пылает снова.
О!.. Роковая весть обрушилась, как гром!
Я бросилась его спасать. О нем одном
Я помнила в тот миг, я о себе забыла...
Энона в ужасе рыдала и молила,—
Напрасно. Совести суровой уступив,
Я шла сюда. К чему привел бы мой порыв?
Быть может,— хоть о том, помыслив, цепенею,—
Быть может, истину открыла б я Тесею?
И вот я узнаю, что любит Ипполит,
Что любит — не меня! Что он принадлежит
И сердцем и душой не мне, но Арикии!
О боги вечные! О боги всеблагие!..
Гордец отверг меня. И думала я так:
Он враг всем женщинам, самой любви он враг.
Но нет,— есть женщина (как я узнала ныне),
Что одержала верх над этою гордыней.
Так, значит, нежное тепло и страстный зной
Ему не чужды? Он жесток ко мне одной?
А я, безумная, спасать его бежала...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Федра, Энона.

Федра

Энона! Знаешь ли, что я здесь услыхала?

Энона

Не знаю. Но меня терзает страх, бьет дрожь.
Ужели до конца ты вправду доведешь
Свое намеренье? В смертельной я тревоге.

Федра

Знай: у меня была соперница.

Энона

О, боги!

Федра

Да, любит Ипполит! О, нет сомнений в том!
Надменный враг любви, гордец суровый, в ком,
Казалось, пробудить немыслимо участье,
Глухой к мольбам, к слезам, живой пример бесстрастья,
Жестокосердый тигр,— осилен, приручен.
Узнай,— хранил себя для Арикии он!

Энона

Для Арикии?

Федра

О!.. Иль вынесла я мало?
Но муки самой злой еще не испытала.
Все, что меня снести заставил Ипполит,
Все — страсть палящая и нестерпимый стыд,
Терзанья совести и жгучий страх разлуки,—
Все было слабым лишь предвестьем этой муки...
Меж них — любовь! А я — не знаю ни о чем!
Иль отвели глаза они мне волшебством?
Где это началось? Когда было начало?
Ты знала? Отвечай! Зачем мне не сказала?
Встречали их вдвоем? Где виделись они?
Должно быть, прятались в густой лесной тени!
Но что я? Вместе быть не всюду ль им доступно?
Иль совесть их корит? Иль чувство их преступно?
Их страсть взаимная чиста, и перед ней —
Бескрайняя чреда незамутненных дней.
А я,— как дети тьмы, отверженцы природы,
Я прятаться должна под каменные своды,
Мне избавленье даст лишь смерть,— вот мой оплот.
А в ожидании, пока она придет,

Питаюсь желчью я, слезами умываюсь.
Но на виду живу,— и вот я притворяюсь,
Я сладость горести вкушаю лишь тайком.
С отчаяньем в душе, но с поднятым челом
Величественные я принимаю позы,
Лишенная всех прав и даже прав на слезы.

Э н о н а

Их счастьем, госпожа, не растравляй себя:
Они жить будут врозь.

Ф е д р а

Но будут жить — любя!
Ведь даже в этот миг — мне сознавать ужасно! —
Их забавляет гнев ревнивицы несчастной.
Разлука им грозит, уже близка беда,
Но все же связаны их судьбы навсегда...
О нет! И мысль одну о счастье их любовном
Встречаю с яростью, со скрежетом зубовным!
Смерть Арикии!.. Смерть!.. Я мужу нашепчу,—
Сестру своих врагов отдаст он палачу.
Еще опаснее сестра, чем были братья!
Палима ревностью, сумею настоять я...
Постой!.. Что говорю? Лишилась я ума?
Ревную! И хочу признаться в том сама?
Тесею? Расскажу, как при живом я муже
Горю неистовой любовью... И к кому же?
О!.. Дыбом волосы встают от этих слов.
Нет, переполнилось вместилище грехов!
Я в любострастии повинна неуемном,
В кровосмешении, в обмане вероломном,
И льщу заранее я мстительность свою
Надеждою, что кровь безвинную пролью.
О!.. И земля еще меня не поглотила?
И смотрит на меня прекрасное светило,
Светило, от кого произошел мой род!
И синий на меня взирает небосвод,
Откуда предкам всем божественным видна я!
Где спрятаться?.. Пусть твердь раскроется земная!..
Да, да,— бежать в Аид! Лишь там укроюсь я...
Но что я? Мой отец — ведь он там судия!
И с дрожью ужаса услышит он, как Федра,
Сошедшая с земли в ее глухие недра,

Ему поведает свой беспредельный стыд,
Злодейства, о каких не знал досель Аид.
Отец! Ты в ужасе от дочери отпрянешь
И по грехам моим искать мне кару станешь,
Какой не ведали еще в краю теней,—
Сам будешь палачом для дочери своей.
Прости! Но лютый гнев безжалостной богини
Сгубил твою семью. И сгину я в пучине
Неискупимого, ужасного стыда.
Нет, преступленье мне не принесло плода.
Был рок враждебен мне вплоть до могилы хладной,
И в муках расстаюсь я с жизнью безотрадной.

Э н о н а

Царица, ложный страх ты от себя отбрось.
Все ошибаются, так в мире повелось.
Напрасно на себя ты призываешь кары.
Ты любишь. Что ж, судьба! Любви всевластны чары.
Иль не слыхала ты о волшебстве любви?
Ты разве первая? Богов ты не гневи.
Судили, видимо, так силы всеблагие:
Мы — люди, свойственны нам слабости людские.
Зачем под тяжестью любовного ярма
Так убиваешься? Ведь знаешь ты сама,
Что боги, за грехи суля нам наказанье,
Шли, как и мы, порой на прелюбодеянье.

Ф е д р а

Что слышу? О каких мне гнусностях твердят?
Ты долго ли в меня вливать свой будешь яд?
Несчастная! Меня ты искушаешь снова?
Уже была уйти из жизни я готова,—
Ты помешала мне. Сказала я прости
Своей любви, но ты пыталась нас свести.
Зачем вмешалась ты? Как смела Ипполита
Чернить перед отцом бесстыдно, ядовито?
Быть может, он умрет! Быть может, божество,
Мольбам Тесея вняв, уж обрекло его?
Уйди, чудовище! Мне мерзко быть с тобою.
Оставь наедине меня с моей судьбою.
Пусть небеса отмстят злодейке поделом!
Да будет казнь твоя вовеки образцом:
Да видят все, что ждет низкопоклонных тварей,
Потворствующих всем порокам государей,
Готовых слабости господ своих раздуть,

Готовых выровнять им к злодеянью путь!
Во гневе на дурных владык,— теперь я знаю,—
Им дарят небеса льстецов бесчестных стаю.
(Уходит.)

Э н о н а

Чтоб госпожу свою избавить от беды,
Я шла на все. И вот — награда за труды!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ипполит, Аркия, Исмена.

А р и к и я

Как! Стало быть, отец остался в заблужденье?
Ты промолчал? С себя не снял ты подозренье
Перед лицом его неистовых угроз?
Жестокий! Если уж потоки этих слез
Тебе — ничто, и ты решил меня оставить,—
Ступай! Но хоть не дай себя ты обесславить,
Сначала защити и жизнь свою и честь —
Пусть отвратит отец божественную месть
От головы твоей. Дай отповедь царице.
Ужель ты без борьбы уступишь клеветнице?
Открой Тесею все.

И п п о л и т

Ах! Иль не знаешь ты,
Как я оборонял себя от клеветы?
Но честь отцовская мне правоты дороже.
Не мог я запятнать родительское ложе,
Сказав всю истину. Чтоб мой отец краснел
Пред сыном? Лишь тебе я все сказать посмел —
Нет от любимой тайн. Ты знаешь все событья,
И те, что от себя предпочитал бы скрыть я.
Но не забудь, что ты мне поклялась молчать.
На милые уста я наложил печать,—
Чтоб до скончания веков они не смели
И слова проронить об этом страшном деле.
Нам надлежит вручить судьбу свою богам.
Я твердо верю в их благоволенье к нам.

И рано ль, поздно ли, но Федре нечестивой
Они свой приговор объявят справедливый.
Итак, ты поклялась,— ни слова никому.
Во всем же остальном я гневу своему
Дам волю. Вынужден бежать я из Трезена.
Беги со мной! Беги из тягостного плена,—
Здесь власть безжалостна и к истине глуха,
Здесь воздух напоен миазмами греха.
Не сразу хватятся тебя: моя опала
Все заняла умы, все души взволновала.
Не бойся! На меня ты положись вполне:
Ведь стража все еще подчинена лишь мне.
Получишь от меня друзей надежных в дар ты:
На помощь Аргоса и на поддержку Спарты
Мы можем уповать. Поведаем друзьям
О множестве обид, здесь учиненных нам.
Ужель позволим мы, чтоб Федра с ее сыном,
Дорогу преградив обоим нам к Афинам,
Присвоила права на наш наследный трон?
Вот — случай! Поспешим,— не повторится он.
Но ты колеблешься? Ужель моя отвага
Тебя страшит? Хочу я твоего лишь блага.
Я пламенем горю, ты ж холодна как лед!
Да, на тернистый путь беглец тебя зовет!

Аркция

Нет, что ты! Быть с тобой! — мне счастье только в этом,
Пусть будем изгнаны и всем забыты светом!
Но как же я могу бежать с тобой сейчас,
Коль узы брачные не связывают нас?
Я знаю — без вреда для чести, не краснея,
Могу свершить побег я из дворца Тесея:
Не в доме я родном, но у врага в плену,—
Кто бегство из тюрьмы поставит мне в вину?
Но если я решусь бежать с любимым вместе...

Ипполит

Не нанесет побег урона твоей чести.
Узнай же до конца о замыслах моих:
Не связаны ничем в несчастиях своих,
Отныне связаны да будем мы друг с другом:
Спасаясь от врага, последуй за супругом.
Союзы брачные свершаются порой
Без свадебных пиров. За городской стеной,

Где родичей моих священные могилы,
Есть капище. Его хранят благие силы.
Произнесенный там, ненарушим обет,—
Клятвопреступнику помилованья нет.
И кара за обман, известная заране,—
Крепчайшая узда для лживых обещаний.
Коль ты согласье дашь, сегодня в храме том
Торжественно свои мы судьбы сопряжем.
И бог, которому приносят жертвы в храме,
Да будет нам отцом и да пребудет с нами.
Обеты брачные произнесем свои
Пред Герой, что хранит покой и честь семьи,
Пред целомудренной, суровой Артемидой.
Да защитит нас Зевс божественной эгидой!

Аркция

Но вот сам царь! Беги! Скорей покинь дворец!
Чтоб наших замыслов не понял твой отец,
Я задержусь на миг. Не ожидай меня ты,
Пусть только будет мне надежный провожатый.

Ипполит уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тесей, Аркция, Исмена.

Тесей

О боги! Я сюда за истиной иду.
Ужели же и здесь ее я не найду?

Аркция *(Исмене)*

Все к бегству приготовь. Нам дороги мгновенья.

Исмена уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тесей, Аркция.

Тесей

Царевна! Как твое истолковать смущенье?
Что привести могло царевича сюда?

Арикия

Он, государь, со мной простился навсегда.

Тесей

Во взгляде этом есть неведомая сила:
Его надменную строптивость ты смирила.

Арикия

Ну что же, истины я, царь, не утаю:
Не унаследовал он ненависть твою.
Царевич притеснять не станет невиновных.

Тесей

Не расточал ли он тебе речей любовных?
Его слова — обман, обеты — звук пустой.
Знай: о любви твердил он не тебе одной.

Арикия

Он, государь?

Тесей

А ты поверила? Напрасно.
Иль ты его любовь делить с другой согласна?

Арикия

И ты позволил, царь, чтоб злая клевета
Чернила эту жизнь, что так ясна, чиста?
Ужель, в тенетах лжи запутавшись жестоко,
Не отличаешь ты невинность от порока?
Ведь чистота его, как солнце, всем видна,
И скрыта тучами лишь от тебя она.
Не перестану, царь, рыдать и заклинать я:
Не верь клеветникам! Сними с него проклятье!
Страшись, чтоб небеса, враждебные тебе,
Не вняли тотчас же безжалостной мольбе,
Страшись стать жертвою своей же злобы ярой:
Нередко дар богов бывает божьей карой.

Тесей

Я убеждаюсь в том, как ловок Ипполит.
Ты мнишь спасти лжеца? Любовь тебя слепит,
Не различаешь ты порок и добродетель.
Есть доказательства, есть не один свидетель.
Я видел — видел сам! — потоки горьких слез.

Арикия

Ах!.. Многим тварям злым, царь, головы ты снес,
Но все ж судьба спасла от грозного Тесея

Одно чудовище... Сказать тебе яснее
Я не вольна: твой сын решил щадить отца,
Я предала б его, сказав все до конца.
Напрасны были бы твои все настоянья:
Беря с него пример, я сохраню молчанье.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тесей.

Тесей
Что б это значило? Загадочная речь!
Задумала меня на ложный след увлечь?
Ужель они меня обманывают оба?..
Но гаснет гнев во мне, и остывает злоба,
И жалость робкая свой голос подает.
Да!.. Все ли я узнал? И все ли взял в расчет?
Сомнения меня волнуют непривычно...
Энону надобно мне допросить вторично,
Узнать в подробностях, что совершилось тут.
Эй, стража!.. Пусть ко мне Энону приведут.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тесей, Панопа.

Панопа
О царь! Не знаю, что задумала царица,
Но будь настороже: боюсь, беда случится
В неописуемом отчаянье она.
Черты искажены, как смерть она бледна.
Энону прогнала. Та вне себя от горя
Погибель обрела в несытой бездне моря,
Быть может, поплатясь за некую вину.
Но тайна канула в морскую глубину.
Тесей
Что слышу?
Панопа
Эта смерть не принесла царице
Успокоения. Ее душа томится.
То прижимает вдруг она к груди своей,

Слезами исходя, малюток сыновей,
То в исступлении, с безмерною тоскою,
Отталкивает их дрожащею рукою.
Не ведает, куда свой направляет шаг.
В невидящих ее глазах — могильный мрак.
Три раза написать послание пыталась,
Но, лишь начав, рвала... О царь! Яви к ней жалость!
Иди к ней! Гибельный уж недалек исход!

Тесей

Энона умерла, и Федра смерти ждет.
Что думать должен я теперь об Ипполите?
Эй!.. Сына моего скорее позовите!
Пусть оправдается. Я выслушать готов.

Панопа и стража уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тесей.

Тесей

О Посейдон! Молю, на мой откликнись зов!
Свое жестокое свершить благодеянье
Не торопись! Забудь о злом моем желанье!
Я легковерен был, спешил... И в страхе жду...
Не сам ли на себя накликал я беду?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тесей, Терамен.

Тесей

А, Терамен! Но где мой сын? Ты, верно, прячешь
Питомца своего? Но что это,— ты плачешь?
Где сын?..

Терамен

Любовь к нему слышна в словах твоих.
Но слишком поздно, царь. Знай,— нет его в живых!

Тесей

О боги!..

Терамен

Пред тобой свидетель безутешный.
Погиб прекраснейший! Окончил жизнь безгрешный!

Тесей

Погиб!.. Уже к нему объятья я простер.
Но суд небесный был безжалостен и скор...
Но где? Какой удар обрушили стихии?

Терамен

Лишь миновали мы ворота городские.
Он колесницею своею управлял.
И те немногие, кого с собой он взял,
Беря с него пример, безмолвствовали строго.
Была им избрана микенская дорога.
Он вожжи выпустил. Лихие скакуны,
Что были вскормлены, что были вспоены
Царевичем, его без слова понимали,—
Брели понурые, деля его печали.
Вдруг вопль чудовищный средь мрачной тишины
Раздался,— из морской возник он глубины.
И только этот вопль потряс морское лоно,—
Послышалось из недр земли подобье стона.
От страха в жилах кровь застыла у людей
И грива вздыбилась на шеях у коней.
А море между тем пузырилось, вскипая,
И вдруг на нем гора возникла водяная.
На берег ринувшись, разбился пенный вал,
И перед нами зверь невиданный предстал:
Зверь с мордою быка, лобастой и рогатой,
И с телом, чешуей покрытым желтоватой.
Неукротимый бык! Неистовый дракон!
Сверкая чешуей, свивался в кольца он
И берег огласил свирепым долгим ревом.
Воззрились небеса с презреньем суровым,
Твердь вздрогнула, вокруг распространился смрад,
И, ужаснувшись, вновь отпрянула назад
Волна, что вынесла чудовище из моря.
С неодолимою опасностью не споря,
Ко храму ближнему все кинулись толпой.
Один лишь Ипполит, как истинный герой,
Остановил коней и твердою рукою
Метнул свое копье, да с силою такою,
Что не могла спасти дракона чешуя.
Из раны хлынула кровавая струя,
Зверь с воплем ярости, для слуха нестерпимым,
Пал под ноги коням, дохнув огнем и дымом.
Страх сверхъестественный тут обуял коней.

Они, не слушаясь ни слова, ни вожжей,
Рвались из упряжи. Царевич своевластно
Пытался их смирить, но все было напрасно,—
Лишь пена падала кровавая с удил
(Есть слух, что некий бог копьем их горячил).
И, удивляя всех галопом небывалым,
Помчались скакуны по рытвинам и скалам...
Держался Ипполит, но вдруг — сломалась ось!..
О, горе! О, зачем узреть мне довелось
Тот ужас, что теперь мне вечно будет сниться!
Разбилась вдребезги о камни колесница.
Запутался в вожжах несчастный Ипполит.
Упряжка мчится вдаль и за собой влачит
Возничего. Коней сдержать он хочет криком,
Они еще быстрей несутся в страхе диком,
И скоро юноша стал раною сплошной.
Наш вопль потряс холмы!.. И бег свой роковой
Смиряют скакуны, теряющие силы,
У храма древнего, где царские могилы.
Бегу, хотя нет сил, хотя дыханья нет...
За мною — свита. Нас ведет кровавый след:
Кровь пятна яркие оставила на скалах,
Колючие кусты — в соцветьях капель алых.
Бегу к нему, зову — и слышу слабый стон.
Открыв на миг глаза, мне руку подал он.
«Богами,— он шепнул,— наказан без вины я.
Друг, пусть в тебе найдет опору Арикия.
Когда опомнится разгневанный отец,
Когда с раскаяньем увидит наконец,
Что на меня возвел напрасно обвиненье,
То пусть, дабы мой дух нашел успокоенье,
Вернет он пленнице...» Смолк. С помертвелых губ
Слетел последний вздох: в моих руках был труп,
Труп, столь истерзанный,— ужасная картина! —
Что в нем и сам отец не распознал бы сына!

Тесей

Мой сын! Преемник мой! Он сгублен мной самим!
Как страшен гнев богов, как неисповедим!..
Увы, какая скорбь, терзания какие
Мне суждены!..

Терамен

И тут явилась Арикия.
Бежала от тебя она за ним вослед,

Их должен был связать супружеский обет.
Она спешит к нему, гонимая любовью,
И вдруг — на залитой дымящеюся кровью
Траве (о, зрелище!) — простертый Ипполит!
Несчастная на труп испуганно глядит...
Возлюбленного в нем не распознав, не веря,
Что невозвратная понесена потеря,
Она его зовет... Увы, напрасен зов!
И, побелев, как мел, и упрекнув богов
Исполненным тоски и изумленья взглядом,
Царевна падает без чувств с любимым рядом...
Исмена, вся в слезах, осталась с нею там,
Чтоб к жизни возвратить ее,— верней, к скорбям.
А я, проклявший жизнь и солнце золотое,
Пришел оповестить о гибели героя
И рассказать тебе, могучий властелин,
О чем в последний миг тебя просил твой сын...
А вот и враг его безжалостный — царица!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Федра, Панопа.

Тесей

А!.. Торжеством своим желаешь ты упиться!
Погиб мой первенец! Погиб в тот самый миг,
Когда я пожалел... Когда в душе возник,
Увы, бесплодный страх, что суд мой был поспешным.
Ликуй же! Умер он. Виновным иль безгрешным?
Не знаю, да и знать теперь мне ни к чему.
Я обвинил его по слову твоему.
Довольно, что о нем всю жизнь скорбеть я буду,
А разбирательство послужит только к худу:
Его не воскрешу, но, может быть, найду
В колодце истины еще одну беду.
Прочь от тебя, от стен, причастных к преступленью!
От стен, где будет он витать кровавой тенью!
Бежать!.. Но эта тень последует за мной!
О, если бы скорей покинуть мир земной!
Я сына осудил поспешно и неправо.
И всё против меня, всё — даже моя слава!

Будь неизвестен я, я спрятаться бы мог.
Божественный Олимп! Как ты ко мне жесток!
Суля мне милости, привел ты к краю бездны.
Зачем взывать к богам? Моленья бесполезны.
Осыпь они меня хоть тысячами благ,
Того, что отняли, не возместят никак.

Ф е д р а

Тесей, преступное молчанье я нарушу.
Неправда мне давно обременяет душу.
Невинен был твой сын.

Т е с е й

О, горе! Горе мне!
Но сына проклял я, доверившись жене!
Убийца!.. Или мнишь ты получить прощенье?..

Ф е д р а

О, выслушай, Тесей! Мне дороги мгновенья.
Твой сын был чист душой. На мне лежит вина.
По воле высших сил была я зажжена
Кровосмесительной неодолимой страстью.
Энона гнусная вмешалась тут, к несчастью.
Боясь, что страсть мою отвергший Ипполит
О тайне, что ему открылась, не смолчит,
Она отважилась (уговорив умело
Меня ей не мешать) на ложь. И преуспела.
Когда же я ее коварство прокляла,—
Смерть — слишком легкую — в волнах она нашла.
Могла б я оборвать клинком свои мученья,
Но снять с невинного должна я подозренья.
Чтоб имя доброе погибшему вернуть,
Я к смерти избрала не столь короткий путь.
И все ж кончается счет дням моим унылым:
Струится по моим воспламененным жилам
Медеей некогда нам привезенный яд.
Уж к сердцу подступил ему столь чуждый хлад,
Уж небо и супруг, что так поруган мною,
От глаз туманною закрыты пеленою,—
То смерть торопится во мрак увлечь меня,
Дабы не осквернял мой взор сиянья дня...

(Падает.)

П а н о п а

Мертва!..

Тесей

Но не умрет, увы, воспоминанье
О совершившемся чернейшем злодеянье.
О, мой несчастный сын! Злой рок его унес.
Пойдем! Кровавый труп омою ливнем слез
И жертву моего злосчастного проклятья
С раскаяньем приму в отцовские объятья...
Он будет погребен, по праву, как герой.
И чтобы дух его себе нашел покой,
Завет погибшего равняю со святыней:
Его избранница мне будет дочь отныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

Пьер Корнель родился в Руане 6 июля 1606 года. Его отец, принадлежавший к средней буржуазии, занимал должность смотрителя вод и лесов графства Руан. Молодой Корнель учился в местном иезуитском коллеже, затем изучал право и в 1624 году стал адвокатом.

В 1628 году он купил две должности и сделался тем, что сейчас назвали бы «чиновником».

Казалось, его карьера определилась. Но в 1629 году в Руан приехала труппа актеров. Мондори́, глава этой труппы, был уже известным актером. Корнель познакомился с ним и доверил ему рукопись своей комедии «Мелита». Мондори увез ее с собой в Париж. Там он ее поставил, и она имела шумный успех. Это определило решение Корнеля посвятить свою жизнь театру.

Между 1630 и 1652 годами он регулярно давал театру свои трагедии и комедии и даже написал две трагикомедии. После «Сида» Корнеля стали считать величайшим писателем своего времени.

Он перестал писать для театра только в 1652 году. И не потому, что испытал личное разочарование, но оттого, что с этих лет публика отвернулась от трагедии. Было замечено, что в ту же пору многие другие писатели, подобно Корнелю, отказались от создания трагедий.

Корнель хранил молчание шесть лет (1652—1658). В течение этого времени он трудился над одним благочестивым сочинением, перелагая на французские стихи «Подражание Иисусу Христу».

В 1658 году друг Корнеля, поэт Пелиссон, познакомил его со знаменитым Фуке, суперинтендантом финансов (что в наше время равносильно министру финансов). Фуке, желавший прослыть меценатом искусств и изящной словесности, решил возвратить Корнеля театру.

Для писателя начался новый период жизни. Он воспользовался возможностью покинуть Руан и в 1662 году приехал в Париж, чтобы упрочить там свое положение. Он окружил себя группой писателей, которые взяли на себя обязанность, преграждая путь возможным соперникам, защищать славу Корнеля. Их называли «корнелевцами». Они-то и положили начало тем трудностям, какие пришлось преодолевать Мольеру, а затем Расину, чтобы добиться среди парижан признания своего таланта.

При поддержке этой партии и нескольких знатных вельмож Корнель в течение пяти лет (1662—1667) поставил на сцене четыре трагедии. Но ничто не могло противодействовать тому, что вкусы и взгляды публики коренным образом изменились. Трагедии Корнеля наталкивались на все растущее недоброжелательство. Некоторые из них потерпели полный провал. Корнель снова решил удалиться. В течение трех лет он хранил молчание. Однако в 1670 году он сделал еще одну попытку вернуться в театр. Потребовался провал «Сурены» в 1674 году, чтобы он решился на окончательный уход.

Корнель прожил еще десять лет. Описывая его старость, часто говорят о том, что он впал в нищету. В действительности же он вел скромное, но приличное существование. Он сожалел о прошлых триумфах, но жил, окруженный общим уважением.

Корнель вел добропорядочную семейную жизнь. Он был превосходным мужем и преданным отцом. Этот человек, создавший целый мир героических образов, прожил жизнь скромного буржуа и довел простоту манер, речи и даже одежды до такой крайности, что многих это неприятно поражало.

В 1681 году здоровье Корнеля пошатнулось, с 1683 года он стал заметно терять силы. 1 октября 1684 года Корнель угас.

Антуан Адан

Корнель работал для сцены. Как и другие французские драматурги его времени, он обращался к издателю только спустя несколько месяцев после того, как сочиненная им пьеса была поставлена на театре. Все комедии и трагедии Корнеля были напечатаны и уже при его жизни несколько раз переиздавались. Первый том собрания сочинений Корнеля вышел в 1644 году, второй — в 1647. Поэт сам готовил их к печати. Полное собрание его сочинений в четырех томах появилось уже после смерти поэта, в 1689 году.

С XVIII в. начинают появляться комментированные издания пьес Корнеля. Первым комментатором сочинений великого драматурга стал Вольтер. Двенадцать томов предпринятого им издания вышли в Женеве в 1764 году. Наиболее важное место среди последующих изданий при-

надлежит полному собранию сочинений Корнеля с примечаниями Ш. Марти-Лаво: Oeuvres de Pierre Corneille. Nouvelle édition revue sur les plus anciennes impressions et les autographes et augmentée de morceaux inédits, des variantes, de notices, de notes, d'un lexique des mots et locutions remarcables, d'un portrait, d'un fac-simile etc. Par M. Ch. Marty-Laveaux. T. 1—12. Paris, Hachette, 1862. Серия Les Grands Ecrivains de la France.

Из более поздних изданий следует отметить вышедший в 1950 году в парижском издательстве Галлимар двухтомник пьес Корнеля под редакцией П. Льевра и трехтомное издание произведений Корнеля, осуществленное А. Клуаром в парижском издательстве Ларусс.

На русском языке в XVIII — XIX веках выходили только отдельные пьесы Корнеля. Избранные трагедии под редакцией А. А. Смирнова были опубликованы в 1956 году.

ИЛЛЮЗИЯ

Написав эту пьесу к театральному сезону 1635—1636 годов, Корнель вручил ее труппе театра «Бургундский Отель». Сюжет комедии Корнеля не был нов: в 1631 и 1634 годах уже были поставлены две комедии на ту же тему под одинаковым названием «Комедия комедиантов». По примеру Гужено и Скюдери, написавших эти пьесы, Корнель ввел в свою «Иллюзию» прием «театра в театре», но зато более последовательно, чем его предшественники, выдержал в ней классическое правило трех единств.

Выведенный Корнелем хвастливый капитан Матамор продолжил галерею образов комического вояки, который впервые появился еще в «Солдате-фанфароне» Плавта. Матамор сделался частым героем комедий XVII в. В 1637—1638 годах Марешаль ставил в театре «Марэ» свою пьесу «Настоящий капитан Матамор, или Фанфарон»; Скаррон написал комедию в стихах «Проделки капитана Матамора» (1647).

«Иллюзия» Корнеля интересна также в другом отношении. Вдохновенный монолог в защиту театра, помещенный в последнем действии, по существу, открывает блистательную эпоху в истории французского театра. Корнель здесь как бы предначертал тот путь, которому суждено было в последующие годы привести искусство Франции к важнейшим эстетическим завоеваниям.

Комедия имела большой успех на первом же представлении. При жизни автора она не сходила со сцены многие десятилетия, вплоть до 1680 года, когда ее поставил театр «Комеди Франсез». В XVIII веке эта комедия была забыта. Ее вновь сыграли в отрывках только в 60-е годы XIX века, причем публика очень тепло встретила ее возвращение на сцену «Комеди Франсез». В 1906 году, в год трехсотлетнего юбилея Корнеля, были вновь исполнены некоторые сцены из «Иллюзии». В 1937 году

постановку комедии (с некоторыми сокращениями) осуществил режиссер Луи Жуве.

Впервые эта пьеса была издана в 1639 году. До 1660 года ее печатали и играли на сцене под заглавием «Комическая иллюзия». С 1660 года она стала выходить под названием «Иллюзия».

Комедия до сих пор на русский язык не переводилась.

Перевод М. Кудинова сделан для настоящего тома «Библиотеки всемирной литературы».

Стр. 21. *Мадемуазель М. Ф. Д. Р.*— Кто скрывается за этими инициалами, неизвестно.

...я не был в Париже...— До 1662 г. Корнель жил в Руане.

Стр. 23. *Следующие два стиха из Горация...*— Квинт Гораций Флакк, римский поэт I в. до н. э., изложил свои взгляды на поэтическое творчество в послании «Наука поэзии». Высказывания Горация по вопросам поэзии сыграли важную роль в формировании эстетики классицизма. Корнель в данном случае ссылается на 93 и 94 стихи «Науки поэзии».

Кремес— персонаж одной из пьес римского комедиографа Теренция; олицетворяет злого, смешного в своей суровости отца семейства.

...хотя прошло уже больше тридцати лет...— «Иллюзия» была написана в 1635—1636 гг.; «Разбор» этой комедии Корнель поместил лишь в издании 1668 г.

Турень — старинная провинция Франции, расположенная в долине Луары.

Стр. 29. *Готье, Гийом* — имеются в виду популярные во времена Корнеля комические актеры. Готье-Гаргиль (настоящее имя Гуго Гери) издал в 1631 г. сборник песен, которые он пел, играя свои роли в театрах «Марэ» и «Бургундский Отель»; умер Готье в 1634 г. Гро-Гийом (Робер Герен) также был актером фарса; скончался в том же 1634 г.

...Бускон, Гусман и Ласарильо...—Бускон—герой плутовского романа Ф. Кеведо-и-Вильегаса «История пройдохи по имени дон Паблос» (1626). Ласарильо — герой анонимной испанской повести «Ласарильо с Тормеса» (1554). Гусман — герой плутовского романа «Жизнеописание плута Гусмана из Альфараче» (1599—1604) испанского писателя М. Алемана-и-де-Энеро.

Стр. 31. *...три Парки прилетят...*— Парками называли в Риме богинь судьбы. Их представляли себе в виде трех старух или трех строгих дев, непрерывно прядущих нить человеческой жизни.

Стр. 33. *В лесах Цефала...*— в лесах Аттики, где, согласно древнему мифу, охотился прекрасный охотник Цефал, которого полюбила богиня зари Эос.

...во дворце Мемнона...— Считается, что прославленный герой Троянской войны Мемнон, сын богини Эос, построил великолепный

царский дворец в Сузах, столице одной из провинций Персидского царства.

...вел сраженья я в Трансильвании...— По-видимому, Матамор имеет в виду войны императора Рудольфа II Габсбурга, которому в первые годы XVII в. удалось на недолгое время завладеть княжеством Трансильвания.

Стр. 64. *Буцефал* — так звали коня Александра Македонского.

Стр. 75. *Энкелад* — один из титанов, пытавшихся, как говорит греческий миф, побороть Зевса и олимпийских богов; но Зевс, Геракл и боги Олимпа победили мятежных исполинов и уничтожили их.

Стр. 80. *Отсчитав деньги за столом...*— Сцена, которую наблюдают Алькандр и Придаман, воспроизводит распространенный в театрах времен Корнеля обычай: после спектакля, подсчитав выручку, актеры тут же делили деньги между собой.

С И Д

«Сид» произвел большое впечатление на парижскую публику при первом же представлении, которое состоялось в театре «Марэ» 7 января 1637 года. Колоссальный успех сопутствовал всем последующим постановкам трагедии. «Трудно даже представить себе,— вспоминал в 1653 году друг Корнеля, поэт Пелиссон,— насколько высоко оценили эту пьесу публика и двор. Ее могли смотреть без конца, в обществе только и было разговоров что о ней, каждый знал наизусть хотя бы несколько строк из «Сида», детей заставляли заучивать целые отрывки, и вскоре во Франции возникла поговорка: «Это прекрасно, как «Сид».

У главного героя «Сида», дона Родриго, имелся исторический прототип: это кастильский рыцарь Руй Диас де Бивар (род. около 1030 г.— умер около 1099 г.), герой национально-освободительной войны испанского народа с арабскими завоевателями. За свои доблестные подвиги в этой войне Руй Диас получил от арабов имя Сид («сеид», или «сиди» — господин). Сид-Воитель стал центральной фигурой испанской эпической литературы. Ему посвящены «Песнь о моем Сиде», «Романсеро о Сиде», «Юность Сида» и другие эпические циклы, сложившиеся на протяжении XI — XIII веков.

Сюжет пьесы Корнеля, которую сам автор считал трагикомедией, был заимствован им у испанского драматурга Гильена де Кастро, чья драма «Юность Сида» («Las Mocedades del Cid») появилась в Испании в 1618 году. Она и вдохновила Корнеля. Однако, сохранив сюжетную линию пьесы Гильена де Кастро, автор «Сида» придал своей трагедии совершенно новую идейную проблематику, углубил трагический конфликт, сообщив ему более современные черты.

«Сид» был напечатан в марте 1637 года с посвящением, адресованным г-же де Комбале, племяннице кардинала Ришелье.

В 1637 году разгорелась оживленная полемика, получившая название «спор о Сиде». Поводом для нее послужило опубликованное еще до напечатания пьесы стихотворное послание «Просьба к Аристу об извинении». В этом стихотворении Корнель, тогда уже известный драматический поэт, заявлял, что своей славой он обязан только себе. Тотчас же на Корнеля ополчились его соперники и недоброжелатели. Драматург Ж. Мэре, выступивший первым, упрекнул автора «Сида» в тщеславии и подражательстве. Вслед за тем появились полемически заостренные «Замечания к «Сиду» Ж. Скюдери. В них Корнелю были предъявлены следующие обвинения: 1) сюжет «Сида» ничего не стоит; 2) пьеса написана вопреки всем правилам драматического искусства; 3) в ней отсутствует идея; 4) если в ней и есть удачные сцены, то почти все они заимствованы у другого автора.

Далеко не последнюю роль в споре о «Сиде» сыграл сам кардинал. Уловив в пьесе Корнеля опасные вольнолюбивые поты, Ришелье счел нужным публично осудить «Сида», с тем чтобы заставить поэта пересмотреть свои художественные принципы. Именно с согласия Ришелье Скюдери обратился во Французскую Академию с просьбой разрешить его спор с Корнелем. Дело о пьесе Корнеля обсуждалось на заседании Академии 16 июня 1637 года. Назначили специальную комиссию, которой было поручено выяснить, насколько справедливы и обвинения против «Сида», и восторги публики. Пять месяцев спустя комиссия издала целый том «Мнений Французской Академии о трагикомедии «Сид». В весьма вежливых и осторожных выражениях авторы этого труда давали понять, что творение Корнеля достойно осуждения.

Корнель ответил на некоторые из предъявленных ему обвинений в «Уведомлении» к изданиям 1648—1656 годов. Так как Корнеля упрекали в том, что поведение изображенных им героев неестественно, Корнель решил доказать, что он не нарушил исторической достоверности. Для этого он привел выдержки из «Истории Испании» П. Марианы (1537—1624) и два романса из цикла «Романсеро о Сиде», где рассказана действительная история Родриго и Химены. Корнель отверг также обвинение в незнании правил трагедии. Чтобы оградить себя от упреков в подражательстве, Корнель в изданиях 1648—1656 годов печатал отрывки из пьесы Гильена де Кастро для сравнения со своими стихами.

Невзирая на нападки доктринеров, «Сид» продолжал восхищать французов. Уже при жизни Корнеля он был переведен на многие европейские языки. В 1659 году испанский драматург Х.-Б. Диаманте написал в подражание корнелевскому «Сиду» пьесу «El Honrador de su Padre» («Защитник чести своего отца»).

«Сид» не сходил с французской сцены. С момента образования театра «Комеди Франсез» (1680) он идет там постоянно. В 1842 году этот

театр поставил «Сида» по-новому: чтобы точно показать, где происходит каждый эпизод трагедии, акты были разделены на «картины».

В «Сиде» играли лучшие актеры «Комеди Франсез»: Мондори, М. Барон, Тальма́, Альбер-Ламбер создали образ дона Родриго, м-ль Дюшенуа, м-ль Жорж, Рашель сыграли Химену.

В 1940 году в роли дона Родриго дебютировал на сцене Комедии Жан-Луи Барро (режиссер-постановщик — Копо). «Сида» ставил также коллектив театра «Одеон»; в 1951 году Жан Вилар осуществил постановку бессмертной пьесы Корнеля в Национальном народном театре (TNP); роль дона Родриго сыграл Жерар Филип.

На русский язык «Сид» переведен Я. Б. Княжниным (1775), П. А. Катениным (1822), В. С. Лихачовым (1891), Медведевым (1901). В наст. томе публикуется перевод М. Лозинского, впервые изданный в 1938 году.

Стр. 83. *Герцогиня д'Эгийон* — Мари-Мадлен де Виньеро, вдова маркиза де Комбале, племянница кардинала Ришелье.

Стр. 84. *Предуведомление* — текст этого предисловия был впервые напечатан в издании 1648 г.

«За несколько дней до того...» — Корнель цитирует «Общую историю Испании», написанную испанским историком П. Марианой.

Стр. 85. *Дон Гильен де Кастро* (1569—1631) — испанский драматург, последователь Лопе де Вега. Драмы Гильена де Кастро «Граф Аларкос», «Юность Сида» и «Подвиги Сида» написаны на сюжеты испанских народных романсов.

Роланд — легендарный рыцарь короля франков Карла Великого, воспетый во французском героическом эпосе «Песнь о Роланде».

Французский сочинитель истории Испании.— Видимо, Корнель говорит здесь о Л. Майерн-Тюрке, чья «Общая история Испании» вышла в Лионе в 1587 г.

Стр. 86. *...когда б этот ложный слух не достиг господина де Бальзака...*— Гез де Бальзак (1597—1654) — видный французский прозаик и публицист. В одном из писем Бальзака к Скюдери по поводу нападок критиков на «Сида» была такая фраза: «...судьи, с которыми, по слухам, вы оба согласились». В «Предуведомлении» к «Сиду» Корнель горячо опровергает слухи о своем согласии с «Мнением Французской Академии о трагикомедии «Сид».

...в восхитительном послании...— Имеется в виду ответ Геза де Бальзака на «Замечания о «Сиде» Скюдери; этот ответ был очень благожелательным для Корнеля. Бальзак писал, в частности: «Вся Франция с ним заодно в этом процессе... и даже если бы ваши доказательства были неотразимы и ваш противник признал их, он все равно мог бы торжест-

вовать, потому что понравиться всему королевству значит все же больше, чем составить пьесу по всем правилам».

Стр. 87. *...две последние драгоценности...* — Имеются в виду «Избранные письма господина де Бальзака», вышедшие в двух томах в 1647 г.

Стр. 88. *...одному из ученых комментаторов божественного трактата...* — Корнель говорит об итальянце Робортелло, который в 1548 г. выпустил комментарии к аристотелевской «Поэтике».

«*Царь Эдип*» — то есть трагедия греческого драматурга Софокла (V в. до н. э.) «Эдип-царь».

Стр. 90. «*Разбор*», принадлежащий перу Корнеля, печатался в изданиях его произведений начиная с 1660 г.

В течение пятидесяти лет... — Эта цифра неточна: текст данного «Разбора» был написан Корнелем к изданию 1682 г. К тому моменту со времени постановки «Сида» прошло не пятьдесят, а сорок шесть лет.

Стр. 92. *...у испанского автора* — то есть у Гильена де Кастро в его «Юности Сида».

Стр. 93. *Я уже имел случай высказать свое суждение об инфанте и короле.* — В «Речи о драматической поэме» Корнель писал, что любовь инфанты к Сиду — это самостоятельный эпизод в его пьесе; а относительно дона Фернандо он писал в «Разборе» к «Клитандру», что король выступает в «Сиде» скорее как судья, чем как повелитель, и, таким образом, королевское величие этого персонажа не смогло полностью проявиться.

Стр. 95. *Гораций... в следующих стихах...* — цитаты из «Науки поэзии» (стихи 44, 45, 148).

Стр. 96. *...в дополнение к тому, что сказал Гораций...* — Корнель ссылается на стихи 180 и 181 «Науки поэзии» Горация:

> Действие или на сцене бывает, или в рассказе.
> Что к нам доходит чрез слух, то слабее в нас трогает сердце.

Дон Фернандо, первый король кастильский. — Кастилия — феодальное государство в центральной части Пиренейского полуострова, с 1035 г. ставшее королевством. Фернандо (Фердинанд I Великий) правил в 1035—1065 гг. Объединившись с соседним королевством Леон, Кастилия в годы его правления начала активно наступать на арабские владения в Испании и в Португалии, в результате чего к концу XI в. многие испанские города были освобождены из-под власти мусульман.

Севилья — один из древнейших городов Испании, центр исторической области Андалусия. В середине XI в. находилась в руках арабских правителей из рода Аббадитов, но с 1063 г. севильский эмир ежегодно платил дань Фердинанду I.

Стр. 103. *Гранада* — область и город на юге Испании; вплоть до 1492 г. находилась в руках арабов.

Арагон — самостоятельное королевство к востоку от Кастилии. Вражда, существовавшая между Арагоном и Кастилией в течение ряда веков, закончилась объединением этих королевств в конце XV в.

Стр. 117. *...скипетр мой царит над Андалузским краем...* — Андалусия, область на юге Испании, в период господства арабов делилась на четыре эмирата. При Фердинанде I мусульманские эмиры Андалусии объявили себя вассалами кастильского трона.

Стр. 134. *Адамант* — старинное название алмаза.

Стр. 137. *Толедо* — город и область в центре Испании. При Фердинанде I был в руках арабов, но платил дань Кастилии; с 1085 г. сделался столицей Кастильского королевства.

ГОРАЦИЙ

Публика впервые увидела эту трагедию в театре «Бургундский Отель» в 1640 году. Отдельным изданием она вышла в 1641 году. Корнель посвятил ее кардиналу Ришелье; текст посвящения, выдержанный в ультраверноподданническом духе, печатался во всех изданиях «Горация» вплоть до 1656 года. В предпосланном трагедии «Обозрении» Корнель указал источник, из которого он почерпнул свой сюжет, а также ответил на некоторые критические замечания, сделанные ему во время читки пьесы.

В основу сюжета «Горация» положено древнее предание, рассказанное римским историком Титом Ливием (книга I, гл. XXIII — XXVI). Согласно Титу Ливию, война между Римом и древним городом Альба-Лонгой завершилась поединком между тремя братьями-близнецами из римского рода Горациев и тремя их ровесниками, тоже близнецами, из альбанского рода Куриациев. Когда, победив всех троих противников, единственный из оставшихся в живых Горациев вернулся с поля боя, его сестра, которая была невестой одного из Куриациев, встретила победителя рыданиями и укорами. Возмущенный юноша, выхватив меч, пронзил им сестру и воскликнул: «Отправляйся же к жениху со своей несвоевременной любовью, раз ты забыла о павших братьях и о живом, забыла об отечестве». За убийство сестры Горация ждало суровое наказание, но народ оправдал его, восхищенный его доблестным подвигом при защите города.

Корнель изменил финал этой истории и ввел в трагедию образ Сабины, в результате чего древнее предание получило в его пьесе новое звучание.

Полемика, которую Корнель ведет в своем «Обозрении» с аббатом Д'Обиньяком по поводу концовки трагедии, позволяет понять, в чем автор «Горация» разошелся с требованиями классицистической теории. При читке трагедии аббат Д'Обиньяк заметил, ссылаясь на правило «приличий», что в театре не подобает показывать, как брат своими руками закалывает сестру, хотя это, возможно, и соответствует историческим

фактам. Чтобы спасти и историю, и нравственные чувства зрителей, аббат Д'Обиньяк предлагал такой вариант: Камилла в отчаянии сама бросается на меч брата, и Горация, таким образом, нельзя будет обвинить в ее смерти. Кроме того, по мнению Д'Обиньяка, поведение Валерия в V действии идет вразрез с представлениями о благородстве и рыцарской чести.

Выслушав эти замечания, Корнель ни в чем не изменил первоначального текста своей трагедии. Однако в «Обозрении» он ответил на оба возражения противника. Он отверг предложения Д'Обиньяка изменить сцену гибели Камиллы, так как такой конец он считал слишком далеким от правдоподобия. По поводу поведения Валерия, Корнель заявил, что он хочет остаться верным правде истории: Валерий не мог бы поступать в соответствии с понятиями французских дворян о чести, так как он римлянин. Одев римлянина во французские одежды, Корнель, по его словам, ушел бы от той задачи, которую он перед собой поставил: показать на сцене героя римской истории.

Позднее, в теоретической работе «Рассуждение о трех единствах» (1660), Корнель высказал сожаление по поводу того, что тема Камиллы в его трагедии звучит столь громко и непримиримо. Он объявил, что, введя эту тему в свою пьесу, он совершил ошибку и нарушил цельность «Горация».

На русский язык «Гораций» был переведен в 1893 году М. Чайковским; в 1895 году Львом Поливановым. Помещаемый в наст. томе перевод Н. Рыковой был впервые опубликован в 1956 году; для нашего издания пересмотрен переводчицей.

Стр. 156. *...герцогу де Ришелье.* — Это посвящение печаталось в изданиях 1641—1656 годов.

От вас исходит все то, что я сейчас собой представляю... — В этих словах содержится, по-видимому, намек на те щедрые милости, которыми кардинал осыпал автора «Сида», желая оказать давление на его творческие взгляды. Ришелье добился, чтобы Корнель был награжден значительной денежной премией и получил титул дворянина.

«...вряд ли в преданиях древности есть пример большего благородства». — Цитата из 1-й книги древнеримского историка Тита Ливия (гл. XXIV).

...от провинциальной музы... — В эти годы Корнель еще жил в Руане. Только в 1662 г. он переехал в Париж.

Стр. 157. *Сципион и Лелий* — эти два античных автора считались соавторами древнеримского комедиографа Теренция.

...четыре стиха, принадлежащих иному Горацию... — то есть поэту Горацию, автору «Науки поэзии». Приведенные здесь стихи Гораций обращает к музе (книга IV, ода III). Третий стих: Scenae non levis artifex — сочинен самим Корнелем вместо горациевского: Romanae fidicen lyrae.

Стр. 158. *Тулл, римский царь.*— Тулл Гостилий, третий из семи царей Древнего Рима; правил с 672 по 640 г. до н. э. Царствование его отмечено рядом войн с соседними городами.

Стр. 159. *Противники сошлись у городской твердыни...*— По свидетельству Тита Ливия, армия альбанцев подошла очень близко к стенам Рима.

Стр. 160. *Альба*, или Альба-Лонга — древний город, располагавшийся к юго-востоку от Рима на склоне горы Альбано (ныне гора Монте Каво). Город был основан за 300 лет до возникновения Рима и занимал ведущее место в латинском союзе городов. Был разрушен римлянами в царствование Тулла Гостилия.

...у скал Геракловых...—то есть у Геркулесовых столбов.Так в древности назывался Гибралтарский пролив, на берегах которого возвышаются две скалы, поставленные здесь, по преданию, Гераклом.

...Латинской вотчины завещанный предел.— Именем легендарного царя Латина называлась средняя из трех западных областей центральной Италии. В нее входили несколько городов (в том числе Рим и Альба-Лонга). Латинская область была после уничтожения Альба-Лонги подчинена Римом, и уже к 314 г. до н. э. границы ее намного расширились за счет соседних областей.

...город пощади, откуда Ромул родом...— Согласно легенде, основатель Рима, первый римский царь Ромул (753—716 гг. до н. э.) происходил из рода альбанских царей.

Стр. 164. *Факел Гименея.*— Бог брака Гименей у римлян изображался в виде юноши с факелом в руке.

...на склонах Авентина...— Авентинский холм входит в число семи холмов, на которых раскинулся Рим; на склонах его в древности было несколько храмов.

Стр. 167. *Альбанский вождь.*— В эпоху, о которой идет речь, Альбой правил диктатор Меттий Фуффетий.

Стр. 168. *...Три брата избраны, что доблестней других...*— По поводу избранных Тит Ливий говорит: «Из всех древних воинов не было никого храбрее и достойнее этих».

Стр. 182. *...по внутренностям жертв смиренно мы прочтем?»*—Различные гадания, в том числе обычай читать волю богов по внутренностям животных, были очень популярны у древних римлян.

Стр. 187. *Энею было так обещано богами.*—Легендарный герой Троянской войны Эней считался родоначальником римских царей. По Вергилию, прежде чем отправиться к берегам Италии и основать там город, Эней спускался в преисподнюю, чтобы узнать свое будущее.

Стр. 196. *...свирепой фурией преследовать тебя.*— Фуриями древние римляне называли демонов родовой мести, которые неутомимо преследуют того, кто пролил кровь родича. В более поздние времена пред-

ставление о фуриях изменилось: их стали считать божествами угрызений совести, преследующих всякого убийцу.

Стр. 197. ...*пусть Запад и Восток восстанут в гневе яром*...—В этих словах заключено пророчество грядущей гибели Римской империи под натиском западных и восточных варварских народов.

Стр. 206. ...*к обителям Аида!*—То есть в царство мертвых, где обитают тени умерших.

Стр. 207. ...*от молнии небесной оберегать могли*—...то есть от кары Юпитера, возвещающего людям свой приговор ударом молнии или грома.

Стр. 209. ...*то, что впервые мы при Ромуле узрели.*— Тулл намекает на преступление, которое, согласно древнему сказанию, совершил Ромул. При возведении стен Рима между братьями-близнецами Ромулом и Ремом вспыхнула ссора, и Рем был убит братом.

Стр. 210. ...*очистить от греха жрецы его должны*...—Убийство единокровного родича считалось у древних тягчайшим преступлением против родовых законов. Оно требовало особого очищения. Тит Ливий пишет, что Гораций должен был принести очистительные жертвы, а потом пройти, склонив голову, под длинным шестом, как будто под виселицей.

Он душу дочери умилостивить может.— Согласно поверьям римлян, душу умершего можно было умилостивить молитвами, жертвами, возлияниями. Тит Ливий сообщает также, что старый Гораций возвел каменный памятник на том месте, где упала сраженная мечом Камилла.

ПОЛИЕВКТ

Трагедия шла и издавалась при жизни Корнеля под заглавием: «Полиевкт — мученик». Поставлена была, по-видимому, в 1642 году, а издание ее появилось только в 1643 году.

Корнель заимствовал сюжет из жизнеописаний святых, составленных историком из Константинополя Симеоном Метафрастом (X в.). Корнель читал эти жизнеописания в переложении монаха Лорена Сируса (XVI в.). Вместе с текстом посвящения королеве Анне Австрийской Корнель напечатал в первом издании также «Краткое изложение жизни святомученика Полиевкта». Сравнение этого «Изложения» с сюжетом пьесы показывает, что Корнель несколько изменил христианскую легенду о Полиевкте, добавил к ней ряд новых эпизодов и ввел новые действующие лица. Согласно Метафрасту, Полиевкт, готовившийся стать христианином, разбил в храме статуи римских богов и разорвал императорский указ, в котором все христиане были объявлены врагами государства. За это Полиевкт был казнен, так и не успев принять крещение.

Современники Корнеля указывают, что «Полиевкт» имел весьма умеренный успех у тех, кто был приглашен на читку пьесы. Критики нашли, что не подобает затрагивать вопросы религии в театральном пред-

ставлении. Кардинал Ришелье не одобрил трагедию Корнеля за то, что в диалоге Паулины и Стратоники последняя оскорбляет христиан. Тем не менее постановки «Полиевкта» всегда имели большой успех. В роли Паулины выступали лучшие трагедийные актрисы французского театра. Особого успеха в этой роли добилась в 1705 году Адриенна Лекуврер. Французское революционное правительство на время запретило постановки «Полиевкта», но уже в 1794 году трагедия была возобновлена на французской сцене. В наше время постановку «Полиевкта» осуществил в 1947 году театр Вье-Коломбье.

Перевод Т. Гнедич сделан специально для настоящего издания.

Стр. 211. *Ваше величество!* — Посвящение адресовано королеве Анне Австрийской, которая в 1643 г., после смерти Людовика XIII, стала регентшей Франции. Первоначально Корнель предполагал посвятить «Полиевкта» Людовику XIII.

Стр. 212. *...ниспославших успех самым первым военным мероприятиям нашего юного короля.*— Преемник Людовика XIII Людовик XIV вступил на престол 14 мая 1643 г. в возрасте пяти лет. В том же году французская армия одержала ряд побед над австрийскими и испанскими войсками на Рейне, Мозеле и в Арденнских лесах.

...взятием Тионвиля...— В августе 1643 г. войска принца Конде вернули Франции захваченный ранее испанской короной город Тионвиль (на Мозеле).

...мятежных посрамленье! — По-видимому, речь идет о событиях сентября 1642 г., когда был подавлен мятеж французской феодальной аристократии во главе с Сен-Маром; недовольные абсолютистской политикой Ришелье, заговорщики заручились поддержкой короля Испании.

Рокруа — город на границе с Бельгией; в мае 1643 г. принц Конде одержал при Рокруа победу над испанцами.

Стр. 213. *Император Деций* — римский император с 249 по 251 г. н. э. Правление его ознаменовано первым общим для империи гонением христиан.

Мелитена — во II — III вв. н. э. была одним из важнейших городов Малой Азии и входила в состав древнего Армянского царства, которое с 114 г. сделалось провинцией Римской империи.

Стр. 216. *...нас травят, как зверей, чтоб угодить властям...*—Преследования христиан имели, как правило, политические причины. Римские правители не без основания видели в раннехристианской церкви носителя протеста против существующего в империи политического порядка.

Стр. 222. *...кровь пьют они с вином на действах колдовских...*—Речь идет, по-видимому, о важнейшем из христианских таинств — таинстве причащения.

Стр. 238. *...римского орла Севéр на нас натравит* — то есть приведет за собой армию. Серебряное изображение орла с распростертыми крыльями было боевым знаменем римских легионов.

Стр. 242. *...страх смерти ощутить острее сможет он!* — В этих словах Феликса отразилась существенная черта мировоззрения римлянина. В олимпийской религии смерть обычно связывалась с представлением о полной гибели личности; поэтому в сознании греков или римлян она могла вызвать только страх. Наоборот, христианское учение говорит о смерти как об избавлении от страдания и переходе в мир блаженства. И если Феликсу зрелище казни кажется ужасным, то Полиевкта оно только укрепит в его вере.

Стр. 243. *Фемида* — богиня правосудия и законного порядка.

Стр. 244. *Неофит* — новообращенный последователь религии.

Стр. 250. *Вам скиф за христиан и персов отомстит!* — В словах Полиевкта содержится пророчество относительно судьбы императора Деция и всей империи. Деций одержал блестящую победу над персами, подавляя их восстание. Однако в годы его правления границы Римской империи тревожили причерноморские и придунайские племена, которым римские и византийские историки давали собирательное название «скифы». Деций был убит в одном из походов против этих племен. А позднее и сама Римская империя рухнула под ударами варваров.

Стр. 252. *...а цезарей успех так много зла плодит, что долго ни один на троне не сидит!* — В словах Полиевкта выразилось присущее ранним христианам недовольство деспотической властью императоров Рима. Подобные настроения быстро проникали в различные слои населения, особенно в римских провинциях. Этому в немалой мере способствовало то, что с начала III в. империя, ослабленная пограничными войнами и борьбой за власть, переживала кризис, в ходе которого авторитет цезаря был окончательно подорван.

Стр. 253. *...предки Деция ему дарують славу...*— Деций происходил из старинного римского рода Ульпиев, к которому принадлежал также и император Траян, подчинивший в 114 г. Армению Риму.

Стр. 254. *Не должно, чтоб в аду рабынею покорной...*— Раннее христианство, зародившееся в среде рабов и плебеев Рима, связывало представление о наказании грешника за гробом с горькой участью раба в действительной жизни.

Стр. 259. *Но Элевксинские обряды все же чтим...*— На основе древних празднеств в честь богини земледелия Деметры в греческом городе Элевсине сложился своеобразный тайный культ, который получил название Элевсинских (Элевксинских) мистерий. Этому культу в античную эпоху придавали большое значение как в Греции, так и в Риме.

...в чести у нас не только наши боги...— Кроме официальных культов олимпийских богов в Римской империи отправляли культы древнееги-

петских, древнеиранских, сирийских божеств. Проникновение восточных религий усилилось в III — IV вв., в эпоху разложения античного Рима.

Египетским... богам построил гордый Рим великолепный храм... Император Калигула (12—41 гг.) построил на Марсовом поле храм Изиды; во II в. египетские культы Изиды и Сераписа широко распространились на всем римском Западе.

...людей мы делаем богами... — Обоготворение некоторых властителей и военных героев встречалось еще у древних греков; после падения республики в Риме возникает официальный культ императоров. Начало ему положил Октавиан Август (63 г. до н. э.—14 г. н. э.), воздав посмертно божеские почести («апофеоз») Юлию Цезарю. Октавиан уже при жизни был наречен «Августом» («Священным»); Калигула сам считал себя богом. Впоследствии римляне обожествляли прижизненно всех императоров и даже их близких.

Стр. 268. *И Брут, и Манлий так однажды поступили...* — Юний Брут, первый консул Рима (509 г. до н. э.), осудил на смерть своих собственных сыновей, замешанных в заговоре против республики. Манлий Торкват, римский полководец и консул (IV в. до н. э.), велел казнить сына за нарушение воинской дисциплины.

ЛЖЕЦ

«Лжец» был поставлен в театре «Марэ» в 1642 году. Сам Корнель поначалу считал, что он подражает в этой комедии Лопе де Вега, но комедия «Сомнительная правда» (La Verdad sospechosa), сюжет которой по-своему использовал Корнель в «Лжеце», принадлежит не Лопе де Вега, а Хуану Руису де Аларкону.

Имена Лукреции и Изабеллы (в испанской пьесе — Исавель) — единственное, что заимствовал Корнель у испанского комедиографа. Он создал пьесу чисто французскую, перенеся действие в Париж и изобразив в ней французские нравы того времени. Пьеса была издана в 1644 году.

В русском переводе публикуется впервые.

Стр. 272. *Сéнека* — римский философ-стоик I в., автор нескольких трагедий.

...несмотря на войну двух корон... — В годы регентства Анны Австрийской продолжались начатые при Ришелье войны Франции с Испанией и с Австрией, могущество которых угрожало национальной целостности Франции.

Стр. 273. *Лукан* — римский эпический поэт I в., племянник Сенеки, автор поэмы «Фарсалия».

Кордова — город в Андалусии (см. прим. к стр. 117).

...о войне с Германией... — Имеется в виду Тридцатилетняя война

(1618—1648), в которую Франция вступила в 1635 г. против империи Габсбургов.

Г-н де Зюилихем — Константин Гюйгенс (1596—1687), автор «Эпиграмм» и латинских стихотворений, издававшихся в Лейдене и в Гааге. Корнель состоял с ним в переписке.

Стр. 273—274. *...г. г. Хейнсиус и Бальзак... в их знаменитом споре...* — Речь идет о многолетней полемике Геза де Бальзака (см. прим. к стр. 86) с голландским гуманистом Даниэлем Хейнсиусом (1580—1655) по поводу трагедии последнего «Herodes infanticida». Бальзак ответил на эту трагедию в 1636 г. «Речью о трагедии г-на Хейнсиуса».

Стр. 274. *...в издании, выпущенном в свет Эльзевирами в Лейдене.* — То есть в издании «Лжеца» 1645 г.

Менандр — греческий комедиограф IV в. до н. э., один из создателей жанра новоаттической комедии, которая представляла собой комедию характеров. Его произведения, дошедшие до нас во фрагментах, уже в античной критике расценивались как образец отточенного и вместе с тем сдержанного комического стиля.

Теренций — римский комедиограф II в. до н. э. Теренций подражал Менандру; его комедии отличаются искусным построением интриги, изяществом стиля, единством плана.

Плавт — римский комедиограф III в. до н. э. Плавт писал свои комедии по греческим оригиналам, но его манере присущи живой народный юмор, не стесненный требованиями приличия, и свобода выражения.

Стр. 275. *Константер* — так Зюилихем подписывал свои голландские стихотворения.

Стр. 276. *Протаза* — экспозиция пьесы.

Тюильри — большой парк в Париже вокруг дворца, который был резиденцией королей до постройки Версаля.

Стр. 278. *...в царстве Кодекса...* — то есть на юридическом факультете; имеется в виду «Кодекс» Юстиниана — сборник установлений римских и византийских императоров, изданный в 528 и 534 гг. Этот законодательный памятник в течение многих веков изучали на юридических факультетах как важный источник римского права.

Стр. 279. *Пуатье* — старинный университетский город в 332 километрах к юго-западу от Парижа.

Стр. 282. *...я с войны немецкой возвратился...* — Дорант намекает на войну с германским императором Фердинандом III; в 1638 и 1642 гг. французы одержали в этой войне ряд побед.

Стр. 290. *Бальд, Жазон и Альциат* — имена итальянских юристов и профессоров права, чьи сочинения изучали на юридических факультетах. Пьетро Бальд — перуджийский юрист XIV в.; А. Альциат и Жазон — миланские правоведы XV — XVI вв.

Урганда с Мелузиной — добрые феи из средневековых рыцарских романов; Урганда — покровительница странствующего рыцаря Амадиса Галльского; Мелузина, возлюбленная Раймона де Пуатье, была воспета в одноименном романе Жана из Арраса (XIV в.).

Стр. 293. *Тур* — старинный город на реке Луаре, в 236 километрах к юго-западу от Парижа.

Стр. 298. *Амфион.*—Согласно древней греческой легенде, под звуки лиры Амфиона, сына Зевса, камни сами собою складывались в стены, когда он вместе со своим братом Зетом строил укрепления вокруг Фив и возводил города в Беотии.

Пре-о-Клер — луг неподалеку от церкви Сен-Жермен-де-Пре в Париже; во времена Корнеля здесь было место прогулок и увеселений молодежи.

...великолепью Кардинальского дворца.— В 1629 г. Лемерсье начал строить на Пре-о-Клер дворец для кардинала Ришелье. Вначале он был назван Дворцом Кардинала. Позднее Людовик XIV некоторое время жил в этом дворце; при нем дворец стал называться Пале-Роялем (Королевским дворцом).

Стр. 307. *...как будто с высоты машиной спущено...*— то есть появилось внезапно, подобно тому как в драмах античных авторов на сцену при помощи особой машины спускали божество, которое должно было разрешить конфликт и восстановить справедливость.

Стр. 320. *...тот порошок чудесный...*— Во времена Корнеля много спорили о целебном порошке; по слухам, действие такого порошка было проверено солдатами в 1642 году, и рецепт его продавался за очень высокую плату.

Стр. 331. *«Дигесты».*—Упоминая о «Дигестах», Жеронт подразумевает, что и Филист учился на юриста. Изданные в 533 г. при Юстиниане «Дигесты» представляют собой свод извлечений из трудов римских юристов периода наивысшего развития римского права.

Е. Сапрыкина

ЖАН РАСИН

Жан Расин родился в 1639 году в Ферте-Милон, маленьком городке, расположенном в семидесяти километрах к востоку от Парижа. Он потерял своих родителей в раннем детстве. Бедный осиротевший малыш был взят на воспитание в монастырь Пор-Рояль, где одна из его теток была монахиней. Позднее друзья Пор-Рояля взяли на себя заботу дать мальчику

хорошее образование. Расин рано стал мечтать о призвании писателя. В 1660 и 1661 годах он написал две комедии, которые были отвергнуты театром.

Тогда Расин стал думать о том, чтобы принять священнический сан. В 1661 году он жил на юге Франции, в Юзесе, надеясь получить там церковную должность. Обманутый в своих ожиданиях, он вернулся в Париж и решил посвятить себя карьере драматурга. Так как Пор-Рояль осудил театр за «безнравственность», Расин порвал со своими прежними благодетелями.

Он поставил свою первую пьесу, «Фиваида», в 1664 году. Пьесу постигла неудача. Однако вторая его пьеса, «Александр» (1665), имела блистательный успех. «Андромаха», написанная в 1667 году, упрочила славу поэта. С этих пор Расин почти ежегодно дарил театру новый шедевр.

Двор, молодежь, женщины — все аплодировали его шедеврам, столь отличающимся от шедевров Корнеля. Но у Расина были враги, которые непрерывно плели вокруг него сеть интриг. Это привело к публичному скандалу, который получил название «заговор против «Федры». Врагам Расина удалось достать черновой текст его пьесы во время репетиций; они поручили Жаку Прадону, писателю посредственному, но вместе с тем довольно известному, сочинить другую трагедию на тот же сюжет. Обе пьесы были закончены почти одновременно — с разницей в два дня (1 и 3 января 1677 г.).

Долгое время считалось, что в результате этого заговора «Федра» Расина провалилась и потрясенный поэт перестал писать для театра. Но теперь достоверно установлено, что после нескольких дней колебаний публика стала на сторону Расина, и вскоре Прадон должен был свою пьесу снять. Провала «Федры» не было.

Но верно то, что по прошествии нескольких месяцев Расин действительно оставил карьеру драматурга. Различные причины лежали в основе этого странного решения. Незадолго до того Расин порвал с актрисой Шанмеле и вскоре вступил в добропорядочный буржуазный брак (30 мая 1677 г.). С другой стороны, Людовик XIV назначил его своим придворным историографом (сентябрь 1677 г.), и эта почетная и хорошо оплачиваемая должность была несовместима с карьерой литератора. Наконец, к этому времени Расин помирился со своими друзьями из Пор-Рояля. Отныне он жил жизнью строгой и глубоко благочестивой. Он порвал все связи с театром. Когда его сын вырос, он запретил ему посещать театральные зрелища. Несмотря на то что Людовик XIV не раз давал Расину свидетельства своей дружбы, тот открыто выражал свою приверженность преследуемому Пор-Роялю.

Если Расин и написал еще две трагедии («Эсфирь» в 1689 г. и «Гофолию» в 1691 г.), это отнюдь не означало, что он вернулся к театру. Обе

пьесы были написаны по просьбе г-жи де Ментенон и сыграны в Сен-Сирском пансионе юными воспитанницами перед избранной публикой в присутствии короля. Они не были предназначены для парижских театров.

Умер Расин 21 апреля 1699 года.

Антуан Адан

Первое собрание сочинений Расина вышло в 1676 году, еще до написания «Федры». Затем при жизни Расина появилось еще несколько дополненных собраний его пьес. Впоследствии они неоднократно переиздавались; выходили и отдельные пьесы, которые Расин, подобно своему предшественнику, печатал вскоре после того, как они были сыграны на театре.

Из наиболее полных изданий произведений Расина укажем следующие: 1768 года, под редакцией Л. де Буажермена; 1807 года, под редакцией Лагарпа; 1820 года, под редакцией Эме-Мартена. В 1865 году Поль Менар предпринял фундаментальное издание сочинений Расина в шести томах, снабдив каждую из помещенных в нем пьес обширным текстологическим и историко-литературным комментарием: Oeuvres de Jean Racine. Nouvelle édition revue sur les plus anciennes impressions et les autographes et augmentée de morceaux inédits, de variantes, de notices, de notes, d'un lexique des mots et locutions remarcables, d'un portrait, de fac-simile etc. Par Paul Mesnard. T. 1—6. Paris, Hachette, 1865. Серия Les Grands Ecrivains de la France.

В 1874—1875 годах вышло в свет новое собрание пьес Расина с примечаниями Анатоля Франса. Из многочисленных позднейших изданий следует выделить напечатанное в серии «Библиотека Плеяды» парижским издательством Галлимар в 1950—1952 годах собрание произведений Расина под редакцией Р. Пикара.

Некоторые пьесы Расина были переведены в России уже в конце XVIII века. «Андромаха», «Федра», «Гофолия», «Сутяги» печатались в русских переводах неоднократно. Сочинения Расина издавались дважды: Р а с и н, «Избранные сочинения в переводах русских писателей», СПб. Глазунов, 1903; Ж а н Р а с и н, «Сочинения», в 2-х томах. Очерк А. Франса. Перевод под ред. А. М. Эфроса. М.— Л. Academia, 1937.

АНДРОМАХА

Незадолго до премьеры в «Бургундском Отеле» «Андромаха» была сыграна при дворе, в присутствии Людовика XIV. Это было 17 ноября 1667 года. Вскоре появилось и отдельное издание трагедии.

В основу сюжета положена античная легенда, обработанная Еврипидом в трагедии «Андромаха», Сенекой в «Трояде» и Вергилием во второй

книге «Энеиды». Для своей пьесы Расин избрал тот вариант мифа о троянской царевне Андромахе, который передают Сенека и Вергилий. Поэт объяснил свой выбор во втором предисловии к изданию 1676 года тем, что, изображая пленницу Пирра, он не хотел отдаляться от представления, которое существует у большинства его современников, слышавших об Андромахе, только как о вдове Гектора и матери Астианакса. Исходя из этого, Расин изображает Андромаху не наложницей Пирра (такова Андромаха у Еврипида), а безутешной вдовой Гектора и самоотверженной матерью его малолетнего сына.

Успеху этой, третьей по счету, трагедии Расина не помешали нападки со стороны некоторых весьма влиятельных и знатных лиц. Правдивое и, по сравнению с большинством пьес того времени, значительно менее идеализированное изображение жестоких страстей и душевной борьбы в трагедии Расина они расценивали как грубость, несовместимую с правилами хорошего вкуса. Довольно резко отозвался об Андромахе принц Конде, которому герой трагедии Пирр показался слишком грубым и чересчур несдержанным. Сюблиньи поставил пасквиль на «Андромаху» — комедию «Безумный спор». Интересно, что Сюблиньи пытался опорочить пьесу Расина, намекнув на то, что она имела большой успех у народа. «Повара, конюхи, кучера, лакеи — все вплоть до водоносов спорят только об «Андромахе»,— говорит одна из героинь комедии Сюблиньи.

В первом предисловии к трагедии, опубликованном в издании 1668 года, Расин признал, что жестокость лежит в самой натуре Пирра, и хотя он и счел нужным смягчить нрав своего героя, однако он не вправе превращать его в подобие «совершенных» персонажей известного пасторального романа «Астрея» О. д'Юрфе. Свое представление о трагическом характере Расин основывает на принципах, изложенных Горацием в «Науке поэзии» и Аристотелем в «Поэтике».

Переводы на русский язык: Д. Хвостова (1794), А. Оношкович-Яцыной (1937). Перевод Инны Шафаренко и В. Шора сделан для наст. тома «Библиотеки всемирной литературы».

Стр. 349. *Герцогиня Орлеанская* — Генриетта Английская, супруга Филиппа Орлеанского, брата короля. Покровительствовала многим писателям своего времени и отличалась, по свидетельству современников, тонким художественным вкусом и тактом.

Стр. 350. *Первое предисловие* — печаталось в изданиях 1668 и 1673 гг.

«*Трояда*» — эта трагедия римского философа Сенеки (I в. н. э.) написана на сюжет трагедии «Троянки» греческого поэта Еврипида (V в. до н. э.).

Вергилий — римский поэт (70—19 гг. до н. э.), в поэме «Энеида» использовал греческий миф о Троянской войне. В поэме повествуется

о путешествии одного из троянских героев Энея, после падения Трои, к берегам Италии, где его потомки основали Рим.

Селадон — персонаж пасторального романа французского писателя Оноре д'Юрфе «Астрея», вышедшего в свет в 1627 г. Имя этого героя стало синонимом галантного, нежного и верного влюбленного.

Аристотель отнюдь не требует от нас...— Эстетические воззрения греческого философа Аристотеля (384—322 гг. до н. э.) изложены в его трактате «Поэтика». Считая, что драматург обязан быть верным жизненной правде, Аристотель требует строить характеры трагических героев по принципу правдоподобия.

Стр. 351. *Второе предисловие* — впервые появилось в издании 1676 г.

Стр. 353. *Ронсар* Пьер де (1524—1585) — крупнейший поэт французского Возрождения, вождь поэтической школы «Плеяда».

«*Франсиада*» — эпическая поэма Ронсара, написанная в 1572 г. в подражание «Энеиде». В четырех законченных книгах этой поэмы поэт повествует о приключениях сына Гектора *Астианакса* (Франка), который основал французское королевство и стал его первым героем.

...Менелай нашел свою супругу в Египте...— Согласно одному из вариантов мифа, красавица Елена, жена спартанского царя Менелая, не была похищена Парисом; Парис увез в Трою лишь призрак Елены. Сама же красавица была спрятана в Египте, где по окончании Троянской войны ее и нашел Менелай.

Геродот — «отец истории», греческий писатель и историк, живший в V в. до н. э. Труды его охватывают более чем три столетия античной цивилизации.

А у Гомера рана наносится ему в плечо...— В 21-ой песни «Илиады» говорится, что Астеропей в сражении у реки ранил Ахилла в руку (стих 166), хотя, согласно мифу о юности Ахилла, мать сделала тело героя неуязвимым.

У Софокла Иокаста умирает...— В трагедии «Эдип-царь» греческого драматурга Софокла (V в. до н.э.) царица Иокаста кончает с собой, узнав, что Эдип, за которого она вышла замуж,— это ее сын.

...один античный комментатор Софокла...— Речь идет, как считает французский литературовед П. Менар, о старинном немецком филологе Камерариусе (XVI в.); более поздний исследователь Р. Пикар утверждает, что Расин говорит здесь о неизвестном греческом схолиасте (комментаторе) трагедий Софокла; произведения Софокла с его комментарием издавались во Франции в 1568 г.

Эпир — область на северо-западе Греции, омываемая на западе Ионийским морем. На его побережье и стоял древний город Эпира *Бутрот*.

Стр. 357. *Лакóнянка* — то есть уроженка Лакедемона (другое название города Спарты).

Стр. 358. *...Ахилла грозный сын, испепеливший Трою.*— После смерти Ахилла Пирр в доспехах своего отца участвовал в штурме Трои и убил Приама, отца Париса, похитившего Елену (г р е ч. м и ф.).

Илион — другое название Трои, которая была, по преданию, основана Илом.

...как Гектор некогда, жечь наши корабли?— Намек на один из эпизодов «Илиады» (песнь 15-я): раненный в предыдущем бою Гектор неожиданно появился со своим отрядом перед кораблями греков. Во время жестокой схватки, которой греки не ожидали, Гектор поджег их корабли и убил Патрокла, друга Ахилла (песнь 16-я).

Стр. 359. *Кассандра* — пророчица, дочь Приама и Гекубы, уведенная в рабство Агамемноном. Он привез ее в Микены, где она погибла вместе с ним от руки его жены Клитемнестры и ее любовника Эгиста.

Гекуба умерла в плену у Одиссея...— Когда Троя пала, Одиссею досталась при дележе добычи супруга троянского царя Гекуба, мать Гектора, Париса, Поликсены и Кассандры.

Стр. 360. *...Греция за подвиги Ахилла неблагодарностью... платила...*— Пирр напоминает о ссоре между Ахиллом и предводителем греков Агамемноном, которая описана в «Илиаде». Причиной ссоры было то, что Агамемнон не посчитался с заслугами Ахилла и не захотел отдать ему пленницу Брисеиду. Разгневанный Ахилл отказался после этого помогать грекам в Троянской войне.

Я знаю, вы в родстве.—Отец Ореста и отец Гермионы были родными братьями. Значит, между Орестом и Гермионой существовало двоюродное родство.

Стр. 382. *...Ведь ласков был Ахилл со стариком Приамом...*—Приам явился в лагерь греков, чтобы упросить Ахилла отдать ему тело погибшего Гектора. Мольбы старика тронули победителя, и он исполнил его просьбу.

Стр. 394. *А Поликсену кто... постыдно удушил?* — Сестра Гектора Поликсена считалась виновницей смерти Ахилла: во время свидания Ахилла с Поликсеной его убил брат Поликсены Парис. После победы над Троей Пирр принес Поликсену в жертву на могиле своего отца.

СУТЯГИ

Расин задумал написать эту пьесу для театра итальянской комедии, который в 60-х годах давал гастроли в Париже. Но так как главный комический актер этой труппы Скарамуш (прозвище неаполитанского комика Тиберио Фьорилли) покинул Францию, Расину пришлось отдать законченную в октябре 1668 года комедию театру «Бургундский Отель».

На первых представлениях публика принимала «Сутяг» довольно холодно. Расин объяснял неуспех пьесы тем, что публика «боялась сме-

яться не по правилам». Парижский зритель не знал, как подходить к комедии Расина — как к «правильной комедии» или же как к легковесной буффонаде. Кроме того, как пишет Расин в своем «Предисловии» к изданию 1669 года, многие считали, что «судопроизводство не может служить предметом развлечения для придворных». Один Мольер признал комедию превосходной и заявил, «что те, кто насмехается над нею, заслуживают, чтобы над ними насмехались».

Аристократическая публика восприняла пьесу более благосклонно только после того, как придворная труппа сыграла ее в Версале и король одобрил комедию. С тех пор успех не изменял труппе «Бургундского Отеля», когда она ставила «Сутяг».

«Сутяги» обязаны своим сюжетом комедии Аристофана «Осы» (422 г. до н. э.). Расин довольно далеко отошел от античного оригинала, что объясняется особыми взглядами автора «Сутяг» на природу комического. Он опирался не только на пример Аристофана, но и на опыт других греческих и римских классиков. Расин признает в «Предисловии», что он склонялся больше к сдержанному, лишенному буффонады комизму создателей комедии нравов Менандра и Теренция, чем к вольной, гротескной манере Аристофана или Плавта. В то же время он полагал, что Аристофан поступал правильно, выходя в своих пьесах за пределы правдоподобия, что «уместно несколько сгустить краски в изображении действующих лиц», так, чтобы публика могла «разглядеть истинное сквозь смешное». В соответствии с этими представлениями о характере комического Расин и использовал сюжет «Ос». Он взял из пьесы Аристофана только некоторые фарсовые ситуации: судья, выскакивающий через слуховое окно, суд над собакой, речь в защиту щенков-сироток. В то же время его комедия стала тонкой сатирой на нравы и привычки парижского судейского сословия, на известных в Париже адвокатов и их клиентов, одержимых страстью к сутяжничеству. Защитительные речи Пти Жана и Интиме в третьем действии пародировали ораторские приемы, которыми пользовались в суде знаменитые во времена Расина адвокаты Монтобан и Готье (за привычку произносить свои речи неестественно громким голосом последний получил прозвище «La Gueule», то есть «Глотка»).

Русские переводы: Н. Л. Пушкарева (1877), М. Тумповской (1937). Публикуемый в наст. томе перевод Инны Шафаренко впервые опубликован в 1960 году, под редакцией А. А. Смирнова.

Стр. 405. *...кое у кого из моих друзей...* — Замысел Расина написать «Сутяг» поддержали Буало и Фюретьер, нередко высмеивавшие в своих сочинениях судейские нравы.

Стр. 406. *...во время одного процесса...* — Видимо, это намек на тяжбу самого Расина из-за церковного бенефиция Эпинэ в 1667 году.

Ареопаг — высшее афинское судилище; в переносном смысле означает любое авторитетное, беспристрастное в своих решениях собрание.

Данден — это имя носит в книге «Пантагрюэль» Франсуа Рабле один из судейских чиновников. Имя *Шикано* — также заимствовано у Рабле: автор «Пантагрюэля» называет «шикану́» приставов в суде. Имя *Интиме* взято из средневекового судейского лексикона: так называли в суде защитника.

Графиня де Пенбеш.— Старинные комментаторы сообщают, что актриса, игравшая графиню де Пенбеш, появлялась на сцене в платье цвета увядшей розы и с маской, висящей на ухе; по этим приметам зрители безошибочно угадывали, что этот персонаж «Сутяг» — сатира на известную во времена Расина любительницу тяжб графиню де Криссе. Гротескные портреты Графини, Дандена, Пти Жана, Шикано — свидетельство того, что Расин довольно смело выходил за рамки «правильной» классицистской комедии, используя в «Сутягах» приемы аристофановой сатиры.

Стр 407. *Амьен* — город на севере Франции, древняя столица провинции Пикардия.

Стр. 413. «*И на челе носил печать деяний славных*» — пародированная цитата из трагикомедии Корнеля «Сид» (действ. 1, явл. 1). В русском переводе Лозинского: «Изрыты славою бразды его чела».

Стр. 424. «*Приди, о дочь моя!*» — измененная для комического эффекта реплика дона Дьего: «Приди, мой сын, приди...», из «Сида» (действ. 1, явл. 5).

Стр. 427. *Еще удар, и мне, пожалуй, хватит денег.*— Как говорит Рабле в «Пантагрюэле», судебные приставы жили только тем, что получали штрафы за нанесенные им побои.

Стр. 443. «*Метаморфозы*» — цикл небольших поэм римского поэта Овидия (I в.); поэт рассказал в них ряд легенд о чудесных превращениях.

Метемпсихоза — учение о переселении душ из одного тела в другое.

Стр. 445. *...прослыли вы Катоном.*— Римский сенатор Катон, прозванный Цензором (II — III вв.), славился строгостью и бескорыстием в государственных делах. Прослыть Катоном значит прослыть неподкупным и мудрым деятелем.

Стр. 446. *Перипатетики* — философская школа, основанная Аристотелем в Афинах.

Павсаний (II в.) — греческий историк, автор десяти книг «Путешествия по Греции».

Стр. 447. *Но к «Si quis canis» здесь я обращусь...*— Чтобы придать весу своей речи, Интиме ссылается на параграф «Если какая собака», который будто бы существует в своде римских законов.

На этот раз сюжет был найден Расином в римской истории периода Империи. Действие трагедии происходит в первые годы правления Нерона (54—68 гг.), точнее, в 55 году, когда молодой император отравил своего сводного брата Британника, которого мать Нерона хотела привлечь на свою сторону и использовать в своей борьбе за римский престол. Эти события рассказаны в XIII книге «Анналов» римского историка Тацита, а также в биографии Нерона, составленной Светонием. Свои сведения об эпохе Нерона Расин почерпнул в основном из «Анналов».

«Британник» был сыгран впервые в «Бургундском Отеле» 13 декабря 1669 года. Расин говорил, что он не написал в своей жизни ничего значительнее этой трагедии. Действительно, после первого же представления критика отметила высокие достоинства стиля и совершенство стиха «Британника». Тем не менее Расину пришлось выслушать ряд критических замечаний. Присутствовавший на премьере «Британника» Пьер Корнель упрекнул, в частности, автора трагедии в некоторых хронологических неточностях.

Расин был задет критикой. Многие нападки не только затрагивали самую суть его художественной манеры, но и противопоставляли его «Британнику» трагедии Корнеля. Расина упрекали в том, что поступки его действующих лиц лишены политического интереса, а история представлена в его пьесе в искаженном виде. Расину пришлось отстаивать свою правоту в «Предисловии» к первому изданию «Британника» (1670). Поэт заявил, что его интересует прежде всего частная жизнь избранных им лиц; он уходит от необычайного, чтобы изобразить естественное. На упреки в том, что Нерон, Нарцисс, Юния, Агриппина, Британник не соответствуют общепринятым представлениям о добродетельных или злых героях трагедии, Расин вновь сослался на воззрения Аристотеля относительно совершенства и несовершенства персонажей (см. прим. к «Андромахе», стр. 592). Вслед за Аристотелем Расин отстаивает право поэта строить характеры по принципу правдоподобия; он доказывает также правомерность некоторых отступлений от истории.

Стр. 453. *Тацит* (I в.) — римский историк времен Империи, автор жизнеописания Агриколы (изд. в 97 г.), «Германии» и «Анналов», из которых Расин почерпнул сведения об эпохе Нерона.

Стр. 454. *...человеком, который позволил себе...*— Намек на Корнеля, который говорит в предисловии к трагедии «Геракл», что он продлил на двенадцать лет царствование Фокаса.

...она в четырех стихах... говорила, что идет к Октавии.— Позднее Расин опустил эту сцену (шестое явление действия пятого).

Стр. 455. *...представить некоего героя пьяным... спартанца — говоруном...* — Намеки на героев корнелевских трагедий «Аттила», «Агесилай», «Помпей».

Что говорят о тебе другие — их дело, но говорить они будут. — Цит. из сочинения Цицерона «О республике» (кн. VI).

Стр. 456. *Едва лишь начали, как он закричал...* — Цит. из Пролога к комедии «Евнух» римского комедиографа Теренция (II в. до н. э.). О *злонамеренном поэте* говорится в Прологе к его же комедии «Андрия».

...удалиться к весталкам... — то есть стать жрицей богини Весты. Весталки давали обет безбрачия.

Авл Геллий (II в.) — римский писатель-компилятор, автор сочинения «Аттические ночи». В нем содержится много ценных сведений по античной цивилизации.

...нет никого несправедливее невежды... — Цитата из комедии Теренция «Адельфы».

Стр. 457. *Агриппина* — сначала жена проконсула Сицилии Домиция Агенобарба, потом жена Криспа Пассиена. Став в 49 г. супругой императора Клавдия, своего родного дяди, Агриппина заставила его усыновить ее сына от первого брака; добившись этого, Агриппина отравила мужа (54 г.).

Стр. 459. *Юния Кальвина.* — Этот персонаж у Расина существенно отличается от своего исторического прототипа. Юния Кальвина из рода Августа изображена в записках Сенеки и у Тацита легкомысленной и безнравственной женщиной. Она была выслана из Рима за кровосмесительную связь со своим братом еще при предшественнике Нерона, императоре Клавдии, и потому не могла быть невестой юного Британника.

...которому Клавдий обещал Октавию. — Клавдий — Клавдий Нерон, был императором Рима с 41 по 54 г.

Октавия — дочь императора Клавдия; стала женой Нерона, но супруг ненавидел ее и дважды отправлял в ссылку. По приказанию Нерона ей вскрыли вены, и она умерла, когда ей не было еще двадцати лет.

Нарцисс — историческое лицо, вольноотпущенник, любимец императора Клавдия.

Стр. 460. *...властью цезаря Домиций облечен?* — Речь идет о Нероне; до того, как Клавдий усыновил сына Агриппины, тот носил имя по отцу — Люций Домиций Агенобарб. Именем «Тиберий Клавдий Нерон» он стал называть себя только в 50 году н. э.

Стр. 461. *Народ в нем чтит отца.* — Еще в должности консула Нерон сумел обещаниями снискать себе расположение сенаторов и народа; став императором, Нерон также поначалу осуществил несколько полезных для государства мероприятий.

...с закатом Августа сравнить расцвет Нерона; но не пришлось бы нам... с рассветом Августа сравнить его закат. — Сосредоточив в своих

руках всю власть в Риме и положив конец Римской республике, первый император Октавиан Август (63 г. до н. э.—14 г. н. э.) старался замаскировать сущность произведенного им переворота и разыгрывал роль великодушного и миролюбивого государя. Однако путь Августа от консульства к триумвирату, а потом к императорскому трону был ознаменован массовыми казнями, предательством, междоусобными войнами.

...в нем Домициев дух сумрачный и дикий...— Нерон по отцовской линии происходил из знатного рода Домициев Агенобарбов (Рыжебородых). По свидетельству историка Светония, представители этого рода отличались необузданной жестокостью и вполне заслужили характеристику, данную одному из них оратором Крассом: «Железная голова, свинцовое сердце».

Он взял из чресл моих Неронов пылкий нрав.— Агриппина происходила из знатного рода Неронов.

...не мог когда-то Рим налюбоваться Гаем...—Когда Гай Цезарь Калигула (12—41 г.), брат Агриппины, был избран императором, он сначала показал себя как гуманный правитель, заинтересованный в том, чтобы улучшить положение народа в Риме и особенно в провинциях. Однако вскоре Калигула превратился в необузданного тирана; его жестокость вошла в легенду.

Стр. 462. *...когда-то свергла я Британника одна...*—Хотя законным наследником Клавдия был его единственный сын Британник, но, по воле Агриппины, действовавшей через любимцев Клавдия, юноша был отстранен, и Клавдий объявил своим наследником Нерона.

...на брата Юнии погибель навлекла я...—Стремясь женить сына на своей падчерице Октавии, дочери императора, Агриппина обвинила жениха ее, Люция Силана, в кровосмесительной связи с его сестрой Юнией. Силан покончил жизнь самоубийством в день свадьбы Нерона с Октавией.

Ливия — третья жена Августа; как это сделала впоследствии Агриппина, Ливия заставила своего супруга усыновить ее сына Тиберия от первого брака и назначить его наследником трона.

...вам свиту ликторов дал цезарев устав...—По воле Нерона сенат назначил Агриппине свиту из двух ликторов; обычно ликторы сопровождали только высших должностных лиц.

Стр. 463. *К престолу своему воссесть с ним рядом шла я.*— В день провозглашения Нерона императором Агриппина хотела взойти на императорское возвышение (трибунал) рядом с сыном, чтобы потом заставить его признать ее соправительницей. Но Сенека предупредил цезаря об этих замыслах, и он вступил на возвышение, опередив мать.

Сенека (см. прим. к стр. 272) — был наставником юного Нерона.

Стр. 465. *Тиберий* — римский император (14—37 гг.), преемник Августа.

Германик — племянник Тиберия, впоследствии им усыновленный. Прославился как полководец в Германии, где многие годы охранял границы римской империи на Рейне. Пользовался большим почетом в армии и прослыл бескорыстным и преданным воином. Германик отказался после смерти Августа принять императорскую власть, хотя армия требовала, чтобы именно он стал императором.

Стр. 466. *...Тразею чтит сенат...*—Пет Тразея был при Нероне сенатором в Риме; впоследствии враги обвинили его в недовольстве политикой императора, и он вынужден был покончить с собой.

...войска чтут Корбулона...—Гней Домиций Корбулон прославился своей доблестью в германских походах еще в 47 г. При Нероне успешно воевал в Армении (58 г.) и водил легионы в Сирию (61 г.). Нерон вынес ему смертный приговор, и Корбулон сам покончил с собой.

...на кровь моих отцов, что в Юнии сверкала?— Мать Юнии была правнучкой Августа, так же как и сама Агриппина.

Стр. 468. *Паллант* — сначала раб, потом вольноотпущенник матери Клавдия. Паллант был назначен на должность управляющего финансами, разбогател и вскоре добился больших милостей у Клавдия и особенно у Агриппины. По совету Палланта Клавдий и женился на Агриппине. Нерон видел в Палланте своего противника и добился его отстранения.

Стр. 486. *Агриппа* — внук Августа, оттесненный от престола сыном Ливии Тиберием. Агриппа был убит в ссылке по приказанию Тиберия.

Стр. 487. *Пизон*, *Плавт*, *Сулла* — эти знатные римляне были известны как противники Нерона. Пизон стоял во главе большого заговора, возникшего в последние годы царствования Нерона; Рубеллий Плавт, который был потомком Августа (как и Нерон), сделался после смерти Британника ставленником Агриппины в ее борьбе против сына; Корнелий Сулла, женатый на дочери Клавдия, возможно, и не претендовал на трон, но тем не менее по подозрению Нерона был выслан из Рима.

Стр. 495. *Когда судили мать Британника сурово...*— Мессалина, мать Британника и Октавии, прославилась крайней порочностью и бесстыдством. Была казнена в 48 г. за супружескую неверность.

Стр. 497. *...Бурр... вам тайно присягнуть заставил всех солдат...*— Афраний Бурр был долгое время префектом претория, то есть начальником императорских когорт в Риме. Успех претендента на престол зависел от настроения в этих когортах; поэтому, желая добиться власти, наследники трона старались прежде всего обеспечить себе поддержку префекта претория, а через него и всей императорской гвардии. Фактически после Октавиана Августа все римские императоры вступали на престол при посредничестве префекта преторианских войск.

Отон, *Сенецион* — приятели молодого Нерона, участвовали во всех развлечениях императора.

Стр. 502. *Локуста славная...*—известная в те времена составительница ядов; ее услугами пользовалась Агриппина, чтобы отравить Клавдия.

Стр. 505. *...свой голос расточать на шумном балагане...*— Античные историки говорят, что Нерон любил участвовать в различных спортивных играх, народных увеселениях и особенно в музыкальных состязаниях; он пел, публично читал на праздниках свои стихи и порывался в качестве актера выступать в театральных представлениях. Все это считалось верхом неприличия для знатного римлянина, однако, чтобы польстить Нерону, многие хвалили его голос и его стихи.

Стр. 511. *...будто мной убит и Клавдий сам.*— Нерон намекает матери на то, что это она отравила мужа.

Стр. 512. *...на очереди мать... и страшной гибелью погибнет сам губитель.*— В этих строках содержится пророчество относительно дальнейшей судьбы Нерона и его матери. В 56 г. по приказу Нерона была умерщвлена Агриппина, которая руководила заговором против сына. Сам Нерон, когда недовольство его правлением достигло предела, покончил с собой (68 г.), причем умер он, по свидетельству Светония, в страшных муках.

ФЕДРА

Первоначально трагедия называлась «Федра и Ипполит». Под таким названием она и была в первый раз показана зрителям «Бургундского Отеля» 1 января 1677 года. Эта постановка имела большой успех. В роли Федры знаменитая трагическая актриса Шанмеле достигла подлинного триумфа.

Новая трагедия вызвала целую кампанию клеветы со стороны противников Расина. Центр «заговора против «Федры» был во дворце герцога Неверского и его сестры герцогини Бульонской, племянницы кардинала Мазарини. Враги Расина поручили главную роль в «заговоре» драматургу Жаку Прадону. Они сумели достать текст пьесы Расина во время репетиций и вручили его Прадону, чтобы он воспользовался им и написал еще одну трагедию на тот же сюжет.

Парижане увидели «Ипполита» Прадона почти одновременно с «Федрой» Расина — 3 января 1677 года. Стремясь вызвать провал «Федры», могущественные сторонники Прадона интриговали против Расина и настраивали общественное мнение в пользу его посредственного соперника.

Противники Расина заявляли о безнравственности его трагедии и восхищались более добродетельной героиней «Ипполита» Прадона, который снизил остроту психологического конфликта в своей пьесе, изобразив Федру, в угоду «приличиям», не женой, а невестой Тесея. Эта Федра была значительно бледнее, бесцветнее Федры Расина. Нескольких дней

оказалось достаточно, чтобы публика поняла, насколько неравны достоинства обеих нашумевших пьес. Трагедия Расина посрамила жалкое творение Прадона, а вместе с ним и козни многих влиятельных особ.

На создание этой трагедии Расина вдохновили «Ипполит» Еврипида и «Федра» Сенеки. Однако Расин внес в историю Федры и Ипполита серьезную этическую проблематику и, отодвинув образ Ипполита на второй план, по-новому раскрыл характер Федры, показав трагическое столкновение в ее душе рационалистических нравственных побуждений с темными, необузданными страстями.

Расин подчеркивал в «Предисловии» нравственный пафос своей пьесы: «...Ни в одной из моих трагедий добродетель не была выведена столь отчетливо, как в этой... Собственно, это и есть та цель, которую должен перед собою ставить каждый, кто творит для театра».

Трагедия была напечатана в 1667 году. В следующем издании Расин отказался от первоначального заглавия и назвал пьесу по имени ее главной героини Федры.

«Федра» — одна из наиболее прославленных трагедий французского театра. Она часто ставилась в «Комеди Франсез». Лучшие актрисы Франции пробовали свои силы в роли Федры. В трагедии Расина играли Шанмеле, Лекуврер, Жорж, Рашель. В 1957 году в Национальном Народном театре Федру сыграла Мария Казарес.

На русской сцене Федру играла Е. Семенова в постановке 1823 года; в 1890 году в этой роли выступила М. Н. Ермолова, а в 1921 году в спектакле Камерного театра ее исполнила А. Г. Коонен.

Некоторые отрывки из «Федры» на русский язык перевел Сумароков, известны также переводы В. Анастасевич (1805), М. Лобанова (1823), Г. Окулова (1824), И. Чеславского (1827), В. Буланина (1887), Л. Поливанова (1895), В. Брюсова (1921). Перевод Мих. Донского публикуется впервые.

Стр. 515. *...сюжет... заимствован у Еврипида.*— Легенда о преступной любви Федры к своему пасынку Ипполиту послужила основой для трагедии «Ипполит» греческого драматурга Еврипида.

Стр. 516. *Плутарх* — греческий историк конца I в. н. э. Известны его «Жизнеописания знаменитых людей Греции и Рима»; в этом сочинении он описал, в частности, и жизнь Тесея (Тезея), героя многих мифов, который в античную эпоху считался историческим лицом.

Прозерпина — согласно древней мифологии, владычица преисподней, жена Аида, который повелевает царством мертвых.

Пирифой — царь племени лапифов, друг Тесея (г р е ч. м и ф.).

Стр. 517. *Сократ* — афинский философ V в. до н. э. Влияние этики Сократа ощущается в трагедиях Еврипида, которого долгое время связывала с этим философом тесная дружба.

Стр. 518. *...от места, где стоит Коринф.*— Город Коринф, один из самых значительных в древней Элладе, был расположен на перешейке, омываемом с запада водами Ионийского, с востока — Эгейского моря.

...где Ахерон свой мрачный бег стремит...— По поверьям греков, в царстве мертвых, которым повелевает Аид, находится река Ахерон (название реки, протекающей в гористой местности на северо-западе Греции, в царстве Эпир).

...в Элиде побывал...—то есть в областях, расположенных на западе Пелопоннесского полуострова.

Тенарон—мыс в Греции, самая южная точка Пелопоннесского полуострова.

...где смерть нашел Икар...— Греки называли морем Икара юго-восточную часть Эгейского моря у побережья Малой Азии. По преданию, сюда упал юный Икар, поднявшись слишком высоко к солнцу на слепленных из воска крыльях.

Стр. 519. *...Миноса и Пасифаи дочь...*— Минос — критский царь, сын Зевса; изображался врагом Афин. Пасифая — жена Миноса, дочь бога солнца Гелиоса (греч. миф.).

...последней в том роду, что враждовал с моим.— Имеется в виду род Палланта, брата Эгея. Когда Эгей объявил наследником Афинского царства своего сына Тесея, сыновья Палланта восстали против нового царя, но Тесей убил их всех. Сестре убитых Паллантидов, Ариадне, Тесей запретил выходить замуж.

Стр. 520. *...как смерть нашли Скирон, Синид, Прокруст...*— По пути в Афины Тесей расправился с тремя разбойниками. Синид убивал путников, привязав их к вершинам двух согнутых сосен. Скирон сталкивал прохожих с утеса. Прокруст укладывал путника на ложе и либо растягивал его, если ложе было велико для лежащего, либо обрубал ему ноги, если оно было мало.

...великана он сразил близ Эпидавра...— У Эпидавра герой сразил разбойника Перифета, который дубиной убивал всех встречных.

...освободил он Крит от Минотавра.— Важнейшим подвигом Тесея было уничтожение кровожадного критского чудовища Минотавра, который обладал телом человека и головой быка и ежегодно пожирал семерых юношей и семерых девушек.

...как в Спарте соблазнил Елену...— Героиня древнегреческого эпоса красавица Елена была в юности похищена Тесеем, который прятал ее в Афидне до тех пор, пока братья Елены не нашли ее и не увезли в Спарту.

А слезы льющая на скалы Ариадна! — Убив Минотавра, Тесей увез с собой сестру Федры Ариадну; но на острове Наксос он покинул ее, когда она спала.

Стр. 521. *Но вспомни о Геракле.*— Геракл был отдан на три года в рабство лидийской царице Омфале, которую некоторые мифы отождеств-

ляли с Афродитой. По прихоти Омфалы Геракл, облачившись в женские одежды, прислуживал царице.

Стр. 524. *...скифское отродье...* — Намек на происхождение Ипполита, рожденного царицей дев-воительниц амазонок, которые, согласно преданию, жили в Скифии (Причерноморье).

Стр. 525. *О, ненависть жестокой Афродиты!..* — Отец Пасифаи, бог Гелиос, подстерег любовное свидание Афродиты с Ареем и донес о нем супругу Афродиты Гефесту. За это богиня любви мстила всему роду Гелиоса.

Стр. 530. *...и ныне тени жертв встречают тень убийцы.* — Это значит, что Тесей мертв и стал такой же тенью в загробном мире, как и его жертвы — Паллантиды (см. прим. к стр. 519).

Коцит — одна из рек, текущих в царстве мертвых.

...вернуться ж не смогли... — Одно из сказаний о Тесее повествует о том, что Аид заставил Тесея и Пирифоя прирасти к камням, на которые они сели, и не позволил им выйти из царства теней на землю.

Стр. 531. *Гея* — богиня Земли.

Эрехтей (Эрихтоний) — сын богини земли, герой Аттики и мифический царь Афин.

Стр. 532. *Собрату, спутнику, преемнику Алкида...* — Некоторые мифы о Тесее слились с преданиями о Геракле (Алкид — второе имя Геракла). Так, рассказывают о том, что Тесей был спутником Геракла в походе против амазонок.

Питфей — царь Трезена; его дочь стала женой Эгея и матерью Тесея.

Стр. 537. *...любимца своего спасет он от напасти.* — Древние мифы называют Посейдона покровителем Тесея; по одному из сказаний, отцом Тесея был не Эгей, а Посейдон. Кроме того, культовое прозвище Посейдона было Посейдон Эгей, и мифы об отце Тесея, таким образом, связывались с мифами о морском боге.

Стр. 538. *Моя сестра тебе дала бы свой клубок...* — Чтобы Тесей, идя сразиться с Минотавром, не заблудился в Лабиринте, Ариадна дала герою клубок ниток. Тесей начал разматывать его, как только вошел в Лабиринт. Убив Минотавра, он по нити легко нашел дорогу обратно.

Стр. 544. *Кровь Зевса в них течет.* — Дедом Федры по отцовской линии был сам Зевс.

Стр. 553. *Хоть за Геракловы столпы!* — См. прим. к стр. 160.

...в ее, а не в моем роду был этот стыд. — Ипполит, по-видимому, намекает на противоестественный союз Пасифаи, матери Федры, с быком, которого послал к ней Посейдон; плодом этой любви и был убитый Тесеем Минотавр.

Стр. 557. *Мой отец — ведь он там судия!* — После смерти Минос стал судьей в Аиде и назначал наказания теням преступников.

Стр. 560. *Да защитит нас Зевс божественной эгидой!* — Царь греческих богов владел грозной эгидой — щитом с натянутой на него шкурой козы Амалтеи, которая вскормила Зевса. Потрясая эгидой, Зевс наводил неодолимый ужас на врагов.

Стр. 568. ...*Медеей некогда нам привезенный яд.*— Дочь колхидского царя, волшебница Медея, на которой женился Эгей, пыталась заставить мужа дать яд Тесею на пиру. Когда же ей это не удалось, она бежала в свою родную Колхиду.

Е. Сапрыкина.

К иллюстрациям

Настоящий том иллюстрирован репродукциями французских гобеленов и шпалер XVII и XVIII веков из собрания Государственного Эрмитажа (Ленинград). На суперобложке воспроизводятся фрагменты шпалер: «Охота герцога Лотарингского». 1725 г., и «Триумф императора». Начало VIII века.

СОДЕРЖАНИЕ

Антуан Адан. Театр Корнеля и Расина. *Перевод Н. Хуцишвили* 5

ТЕАТР ФРАНЦУЗСКОГО КЛАССИЦИЗМА

Пьер Корнель

Иллюзия. Комедия. *Перевод М. Кудинова* 21
Сид. Трагедия в пяти действиях. *Перевод М. Лозинского* . . 83
Гораций. Трагедия в пяти действиях. *Перевод Н. Рыковой* 156
Полиевкт. Христианская трагедия в пяти действиях. *Перевод Т. Гнедич* 211
Лжец. Комедия. *Перевод М. Кудинова* 272

Жан Расин

Андромаха. Трагедия в пяти действиях. *Перевод Инны Шафаренко и В. Шора* 349
Сутяги. Комедия. *Перевод Инны Шафаренко* 405
Британник. Трагедия в пяти действиях. *Перевод А. Кочеткова* 453
Федра. Трагедия в пяти действиях. *Перевод Мих. Донского* 515

Примечания *Антуана Адана, Е. Сапрыкиной* 573

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Том 43

Театр французского классицизма

ПЬЕР КОРНЕЛЬ
ЖАН РАСИН

*

Редактор М. Вакс мах ер

Оформление библиотеки
Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

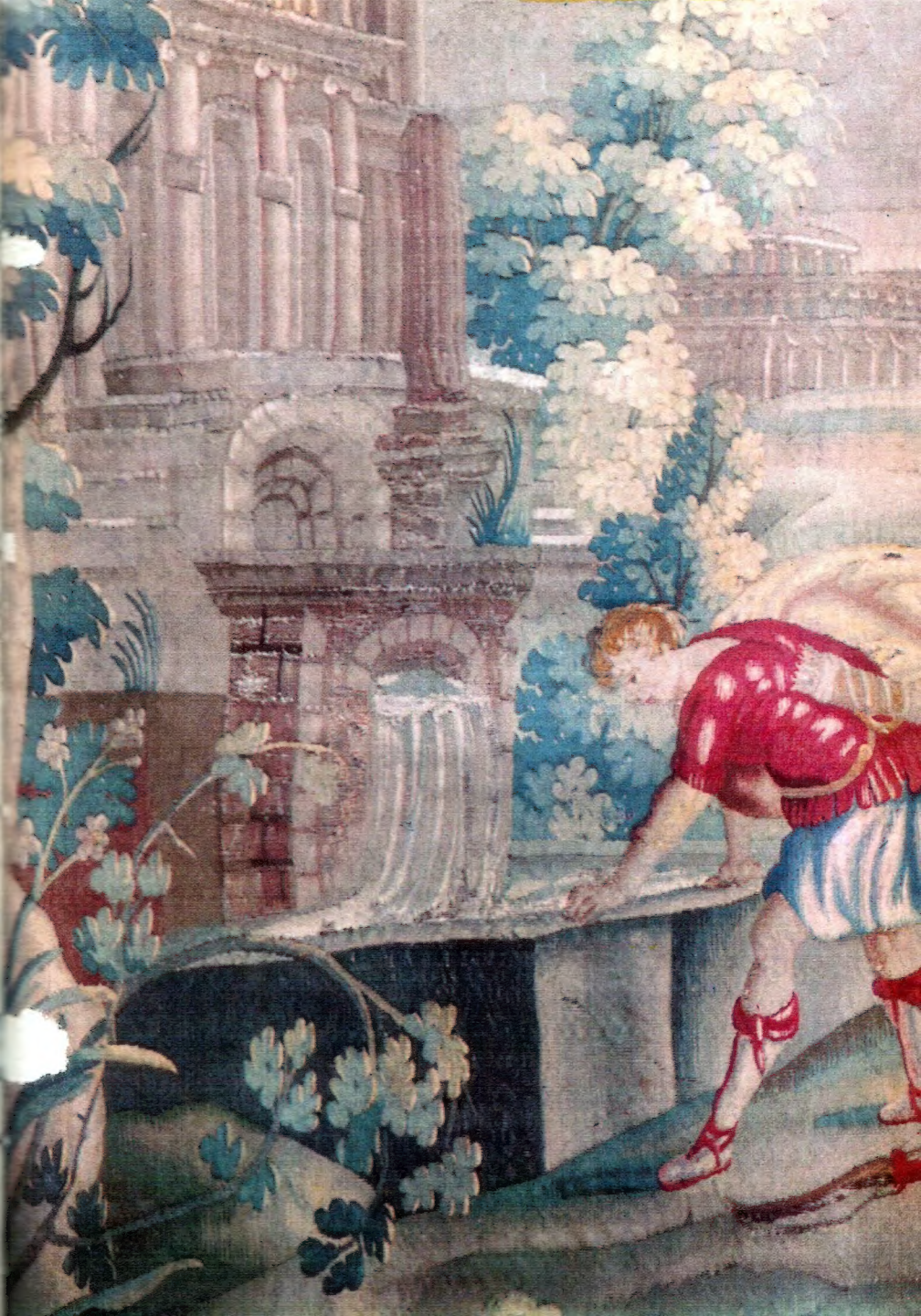
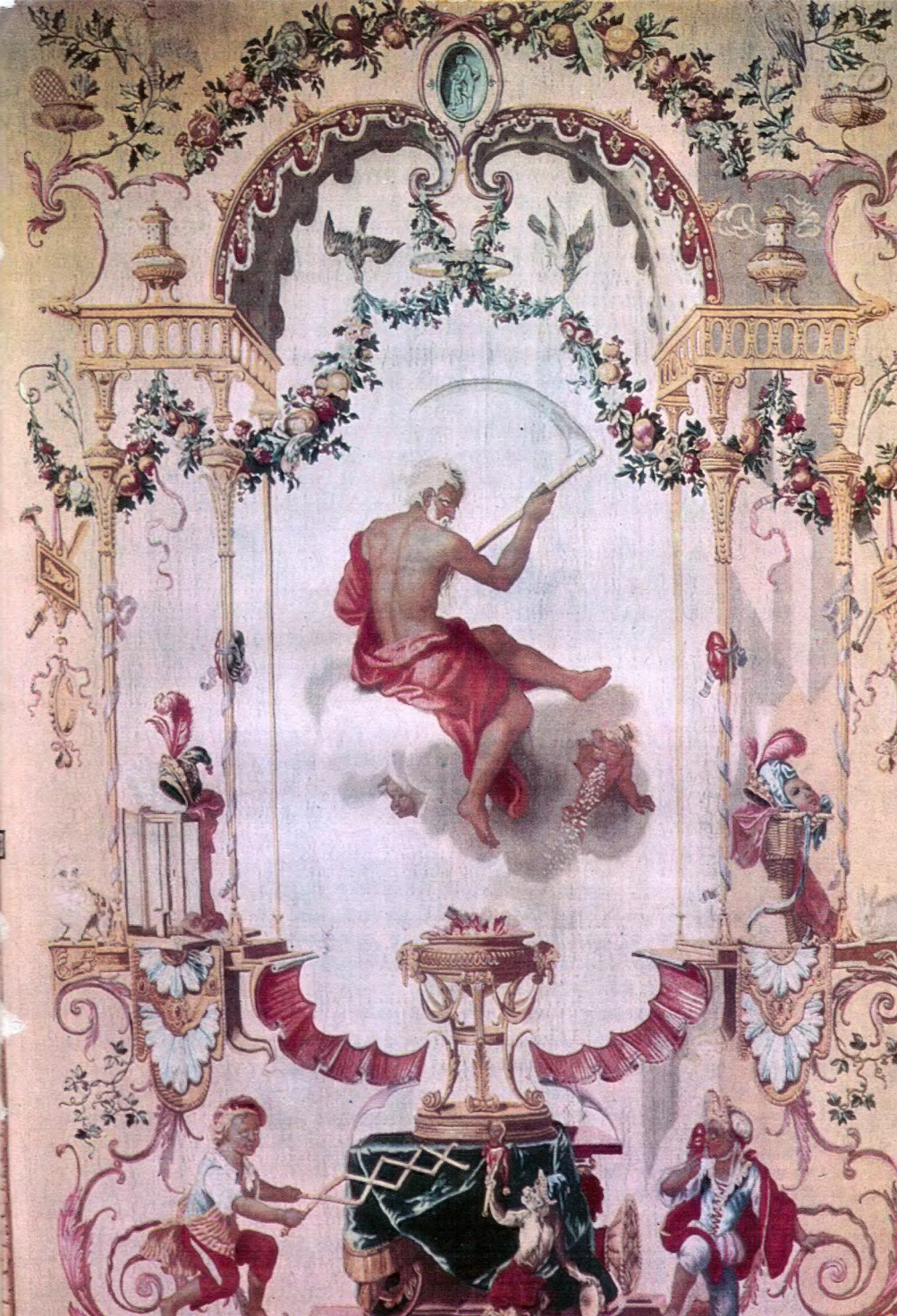
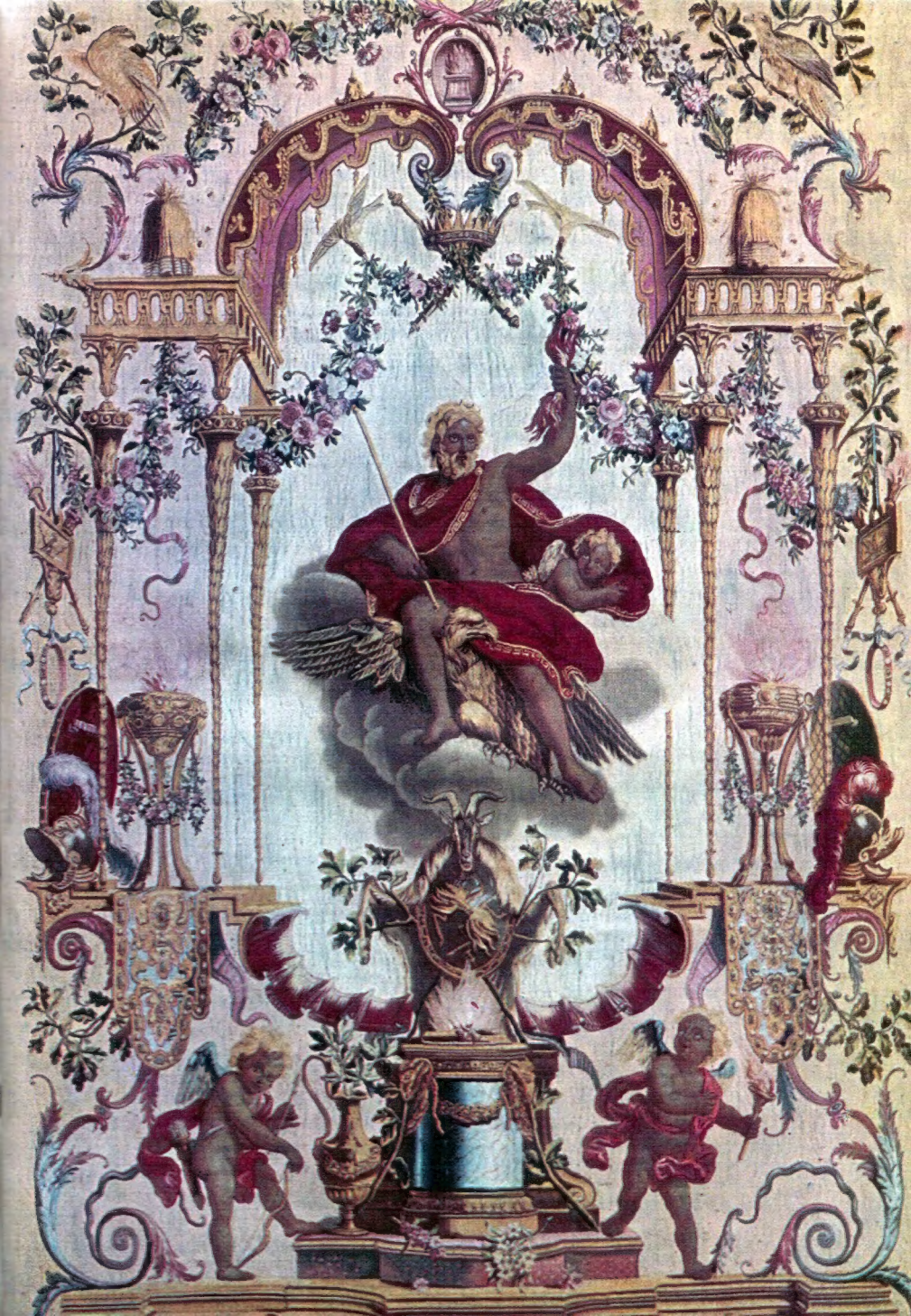
Технический редактор
Л. Заселяева

Корректоры
А. Новикович и В. Широкова

*

Сдано в набор 24/XI 1969 г. Подписано к печати 24/II 1970 г. Бумага типографская № 1 $60\times84^{1}/_{16}$ 38 печ. л. 35,45 усл. печ. л. 31,21 уч.-изд. л. + 6 накидок = 31,93 л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 552 Цена 1 р. 49 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
СССР. Москва, М-54, Валовая, 28